

**По благословению Святейшего
Патриарха Московского и всея Руси
КИРИЛЛА**

Учредитель
Церковно-научный центр
«Православная энциклопедия»

Редакционный совет
Архиепископ Истринский Арсений (председатель),
С. Л. Кравец (главный редактор, заместитель председателя),
А. И. Алексеев, О. Ю. Васильева, протоиерей Владимир Воробьев,
игумен Дамаскин (Орловский), С. П. Карпов, Е. В. Кравец,
архимандрит Макарий (Веретенников), И. П. Медведев,
С. В. Мироненко, А. А. Турилов, Б. Н. Флоря, В. С. Христофоров,
протоиерей Владислав Цыпин, игумен Митрофан (Шкурин) (секретарь)

Научный редактор
И. Н. Шамина
Тел.: (495) 980–03–65 (доб. 212); (495) 916–81–54 (доб. 212)

Рукописи представляются в редакцию по адресу: 107120, Москва, ул. Нижняя Сыромятническая, д. 10а, ком. 200 (м. «Курская», «Чкаловская»); электронной почтой: shaminy@yandex.ru (Ирине Николаевне Шаминой, Степану Михайловичу Шамину), rus_red@cncre.ru (Елене Владимировне Кравец).

«Вестник церковной истории» приглашает к сотрудничеству исследователей, занимающихся изучением церковной истории. Публикации документов должны сопровождаться комментариями. Для библиографического раздела принимаются аннотации работ по церковной истории, а также рецензии на важнейшие труды по данному кругу вопросов. Присланные материалы рецензируются членами редакционного совета или сотрудничающими с изданием специалистами.

ISSN 1818–6858

© ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2009
© Тихомиров И. А., оформление, 2009

Памяти Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II

5 декабря 2008 г. на 80-м году жизни скончался 15-й Патриарх Московский и всея Руси Алексий II, управлявший Русской Православной Церковью в 1990–2008 гг.

«Жертвенное служение Святейшего Патриарха Алексия, всего себя отдавшего попечению о народе Божиим, навсегда оставило яркий след в новейшей истории Отечества и в благодарной памяти современников», — писал о почившем Местоблюститель Патриаршего Престола митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл в благодарственном Слове руководству Российской Федерации и главам иностранных государств за соболезнования в связи с кончиной Святейшего Патриарха Алексия. Ниже приводятся отрывки из речей Патриарха Московского и всея Руси Кирилла (избран на Первосвятительский престол на Поместном Соборе Русской Православной Церкви 27 января 2009 г.), сказанных в связи с кончиной Патриарха Алексия.

Первая заупокойная литургия была совершена в храме Христа Спасителя у гроба почившего Предстоятеля Русской Православной Церкви

7 декабря 2008 г., Официальный сайт Московского Патриархата

<...> Жизнь Святейшего Патриарха была полностью посвящена служению Церкви Христовой, и, наверное, каждый, кто его знал, ныне вновь и вновь пытается постичь образ его мыслей, его душевный настрой, осознать его вклад в историю нашей Церкви. <...>

Святейший Патриарх был цельным человеком — и внешне и внутренне он был тот же. И люди, которые были рядом с ним, это хорошо знали. Он никогда не лицемерил, не обижал никого грубыми словами или резкими действиями. При этом Святейший Патриарх Алексий мог ясно выразить свое

несогласие с поступками людей или же согласиться с ними и их поощрить. С близкими он был таким же, как и с дальними,— ровным и естественным; он явил нам пример того, как внутренней жизни должна соответствовать жизнь внешняя. <...>

Обратившись к словам Послания апостола Павла в Ефесянам: *один Господь, одна вера, одно крещение* (Еф 4. 5), прозвучавшим на богослужении, митрополит Кирилл подчеркнул, что в Послании идет речь о церковном единстве, символом которого был в Русской Церкви Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II. <...>

**Слово Патриаршего Местоблюстителя
митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла
перед отпеванием почившего Святейшего Патриарха Алексия
в храме Христа Спасителя**

9 декабря 2008 г., Официальный сайт Московского Патриархата

<...> Святейший сотворил множество добрых дел, и, может быть, сейчас надо сказать о самом главном — о том, что непременно войдет в историю. Святейший принял Церковь, ослабленную десятилетиями гонений и притеснений; он принял Церковь, которая неспособна была раскрыть весь свой духовный потенциал, чтобы обратить слово жизни ко всему народу. Она была в изоляции. Подобно больному человеку, который долгое время лежал в кровати и которому потом предложили встать, Церковь наша, вставая, была слаба. Но в то же самое время огромные исторические вызовы обрушились на нашу страну, и слабая Русская Церковь должна была принять на себя эти вызовы, не потерять свой народ, помочь ему обрести веру. И сегодня Святейший, предстоя лицу Божию, может сказать, что он оставил другую Церковь.

Это больше не немощная, не слабая Церковь. У нас больше не дрожат руки и ноги, потому что Церковь вместе со своим народом. Потому что духовное проросло сквозь материальное. Потому что миллионы людей осознали, что без Бога и правды Его не может быть и человеческой правды. <...>

Святейший всегда с уважением относился к суверенитету государств, возникших на пространстве исторической Руси. Он понимал, что эти разделения не могут разделить единую систему ценностей, которые возникли с опорой на Православие и впитали в себя исторический опыт многонационального народа. <...>

Святейший много положил сил, чтобы появились тысячи и тысячи храмов и монастырей, чтобы возродилась духовная жизнь, чтобы наладился диалог Церкви и общества, той самой Церкви, которая десятилетиями находилась в изоляции и в некоем социальном гетто.

Как нелегко было вступить в этот новый диалог и с властью, и с обществом! Как непросто было показать духовную красоту и силу той традиции, которая всех нас воспитала — не только православных, но и людей других

ПАМЯТИ СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ АЛЕКСИЯ II

религий и конфессий, и людей неверующих, потому что все мы формировались в той системе нравственных ценностей, которую сохранила на протяжении тысячелетия Русская Православная Церковь!

Святейший Патриарх много заботился о том, чтобы сложнейшие процессы, потрясшие жизнь некогда единого Отечества, разъединившие его на суверенные государства, не разрушили народную жизнь. Именно поэтому он даже в самые сложные моменты политической конфронтации призывал к единству, к согласию, к миру. <...> Он говорил языком вечности. Он понимал, что только любовью можно объединить людей, что никакие конфликты в конце концов не решают главной задачи — созидания единства и согласия. <...>

Святейший не грозной силой и властью, не ударом посоха о землю формировал это единство Церкви Святой Руси, а через нее и единство исторической России, при всем уважении к сложившимся политическим реальностям. Он формировал это единство подвигом своего служения. <...>

**Слово Патриаршего Местоблюстителя
митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла
по завершении Божественной литургии
в Успенском соборе Свято-Троицкой Сергиевой лавры**

15 декабря 2008 г., Официальный сайт Московского Патриархата

<...> Сегодня перед нашей Церковью стоит великая задача — продолжить все то, что делал Святейший Патриарх: не допустить потрясений, не допустить, чтобы кто-то поддавался искушениям внести человеческую слабость, человеческое мудрствование в жизнь Церкви и тем повредил ее единству.

Поэтому, вознося молитву о почившем Святейшем Патриархе, мы одновременно должны срастворять ее искренним воздыханием ко Господу, чтобы Он хранил Церковь Русскую, а через нее и через ее молитву и представительство пред Престолом Божиим — и всю историческую Россию, Святую Русь, которая сохраняется, несмотря ни на какие государственные разделения, которая остается прочной и надежной духовной основой бытия нашего народа.<...>

**Патриарший Местоблюститель поблагодарил
государственное руководство Российской Федерации
и глав иностранных государств за соболезнования
в связи с кончиной Святейшего Патриарха Алексия
и за участие в прощании с почившим Первосвятителем**

24 декабря 2008 г., Официальный сайт Московского Патриархата

<...> Святейший Патриарх вел церковный корабль в непростое для России время, когда различные вызовы угрожали ее единству. Его миротворческие

усилия и призывы к согласию в обществе стали свидетельством глубокой веры в достойное будущее нашей страны. Он всегда стремился к утверждению в обществе духовных и нравственных ценностей, вечных идеалов добра и справедливости.

Для людей различных возрастов, религиозных убеждений и социального статуса Святейший Патриарх стал настоящим отцом, образ которого был одинаково дорог, любим и почитаем. <...>

**Интервью Местоблестителя Патриаршего Престола
митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла
порталу «Интерфакс-религия»**

12 января 2009 г., Официальный сайт Московского Патриархата

<...> За последние 20 лет количество монастырей возросло с двадцати двух до восьмисот! Количество приходов увеличилось в четыре с лишним раза. Развивается система духовного образования, действует более 11 тысяч воскресных школ. Как свидетельствуют данные опросов и опыт общения с разными людьми, Церкви доверяют. И это народное доверие — во многом заслуга Его Святейшества. Наш Патриарх был любим и почитаем многими людьми. <...>

Митрополит Кирилл:

**«Было сделано самое важное — Церковь вышла за свою ограду».
Интервью Патриаршего Местоблестителя газете «Известия»
(газета «Известия» № 10/27781 от 23 января 2009 г.)**

23 января 2009 г., Официальный сайт Московского Патриархата

<...> Святейший Патриарх не оставил специального завещательного послания. В подобном документе, видимо, не было необходимости, так как все свои мысли, наставления, стремления и чаяния он не раз выражал публично. И потому было бы глубоко неверно думать, что почивший Патриарх не оставил духовного завещания потомкам.

Вся его жизнь без остатка была посвящена Богу и служению людям.

Приснопамятный Патриарх много сил и трудов положил на то, чтобы преодолеть былое средостение между Церковью, обществом и властью. Под его руководством Церковь вернула свое исконное место в жизни народов России и других стран постсоветского пространства. Именно в сохранении и приумножении цивилизационного своеобразия, созданного на основе Православия, мне видится главное завещание в Бозе почившего Святейшего Патриарха Алексия. Он был Патриархом-созидателем, блюстителем духовного, исторического единства народов Святой Руси. Нам необходимо хранить это наследие и обогащать его. <...>

**Митрополит Кирилл: «Церковь — это единственное,
что объединяет русский народ во всем мире».
Интервью Патриаршего Местоблюстителя газете «Труд»
(газета «Труд» № 012 от 26 января 2009 г.)**

26 января 2009 г., Официальный сайт Московского Патриархата

<...> Патриарх Алексий возглавил Русскую Церковь в непростое время.

Когда разрывались вековые связи между народами и общество раскалывалось на отдельные сегменты на имущественных и политических основаниях, очень важно было блюсти церковное единство. И сегодня мы можем уверенно сказать, что Церкви удалось успешно справиться со стоявшими перед ней задачами. Она стала центром национального возрождения и источником духовного преображения всех сторон общественной жизни. <...>

Свидетельством народной любви и почтения к почившему Предстоятелю стал нескончаемый поток к храму Христа Спасителя желающих проститься со своим пастырем, не прекращавшийся днем и ночью. В настоящее время для увековечения памяти Первосвятителя решено присвоить его имя Синодальной библиотеке Русской Православной Церкви, организовать в музее храма Христа Спасителя постоянно действующую экспозицию, посвященную его жизни и деятельности. Также учреждена премия Патриарха Московского и всея Руси Алексия II для студентов Духовных академий. Есть и другие инициативы. <...>

Важнейшими задачами Церкви на современном этапе он считал воцерковление миллионов людей, которые обратились к Православию за последнее время, а также воспитание подрастающего поколения в духе любви к Православию и Родине. <...>

**Слово Святейшего Патриарха Московского и всея Руси
Кирилла после интронизации 1 февраля 2009 г.
в соборном храме Христа Спасителя**

1 февраля 2009 г., Официальный сайт Московского Патриархата

<...> Нам предстоит многие и нелегкие труды совершить. И сейчас я вспоминаю священные заветы первого и пятнадцатого Патриархов. «Доброе дело — украшать и воздвигать церкви,— писал святитель Патриарх Иов,— но если в то же время мы будем осквернять себя страстями, то Бог не пощадит ни нас, ни наших церквей». «Восстанет, как уже не раз бывало, из пепла и из бездны греховной новая Русь — Русь, давшая миру многих подвижников веры и благочестия, Русь, созидающая храмы в городах, в селениях и сердцах, Русь, сияющая всему миру правдой и любовью, Русь святая». Дай Бог, чтобы эти вдохновенные слова Святейшего Патриарха Алексия II стали пророческими.<...>

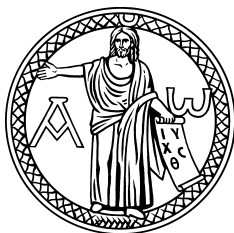
ПАМЯТИ СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ АЛЕКСИЯ II

**Святейший Патриарх Кирилл возглавил XX заседание
Наблюдательного, Попечительского и Общественного советов
по изданию «Православной энциклопедии»**

18 марта 2009 г., Официальный сайт Московского Патриархата

<...> Его Святейшество напомнил, что еще на стадии обсуждения столь грандиозный многолетний церковно-научный проект казался фантастическим и неосуществимым не только из-за экономических причин.

<...> После почти столетнего перерыва в развитии церковной науки в России не было достаточно кадров и было невероятно сложно создать дееспособный коллектив, который бы взял на себя эту огромную заботу о создании многотомной «Православной энциклопедии». Но горячая и твердая вера Святейшего Патриарха Алексия в необходимость именно в наше время и именно в возрождающейся России создать такой фундаментальный свод знаний определила будущее «Православной энциклопедии» и в значительной степени успех всего этого начинания <...>

ПУБЛИКАЦИИ

А. В. Маштафаров*

Синодик Благовещенского собора Московского Кремля

Благовещенский собор, «что у великого государя вверху» (так храм именовался в документах XVI–XVII вв.), был первым домовым храмом московских великих князей и царей. Статус одного из главных храмов Московского Кремля он обретал постепенно. К 1498 г. относится упоминание об участии благовещенских клириков в поставлении на великое княжение внука Ивана III Дмитрия Ивановича¹. Со времени правления великого князя Василия III (1479–1533 гг.) благовещенские протопопы стали духовниками великих князей. В обязанности духовенства домового Благовещенского собора входило не только участие в торжественных церемониях, но и совершение ежедневных богослужений и поминовение усопших предков правителей Московского государства и других вкладчиков. Отдельные сведения о поминальных вкладах в собор отмечены в духовных грамотах рузского князя Ивана Борисовича 1503 г.² и волоцкого князя Федора Борисовича 1506 г.³, в завещании князя Михаила Васильевича Горбатого 1534/35 г.⁴ В 1592/93 г. боярин и дворецкий Степан Васильевич Годунов дал «в вечный поминонок» 100 рублей (см. настоящую публикацию, л. 74). Причт Благовещенского собора располагал земельными владениями, пожалованными в середине XVI столетия Иваном IV «по отце своем великом князе Василии Иоанновиче всеа Русии и по матери своей великой княгине Елене в вечной поминонок, а о своем многолетнем здравии Бога молить. А егда Господь Бог по душу его пошлет, и его такожде поминать вкупе с отцем его... и матерью» (см. настоящую публикацию, л. 73 об.). В описи соборного архива конца XVII в. упоминается жалованная грамота 1585/86 г. царя Феодора Ивановича на сельцо Сатино и деревни Шеловку,

* © Маштафаров А. В., 2009

Александр Викторович Маштафаров, специалист Российского государственного архива древних актов.

Публикация подготовлена при поддержке Агиографического совета при Патриархе Московском и всея Руси, проект № 004–2002.

Климову и Ведерникову в Сосенском стане Московского уезда, вероятно, это был поминальный вклад по его отцу Ивану IV⁵. Из более поздних зафиксированы поминальные вклады: в 1631/32 г. — 50 рублей «в вечный поминонок» боярина князя Ивана Петровича Шуйского и в марте 1640 г. — 25 рублей боярина князя Никиты Ивановича Одоевского (см. настоящую публикацию, л. 74). Из царских пожалований в XVII в. необходимо отметить вклад царя Михаила Федоровича (1614 г.) вотчины в Касимовском уезде. Царь Алексей Михайлович предоставил собору значительные податные льготы, повелев не брать с благовещенских вотчин, сел и деревень ямских, стрелецких, подъемных и поворотных денег «и в городское дело, и в службу даточных». Цари Иоанн и Петр Алексеевичи в 1682 г. подтвердили право причта на владение рыбными ловлями на Оке (см. настоящую публикацию, л. 73 об.). Как свидетельствует публикуемый памятник, в правление династии Романовых вклады в собор частных лиц приобрели массовый характер.

Синодик Благовещенского собора не сохранился, он был утрачен, по-видимому, в XVIII — начале XIX в. Копия значительной части памятника содержится в сборнике, включающем трактат «Предисловие во книгу синодик о пособии мертвым». Рукопись хранилась в библиотеке Флорищевой Успенской пустыни Гороховецкого уезда Владимирской губернии. В начале 1920-х гг. она поступила во Владимирский краеведческий музей и в настоящее время входит в коллекцию рукописей Государственного объединенного Владимиро-Суздальского музея-заповедника, № В-5636/159; синодик Благовещенского собора помещен на л. 67 об. — 74. Сборник составлен около 1700 г. На переплете книги имеется аббревиатура MFTS, которую В. Т. Георгиевский, первый исследователь библиотеки Флорищевой пустыни, расшифровал как «монах Феофан, типографский справщик». Скорее всего именно Феофан и был составителем сборника⁶. Синодик написан мелкой малоразборчивой скорописью конца XVII — начала XVIII в., местами текст испорчен. Переписчик привел некоторые замечания по копируемой рукописи: «Зде в том синодике писан чин литии, како подобает поминати. А перед чином литийным, после предисловия на особом листу приписано [о] уставе после того синодика строения новым писмом сие» (см. настоящую публикацию, л. 70 об.). Размеры книги по переплету 21,8×16,5×2,5, формат бумаги 20,5×16, доски обтянуты кожей. Рукопись заключена в переплет с одинаковым тиснением на внешней стороне верхней и нижней части переплета — линейная рамка с ромбовидной розеткой в центре, состоящей из стилизованного растительного орнамента. В каждом из четырех углов переплета выступают короткие декоративные цветочные стебли. Обрез книги покрыт выцветшей красной краской, из двух металлических застежек к настоящему времени сохранилась одна верхняя, от нижней сохранился фрагмент. На внутренней стороне верхней крышки пробы пера. Бумага — с плохо просматривающимися филигранями «герб Амстердама» и «голова шута».

Список включает предисловие, в котором доказывается необходимость поминовения усопших, а также частично поминальный блок. Преимущественный интерес для копииста представляло предисловие. Оно переписано пол-

ностью, в то время как из поминальной части в рукопись включены небольшие фрагменты. Памятник имеет большое значение, поскольку в научной литературе синодичные предисловия данной редакции не зафиксированы⁷. Автор предисловия использовал разнообразные источники, в их числе тексты Священного Писания, а также фрагменты из творений отцов Церкви — апостола Иакова, Псевдо-Дионисия Ареопагита, сщмч. Киприана и др.

Поминальная часть синодика начинается списком митрополитов Киевских и всея Руси, первым из которых значится Михаил († 992 г.). На полях без указания источника приводится дата его поставления: 6495 г. индикта 1-го. Перечень иерархов завершается именами Московских митрополитов. Чудотворцами названы Петр († 1326 г.), Киприан († 1406 г.), Фотий († 1431 г.), Иона († 1461 г.), Филипп († 1569 г.), как схимник поминается митрополит Антоний († 1581 г.). По замечанию переписчика синодика, имена патриархов от Иова († 1607 г.) до Иосифа († 1652 г.) в оригинале текста были записаны основным почерком, а с Никона († 1681 г.) до Адриана († 1700 г.) представляют собой приписки разными почерками.

В списке великих князей от равноап. Владимира до Василия III Ивановича примечательно поминание св. князя Даниила Московского († 1303 г.), который указан иноком Даниилом. В перечне царей и царевичей последними названы царь и великий князь Михаил Федорович († 1645 г.) и царевич Дмитрий Алексеевич († 1649 г.). Последними в поминании цариц и царевен записаны царица и великая княгиня Евдокия Лукьяновна († 1645 г.) и царевна Анна Алексеевна († 1659 г.). Следовательно, составление основного текста памятника можно датировать 1660-ми гг. Указанной датировке не противоречит и хронология поминаний частных лиц. Наиболее ранним из названных в синодике вкладчиков является боярин и дворецкий Степан Васильевич Годунов († 1614 г.). Упомянутые в конце синодика лица принадлежат к семьям, приближенным к царствующему дому Романовых. В синодике поминаются князья Воротынские, вероятнее всего, боярин и воевода князь Иван Михайлович († 1627 г.), его сын князь Алексей Иванович († 1642/43) и внук Иван Алексеевич, боярин в 1657–1676 гг.; боярин князь Никита Иванович Одоевский († 1689 г.), боярин Никита Иванович Романов († 1655 г.), боярин Федор Иванович Шереметев († 1650 г.), боярин князь Иван Петрович Шуйский († 40–50-е гг. XVII в.). Особенный интерес представляет помещенное в поминальной части синодика изложение жалованных грамот царей Благовещенскому собору, оригиналы и копии которых не сохранились. Уникальным является сообщение о вкладе в Благовещенский собор частного лица (боярина С. В. Годунова) в 1592/93 г.

Публикуемый синодик является частью правленного переписчиком трактата о поминании усопших «Предисловие во книгу Синодик о пособии мертвым». Поправки, дополнения вынесены на поля текста и на дополнительные листы. В конце трактата приведены силлабические стихотворения о смерти и о необходимости поминания умерших, а также списки митрополитов, патриархов, великих князей и княгинь. Особую часть составляет фрагмент текста синодика Благовещенского собора Московского Кремля. По-видимому

ПУБЛИКАЦИИ

полностью переписчик воспроизвел богословскую преамбулу, поминания иерархов Русской Православной Церкви, великих князей и княгинь, царей и цариц, вкладную часть синодика. Выборочно он привел сведения из помянника частных вкладчиков.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI века. Ч. 3. М., 1987. С. 608, 613.
- ² Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950. С. 352.
- ³ Там же. С. 408–409.
- ⁴ Акты Спасо-Ефимиева монастыря: 1506–1608 гг. М., 1998. С. 91, 92.
- ⁵ Переписные книги московского Благовещенского собора / Публ. Г. Филимонова // Сборник на 1873 г., изданный обществом древнерусского искусства при Московском публичном музее. Отд. 2. М., 1873. С. 42.
- ⁶ *Георгиевский В.* Флорищева пустынь: Историко-археологическое описание. Вязники, 1896. С. 214–215, № 95.
- ⁷ *Дергачева И. В.* Посмертная судьба и «иной мир» в древнерусской книжности. М., 2004. С. 168–172.

**Синодик^а царствующаго града Москвы^б
соборная церкве Благовещения Пресвятыя Богородицы,
что у великого государя на сенях^в**

(Л. 67 об.) Книга, глаголемая синодик, рекше поминание, в нейже пишут^г православнии христиане преставлшихся [от] века сего отцев, и братию, и сродник своя не туне, но по преданию святых апостол и святых отец, Духу Святому живущему в них, сего ради, яко да Господь Бог подаст оставление грехов и душам спасение, и в страшный и великий день Свой грозного и трепетнаго Своего пришествия избавит вечныя муки молитв ради и милостынь, и причтет в лик святых Своих и избранных, угодших Ему, Владыце и Создателю, в Троице славимому Богу. Ихже имена написаны в книзе сей [помянати], доколе мир вселенныя стоит и во святей соборней церкве Пресвятыя^д Владычицы наша Богородицы и Приснодевы Марии честнаго и славнаго Ея Благовещения дондеже приносится Безкровная Жертва за вся православныя христианы. Аминь.

(Л. 68) Свидетелство от Божественнаго Писания о памяти иже в православней вере умерших, чесого дела молимся о них и поминание творим.

Древле преданный обычай святая восточная Церковь соблюдая, памяти, молитвы, приношения за правоверных христиан [скончавшихся]^е благоговейне и потребне истинным сыновом своим действовать преда. А чесо ради

^а В рукописи в начале заголовка другими чернилами и почерком: таковой.

^б В рукописи далее зачеркнуто: цер.

^в В рукописи далее: С сего писан. Ниже следует силлабическое стихотворение: Всяк день последний нещуй тебе бытии, // Тако можещи благочестно жити, // Ибо кто блиску смерть еси помышляет, // Благо умрети печаль полагает. Ниже зачеркнуто: Помилуй. Справа на поле черновые пометки: 10 (?), 2; рядом справа: 1. Забвение смерти. 2. Уготовление смерти. Край листа частично утрачен. Ниже: Смертью смерть... (далее неразборчиво); Смерти Палея; Смерти ждать. Далее в рукописи столбики вычислений арабскими цифрами.

^г В рукописи: нарисуют.

^д В рукописи далее зачеркнуто: Богородицы.

^е В рукописи: истинне.

и какова полза действия при погребении и потом третин, и девятин, и сорочин, и непрестанного поминания преподати, от Божественного Писания ведения ради вкратце изъяснити потреба.

Первое свидетелство от Божественного Писания Ветхаго Закона предлагаю, яко святии молилися за умерших, и милостыню творили, и, яко да памяти действованы будут, оставиша. Святой Варух пророк глаголет^а: «Господи Вседержителю, Боже Израилев, услыши молитву умерших Израилевых» [Вар 3. 4; Пс 9. 14; Иез 14. 13] Во вторых книгах Маккавейских^б Иуда крепчайше моляше люди снабдети себе без греха, и сотвори от людей собрание утварей, яко две тысячи дидрагм сребра, и посла во Иеросалим принести за грехи умерших жертву [2 Макк 12. 43], предобре и угодне творя. О воскресении помышляя ниже, отнюду же за умерших моление сотвори, грехи очистить святой же Духом философ рече^в: «Благодать, данная пред всяким живым, и нам, мертвецем, не возбранити благодати». Той же: «Упокой мертвеца, кончай память его и утешися о нем, о исходе души его». Той же: «Телеса их в мире погребена быша, а имена их живут в роды» [Сир 7. 36; Рим 14. 18; Тов 1. 21; 2 Цар 12. 120; Притч 10. 7]. И потом святых скончавшихся похваляет в главах 44, 45, 46, 47, 48, 49 и 50. В Книзе судей израилевых пишет: «И бысть се в закон во Израили от года до года: исхождаху дщери Израилевы, да плачут дщери ради Ефаевы Глаадитина четыре дни в лете» [Суд 11. 40]. Товия в завете сыну повеле: «Хлеб твой и вино твое при погребении праведнаго давай» [Тов 4. 17].

Сия Ветхаго Закона свидетелства, грядем же и к Новой благодати. Святии апостоли оставиша^г, яко да при действе Пречистых Тайн о тех, иже в правоверии последний день жития скончаша, память творима да будет. Сие же да непременно будет, и в правилех своих утвердиша, тако рекуще^д: «Творите по усобших третины во псалмех и молитвах Воскресшаго ради тридневно, и девятины на воспоминание сущих zde и за усобших, и четыредесятины по Ветхому Закону, якоже и жидовстии людие плакахуся Моисея ради и на всяко лето память им творили». О сем яснее ниже положено. Святой верховный Петр апостол, повелевая творити памяти, глаголет^е: «Потщу же ся и всегда имети вас по моем исходе, еже о сих память творити» [2 Петр 1. 15]. Святой апостол Павел собою образ, еже творити памяти, указа, якож Лука в Деяниях свидетел (Л. 68 об.) ствует сице глаголя^ж: «Тогда Павел, поим мужы оны, наутрие с ними, очищся, вниде во святилище, возвещая исполнение днем очищения, дондеже принесено бысть за единого когождо их приношение» [Деян 21. 26]. Святой апостол Иаков, первый епископ Иеросалимский, и от

^а В рукописи на поле помета: Глава 3.

^б В рукописи около слова на поле помета: Глава 12.

^в В рукописи на поле помета: Иисус Сирах. Глава 7, 38, 44.

^г В рукописи на поле помета: Зри.

^д В рукописи на поле помета: Апостол. правил. 4-е кн. 14.

^е В рукописи на поле помета: 2 Пет. Зач: 65.

^ж В рукописи на поле помета: Деян. Зач.: 46.

Христа научився, литургею написа и предаде Церкви, в нейже суть и молитвы за умерших^а. От сего всяк уверитися имать, яко за умерших приношения от святых апостол узаконена суть. Сего святого апостола литургею Божественный Василий Великий, елико к вере чиновне делу приняв, в словесех точию сократи, юже Божественный Златоуст Иоанн восприем, молитвы за усобшх на неких местех расположи.

Святой Дионисий Ареопагит во главе 7 во еже «О священноначалии церковном» пишет^б, яко умершим потребна суть церковная последования и яко да молитва и милостыни за грехи отшедших света сего творимы будут, и прилагает, яко се: [вселит]^в их во стране живых, в недрах Авраама, Исаака и Иакова, яко се молитвы Богу приятны суть, егда едины за других молятся. Святой священномученик Киприан о том же пишет^г: «Мы днем и нощию память творим о вас — егда приношения в соборе молитвы совершаем, егда особне наедине молитвы, яко да Господь Бог совершенную вам помощь во одержание и достигнутие венцы славы ваша даровати изволит, просим». Святой Афанасий Великий во ответех пишет^д: «Аще никоего ж благодетелства не принимали быша от сих, не быша в приношении в церкви^е поминалися». Святой Григорий Богослов в надгробном [Слове] о Кесарии брате сице глаголет: «Тело с пением и псалмы до церкви мучеников бяше проваждаемо, свечи пред ним носимы бяху, слезы пением псалмов утешася». И за душу его моляшеся святой, глаголя^ж: «Сего юнейшаго яко первенца нашего странства прими, Господи, Кесариа. И иже еси от юнейшаго начать в совете Твоем, имже все действуеши, [...] в Твоих руках есть живот и смерть наша, Ты по чину высот мудростию Своею все действуеши». Зри древний обычаи над усобшими. Святой Иоанн Златоуст в Маргарите пишет^з: «Не видиши ли, что над умершими творим: пением и песнями проваждаем, сими похвалу ко Владыце показующе; и в новые ризы облачимся, нову одежду нетления нашего проповедующе; и миро и масло возливаем, показующе Крещение, и с ними идуще на помощь, веруем; с фимиамом и свечами по ним идем, показующе, яко темнаго сего жития избывше и к свету истинному отидоша; и на восток солнца ковчег^к мертваго обращающее, полагаем воскресение ему образом сим прознаменующе, то же во нравочении, как в деянии. Сия вдуше, да умыслим, елико сможем, утешение отшедшим: вместо слез и рыданий и вместо гроб — милостыня, молитвы, приносы, да и они, и мы получим обещанных благ. То, иже не всуе приношение

^а В рукописи на поле помета: Зри.

^б В рукописи на поле помета: Зри.

^в В рукописи: уялнить.

^г В рукописи на поле помета: Послан. 6.

^д В рукописи на поле помета: Зри.

^е В рукописи на поле помета: Слов. 16; ниже: В слове 7.

^ж В рукописи на поле помета: В слове 7.

^з В рукописи: пристаем.

^и В рукописи на поле помета: Лист 104. 14-й Острож

^к В рукописи далее повтор слова.

о усобших бывают, не все молитвы, не все милостыня^а, сия вся Дух Свя-
 тый завещал есть друг от друга ползоватися. Хотя зри бо, ползуется он ради
 тебе, ползуеши же ся и ты о нем». Но от всех святых отцев и учителей все-
 ленския Церкви совершенне и явственнейше о сем апостолском предании
 Божественный Иоанн Дамаскин пишет^б, идеже в писании своем определен-
 ное учение о сем полагает, якоже в вере от сего живота отшедшии живых ли-
 тургиями [...]»^в вспоможени бывают, яже Духом Святым отворена и верным
 предана к наслаждению. К сему ж, взявше книгу Октай и иныя церковному
 правилу служебныя книги молитвенныя, егда тамо стихер ж, тропарей, кон-
 даков ж, и ирмосов, и целых последований о иже во Христе усобших мно-
 жества не обретаем? Кто бо (Л. 69) о сем сумняся да послушествует самое бо
 древнее предание, рекше в Христове Церкви [...]»^г честным и достоверным ска-
 занием есть. Дондеже Христово Пришествие Второе будет, все, еже что за
 усобших^а творим, велию ползу приносит им, якож Божественнии глаголют
 отцы, наипаче ж тем, иже имали нечто благих дел, [кои] сотвориша, егда
 в числе живых обрящутся. Святой Афанасий в слове о умерших глаголет^д:
 «Яко и до общаго востания всех умерших дано есть святым друг друга знати
 и вкупе веселитися. Грешнии* ж паки того не будут имети». Кто хочет со-
 вершенне водети, да не ленится прочитати святых церковных учителей про-
 странная свидетельства, и писания приклады, и жития, и кончины их, яко они
 не точию сами погребовали и действование поминания по умерших творили,
 но и на предидущая времена в писании своем непременно предаша верным
 действовать. Сия ж вся во благодати памяти святая Церковь, Мати наша, со-
 храняя, не престаая николиже.

И яко сия благодатию^з Божиею от достоверных свидетельств покажем,
 яко памяти творити по умерших, иже в православней вере и в надежди несущей
 из мертвых востания от сего света отходят и временный живот на веч-
 ный пременяют добре, благопотребно за них литургии совершати, жертвы
 приносить, милостыня и пространная о нищих питания творити — вещь по-
 хвалная и полезная, спасительная ж и богоугодная есть. Сия ж сего ради,
 яко предание святых апостол есть и не точию в Новой благодати, но и в древней
 Закон, якож явихом, сий обычай основан и укреплен есть, сия же вся в Цер-
 кви Божии древняя суть предания и узаконения, и Святое Писание свиде-
 телствует, и обычай во христианех на всяком месте и странах, идеже она [...]»^и
 вера православная в великом хранении есть, и у простейших хранится везде.

^а В рукописи на поле помета: Зри.

^б В рукописи на поле помета: Зри.

^в В рукописи: и... творении.

^г В рукописи: совершенне.

^д В рукописи на поле помета: Зри.

^е В рукописи на поле помета: Зри.

^ж В рукописи на поле помета: Зри.

^з В рукописи на поле помета: Зри.

^и В рукописи: есть.

[Сия ?]^а [...] ^б всякому ясне показывает, с каковым сокрушенным сердцем и поболением богомолство за умерших сотворяется, и праведно за усобших поминание, и велми души по разлучении от тела помогает, обаче ж прощение, и милосердие Божие, и благодать, дарованная души и телу, уделяется и причаствует с нимже добрая и злая сделала, и с нимже по Судном дни совершенных оных неизреченных благ прияти имать. О души ж глаголю. В то время поминание той наипаче [ей нужно]^в, яко, изшедши она из телесе, бывает в трепете и боязни, и егда бывает на мытарствах, сиречь на истязаниях, и от бесов растерзания терпящи и сама едина совершенно выправитися не могущи, великую печаль имать. Аще и агтелов имать, помогающих ей, единаче ж ближних своих, еще на сем свете живущих, милости от них и помощи желает, и с великим желанием потребует, и возглашати может оным святого Иова словесы^г: «Помилуйте мя,— рече,— помилуйте мя. О, друзи, рука бо Господня коснуса мене, помилуйте мя, вы, иже еще есте в мире, в немже можете милосердия достигнути, понеже милости Господни исполнена есть земля» [Иов 19. 21].

Но обратимся к [рассмотрению]^а вещи, егда бы кто спросил, чесо ради памяти по умерших третияго дни, и девятого, и четыредесятого по смерти творим, а не втораго, ни пятого, ниже инаго коего. Отвещаем, якож иная во святей Божией Церкви, тако и тыя дни известне положены в памяти умерших, своя в себе вины и таинства имеют. Из нихже их от многа малейшия части привожу. Армяны^е того ради творили первое, яко той человек, яж преставится, крещен бе аще во имя Отца и Сына и Святаго Духа, в Троице единаго Бога, и ныне Того иереи и ближние за преставлшагося умоляют. Второе: являем сим отшедым света сего храняще три благословенныя добродетели, в нихже все спасение [видится]^ж. Веру, егда во единой святей соборней и апостолстей Церкви до конца живота своего благообразне терпелив пребывал. Надежду, егда в животе своем и в молитвах в Бозе все упование свое (Л. 69 об.) полагал. Любовь, егда Бога ради единаго и ближняго своего любил, яко себе самага. Сим намерением и мы умоляем Бога, яко да по вере преставлшемуся воздаст мзду, и яко да тоя надежды удостоит его, и яко да возлюблена будет Богом душа та. Третия вина есть сия, яко да того отшедшаго человека молитв наших тридневных ради трегубое действо: телесное, душевное, духовное очистится, понеже бо тело, и душа, и дух въкупе согрешали. Потреба на всеконечном отхождении света сего очищения, егоже аще всеконечно немощию сотворити за грехи человек не возмог в мире сем, потреба и по изшествии души, при нейже вся силы душевныя, сиречь троя сия:

- ^а Несколько слов написано неразборчиво.
^б В рукописи: на око.
^в В рукописи: притяжения.
^г В рукописи на поле помета: Глава 19.
^д Слово написано неразборчиво.
^е Армяне.
^ж В рукописи: висит.

яростное, похотное и словесное остают, нам, оставшим, за них просити и умоляти всемилостиваго Бога, яко да щедрот ради и милостия Своя простить вся грехи его.

Девятины ж сего ради совершаем, духовное таинство в том со известным и разумным вниманием храняще, сиречь просим Господа Бога, яко да преставшагося душа за молитвами^а и ходатайством девяти аггелских ликов, идеже суть^б Божии святи, вселится и упокоится, по воскресении ж блаженства аггел и сожителства вкупе да сподобится.

О сорокоуствии. А еже о сорокоуственном, или чотыредесятнем^в, числе. Во Святом Писании 40-ное^г число великую почесть и похвалу имеет^д. Людие Иизраилстии, 40 лет по пустыни водими, манны небеснаго брашна [насытисаша]^е. Моисий 40 дний и ноцей постися двакрыты, закон приемля, пред Господем Богом на горе пребысть. Илиа 40 днии и 40 ноции иде до горы Божия Хорив, промедли. Господь наш Иисус Христос 40 дней и 40 ноцей в пустыни постился и паки по воскресении 40 дней со апостолы пребываше, уверяя свое Воскресение. Се, колико почтено 40-ное число в Божественном Писании. Сего ради праве и богочестне восточная Церковь от древних век содержит, егда от укузания ея сорочины, еже есть чотыредесятаго дня по усобшем [...] * память, творим, показующе и свидетелствующе, яко чрез вся 40 дний молитвы и Божественныя литургии за преставшагося, на всяк день творимыя в церкви Божии, сорокоуством нарицаются. От сего же помощь многа преставшагося души ради тех молитв и милостыни бывает, и милосердие Божие ходатает прощение той души и прохлаждение дарует.

Еще ж и во ин образ третины, девятины и сорочины память по умерших творим. Третины сего ради, яко в третий день умерший человек пременяет зрак; девятины ж паки, яко весь тогда образ погибает, едино остает сердце точию; сорочины ж, яко и самое сердце тогда погибает. Понежи в зачатии тако бывает: в третий бо день образуется сердце, в девятый же паки возрастает плоть, в чотыредесятый же^з в совершенный вид вообразуется. Сих ради преже реченных вин о душах память^и творим^к.

И егда ж понахиду за усобших, по им поставляем коливо, сиречь пшеницу, ослаждену медом. Сего ж указания таково есть. Пшеница являет, яко той умерый человек паки [будет] изведен и прах востанет от гроба, зане, яко сеема в землю пшеница обумирает, потом же возрастает и плод приносит^л.

^а В рукописи далее в строке зачеркнуто: и предстате[л]ством.

^б В рукописи написано неразборчиво; прочтение предположительное.

^в В рукописи далее зачеркнуто: посте (?).

^г В рукописи далее зачеркнуто: е чи.

^д В рукописи на поле помета: Числе 14.

^е Чтение предположительное.

^ж В рукописи: знаменитую.

^з В рукописи далее зачеркнуто: де.

^и В рукописи далее зачеркнуто: де.

^к В рукописи на поле помета: Зри.

^л В рукописи на поле помета: Иоанну.

Сего ради и Господь Иисус Христос телес воскресение рече: «Аминь, аминь, глаголю вам. Аще зерно пшенично, падши на землю, не умрет, то едино пребывает, аще ли умрет, много плод сотворит» [Ин 12. 24]. От сих словес познаваем (Л. 70), яко умершии не погибают и в небытие не обращаются, но есть им востание в живот вечный. Мед же знаменует по воскресении правоверным и праведным не лютый и не горкий, но сладкий, и благоприятный, и любезный живот в Небесном Царствии. От сего разбирати и размышляти имамы, яко да сего света жития, иже есть горкое и бедное, не любим, но да лучшее оно грядущее в Небесном Царствии возлюбим и обрести потщимся.

О елеи. Елея ж возливания на усобшаго, по святому Дионисию, указывает, яко да преставлшийся от жития в тех подвизех, иже на Крещении приять, подвизавъся, изыде. И отходящим с помазанием от сего света удобнее прехождение уготовляется. И во Святом Писании много о сем обретается.

О годовой памяти^а. К сему же подобно помянути и о летней памяти, чесо ради сотворяем ю. Первая вина есть, яко сие предание святых отцев Церкви Божией есть поставлено и вручено писанием, и из уст, еже она, в целости приявши, соблюдаем. А еже во времена указанья по умерших [поминование]^б, святии о сем много писаше и еще свидетельства тех же приведем. Святой Григорий Богослов сице рече, яко «едины вещи совершили есмы, а другия паки совершати будем еже есть летния чести и поминания жертвующе». Святой ж Иоанн Дамаскин, сие ж подкрепляя, глаголет: «Никогда бы нам Бог тако тоя ревности не подавал^в, яко да тех, иже отходят света сего, в Безкровней Жертве воспоминати имели или еже третияго, и девятаго, и сорокаго дни, наконец же во обращении лета на их памяти литургию Божественную действовали, еже истинно, вне всякаго любопрения соборная и апостолская Церковь и Божественне собираемии людие доблественне и без всякаго^г сумнения держит и сохраняет, аще бы пред очима Его не была правая вещь». Той же святой глаголет^д: «Милосердый, Он хочет и благоприятно сие имать, яко да вси мы, яко ж в животе, тако и по скончании живота взаимне едино от других въспомогаем, и будем до зде». Святой Иоанн Дамаскин^е: «Сия ж к ближним наша любовь, яж чрез время обыче ветшати и в забыть полагатися, и сего ради летния памяти по умерших наших творим. И не тако, яко да по скончании лета памяти тоя, и молитв, и жертв по ближних наших отшедших небрежи имамы, но на всякия лета тую память обновляти надобно». К сему ж и святой Афанасий Великий возбуждает, глаголя^ж: «Аще и на [...]»^з положен бысть, ижи во благочестии скончаша, не остави елея и свещь, Христа

^а В рукописи на поле помета: Зри.

^б В рукописи: правление.

^в В рукописи: подавал.

^г В рукописи в строке далее зачеркнуто: сомнения любопрения.

^д В рукописи на поле помета: Зри.

^е В рукописи на поле помета: Годовая.

^ж В рукописи на поле помета: Зри.

^з Слово не читается.

Бога призвав, на гроб запалити, есть бо приятно и се Богу и велику мзду приносит. И аще грешен будет умерший, яко да разрешен будет от грех. Аще ж праведен — в приложение мзды ему. И тако ж паки и той, иже за таких приношение творит, мзды сопричастен бывает, зане показывает о спасении ближнего любовь. Яко ж сей, иже другаго помазует елеем благовонным, сам он первое благоухает». И сего дея, правопоследующе во святей вере, и устроении, и чинех церковных святых отец наших [преданию], благочестне и мы обычай сей сохраняем. Егда по разделению [души и тела] и [исполнении]^а тех времен поминание в вере преставлшихся душам совершаем, сие самое к поминанию их привести и возбудити может нас. Яко, егда сия за умерших творим, ей, и себе самых благодействуем, и прислугу у Бога творим наипаче. И от тех таких душ ныне (Л. 70 об.) познаваем и во он день уразумеем благодать, аще той достойни обрящемся памяти дея от благодетельств наших сотворяемых.

От сих всех свидетелств ясне показуется, яко благословне памяти в Бозе преставлшимся правоверным христианом творим и не точию во едино лето, но и на всяко лето подобает нам приношения и молитвы в памяти оных творити. Якож суть некоторыя [дни] на всяк год, [когда] за всех обще преставлшихся правоверных христиан молитвы и литургии совершаем, якож се: в субботу мясопустную, и пред Пятдесятницею, и во всякую субботу поминание душам творим, зане савватон, еже есть суббота, покой по-еврейски сказывается. Сия вся тако, возлюбленнии, о временех творения памятей по умерших, о сорокоуствии и о летних сказавше, яко благодатию Пресвятаго и Животворящаго Духа святая восточная Церковь истинно сия творит ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

У тогожде синодика у предисловия сего внизу по страницам приписано красным: «Суть же и ина многа святых писана, яко ползуют молитвы и милостыня о умерших, яже не суть писана в книзе сей. Аще ли кто не верен, да прочет жития святых и тамо обрящет»^б.

Зде в том синодике писан чин литии, како подобает поминати.

А перед чином литийным, после предисловия на особом листу приписано [о] уставе после того синодика строения новым писмом сие: «Держай чреду иерей Божественныя службы, сиречь неделю, како должен есть поминати преставлшихся православных христиан. Да прочтет синодик сий весь в седмицы. А егда во уставе праздника несть, и тогда по уставу святых отец поют литию на соборе и прочитает день седмицы, якоже тамо указано. А когда прилучится празднуемаго святаго, и тогда литии не поют и день той седмицы вычитает за просвиромисанием. О, иерею, блюди да сохраниши [сие]^в. Аще ли обленишися ленистю и слабостию, а от твоего нерадения чистоты сам сия узриши в день страшнаго испытания всех человек и месть достойную приимеши. Аще ли сохраниши, блажен будеши и воздаст ти ся мзда во Царствии Небеснем. Аминь».

^а В рукописи: споряжению.

^б В рукописи на поле частично утраченная помета: ...стран...иншей...ин же.

^в В рукописи: еси или есть.

(Л. 71) Преосвященного^а Михаила митрополита, Леонтия, Иоанна, Феопемта, Кирилла, Илариона, Ефрема, Георгия, Иоанна, Иоанна, Никифора, Никиты, Михаила, Константина, Феодора, Иоанна, Никифора, Гавриила, Дионисия, Матфея, Кирилла, Иосифа, Кирилла, Максима, Петра чудотворца, Феогнаста, Алексия чудотворца, Киприана чудотворца, Фотиа чудотворца, Пимина, Ионы чудотворца, Феодосиа, Филиппа, Геронтия, Зосимы, Симона, Варлаама. (Л. 71 об.) Преосвященного Даниила, Иоасафа, Макариа, Афанасия, Кирилла, Филиппа чудотворца, схимника Антониа митрополита, Дионисия.

Святейших Патриархов Московских и всеа Руси: Святейшаго Иева Патриарха, Иермогена, Филарета, Иоасафа, Иосифа, ^бНикона, Иоасафа, Питирима, Иоакима, Адриана^б.

Благодарных великих князей всеа Руси: великаго князя Владимира, нареченнаго во святом Крещении Василия^в, великаго князя Георгия — Ярослав, великаго князя Гавриила — Всеволод, великаго князя Владимира^г, Георгия, Андрея — Боголюбский, Димитрия — Всеволод, Ярослава, Александра — Невский, инока Даниила, Георгия, Иоанна, Симеона, Иоанна, (Л. 72) великаго князя Димитрия, Василия, Василия, Иоанна, Иоанна, Димитрия, Василия, во иноцех Варлаама.

Благодарных великих княгинь: великия княгини Ольги, нареченныя во святом Крещении Елены, великия княгини Анны, Елены, Ульянии, иноки Марии, Александры, Евфросинии, Софии, иноки Марфы, Марии, Софии, Елены, Елены, иноки Софии, Елены.

(Л. 72 об.) Благодарных царей и великих князей всеа Руси: царя и великаго князя Иоанна, во иноцех Ионы, благодарнаго царевича Димитрия, царевича Василия, царевича Димитрия, царевича Иоанна, царя и великаго князя Феодора, царя и великаго князя Бориса, во иноцех Боголепа, благодарнаго царевича Феодора, царя и великаго князя Василия, царя и великаго князя Михаила, благодарнаго царевича Иоанна, царевича Василия, царевича Димитрия — 7158-го, октября в 6 день преставися благодарный царевич князь Димитрий Алексеевич.

Благодарных цариц и великих княгинь: благодарныя царицы и великия княгини Анны, благодарныя царевны и великия княжны Анны, благодарныя царевны и великия княжны Марии, благодарныя царевны и великия княжны Евдокии, благодарныя царицы и великия княгини Марии, благодарныя царицы и великия княгини Марфы, благодарныя царицы и великия княгини Марии, благодарныя царевны и великия княжны Феодосии,

^а В рукописи ниже слова буква «П». На поле справа сверху запись: В лето 6495 индикта 1 митрополит Михаил поставлен бысть в Рускую землю Святейшим Фотием, Патриархом Цареградским, по прошению святейшаго благодарнаго великаго князя Владимира.

^{б б} В рукописи имена написаны другими чернилами и почерком.

^в В рукописи на поле запись: В лето 6496 благодарный князь Владимир крестися и наречен во святом крещении Василий.

^г В рукописи на поле запись: Царь Владимир поставлен и Манамах нарицашеся всеа Руси.

благоверныя царицы и великия княгини иноки схимницы Александры, благоверныя царицы иноки Марфы, (Л. 73) благоверныя царицы и великия княгини Марии, благоверныя царицы и великия княгини Евдокии^а, княжны Пелагии, княжны Марфы, княжны Софии, княжны Евдокии, княжны Анны, великия старицы Марфы схимницы.

(Л. 73 об.) В том благовещенском синодике написано назади:

Лета 6996-го начата бысть созидати сия соборная церковь во имя Пресвятыя Владычицы наша Богородицы и Приснодевы Марии честнаго и славнаго Ея Благовещения вкупе и с пределью повелением благовернаго и великаго князя Иоанна Васильевича всея Руси и при его детех благоверных князех Иоанне, Василии, Георгии, Андреи и Симеоне, и совершена бысть в лето 6997-е, месяца августа в 9 день, на память святаго апостола Матфея.

^бЛета 7122-го июня в 24 день^б пожаловал благоверный государь царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси в дом Благовещения Пресвятей Богородицы в вотчину в Московском уезде село Кувекино з деревнями протопопу Андрею на собор з братиею по отце своем великом князе Василии Иоанновиче всея Руси и по матери своей великой княгине Елене в вечной поминок, а о своем многолетном здравии Бога молить. А егда Господь Бог по душу его сошлет, и его такожде поминать вкупе со отцем его великим князем Васильем Ивановичем всея Руси и материю его благоверною великою княгинею Еленою во святей соборной церкви, дондеже приносится Безкровная Жертва за вся православныя христианы. А преставися благоверный государь царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси, во иноцех Иона, лета 7092-го марта в 19^в день.

Лета 7090-го ноября в 19 день преставися благоверный государь царевич князь Иван Иванович всея Руси.

Лета 7106-го генваря в 6 день преставися благоверный государь царь и великий [князь]^г Феодор Иванович всея Руси.

Лета ^а7125-го сентября в 10 день^а преставися благоверный государь царь и великий князь Василей^е Иванович всея Руси в Полском королевстве, а привезено тело его в лета 7143-го, июня в 10 день.

Лета 7122-го, июня в 24 день пожаловал благоверный государь царь и великий князь Михаил Феодорович, всея Руси самодержец, в дом Благовещения Пресвятей Богородицы вотчину в Касимовском уезде протопопу Кирилле на собор з братиею, о своем многолетном здравии Бога молить, и о благоверной царице вкупе, и о чадах своих, а егда Господь Бог по душу его пошлет, и протопопу з братиею поминати во святей соборне церкви,

^а В рукописи на поле запись: Преставися лета 7153-го, августа в 18 день.

^{б б} Так в рукописи. Дата ошибочна; ср. на л. 73 об. запись о вкладе царя Михаила Федоровича с такой же датой. По-видимому, вклад следует датировать 1-й половиной 50-х гг. XVI в.

^в Так в рукописи. Иван IV скончался 18 марта.

^г В рукописи пропущено.

^д Так в рукописи. В. И. Шуйский скончался 12 сентября 1612 г.

^е В рукописи далее над строкой зачеркнуто: Иван.

дондеже приносится Безкровная Жертва за вся православныя христианы. А преставись он, государь царь и великий князь Михаил Феодорович, всеа Руси самодержец, лета 7153-го, июля в 12 день. Се убо благоверный государь царь и великий князь Михаил Феодорович всеа Руси житием убо бе милосерд, и кроток, и незлобив ко всем, а священнический чин зело почиташе, и от своя царския казны не токмо ближним своим богомолцом милостыню подаваше неоскудно, но и далним. Сего ради написана сия быша, да не забвена будет добродетель его во веки. Аминь.

(Л. 74) Лета 7147-го генваря в 10 день преставись благоверный государь царевич князь Иван Михайлович всеа Руси. Того ж году марта в 25 день преставись благоверный государь царевич князь Василей Михайлович всеа Руси.

А на листах внизу написано киноварем: «Сего ради должен еси, освященный соборе, паче инех церковей поминати в молитвах великих князей, и великих княгинь, и благоверных царей, и цариц, яко тех ради одарован еси. Аще ли не обленишия, к сему приимеши мздовоздаяние на небесех от Вседержителя^а всех Бога. Аминь».

А потом в том синодике зделан реестр всем родом, которых родители в том синодике написаны сице. 1. Род боярина Никиты Ивановича Романова. 2. Род боярина Ивана Петровича Шуйскаго. А дал благовещенскому протопопу на собор 50 рублей в вечный поминонок лета 7150-го. 3. Род боярина и дворецкаго Степана Васильевича Годунова. А дал благовещенскому протопопу на собор 100 рублей в вечный поминонок лета 7101-го году. 4. Род Воротынских. 5. Род боярина князя Никиты Ивановича Одоевскаго. Да в евож роду написан боярин Феодор Иванович Шереметев. А дал протопопу по себе на собор 25 рублей в вечный поминонок лета 7158-го, марта в 1 день. И таким подобием весь реестр писан. Кто что дал, то подписано, а где неведомо, кто что дал или не дал, и там стоит порозжее место.

^а В рукописи далее зачеркнуто: Бога. Часть зачеркнутого текста над строкой неразборчива.

А. В. Пигин*

Литературные сочинения о преподобном Пахомии Кенском, Каргопольском чудотворце

Публикуемые ниже сочинения посвящены местночтимому каргопольскому святому Пахомию Кенскому, основавшему в конце XV — начале XVI в. Спасо-Преображенский монастырь на реке Кене, в 60 верстах к северу от Каргополя. Монастырь просуществовал до 1764 г., когда был упразднен и превращен в приход. Значение монастыря в истории Русской Церкви заключается прежде всего в том, что в 1508 г., еще при жизни прп. Пахомия, здесь принял постриг прп. Антоний Сийский. О встрече двух святых и об их взаимоотношениях повествуется в Житии прп. Антония Сийского (1578 г.), которое является наиболее ранним источником сведений о Пахомии Кенском.

Круг работ, посвященных прп. Пахомию Кенскому, невелик. Св. Пахомий и созданный им монастырь упоминаются в известных исследованиях и указателях по истории русских монастырей и агиологии епископа Амвросия (Орнатского), П. М. Строева, Н. Барсукова, архимандрита Леонида (Кавелина), В. В. Зверинского, Е. Е. Голубинского и других¹. Здесь приводятся общие, иногда ошибочные сведения о жизни святого и основании им монастыря, о местоположении обители, строениях и настоятелях. Наиболее значительный вклад в изучение истории Спасо-Преображенского Кенского монастыря внес каргопольский краевед К. А. Докучаев-Басков, посвятивший ему объемный очерк в своем исследовании «Подвижники и монастыри Крайнего Севера»². Краткие очерки о прп. Пахомии Кенском содержатся также в работах Е. В. Барсова³ и епископа св. Никодима (Кононова)⁴. В 1902 г. в петрозаводском краеведческом «Олонецком сборнике» были опубликованы некоторые царские грамоты Кенскому монастырю конца XVII в.⁵ Работы

* © Пигин А. В., 2009

Александр Валерьевич Пигин, доктор филологических наук, профессор Петрозаводского государственного университета.

Публикация подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 07-01-48103 а/С.

современных исследователей Н. А. Макарова, Ю. М. Критского и С. А. Сияговского представляют собой пересказ уже известных сведений⁶.

На рукописные литературные сочинения о прп. Пахомии Кенском впервые обратил внимание Е. В. Барсов, однако он ограничился лишь кратким сообщением: «Автор [Е. В. Барсов.— А. П.] имеет два кратких сказания о Пахомии Кенском: в одном из них говорится, что он жил при великом князе Василье Ивановиче, а в другом — при Иване Васильевиче. Впрочем, в том и другом замечено, что, когда он жил, доподлинно неизвестно»⁷. Позднее К. А. Докучаев-Басков более подробно охарактеризовал сочинения о св. Пахомии: «В 1742 г. составлено в описываемом нами монастыре “Извещение вкратце о преподобном отце нашем Пахомии Кенском, Каргопольском чудотворце, в кая лета бе”. И, по всей вероятности, тогда же записаны чудеса, совершившиеся в течение первых 40 лет XVIII в. Записано 18 чудес, но не по летописному порядку, притом годы выставлены только у семи, начиная 1702 и кончая 1741 г. Книга эта величиною в $\frac{1}{4}$ листа писана крупным уставом (на 53 страницах), хранится в описываемой пустыни и кроме “Извещения” и чудес содержит еще в самом начале Слово об основателе монастыря, составленное полувитиеватым слогом. Оно начинается текстом “Вы есте свет мира” и состоит из рассуждения о свете, потом о Пахомии, заключается воззванием к слушателям помолиться угоднику и наконец самым молитвенным призыванием к последнему. Кроме этого помещено еще чудо, взятое из Жития Антония Сийского, о явлении Антонию “святолепна мужа” в лице Пахомия. Кем составлена эта книга, неизвестно»⁸. К сожалению, Докучаев-Басков не привел сведений о времени создания рукописи. Он опубликовал небольшой фрагмент этого цикла⁹ и высказал предположение, что автором «Извещения вкратце...» мог быть строитель Спасо-Преображенского Кенского монастыря Макарий (управлял монастырем в 1742–1756 гг.)¹⁰. В начале XX в. архимандрит Никодим (Кононов) вновь опубликовал тот же фрагмент сочинений о прп. Пахомии (по работе Докучаева-Баскова) и повторил некоторые выводы своего предшественника¹¹. Уже в наши дни Е. М. Юхименко обнаружила еще одно сочинение, связанное с именем прп. Пахомия Кенского,— старообрядческое выговское анонимное «Слово похвальное преподобным отцем Александру Ошевенскому, Кирилу Челмогорскому, Пахомию Кенскому, Антонию Сийскому, Никодиму Кожезерскому, Диодору Юрьегорскому, чудотворцем Каргополским» (60-е гг. XVIII в.)¹². Согласно выводам Юхименко, старообрядческий автор, включивший панегирик прп. Пахомию в «Слово похвальное», опирался на местную традицию почитания святого.

Несмотря на то что в рукописной книжности прп. Пахомию Кенскому посвящен ряд сочинений, эти памятники не изданы и не прокомментированы. В настоящее время есть возможность восполнить эту лагуну. Сочинения о прп. Пахомии, которые были известны Е. В. Барсову и К. А. Докучаеву-Баскову, обнаружены мною в трех рукописях XVIII–XIX вв.: 1) ИРЛИ, Карельское собрание, № 48, 1760–1770-е гг. (водяной знак: буквы ВФ и СТ в волнистых прямоугольниках)¹³, 1°, полуустав, л. 171–178 об. (далее — Кар.); 2) ОР ГИМ, собрание Е. В. Барсова, № 865, начало XIX в. (водяной знак:

белая дата 1803), 8°, полуустав, л. 18 об. (далее — Барс-865)¹⁴; 3) ОПИ ГИМ, собрание Е. В. Барсова, д. 697а, 3-я четверть XIX в. (штемпель: двуглавый орел в фигурном прямоугольнике без литерного сопровождения)¹⁵, 1°, скоропись, л. 59–64 об. (далее — Барс-697а). Списки Кар. и Барс-865 входят в старообрядческие сборники, причем Барс-865 содержит лишь небольшую выписку о прп. Пахомии Кенском. Барс-697а — наиболее поздний список, включенный в подборку документов (писарских копий) по истории монастырей и церквей Олонецкого края в XVI–XIX вв. Ценность этого списка заключается в том, что он переписан с рукописи, хранившейся в Кенском монастыре. На это указывает запись в конце: «С подлинным сказанием верно. Благочинный упраздненного Кенского монастыря священник Феодор Плотников».

Состав статей о прп. Пахомии и сами тексты в указанных рукописях несколько отличаются. В указанные сборники вошли следующие посвященные прп. Пахомию сочинения. 1) Текст без заглавия, начинается словами: «Вы есте свет миру. Матфей, зачало 11». Жанр сочинения — риторическое похвальное слово святому, дадим ему заглавие: «Слово похвальное прп. Пахомию Кенскому». В полном объеме это «Слово» содержится только в Барс-697а; в Кар. оно приводится в сокращенном виде, в Барс-865 отсутствует. 2) «Извещение вкратце о преподобном отцы нашем Пахомии, Кенском чудотворце, в кая лета бе, и о том явствует ниже сего». Барс-697а и Кар. содержат идентичный текст, в Барс-865 приводится другой, более краткий вариант статьи (см. далее). 3) «О бывшем чюдеси преподобнаго отца нашего Пахомия Кенскаго, которое бысть в лето 7016 году. Уволяяй о сем уверитися да четт книгу святаго Антония Сийскаго и обрящет желание». В статье повествуется о встрече преподобных Пахомия Кенского и Антония Сийского. Барс-697а и Кар. содержат идентичный текст, в Барс-865 этой статьи нет. 4) «Чюдеса преподобнаго отца нашего Пахомия Кенскаго, Каргопольскаго чудотворца» — 18 посмертных чудес, датированных 1691–1730 гг. Статья содержится только в Кар.

Следует отметить, что сообщение Барсова о двух разных «сказаниях» о прп. Пахомии, в которых по-разному указано время жизни святого (при Василии Иоанновиче и при Иоанне Васильевиче), не совсем точно. Одно из этих «сказаний» наверняка было известно Барсову по списку Барс-865, однако этот список представляет собой лишь результат не вполне удачного сокращения «Извещения вкратце...» (общие чтения выделены курсивом):

Барс-697а

Извещение вкратце о преподобном отцы нашем Пахомии, Кенском чудотворце, в кая лета бе, и о том явствует ниже сего

Нам, о возлюблении слышателие, чадом его, не познавается, отъкуду сей отец наш авво Пахомий прииде на место сие, коего града или веси, и отечества, и рода. Но токмо

Барс-865

О преподобном отце Пахомии, Кенском чудотворце, в кая лета бе

Нам, возлюблении, неизвестно, откуду сей отец наш авво Пахомий Кенский, коего града или веси. Но токмо значитя от преподобнаго Антония Сийскаго, от летописца его:

значится от обители преподобного отца Антония Сийскаго, от летописца его обретаем: преподобный отец Антоний Сийский пострижен бысть от преподобного Пахомия Кенскаго в лето 7016 год, и в послушании у него пребысть 5 лет, и отпущен бысть от преподобного Пахомия в лето 7021 года, и преселися на реку Шелексу, и тамо поживе 7 лет, и оттуду изгнан бысть поселяны, и прииде на реку Сию, идеже ныне монастырь стоит. И от сего значится, что преподобный Пахомий бе в лета благовернаго великаго князя Василия Иоанновича, отца великаго государя Иоанна Васильевича Московскаго и всея России, при митрополите Варлааме Московском и всея России и при архиепископе Геннадии Великаго Новаграда и Пскова. В лета 7021 года, в онже разлучистася преподобнии отцы друг от друга, и от того времени преиде преподобному Пахомию Кенскому 227 лет по сей 1742 год. И более сего о летех его и о житии его нигде не возмогохом обрести, понеже в предъидущия лета бывшия литовския на Россию нахождения, такожде и на святую сию обитель раззорения, такожде и огнем многожды погоре святая сия обитель. И от того литовскаго нахождения и от огненнаго запаления, мним мы, чада его, яко *прежде бывшая о преподобнем отцы авве Пахомии подлинная история* пограблена бысть или погоре. Того нам за претечением толиких многих лет утаися от нас. Таково житие бысть преподобнаго отца нашего начальника Пахомия, от Кены реки зовомаго Кенскаго, пречестен монастырь сотворшаго, и *братию многу собравшаго, и общежительство* в Каргопольстей области сочинившаго.

Антоний Сийский пострижен бысть от преподобнаго Пахомия Кенскаго в лето 7016, и в послушании у него пребысть 5 лет, и отпущен бысть от Пахомия в лето 7021, и преселися на реку Шелексу, и тамо поживе 7 лет, и оттуду изгнан бысть поселяны, и прииде на реку Сию, идеже ныне монастырь стоит Сийский. А Пахомия преподобнаго житие огнем згорело, но токмо слышано, что при царе Иване Васильевиче прииде на место сие преподобный Пахомий, и братии было много, общежительство.

Очевидно, что это не разные «сказания», а одно – «Извещение вкратце...», и время жизни прп. Пахомия отнесено в нем к правлению Василия Ивановича (1505–1533 гг.).

К сожалению, сказать однозначно о взаимоотношении отмеченных 4 статей сложно. Были ли они написаны одним человеком как составные части одного сочинения или же были составлены в разные годы и позднее объединены в единый цикл? Четкое указание на время написания содержится только в «Извещении вкратце...»: «И от того времени преиде преподобному Пахомию Кенскому 227 лет по сей 1742 год». Посмертные чудеса прп. Пахомия датированы в Кар. 1691–1730 гг., в списке, который был известен Докучаеву-Баскову, – 1702–1741 гг.¹⁶ Весьма вероятно, следовательно, что «Извещение вкратце...» и рассказы о посмертных чудесах составлены одним человеком. На связь двух частей указывает и содержащееся в конце «Извещения вкратце...» обещание рассказать читателям о посмертных чудесах прп. Пахомия: «Идеже лежит трудолюбное и святое его тело, подает богато различная дарования целебная с верою к нему приходящим и до сего дни. Которая его предивная чюдеса, сотворшаяся от него в последняя осмой тысящи лета, вашей любви, о дражайшии слышателие, ясно объявляем, яже въпреди речена будут». Однако между «Извещением вкратце...» и посмертными чудесами помещен еще рассказ о прижизненном чуде прп. Пахомия в 7016 (1508) г., о встрече преподобных Пахомия и Антония Сийского. Этот рассказ отмечен как «Чудо первое», при этом «второго» прижизненного чуда в тексте нет, а повествование о посмертных чудесах начинается с 1-го чуда. Таким образом, если весь этот цикл, включая «Слово похвальное», и был составлен одним человеком в 1740-х гг. (это кажется вероятным), то нужно признать, что его композиция не обладает четкостью. О единстве цикла и о его позднем происхождении свидетельствует и отсутствие здесь каких-либо новых по сравнению с Житием прп. Антония Сийского биографических сведений о Пахомии. И в «Слове похвальном», и в «Извещении вкратце...» утверждается, что о происхождении прп. Пахомия ничего неизвестно: «А отькуду пришед ту, и коего града и рода, града же и отечества, или где пострижен бе, о том по сей час нам обрести не прилучися» («Слово похвальное»); «Нам, о возлюбленнии слышателие, чадом его, не познавается, отькуду сей отец наш авво Пахомий прииде на место сие, коего града или веси, и отечества, и рода» («Извещение вкратце...»).

О прп. Пахомии Кенском в анализируемых сочинениях сообщается немного: Пахомий жил во времена московского великого князя Василия Ивановича, при Московском митрополите Варлааме (1511–1521 гг.) и Новгородском архиепископе св. Геннадии (1484–1504 гг.), основал монастырь на реке Кене, где в 1508 г. постриг в монашество прп. Антония Сийского, а в 1513 г. расстался с ним. Не имея возможности воспользоваться «древней историей» о прп. Пахомии, которая сгорела в годы «литовского нахождения»¹⁷, автор обращается к Житию прп. Антония Сийского. В статье «О бывшем чюдеси преподобнаго отца нашего Пахомия Кенскаго, которое бысть в лето 7016 году» автор пересказывает Житие прп. Антония со ссылкой на него

(«Уволяя о сем уверитися да четт книгу святого Антония Сийскаго и обрящет желание»), иногда дословно его цитирует:

Житие прп. Антония Сийского
(глава «О пострижении святого»)

О бывшем чудеси преподобнаго отца
нашего Пахомия Кенскаго, которое
бысть в лето 7016 году (Барс-697а)

Сице же ему со слезами молящися, в тонок сон сведен бысть и зрит мужа священнолепна, ангелолепными сединами украшена, в белых ризах оболчена, крест в руках держаща, глаголюща к блаженному: «Возми крест свой, гряди вьслед мене, иди, подвижайся, не убойся козней дявольских, будеши бо муж желаний духовных, пустынное воспитание и множеству инок наставник явишися». И благословляет блаженаго крестом, иже бе в руках его, глагола ему: «Сим побежай лукавыя духи!»¹⁸.

Не дошедшу же ему до тоя пустыни пяти поприщ, в тонок сон в нощи той сведен бысть. Зрит мужа священнолепна, сединами украшена, в белых ризах оболчена — то есть преподобнаго Пахомия, который о приходе его еще прежде духом провидя и имеющимся в руце его животворящим крестом благословляя, пророчески глаголя: «Возми крест свой, гряди по мне. Иди, подвижайся, не убойся козней дявольских. Будеши бо муж желаний духовных, пустынное воспитание и множеству инок наставник явишися. И имаши победити лукавыя духи».

В «Извещении вкратце...» содержится также ссылка на «Летописец» Антониева Сийского монастыря, откуда извлечены автором следующие сведения и даты: «Преподобный Антоний Сийский пострижен бысть от преподобнаго Пахомия Кенскаго в лето 7016 год, и в послушании у него пребысть 5 лет, и отпущен бысть от преподобнаго Пахомия в лето 7021 года, и преселися на реку Шелексу, и тамо поживе 7 лет, и отгуду изгнан бысть поселяны, и прииде на реку Сию, идеже ныне монастырь стоит». О каком именно «Летописце» идет речь, не ясно, поскольку в известных сегодня двух списках «Летописца» Антониева Сийского монастыря нет биографии прп. Антония Сийского и ничего не говорится о прп. Пахомии Кенском¹⁹. Возможно, автору был известен источник, не попавший пока в поле зрения исследователей. Не исключено, впрочем, что под «летописцем» автор имел в виду составителя Жития прп. Антония Сийского. В любом случае даты, приводимые в «Извещении вкратце...», не противоречат хронологии этого Жития²⁰.

Сведения о прп. Антонии Сийском, восходящие к его Житию, приводятся и в «Слове похвальном прп. Пахомию Кенскому». Автор этого сочинения называет преподобных Антония Сийского и Пахомия Кенского святой «двоицей», уподобляя их преподобным Феодосию и Антонию Печерским: «Якоже Феодосий со Антонием, Печерстии отцы, сподвижесе добре, тако Сийский Антоний с Пахомием Кенским отцы в благоигоношении всеусердно течаства, спасительный подвиг совершающе». О традиции такого

«двоичного» почитания святых Антония и Пахомия на Русском Севере свидетельствуют и другие (впрочем, немногочисленные) факты: иконы с их парным изображением, посвящения церквей и часовен этим двум святым²¹.

В одном из посмертных чудес прп. Пахомия Кенского упоминается имя еще одного севернорусского святого — прп. Александра Ошевенского, основавшего в середине XV в. Ошевенский монастырь в 41 версте к северу от Каргополя. Преподобные Пахомий и Александр являются в видении больной вдове и заповедают ей для исцеления «преподобным отцем во обители сходити к ним» (чудо 11). По-видимому, почитание этих двух каргопольских святых на Русском Севере также было взаимосвязано. В одной из редакций Жития прп. Антония Сийского утверждается даже, что Пахомий Кенский был учеником прп. Александра Ошевенского: «Пахомий, ученик и спостник преподобнаго и знаменоснаго чудотворца Александра Ошевенскаго»²². Эту редакцию Жития обнаружил в рукописях в конце XIX в. архимандрит Никодим (Кононов)²³. В дальнейшем епископ Никодим неоднократно повторял сведения о пострижении прп. Пахомия в Ошевенском монастыре в других своих работах («Архангельский патерик», «Олонецкий патерик» и др.), благодаря чему они стали восприниматься современными авторами как непреложный факт²⁴. Между тем в Кенском монастыре в XVIII в. ничего не знали о месте пострижения прп. Пахомия (см. выше цитаты из «Слова похвального прп. Пахомию Кенскому» и из «Извещения вкратце...»).

Итак, являлся ли прп. Пахомий Кенский учеником прп. Александра Ошевенского? Прп. Александр Ошевенский преставился в 1479 г., Пахомий Кенский — после 1513 г.; монастыри находились недалеко друг от друга, поэтому такие взаимоотношения между святыми были вполне возможны. Однако некоторые обстоятельства заставляют все же усомниться в достоверности этих сведений. Редакция Жития прп. Антония Сийского, в которой впервые приводится сообщение о пострижении прп. Пахомия Кенского в Ошевенском монастыре, является поздней. Согласно выводам Е. А. Рыжовой, эта редакция — исследовательница называет ее Исторической — была создана в 1721 г. в Антониевом Сийском монастыре²⁵. К ее созданию, по мнению Рыжовой, был причастен архимандрит Сийского монастыря Никодим (1692–1721 гг.). Составитель Исторической редакции дополнил более ранний вариант текста новыми известиями о жизни прп. Антония Сийского, но они не всегда соответствуют действительности. Так, в Исторической редакции утверждается, что Антоний Сийский был рукоположен Новгородским архиепископом Моисеем, хотя Антоний жил в XVI в., а Моисей в XIV в.²⁶ О взаимоотношениях преподобных Пахомия Кенского и Александра Ошевенского ничего не говорится в Житии Александра Ошевенского, по крайней мере в редакциях XVI в.²⁷

Не исключено, конечно, что автор Исторической редакции Жития прп. Антония Сийского воспользовался каким-то ранним источником, который остался неизвестен другим северным агиографам. Но более вероятным представляется другое объяснение. В XVII–XVIII вв. в Каргополье наметилась тенденция к соборному почитанию местных святых²⁸. Причем именно образ прп. Александра Ошевенского, самого прославленного каргопольского

святого, служил своеобразной «скрепой» для памятников каргопольской агиографии. В Житии прп. Диодора Юрьегорского (XVII в.) прп. Александр Ошевенский в видениях укрепляет святого Диодора на терпение в голодные годы²⁹. В Сказании об иконе прп. Макария Желтоводского и Унженского в Хергозерской пустыни (XVII в.) прп. Александр Ошевенский повелевает местному священнику написать икону св. Макария и прислать ее в Ошевенский монастырь³⁰. Как уже отмечалось, о прп. Александре Ошевенском повествуется и в одном из посмертных чудес прп. Пахомия Кенского. Известие Исторической редакции о том, что прп. Пахомий Кенский был учеником прп. Александра Ошевенского, представляет собой, скорее всего, одно из проявлений тенденции к объединению памяти местных святых. В основе комментируемой вставки лежит, по-видимому, позднее устное предание³¹, не получившее, впрочем, широкого распространения.

Посмертные чудеса прп. Пахомия Кенского невелики по объему, в сюжетное повествование не развернуты. В большинстве из них рассказывается об исцелении жителей из окрестных волостей и Каргополя. Прп. Пахомий Кенский является им в видениях или наяву, оказывает помощь и повелевает идти в свою обитель, где исцеленные заказывают молебны. Из 18 чудес датированы только 7, причем хронология в расположении датированных чудес нарушена.

Иконописный подлинник предписывал изображать прп. Пахомия Кенского следующим образом: «Преподобный отец наш Пахомий, начальник Кенского монастыря, иже в Помории, новый чудотворец, подобием рус, брада аки Василия Кесарийского, ризы монашеския. Инде пишут: подобием сед, брадою аки Сергий, в схиме»³². Во 2-й половине XVIII в. в Кенском монастыре еще хранились «ризы чудотворцевы [Пахомия.— А. П.] полотнянные, белые, оплечье камчатое, ветхое, наподольник крашенинной, без подкладу»³³, но в пожаре 1800 г. все святыни монастыря погибли³⁴. Сведений о вскрытии и переносе мощей прп. Пахомия Кенского нет. В настоящее время никаких монастырских строений на месте бывшего Кенского монастыря не сохранилось.

Первые 3 статьи цикла — «Слово похвальное», «Извещение вкратце...» и «О бывшем чуде...» — публикуются по более полному и исправному списку Барс-697а. Сказание о посмертных чудесах прп. Пахомия — «Чюдеса преподобнаго отца нашего Пахомия Кенскаго, Каргопольскаго чудотворца» — по списку Кар. Список Кар. содержит незначительную правку, осуществленную, по всей видимости, не тем писцом, который писал основной текст; над строками и на полях в ряде случаев дописаны пропущенные слова, местами текст подчищен, в него внесены исправления. Эта правка учтена в публикации, но в примечаниях в большинстве случаев не оговаривается. Источники библейских цитат указаны мною в квадратных скобках, в рукописях они отсутствуют.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ История Российской иерархии / Сост.: архим. Амвросий (Орнатский). Ч. 4. М., 1812. С. 361–362; *Строев П. М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской

- Церкви. СПб., 1877. Стб. 1003–1004; *Барсуков Н.* Источники русской агиографии. СПб., 1882. Стб. 429; *Леонид (Кавелин), архим.* Святая Русь, или сведения о всех святых и подвижниках благочестия на Руси (до XVIII века), обще и местно чтимых. СПб., 1891. № 408; *Зверинский В. В.* Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. Ч. 2. СПб., 1892. № 1039; *Голубинский Е.* История канонизации святых в Русской Церкви. М., 1903. С. 337.
- ² *Докучаев-Басков К. А.* Кенский монастырь Пахомьева пустынь // Христианское чтение. 1887. № 7/8. С. 254–298; № 9/10. С. 477–517.
- ³ *Барсов Е. В.* Преподобные обонежские пустынножители: Материалы для истории колонизации и культуры Обонежского края // Памятная книжка Олонецкой губернии за 1868–1869 год. Петрозаводск, 1869. С. 40–41.
- ⁴ *Никодим (Кононов), архим.* Преподобные Александр Свирский и его ученики-подвижники: Исторические сведения о церковном их почитании. Петрозаводск, 1904. С. 82–86; *его же.* Олонецкий патерик. Петрозаводск, 1910. С. 4–5.
- ⁵ Царские грамоты Кенскому монастырю // Олонецкий сборник. Вып. 4. Петрозаводск, 1902. С. 44–48.
- ⁶ *Макаров Н. А.* Церковные приходы и монастыри Кенозерья и Среднего Поонежья. Архангельск, 2007. С. 74–81 (здесь же указаны другие работы автора о Кенском монастыре); *Критский Ю. М., Синяговский С. А.* Монастыри и пустыни Кенозерья в XIV — начале XX в. // Святые и святыни северорусских земель. Каргополь, 2002. С. 119–120; *Критский Ю. М.* Кенозерье: история и культура (очерки, материалы, исследования). Архангельск, 2005. С. 31–32.
- ⁷ *Барсов Е. В.* Указ. соч. С. 40.
- ⁸ *Докучаев-Басков К. А.* Указ. соч. № 9/10. С. 478.
- ⁹ Там же. № 7/8. С. 254–255.
- ¹⁰ Там же. № 9/10. С. 478. Единственным аргументом в пользу этой атрибуции является совпадение года написания «Извещения вкратце...» (1742 г.) с началом настоятельства Макария.
- ¹¹ *Никодим (Кононов), архим.* Преподобные Александр Свирский и его ученики-подвижники... С. 82–86.
- ¹² *Юхименко Е. М.* Литературное наследие Выговского старообрядческого общезжителства. Т. 1. М., 2008. С. 334–353 (комментарии: с. 629–645). Этот памятник в настоящей статье не рассматривается. Не исключено, впрочем, что выговский автор был знаком с публикуемыми ниже сочинениями о прп. Пахомии. Дословных совпадений нет, но в выговском сочинении в панегирике прп. Пахомию использована та же евангельская цитата [Мк 10. 29–30], что и в «Слове похвальном прп. Пахомию Кенскому» из анализируемого мною цикла.
- ¹³ *Клетиков С. А.* Филигранные и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX вв. М., 1959. № 151 (1765–1776 гг.).
- ¹⁴ Об этой рукописи см. также: *Калугин В. В.* «Житие Трифона Печенгского» в письменности XVIII–XX веков // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М., 2003. С. 448–449.
- ¹⁵ *Клетиков С. А.* Указ. соч. № 217 (1851–1876 гг.).
- ¹⁶ Дата 7199 (1691) в Кар. написана по стертому («Чюдо 17»).
- ¹⁷ Кенский монастырь подвергся нападению «польских и литовских людей» в 1615 г. По сведениям настоятеля Кенского монастыря Иосифа (1615–1621 гг.), монастырь был разграблен, а «жаловальную грамоту, и кабалы, и записи, и всякие крепости воры сожгли» (*Докучаев-Басков К. А.* Указ. соч. № 7/8. С. 263–264). Впрочем, сообщения о гибели житий святых в годы нашествий и в пожарах встречаются часто в поздних памятниках севернорусской агиографии и, конечно, не означают, что такие источники вообще существовали (ср., например: Сказание о жизни преподобного Корнилия Палеостровского (ГИМ, собр. Барсова, № 863, л. 6); Житие Кирилла Челмогорского (ГИМ, Музейское собр., № 1510, л. 134)).

- ¹⁸ Рыжова Е. А. Антониево-Сийский монастырь. Житие Антония Сийского. Книжные центры Русского Севера. Сыктывкар, 2000. С. 250–251.
- ¹⁹ Благодарю Е. А. Рыжову за эти сведения.
- ²⁰ Ср.: Шалютин С. О., Романенко Е. В. Антоний Сийский // Православная энциклопедия. Т. 2. М., 2001. С. 677–679.
- ²¹ Докучаев-Басков К. А. Указ. соч. № 9/10. С. 515–516; Кулешова М. Е. Функционально-планировочная организация крестьянских культурных ландшафтов Кенозерья // Культурный ландшафт как объект наследия. М.; СПб., 2004. С. 255.
- ²² Рыжова Е. А. Указ. соч. С. 187.
- ²³ Никодим (Кононов), архим. Преподобный Антоний, Сийский чудотворец: Исторические сведения о церковном его почитании с приложением древнего рукописного Жития в полной и краткой редакциях. СПб., 1901. С. 119.
- ²⁴ См., например: Святые Каргопольской земли (живопись, графика). Из собраний музеев Архангельской области: Каталог / Сост. Т. М. Кольцова и М. Л. Рягузова. Архангельск, 2002 (нумерация страниц отсутствует); Кенозерский национальный парк: Краткий путеводитель / Сост. Е. Ф. Шатковская. Архангельск, 2004. С. 25; Жития русских святых / Сост. монахиня Таисия. М., 2004. С. 30; Кулешова М. Е. Функционально-планировочная организация... С. 250; Макаров Н. А. Церковные приходы... С. 74.
- ²⁵ Рыжова Е. А. Указ. соч. С. 184–195.
- ²⁶ Там же. С. 187.
- ²⁷ К ранним редакциям Жития (XVI в.) относятся Основная (РНБ, Соловецкое собр., № 992/1101 и другие списки) и Пространная (РНБ, Q.I.116 и другие списки) редакции. О литературной истории Жития прп. Александра Ошевенского см.: Одинец Е. В. Житие Александра Ошевенского в рукописной традиции (предварительные итоги изучения) // Православие в Карелии. Петрозаводск, 2003. С. 262–270.
- ²⁸ Подробнее см.: Пигин А. В. Каргопольская агиография: К изучению региональных литературных традиций // А. М. Панченко и русская культура. Исследования и материалы. СПб., 2008. С. 56–66.
- ²⁹ Житие Диодора Юрьегорского (БАН, Архангельское собр., д. 260, л. 27–28 об.).
- ³⁰ Пигин А. В. Сказание об иконе Макария Желтоводского в Хергозерском монастыре // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3. Ч. 4. СПб., 2004. С. 603–605. Прп. Макарий Желтоводский не является каргопольским святым, но именно как местный святой он воспринимался на этой территории. Сохранились устные предания о его путешествии по Каргопольской земле и об основании им здесь Хергозерского монастыря.
- ³¹ Как пишет Рыжова, «в Историческую редакцию попали... сведения, устный характер которых очевиден. Некоторые подробности автор взял, вероятно, из местных преданий, бытовавших на родине святого [Антония Сийского.— А. П.]» (Рыжова Е. А. Указ. соч. С. 187).
- ³² Барсуков Н. Указ. соч. Стб. 429.
- ³³ Докучаев-Басков К. А. Указ. соч. № 7/8. С. 261.
- ³⁴ Там же.

Слово похвальное преподобному Пахомию Кенскому

(Л. 59) **Вы есте свет миру. Матфей, зачало 11.**

Вся убо в видимых воистинну просвещает зданный свет. И свет убо просвещает вся зданный зданная, елика под небесем, землю и море, горы и холми, и глубины, и весь род человеческий. Не сущу бо свету, вся мрачна, вся непотребна, вся темна бывають, аки некий лабиринф бездонный чувствуется и бездна премрачная неизмеримая везде всякому мнится бывати. Ни человеком, ниже скотом, ни всякому животному всяко во тме жительство не может быти. Убо ни един свет сладостен не бывает, всяк свет чрез чувства осиявает, сего ради живущее и чувствующее осиявая, вживляя и услаждая. Ибо свет есть всех зрению сладкая пища, радостное видению жилище, веселое созерцанию пребывалище. Яко убо в начале мира по устройению онаго вся Народоделателем быша. И первый человек создася — естество сложное, в плоти тленной и духа нетленна, существо плотное, совокупленное с существом безплотным, смертное — з безсмертным, плоть одушевленная — с душою разумною, живущее сугубою жизнью, временною по плоти, вечною по души. Человек по Бозе наибольшую в мире имеет власть, яко его ради вся создана суть, имеет свободу творити благо против искушений диавола, егоже той сам побеждает за помощь Бога предобрыми действа, всеприлежными подвиги, всеизрядными добродетелей совершенствы. Темже и добродетель есть свет души, по сугубству человека, от дву естеств составлению имуща. По Священному Писанию: «Тако да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят ваша добрая дела и прославят Отца вашего, Иже на небесех» [Мф 5. 16]. (Л. 59 об.) А яко человек сугубоестествен, малый мир премудрыми описуется, убо сугубаго и осияния требуя, настоящего и будущаго, видимаго и невидимаго, во обоих же разумнаго и умопросвещеннаго пребывания, ни на десно, ни на шее преклонения, но царским, си есть спасительным, путем шествовати удожняется, иже святыми благоустрояет, блаженными благоделоват, праведными благосозидает, преподобными поставляет, возводя на степень богоспасительный, и возводит си богосветных всебогатыми добродетелей

приимущества, учиняет по писанному: свет святых обращая из мрачна неведения, да не убо претемный и по внутреннему человеку лабиринф обрящется.

Понеже нам днесь слово предлежит, о всежелательнейшии слышателие, предлежит бо ми слово правительство чредодержавствующи, благодати те зоименитаго, велию веру и усердие ко преподобному отцу Пахомию имуща, велие всеприлежание и з домашнею его нашею церковию показуя на вышесильное. Се нас, грешных, дело убеждаста о человеце не просте, но богоугоднем мужи, сугубо просвещенном отцы, зоводем Пахомии, по добродетельному его житию богопрославленном преподобном авве, в северной страны России, яко светилник на свещнице, в Новоградской епархии краепредельному в Каргопольском уезде просиявшем, в месте же за три поприща от верхоустия Кены реки обитель устроившем, нарицающася Кенский. А отькуду пришед ту, и коего града и рода, града же и отечества, или где пострижен бе, о том по сей час нам обрести не прилучися, яко о не имущем настоящего града, но грядущаго взыскуемом [ср. Евр 13. 14]. (Л. 60) Токмо преподобие онаго мужа паче солнечных луч прослутием всюду сияет, всюду славою безмерно блистает, паче же в Каргопольских пределах, идеже монастырь многими своими труды и поты согради, и братию собра, и благочинием устамени, все благопотребно и все преподобно устрои.

Како же убо сей преподобный от родителей отлучися? Како искренних сродников оставити изволи? Како села, како имение, негли и служащих име, како вся презре? Како града или весь и страну, в нейже виташе, и дом, в немже утешашеся, и други, и соседи, с нимиже веселяшеша, и всякий мира наслаждения вид уничижи, иже препяти его доблести не возможе, на иноческий степень востече, ин от мира, инок дивный быв, в животе и по смерти добродетельми и чудесы преславными свидетельствуется. Откуда же бысть ему таковая благодать, сила и мощь вышесильные страсти побеждати, духом на плоть воевати и преодолети, аще не от Божия помощи, отькуду бо всяко благо истекает, яко от источника приснутекущаго живыя спасенныя воды. Глаголет бо Христос иногда к самарянини о Себе: «Пий бо от воды сея не вжаждется николиже» [Ин 4. 14]. И паки: «Овца Моя гласа Моего слушают» [Ин 10. 27].

Темже помянутый раб Божий, услышав Владыки своего преблагословенный глас он, сице глаголющ: «Аще кто оставит дом, отца и мать, жену и чада, села и имение имене Моего ради, сторицею приимет и живот вечный наследит» [ср. Мк 10. 29–30]. (Л. 60 об.) Обаче и се не без помощи Божия кто может иго носить, по словеси Христа моего, рече бо: «Без Мене не можете ничтоже творити» [Ин 15. 5]. И темже с помощью Божиею преподобный он в мире красных и сладких о оставлении доблественно подвижесе, и конечно всех пристрастий мирских отъвержесе, на страсти мужески вооружися всетщательно худшая покорити лучшему и плоть поработити духу. И тем иноком бысть наставник, житель пустынный, благотекущим утешитель, правило добродетелей известное. И ныне, на небеси предстоя Святей Троице, о нас моля всеприлежно, и с верою приходящим во обитель твою святую цельбы подаеши. Елико бо кто с верою еликою просит — и приемлет, и молящимся всеусердно обретається всемиловит, по словеси Господню: «По вере

вашей бывает вам» [Мф 9. 29]. Не точию телесное здравие, но и душевную доброту на первобытное достоинство обуча въводит преподобне, в преподобие преподобный.

Кому неизвестны и его преподобническая направления, но явленный бо творит преподобный отец, всероссийская звезда, пресветлый светильник Антоний Сийский, ученик его, имже бе обучен всякому благочинию и благонавию и пострижен бе, пятолетное же у отца Пахомия з братиею в послушании пребысть в Кенской обители. И отгуду Антоний по благословению преподобного отца Пахомия к Студеному морю на некое место вселися. И оттуду лишенными любви, да не реку разума, по приточнику, человеки изгнан бывает. И преселися на Сию реку при том же хладодышущем море окиане, устрои (Л. 61) обитель и собра братии множество. И распространися молитвами его монастырь пречестен, зовомый Сийский, даже до дне сего, аки град благоустроенный или, рещи, светильник на свещнице всюду славою сияет, во всей России многословуто прославляется за блаженные труды всеблаженного Антония, богоизбранного мужа, преподобного и в мужех всеизряднейшаго, в преподобных преподобнейшаго. Яко и пророк богоотец Давид издалеча о таковых богоугодных блаженных мужех прорече: «С преподобным преподобен будеши» [Пс 17. 26].

Тако Антоний с преподобным пожив, преподобен устроися быти, со избранным в добродетелех благоизбранно подвизася. Якоже Феодосий со Антонием, Печерстии отцы, сподвижеса добре, тако Сийский Антоний с Пахомием Кенским отцы в благоигоношении всеусердно течаста, спасительный подвиг совершающе. Обои, словестных овец стадоводствующе^а, пастырие всеспасительнии быша, умножающе чада в пустыни и благоразумию наставляюще, Богом наставляемии отцы. Сего ради и память их от рода в род, и чудес даром обогатистася учитель со учеником от всепремудраго Учителя и Зиждителя тварем духовными дары преизобилувати и многих чудес обретоста благодать, еюже всеспасительно просветистеса, еюже всебогато озаристеса. И, яко кедр, иже в Ливане, умножится преподобный отец наш Пахомий со ученики своими, насаждении в дому Господни, в дворех дому Бога нашего процветша [ср. Пс 91. 13–14]. Темже память твою всепресветлую возвеличим днесь и пением Божественным ликование составим всечестне, Пахомие! Ты бо небесныя дары приемлеша, имже подаеши от всех недуг здравие приходящим к тебе с верою, и молишися Христу Богу, да подаст миру велию милость.

(Л. 61 об.) Моли, моли, о преподобне, о граде же и людех всесилоного и всемогущаго Бога сохранитися ненаветным от всякаго злаго обстояния, сохранитися от бесовскаго лаяния, сохранитися от внешних и внутренних бесонаводных искушений, сохранитися безоустремительных сквернопоражений, сохранитися от всех умовредных обуреваний, сохранитися в благочестии и вере от погрешности, сохранитися от тлетворных воздушных мороветрий, сохранитися от гнева и ярости, от небратолюбия и зависти, сохранитися от

^а Исправлено, в рукописи: стадободствующе.

лукавоковарных^а нравозлобствия, злопомнения же и ненависти. Да мир и тишину въведет премирный Владыка и подаст утешение рабом Своим в настоящем же и в будущем веце. И идеже свет лица Его присещает, тамо вселитися нам. О святче, помолися, помолися! Тамо...^б идеже ангели желают приникнути, идеже око не виде, ни ухо слыша, ни на сердце человеце взыде, иже уготова Бог любящим Его [1 Кор 2. 9], о, да бы сподобил нас всещедрый, преблагий и всепремилостивый Владыка и Бог такового достигнути твоими, преподобне авво, молитвами рая селения, такового получитьи едемского благонасаждения, такового недро Авраамля сопричастником быти, такового, какового, якового ангели желают приникнути. Откуда желает же и богатый оный и молит Авраама отца ко прохладению в безконечных его муках ниспослатися во уста его многоогорченожаждущая капли водныя уканутися от Лазаря краеперста. Ужасает бо ми и страшит она евангельская притча богатаго и Лазаря! Егоже ты широкаго пути, в погибель ведущаго, удалился еси, о преподобне отче Пахомие! Тем же христорадостным, в жизнь вечную ведущим путем изволил еси шествовати, о авво Пахомие!

Умолим ли тя молитвенника за ны быти всеприлежна и предстателя к Богу всемилосердому всемилосердне, теплей (Л. 62) шую тя нам, грешным, помощь? О боголюбивое собрание! Умолим сего нам помощника быти милостивейша, ходатая скорейша к небесем и руководителя неложнаго. Умолим святаго отца нашего жития милосерда быти окормителя, во еже юность наказати, старость укрепити, паству оградити, ярем послушания облегчити, жестокое подвигов умягчити, горькое терпения усладити. Умолим святаго отца Пахомия нашея души тричастное добре окормити, якоже словестное от мнения возношения и помрачения оградити, тако и яростное от гнева, дерзости и злопомнения обуздати, тако желательное от похоти, нечистоты и скверны цело сохранить, и елико от сопротивных, си есть страстей, грехов и зол, оборонити.

Помолимся толико и на добродетель оправдания и святыни поспешествовати благосмиренне умолим, благосмирившеся. Мужие честнии, воскрилие риз своих управляющи! Жены благообразнии, тихохитростно и гордодвижно стопы своя пременяющи, смирением, яко драгоценным монистом, украсившеся, в молитвенных подвигах присно пребывающе! Всеприпадательне отца умолим! Немошнии — умолим в немощех посетителя быти безтрудна и врача безместна, больнии — целителя всещедра, бесомучимии — бесогонителя крепка и наглопадания оных избавителя скорейша. И обще въкупе и единомысленне вси — старцы и юнии, вси — управляющи и управляемии, и вси — пасущии и пасомии, вси — немощнии и зъдравии, вси — мужие и жены, везде приближающеся, везде скоро предворяюща, везде тепле от бед изимающа, дивнаго чудотворца преподобнаго отца ублажим и умолим о просвещении душ наших и телес. И под кров (Л. 62 об.) онаго заступника всеусердно подтекше, онаго твердошитным осенением покроемся. Да же настоящаго

^а Исправлено, в рукописи: лукавоковарных.

^б Далее в рукописи неразборчиво.

жития течение, онаго наставлением руководствуеми, без бед претечем. Да же от находящих бед и напастей, но того молитвами осеняеми и храними, не низлагаеми обрящемся. Да же, чрез многоволненное страстей море в будущее текуще, Небеснаго Царствия невлаемое пристанище, всеблажайшее отишие, всеблагопочиваличное святых недро незаблудным того предвожде-нием благочестно^а и всенадежно достигнем. Милостию и щедротами Христа Спасителя нашего и Бога, Емуже слава, честь и держава и поклонение со Отцем и с Пресвятым и благим и животворящим Духом ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Изъвещение въкратце^б о преподобном отцы нашем Пахомии, Кенском чудотворце, в кая лета бе, и о том явствует ниже сего

Нам, о возлюбленнии слышателие, чадом его, не познаваеся, отъкуду сей отец наш авво Пахомий прииде на место сие, коего града или веси и отечества и рода. Но токмо значитя от обители преподобнаго отца Антония Сийскаго от летописца его обретаем: преподобный Антоний Сийский пострижен бысть от преподобнаго Пахомия Кенскаго в лето 7016 год, и в послушании у него пребысть 5 лет, и отъпущен бысть от преподобнаго Пахомия в лето 7021 года, и преселися на (Л. 63) реку Шелексу, и тамо поживе 7 лет, и отъуду изгнан бысть поселяны, и прииде на реку Сию, идеже ныне монастырь стоит. И от сего значитя, что преподобный Пахомий бе в лета благовернаго великаго князя Василия Иоанновича, отца великаго государя Иоанна Васильевича Московскаго и всея России, при митрополите Варлааме Московском и всея России и при архиепископе Генадии Великаго Новаграда и Пскова. В лета 7021 года, в онже разлучистася преподобнии отцы друг от друга, и от того времени преиде^в преподобному Пахомию Кенскому 227 лет по сей 1742 год. И более сего о летех его и о житии его нигде не возмогохом обрести, понеже в предъидущая лета бывшая литовския на Россию нахождения, такожде и на святую сию обитель разорения, такожде и огнем многажды погоре святая сия обитель. И от того литовскаго нахождения и от огненнаго запаления, мним мы, чада его, яко прежде бывшая о преподобнем отцы авве Пахомии подлинная история пограблена бысть или погоре. Того нам за претечением толиких многих лет утаися от нас. Таково житие бысть преподобнаго отца нашего начальника Пахомия, от Кены реки зовамаго Кенскаго, пречестен монастырь сотворшаго, и братию многу собравшаго, и общежительство в Каргопольстей области сочинившаго, идеже лежит трудолюбное и святое его тело, подает богато различная дарования целебная с верою к нему приходящим и до сего дни. Которая его предивная чудеса, сотворшаяся от него в последняя осмой тысящи лета, вашей любви, о дражайшии слышателие, ясно объявляем, яже въпреди речена будут. (Л. 63 об.) Но, о преподобный отец наш авво Пахомий,

^а Исправлено, в рукописи: благочетно.

^б Исправлено, в рукописи: въкратце.

^в Далее в рукописи заключено в квадратные скобки: лет.

(Л. 173 об.) **Чюдеса преподобнаго отца нашего Пахомия Кенскаго,
Каргопольскаго чудотворца**

Чюдо 1-е

В лето 1717 году марта в 9 день приходил в Кенской монастырь Каргополскаго (Л. 174) уезда Усть-Мошскаго^а стану деревни Щербаковы муж именем Феодор Иоаннов Щербаковых и заставил петь молебен преподобному Пахомию. А сказывал той Феодор, что: «Прииде на мя такова скорбь во иступлении ума. В той скорби был вне ума своего 717 году августа с 1 числа. И минуло в той моей болезни недель осмь. Ходя по лесам и по деревням, и пришед в дом свой, и зашед на печь, и вижду противо мене стояща мужа, сего преподобнаго Пахомия чудотворца, в мантии, на главе имуща шапочку камилавку. И в то время в дому моем были две невестки, сыновни жены. И они мене спросили: “С кем ты много говоришь?”. И отвеща им: “С Пахомием Кенским”. И велел мне ити в монастырь. А что я с ним говорил того много, и того я в своей скорби и во иступлении ума своего сказать не упомяну. Толки помню, что видел преподобнаго Пахомия чудотворца очевидно, а не в сонном видении, после полудни. И после того времени Бог мне и ум даровал молитвами преподобнаго Пахомия чудотворца».

Чюдо 2

Каргополскаго уезда Плеской волости деревни Курятковы крестьянин Фаддей Петров Курятков во иступлении ума своего был, что его и ужи не держали. Колико он в той болезни (Л. 174 об.) был, хлеба не ял, лазил на стены, и на воронцы, и на полки. А ему виделись темнообразни демони: лица у них черны, головы острые. Стала ему говорить тетка вдова Акилина, что: «Обещайся преподобному Пахомию, чудотворцу Кенскому». И та вдова стала^б Богу молитися и преподобному Пахомию, и три поклоны в землю поклонилась. И того часа ему стало полегче, и хлеба нача ясти, и здрав бысть молитвами преподобнаго Пахомия, чудотворца Кенскаго. В монастырь приходила вышписанная вдова Акилина и с племянником своим Фаддеем и молебен преподобному Пахомию петь заставляла 1719 году декабря 2 день.

Чюдо 3

Троецкой волости Феодул Ефремов был во иступлении ума своего. И явися ему преподобный Пахомий, чудотворец Кенский, и веле ему ити в монастырь свой. И по явлении том здрав бысть молитвами преподобнаго Пахомия. И в монастырь сей муж приходил, и молебен пет преподобному заставлял, и здравие получил.

Чюдо 4

Бережнодубровской волости с погоста вдова Агрипина, Василья Торопова жена, имея у себе дочь именем Февронию. И та девица ходила по улице, и свалиласе на бревна, и ушиблась о бревна, и пронзила щеку, яко от того

^а Исправлено, в рукописи: Усть-Мошкаго.

^б Исправлено, в рукописи: стаа.

падения щека и ухо запухло велми. И нача ис тоя (Л. 175) щеки и уха^а гной теши. И тою болезнию скорбела она четыре лета. И мати тоя девицы видит сего 1720 году нощию во сне на Страстной недели к субботе на нош: прииде к той девице старец, святолепен зело, в руке имея сосудец, а в другой руке держаше кисть, и из оногo сосудца мажуца оною кистию болную ланиту и ухо. И оная девица прииде к старцу и рече ему: «Отче, откуда прииде и что твориши?» Отвеща ей старец и рече ей: «Аз из монастыря Кенскаго, преподобный Пахомий. А сия девица много лет сею болезнию страждет. И аз скорби ея видети не могох». И отиде от нея старец. И та вдова от сна своего пробудилась и помолися преподобному Пахомию. И в другую ношь святыя Пасхи у тоя девицы из болныя щеки спица вышла такова, аки вчера ту щеку пронзила. И молитвами преподобнаго Пахомия та девица исцеление приять от болезни тоя. И пришед в монастырь, молебен пела, и чудотворцеву гробу поклонилась, и в казну дала полотна. А сие чудо бысть в лето 1720-го году иуния в 27 день.

Чудо 5

Города Каргополя с посаду приходила в Кенской монастырь вдова Пелагия Михайлова, Василья Белоусова жена, и пела молебен преподобному Пахомию чудотворцу. И та вдова сказывала про себя, что: «Я скорбела седьм недель, а скорбь была такова щипота. И видит (Л. 175 об.) в соннем видении старца, сидяща близ мене, и держаща сосудец стеклян в руках своих, и болные места мажуца из оногo сосуда. И я его воспросила: “Откуда ты, отче?” И отвеща мне он и рече: “Аз Кенскаго монастыря Пахомий”». И она от сна возбудися и слышит, что тоя скорби не слышати молитвами преподобнаго Пахомия чудотворца. Здравие получила 1728 году февраля в 15 день.

Чудо 6

Пиялской волости деревни Хачалы Филипп Иоанов приходил с своею женою [и рассказал], что: «Была жена моя в велицей скорби многия лета, и явися ей преподобный Пахомий Кенский и повеле ей ити во обитель свою». И во обители была та жена с мужем своим, и гробу поклонилась преподобнаго Пахомия, и молебен пели, и здравие получили молитвами преподобнаго Пахомия.

Чудо 7

Кенорецкой волости деревни Соймусова девица Феодосия Семенова мучима от беса трясавичною немощию. Мати ея обещалась преподобному Пахомию, дабы та болная дочь сводить во обитель преподобнаго Пахомия. И во обители была, и молебен пела, и здравие получила у гроба преподобнаго Пахомия чудотворца.

Чудо 8

Троецкой волости Иоан Богатых в болезни был от беса мучим, яко много ужем (Л. 176) его вязаша, но и путы его не держаша. Явися ему преподобный Пахомий. Той болный помалу во ум прииде, и поиде во обитель преподобнаго Пахомия, и молебен пел, и здравие получил молитвами преподобнаго Пахомия, чудотворца Кенскаго.

^а Исправлено, в рукописи: уга.

Чюдо 9

Обонежских погостов Толвуской волости Пелагия попадья приехала во обитель преподобного Пахомия и сказывала, что: «Я была в болезни^а великой. И явился мне преподобный Пахомий Кенский и рече: “Иди во обитель Кенскую, что в Каргополском уезде на Кене реке”». И по глаголу его во обители была, и молебен пела, и здравие получила молитвами преподобного Пахомия чудотворца.

Чюдо 10

Каргополскаго уезда Усть-Мошскаго стану деревни Кувакинской крестьянин Иоан Трофимов Кочюров на Богоявленской недели пришед с работы в дом свой, в нощи лег спати. «И вижду во сне: прииде ко мне старец в мантии и в епитрахилии, и взяв мене за руку мою, и глагола мне: “Скоро востани, поиди во двор свой, велика нужда тебе есть”. И аз вопросих его: “Откуда ты, отче?”. И рече он мне: “Аз Пахомий Кенский”. Аз же по глаголанию его востах скоро и вышел во двор. И двор мой огнем возгореся. Аще бы не его, преподобнаго отца Пахомия, явлением, то бы и сами от огненнаго запаления згорели». 1702 году.

Чюдо 11

Плеской волости з Горки вдова Парасковия Елисеева, (Л. 176 об.) Мануила Черепанова^б жена, скорбела рукою. И явились ей преподобный Пахомий Кенский и Александр Ошевенский обещание положити сходити преподобным отцем во обители сходити к ним. И егда от них здравие получила молитвами их, тогда обещание свое ни во что положила. И вторично также рука заболела. И от тое ручные болезни учала голова болети, и в той болезни полгодишное время была. «И вижду во сне Пахомия чудотворца в его обители. И глагола мне: “Что ты долго к нам во обители не бывала и первое свое обещание забыла? Иди ныне и от болезни свободися молитвами преподобнаго Пахомия чудотворца”». И во обители была, и молебен пела, и здравие получила.

Чюдо 12

Кумбосозерской волости Феодор Насонов имея у себе сына именем Иоаникия. И отец ему многажды запрещал, чтобы во дни неделныя не делати. Он же наказания отца своего преслуша, но делаше во дни неделныя и копытца плетяше или, просте рещи, лапти плетяше. И внезапно порази его о мост, и лежаше безгласен. И явился ему преподобный Пахомий Кенский, и запрети ему, да престанет от таковаго дела. И повеле ему ити во обитель свою его. И обещася Иоаникий к прѣподобному Пахомию, и во обители был, (Л. 177) и молебен пел, и здравие получил у гроба преподобнаго.

Чюдо 13

В Верхночурьевской волости у Спаса на погосте у пономаря Иоанна Иоаннова Пригодина жена его болела зубами полгодичное время. И абие явился ей старец и глагола ей: «Чим болиши, жено?». Она же отвеща ему: «Зубною болезнию». И глагола ей старец: «Обещайся Пахомию Кенскому». Она же

^а Исправлено, в рукописи: полезни.

^б Исправлено, в рукописи: Черепанова.

обещая, и абие от болезни свободися молитвами преподобнаго Пахомия, и во обители была, и молебен пела, и здравие получила.

Чюдо 14

Каргополец, Надпорожской волости житель Стефан Стефанов Исаков послан был из приказной полаты на Белоозеро с казной денежной и с отписками. И будучи ему на Белеезере, и отписки подал. Во отпуске, в отписки и в отчистке казна вся, а в щете и в отдаче казны денег не явилось шестидесяти рублей. И оного Стефана выслали к розыску в Каргополь за караулом. И сел в приказе многое время под караулом. А жена его, печалию одержима велми по мужи своем, и абие в тонок сон прииде, главу свою к возглавию приклонила и нача молитися Господу Богу и Пречистые Госпожи Богородицы со слезами. И явися (Л. 177 об.) ей мних и рече ей: «Жено, не скорби, денги найдутце вскоре». Она же рече ему: «Откуда ты, отче?». Он же глагола ей: «Аз Пахомий Кенский». И абие от сна пробудися и нача вопрошати домашних: «Где есть монастырь Кенский?». Они же сказаша ей: «На Кене реке». Она же прииде в Каргополь и мужу своему видение поведа. И нача муж ея по отпискам и по приемам справливаться, и по сем денги нашлися. И он свободися от такового напраснаго начету молитвами преподобнаго Пахомия, чюдотворца Кенскаго, во обители был и молебен пел.

Чюдо 15

В Корякинской службе Иоан коровяк во младых летех спал в ночи. И явися ему очевидно преподобный Пахомий, и глагола ему: «Что ты спишь? Востани скоро и поиди во хлев. Корова в везиве завертелась головой». Он же воста и пришед в хлев, и корова запуталась. «И я веревку срезал и по обычаю еще лег спать. Тое же ноци той же чудотворец Пахомий идет ко мне, на голове камилавка, в руках листовка. Листовкой по мне и ударил и глагола мне: «Почто ты в коровой хлев ходил, а в овечей не ходил? И овца завалилась в ясли. Можеш ли живую застати». (Л. 178) И я пришед в хлев, и овца лежит вверх ногами в яслях, билась велми, шерсть с кожи содрала и со спины. И едва летом отводились молитвами преподобнаго».

Чюдо 16

Каргополец, посадской человек Василий Стефанов Армеников, а попа Никиты Нефедьева внук, ехал от Макарья на судне и впаде в болезнь трясовичную. И явися ему преподобный Пахомий в соннем видении, и рече ему в своей обители в часовне: «Востани от болезни своя, время тебе работать». «И от сна абие я возбудися и ощути в себе здравие потом. И егда прииде в дом свой, поиде во обитель преподобнаго Пахомия чюдотворца». Во обители был, молебен пел, молитвами преподобнаго здравие получи и отиде в дом свой, благодаря Бога и чудотворца Пахомия.

Чюдо 17

В лето от создания мира 7199^а году Каргополскаго уезда Кенорецкой волости крестьянин Петр Шишкин приходил в Кенской монастырь и сказывал

^а Слова «создания мира 7199» написаны по стертому, от старой записи прочитываются слова: Божия Слова.

молися о нас выну ко Господу, еже спастися душам нашим, Емуже слава и держава во веки. Аминь.

(Л. 64) О бывшем чюдеси преподобнаго отца нашего Пахомия Кенскаго, которое бысть в лето 7016 году. Уволяяй о сем уверитися да четет книгу святаго Антония Сийскаго и обрящет желание

Чюдо первое.

Тайну цареву добро есть хранити, а дела Божия проповедати преславно есть. И аще кто тайну царя земнаго открыет, велию себе беду наносить. Кольми же паче тайну Царя царем и Господа господствующим и святых Его утаити потщится, кую благодать таковой имать? Но токмо казнь и, конечно, адскую муку. Чего ради боимся умолчати, егоже Сам Бог прославляет, по реченному: «Прославляющаго Мя прославлю» [1 Цар 2. 30]. И аще и мы о святом наставнике нашем Пахомии и о чудесех его умолчим, то и само камень возопиет и побиет ны.

Случися же сице. Егда восхоте преподобный отец наш Антоний Сийский восприяти ярем монашескаго жития, потече скоро, по писанному, яко елень ко источнику водным, сице и он в пределы Каргопольские области к пустыни святонаставника нашего Пахомия Кенскаго, желая постричься от руки самого святаго старца и святому его житию подражателю быти. Не дошедшу же ему до тоя пустыни пяти поприщ, в тонок сон в нощи той сведен бысть. Зрит мужа священнолепна, сединами украшена, в белых ризах оболчена — то есть преподобнаго Пахомия, который о приходе его еще прежде духом провидя и имеющимся в руке его животворящим крестом благословляя, пророческий глаголя: «Возми крест свой, гряди по мне. Иди подвизайся, не убойся козней диавольских. Будеши бо муж желаний духовных, пустынное воспитание и множеству иноков наставник явишися. И имаши победити лукавые духи». Которое святаго Пахомия прорицание напоследи святому старцу Антонию и событиса, о чем всякому чтущему^а и слышищему и о прочих его, святаго, чюдесех верити достоин. Понеже о том извещении прияхом от человека не гре (Л. 64 об.) шна, но Духа Святаго нисходящую благодать на себе имуща — от преподобнаго Антония Сийскаго. Чему и весма дивитися подобает, какову дару преподобный Пахомий сподобиса, от Кены реки зовомый Кенский, от Царя царствующих и Господа господствующих Богочеловека Иисуса Христа за святое свое житие сподобиса. Чего ради всякому человеку молитися подобает с верою и сокрушенным сердцем, да святых ради его молитв избавит нас всещедрый Господь от всякаго злоключения и напасти и дарует нам яже за веру ко преподобному отцу нашему Пахомию Кенскому в сем и будущем веце благая получитьи о Христе Иисусе Господе нашем. Аминь.

^а Исправлено, в рукописи: чтощему.

ПУБЛИКАЦИИ

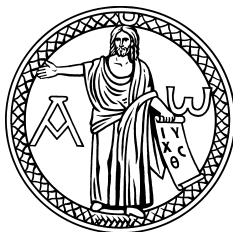
всей братии чудо сие, что^а-де у него сын немощствовал очною болезнию, и свету сего не видел годичное время, и за клюшку его водим бе. «И я, Петр, зря сына своего (Л. 178 об.) в таковой скорби суца, и положих во уме своем ити во обитель ко преподобному Пахомию Кенскому и с сыном своим. И обещался в трудех^б монастырских работать годищное время. И по обещанию том пришед во обитель Кенскую, и припадох со слезами ко гробу чудотворца Пахомиа, и просих его о здравии сына своего, и молебная отпех. Оле, чудеси! От того часу и прозре сын мой и узре свет сей ясно. И потом обещанная исполних. Не токмо годищное время в трудех монастырских пребых, но и полтора года трудихся». И потом отиде в дом свой, слава Бога и преподобнаго чудотворца Пахомиа, бывшее на себе чудо всем проповедуя.

Чудо 18

1730 году ноября 23 дня пришел в Кенской монастырь Каргополскаго уезда Плеской волости деревни Горки крестьянин Игнатей Яковлев сын Волковых. Сказал, что мерин был в немоще великой, что здымать не могли и хотели кожу снимати. И в то вѣремя над нем помолился п̄реподобному Пахомию о здоровье, как здорова будет, отвести в монастырь. И в то время сама стала. И поробил на нем небольшое вѣремя, и по обещанию своему отвел в монастырь оную лошадь, обещание свое исполнил. В том монастыре приняли оного мерина м̄ниси: криласькой Боголеп, Васиян и вѣся братия и служебники. Аминь.

^а Исправлено, в рукописи: чдо.

^б Исправлено, в рукописи: друдех.

ИССЛЕДОВАНИЯ

Б. Н. Флоря*

Митрополит Иосиф (Тукальский) и судьбы православия в Восточной Европе в XVII веке

Иосиф (Тукальский) происходил из известного шляхетского рода, имени которого располагались на территории Пинского повета Великого княжества Литовского. В местном обществе семья занимала видное положение и известна была своей преданностью православию. В 1647 г. брат будущего митрополита Юрий был избран послом на сейм с поручением добиваться передачи Полоцкой кафедры православному владыке¹. Наиболее раннее упоминание об Иосифе (Тукальском) встречается в книгах пинского градского суда 1649 г. В это время он был уже настоятелем Свято-Духова монастыря в Вильно, тесно связанного с Виленским братством², которое играло роль одного из главных центров духовной жизни православного общества в Великом княжестве Литовском. Братство постоянно подвергалось преследованиям со стороны властей, а также католического и униатского духовенства.

В источниках середины 50-х гг. XVII в. Иосиф (Тукальский) упоминается как архимандрит Лещинского монастыря в Пинском повете, в 1640-х гг. находившегося в руках униатов. Очевидно, Иосиф (Тукальский) возглавил обитель после восстания Б. Хмельницкого. К середине 1650-х гг. архимандрит Иосиф стал заметной фигурой в жизни Гетманства. Например, в январе 1656 г., когда у Иосифа (Тукальского) возникли споры с Юдицким, новым мужем вдовы брата Иосифа, и Юдицкий с отрядом солдат напал на монастырь, Хмельницкий обратился по этому поводу с жалобой к царю³. Влияние архимандрита Лещинского монастыря заметно возросло после смерти Хмельницкого, когда литовский магнат Богуслав Радзивилл обращался к Иосифу как к посреднику при установлении контактов с гетманом Иваном Выговским⁴. В 1657 г., после того как Пинский повет заняли казачьи войска, около 200 местных священников стараниями Иосифа (Тукальского)

* © Флоря Б. Н., 2009

Борис Николаевич Флоря, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, заведующий Отделом истории Средних веков Института славяноведения РАН.

отказались от унии⁵. Осенью 1657 г. он приехал в Киев на выборы нового митрополита⁶, которые завершились в начале 1658 г. возведением на митрополичью кафедру Луцкого епископа Дионисия (Балабана).

5 января 1658 г. лещинский архимандрит вместе с архимандритом Киево-Печерского монастыря Иннокентием (Гизелем) обратился с посланием к царю Алексею Михайловичу⁷. Более поздние источники сохранили свидетельства о близких, дружеских отношениях этих представителей украинского духовенства, поэтому факт составления ими общего послания удивления не вызывает. Что же они предлагали царю и что ожидали от русского монарха? В послании разоблачается «лесть» и враждебность «ляхов» и «литвы», а также звучит призыв к бдительности: «Храни ся и всю державу от псов». Иннокентий (Гизель) и Иосиф (Тукальский) напоминали царю о преследованиях, которым подвергались православные, говорили о погибших мучениках, таких как Афанасий (Филиппович). Они обращали внимание царя на то, что шляхта Новоградского воеводства враждебна русской власти и тайно сноится с литовским войском, а в западных городах Великого княжества Литовского — в Волковыске, в Гродно, в Троках — униаты сохраняют свои храмы и значительную часть владений. Такие сведения вряд ли могли исходить от проживавшего в Киеве Иннокентия (Гизеля), скорее всего, их сообщил тесно связанный с Великим княжеством Литовским Иосиф (Тукальский). Читающаяся в послании просьба снова прислать русские войска в Пинский повет, который они «напрасно оставиша», еще более определенно указывает на активную роль Иосифа (Тукальского) в написании послания. Очевидно, что в начале 1658 г. оба автора были глубоко убеждены во враждебности государственных органов и шляхты Польско-Литовского государства православию и укрепление позиций православия в Восточной Европе связывали с политикой русского монарха.

В дальнейшем, однако, пути этих двух выдающихся деятелей разошлись. В июне 1658 г. митрополит Дионисий (Балабан) покинул Киев и больше туда не вернулся, став на сторону гетмана Ивана Выговского в конфликте с русской властью. Иосиф (Тукальский) присоединился к митрополиту и, по-видимому, начал играть видную роль в его окружении. Так определилось (и надолго) место Иосифа (Тукальского) среди духовенства Киевской митрополичьей кафедры. Архимандрит Лещинского монастыря примкнул к той его части, которая враждебно восприняла исходившие из Москвы предложения о подчинении Киевской митрополии власти Московского патриарха и решила вместе с казацкой верхушкой искать соглашений с казавшейся тогда ослабленной Речью Посполитой. На этот выбор Иосифа (Тукальского) повлияли, по-видимому, его более ранние связи с Феодосием Василевичем. Феодосий принадлежал к близкому окружению Киевского митрополита Сильвестра (Косова), находившегося в сложных отношениях с властями Гетманства и стремившегося сохранять контакты с польской властью. Связанный в предшествующие годы с литовским гетманом Янушем Радзивиллом Феодосий в 1654 г. оставил Киев и стал архимандритом Троицкого монастыря в Слуцке — главной обители православного духовенства в Слуцком кня-

жестве Радзивиллов, одновременно митрополит назначил его своим наместником на территории Великого княжества Литовского. Зимой 1654/55 г. Феодосий (Василевич) уговаривал жителей Могилева сдать город литовским войскам. В 1658 г. у него нашел временный приют митрополит Дионисий (Балабан), покинувший Киев⁸. Другая часть украинского духовенства, к которой принадлежал Иннокентий (Гизель), также хотела сохранить автономию своей Церкви, но не желала разрыва с Россией, видя в ней главного защитника и гаранта сохранения православия на украинских и белорусских землях.

Объединившиеся вокруг митрополита Дионисия (Балабана) авторитетные духовные лица стремились обеспечить интересы православия при заключении соглашения между властями Польско-Литовского государства и Войском Запорожским. Проект договора, составленный в Гадяче в сентябре 1658 г., предусматривал ликвидацию унии, предоставление православным иерархам мест в сенате и равных прав с католиками, передачу православным в течение 6 месяцев после заключения соглашения всех кафедр и имущества, исторически принадлежавших православной Церкви⁹. Это общее положение было детально раскрыто в петиции Войска Запорожского к сейму 1659 г., который должен был утвердить принятый в Гадяче текст документа¹⁰. В петиции предусматривалась в частности не только ликвидация унии, но и устанавливался строгий запрет держать униатов в своих владениях под угрозой изгнания и конфискации имущества. За соблюдением запрета должен был следить «инстигатор» княжества Русского (каким должно было стать Гетманство). В его задачи входило осуществить передачу православным церковных учреждений и их имущества, а также следить, чтобы православных лиц не привлекали к светскому суду. В документе затрагивались и некоторые конкретные вопросы. Так, говорилось, что иезуиты должны вернуть земли, отобранные у Иосифа (Тукальского), а сейм обязан утвердить декрет по делу последнего с мужем вдовы его брата Юдицким. Эти особенности документа позволяют полагать, что Иосиф (Тукальский) активно участвовал в его составлении.

На сейм 1659 г. митрополит Дионисий (Балабан) отправился с большой делегацией духовенства, в состав которой входили Иосиф (Тукальский) и Феодосий (Василевич). Иннокентий (Гизель) на сейм не приехал, и король обещал отдать Киево-Печерский монастырь митрополиту¹¹. Однако текст соглашения был одобрен только в том виде, в котором он был выработан в Гадяче, причем положение о ликвидации унии было опущено, а о передаче имущества православной Церкви сказано в общей форме. В качестве уступки было запрещено основывать новые униатские учреждения и снабжать их имуществом¹². После этого митрополит Дионисий (Балабан) привел казацкую старшину к присяге на верность королю и Речи Посполитой. Договор, предусматривавший возвращение шляхетских имений бывшим владельцам, вызвал резкую отрицательную реакцию украинского общества. Вспыхнувшее восстание привело к падению Выговского и возвращению Гетманства под русскую власть. Эти события не повлияли на позицию митрополита Дионисия (Балабана) и его советников. Для них имел значение тот факт, что по условиям

Переяславского соглашения 1659 г. духовенство Киевской митрополии должно было находиться под «благословением» Московского патриарха, который «в права духовные вступить не будет»¹³. После падения Выговского митрополит покинул территорию Гетманства, хотя в марте 1660 г. новый гетман Ю. Хмельницкий просил его вернуться в Киев. Через своего «казнодея» (проповедника) Тарасия Забузского Дионисий (Балабан) призывал гетмана порвать с Россией и перейти на сторону Речи Посполитой, а когда это произошло, убеждал гетмана держаться принятого решения¹⁴.

В таких условиях для русского правительства стала необходимой организация церковного управления землями Киевской митрополии, которые оставались под русской властью. Первоначально управление было поручено Черниговскому епископу Лазарю (Барановичу). Но недовольный его недостаточной активностью Алексей Михайлович решил сделать местоблюстителем митрополии одного из главных сторонников промосковской ориентации среди украинского духовенства нежинского протопопа Максима Филимоновича. Вызванный в Москву, он принял монашеский постриг с именем Мефодий, и 4 мая 1661 г. местоблюститель Московского патриаршего престола митрополит Питирим поставил его епископом на пустовавшую в течение ряда лет Оршанскую и Мстиславскую кафедру¹⁵. Это была одна из кафедр Киевской митрополии, и поставление Мефодия явилось важным шагом на пути к подчинению церковных учреждений Киевской митрополии Московскому патриархату. В ответ митрополит Дионисий (Балабан) поставил на ту же кафедру архимандрита Иосифа (Тукальского), и 3 августа 1661 г. король Ян Казимир дал ему соответствующий королевский привилей¹⁶. Так окончательно определилось место Иосифа (Тукальского) в рядах той части украинского духовенства, которая выступала против России и на этой почве сотрудничала с властями Речи Посполитой. В данном случае интересы сторон совпадали. Своим актом митрополит Дионисий (Балабан) подчеркивал независимость духовенства Киевской митрополии от Московского патриархата, а король Ян Казимир демонстрировал свои права на земли, занятые русскими войсками.

В другом аспекте отношения митрополита Дионисия (Балабана) и его окружения с польской властью оказывались гораздо более сложными. Переход правобережного казачества во главе с гетманом Ю. Хмельницким под польскую власть осенью 1660 г. был оформлен Чудновским договором. В нем повторялись те же условия, определявшие положение православия в Речи Посполитой, которые содержались в Гадячском договоре (утвержден сеймом в 1659 г.)¹⁷. Однако положения этого договора, которые предусматривали передачу православным церковных имуществ, находившихся в руках униатов, не выполнялись¹⁸. Более того, начались преследования православных, прежде всего на тех территориях, где они не могли рассчитывать на поддержку казачества. Так, уже в июле 1661 г. король был вынужден предписать униатскому Турово-Пинскому епископу Андрею Золотому Квашнину прекратить преследования и не принуждать православных священников подчиняться его власти¹⁹. Но помогало это плохо, поскольку 18 января 1662 г. последовало аналогичное распоряжение, адресованное пинскому старосте

А. Млоцкому²⁰. В документе содержится указание, что он выдан по ходатайству Иосифа (Тукальского). Хотя эти земли не входили в состав Оршанской и Мстиславской епархии, епископ действовал в данном случае, очевидно, как наместник митрополита в Великом княжестве Литовском²¹. По-видимому, из-за выступлений в защиту православных на землях Великого княжества Литовского новый архиерей не смог стать своим ни для польских властей, ни для пропольски настроенных представителей казачьей верхушки. Это сделалось ясным во время выборов нового митрополита после смерти Дионисия (Балабана).

О ходе выборов известно из протеста трех епископов — участников выборов, а также из письма гетмана Павла Тетери королю и коронному канцлеру М. Пражмовскому. В своем протесте, датированном 19 ноября 1663 г., 3 православных епископа заявляли, что в их отсутствие архимандрит случкий Феодосий (Василевич), собрав некоторых духовных и светских особ «ргуватніе обраї і роруїо огласїї» (частным образом выбрал и объявил народу) митрополитом Иосифа (Тукальского)²². Существенно иначе описывает положение Павел Тетеря. По его словам, все духовные и светские участники выборов (кроме епископов) — и казаки, и шляхтичи Киевского воеводства и Волыни, и «wszystek kler» (весь клир) поддержали кандидатуру Иосифа (Тукальского). Данная версия представляется тем более показательной, что Тетеря хотел бы видеть на митрополичьей кафедре другого человека и разделял сомнения, высказанные по поводу этой кандидатуры коронным канцлером²³. Однако поддержка Иосифа (Тукальского) была настолько единодушной, что гетман советовал утвердить его выбор, несмотря на протест епископов. Очевидно, православное население Речи Посполитой видело в епископе Иосифе (Тукальском) надежного защитника своих интересов. 15 ноября 1663 г. П. Тетеря разослал универсалы, в которых извещал об избрании Иосифа митрополитом и предписывал ему повиноваться²⁴.

Направившаяся к королю делегация духовенства во главе с бывшим гетманом Ю. Хмельницким — иноком Гедеоном — получила 22 ноября королевский привилей на митрополию с сохранением за митрополитом Иосифом лещинской архимандритии²⁵. Двумя днями позже, 24 ноября, по просьбе епископов Ян Казимир дал такой же привилей на митрополичью кафедру Перемышльскому епископу Антонию (Винницкому)²⁶. Действуя таким образом, власти Речи Посполитой явно хотели ослабить положение митрополита, выбором которого они были недовольны. В такой ситуации многое зависело от того, кто из кандидатов получит благословение Константинопольского патриарха. Гетман Тетеря направил в Константинополь посольство во главе с брацлавским полковником Иваном Сербином с большими суммами денег, но посольство не пропустил молдавский воевода²⁷. Так как после избрания митрополит Иосиф (Тукальский) должен был поселиться в украинской части митрополии, он 3 декабря 1663 г. назначил Феодосия (Василевича) своим наместником на землях Великого княжества Литовского²⁸.

На этот раз Иосиф (Тукальский) пробыл на митрополичьем столе недолго. Когда весной 1664 г. на Правобережной Украине началось восстание

против польской власти и польского ставленника Тетери, митрополит и инок Гедеон (Хмельницкий) были арестованы по обвинению в связях с восставшими и заточены в крепость Мальборк в Пруссии. Осведомленный современник приписывал инициативу ареста Тетере²⁹, и это свидетельство находит подтверждение в письме гетмана М. Пращмовскому от 12 марта 1664 г. Гетман писал, что от Иосифа (Тукальского) исходит все злое, что происходит, а попавшие в его распоряжение документы подтверждают подозрения, высказывавшиеся ранее канцлером³⁰. За арестом митрополита вскоре последовали требования его освобождения, исходившие от тех общественных сил, которые оказали ему поддержку на выборах. Хотя гетман, как показано выше, оказался причастен к аресту Иосифа (Тукальского), он вынужден был считаться с настроениями в казачьей среде и официально ходатайствовать об освобождении и митрополита, и Гедеона (Хмельницкого). В составленной в ноябре 1664 г. инструкции послам Войска Запорожского на сейм содержалась именно такая просьба³¹. В начале 1665 г. шляхта Киевского воеводства поручила своим послам ходатайствовать, чтобы Иосиф (Тукальский) и Гедеон (Хмельницкий), арестованные без суда, были либо подвергнуты судебному разбирательству, либо освобождены³².

1665 год принес неприятные для государственных органов Речи Посполитой перемены на Правобережной Украине. Восстания здесь усилились, и Тетеря был вынужден бежать в Польшу. Гетман Петр Дорошенко, пришедший к власти при поддержке Крыма, занимал по отношению к Польско-Литовскому государству гораздо более самостоятельную позицию и стал энергично добиваться освобождения узников³³. По-видимому, вопрос об их освобождении начал обсуждаться в правящих кругах Речи Посполитой. В октябре 1665 г. митрополит Иосиф и старец Гедеон были приведены к особой присяге на верность королю и Речи Посполитой³⁴, однако освобождения за этим не последовало. В инструкции послам Войска Запорожского на сейм от февраля 1666 г. вновь содержалась просьба об освобождении митрополита. При этом подчеркивалось, что Войско признает законным митрополитом только Иосифа (Тукальского), избранного на кафедру в соответствии с установленными порядками и при участии Войска. В документе также указывалось, что, если Иосиф будет «abalienatus» (отстранен) от митрополичьей кафедры, Войско организует выборы нового митрополита в соответствии с установленным порядком³⁵. Тем самым, как представляется, давалось понять, что устранение Иосифа (Тукальского) властям Речи Посполитой ничего не даст.

В мае 1666 г. король Ян Казимир дал ответ на предложения и просьбы Войска Запорожского, где признал законным митрополитом только Антония (Винницкого), который был выбран митрополитом «należycie u prawdziwie» (как подобает и по правилам) и был якобы утвержден в сане Константинопольским патриархом; Войску Запорожскому следует подчиниться его духовной власти. Эти высказывания свидетельствуют, что выдача привилегия Антонию (Винницкому) вовсе не была ошибкой коронной канцелярии. Что касается Иосифа (Тукальского), то в ответе говорилось, что король простил его проступки, а тот заявил что отказывается от верховной власти

над духовенством Киевской митрополии³⁶. По-видимому, Иосиф (Тукальский) был освобожден из заточения после того, как обещал не претендовать на митрополичью кафедру. Свободу он получил уже в начале 1666 г.: как следует из его грамоты жителям Могилева, 14 февраля 1666 г. Иосиф (Тукальский) находился в Лещинском монастыре³⁷. В этой грамоте он выступал одновременно как архимандрит Лещинского монастыря, «епископ Белорусский» и Киевский митрополит, обладающий королевским привилеем и «конфирмованный от святейшего фронту Константинопольского». В действительности благословения от Константинопольского патриарха Иосиф (Тукальский) пока не имел, но текст документа показывает, что он не желал отказываться от своих прав на митрополичью кафедру. В этом вопросе он мог вполне рассчитывать на поддержку Войска Запорожского.

До осени 1667 г. жизнь митрополита Иосифа была связана с территорией его «Белорусской» епархии. Каково же было положение православной Церкви на землях Речи Посполитой в эти годы? Статьи Чудновского договора, определявшие положение православной Церкви в Польско-Литовском государстве и формально сохранявшие силу, фактически не соблюдались. Не осуществлялась передача церковных учреждений с их имуществом от униатов к православным, напротив, начались преследования православных со стороны униатского духовенства. Попытки православных защищать свои права в суде оказывались безуспешными³⁸. Неслучайно в инструкциях послам Запорожского Войска на коронационный сейм 1669 г. был поставлен вопрос о создании особого трибунала в Баре (для Королевства Польского) и в Мозыре (для Великого княжества Литовского), где дела, касающиеся православной Церкви, рассматривались бы судьями, духовными и светскими, из среды православных³⁹. В жалобах, поданных на элекционный сейм 1669 г., вспоминали, что когда на сейме 1666 г. представитель Киевского митрополита принес жалобу на действия Полоцкого униатского архиепископа Гавриила Коленды, то маршалок сейма не дал ему говорить и высмеял его⁴⁰. В эти годы, по-видимому, и сам Иосиф (Тукальский) подвергался репрессиям. В постановлениях конвокационного сейма 1668 г. Лещинский монастырь назывался в числе объектов, принадлежавших униатам⁴¹. В упоминавшихся выше жалобах указывалось, что монастырь силой захватил Киприан Жоховский, в будущем глава униатской Церкви⁴². Осведомленный современник отметил, что митрополит Иосиф (Тукальский) уехал на Правобережную Украину, во владения гетмана П. Дорошенка, так как его «знову хотіли побрати и потратити»⁴³. Позднее нежинский протопоп Семен Адамович вспоминал, что митрополит «ушел из Белой России с одним челядником в лодке Днепром»⁴⁴. 23 декабря 1667 г. Феодосий (Василевич) писал Богуславу Радзивиллу, что в Гетманстве Иосиф был принят со всеми «honorificentissime» (почестями)⁴⁵. Семен Адамович также сообщал, что Дорошенко встретил митрополита «с любовью и двор дал и чем питатца, маєтности»⁴⁶. Резиденцией митрополита стал монастырь Успения Богородицы в Каневе.

Порывая с Россией, та часть украинского духовенства, к которой принадлежал митрополит, рассчитывала, что сможет добиться достойного положения

для православных в Польско-Литовском государстве. Казалось бы, пережитые гонения должны были исцелить митрополита Иосифа от иллюзий, однако иерарх не стал искать помощи и поддержки в России. О занятой им позиции ясно говорит уже упоминавшаяся его грамота в Могилев. В 1661 г. жители Могилева, находившиеся под русской властью, перебили русский гарнизон и перешли под власть Речи Посполитой. По-видимому, за это епископ Мефодий наложил на них церковное «проклятие». Иосиф (Тукальский) своей грамотой освободил их «от всех клятв архиереев неналежащих, наипаче московских»⁴⁷. Никаких попыток установить контакты с Московским патриархом или царем в 1666–1667 гг. митрополит не предпринимал.

Свои планы и надежды митрополит Иосиф связывал с фигурой Дорошенко. Многочисленные свидетельства современников, как русских, так и польских, единогласно указывают на то, что Иосиф (Тукальский) стал одним из ближайших советников гетмана. Так, побывавший в Чигирине Семен Адамович в октябре 1668 г. сообщал, что «в Чигирине вся старшина скорбит на митрополита Тукальского, что Дорошенко гетман ни с кем не советует, толко с митрополитом Тукальским»⁴⁸. Закономерно поэтому искать отражение взглядов митрополита на перспективы православия в Восточной Европе не только в высказываниях самого Иосифа (Тукальского), но и в документах, исходивших из гетманской канцелярии.

К тому времени, когда митрополит Иосиф приехал на территорию Гетманства, положение последнего в системе политических отношений в Восточной Европе стало вполне определенным. Опираясь на союз с Крымом, Дорошенко выгнал с территории Правобережной Украины польское войско и начал переговоры с Османской империей о переходе под ее протекторат. Еще до приезда Иосифа (Тукальского) в Чигирин в грамоте султана Мехмеда IV Яну Казимиру от 21 июля 1667 г. говорилось о «народе козацком», который отдался под покровительство султана, и поэтому, если Речь Посполита хочет сохранить мир, она не должна наносить ущерба его новым подданным⁴⁹. На Украине были люди, понимавшие опасность такого политического курса для судеб православия в этой стране. 16 сентября 1667 г. Иннокентий (Гизель) обратился к гетману Дорошенко с посланием, в котором призывал его отказаться от попыток «искати себе обороны у бусурман». Он обращал внимание гетмана на то, что «за таковою их обороною народы христианские великие греческие, словенские и многие выгублены, и наш народ русский во все концы земли в неволи запровожен и без милости мучитца». В послании, содержавшем в себе идеи, которые легли позднее в основу «Синописа», Иннокентий (Гизель) предлагал вспомнить о древних временах, когда «народы российские, украинские в славе доброй, в вере православной и во всяком изобилии пребывали и всему свету страшны бывали... за державою православных христианских монархов великих князей российских». Он выражал глубокое сожаление, что «наш народ украинский, зачещи между собою брань и несоюз», оставил «своего доброго и мочного заступника, единовверного монарха»⁵⁰. Так планам создания казачьего государства

под османским протекторатом противопоставлялась другая перспектива — объединение всего украинского народа под властью «единоверного монарха».

Выступления в защиту православных снискали митрополиту Иосифу (Тукальскому) большой авторитет в украинском обществе. Посетивший Украину в начале 1668 г. русский дипломат Василий Тяпкин сообщал в Москву, что «мещаня и казаки, паче же черные народы по обе стороны [Днепра.— Б. Ф.] зело любят и почитают митрополита». Он же отмечал, что Иосиф (Тукальский) и Иннокентий (Гизель) «великую любовь меж собою и в народех силу имеют», так что «через них может всякое дело состоятися согласное и розвратное прийти в кротость»⁵¹. Однако митрополит не пытался употребить свое влияние, как Иннокентий (Гизель), чтобы добиться изменения ориентации правобережного Гетманства. Напротив, он постарался использовать возможности, которые лично для него давала эта ориентация. Весной 1668 г. ездившие к султану послы Дорошенко привезли Иосифу от Константинопольского патриарха Мефодия «освященный саккос» и настольную грамоту от 3 марта 1668 г., скрепленную подписями 18 митрополитов⁵². Этот акт делал Иосифа (Тукальского) единственным законным обладателем Киевского митрополичьего стола. Однако дело этим не ограничилось. Как сообщал позднее нежинский протопоп Семен Адамович, побывавший летом 1668 г. в Чигирине, Иосифу (Тукальскому) был доставлен и «привилеи от салтана турецкого на митрополию Киевскую». Семен Адамович сам видел этот документ⁵³, он был выдан явно по просьбе митрополита. Тем самым Иосиф (Тукальский) не только не выступал против политики Дорошенко, но и содействовал вовлечению правобережного Гетманства в тесную связь с Османской империей.

Правда, митрополит и гетман как будто последовали призывам Иннокентия (Гизеля), вступив на рубеже 1667–1668 гг. в переговоры с Алексеем Михайловичем и его советниками, но связано это было прежде всего с серьезными сложностями во внешнеполитическом положении правобережного Гетманства. Соглашения Дорошенко с Крымом и Османской империей вызвали вполне предсказуемую реакцию соседей — Речи Посполитой и Русского государства, опасавшихся, что правобережное Гетманство станет авангардом османской экспансии в Восточной Европе. Заключенный в январе 1667 г. мирный договор в Андрусове предусматривал не только возможность того, что обоим государствам придется «общими силами и войски отпор бусурманом... с обеих сторон свои силы соединяючи, давать». В договоре говорилось и о том, что при ратификации соглашения должна быть достигнута договоренность о конкретных способах действий против татар и османов и «когда бы украинских казаков общими войсками своими до послушания и подданства принуждати имели»⁵⁴. Так как левобережное Гетманство и до, и после заключения договора в Андрусове находилось под русским протекторатом, то речь шла о совместных действиях против правобережного Гетманства. Такое соглашение действительно было заключено в Москве в декабре 1667 г. Одно из его условий предусматривало посылку на Украину 25-тысячной русской армии вместе с польскими войсками «на очищения от татар Украины и еже привести непослушных к послушенству казаков»⁵⁵. Дорошенко оказался

перед угрозой противостояния одновременно двум большим государствам в условиях, когда Османская империя, занятая тяжелой войной на Крите, не могла оказать ему значительной помощи. Гетман принял решение начать переговоры о переходе правобережного Гетманства под верховную власть царя. Такие переговоры предотвратили бы опасность войны с Россией и одновременно внесли бы осложнения в русско-польские отношения, затруднив тем самым возможность совместного выступления обоих государств. На переговорах гетман призывал не отдавать полякам Киев и жаловался на преследования православных в Речи Посполитой. В письме царскому посланцу Василию Тяпкину 1 января 1668 г. он указал на то, что на белорусских землях, возвращенных по Андрусовскому договору в состав этого государства, «ни единыя церкви благочестивым християном имети не вольно». В Витебске это запрещено, а в Полоцке единственная православная церковь сгорела, «а иную вместо той созидати возбранено»⁵⁶. Такие сведения Дорошенко, скорее всего, получил от митрополита Иосифа, который поддерживал постоянные связи с белорусскими землями митрополии. Гетман и митрополит, вероятно, были искренне озабочены положением православных на белорусских землях, но цель этих заявлений состояла в том, чтобы побудить русское правительство к протестам и осложнить русско-польские отношения.

В Москве, несмотря на договор с Речью Посполитой, не спешили посылать на Украину войска, чтобы силой восстановить там польскую власть. Неслучайно по настоянию русской стороны в преамбуле статьи о совместных действиях на Украине указывалось, что прежде чем использовать силу, следует попытаться убедить казаков «за обсылкою обоих великих государей или которого ни есть из них», чтобы они «от бусурман отлучились». Глава Посольского приказа А. Л. Ордин-Нащокин полагал, что этот документ мог служить юридическим основанием для мирного присоединения Правобережной Украины к России: не имеет значения, в чем подданстве будут находиться казаки, «только б от бусурман отлучились»⁵⁷. С предложениями о переходе в русское подданство к гетману был отправлен в конце 1667 г. В. Тяпкин, в будущем известный дипломат, первый русский резидент в Речи Посполитой. В начавшихся переговорах приняли участие и старец Гedeон (Хмельницкий), и митрополит. 16 декабря 1667 г. они сообщили, что будут советовать гетману «быть под рукой» Алексея Михайловича⁵⁸. Тогда же митрополит писал киевскому воеводе П. В. Шереметеву, что будет говорить гетману «о великом его радении в службах обоим великим государям»⁵⁹. В декабре 1667 г. митрополит высказывал пожелания перехода под власть царя украинских земель «по самый Перемышль», чтобы «церкви Божие высвободить от наступающих безбожных ляхов»⁶⁰. Тяпкин полагал, что митрополит будет способствовать успеху переговоров, чтобы вернуться в Киев, и предлагал послать ему «великого государя милостивую грамоту»⁶¹. Переговоры, однако, затягивались. Заявления гетмана о готовности подчиниться верховной власти царя перемежались заявлениями, что он не может разорвать союз с Крымом⁶². Это ясно показывало, что контактам с Москвой в Чигирине не придавали серьезного значения. Митрополит Иосиф (Тукальский)

присоединил свои усилия к действиям Дорошенко, целью которых было ослабление русско-польских отношений, и включился в переговоры. Одно из условий Андрусовского договора предусматривало, что через 2 года после заключения соглашения Киев должен быть передан Речи Посполитой. Дорошенко добивался, чтобы русское правительство это условие не выполняло. Одному из посланцев царя он заявлял, что «он-де, гетман, со всем войском головы свои учнут покладать, а Киева полякам не отдадут»⁶³. Митрополит Иосиф со своей стороны убеждал П. В. Шереметева, что «лутче бы тот Киев без всякого кровопролития и задоров Войску Запорожскому [т. е. Дорошенко.— Б. Ф.] уступить, а не гонителям православия»⁶⁴.

Контакты с русскими властями должны были также послужить прикрытием для тайных переговоров, целью которых было поднять на Левобережье восстание против русской власти и добиться его подчинения Дорошенко. На Левобережье действительно существовало серьезное недовольство политикой Москвы. Реформы середины 60-х гг. XVII в. привели к ограничению автономии Гетманства и обложению его населения налогами для пополнения царской казны, опустевшей после долгой и тяжелой войны. Это недовольство усиливалось слухами о том, что московский договор предусматривает массовое избиение казаков по обоим берегам Днепра («всех вырубить и малой детины не живить»⁶⁵) и что во исполнение этого соглашения на Украину уже идет с войском А. Л. Ордин-Нащокин, который будто бы заявил посланцам левобережного гетмана: «Пора уже вас к Богу отпущать»⁶⁶. Позднее появились и слухи об отступлении Русского государства от православной веры: здесь католикам «чинити костелы позволено, и присяга от самого царского величества тайная с двумя езуиты на Москве учиненная стала»⁶⁷. Подобные слухи, вероятно, распространялись агентами Дорошенко.

В подготовку восстания внес существенный вклад митрополит Иосиф (Тукальский), который убедил возглавить выступление самого левобережного гетмана Ивана Мартиновича Брюховецкого. Посредником на этих переговорах выступал наместник Пивского монастыря Якубенко. Митрополит заверил Брюховецкого, что при соединении казацких войск Дорошенко уступит ему гетманскую булаву⁶⁸. По сообщениям перебежчика из Чигирина Яна Сеножатцкого, митрополит Иосиф (Тукальский) и инок Гедеон (Хмельницкий) присутствовали на раде, где при участии послов Брюховецкого было принято решение «по обе стороны Днепра жителям» перейти под покровительство султана и хана, «а в малороссийских-де городех великого государя воевод и ратных людей побить»⁶⁹. В начале февраля 1668 г. на Левобережье началось восстание, сопровождавшееся уничтожением русских гарнизонов в ряде украинских городов. К этому времени относится обширное письмо митрополита «в Польшу к некоему своему брату духовного чину», перевод которого сохранился в бумагах Посольского приказа⁷⁰. При оценке этого документа⁷¹ следует иметь в виду, что для властей правобережного Гетманства было важно не допустить во время похода на Левобережье нападения на земли Гетманства польских войск. Поэтому Дорошенко убеждал польских военачальников (прежде всего Яна Собеского), что главная цель его действий — вернуть

Левобережье под власть польского короля. Этой же цели должно было служить и письмо митрополита, где читаем, что он «его королевского величества... как всегда был и ныне есть верным подданным всегда». Здесь же говорилось о желании Иосифа, чтобы «гетман запорожский, со всем Воиском с той стороны Днепра соединився, под владением ево королевского величества пребывали подданными». В заключительной части письма указывалось, что он «охотно» послал бы «его королевского величества ноги целовать», но никто, «ведаючи опалу государскую», не осмеливается выполнить такое поручение. Вместе с тем обращает на себя внимание, что даже в написанном с такой целью документе Иосиф не мог удержаться от острых выпадов в адрес польской власти. В письме говорится, что его хотели «повалити... нечестивыми обманами отца Винницкого», что «королевского величества ксендз Савчак» обещал ему «смерть и неволю вечную». Нашлось в письме место и воспоминаниям Иосифа о заточении, и о принуждении к присяге, и о разорении его владений. Правда, в том же письме митрополит писал, что «за их Каиновы поступки Иосифовым желаю именем и делом воздавать» (т. е. за зло воздать добром), но в искренности этих слов Иосифа (Тукальского) есть основания сомневаться.

Содержание письма еще раз показывает, что все столкновения с польской властью не побудили Иосифа (Тукальского) искать поддержки в России. Он с удовлетворением писал о том, как в Гадяче — гетманской резиденции русских — «вырублено, воеводу с сыном убили». В этой связи в письме говорится о Брюховецком: «Я, хотя мало ево знаю, вижу, что добрым хочет быть человеком»⁷². Он выражает надежду, что с приходом на Украину «московских» войск дело кончится вторым Конотопом (т. е. разгромом российской армии). Письмо это было написано в Чигирине 24 февраля 1668 г. Вслед за тем митрополит Иосиф (Тукальский) направился на Левобережье, чтобы подчинить своей власти эту часть митрополии. Как вспоминал позднее один полтавский священник, Иосиф (Тукальский) «наложил клятву на всех попов, которых ставил Мефодий», полученные от него антимины сжигали. Всем священникам в церквах было предписано молить Бога «о благочестивом и Богом данным гетмане Петре»⁷³. Задержанный епископ Мефодий был доставлен в Чигирин, где митрополит приказал снять с него мантию и панацию: «Он в епископах быть недостоин, для того что он принял рукоположение от Московского митрополита»⁷⁴.

Одновременно шли переговоры о подчинении Гетманства Османской империи. В марте послы гетмана прибыли в резиденцию султана Эдирне, откуда вернулись на Украину с посланцем султана Юсуп-чаушем⁷⁵. Сохранились известия, что митрополит «обедал» вместе с послом, а затем «того посла Тукальской из Чигирина провожал 5 верст и благословлял»⁷⁶. Об итогах переговоров митрополит Иосиф известил своего сподвижника Феодосия (Василевича). По его словам, старшина согласилась на турецкую «протекцию», но уклонилась от принесения присяги, на чем настаивал османский посол⁷⁷. Что-то, очевидно, еще мешало полностью присоединиться к Османской империи. По-видимому, на этой раде были подготовлены условия, на

которых Войско Запорожское выражало готовность подчиниться верховной власти султана⁷⁸. Единственным обязательством украинской стороны было участие Войска Запорожского в походах. При этом оговаривалось, что в такой войне османские войска будут находиться под командованием гетмана, а занятые при их участии земли войдут в состав Гетманства и в них не будет ни крепостей, ни войск османов, а на османскую сторону возлагалось обязательство приложить усилия к тому, чтобы границы Гетманства достигали Перемышля, Минска и Путивля. Проект является свидетельством не только существования у гетмана и митрополита широких политических планов, но одновременно и полного непонимания ни характера своего будущего сюзерена, ни возможных последствий принятого решения. Это тем более удивительно, что совсем рядом находились Дунайские княжества, автономия которых была максимально ограничена Османской империей, а сами они обложены огромными поборами. К авторам подобных документов можно отнести китайскую поговорку о людях, готовых «ездить верхом на тигре».

Среди выдвинутых казаками требований есть пункт, который следует связывать с участием в составлении этого документа митрополита Иосифа. Здесь выдвигалось условие, чтобы Константинопольский патриарший престол передавался лишь тому, кого «архиерейский збор изберет», а избранный мог находиться на престоле «до последнего жизни своего дыхания». Выдвижение такого условия говорит и об искренней заботе Иосифа (Тукальского) о судьбах православия, и о его политической наивности, еще большей, чем у гетмана, и странной для человека с таким большим жизненным опытом. Разумеется, не сохранилось документа, которым султан одобрял бы предложенные условия.

Как видно из письма Феодосия (Василевича), общее положение на Украине в начале осени митрополит оценивал как очень благоприятное для политических планов его и гетмана. В распоряжении Дорошенко находилось 200-тысячное казацко-татарское войско, его власти подчинялись вся Украина и Запорожье. Гетман требовал от царя вывести войска из украинских городов, обещая за это мир с Гетманством и с Ордой⁷⁹. События стали развиваться, однако, в другом направлении. После того как в начале июля 1668 г. Дорошенко с частью войск и татарскими союзниками покинул Левобережье, начался постепенный переход левобережных полков на русскую сторону, тем более что Алексей Михайлович объявил об отмене реформ 1660-х гг. В марте 1669 г. на раде в Глухове были приняты новые статьи, определявшие положение левобережного Гетманства в составе Русского государства и избран новый гетман — Демьян Многогрешный. Управление духовенством взял в свои руки Лазарь (Баранович). Избранный гетманом и митрополитом политический курс имел негативные последствия для судеб православия на белорусских и украинских землях. Вступив в противостояние с Польско-Литовским государством и не имея возможности взять над ним верх, власти Гетманства и митрополит утратили возможность влиять на положение православных на землях Западной Украины и Белоруссии, где

укреплялись позиции униатской Церкви. Опираясь при этом на поддержку России они не могли, поскольку находились с ней в открытом конфликте.

Несмотря на неудачу, в Чигирине все же рассчитывали в будущем осуществить свои планы при поддержке османов. Важный шаг в этом направлении был предпринят на Корсунской раде, собравшейся в марте 1669 г. Участники рады объявили османскому послу о своей готовности перейти под покровительство султана. На гетмана были публично возложены присланные султаном одежды⁸⁰. В это время митрополит Иосиф находился в Корсуне, но в раде не участвовал. Еще до созыва рады он выступил в Чигирине с проповедью, в которой говорил, что полякам верить нельзя, ссылаясь при этом на судьбу, постигшую Выговского, несмотря на его заслуги перед Речью Посполитой⁸¹. Тем самым, хотя и не прямо, митрополит поддержал политический курс гетмана. На раде османский посол обещал в будущем дать людей, пушки и снаряжение, в настоящем же он поднял вопрос об участии казаков в войне Османской империи с Венецией на Крите⁸². Таким образом вопрос о помощи гетману и митрополиту со стороны Турции отодвигался на неопределенное будущее.

Когда планы Дорошенко завоевать Левобережье завершились полной неудачей, митрополит Иосиф начал искать иные способы возвращения этой части митрополии под свою власть. В феврале 1669 г. стало известно о его намерении посетить Киево-Печерский монастырь, чтобы похоронить там останки митрополита Дионисия (Балабана)⁸³. Эта явная попытка возобновить прерванные контакты встретила сочувственный отклик ряда высокопоставленных представителей духовенства Левобережья. Сближение Гетманства с Османской империей, нашедшее выражение в решениях Корсунской рады, вызывало здесь глубокое беспокойство. «Непокорные овцы бегут к волку», — писал Лазарь (Баранович)⁸⁴. В их глазах митрополит Иосиф (Тукальский) обладал высоким авторитетом как борец за интересы православия, пострадавший за свои убеждения, и они полагали, что благодаря его вмешательству удастся избежать перехода Гетманства под власть «бусурман». 8 марта 1669 г. Лазарь (Баранович) обратился к митрополиту с письмом, в котором извещал о «вольностях», которые получило казачье войско от царя Алексея Михайловича по соглашению, заключенному в Глухове. Архиепископ Лазарь убеждал адресата, что «никогда бусурман их не даст». Письмо заканчивалось обращением: «Святыня твоя, всея Росии пастырь, обрати и всю Росию к православному монарху российскому»⁸⁵. Весной 1669 г. с письмом к царю обратился Иннокентий (Гизель). Сообщая о решениях рады в Корсуне, он выражал надежду, что митрополит сможет помешать переходу Гетманства под власть Османской империи. «Муж мудрый, — писал он царю о Иосифе (Тукальском), — благочестивый, православия презельный ревнитель, веры святыя восточные столпы неколебимый». О его верности православию говорят перенесенные им преследования, и «за его ревность ко православию к нему весь чин здешней благоволит». Если он вернется на митрополичий стол в Киеве, полагал Иннокентий (Гизель), то «казаки... с турком соединятся не похотят»⁸⁶. В подтверждение истинности своих слов Иннокентий (Гизель) при-

слал письмо митрополита, в котором выражались пожелания, чтобы Алексей Михайлович «равно» с Владимиром Киевским установил свою власть «над всем православным российским народом, егоже долгота от Путивля за Перемышль и Самбор, аж до Санока, широта же от Днестра до Двины и за Двину»⁸⁷.

В Москве, однако, располагали иными сведениями о роли митрополита Иосифа (Тукальского) в событиях, предшествовавших Корсунской раде. Весной 1669 г. к этим сообщениям присоединились новые свидетельства. Освободившийся из плена киевский полковник Василий Дворецкий, говоря о роли митрополита и гетмана, отметил, что Украину «под турецкую мочь те две особы поддают и силно наклонити хотят»⁸⁸. Тогда же в Москву попало письмо митрополита к переяславскому полковнику Дмитрию Райче с предложением перейти на сторону Дорошенко⁸⁹. В итоге Алексей Михайлович отказал Иосифу (Тукальскому) в его просьбе посетить Киев⁹⁰.

Проявленная митрополитом Иосифом (Тукальским) готовность вернуться в Киев привлекла к себе внимание главы Посольского приказа Ордина-Нащокина, решившего воспользоваться случаем и осуществить свои планы мирного присоединения Правобережной Украины к Русскому государству. В ряде записок, поданных царю в конце весны 1669 г., он доказывал, что почву для этого должно подготовить установление церковной связи между Киевской митрополией и Московским патриархатом. Следует добиваться, писал он, чтобы Константинопольский патриарх «учинил... в нынешнее время отпущение Киеву от себя к Московскому святителю». По его плану об этом должен был ходатайствовать Киевский митрополит, а его просьбу мог бы поддержать находившийся в Москве Александрийский патриарх Паисий, «судия вселенной»⁹¹. В дальнейшем это способствовало бы разрыву между Гетманством и «бусурманами». Он также высоко оценивал роль и значение митрополита в украинском обществе. «А того, государь, митрополита Тукальского все народы русские заступником в вере называют и равного ему никого не ставят»⁹². Учитывая реальную роль и планы митрополита, этот замысел Ордина-Нащокина следует признать еще менее реальным, чем надежды, которые возлагали на митрополита Лазарь (Баранович) и Иннокентий (Гизель). Тем не менее переговоры между Ординым-Нащокиным и Иосифом (Тукальским) некоторое время продолжались. Митрополит жаловался на упадок православия в «Литовской земле», на отступничество шляхты, а Ордин-Нащокин отвечал, «похваляя страдания за благочестивую веру православного пастыря кир Иосифа»⁹³, но к конкретным результатам эти переговоры не привели.

Дипломатические маневры Иосифа (Тукальского) не имели нужного ему результата, ему не удалось распространить свою власть на Левобережье. Летом 1670 г. он жаловался, что левобережный гетман Многогрешный «возбранил послушания и благословления сподоблятися» у него, и «в Киеве духовному чину приказано, ни с чем к нему, митрополиту, не отзываясь, отцу Софоновичу [игумену Михайловского монастыря.— Б. Ф.] во всем послушным быти»⁹⁴. В этих условиях митрополит предпринял весьма своеобразную попытку достичь своей цели. Его посланец брацлавский протопоп Роман

Ракушка (вероятно, автор «Летописи самовидца») сумел получить грамоту, в которой Константинопольский патриарх угрожал «проклятием» гетману Демьяну, если тот не отдаст незаконно захваченное имущество о. Романа⁹⁵. Располагая этим документом, митрополит через своего посланца о. Мартирия стал требовать, чтобы гетман разослал «универсал» о подчинении левобережного духовенства его власти, угрожая в противном случае публично огласить в церквях текст Патриаршей грамоты. Гетман выполнить это требование отказался и просил защиты у царя. После предпринятых в Константинополе усилий патриарх в октябре 1670 г. послал гетману свое благословение⁹⁶. Другая попытка вернуть Левобережье под власть Иосифа (Тукальского) имела место на рубеже 1671–1672 гг., когда после окончания войны османов с Венецией обозначилась перспектива скорого прихода турецких войск. Многогрешного убеждали перейти на сторону Дорошенко, чтобы сохранить свой пост и свои владения. В этих тайных переговорах участвовал и митрополит Иосиф. Он прислал из Канева икону, на которой присягал левобережный гетман. Брату Демьяна Многогрешного Василию митрополит писал, что «милостивым... стараньем... гетмана чаёт в Киеве святым поклониться и там быть»⁹⁷. Но эти планы были раскрыты, Многогрешного арестовала левобережная старшина. Во время следствия гонец, ездивший от Многогрешного в Канев, привел слова митрополита: «Сами добре ведаете, при ком хан, то и господин, а есть столь много у салтана сил, что как ляхом, так и Москве дастся знать»⁹⁸. С такими настроениями Иосиф (Тукальский) и его окружение ждали скорого прихода на Украину османских войск.

Переговоры, которые и митрополит, и гетман вели с царем и его советниками в 1669–1671 гг., имели еще одну цель — не допустить наступления русских войск на правобережное Гетманство, пока на Украину не придут османские войска. Как писал митрополит Иосиф Иннокентию (Гизелю), гетман «неотменно с христианскими государствами желает жить в миру и на бурсурман вооружатися готов будет, толко б царское величество и король... сохранять их в покое изволили»⁹⁹. С этой же целью в те же годы велись переговоры с Речью Посполитой об условиях, на которых правобережное Гетманство могло бы возвратиться под ее власть. Обширный документ с изложением пожеланий Войска Запорожского был составлен в июне 1669 г. для послов на элекционный сейм, закончившийся выбором на польский трон князя Михаила Вишневецкого. Неизвестно, обсуждался ли данный документ с представителями государственных органов Речи Посполитой. Другой документ был подготовлен в начале октября 1669 г. для послов, отправленных на коронационный сейм. Сейм был сорван, и поэтому эти предложения не обсуждались, но была достигнута договоренность об организации комиссии для проведения переговоров с Войском Запорожским¹⁰⁰.

Первый документ содержал развернутые обвинения в адрес униатских иерархов, которые в своих епархиях захватывали православные церкви и монастыри. Войско Запорожское требовало, как и ранее, ликвидировать унию и передать православным церковные учреждения и имущества, находившиеся в руках униатской Церкви. Кроме того, особо отмечалась необходимость ото-

брать имущество православных, оказавшееся у иезуитов. Речь шла также об освобождении церковных владений от поборов, о создании особого трибунала для разбора дел, касающихся православных, и о создании кроме Киево-Могилянской академии еще двух академий — в Гоще (на Волыни) и в Могилеве¹⁰¹. Несомненно, в составлении этого документа участвовал митрополит. Помимо очевидных общих соображений можно отметить такие характерные детали, как жалоба на Тетерю, похитившего денежные средства и ризы из Каневского монастыря¹⁰², и предложение передать на содержание этого монастыря доходы Чигиринского староства¹⁰³. Как отмечалось выше, Успенский монастырь в Каневе в эти годы служил постоянной резиденцией митрополита. Охарактеризованные положения были повторены в развернутой форме в инструкции послам на коронационный сейм. Там подробно и конкретно характеризовалась организация судебного трибунала по делам, касающимся православных, указывалось, что в Могилеве и Гоще не должно быть допущено образование других училищ, прежде всего иезуитских, особенно подчеркивалось, что православное приходское духовенство должно быть уравнено в правах с католическим¹⁰⁴.

Важное место занял вопрос о положении православных в Польско-Литовском государстве и в предложениях, подготовленных в Чигирине для переговоров с комиссарами Речи Посполитой в Остроге в 1670 г. Предложения эти во многом повторяли то, что излагалось в предшествующих инструкциях. Снова говорилось о ликвидации унии и передаче церковных учреждений и имущества из рук униатов в руки православных. Подчеркивалось, что обе Церкви, православная и католическая, должны пользоваться одинаковыми правами, а митрополит и епископы должны занять места в сенате рядом с католическими епископами. Предлагалось предоставить Киевской академии права и привилегии Краковского университета. От предшествующих документов новая инструкция отличалась более решительной постановкой вопросов. В ее заключительной части указывалось, что, пока не будет принято решение о ликвидации унии, послы Войска Запорожского не должны приступать к обсуждению каких-либо других вопросов¹⁰⁵. Появление таких острых формулировок польские политики связывали с воздействием Иосифа (Тукальского), и король пытался через Иннокентия (Гизеля) убедить митрополита, чтобы тот способствовал заключению соглашения, митрополиту было обещано вознаграждение¹⁰⁶. Как и следовало ожидать, переговоры закончились безрезультатно¹⁰⁷. Скорее всего, ни власти Гетманства, ни митрополит Иосиф и объединившиеся вокруг него духовные лица не рассчитывали, что Речь Посполита примет эти условия. Их выдвижение позволяло затягивать переговоры в ожидании благоприятной международной ситуации. Но эти документы дают представление о целях, которых хотели добиться гетман и митрополит в своей религиозной политике, опираясь на поддержку Османской империи.

Летом 1672 г. долгим ожиданиям пришел конец. Сам султан Мехмед IV во главе большого войска вступил на украинские земли. С походом в гетманской ставке связывали большие надежды расширения Гетманства за счет

не только Речи Посполитой, но и Левобережной Украины. В разгар военных действий русским властям поступило сообщение, что митрополит пишет «к Дорошенку подо Львов, чтобы он, Дорошенко, с войски шел к Киеву для промыслу»¹⁰⁸. Однако до Киева в то время османские войска не дошли. Как известно, военная кампания была для османов успешной. Находившаяся в состоянии глубокого внутривосточного кризиса Речь Посполита оказалась не в состоянии дать отпор армии султана. Войскам последнего сдалась одна из главных крепостей на юге страны — Каменец-Подольский. 26 сентября началась осада Львова. 16 октября войну завершил Бучачский договор, условия которого продиктовала Османская империя. Султану были представлены предложения гетмана, предусматривавшие ликвидацию унии и возвращение православным церковных учреждений и имуществ, а также признание Иосифа (Тукальского) единственным законным Киевским митрополитом¹⁰⁹, однако в самих переговорах представители Дорошенко не участвовали. При составлении договора предложения гетмана не были приняты во внимание. Не получило по договору никаких приращений и правобережное Гетманство, занятая османскими войсками Подолия была включена в состав Османской империи¹¹⁰. Таким образом, султан и его сановники не проявили никакого желания ни усиливать позиции православия в Восточной Европе, ни укреплять правобережное Гетманство. Итоги войны сильно ударили по всей политической концепции, которой митрополит и гетман придерживались в течение ряда лет. Одновременно укрепилась и зависимость Гетманства от Османской империи. В начале 1673 г. в Чигирин прибыли османские послы, которые привели гетмана и старшину к присяге на верность султану, «а приводил-де их ко кресту Иосиф, митрополит Тукальской»¹¹¹.

В течение некоторого времени в Чигирине рассчитывали, что территория Гетманства будет расширена за счет земель Левобережья. Здесь полагали, что османские войска, перезимовав на территории Дунайских княжеств, весной 1673 г. двинутся в поход на Киев. 23 января 1673 г. митрополит Иосиф обратился с письмом к киевским мещанам, заявляя о своей готовности выступить как посредник между ними и гетманом Дорошенко, чтобы, своевременно капитулировав, они спасли город от разграбления. К февралю 1673 г. относятся высказывания Иосифа (Тукальского), что лучше было бы царю «Киев Дорошенку отдать добровольно, чтоб в том кровопролития не было, а салтан-де идет под Киев с великими силами»¹¹². Однако поход османов на Киев весной—летом 1673 г. не состоялся. Возникли сложности при выполнении условий мирного договора с Речью Посполитой. Сыграло свою роль, вероятно, и то, что к весне 1673 г. русское правительство сосредоточило в районе Киева значительные военные силы.

Со времени османского наступления стало серьезно меняться отношение духовенства Левобережной Украины к митрополиту. Нежинский протопоп Семен Адамович назвал его «губителем веры православной». Последовал разрыв отношений между митрополитом и Иннокентием (Гизелем). Еще летом 1672 г. «за приводом и приказом отца Тукальского» Феодосий (Василевич) отобрал имения Киево-Печерского монастыря под Могилевом¹¹³.

Позднее Иннокентий (Гизель) писал в Москву, что «злой гонитель», как он назвал в своей грамоте Иосифа (Тукальского), после занятия Киева османами намерен владеть Печерским монастырем, выгнав оттуда архимандрита и братию¹¹⁴.

Постепенно и на Правобережной Украине стали выясняться последствия решений о приглашении османов в Восточную Европу. На положение православных на землях Речи Посполитой митрополит Иосиф мог влиять еще менее, чем прежде, так как он окончательно стал *persona non grata* в глазах польских политиков. Одновременно важные перемены произошли на вошедшей в состав Османской империи территории Подолии. Население облагалось высокими налогами и за их неуплату обращалось в рабство¹¹⁵. Весной 1673 г. был осуществлен набор молодежи в султанскую армию — «молодых робят 800 человек»¹¹⁶. В Каменце снимали купола и кресты с церквей, большую их часть обратили в мечети, священников подвергали унижениям и оскорблениям¹¹⁷. Мужское население было принуждено принять ислам¹¹⁸. На территории самого Гетманства османские войска вели себя так, что в начале 1673 г. Дорошенко пришлось хлопотать о грамоте, которая ограждала бы христианские храмы на территории «Украинского вилайета» от насилия¹¹⁹. В самом Чигирине во время крестного хода представитель султана требовал «сорвать» с митрополита митру, так как «в Царьграде у грек никогда так не ходят»¹²⁰. Под воздействием всего этого менялись настроения населения Правобережной Украины. Возвращавшийся весной 1673 г. из Стамбула русский голец Василий Даудов сообщал, что здесь его «по селам и местам полковники, и ясаулы, и рядовые казаки, и мещане... принимали, поили и кормили... и провожали версты по три и по четыре со слезами, а молят Бога, чтоб быть у царского величества в подданстве»¹²¹.

Одновременно с подписанием Бучачского договора изменилась международная ситуация. По этому соглашению Речь Посполита уступила земли правобережного Гетманства Османской империи. Тем самым русское правительство могло начать борьбу за Правобережную Украину, не нарушая условий Андрусовского договора. При этом в Москве рассчитывали, что митрополит и гетман, осознав последствия своей политики, будут способствовать мирному присоединению правобережного Гетманства к Русскому государству. 16 марта 1673 г. командующему русскими войсками на Левобережной Украине Г. Г. Ромодановскому были отправлены царские милостивые грамоты для гетмана, митрополита Иосифа и правобережных полковников¹²². В грамоте, адресованной митрополиту, Алексей Михайлович говорил о своем согласии принять правобережное Гетманство под свою власть и обеспечить его защиту от османов в союзе с другими христианскими государями. Казачеству были обещаны такие же права, какими пользуется Войско Запорожское на Левобережье. Царь напоминал митрополиту о его пожеланиях, чтобы царь установил свою власть «над всем православным российским народом», обещал милость и жалованье¹²³. Само собой разумелось, что Иосиф (Тукальский) вернулся бы на митрополичий стол в Киеве. Грамоты не были переданы адресатам из-за противодействия Лазаря (Барановича) и левобережного гетмана

Ивана Самойловича, но в июне 1673 г. поручение начать переговоры было дано Иннокентию (Гизелю). Со своим письмом, в котором настоятель Киево-Печерского монастыря призывал митрополита перейти под власть царя, он отправил в Канев иеромонаха Серапиона (Полховского)¹²⁴.

Для гетмана и митрополита открывалась возможность содействовать мирному объединению украинских земель по обоим берегам Днепра под русским протекторатом, что содействовало бы сохранению православия на Правобережной Украине и усилило бы позиции Русского государства как защитника прав православных в Польско-Литовском государстве. Некоторые свидетельства источников говорят как будто о том, что и гетман, и митрополит испытывали сомнения в правильности избранной ими политической линии. Согласно одному из рассказов, на раде, собравшейся в Чигирине, митрополит Иосиф выступил с поучением, порицая тех, кто служит туркам, разоряет церкви и строит мечети. По словам рассказчика, это поучение вызвало раздраженную реплику одного из главных лиц в Гетманстве — обозного Гулака: «Уж ты нас усоветовал, так не скоро отсоветуешь»¹²⁵. Сохранилось и свидетельство о гневе гетмана на митрополита, который своими советами загнал его в «поганскую неволю»¹²⁶. Переговоры продолжались с июня по октябрь 1673 г. Серапион (Полховский) совершил 3 поездки в Чигирин. Дорошенко добивался, чтобы его признали гетманом обоих берегов Днепра, а царь вывел бы русские войска из Киева, обязался не вмешиваться во внутреннюю жизнь украинского общества и скрепил свое обязательство присягой. Требования Дорошенко не соответствовали его реальному положению, а сам гетман не пользовался в Москве таким доверием, чтобы вывести из Киева русские войска. К тому же, как показали переговоры с посланцами генерального есаула Якова Лизогуба, казаки, резко порицая политику Дорошенко, предлагали «многих ратных людей на ту сторону Днепра в скорых временах прислать, покаместа турецкие войска не наступят»¹²⁷. Митрополит мог бы воспользоваться своим влиянием, чтобы добиться быстрого и мирного соединения украинских земель и освобождения правобережного Гетманства от османского протектората, но он этого не сделал. Его участие в переговорах выразилось только в том, что он советовал принять условия, предложенные Дорошенко¹²⁸. В результате в конце 1673 г. в Москве было принято решение прервать переговоры и послать за Днепр войска. В начале февраля 1674 г. войска Ромодановского и левобережного гетмана Самойловича подступили к Каневу и находившиеся в нем казаки во главе с Яковом Лизогубом сдали город. Митрополит бежал из своей резиденции в Чигирин¹²⁹. Начался переход на русскую сторону правобережных полков, и на раде в Переяславе 15 марта 1674 г. Самойловича избрали гетманом обоих берегов Днепра. В конце июня 1674 г. русские войска осадили Чигирин. Во время обстрела города был разрушен дом Иосифа (Тукальского) и он сделался «от страху болен»¹³⁰. Приход на помощь Дорошенко османской армии позволил освободить Чигирин от осады, но поведение османских войск, целиком уничтоживших все мужское население города Умань, лишило Дорошенко всякой поддержки в украинском обществе. Началось массовое бегство людей с Правобережья за Днепр.

Политическая ситуация вновь изменилась, после того как сейм 1673 г. разорвал условия Бучачского договора и война Польско-Литовского государства с Османской империей возобновилась. Польская сторона восстановила контакты с властями Правобережной Украины. Уже в 1673 г. в Чигирин как представитель Речи Посполитой приезжал Львовский православный епископ Иосиф (Шумлянский). Он обещал Дорошенко пожизненное гетманство, а Иосифу (Тукальскому), что «митрополия... до живота его привилеями отдана будет»¹³¹. В самом конце 1674 г. король Ян III Собеский направил в Чигирин посольство во главе с тем же Иосифом (Шумлянским)¹³². В начале 1675 г. Дорошенко сообщил посольству условия, на которых он соглашался вернуться под власть Речи Посполитой. В этих условиях, как и в более ранних исходивших от него документах, гетман настаивал на ликвидации унии, на передаче православным всех церковных имуществ и кафедр, на уравнении в правах православных приходских священников с католическими, на предоставлении православному митрополиту и епископам мест в сенате¹³³. Вероятно, в составлении этого, как и более ранних документов, принимал участие митрополит Иосиф. Этот документ несомненно свидетельствует о стремлении обеспечить православным более широкие права на территории Польско-Литовского государства. Вместе с тем очевидно, что собственной политикой гетман и митрополит довели положение дел до такого состояния, когда у них не было никаких возможностей добиться принятия польско-литовской стороной этих условий. Большая часть территории Гетманства уже реально не подчинялась Дорошенко. За Днепр в 1675 г. стали уходить не только простые люди, но и приближенные гетмана. В ответе короля не говорилось ни о ликвидации унии, ни о возвращении православным какого-либо имущества, утраченного в предшествующие годы¹³⁴.

В начале 1675 г. митрополит Иосиф был уже сильно болен. Он ослеп, у него отнялись ноги, и 26 июля 1675 г. он скончался¹³⁵. Униатский митрополит Киприан Жоховский (тот самый, что отобрал у Иосифа Лещинский монастырь), сообщая о его смерти в Рим, писал, что покойный был «воплощением всякого зла... ожесточенным врагом моим и моего предшественника, яростным преследователем святой Римской Церкви и святой унии»¹³⁶. Действительно, многие поступки митрополита свидетельствуют о его несомненной преданности своей вере и Церкви, но стремление защищать свою веру и свою Церковь без России и против России привело его на тот путь, который не принес ничего хорошего ни православию, ни православной Церкви на украинских и белорусских землях.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Литинський В.* Україна на переломі. 1657–1659. Філадельфія, 1991. С. 205, 228.

² *Смирнов Ф.* Виленский Свято-Духов монастырь. Вильна, 1888. С. 78.

³ Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России (далее — АЮЗР). Т. 8. СПб., 1875. С. 395. См. также: *Грушевський М. С.* Історія України—Руси. Т. 9/2. Київ, 1931. С. 1380.

- ⁴ *Degiel R.* Protestanci a prawosławni. Patronat wyznaniowy Radziwiłłów birżańskich nad Cerkwią prawosławną w księstwie Słuckim w XVII w. Warszawa, 2000. S. 27–28, 60.
- ⁵ *Praszko I.* De Ecclesia Ruthena catholica sede metropolitano vacante. 1656–1665. Romae, 1944. P. 46–47.
- ⁶ Находился в Киеве уже в октябре 1657 г. (АЮЗР. Т. 4. СПб., 1863. № 46. Стб. 77).
- ⁷ Там же. № 51. С. 83 и след.
- ⁸ *Degiel R.* Protestanci a prawosławni... S. 39, 58–59; *Заборовский Л. В.* Католики, православные, униаты. Проблемы религии в русско-польско-украинских отношениях конца 40-х — 80-х гг. XVII в. Ч. 1. М., 1998. С. 183, 223, 226–232.
- ⁹ *Mironowicz A.* Prawosławie i unia za panowania Jana Kazimierza. Białystock, 1997. S. 154.
- ¹⁰ Публикацию текста см.: Ibid. S. 173–174.
- ¹¹ См. сообщения нежинского протопопа Максима Филимоновича: АЮЗР. Т. 5. СПб., 1892. Стб. 379.
- ¹² О тексте договора см.: *Беднов В. А.* Православная Церковь в Польше и Литве (по Volumina Legum). Минск, 2002. С. 256–259.
- ¹³ Цит. по: *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской Церкви. Кн. 7. М., 1996. С. 270.
- ¹⁴ *Эйнгорн В. О.* Очерки по истории Малороссии в XVII в. М., 1899. С. 154, 156.
- ¹⁵ *Макарий (Булгаков), митр.* Указ. соч. Кн. 7. С. 272–273.
- ¹⁶ *Bendza M.* Tendencje unijne względem Cerkwi prawosławnej w Rzeczypospolitej w latach 1674–1686. Warszawa, 1987. S. 156–157.
- ¹⁷ *Беднов В. А.* Указ. соч. С. 261–262.
- ¹⁸ *Mironowicz A.* Op. cit. S. 194–197.
- ¹⁹ Собрание древних грамот и актов городов Минской губернии, православных монастырей, церквей и по разным предметам. Минск, 1848. № 129.
- ²⁰ Там же. № 131.
- ²¹ Как «наместник метрополии Киевское» он фигурирует в документе июня 1663 г. (Там же. № 132).
- ²² Там же. № 133.
- ²³ См. письма П. Тетери М. Пражмовскому от 6 и 14 ноября 1663 г.: Памятники, изданные Временною комиссиею для разбора древних актов, Высочайше утвержденною при киевском, подольском и волынском генерал-губернаторе. Т. 4. Киев, 1859. № LXXXII, LXXXIV.
- ²⁴ Там же. № LXXXV.
- ²⁵ Текст привилея см.: Собрание древних грамот и актов... № 135. О дате документа см.: *Bendza M.* Op. cit. S. 164.
- ²⁶ Собрание древних грамот и актов... № 134.
- ²⁷ АЮЗР. Т. 5. СПб., 1867. № 87.
- ²⁸ Архив Юго-Западной России. Ч. 1. Т. 4. Киев, 1871. № 12.
- ²⁹ Літопис самовидця. Київ, 1971. С. 96.
- ³⁰ Памятники, изданные Временною комиссиею... Т. 4. № XC.
- ³¹ *Крикун М.* Між війною і радою. Казачтво Правобережної України в другій половині XVII — на початку XVIII століття. Київ, 2006. С. 122.
- ³² Архив Юго-Западной России. Ч. 2. Т. 2. Киев, 1888. № XXIX.
- ³³ Он даже просил крымского хана добиться освобождения митрополита (*Эйнгорн В. И.* Указ. соч. С. 320–321).
- ³⁴ *Wójcik Z.* Nieznane dokumenty do biografii Pawła Tetery, Jerzego Chmielnickiego i Józefa Tukalskiego // Przegląd historyczny. 1961. № 3.
- ³⁵ *Крикун М.* Указ. соч. С. 214–215
- ³⁶ Там же. С. 224–225.
- ³⁷ Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси. Т. 2. Вильна, 1867. № 54.

- ³⁸ Еще в августе 1667 г. на «консистерском суде» в Могилеве он разбирал дело о наезде игумена Кутейнского монастыря на Буйницкий монастырь. См.: Археографический сборник... Ч. 1. Вильна, 1867. № 79.
- ³⁹ Крикун М. Указ. соч. С. 302–303.
- ⁴⁰ Там же. С. 293–294.
- ⁴¹ Беднов В. А. Указ. соч. С. 265.
- ⁴² Крикун М. Указ. соч. С. 293.
- ⁴³ Літопис самовидця... С. 102.
- ⁴⁴ АЮЗР. Т. 7. СПб., 1872. № 34. Стб. 92.
- ⁴⁵ Археографический сборник... Т. 7. Вильна, 1878. № 109.
- ⁴⁶ АЮЗР. Т. 7. № 34. Стб. 92.
- ⁴⁷ Археографический сборник... Т. 2. № 54.
- ⁴⁸ АЮЗР. Т. 7. № 34. Стб. 92.
- ⁴⁹ Katalog dokumentów tureckich. Cz. 1: Dokumenty do dziejów polskich i krajów ościennych w latach 1455–1672 / Oprac.: Z. Abrahamowicz. Warszawa, 1959. № 372. S. 351.
- ⁵⁰ АЮЗР. Т. 6. СПб., 1869. № 68.
- ⁵¹ Там же. № 71. Стб. 245.
- ⁵² Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. 5. СПб., 1853. № 71.
- ⁵³ АЮЗР. Т. 7. № 34. Стб. 92–93.
- ⁵⁴ Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗ). Собр. 1. Т. 1. СПб., 1830. С. 665, 668.
- ⁵⁵ Там же. Т. 1. № 420. С. 728–731.
- ⁵⁶ АЮЗР. Т. 6. № 71. Стб. 247–248.
- ⁵⁷ Санин Г. А. Правобережная Украина и русско-польские переговоры 1667 г. в Москве // История СССР. 1970. № 1. С. 135.
- ⁵⁸ АЮЗР. Т. 6. № 71. Стб. 236.
- ⁵⁹ Там же. Стб. 240.
- ⁶⁰ Там же. Стб. 242.
- ⁶¹ Там же. Стб. 245–246.
- ⁶² Там же. Стб. 234, 248 и др.
- ⁶³ Там же. Стб. 231.
- ⁶⁴ Там же. Стб. 259.
- ⁶⁵ Там же. Стб. 235.
- ⁶⁶ Там же. Т. 7. № 4. Стб. 4.
- ⁶⁷ Там же. № 32. Стб. 85.
- ⁶⁸ Літопис самовидця... С. 103.
- ⁶⁹ АЮЗР. Т. 7. № 11/II. Стб. 31.
- ⁷⁰ Письмо послал А. Л. Ордину-Нащокину литовский референдарь Киприан Павел Бжостовский в марте 1668 г. (РГАДА, ф. 79. (Сношения России с Польшей)), 1668 г., № 3, л. 186, 257).
- ⁷¹ Там же, л. 262–266.
- ⁷² Правда, когда «добрый человек» не только не получил обещанной ему булавы, а был убит по приказу Дорошенко, то никаких протестов со стороны митрополита не последовало.
- ⁷³ АЮЗР. Т. 8. СПб., 1875. Стб. 66.
- ⁷⁴ Там же. Т. 7. № 31. Стб. 77; № 47. Стб. 136.
- ⁷⁵ Крикун М. Указ. соч. С. 251–252.
- ⁷⁶ АЮЗР. Т. 7. № 31. Стб. 78.
- ⁷⁷ См. письмо Феодосия (Василевича) Богуславу Радзивиллу от 25 сентября 1668 г.: Археографический сборник. Т. 7. № 113.
- ⁷⁸ АЮЗР. Т. 8. № 73. Стб. 218–219. О передаче «статей» турецким властям см.: РГАДА, ф. 89 (Сношения России с Турцией), кн. 8, л. 301–302.
- ⁷⁹ Археографический сборник... Т. 7. № 113.

- ⁸⁰ Крикун М. Указ. соч. С. 265–266.
⁸¹ Там же. С. 279.
⁸² Там же. С. 266–267.
⁸³ АЮЗР. Т. 8. Стб. 120.
⁸⁴ Письма Преосвященного Лазаря (Барановича). Чернигов, 1865. № 56. С. 65.
⁸⁵ АЮЗР. Т. 8. № 26. Стб. 107–108.
⁸⁶ Там же. № 30. Стб. 131–132.
⁸⁷ Там же. Стб. 132–134.
⁸⁸ Там же. № 79. Стб. 229.
⁸⁹ Там же. № 37. Стб. 141–142.
⁹⁰ Там же. № 41.
⁹¹ Там же. Т. 9. СПб., 1877. № 2. Стб. 8–9; Эйнгорн В. И. Указ. соч. С. 578–579, 591–598.
⁹² АЮЗР. Т. 9. № 2/III. С. 21.
⁹³ Там же. № 60/I и II. Стб. 255, 257.
⁹⁴ Эйнгорн В. И. Указ. соч. С. 661.
⁹⁵ Літопис самовидця... С. 110.
⁹⁶ Подробную характеристику этого эпизода см.: Эйнгорн В. И. Указ. соч. С. 696–699, 705–709, 719.
⁹⁷ Там же. С. 809.
⁹⁸ АЮЗР. Т. 9. № 147/XIV. Стб. 723–724.
⁹⁹ Там же. № 8. Стб. 43.
¹⁰⁰ Крикун М. Указ. соч. С. 288–290.
¹⁰¹ Там же. С. 292–295. Там же см. публикацию краткого изложения этого документа.
¹⁰² Там же. С. 295.
¹⁰³ Там же. С. 297, 300.
¹⁰⁴ Там же. С. 302–304.
¹⁰⁵ АЮЗР. Т. 9. № 47. Стб. 196–208; *Perdenia J.* Hetman Piotr Doroszenko a Polska. Kraków, 2000. S. 223–225.
¹⁰⁶ *Perdenia J.* Op. cit. S. 227–228; Эйнгорн В. И. Указ. соч. С. 715.
¹⁰⁷ *Perdenia J.* Op. cit. S. 234.
¹⁰⁸ Эйнгорн В. И. Указ. соч. С. 883. Нежинский протопоп Семен Адамович писал в ноябре 1672 г. А. С. Матвееву, что «губитель веры православные христианские митрополит Тукальской беспрестанно посылает к нему, чтоб шол под Киев, обнадеживая его, что мало людей». (АЮЗР. Т. 11. СПб., 1879. № 33. Стб. 82–83).
¹⁰⁹ *Pisma do wieku i spraw Jana Sobieskiego / Zebr. i wyd. Fr. Kluczycki.* Т. 1. Cz. 2. Kraków, 1881. S. 1112.
¹¹⁰ Текст Бучачского договора см.: Ibid. S. 1113–1114.
¹¹¹ АЮЗР. Т. 11. № 54. Стб. 151.
¹¹² Эйнгорн В. И. Указ. соч. С. 887.
¹¹³ Там же. С. 864.
¹¹⁴ АЮЗР. Т. 11. № 55. Стб. 175.
¹¹⁵ *Kolodziejczyk D.* Podole pod panowaniem tureckim: Elajet Kamieniecki, 1672–1699. Warszawa, 1994. S. 88.
¹¹⁶ АЮЗР. Т. 11. № 71. Стб. 242.
¹¹⁷ *Ojczyste spominki w pismach do dziejów dawnej Polski.* Kraków, 1845. S. 172–174, 198.
¹¹⁸ *Kolodziejczyk D.* Op. cit. S. 115.
¹¹⁹ *Dorošenko D. Ripka J.* Hejtman P. Doroszenko a jeho turecká politika // *Časopis Narodního muzea.* Т. 107, Praha, 1933. S. 42–43.
¹²⁰ Эйнгорн В. И. Указ. соч. С. 887.
¹²¹ РГАДА, ф. 89 (Сношения России с Турцией), кн. 13, л. 59 об. – 60.
¹²² Эйнгорн В. И. Указ. соч. С. 900.
¹²³ АЮЗР. Т. 11. № 57. Стб. 203–206.

Б. Н. ФЛОРЯ. МИТРОПОЛИТ ИОСИФ (ТУКАЛЬСКИЙ)

- ¹²⁴ *Эйнгорн В. И.* Указ. соч. С. 908–909, 914. Письмо Иннокентия (Гизеля) см.: АЮЗР. Т. 11. № 81.
- ¹²⁵ *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. 6. М., 1961. С. 455.
- ¹²⁶ РГАДА, ф. 79, 1674 г., № 1, л. 5.
- ¹²⁷ АЮЗР. Т. 11. № 55. Стб. 166–170.
- ¹²⁸ Подробное изложение переговоров см.: *Эйнгорн В. И.* Указ. соч. С. 914–924, 929–935, 943–946.
- ¹²⁹ Там же. С. 956.
- ¹³⁰ Там же. С. 963.
- ¹³¹ Там же. С. 910–911.
- ¹³² О подготовке посольства см.: *Woliński J.* Król Jan III a sprawa Ukrainy. 1674–1675. Warszawa, 1934. S. 20–23.
- ¹³³ Ibid. S. 24.
- ¹³⁴ Ibid. S. 28.
- ¹³⁵ *Эйнгорн В. И.* Указ. соч. С. 997.
- ¹³⁶ *Bendza M.* Op. cit. S. 34.

Е. А. Кузьмина, Н. В. Николенкова*

Грамматика церковнославянского языка Ивана Иконника: история создания

В собрании рукописей Музея-заповедника «Московский Кремль» (№ кн. 213) Н. В. Николенкова обнаружила рукописную Грамматику церковнославянского языка, составленную в 1733 г. Иваном Иконником: «Грамматика беседословная». С этим заголовком книга указана в описи собрания рукописных книг Московского Кремля, так же на л. 17 об. назвал ее автор (на переплете указано название «Грамматика»); далее в статье трактат обозначается ГИ¹. В описаниях рукописного собрания Кремля и Оружейной палаты данное сочинение фигурирует с 1881 г. как «Грамматика 18 века в 8 долю листа на 221 листе». Уже первое знакомство с рукописью не оставило сомнений в том, что перед нами грамматика, фрагменты которой были приведены в труде Ф. И. Буслаева «Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков»²: цитированные в хрестоматии отрывки соответствуют листам 12–12 об. и 179 об.–180 рукописи. Хранитель фонда рукописных и старопечатных книг музея «Московский Кремль» Е. В. Исаева, благодаря которой нам представилась возможность работать с рукописью, сообщила, что, по имеющимся в архивах музея данным, до Октябрьской революции 1917 г. ГИ находилась в экспозиции в палатах бояр Романовых как элемент оформления комнаты для занятий, где вместе с букварем Кариона Истомина представляла типичное учебное пособие XVIII в.

Ф. И. Буслаев сообщил о принадлежности рукописи князю М. А. Оболенскому³, который с 1840 г. являлся управляющим Главным архивом министерства иностранных дел, в 1853 г. был назначен заведующим Государственным древлехранилищем хартий, рукописей и печатей при московской Оружейной

* © Кузьмина Е. А., 2009

Елена Александровна Кузьмина, кандидат филологических наук, доцент Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

© Николенкова Н. В., 2009

Наталья Владимировна Николенкова, кандидат филологических наук, доцент Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

палате. Удалось установить, что ГИ была куплена князем Оболенским для своего собрания во 2-й половине 1840-х гг. Она фигурирует в прижизненной описи собрания Оболенского под № 133 как «Грамматика начала XVIII в. Оригинал Ивана Иконника. На 221 листе»⁴. Рядом с описанием карандашная помета: «У г-на Буслаева 1851, 11 февраля», сделанная, по-видимому, владельцем рукописи. В 1857 г. князь Оболенский был назначен председателем ученой комиссии по возобновлению палат бояр Романовых. Он лично занимался устройством музея, в том числе вопросами оформления интерьера. В документах комиссии регулярно отмечается, как будет обустроена детская комната. В письме князю Н. И. Трубецкому, принимавшему активное участие в деятельности комиссии, 2 апреля 1859 г. князь Оболенский писал, что в детской должен быть «столлик для ученья, на оный положатся в ветрине: букварь, азбуки, указка», позже в черновых бумагах добавлена «черта (линейка)»⁵. Экспозиция в палатах Романовых открылась 22 августа 1859 г., с большой долей вероятности можно предположить, что ГИ к тому времени уже была передана коллекционером музею. По-видимому, хранение ГИ в музейной экспозиции во 2-й половине XIX в. и 1-й четверти XX в. стало причиной того, что данная грамматика оставалась вне поля зрения исследователей, в частности, не вошла в обзоры С. К. Булича⁶ и И. В. Ягича⁷ и не была изучена ни в текстологическом, ни в лингвистическом отношении⁸. В настоящей статье, которая открывает цикл работ, посвященных исследованию этого рукописного грамматического трактата, рассматриваются возможные обстоятельства его появления и выявляется круг источников, использованных при его создании.

ГИ представляет собой рукопись в 8°. На л. 2 указана дата создания — 7241 (1733) г. Первоначальная нумерация листов была сделана в XIX в., вероятнее всего археографом, составившим описание книжного собрания князя Оболенского (почерк составителя описи аналогичен почерку человека, представившего цифры на листах рукописи). Составитель описания при нумерации листов ГИ столкнулся с серьезными проблемами, так как в рукописи есть не только переплетенные листы (217 листов с текстом на обеих сторонах и лист с записью на одной стороне), но и много вставных листов и полулистов. Некоторые вставки содержат черновой материал к ГИ, на части вставных листов — небольшие дополнения к основному тексту; особо следует выделить л. 84а — это купчая. До л. 102 археограф нумеровал только переплетенные тетради (после л. 40 обозначен ошибочно л. 42). После л. 102 начинается путаница в фолиации: некоторые вставные листы нумеруются (л. 103 и 109), другие нет. В результате общее число листов в рукописи отмечено как 221, эти сведения даны в прижизненной описи собрания князя Оболенского, они же повторяются при упоминаниях ГИ. Позже, вероятно в XX в., были пронумерованы вставные листы, полулисты и вклейки, они содержат дополнительные буквенные пометы. Пронумерованных таким образом вставных листов и вклеек 16: это листы 42а, 53а, 65а, 68а, 68б, 68в, 68г, 84а, 89а, 93а, 103а, 125а, 126а, 130а, 180а, 183а. Было пронумеровано также большинство тетрадей рукописи (славянской цифирью): на л. 11 стоит помета 2, помета 3-й тетради —

на л. 22, далее на л. 48 — 6, л. 58 — 7, на л. 66 — 8, на л. 74 — 9, на л. 82 — 10, на л. 90 — 11, на л. 105 — 13, на л. 122 — 15, на л. 139 — 17, на л. 147 — 18, на л. 155 — 19, на л. 163 — 20, на л. 171 — 21, на л. 195 — 24, на л. 203 — 25, на л. 211 — 26, на л. 219 — 27. Таким образом, объем тетрадей колеблется от 11 (2-я тетрадь) до 8 листов (большинство тетрадей), последняя тетрадь неполная.

Рукопись содержит 8 иллюстраций: персонифицированное изображение Грамматики с размещенным ниже толкованием (л. 16)⁹ и 7 искусно выполненных схем: структура орфографии как науки (л. 35 об.), структура этимологии (л. 37), древо «осми частей слова» (л. 39), схемы частей речи (имени, местоимения, глагола, наречия) с указанием их грамматических категорий или семантических разрядов (л. 79, л. 98, л. 102 об., л. 123 об.). Также в рукописи представлено 8 инициалов: Г (л. 2, 17 об.), И (л. 5), Б (л. 17), Е (л. 18 об.), Д (л. 35), Ч (л. 36), Н (л. 197).

Большая часть рукописи написана одним почерком (далее — 1-й почерк) полууставом с элементами скорописи, по 30 строк на листе, с выделением киноварью заголовков, подзаголовков и красных строк. Очень аккуратный почерк может трансформироваться, появляется больше скорописных элементов, но способ написания отдельных букв, общий характер оформления текста и орфография позволяют говорить о единстве почерка. Обладателю 1-го почерка принадлежит не только основной текст Грамматики, но и пометы на полях, представляющие собой либо глоссы, либо вставки в текст, либо ссылки на источники (см. далее). Все иллюстрации и инициалы содержатся в частях рукописи, написанных первым писцом.

2-й почерк отмечается на л. 57–66, им заканчивается раздел «О роде» в части «Имя» (2 страницы), им же написан практически весь раздел «О виде» имен. Почерк более крупный, размашистый, в нем больше скорописных элементов, меньше строк на странице (21). На страницах, написанных 2-м почерком, встречаются записи первого писца. Это пометы на полях, позволяющие четче структурировать раздел «О виде», некоторые редакторские исправления, а также правка фрагментов, сделанная поверх 2-го почерка (вклеен фрагмент с новой записью). Первый писец при этом вынужден несколько изменять свой почерк, следуя более крупному и размашистому почерку второго. Внеся исправления, первый писец сменяет второго и заканчивает раздел «О виде».

3-м почерком (л. 105–123 об.) написан раздел «Причастие» и большая часть раздела «Наречие», начало 3-го почерка совпадает с началом тетради 13. Характер почерка свидетельствует о стремлении писца подражать печатным изданиям. В разделе «Наречие» листы, написанные 1-м и 3-м почерками, чередуются. Листы 110 и 111 написаны 3-м почерком, на л. 111 встречается правка первого писца. Лист 112 целиком написан 1-м почерком, далее текст продолжает третий писец. Написанные 2-м и 3-м почерками части рукописи не имеют выделения красных строк, заголовков.

Есть в рукописи почерк (считаем его 4-м), характер которого не позволяет однозначно соотнести его с каким-либо из 3 названных выше в силу большего использования элементов скорописи. Им сделаны многие записи на полях, преимущественно на л. 86 об.— 102 об. (раздел «О глаголе»), и на вклад-

ных листах. Записи сделаны до переплетения рукописи, о чем свидетельствуют многочисленные обрезанные пометы (л. 91, 92 об. и т. д.). Орфографическая норма обладателя данного почерка практически идентична норме основного писца, но обрезанные части не позволяют говорить об этом с полной уверенностью. Мы предполагаем, что эти записи сделаны автором основной части рукописи, но без соблюдения должной аккуратности.

Кроме того, в рукописи много помет на полях, вклеек и вкладных листов, написанных почерком, совпадающим с почерком вложенной между листами 84 и 85 купчей (л. 84а): «В сей книге, глаголеми Грамматице, имеется 26 тетрадей, и за куюждо тетрадь написания заплатит по 17 копеек, что составляет цены 4 рубли 42 копейки, за фигуры 1 рубль, за переплет 18 копеек. И есть за ню вся сумма пять рублей шестьдесят копеек. Цена сия токмо за труды написания, а не за собрание и сочинения ея, в неиже писатель сам люботщателне потрудися, за что не земных, но н[е]б[ес]ных воздаянии достойно ему желати». Судя по всему, этот почерк (5-й) принадлежит человеку, купившему рукопись (быть может, заказавшему ее?), а затем использовавшему «Грамматику беседословную» в учебных целях. Все вклейки и вставные листы, написанные 5-м почерком, носят характер грамматического комментария. Их анализ показал, что многие вставки помещаются поверх записей на полях, сделанных 4-м почерком, и идентичны им (например, запись на л. 32). Это позволяет высказать предположение, что обладатель 5-го почерка не делал собственных записей, но аккуратно переписывал пометы, уже содержащиеся в тексте, добиваясь бóльшей четкости. Подтверждением такого предположения служит вкладной л. 53а (4-й почерк) и вклейка 54а (5-й почерк), текст которых идентичен.

Рукопись написана на бумаге. Наиболее четкие фрагменты филиграней («Pro patria» и части букв АГБ) находятся на л. 221, 219, 211, 209, 98. Можно предположить, что была использована бумага фабрики Афанасия Гончарова¹⁰. Правда, наиболее ранняя из приведенных в каталоге филиграней этой фабрики датирована 1735 г. При этом известно, что производство существовало с 1720-х гг., а Гончаров стал совладельцем фабрики в 1732 г.¹¹

Бóльшая часть рукописи (196 листов) содержит ГИ, в оставшейся части помещено несколько сочинений, посвященных риторике. Включение их в рукопись, вероятнее всего, было более поздним решением. Запись об окончании работы над Грамматикой и переходе к труду над риторикой дана на л. 196 об. 4-м почерком. Использование нескольких почерков может указывать на то, что рукопись воспроизводит уже готовый оригинал. Однако этот предполагаемый источник нам неизвестен, не были обнаружены и сведения о грамматических сочинениях подобного рода. Мы полагаем, что ГИ является оригинальным произведением, составленным под руководством Ивана Иконника (так автор себя именуется в заключении первого предисловия на л. 4 об.: «Вам доброжелатель Иван Иконник»). Ему же принадлежит основной, 1-й, почерк рукописи, таким образом, бóльшая ее часть представляет собой автограф Ивана Иконника. По-видимому, составитель был вынужден воспользоваться услугами двух помощников, которые написали в общей

сложности 30 листов под его наблюдением. Работой одного из них Иван Иконник остался недоволен и вносил в части, написанные 2-м почерком, исправления и дополнения. Работа третьего писца подверглась меньшей правке.

В оригинальности ГИ нас убеждает характер редакторской правки обладателя 1-го почерка. Многочисленные пометы на полях, вставки, вклейки свидетельствуют о тщательной работе над формулировками правил, об их уточнении и дополнении, а не о восстановлении пропусков, совершенных при переписывании. Так, на л. 32 после правила, задающего перечень позиций, в которых не допускается «разделение» (перенос) слов, помещена вклейка, дополняющая этот перечень. В ней Иван Иконник особо оговаривает недопустимость переноса «слитной» «й»: «Знаменаи же и се: речение, не докочав, несть лепо на другую страну листа пол ея или слог кии [за помешательств] преносити, но, идеже начася, докочав, другую страну [листа] начинати [вклейка: Того ради и не леть на ину строку преносити. Такожде и о слитных да разумеется, ибо и тыя слога не составляю[т], но елико их будет писмен под единым суть слогом, яко: пой, стой, достойная и сей, твой, лей, лий, ей и прочая]». Комментарий к употреблению «прилагательного» глагола «чту» на л. 88 об. сопровождается пометой на полях, уточняющей, о каком действии идет речь: «Я, Иоанн, делаю что? Чту. Иоанн по действию своему [помета на полях: чтения] гл[аго]л приложеный приемлет сеи: чту и чте[т]». Неоднократно на полях рукописи или в конце страницы приводятся варианты грамматических дефиниций: «Уравнение есть: имены прилагателными, могущими уравняться, по степенем уравнения между вещи разнство случая указание. [На полях: Уравнение есть наречение имене приравнение[м] единых к другою]. [Притисано в конце: Уравнение есть по известны[м] степене[м] имене прилагателнаго в конце изменение: напри/мер/: красныи, и про[ч].]» (л. 47). Аналогичные уточнения и дополнения Ивана Иконника имеются и к тексту, написанному 2-м почерком: «Вид есть первоположенных вещи и [зъ]явление и производных разделение. [На полях: Вид есть первообразнаго и производнаго речения различии]» (л. 59); «Тогда, егда четвертаго склонения на двоегласное -ей приемлет: яко Андрей, иерей, Елисей, о[т] нихъже происходи[т]: Елисеев, иереев, Андрее[в]. [На полях: ей — двогласне по-гречески]» (л. 61).

Никаких сведений об Иване Иконнике обнаружить не удалось. Тем не менее некоторые предположения об обстоятельствах появления его грамматического трактата и, вероятно, о месте проживания книжника (или о его происхождении?) могут быть сделаны на основании использованного им иллюстративного языкового материала. Наше внимание привлекли приведенные Иваном Иконником на л. 40 примеры имен собственных — названия городов: Москва, Ямполь, Стародуб, Кромы; сел: Ставрово, Деменка, Случонки, рек: Волга, Сура, Днепр, Сожь, Ипутъ и проч. Этот выбор нельзя считать случайным, достаточно вспомнить аналогичные примеры в Грамматике Мелетия (Смотрицкого): если в первом издании, вышедшем в Евье в 1619 г., назван город Вильно (л. 20 об.), то во втором, опубликованном в 1648 г. в Москве, вместо Вильно указана Москва (л. 76 об.).

Следуя современным картам, мы отметили регион, подробно описанный Иваном Иконником: Днепр, его приток река Сожь, притоком последней оказалась река Ипуть, в этом районе находится и город Стародуб. На современных картах в этом же районе есть населенный пункт Деменка, но нет села Случонки. Города Кромы и Ямполь и сейчас расположены неподалеку от Стародуба (южная часть Брянской области, север Сумской области Украины, юго-запад Орловской области). Нами было принято решение привлечь к исследованию карты XVIII в., чтобы уточнить, как та же территория отражена на них (возможно, для иллюстрации автор выбрал географические названия, указанные на доступных ему печатных картах). Оказалось, что интересующий нас регион был впервые картографирован в 1745 г.¹²: обозначен регион Стародуб — Кромы (оба города к северу от Новгорода Северского), южнее — город Ямполь. Однако отмеченные в данном атласе гидронимы не соответствуют ни реалиям настоящего времени, ни описанию Ивана Иконника. В частности, большая часть реки Сожь в атласе названа Днепром, а река Ипуть (приток реки Сожь) обозначена как Сочь. Почти все указанные Иваном Иконником топонимы (совпадающие с современными) присутствуют в атласе 1792 г.¹³ В нем мы обнаружили названное в ГИ село Деменка на реке Ипуть, недалеко от слияния последней с рекой Сожь. Таким образом, наше предположение о том, что выбор топонимов в ГИ не произволен, подтвердилось. Представленные в перечне Ивана Иконника города (Стародуб, Кромы, Ямполь), реки (Днепр, Сожь, Ипуть) и село Деменка расположены в окрестностях Стародуба, хорошо известных книжнику. На этот же район указывает и еще один пример из ГИ: на л. 62, говоря об именах «вида отечественного», Иван Иконник приводит формы «стародубин, стародубец».

Стародуб и его окрестности в XVII–XVIII вв. входили в Стародубский полк. В описаниях Стародубского полка в XIX в. А. М. Лазаревского мы обнаружили еще одно название, употребленное Иваном Иконником, — Случонки, которое объединяет ряд деревень и сел (Случок, Хмелевка, Суходолье и др.), расположенных по берегам реки Случанки¹⁴. Эти деревни стали самостоятельными населенными пунктами в середине XVIII в., ранее они составляли одну территориально-административную единицу — Случонки. В работе Лазаревского содержатся также сведения о селе Деменка¹⁵, позволяющие объединить рассмотренные выше топонимы с тремя другими, упомянутыми в ГИ, — селом Ставрово во Владимирской области и реками Волгой и Сурой, место слияния которых находится в Нижегородской области.

Часть территории Стародубского полка, обозначенная в ГИ, с 1669 г. являлась местом компактного проживания бежавших из Москвы старообрядцев. «У період із 1684 р., коли були засновані слободи Деменка та Єленка, до 1710 р. на Стародубщині виникло 16 поселень старовірів»¹⁶. На рубеже XVII и XVIII вв. жители Стародубья поддерживали тесные контакты с расположенным неподалеку Ветковским старообрядческим центром (на территории современной Гомельской области Белоруссии). Число старообрядческих слобод было особенно велико в Стародубье в правление Петра II (1727–1730 гг.) и Анны Иоановны (1730–1740 гг.)¹⁷. Рядом с селами

создавались старообрядческие монастыри, например Успенский и Покровский. На той же территории (хотя и вне прямой связи со старообрядцами) упоминаются другие монастыри, например основанный в 1720-х гг. Суражицкий (Волосовицкий) мужской Благовещенский монастырь на реке Ипуть, закрытый при Екатерине II¹⁸. Рост числа последователей «старой веры» в Стародубье в 1-й четверти XVIII в. связан с разорением властями другого старообрядческого района — на границе современных Владимирской и Нижегородской областей вдоль реки Керженец, протекающей между местом впадения Суры в Волгу и районом, где расположено село Ставрово. После разорения этого центра керженские староверы переселились в Стародубье¹⁹.

В исторических описаниях Стародубья содержатся сведения о высоком уровне грамотности населения (преимущественно старообрядческого), о развитии книгописания. Этому способствовало и влияние ветковских монастырей — крупных центров книжности и иконописания, и широкая антистарообрядческая деятельность, осуществлявшаяся в регионе властями, которая требовала от старообрядцев развернутого обоснования своей позиции. В Стародубье были созданы такие старообрядческие полемические сочинения, как «История о бегствующем священстве» Ивана Алексея²⁰, «100 вопросов о кресте», выступающее в делах Синода как сочинение «Михаила Григорьева, климовского жителя, по профессии иконника, приятеля Ивана Алексея»²¹. О высоком образовательном уровне стародубских староверов свидетельствуют слова ветковского летописца, что он «вместе с Иваном Алексеевым “самоучкою” изучал Грамматику и Риторику с Диалектикой Лихудиевы»²². Действовавшие в крае православные миссионеры стремились бороться со «староверием» с помощью развития школьного дела. Одним из наиболее активных антистарообрядческих деятелей 1-й половины XVIII в. был Нижегородский епископ Питирим († 1738 г.). Выходец из стародубских староверов, он после присоединения к православной Церкви стал одним из распространителей образования в Нижегородской епархии, основав там в 1721 г. школу при архиерейском доме²³. Сподвижник епископа Питирима Иосиф (Решилов), также выходец из старообрядцев, был послан Синодом проповедовать среди стародубских староверов²⁴. Для осуществления своей миссии Иосиф просил Синод выдать ему: «7) Лексикон словенской, киевской печати; 8) Алфавит азбучной, письменной; 29) Барония; 34) Грамматику московскую; 52) Регламент»²⁵. О значимости сочинения Цезаря Барония для антистарообрядческой пропаганды речь пойдет ниже, остальные же книги, включая «Духовный регламент», содержащий распоряжения об обязательном школьном обучении детей, свидетельствуют о намерении организовать учебный процесс. Действительно, в период пребывания Иосифа (Решилова) в Стародубье были открыты школы, в частности, есть сведения о созданной в 1720 г. школе св. Иоанна Предтечи²⁶.

Приведенные факты позволяют предположить, что грамматическое сочинение Ивана Иконника было создано в Стародубье в старообрядческой среде. Подтверждением этому служат использование в сочинении написания «Іс» под титулом (например, л. 31), полууставные почерки, указание даты написания трактата от сотворения мира.

Материалы для своего труда Иван Иконник черпал из различных источников, некоторые из них упомянуты в ГИ, автор рекомендует обращаться к этим сочинениям за дополнительной информацией: «До внимае[т] во оныя Грамматики, яже во учение и[з]данны суть» (л. 102 об.), «прочая же да созерцаются в Лексиконе и в Грамматике в четвер[ть], изданней при Иосифе патриарсе» (л. 30). Под Грамматикой в четверть, изданной при Патриархе Иосифе, имеется в виду московское издание Грамматики Мелетия (Смотрицкого) 1648 г. (далее — ГМ). Следует отметить, что эта ссылка дана в разделе «Орфография», написанном с опорой на ГМ. Под изданными Грамматиками помимо ГМ, вероятно, подразумеваются Грамматики Федора Поликарпова 1721 г. и Федора Максимова 1723 г., а под Лексиконом — «Лексикон треязычный» Федора Поликарпова 1704 г.

Ориентация Ивана Иконника как на указанные им сочинения, так и на другие тексты, требующие атрибуции, проявляется не только в вопросах грамматической систематики или приведения языкового материала. Привлекая широкий круг источников, Иван Иконник обосновывает необходимость и важность изучения грамматики. Этому посвящены 2 предисловия к ГИ: «О Грамматике, неким уч[е]н[и]ком во дни учения своего в навывание свое и изволяющи[x] написанней ле[та] 7241-го, предисловие» и «О ч[ес]ти, силе [же] и пользе книг учения» (л. 1–15), содержащие многочисленные цитаты и реминисценции. Проведенное исследование позволило установить сочинения, на которые опирался Иван Иконник при создании предисловий к ГИ.

Предисловия к ГИ обнаруживают непосредственную зависимость от ГМ. В первом предисловии прослеживается влияние заключительной части предисловия и послесловия к ГМ. Второе предисловие к ГИ зависит от основной части предисловия к ГМ. Заключительная часть предисловия к ГМ — «Похвальная словеса сея бл[а]женныя и с[вя]тыя книги Грамматики, да не не рекутся, яко бы от лица ея быти реченным» (л. 40 об.— 44) представляет собой фрагмент «Сказания о семи свободных мудростех»²⁷, в котором персонифицированная Грамматика рассказывает о себе, подчеркивая свою роль как начала всех наук, «ключа», отверзающего «дверь разумения» (л. 41), и являя себя как дар Божий («Б[о]жие дарование нарицатися хочу» (л. 40)), ниспосланный всем «тщасимся и желающим» (л. 43). Дословная цитата из «Похвальных словес» — апология грамматики — приведена Иваном Иконником в начале 1-го предисловия:

ГИ	ГМ
Ничто же во уме своем бл[а]го что обрящет, аще не познав и не уразумев мене (л. 1 об.)	Сего ради никто же во уме своем благо что обрящет, аще не познав и не уразумев мене (л. 41).

В соответствии с принятой в первом предисловии к ГИ формой изложения от первого лица преобразован другой заимствованный фрагмент, который основан на вводной части статьи «С[вя]т[о]го Иоанна Дамаскина о осмих частех слова, елика пишем и г[лаго]лем». Скорее всего, и в данном случае

Иван Иконник мог ориентироваться на предисловие к ГМ, которое включает введение к «осмочастию» (л. 17 об.— 18) с подзаголовком: «От книги преподобного о[т]ца Иоанна Дамаскина». Это предположение подтверждают ссылки на полях ГИ, демонстрирующие, что, излагая начало статьи «О осмих частех слова» (ссылка «Иоанн Дамаски[н] на Грам[м]атику») и цитируя «Похвальные словеса...» (ссылка «таможе»), Иван Иконник пользовался одним и тем же источником, т. е. ГМ. Ср.:

ГИ

Прежде всего бытия Создате[ль] излия мя, и ч[е]л[ове]к еще не бы[сть], аз пре[д] Вышним служах. А егда в плоти Слово процвете и умныя д[у]ши силы, тогда аз явихся (л. 1 об.).

ГМ

По Б[о]жию образу созданному ч[е]л[ове]ку и слова почтенному саном, сего части, имиже состоится, не бе[з] учения оставити потреба. Аще бо и кроме сих в д[у]ши состоится слово, якоже учат б[о]гоноснии о[т]ци, но ко второму рождению плоти, еже устами и гласом из[ъ]являему и прочими сего орудми плоти, тогда и частей к составлению требует. Кроме бо сих из[ъ]яснити о нихже слово немощно (л. 17 об.— 18)²⁸.

К «Похвальным словесам» восходят также рассуждения Ивана Иконника о многоуровневой структуре грамматики («писмена → слоги → слова») и осмысление ее постижения как последовательного восхождения от одного уровня к другому:

ГИ

Темже и начало свое Грамматика от писмен иматъ, начертанием убо сих и слогами и речении [*на полях*: составляющися], провождающе и во[з]водяще учащагося до естественнаго познания словесе и в нем таящагося разума постижения. Ихъже ради и книга сия наречена бысть Грамматика (л. 2).

ГМ

Якоже древнии Понамид и иже древних лет случашаяся обрете мудрый Промефеус, с нима же и Комид — сии бо начертанием мя во еллинох составиша, и тростию назнаменаша, и писмена, рекше буквицу, собраша... И таковыми писмены слоги счинити умыслиша, якоже рещи: по, или до, или ба. И таковым по согласию со ударением снемшимся, г[лаго]л являют, якоже рещи: подобаше. Или некую от осми едину часть объявляет и, частем по разуму съшедшимся, уставно слово составляет. Якоже рещи: больши всех есть добродетелей любовь. И тако мною составляхуся вся чиновныя статии, и съплетаемыя

стихи, и начинаемая главы, и накончаемая свитки, и вся прочитаемая книги. И таковыя ради вины Грамматику мя нарекоша (л. 41 об.— 42).

Из послесловия-резюме ГМ (л. 387 об.— 388) Иван Иконник заимствовал истолкование термина «грамматика», сопровождаемое этимологическим анализом, и определение грамматики как первой из наук, без знания которой освоение других невозможно:

ГИ

Грамма бо по-еллинскы есть писмо или писание г[лаго]лется, откуду же грамматика писменница, или писанием учителница, есть и наричется (л. 2–2 об.).

Она первая есть наука прочих наук... Она есть дверь и лествица на возшествие високаго разума, и никто кроме ея и прочим наукам бл[а]голепно взыти может. Аще же кто ко иным бе[з]сея наукам приити дерзает или в писании хошет что изследити, аще бы кто и преимея разумом был, всячески погрешит: и рито[р], и философ посмеян будет. Како бо кому мощно на вышния степени взыти, первых не причастившуся? Или како ра[з]решити возможно творческия в писании обретаемая силлогисмы, паче же писати, и читати, и г[лаго]лати добре, аще не сеи кто прежде приобщитя? (л. 3–3 об.).

ГМ

Сию книгу, г[лаго]лемую Грамматику, еже есть писанием учителницу, грамма бо от еллин писмо или писание г[лаго]лется (л. 387).

Сию книгу, г[лаго]лемую Граматику... первую от седмех наук свободных... еюже и к прочим, аще кто восхошет, яко дверию бл[а]голепотне и безтрудне возшествие сотворит. Без сея бо приходити дерзая кто к сим или и в писаниих покушаяся изследити, аще и зело преимея разумом будет, всячески погрешити имать. Како бо кому взыти возможно на последния степени, первых не причащшуся? Или како разрешити возможно в писаниих обретаемая творческия силлогизмы, паче же писати, и читати, и глаголати добре, аще не сеи кто первее приобщився? (л. 387–387 об.).

Совпадения с основной частью предисловия к ГМ (л. 1–40 об.) обнаруживаются во 2-м предисловии к ГИ. Как и предисловие, составленное московскими редакторами ГМ Михаилом Роговым и Иваном Наседкой, предисловие Ивана Иконника подчинено задаче обосновать необходимость «учения грамматического» как средства постижения богооткровенной истины. Иван Иконник использует ту же систему аргументации важности книжного учения, которая представлена в ГМ: в качестве доказательств значимости грамматики в обоих текстах приведены цитаты из Священного Писания, творений отцов Церкви и житий святых. Примечательно, что, апеллируя к авторитету Священного Писания и предания, Иван Иконник опирается на те же цитаты,

которые содержатся в предисловии к ГМ. Так, например, в ГИ приводится дважды повторенный в ГМ фрагмент из Евангелия от Иоанна:

ГИ
 ...Не Сам ли С[ы]н Б[о]жии повелевая г[лаго]лет: «Испытайте писание» [Ин 12. 50] (л. 10).

ГМ
 Сам убо Г[оспо]дь рече, Сп[а]ситель наш и Б[о]г, яко Иоанн ева[нге]-лист свидетельствует: «Испытайте писания, яко вы мните в них имети живот вечный» ([зач.] 17) [Ин 12. 50] (л. 1).

Великии же Анастасии Синай-ский паки глаголет, яко Хр[и]стос Б[о]г наш учит ны, глаголя: «Испытайте писания и в них обрящете живот вечный» (Иоа[нн. зач.] 17) [Ин 12. 50] (л. 38).

Следующая за данной цитатой фраза в ГИ также демонстрирует близость к ГМ:

ГИ
 Ты же вопреки г[лаго]лещи: «На что испытovati?» (л. 10).

ГМ
 Сице убо глаголют таковии, иже в писаниих б[о]жественых словес разуму не прилежащее, паче же и мнози, яко несть нужда, еже испытovati писания и учения многа (л. 34 об.—35).

Иван Иконник включает в свое предисловие, частично цитируя, частично пересказывая, входящий в ГМ отрывок из Беседы свт. Иоанна Златоуста на Послание апостола Павла к Римлянам²⁹:

ГИ
 Неси ли чел николи же, яко зло есть не поучение книг: отгуду нерадивое жительство, и воли Б[о]жия презрение, и всяк еретический недуг возрасте. Поистинне вем, яко [на полях: запрещающий] учатся разума не своею, но диаволею кознию сице глаголю[т], ибо запрещаю[т]. Диавол весть, яко, идеже незнания учения, тамо незнание его козни (л. 10).

ГМ
 И паки той же во еже от Матфеа [Евангелии]. Велико убо зло, еже не ведети писания, и, якоже скот безсловесен, обносится. Ибо от сего бесчисленная зла раждаются от неведения писании. От сего лютии еретический возрасте недуг, от сего небрегомая и неисправленная жития, бесприбытка труди, помрачение души, дияволя прелесть (л. 39–39 об.).

В некоторых случаях можно предположить, что Иван Иконник прибегал одновременно к двум источникам. Так, например, в предисловие к ГИ включено начало 6-й главы 4-го Слова книги «О священстве» свт. Иоанна Златоуста (с ссылкой на полях «Зла[тоуста] книг[и] “О с[вя]щ[енстве]” Сл[ово] 4»), в котором содержатся 2 цитаты из 1-го Послания апостола Павла Тимофею [1 Тим 4. 13; 4. 16]. Книга свт. Иоанна Златоуста «О священстве» была издана на Московском печатном дворе 5 августа 1664 г.

ГИ

Сицева учения изкушена познаваем быти и б[о]ж[ес]твеннейшаго Павла ап[осто]ла, егоже ради да удивление многим бысть. О чем поучаше и Тимофеа, уч[е]н[и]ка своего, г[ла]голя: «Внимаи чтению, учению... Сие бо творя, себе сп[а]сеши и слушающии[х] тя» [1 Тим 4. 13, 16] (л. 6 об.).

Свт. Иоанн Златоуст.

«О священстве»

А яко убо многое той [апостол Павел] творяше о слове учительства тщание, от сих явленно есть. Глава 6.

Послушай убо, и ученику что вещает, посылая: «Внимаи,— рече,— чтению, утешению, учительству». И иже от сего плод прилагает, гл[агол]я: «Сие творя, и себе сп[а]сеши и слушающих тя» [1 Тим 4. 13, 16] (л. 101 об.).

Первая цитата [1 Тим 4. 13] дважды фигурирует и в предисловии к ГМ: «Такоже и Павел ап[осто]л, к Тимофею пиша, г[ла]голя: “Внемли чтению, утешению, учению”» (л. 39 об.). Обращает на себя внимание, что использованная Иваном Иконником словоформа «учению» находит соответствие именно в цитате из ГМ («учению»), а не в книге «О священстве» («учительству»).

Очевидна ориентация Ивана Иконника на агиографический цитатный блок предисловия к ГМ (л. 1 об.— 17), представляющий собой «парадигму учености», в которую включены имена отцов Церкви — великих каппадокийцев — и связанных с ними лиц³⁰. Большинство этих святых, овладевших «грамматической премудростью», названы и в предисловии Ивана Иконника: в ГИ пересказан фрагмент Жития свт. Василия Великого, процитированный в ГМ по Великим Четьям-Минеям³¹, и перечислены имена святителей Григория Назианзина и Афанасия Александрийского, преподобных Исидора Пелусиота, Иоанна Дамаскина и Космы Маюмского:

ГИ

Сицеваго ради учения и Василий Великий до Афина вшед, и 15 ле[т] хлеба не вкуси, но точию мало восприемля сурова зелия, дондеже все риторское философское учение проиде (л. 6 об.).

ГМ

И Василии Великий во Афины прииде равнаго ради тому наказания. Положи в ср[д]ци своем не вкусити хлеба и вина, дондеже от вышняго промышления разумеет Б[о]ж[ест]твенныя прем[уд]рости неизреченныя. Пребысть же во училищих 15 лет, и всю еллинскую мудрость проше[д]

С[вя]тыи Григории Назианзин многа лета учения ради пребысть... Недостанет бо ми коегождо сих различне описати, елико кто к сему тщание возыме, елико кто теплою любовию всем учению труды показа и в нем до презрения самых себе пребываше, якоже: Афанасии Александрийский, Феодор Студит, Исидор Пилусиот, Иоанн Лествичник, Иоанн Дамаскинский, Августи[н], Козма Маиумский и друзии мнози (л. 6 об. – 7).

Завершение перечня отцов Церкви также напоминает аналогичный пассаж из предисловия к ГМ:

ГИ

Оставляю прочих о[те]ц и мужей бл[а]гочестивых, учения многая прошедших, ихже творения книги любезно и бл[а]гочестно Црк[о]вь Б[о]жия почитает (л. 7).

ГМ

Но убо и не сии точию, ихже с[вя]тых и б[о]гоносны[х] о[те]ц наших и учитель zde вкратце имена помянухом к ревности хотящим учения и уподобитися сим, но ини мнози от с[вя]тых пр[е]п[одоб]ных мужь и учитель и мученик во учении б[о]жественных писании упражнение творяще (л. 19–19 об.).

Развивая идеи Михаила Рогова и Ивана Наседки, Иван Иконник расширяет «парадигму учености» экскурсом в историю школьного образования от Нововавилонского царства в VII–VI вв. до Р. Х. до Византийской империи в XII в. Этот экскурс является компиляцией двух исторических трактатов: «Хрисмологиона» Николая Спафария и «Деяний церковных» Цезаря Барония. Из этих сочинений Иван Иконник отобрал факты просветительской деятельности правителей (ветхозаветных царей, византийских императоров, французских королей), а также сведения о людях, прославившихся своей ученостью.

«Хрисмологион, сиречь Книга, глаголемая пререченнословная» (1672 г.)³², созданный Николаем Спафарием с учетом одноименного труда Паисия Лигарида (1656 г.), содержит толкования на Книгу пророка Даниила. Изъясняя видения пророка, Спафарий излагает историю «четырех монархий»: Халдейской, Персидской, Греческой и Римской. Это сочинение было создано как «визитная карточка» автора, свидетельствующая о его учености.

логион» более других трудов Николая Спафария имел успех и еще при жизни автора переписывался, почти всегда целиком, в десятках экземпляров (известно более 40 списков, близких ко времени написания «Хрисмологиона») ³³. Иван Иконник приводит цитату из предисловия-посвящения царю Алексею Михайловичу, по повелению которого и был создан «Хрисмологион» ³⁴, об учреждении «словесных училищ» в Вавилоне и Византии:

ГИ

В первой монархии Вавилонстей, или Халдеистей, великий Науходоносор ц[а]рь в Вавилоне словесная училища имяше, идеже и Даниил и трие отроцы учияся. Науходоносор же таково тцание о сем имяше, яко и самому между ими сидящу совопрашиватися, о чем Даниил во главе 1-й пишет. От сицева Науходоносорова приклада мнози ц[а]рие во учении устремияся, а наипаче Лев ц[а]рь, ц[а]р[с]твуяи во Ц[а]риграде, многим иждивением училища составль, рече: «Да бы в мое время иждивение, войны ради бываемое, во учение и[э]нурялося» (л. 6). [*Напротив текста помета: Хри[с]мологион пред[и]словие*].

«Хрисмологион»

Во первой монархии, Вавилонской, или Халдейской, великий Навуходоносор в Вавилоне училище имевше, в немже юноши вси мудрости халдейстей научишася, яко Даниила и триех отроков на тое учение вдаде. И сицевое тцание имейше, яко и сам назираше учение их и с ними глаголаше, яко Даниил в 1-й главе свидетельствует. От такового прилога Навуходоносорова многие царие в учение устремияся, и наипаче Лев царь, иже во Цареграде многим иждивением училище состави и сице рече: «О, если бы в мое время иждивения, яже войны ради чинятся, вся во учения дела потреблены быша!» ³⁵.

Ссылка на второй исторический трактат дана в предисловии к ГИ на л. 7 об.: «пише[т] Баронии» и на полях л. 7: «Баро[нии]». Речь идет о сочинении кардинала Цезаря Барония «*Annales ecclesiastici*», содержащем обзор истории христианской Церкви за 12 веков. Трактат был переведен в России в XVII в. с сокращенного изложения по-польски Петра Скарги и издан в Москве в 1719 г. (полное название: «Деяния ц[е]рковная и гражданская от Р[о]ж[дес]тва Г[оспо]да наше[го] Ии[су]са Хр[ис]та, из летописаний Кесаря Барония собранная. Преведена с полскаго языка на славенский, кроме явных с Ц[е]рковию православною восточною противностей римских, у Барония и Скарги обретающихся. Повеление[м] же его цар[с]каго пресветлаго величества всерос[с]ийскаго Петра Перваго напечатанная в ц[а]р[с]твующем граде Москве первое лета Г[оспо]дня 1719»). Данный труд как справочник по всемирной истории сразу стал чрезвычайно популярен в России, особенно среди старообрядцев (так, выписки из труда Барония содержатся во всех «Цветниках» беспоповцев). Иван Иконник включил в свой исторический экскурс 8 фрагментов из этого трактата, которые, следуя в предисловии друг за другом, образуют единый «цитатный блок» (л. 7–8) ³⁶:

ГИ

В лето Г[оспо]дне 415 во Алек-
сандрии граде бяше Ипатиа д[е]в[и]-
ца, зело учения великаго философ-
скаго, хр[ис]тианина сущи, тако, яко
равнаго ей в то время не бе. И вси
ученыя к ней, аки ко учительнице при-
текаху, и оныи Синесий нарицает ю
уч[и]тльницею своею. Бяше дщерь
Фрона философа, в чистоте жи-
вущая, и у всех житием и высоким
зело учением славимая (л. 7–7 об.).
[На полях запись: Прочи[х] же д[е]в,
философскаго учения искусных, ос-
тавляе[м]] (л. 7 об.).

В лето Г[оспо]дне 510 бяше не-
кий преславный и великородный,
зело прем[уд]р Воетий консул. Той,
40 лет во Афинах учася, всеи фи-
лософии научися. А наипаче любяше
Аристотеля, мало в то время знаемаго
у латин, и книги его на латинский
язык трудно и бл[а]гополучно на объ-
яснение преложи (л. 7 об.).

В лето Г[оспо]дне 562 Кассио-
дор преславный уч[и]т[е]ль, в старо-
сти своей не ленился и грамматики
мнихов своих учити и рукою дивная
писмена писати, на доброе и чинное
преписование книг ра[з]личных напи-
са им и учил их риторике, диалек-
тике, мусикии, геометрии и астроно-
мии (л. 7 об.).

В лете Г[оспо]днем 231, пише[т]
Баронии, яко Птоломеи Филадельф,
ц[а]рь египетский, третий по Алек-
сандре, великий любитель книг уче-
ния, собра 500 000 кни[г] слугою сво-
им Димитрием (л. 7 об.).

«Деяния» Барония

Лето Г[оспо]дне 415. Во Алек-
сандрии хр[ис]тиане имаеху со жи-
дами великия бедства и кровопро-
лития, друг на друга находяще... В тех
смятениях убиена бысть Ипатиа
д[е]вица, зело великаго учения фило-
софскаго, христианыня сущи, тако,
яко равнаго ей в то время не бе. И вси
ученыя к ней, аки ко учительнице,
притекаху. И оный Синесий нарицает
ю учительницею своею. Бяше дщерь
Фрона Философа, в ч[ис]тоте живу-
щая и у всех житием и высоким зело
учение[м] славимая (л. 452–452 об.).

Лето Г[оспо]дне 510. Того лета
оный преславный, и великороден,
зело премудр Воетий бе консул. Той,
осмьнадесять лет во Афинах учася,
всеи философии научися, а наипаче
любяше Аристотеля, мало в то вре-
мя знаемаго у латин, егоже книги на
латинский язык с великим тщанием
преложи и великий и бл[а]гополуч-
ный труд на об[ъ]яснение их подъя
(л. 574 об.).

Лето Г[оспо]дне 562. Написа Кас-
сиодор много книг, яже сам исчис-
ляет. Во оной старости своей не ле-
нился и грамматике монахо[в] своих
учити, и рукою дивная писмена пи-
сати, на доброе и чинное преписо-
вание книг различны[х] написа им
и учил их риторике, диалектике,
мусикии, геометрии, астрономии
(л. 656 об.).

Лето Г[оспо]дне 231. Птоломей
Филадельф, ц[а]рь египетский, третий
по великом Александре, любитель
книг и учения, собра от всего мира
иждивением великим книги и препи-
совати я и хранити в своей книгохра-
нительнице повеле, вручив я ученому

В лето Г[оспо]дне 330 Констан-
ти[н]ц[а]рь по создании Ц[а]ряграда
училища и академии созда и библио-
теку велику — до 120 000 книг собра
(л. 7 об.).

В лето Г[оспо]дне 425 ц[а]рь
Феодосии школы, или акедемии, об-
нови и исправи, определяя уч[и]те-
леи и число их. Ради латинскаго языка
и рачения его постави трех риторов,
и десять грамматиков, софистов 5,
философа единаго, и двух законо-
учителей, которых на высокия саны
во[з]водить повеле, егда в том труде
22 лета пребудут (л. 7 об.— 8).

В лето Г[оспо]дне 802 оскуде-
вати начаша свободная учения, не
учахуся, токмо грамматики, ейже и
иереи и еп[иско]пи научаху, но вели-
ким Кароло[м] кесарем везде падшья
школы и учения во[з]двизашеся, по-
неже и уч[и]тлеи на сие не бе, аще
кто и желаше учитися. Он же везде в
м[о]н[ас]тырех и еп[иско]пских до-
мех повеле школам быти, учаху же
грамматикии, мусикии, ариифмети-
ки. В Париже школы в то время на-
чашася и потом подаянием королеи
ра[з]ширяхуся (л. 8).

В лето Г[оспо]дне 1118 кесарь
восточный Алексии Комнин основа
грамматическое учение ради школ-
ников убогих, пищею их и уч[и]т[е]ль-
ми снабдевая (л. 8).

слуге своему Димитрию именем
Фалерию; егоже егда ц[а]рь вопроши,
много ли уже книг собра, отвеща:
«Ц[а]рю, уже их имам двесте тысящ
и скоро потщуся, яко их будет пять-
сот тысящ» (л. 140).

Лето Г[оспо]дне 330. Сего лета
Константин град свой Новый Рим,
или Константинополь, Г[оспо]ду Б[о]-
гу ос[вя]ти в память Преч[ис]тыя
Б[огороди]цы 11 маиа... Созда и учи-
лища, и академии, и библиотеку ве-
ликую собра, в которой бе сто два-
дцать тысящ книг (л. 237 об.— 238).

Лето Г[оспо]дне 425. Школы, или
академию, в Константинополи обно-
ви и исправи Феодосий, определяя
учителей и число их. Ради латинска-
го языка и рачения его постави трех
риторов, и десять грамматиков, со-
фистов пять, философа единаго, и
двух законоучителей, которых на вы-
сокия саны возводити повеле, егда в
том труде двадцать и два лета пре-
будут (л. 468 об.).

Лето Г[оспо]дне 802. Век сей
бьяше зело небл[а]гополучен в сво-
бодных учения[х], не учахуся, токмо
грамматики, ейже и иереи и еписко-
пи научаху. И есть в том великая сла-
ва Карола кесаря, яко везде падшья
школы и учения воздвизаше, понеже
и учителей на сие не бе, аще кто и
желаше учитися. Он же везде в мо-
настырях и епископских домех пове-
ле быти школам, учаху же граммати-
ки, мусикии, арифметики. В Париже
школы в то время начашася и потом
подаяние[м] королей ра[з]ширяхуся
(л. 898).

Лето Г[оспо]дне 1118. [Алексий
Комнин] основа учение граммати-
ческое ради школников убоги[х],
пищею их и учителми снабдевая
(л. 1325 об.).

Обращает на себя внимание тот факт, что цитаты из «Деяний» Барония в ГИ приведены с нарушением хронологического порядка: 415 г., 510 г., 562 г., 231 г., 330 г., 425 г., 802 г., 1118 г. Представляется, что причиной тому могло стать желание Ивана Иконника акцентировать тему женской учености. ГИ была создана в царствование Анны Иоановны (1730–1740 г.), как известно, на трон в это время могла претендовать дочь Петра I Елизавета (императрица в 1741–1761 г.). Поставленный Иваном Иконником в начало данного цитатного блока текст о мудрой и благочестивой девице Ипатии (кстати, отредактированный автором, исключившим слова «убиенна был») должен был подчеркнуть тему женской учености. Этой же цели служили приписки на полях около данной цитаты: «О Екатерине же с[вятее] м[у]ч[е]н[и]ци кто не ведеть, коликаго философскаго учения бяше» (л. 7) и «Прочи[х] же д[е]в, философскаго учения искусных, оставляе[м]» (л. 7 об.).

Не исключено, что идея рассказать о вкладе древних правителей в развитие образования могла возникнуть у Ивана Иконника под влиянием предисловия Федора Поликарпова к третьему, московскому, изданию 1721 г. Грамматики Мелетия (Смотрицкого) (далее — Г1721). В начале этого предисловия отмечаются заслуги Петра I в области просвещения и говорится о расцвете наук в его правление: «Понеже непостижимым промыслом создателя нашего Б[о]га, [в Егоже руке ц[а]рево сердце], изволися любомудрейшему всероссийскому нашему монарху Петру, того имене и дел высоки[х] Первому, чрез неусыпное его ц[а]рскаго величества тщание преславное и православное свое г[осу]д[а]рство, якоже иными военными высокими науками и всякими нужными механическими хитростми украсити и обогатити, тако и седми свободны[х] наук, еллиногреческа и латинска диалектов училищами наполнити, в нихже не точию грамматика, риторика, философия, но и самая теология цветет изобилно» (л. 1–1 об.). Одним из аргументов в пользу такого предположения может служить тот факт, что Г1721 была хорошо известна Ивану Иконнику и активно использовалась им при создании второго предисловия к ГИ.

Из предисловия Федора Поликарпова Иван Иконник заимствовал обоснование необходимости освоения церковнославянского языка при помощи грамматических руководств. В 1-й половине XVIII в. в России продолжал господствовать традиционный, текстологический, способ изучения церковнославянского языка, заключавшийся в заучивании образцовых текстов. Несмотря на действовавшие уже школы, на распространение печатных Грамматик и указы Петра I 1723 и 1724 г. об обязательности обучения, в том числе и молодых монахов, по грамматическим руководствам³⁷, грамматический подход к освоению языка воспринимался как радикальное новшество и поэтому нуждался в защите. Изложение доводов, основанных на предисловии к Г1721, Иван Иконник завершает ссылкой на авторитет печатного издания: «И не наше сие есть слово, но тако есть напечатано видети есть» (л. 11).

ГИ

Суть же неции суть по[д]злаком цветов скрывающе я[д] свои змиин на уязвление просты[х] в разуме. Умягчаю[т] словеса своя паче елея, и та суть д[у]шевные стрелы: учитья тебе [г[лаго]люще], но а[з]буце, Часословцу и Псалтыри, и тако доволно буде[т] на чтение книги — може[т], чтя, в них разумети. Сего ради а[з] вопрошаю таковы[х]: сия пре[д]реченная чему учать, не писмени? Еи, точию писмен. Но книги не точию и[з] писмен, но и и[з] разума составишася. И иная есть писмена, и ина в писменах лежащии разум. Сего ради научивыися писмен учитья требуе[т] и разума [писмен]. Аще ли ни, то како, по вас, без разума писмена буду чести? Исти[н]нии бо разум писмен учение е[сть] грамматики, тако в писмина[х] сущее ведению тщущему препода[ет], наставляет и вся по естеству ра[з]бирае[т]. Бе[з] сея же, чтяи, аще и преимея разумом буде[т], всячески погрешник. И не наше сие есть слово, но тако есть напечатано видети есть (л. 11 об.).

Г1721

Яко издревле российским детоводцем и учителем обычай бе и есть учитьи дети малыя вначале азбуце, потом Часословцу и Псалтыри, таже писати, по сих же неции преподаю[т] и чтение Ап[осто]ла. Возрастающих же препровождают ко чтению и с[вя]щенныя Библии и Бесед ев[анге]лских и ап[осто]лских и к разсуждению высокога во оных книгах лежащаго разумения. А истаго на таковое разсуждение орудия [еже есть грамматика] оным напред не показывают, по чему бы всякое речение, и период, и все слово разбирати, и в подобающий чин разполагати, и кремую в нем силу разума ра[з]суждати... (л. 2 об. — 3).

По совершении же грамматики трудолюбивый тцатель вникне[т] и сам во чтение С[вя]щеннаго и б[о]ж[ес]твенных книг Писания с лучшим и яснейшим понятием (л. 4—4 об.).

Определения грамматики как «основания» всех наук и «орудия» постижения Священного Писания могли быть известны Ивану Иконнику и из предисловия к Г1721, и из предисловия к Грамматике Федора Максимова «Грамматика славенская въкратце собранная в греко-славенской школе, яже в Великом Новеграде при доме архиерейском» (СПб., 1723):

ГИ

Ибо грамматика есть ч[ес]тнейшая и дражайшая наука и наука всех наук, основанием, аки с[о]лнце пресветло, умы ч[ел]ове[к] просвещающа, вся словесная мастерски ищет пораждати (л. 11 об. — 12).

Г1721

Грамматика есть всех наук основание... Грамматика есть дражайшее паче иных свободных наук знание... Убо сие учение паче всех преславнее есть, ибо показывает путь к прочних вниманию (л. 3).

Грамматика
Ф. Максимова

Сия [грамматика] во всех школах, яко прочних наук основание, люботцателем первее преподается (с. 2).

Не зрите ли, како ни малое художество бе[з] приличных орудий не може[т] [*на полях*: совершенства] своего достигнути. Коль паче вещь, всех вещей дражайшая, книжечтение, бе[з] орудия, наставления не совершается (л. 11 об.).

И, тако читающе по своему ра[з]суждению, мнози о вере погрешаши и до ныне погрешают, впадающе в свое суетное мнение и не знающе осмочастного чиноразположения, аще и разумеют. Яко и последнему малоченному рукоделию бе[з] приличного ему орудия не мощно своего совершенства получитьи, колми же паче высоту и глубину книжных премудрости [еяже ничто потребнее и честнее в житии ч[е]л[ове]ку] бе[з] приличного ей орудия невозможно разумети (л. 2 об.— 3).

Аще не бы кий-либо художник имел потребных орудий к своему художеству, не бы могл добре своего совершенства сотворити... И сия убо: аще в видимы[х] действиях без орудия, наставления и искусства тщетна, трудна и бедственна, колми паче в С[вя]щенном Писании, яже есть мудрости глубина и высота (с. 1).

Возможно, предисловие Максимова послужило для Ивана Иконника не только ориентиром, но и объектом имплицитной критики. Грамматика Максимова представляет собой сокращенную редакцию Грамматики Мелетия (Смотрицкого). Основной принцип, которым руководствовался Максимов при сокращении текста-источника, был сформулирован им в предисловии: «Сей убо нужде, тако належащей, предсудиши за употребление краткости, вопросо-ответное грамматических частей определение оставити, доволну сему в прежде изданных Грамматиках зрящуся и требующих удоволствовати мощу. Сие токмо в сей сокращенней Грамматике положиши, еже грамматического знанию разума нужнейшее есть» (с. 3–4). Таким образом, Максимов отказался от вопросо-ответной формы изложения материала и устранил теоретическое описание, оставив лишь парадигмы. Иван Иконник, напротив, считал, что усвоению грамматики способствует «беседословная» форма: «Мне же, намале сея пречестнейшия сладости вкусившу, и едва свету озарения тоя причастившуся, и токмо прислышателю искусных ра[з]говоров бывшу, для ра[с]тле[н]ныя моея памяти и прочи[х] неведущих [*запись на полях*: якоже свойственно уч[е]н[и]ком] восхотех сию беседословию начертати... Ибо мнози суть ведения сея требующе, но за скудное уч[и]т[е]леи тще бывает. И сею виною движим, поелику ми случися разумети силу тоя, судив а[з], скудоумныи, к памяти своей и требующим сея зде образом беседословным пре[д]ложити» (л. 4–4 об.).

В предисловии к ГИ выявлены интерполяции из «Сказания, како состави святыи Кирилл Философ азбуку». Как известно, «Сказание...» представляет собой одну из редакций трактата «О письменех» черноризца Храбра, созданного в конце IX — начале X в. В этом сочинении не только излагается история создания славянской азбуки, но и содержится опровержение «триязычной ереси»: доказывается, что славянский алфавит не хуже греческого,

еврейского и латинского, восходящих в конечном счете к одному источнику — алфавиту сирийскому, и на славянском языке, так же как и на традиционных языках Священного Писания, возможно выражение богооткровенной истины. «Сказание...» часто использовалось славянскими книжниками для обоснования закономерности возникновения, а главное, «богоугодности» славянской письменности. «Сказание...» было включено Иваном Федоровым во второе издание Азбуки (Острог, 1578 г.), вошло в Букварь, изданный в Остроге в 1590 г., затем практически во все дошедшие до нас буквари XVII в.³⁸ Известны рукописные грамматические трактаты XVII в., где «Сказание...» используется как предисловие (например, ГИМ, Синод., № 938).

Иван Иконник продолжает традицию обращения к «Сказанию...», включая во второе предисловие к ГИ повествование о сотворении Богом сирийского языка и о смешении языков, а также дословную цитату из «Сказания...» о «специализации» народов³⁹:

ГИ

Темже недалече Б[о]г сие знание отведе, но в первом роде прао[т]-ца нашего Адама с[ы]ну третьему Сифу бл[а]говолити на сирском языке десять писмен выразиши (л. 5 об.). Сего ради грядущему роду два столпа устроивше с воображением наук б[о]гооткрове[н]ных. Но за еже ч[е]-л[ове]ко[м] ра[з]делитися на языки, и хитрости на кийждо язык разделишася: египтяном убо землемерие, а еллином грамматика, риторика и философия дадеся (л. 5 об.— 6).

«Сказание, како состави святый Кирил Философ азбуку»

Не сотвори Б[ог] жидо[в]ска языка прежде, и ни еллинска, ни римска, но сирский, имже Адам г[лаго]ла. И от Адама до потопа тои ся язы[к] гл[аго]лаше. И по потопе раздели Б[ог] языки при столпотворении, яко[ж] пише[т]. Размешено же языком, и якоже языци ра[з]мешася, тако и нрави, и обычаи, и уставы, и законы, и хитрости на коиждо языки: египтяном убо землемерие... еллино[м] же грамматика, риторика и философия⁴⁰.

Что же касается рассуждений Ивана Иконника о причинах и целях создания письменности вообще, о ее божественном происхождении, то, скорее всего, они восходят не к самому «Сказанию...», а к развивающим его отдельные сюжеты сочинениям «Написание языком словенским о грамоте и о ея строении...» и «Беседа о учении грамоте, что есть грамота и что ея строение...». В этих произведениях, обнаруживающих текстуальную близость, «грамота» интерпретируется как средство общения твари с Творцом, необходимость в котором отсутствовала у еще безгрешного Адама, поскольку он пребывал «купно с Б[о]гом»⁴¹. Грехи же, отделив человека от Бога, лишили его возможности «явственно Б[о]га видети и от С[вя]т[а]го Б[о]жиа Д[у]ха просвещатися»⁴². Однако Господь, умилосердившись о Своем создании, даровал людям грамоту, призванную восстановить утраченную связь и тем самым не лишить людей спасения.

ГИ

Исперва прао[те]ц наш Адам в нетленном разуме агг[е]льски пребывая, не требуя посре[д]ствующее что, доко[ле] ему Б[о]га знати, ума бо единого ч[ис]тота до еже с Б[о]го[м] соединитися довляше ему. Егда же данную в раи заповедь преступль, лишися б[о]говидныя ума ч[ис]тоты... И вне рая ему сущу, в долняя незнания отводити[сь] и от мятежеи, аки от облак же мног, сиянию оному н[е]б[ес]ному от ума его нужда бысть отиматися. Обаче нераскаянно есть о человечестем естестве Б[о]жие устройство, сего ради не презре оно, но вторыми уже посторонними вещми, аки вторыми руково[д]ствы, положи наставлятися, да всячески наше естество во оно устремляется паки, в неже бытие от Б[о]га получи. И сея ради вины велия бысть нужда отверсти ум наш в познание писмен. Темъже недалече Б[о]г сие звание отведе... (л. 5–5 об.)

«Написание языком словенским о грамоте и о ея строении...»

Сея ради вины грамота состроена, яко[ж] Б[о]г созда[л] и бл[а]госло[в]ил ч[е]л[ове]ка животна, плодна, словесна, разумна, смертна, ума и художества приатна, праведна и безгрешна... И по безгрешию ч[е]л[ове]чю явьственню Б[о]г с ним пребываа и беседау лицем к лицу, и Д[у]ху С[в]я[т]о[м]у Б[о]жию г[ла]го[л]ящу с ни[м] усты к усто[м]... И егда нача[т] ч[е]л[ове]к плодитися и умножатися... и тогда нача[т] ся множити злоба в человецех и недостойнства... И егда зело умножилася злоба в человецех, и изногоша от нея человецы, и недостойны быша явьствено Б[о]га видети и от С[в]я[т]а[го] Б[о]жиа Д[у]ха просвещатися... сия видеи, Б[о]г и м[и]л[осе]рд[о]ва о человечесте[м] роде... но вся на разум приводя и на спасение, яко Б[о]г м[и]л[ос]тив, бл[а]говолити на се состроити грамоту, и, сея навикше, да поне воспоминают си[м] прежняя пребывания Б[о]жиа бл[а]говоления и известны буду[т] истине... И да не ведящей Б[о]га сим Б[о]га уведя[т]... И да не знающей Б[о]га сим Б[о]га познаю[т] и вся преданная Б[о]го[м] в разуме стяжу[т]. И тоа ради вины грамота состроена, да искуснее буду[т] ч[е]л[ове]цы и не удаляются от Б[о]га⁴³.

«Беседа

о учении грамоте, что есть грамота и что ея строение...»

Тоя ради вины состроена бысть грамота, понеже прекрепкии Г[ос]подь в Тр[ои]цы славимыи Б[о]г н[а]ш сотворил ч[е]л[ове]ка исперва по образу Своему и по подобию... и дал ему стяжати прем[уд]раго разума, сиречь ум. И без страсти и кроме греха ч[е]л[ове]к пребываше кущно с Б[о]гом, и Б[о]г с ним... И по неколице[х] лете[х] и времени от неприязненна действия начат расти и множитися злоба и удалишася человецы от Б[о]га, и не сподобилася Б[о]га видети... и пребываху много лет в неведении... Прем[и]л[ос]тивии же Б[о]г, милуя создание Свое и не хотя видети в таковом неведении ходяща дело руку Своею, и того ради Д[у]х[ом] С[в]я[т]ым дарова м[уд]р[е]ц[ом] составити грамоту, да не знающей Б[о]га сим Б[о]га познают и заповеди Его творят, и немудрии от сего да умудрятся на законы Г[ос]подня и волю Его, и дойдут Ц[а]р[ст]вия Г[ос]подня и правды Его, и внидут в первое свое достояние и уподобление Б[о]жиа с[ы]нотворения, в начальную доброту и утварь⁴⁴.

Параллели для некоторых фрагментов 2-го предисловия к ГИ были обнаружены нами в послесловии к Букварю 1704 г. «Увещание к родителям о воспитании детей». О возможном знакомстве Ивана Иконника с этим текстом свидетельствуют рассуждения автора ГИ о свете учения и тьме неведения; сожаления об упадке современных нравов, проявляющемся в «уничижении разума учения»; прославление божественного дара учения и «дражайшего сокровища» премудрости со ссылками на царя Соломона (в ГИ использованы те же цитаты из Книги Притчей Соломоновых и Книги Премудрости, которые содержатся и в послесловии к Букварю):

ГИ

О силы учения! От сияния его пресветлаго! Поисти[н]не свет учения, ч[ес]тнейше есть с[о]лнца света! Не действует бо свет с[о]лнца то, еже действуе[т] свет учения. Не сотвори бо све[т] с[о]лнца знати Б[о]га, ведати Его волю. Учения ради вся сия в разум на[ш] приведется... Велия есть беда света [телесныма] очима не видети: много паче беднее во тме неведения шататися (л. 9–10).

Но увы мне: в коликия тесноты [днесь] книжное учение прииде. Несть в нем тшасихся. Поистинне пр[о]роческое оное слово н[ы]не събытися: злато и серебро повержено на пути, никто же потщится взяти и. Преиде уже ро[д] м[уд]ролюбец, и открышася... суеолобец. Не глася[т] бо уже трубы гласа Б[о]ж[ес]твенна, но точию яко Содома и Гоморра во[з]вышаются. Оскуде путь Сионь, и несть уже ходящих по нему. Празники опустеша. Аще и суть, но, аки сосуди печатленни, тщи. И[з] всех преде[л] разум учения д[у]шесп[а]сителна и[з]гоняется, гаждается, поносится. Уничижаю[т] тии разум учения... Лукавства же, лжи, гордости тако, яко адовы слуги, исполнь суще, отнюду же ч[е]л[ове]к чювство наипаче омертве, и живых источник не

«Увещание к родителям о воспитании детей»

Неции же хвалят мудрость, и множищею слышим г[лаго]лющих: учение свет, а неучение тма (л. 4)

Якоже бо неведение Писаний тма есть, по реченному псаломнику[м]: не познаша, ниже уразумеша, во тме ходя[т] [Пс 81. 5]. Тако вопреки ведение Писаний б[о]ж[ес]твенных свет есть, по реченному тем же псаломником: Светилник ногама моима закон Твой и свет стезя[м] моим [Пс 118. 105] (л. 3).

Но горе нынешним временам развращенны[м], в няже обретаются мнози, иже сия дражайшыя бисеры ногами безумне попирают. И, уповающе на свое погибающее богатство, о снискании некрадомага и неистощимаго мудрости сокровища нерадят ничтоже. И еже есть паче тысяць злата и серебра паче злата и топазия дражайше, у буих, тмою невежества помраченных, есть в презрении. Вящше же реку, яко у неких есть в поругании и ненависти. Оле безумия! Оле юродства, слез достойнаго (л. 3 об.— 4)!

приемлют. И сих убо и иных ради вин
Б[о]г наша с[е]р[д]ца не изволяе[т]
многих желанием посетити, и тако
сие учение упразднися (л. 12–12 об.).

Лучше бо [рече прем[уд]рьи]
сие собирати, неже злато и серебро,
сокровища: ч[ес]тнейши есть камен-
ния многоценнаго. Все бо ч[ес]тное
недостойно есть ей [Притч 3. 14–15]
(л. 14).

И паки тои же: Прем[уд]рость
пре[д]судит паче скипетр и пр[ес]тол,
и богатство вмених ничто же и ра[з]-
суждению тоя. Ниже уподобих ю ка-
меню преч[ис]тому, яко все злато в
сложении тоя песок есть менши, и
яко кал пре[д] нею серебро [Прем 7.
7–9] (л. 14–14 об.).

Лучше бо сию куповати, нежели
злата и серебра сокровища, честнейши
есть камней многоценных, не про-
тивится ей ничто же лукаво, знатна
же есть всем приближающимся ей
[Притч 3. 14–15] (л. 7).

Сльшим мудрости любителя
Соломона, Д[у]хом С[вя]тым вещаю-
ща, како в книгах Прем[уд]р[о]сти
оцениет мудрость... Предсудих ю ски-
петр, и пр[ес]тол, и богатство ничто
же мнех быти в разсуждении тоя.
Ниже уподобих ея камени преч[ес]т-
ному, яко все злато в сложении тоя
песок есть меньший, и яко кал мнит-
ся быти пре[д] нею серебро [Прем 7.
7–9] (л. 3–3 об.).

В предисловиях к своей грамматике Иван Иконник демонстрирует хо-
рошее владение славянским филологическим дискурсом. При этом он вы-
ступает не копиистом, слепо следующим своим образцам. Ценность ГИ со-
стоит прежде всего в обобщении и осмыслении в лингводидактических целях
предшествующих опытов описания и кодификации церковнославянского
языка: грамматик, букварей, рукописных орфографических трактатов. В на-
стоящей статье ставилась задача выявить источники сочинения Ивана Икон-
ника. Как отразилось их влияние на отборе и интерпретации в ГИ собственно
лингвистического материала? В чем сходство и различие теоретических ус-
тановок Ивана Иконника и его предшественников? Поиски ответов на эти
вопросы, сулящие интересные находки, составят предмет отдельного иссле-
дования.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ В силу того что в задачи настоящей работы не входит исследование собственно линг-
вистического содержания ГИ, цитаты из рукописи, а также из других грамматиче-
ских руководств приводятся в соответствии с правилами публикации исторических
текстов: церковнославянский шрифт заменен современным русским, опущены кон-
цевые «еры», «фита» в именах собственных передается через «ф». В квадратных
скобках раскрыты написания под титлом, выносные буквы внесены в строку.
- ² *Буслав Ф. И.* Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского
языков. М., 2004.

- ³ Там же. С. 654.
- ⁴ РГАДА, ф. 395 (Кабинетные бумаги князя М. А. Оболенского), оп. 1, ед. хр. 93. Запись на с. 21.
- ⁵ РГАДА, ф. 395, оп. 1, ед. хр. 630а.
- ⁶ Булич С. К. Очерк истории языкознания в России. Т. 1. XIII в. – 1825 г. СПб., 1904. (Записки историко-филологического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета. Ч. 75).
- ⁷ Ягич И. В. История славянской филологии (Энциклопедия славянской филологии. Т. 1). СПб., 1910. С. 27–32.
- ⁸ Если ГИ и включалась в перечень грамматик церковнославянского языка, то лишь в виде ссылки на хрестоматию Ф. И. Буслаева (*Мечковская Н. Б.* Ранние восточнославянские грамматики / Под ред. А. Е. Супруна. Минск, 1984. С. 45; *Кузьмина Е. А., Ремнева М. Л.* Предисловие // Грамматики Лаврентия (Зизания) и Мелетия (Смотрицкого). М., 2000. С. 17).
- ⁹ Упоминание об этом рисунке см.: *Буслаев Ф. И.* Указ. соч. С. 655.
- ¹⁰ *Клепиков С. А.* Филигранные на бумаге русского производства XVIII – начала XIX в. М., 1978. С. 6, 91.
- ¹¹ <http://www.pzbf.com/about/history.php>
- ¹² Атлас российской, состоящей из девятнадцати специальных карт представляющих Всероссийскую империю с пограничными землями, сочиненной по правилам географическим и новейшим наблюдениям, с приложенною при том генеральною картою великия сия империи, старанием и трудами Императорской Академии наук. СПб., 1745. Карта 5.
- ¹³ Российской атлас, из сорока четырех карт состоящий и на сорок и два наместничества империю разделяющий. СПб., 1792. Карты 18, 20, 22, 25.
- ¹⁴ *Лазаревский А. М.* Описание старой Малороссии. Материалы для истории расселения, землевладения и управления. Т. 1: Полк Стародубский. Киев, 1888. С. 440. Случанка – приток реки Стечки, которая является притоком Судости. Судость протекает параллельно реке Ипуть (с другой стороны Стародуба), на современных картах значится вместе с притоком Вабля. Села, указанные в работах XIX в., в настоящее время не существуют.
- ¹⁵ Там же. С. 448–449.
- ¹⁶ *Волошин Ю. В.* Урядова політика щодо російських старообрядців на Стародубщині у XVIII ст. // Український історичний журнал. 2006. № 1. С. 15. Современные исследователи называют Деменку в числе одного из первых сел, основанных староверами в этом регионе. Основанные позже села (Клинцы, Мглин, Почеп и др.) сыграли более важную роль в истории этого региона, поэтому чаще упоминаются в литературе. Можно предположить, что Иван Иконник был одним из жителей Деменки или что в своем перечне он не стремился упомянуть самые известные центры старообрядцев.
- ¹⁷ Там же. С. 17.
- ¹⁸ *Покровский И.* Русские епархии в XVI–XIX вв., их открытие, состав и пределы: Опыт церковно-исторического, статистического и географического исследования. Т. 2. Казань, 1897. С. 686.
- ¹⁹ *Лазаревский А. М.* Указ. соч. С. 447, 449, 451, 454.
- ²⁰ *Иконников В.* Рецензия на сочинение «Из истории раскола на Ветке и в Стародубье XVII–XVIII вв.». Киев, 1897. С. 3–4.
- ²¹ *Лилеев М. И.* Очерк миссионерских мер по обращению в православие стародубских и черниговских раскольников до времен Екатерины II. Чернигов, 1895. С. 56.
- ²² Там же. С. 57.
- ²³ Там же. С. 9; *Знаменский П. В.* Духовные школы в России до реформы 1808 г. СПб., 2001. С. 97.
- ²⁴ *Лилеев М. И.* Указ. соч. С. 10–15.
- ²⁵ Там же. С. 19–20.

- ²⁶ Там же. С. 43.
- ²⁷ «Сказание...» послужило источником для «Книги избранной вкратце о девятих мусах и о седмех свободных художествах» Николая Спафария (1672 г.), в которой «художества» разделяются на «свободные» (грамматика, риторика, диалектика, арифметика, музыка, геометрия, астрология) и «служительные» (земноорание, лов, воинство, кование, рудомерство, ткание, кораблеплавание).
- ²⁸ Ср. *Ягич И. В.* Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке. СПб., 1896. С. 47.
- ²⁹ Полное собрание творений св. Иоанна Златоуста. М., 1991–2003 (репринтное переизд.: Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста. СПб., 1898–1906). С. IX, 484.
- ³⁰ *Кузьминова Е. А.* Научный комментарий // Грамматика 1648 г. / Предисл., коммент., подгот. текста и сост. указателей Е. А. Кузьминовой. М., 2007. С. 499–503.
- ³¹ Великие Минеи Четьи, собранные Всероссийским митрополитом Макарием. Вып. 15. Январь, дни 1–6. СПб., 1910. Стб. 10–12.
- ³² Работа над этим сочинением была завершена до июня 1672 г.; дата 25 января 1673 г. указана в беловом списке, поднесенном царю (подробнее см.: *Лутан Ш. Г.* «Хрисмологион» — взгляд из Средневековья // Николае Милеску Спафарий и проблемы культуры Молдовы. Кишинев, 1991. С. 85–130).
- ³³ Там же. С. 87–89; *Белоброва О. А.* Николай Гаврилович Спафарий (Милеску) // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 2. СПб., 1993. С. 392–400.
- ³⁴ Посвящение царю Алексею Михайловичу книги «Хрисмологион», переведенной Николаем Спафарием в 1673 году // Русский вестник. Т. 2. Кн. 5. СПб., 1841. С. 383–400.
- ³⁵ Там же. С. 387.
- ³⁶ Еще одна выписка из «Деяний» Барония — о выступлении Римского папы Льва I Великого (440–461 гг.) против введения общей исповеди содержится на вкладном листке 183а.
- ³⁷ *Флоровский Г.* Петербургский переворот // Из истории русской культуры. Т. 4 (XVIII — начало XIX в.). М., 1996. С. 379.
- ³⁸ *Курилов А. С.* Восточнославянские старопечатные предисловия и послесловия конца XVI — начала XVIII в.: (Становление национальной филологической мысли) // Русская старопечатная литература XVI — 1-я четверть XVIII в.: Тематика и стилистика предисловий и послесловий. М., 1981. С. 204–221.
- ³⁹ Помимо предисловия «Сказание...» используется Иваном Иконником и в основном тексте ГИ. Раздел «Орфография» начинается цитатой о происхождении греческого и славянского алфавитов (л. 18 об.— 19), а на л. 21–21 об. приводится переложение этого же фрагмента в вопросно-ответной форме.
- ⁴⁰ Цит. по: *Федоров И.* Азбука. Острог, 1578. Цит. по изд.: Острожская Азбука Ивана Федорова / Под ред. Е. Л. Немировского. М., 1983. Л. 52 об.— 53 об.
- ⁴¹ Цит. по: *Ягич И. В.* Рассуждения южнославянской и русской старины... С. 389.
- ⁴² Там же. С. 361.
- ⁴³ Там же. С. 361–362.
- ⁴⁴ Там же. С. 388–389.

Д. В. Саввин*

Епископ Селенгинский Софроний (Старков): архипастырь эпохи великих перемен и потрясений

Среди Забайкальских архиереев XX в. Преосвященный Софроний (Старков) занимает особое место, поскольку он управлял Забайкальской епархией в один из самых сложных периодов ее истории — в период перехода от синодальной эпохи к эпохе большевистских гонений. История «Забайкальской епархиальной Церкви»¹ в 1917–1923 гг. имеет ряд особенностей, отличающих ее от истории других епархий Русской Церкви, вследствие более продолжительного, чем в других регионах, времени установления в Забайкалье советской власти. После кратковременного господства большевиков (1918 г.) Забайкалье находилось под властью атамана Г. М. Семенова (1918–1920 гг.). Затем здесь была провозглашена Дальневосточная республика (ДВР) (1920–1922 гг.) — буферное, формально независимое демократическое государство, на создание которого большевики вынуждены были пойти, чтобы не спровоцировать военное вторжение Японии, поддерживавшей Белое движение. В 1922 г. ДВР присоединилась к Советской России. Специфический опыт Забайкальской епархии этого времени, заключавшийся в установлении отношений с различными политическими режимами, в устроении церковной жизни в стремительно менявшихся политических условиях, исследователями подробно не рассматривался. К сожалению, и в настоящей статье, построенной преимущественно на материалах Государственного архива Читинской области, не удалось прояснить ряд вопросов церковной истории края этого времени, в частности, выявить специфику автономного существования Забайкальской епархии в 1922–1923 гг. Материалов, хранящихся в читинских архивах, для этого недостаточно.

Изучение истории Забайкальской епархии в 1918–1923 гг. невозможно без анализа биографии епископа Софрония (Старкова), возглавлявшего

* © Саввин Д. В., 2009

Дмитрий Владимирович Саввин, Санкт-Петербург.

Забайкальскую епархию в 1922–1923 гг. и с 1918 г. участвовавшего в управлении епархиальными делами в качестве председателя епархиального совета. К сожалению, до сих пор нет всестороннего исследования, посвященного епископу Софронию. Биография архиерея была рассмотрена в моей статье, изданной небольшим тиражом². После ее выхода в свет были обнаружены новые материалы, которые в настоящей публикации впервые вводятся в научный оборот. Однако приведенное ниже описание жизненного пути Преосвященного Софрония нельзя считать исчерпывающим. В частности, не выяснены обстоятельства и мотивы признания епископом Софронием обновленчества, скудна информация о его пребывании в заключении и о жизни на свободе в 1927–1932 гг.

Будущий Селенгинский епископ Софроний (Старков) родился в 1875 г. в семье крестьянина Прокопия Старкова, жившего в с. Ильинка Троицкой волости Забайкальской области, в крещении получил имя Сергей³. Семья Старковых была небогатой. В ставленнической речи (см. приложения, документ № 2) Преосвященный Софроний упоминал следующее: «В младенчестве сноп чужой жатвы, на которой должны были работать мои родители, бывал часто моей колыбелью в летнее время». Очевидно, родители архиерея были батраками и нанимались на сезонные сельскохозяйственные работы. Первое религиозное воспитание Сергию Старкову дала его мать, глубоко верующая женщина. Она же научила сына читать и привила ему любовь «к учению книжному». Накануне архиерейской хиротонии архимандрит Софроний так отзывался о матери: «Господь послал мне великое счастье в лице моей родительницы... первый живой пример крепкой веры в Бога, горячей молитвы, упорного труда, несокрушимой энергии... От нее впервые в раннем детстве полюбил молитву и научился молиться, от нее познал ценность труда, четырехлетним ребенком выучился читать». Именно мать внушила Сергию почтение к священническому сану и, когда мальчику было 9 лет, привела его на клирос сельского храма. Тогда у Сергия впервые возникло желание посвятить свою жизнь церковному служению.

В это же время, очевидно не без усилий матери, Сергей Старков был определен в школу при Свято-Троицком Селенгинском монастыре, которую создал архимандрит Иринарх. Здесь мальчик провел 2 года, а в 1886 г. по ходатайству архимандрита Иринарха решением Селенгинского епископа св. Мелетия (Якимова)⁴ он был направлен в Нерчинское духовное училище, где обучался с 1886 по 1890 г. Впоследствии епископ Софроний характеризовал состояние училища в то время как полное «духовного роста при материальной скудости» (см. приложения, документ № 2). Здесь он сблизился с Епифанием Кузнецовым (позже епископ Селенгинский св. Ефрем, видный церковный деятель Забайкалья⁵), который стал его предшественником на Селенгинской кафедре. Впоследствии они несколько разошлись во взглядах, что подтверждается различием их мнений по некоторым частным вопросам на Поместном Соборе 1917–1918 гг. Селенгинский епископ Ефрем был известен своим консерватизмом и правыми взглядами, в то время как протоиерей Сергей Старков, будущий епископ Софроний, такого рода воззрения

не разделял. В 1890 г. в день окончания Нерчинского духовного училища Сергей Старков (окончивший курс вторым учеником по первому разряду)⁶ и Епифаний Кузнецов написали прошение о назначении псаломщиками в какие-либо сельские храмы. Один из преподавателей училища отправил прошение об устройстве талантливых выпускников в семинарию Иркутскому архиепископу Вениамину⁷. Просьба была удовлетворена. Впоследствии в ставленнической речи епископ Софроний сказал: «Здесь оказалось много подобных мне бедняков... На помощь пришли, вечная им память, о. ректор архим[андрит] Никодим и о. архим[андрит] Иринарх». В течение первого года они выделяли необходимые для скромной жизни средства, потом стало возможным «на общем положении казеннокоштного воспитанника безбедно продолжать ученье» (см. приложения, документ № 2). В 1896 г. С. П. Старков окончил Иркутскую Духовную семинарию первым учеником по первому разряду⁸. Свое состояние в тот момент он характеризовал следующим образом: «Стремление и готовность стать в ряды служителей алтаря Господня настолько окрепли, что не хотелось отсрочивать этого дела продолжением образования в духовной академии» (см. приложения, документ № 2). Получить академическое образование ему так и не довелось.

За 2 года до окончания С. П. Старковым Иркутской семинарии в пределах родной для него Забайкальской области была образована Забайкальская епархия. 1 августа 1896 г. он был рукоположен архиепископом Иркутским и Верхотенским Тихоном (Троицким-Донебиным)⁹ во диакона, а на следующий день 2 августа (в соответствии с резолюцией епископа Забайкальского и Нерчинского Георгия (Орлова)¹⁰ от 6 июля 1896 г.) — во иерея и назначен к Брянской церкви Забайкальской епархии (к этому времени С. П. Старков был женат, венчание состоялось 14 июля 1896 г.)¹¹. Ему было также поручено заведовать Брянской церковноприходской школой, в которой он одновременно должен был исполнять обязанности законоучителя¹². Вскоре священник Сергей показал себя талантливым организатором и просветителем. В том же 1896 г. в ближайших деревнях Пресковой и Таракановской он открыл школы грамоты. 9 декабря 1896 г. на него были возложены обязанности катехизатора, и в этой должности он прослужил до 3 декабря 1897 г., получив благодарность от архиерея (14 марта 1897 г.). За участие во всеобщей первой переписи населения о. Сергей был награжден медалью, 10 марта 1898 г. за «особое содействие делу народного просвещения» — награжден набедренником. 28–30 ноября того же года определением правящего архиерея о. Сергей был переведен в Верхнеудинск клириком Спасской церкви. Одновременно ему было поручено исполнение обязанностей благочинного 7-го округа Забайкальской епархии и заведование Верхнеудинским свечным складом¹³. На новом месте перед о. Сергием открылось «широкое поле для применения сил во всех отраслях епархиальной службы и в разнообразных видах церковно-общественной деятельности» (см. приложения, документ № 2).

1 декабря 1898 г. Забайкальский епархиальный училищный совет принял решение о назначении священника Сергея Старкова временно исполняющим обязанности председателя Верхнеудинского отделения училищного

совета. 12 апреля 1899 г. он стал заведующим Заудинской приходской школы. В том же году его утвердили в должности директора Верхнеудинского отделения попечительного комитета о тюрьмах (до 1907 г.) и законоучителя Верхнеудинской женской прогимназии. В 1898 г. 23-летний о. Сергей «по благословению епархиальной власти» был направлен депутатом от «Духовного ведомства» в Верхнеудинскую городскую думу, в составе которой проработал почти 8 лет. В этот период в полной мере раскрылись его таланты педагога, миссионера и администратора. 16 марта 1901 г. он был переведен в клир верхнеудинского Одигитриевского собора. В том же году его утвердили в двух должностях, которые он до этого занимал уже 2 года в качестве временно исполняющего: благочинного 7-го округа (27 июля) и председателя Верхнеудинского отделения училищного совета (8 декабря)¹⁴. В 1902 г. о. Сергей, став законоучителем Верхнеудинского городского училища, был освобожден от большей части обязанностей в своем приходе и почти все силы и время отдал просветительской, хозяйственной и административной работе. В это же время как председатель отделения училищного совета он руководил строительством двух школ в Верхнеудинске: второклассной и двухклассной соборной, ходатайствовал перед городским самоуправлением о выделении 5 тыс. рублей для постройки последней. 2 июня 1902 г. епископ Забайкальский и Нерчинский Мефодий (Герасимов)¹⁵, который в 1922 г. возглавил епископскую хиротонию Софрония (Старкова), наградил его скуфьей. В 1904 г., очевидно в связи с завершением строительства двухклассной школы при соборе, священник Сергей был назначен уездным наблюдателем церковных школ Верхнеудинского уезда. По этой причине его освободили от исполнения обязанностей законоучителя в прогимназии и в четырехклассном городском училище Верхнеудинска. Он прослужил в новой должности около 2 лет, после чего в 1906 г. последовал его перевод в Читу, кафедральный город Забайкальской епархии. В том же году 6 мая указом Святейшего Синода за заслуги в период служения уездным наблюдателем церковных школ по Верхнеудинскому уезду он был награжден камилавкой¹⁶.

Обязанности, которые о. Сергей выполнял в Чите, в целом остались такими же, как и в Верхнеудинске. 5 сентября 1906 г. он был назначен на должность законоучителя Читинской учительской семинарии, 21 сентября епископ Забайкальский Мефодий утвердил его председателем Читинского отделения Забайкальского епархиального училищного совета. Одновременно о. Сергей был избран и утвержден членом и председателем комитета по управлению Забайкальским епархиальным складом утвари и свечей. Большое число назначений (в двух случаях — по предварительному избранию) сразу по прибытии на новое место служения является несомненным показателем авторитета иерея Сергея Старкова среди забайкальского духовенства и степени доверия к нему епархиального архиерея.

Позиция о. Сергея по отношению к революционным событиям 1905–1907 гг. неизвестна. В Забайкалье революционное движение получило широкую поддержку населения, в том числе части духовенства, — в Чите короткое время существовала Читинская республика. Для сопротивления револю-

ционной пропаганде и террору 14 сентября 1908 г. в Чите во многом благодаря протоиерею Епифанию Кузнецову был создан отдел Русского народного союза имени Михаила архангела¹⁷. Косвенным подтверждением того, что о. Сергей не поддерживал революционное движение, является отсутствие сведений о каких-либо наложенных на него за это прещениях. С другой стороны, в списках учредителей и руководителей читинского отдела Союза архангела Михаила он также не упоминается. Кроме того, если сщмч. Ефрем Селенгинский за свои монархические воззрения подвергся преследованию со стороны властей сразу же после Февральской революции, то в отношении о. Сергея Старкова никаких репрессий не было. Можно предположить, что в период революции 1905–1907 гг. и позднее священник Сергей Старков не принимал активного участия в политической жизни.

1 мая 1907 г. иерей Сергей Старков был назначен членом комиссии по выработке вопросов к обсуждению на епархиальном съезде 1907 г. В последующем он, очевидно, хорошо зарекомендовал себя в сфере епархиального управления, поскольку 5 сентября 1908 г. был утвержден председателем постоянной комиссии Забайкальского епархиального съезда. В том же 1908 г. по собственному прошению о. Сергей был назначен законоучителем в Коммерческом училище баронессы Розен, где ему пришлось исполнять также обязанности директора. Эту должность священник занимал до 1917 г.¹⁸ В это время решением правящего епископа он был направлен на работу в Читинскую духовную консисторию (распоряжение от 29 ноября 1907 г.), а 30 апреля 1908 г. «для удобного сношения» попечительства о бедных духовного звания с консисторией назначен также членом попечительства¹⁹. С 8 мая 1907 г. по 13 июня 1908 г. иерей Сергей Старков руководил изданием «Забайкальских епархиальных ведомостей», но был освобожден от этой работы из-за «многосложности» задач.

Последующее его служение в Чите было вполне успешным, что подтверждается среди прочего полученной им 6 мая 1909 г. наградой от Синода — наперсным крестом²⁰, избранием и назначением о. Сергея на разные посты. Священник был вынужден отказаться от новых должностей по причине многочисленности обязанностей, так, 6 июня 1909 г. он был исключен из числа членов консистории и попечительства по собственному желанию. Тем не менее труды о. Сергея ценились очень высоко, и его привлекли для периодической работы в консистории: с 22 марта 1911 г. он по распоряжению архиерея в течение 10 дней работал по судному столу, с 24 ноября 1911 г. по 9 января 1912 г. являлся членом консистории по распорядительному столу, такое же назначение на срок в 28 дней последовало и 18 февраля 1912 г. 9 июня 1911 г. о. Сергей вновь был избран членом и председателем предсъездной комиссии, однако по собственной просьбе был освобожден от этой должности²¹. 25 октября 1910 г. он был утвержден (по избрании) председателем совета Забайкальского братства во имя святых Кирилла и Мефодия, занимавшегося преимущественно благотворительной деятельностью, и в последующем дважды переизбирался. В 1912 г. руководил строительством здания для Читинской Духовной семинарии, 22 августа 1912 г. архиерейским

распоряжением утвержден председателем комитета по ее постройке²². Указом от 19 октября 1912 г. о. Сергей Старков был возведен в сан протоиерея.

С началом Первой мировой войны количество обязанностей о. Сергия увеличилось. 19 июля 1914 г. он был избран председателем комитета по управлению Забайкальским епархиальным складом утвари и свечей, и в октябре того же года стал председателем епархиального комитета по сбору пожертвований «на нужды войны». Примерно в это же время на него были возложены обязанности председательствования в местном отделении Комитета ее императорского величества великой княгини Елизаветы Федоровны по оказанию помощи семьям призванных на войну. В августе 1914 г. протоиерею Сергию Старкову была объявлена благодарность главного инспектора училищ Восточной Сибири, 6 мая 1915 г. он был награжден орденом св. Анны II степени²³.

Первые революционные потрясения в феврале 1917 г. не принесли о. Сергию таких бед, какие обрушились, например, на его бывшего однокурсника Селенгинского епископа Ефрема (Кузнецова). Напротив, 12 марта 1917 г. протоиерей Сергей Старков был назначен присутствующим членом духовной консистории²⁴. Пути о. Сергия и Преосвященного Ефрема вскоре пересеклись. Вынужденный покинуть Забайкалье епископ Ефрем уехал в Москву, где принял участие в Поместном Соборе, с февраля 1918 г. замещал на Соборе правящего Забайкальского епископа Мелетия (Заборовского)²⁵. Представителем забайкальского духовенства на Соборе был избран протоиерей Сергей Старков²⁶. По-видимому, он не принимал активного участия в прениях. По крайней мере в изданном в 2000–2002 гг. «Обзоре деяний» Поместного Собора имя его встречается гораздо реже, чем имя Селенгинского Преосвященного. Зафиксировано, что протоиерей Сергей участвовал в обсуждении проекта «Положения об епархиальных женских училищах» (вопрос, который был ему хорошо знаком)²⁷. Примечательно, что при голосовании по статье 12 Приходского устава два представителя Забайкальской епархии, Преосвященный Ефрем и протоиерей Сергей, разошлись во мнениях. Решался вопрос о том, кто должен иметь право юридического лица: храм или приход. Предложенная Н. Д. Кузнецовым поправка к данной статье предполагала, что таким правом следует наделить приход, или общину, что теоретически согласовывалось с позицией властей. Однако большинство участников Собора считало, что ориентироваться в данном вопросе на советские законы и советскую власть, казавшуюся шаткой, неразумно; кроме того, такая поправка в известном смысле явилась бы отступлением от правовых норм (в том числе канонических), которыми руководствовалась Русская Православная Церковь. Преосвященный Ефрем, убежденный противник большевизма, скептически относившийся к демократическим нововведениям, голосовал против вышеназванной поправки. Протоиерей Сергей Старков проголосовал за поправку²⁸. Будучи человеком с практическим складом ума, он считал необходимым учитывать реалии современной жизни. Впрочем, готовность к компромиссам у о. Сергия Старкова ограничивалась чертой, за которой начиналось попрание догматических и канонических основ церковной жизни. После участия во 2-й сессии Поместного Собора, закон-

чившейся в конце апреля 1918 г., протоиерей Сергей Старков вернулся в Читу. В последней 3-й сессии Собора он участия не принимал.

Забайкалье в это время переживало первый краткий период советской власти. Большевики утвердились в Чите в конце февраля 1918 г., но смогли продержаться лишь до 26 августа²⁹. 15 июня (н. ст.) 1918 г. на общепархиальном собрании протоиерей Сергей Старков был избран в состав Забайкальского епархиального совета, 27 июня был утвержден в должности председателя совета³⁰. Вскоре Забайкальскую епархию постигли первые серьезные потрясения, продемонстрировавшие ее жителям суть большевистской политики по отношению к православной Церкви. 5 февраля 1918 г. Совет народных комиссаров издал декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Реализация этого декрета в Чите предполагала среди прочего изъятие архивов духовной консистории, однако до лета 1918 г. это не было проведено из-за неустойчивости советской власти в крае. Для исполнения декрета в Забайкалье был разработан специальный проект, суть которого сводилась к постепенной реализации его положений на протяжении примерно 4 месяцев³¹. Наконец, в июне 1918 г. было решено перейти к активным действиям. Впоследствии в обвинительных материалах против забайкальских клириков и мирян (имя протоиерея Сергея Старкова значилось в списке обвиняемых первым) позиция властей была сформулирована так: «Исполнительный комитет, не имея никаких намерений врываться в область церковных обрядов, оскорбляющих чувства верующих [так в документе.— Д. С.], не мог оставить духовную консисторию в руках духовенства. Духовенству гор[ода] Читы представилась альтернатива: подчиняться или не подчиняться распоряжениям местной власти, для власти: провести ли декрет Центрального Совета народных комиссаров об отделении церкви от государства, что уже сделано в большинстве городов России и Западной Европы [так в документе.— Д. С.], или оставить Забайкальскую епархию на особом положении, другими словами, не подчиняться высшей власти центра» (см. приложения, документ № 1).

Епархиальная власть считала невозможной передачу архива консистории большевикам. 17 июня группа коммунистов подошла к зданию консистории подводу, которую начали загружать бракоразводными делами, изымавшимися, как заявили представители властей, «для своих нужд». Этому воспрепятствовали несколько клириков и мирян, среди которых был и протоиерей Сергей Старков. Он вместе с другими клириками, пытавшимися не допустить изъятие архива, был арестован и отправлен в городскую тюрьму³². При этом важно отметить, что в данном случае они действовали в полном соответствии с решениями епархиальных властей, выполняя предписания епархиального съезда духовенства и мирян от 25 мая 1918 г., в которых признавалась недопустимой передача церковного имущества кому бы то ни было, и прямо указывалось: «В случае посягательств, от кого бы они ни исходили, обращаться с просьбой о защите к верующему народу»³³.

Арест читинских клириков во главе с председателем Забайкальского епархиального совета протоиереем Сергеем Старковым вызвал возмущение

православных читинцев. На следующий день на центральной площади Читы собрались люди, не расходившиеся до глубокой ночи и обсуждавшие возможные действия в сложившейся ситуации. По словам начальника городской милиции, он «проходя 18 июня в 11 час[ов] ночи, видел толпу около 60 человек, преимущественно женщин, стоящую на площади и обсуждающую все те же вопросы» (см. приложения, документ № 1). Наутро люди снова собрались вблизи Александро-Невского собора и архиерейского дома. Около 3 часов дня было решено отправить представителя для переговоров с комиссаром И. М. Матвеевым (председателем местного ЧК), однако того на месте не оказалось. После того как надежда на освобождение арестованных клириков посредством переговоров исчезла, на колокольнях собора и архиерейской церкви ударили в набат. Вскоре количество людей на площади существенно увеличилось, и около 5 часов вечера собравшиеся выступили крестным ходом. Взяв иконы и хоругви, читинцы отправились к месту заключения протоиерея Сергея и других клириков. На подходах к тюрьме был выставлен наряд милиции, и когда крестный ход приблизился, по нему открыли огонь. Погибла женщина, несколько человек получили ранения, в том числе супруга о. Сергея (см. приложения, документ № 1). Власти не сознались в преступлении. По официальной версии, отряд милиции сделал предупредительный залп в воздух, а обстрел, начавшийся затем с разных сторон, устроили некие мифические не найденные провокаторы. Большевикам было необходимо снять с себя ответственность за обстрел крестного хода в то время, когда к Чите приближались войска белочехов и казаки Г. М. Семенова. Сложностью военной обстановки, вероятно, объяснялась и исключительная по советским меркам мягкость приговоров, вынесенных арестованным священнослужителям: сроки заключения варьировались от 2 до 6 месяцев³⁴. Впрочем, отбывать наказание им не пришлось. В конце августа 1918 г. советская власть в крае пала, и все они, в том числе и протоиерей Сергей, были освобождены.

С установлением в Чите власти атамана Семенова Забайкальская епархия была избавлена не только от большевистских гонений, но и от секулярного политического наследия, оставшегося после кратковременного пребывания у власти Временного правительства. Забайкальской епархии была возвращена вся принадлежавшая ей собственность, возобновлены ассигнования на церковные нужды, восстановлено преподавание Закона Божия в общеобразовательных учебных заведениях. В это время значительная часть забайкальского духовенства во главе с Преосвященным Мелетием (Заборовским) выступила в поддержку Белого движения и атамана Семенова, а также за введение Японией войск на Дальний Восток и в Забайкалье. Протоиерей Сергей Старков, как можно предположить, старался держаться в стороне от политической борьбы. Священник не подписался под принятым 10 апреля 1920 г. общим собранием приходских советов Забайкальской епархии постановлением, в котором приветствовалась японская интервенция³⁵. Однако под другим документом, поданным от епархиального собрания Преосвященному Мелетию, подпись о. Сергея стояла. Это было прошение от 14 сентября 1918 г. о ходатайстве перед властями о помиловании священника-большевика Вик-

тора Парнякова. Этот клирик Успенской церкви г. Троицкосавска являлся не только членом РКП(б), но и сотрудником местного совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. По словам благочинного 14-го округа протоиерея Вениамина Беломестнова, Парняков «примкнул к большевицкой партии с самого начала ее существования... принимал участие во всех действиях совета, чем вызвал против себя общее негодование не только православного населения, но и иноверцев»³⁶. За свою деятельность в период краткого большевистского господства в Забайкалье он был приговорен к расстрелу военно-полевым судом при Селенгинском отряде войск атамана Семенова³⁷. Несмотря на то что у протоиерея Сергия были причины негативно относиться к большевикам, он, как председатель епархиального совета, скрепил своей подписью ходатайство о помиловании иерея-большевика, в котором видел собрата, впавшего в греховное заблуждение.

Поскольку дальнейший жизненный путь протоиерея Сергия, позже епископа Селенгинского Софрония, неразрывно связан с историей Забайкальской епархии, необходимо обратить внимание на то, что в конце 1918 г. епархия перешла в подчинение Временного высшего церковного управления Сибири (ВВЦУ) с центром в Омске (учреждено в 1918 г. для устройства церковной жизни на контролируемых Белым движением сибирских территориях)³⁸. В 1919 г. о. Сергия Старкова постигло тяжелое жизненное испытание: 26 марта он овдовел, на его попечении остались четверо детей³⁹. В том же 1919 г. протоиерей Сергий был награжден ВВЦУ палицей. Уважение и доверие к нему как со стороны правящего архиерея, так и со стороны священнослужителей и паствы, оставалось неизменным. Следствием этого стало его назначение 13 июля 1920 г. настоятелем читинского кафедрального Александро-Невского собора⁴⁰. Его положение в епархии стало исключительным: как кафедральный протоиерей и председатель епархиального совета он стал вторым лицом после правящего архиерея. Вскоре последовали события, которые сделали его фактически управляющим Забайкальской епархией.

В феврале 1920 г. большевики вторглись в Забайкалье. Это стало причиной массовой эмиграции людей, не приемлющих большевизма, в Китай, где в приграничных районах (Трехречье) существовали русские колонии. В конце июня 1920 г. в Харбин уехал Забайкальский и Нерчинский епископ Мелетий (Заборовский)⁴¹. Захват коммунистами Читы тогда представлялся делом ближайшего будущего, и православному архиерею, поддерживавшему атамана Семенова, едва ли можно было рассчитывать на снисхождение. Пример сщмч. Сильвестра, архиепископа Омского, зверски замученного коммунистами после ухода белых войск из Омска, был свеж в народной памяти⁴². Перед своим отъездом ряд обязанностей и прав по управлению епархией Преподобный Мелетий передал епархиальному совету во главе с протоиереем Сергием Старковым. С этого времени о. Сергий фактически возглавил Забайкальскую епархию, санкция епископа Мелетия требовалась для решения лишь самых важных вопросов. (Это в свою очередь сразу создало затруднения в работе епархиального совета, поскольку наиболее важные документы приходилось возить на рассмотрение архиерея в Харбин.)

6 апреля 1920 г. была создана ДВР (первоначально ее столица находилась в Верхнеудинске), в состав которой вошли Забайкальская и Амурская области, Приморье и Камчатка⁴³. ДВР была провозглашена демократическим государством, в отличие от Советской России, где в то время действовала «диктатура пролетариата». ДВР, по мысли большевистских властей, должна была служить буфером между Советской Россией и землями, где продолжалось сопротивление советской власти, поддерживаемое Японией, военного столкновения с которой большевики всеми силами стремились избежать. В октябре 1920 г. после долгих боев белые вынуждены были уйти из Читы, оказавшейся во власти Народно-революционной армии ДВР и вскоре ставшей столицей этого государства.

Установление ДВР в Восточной Сибири создало множество проблем для Забайкальской епархии, решение которых входило в обязанности Забайкальского епархиального совета во главе с протоиереем Сергием Старковым. У власти в ДВР находились коммунисты, которые рассматривали существование названной республики как вынужденную кратковременную меру накануне присоединения Сибири и Дальнего Востока к РСФСР. Впрочем, представлять действия властей демократической ДВР лишь осторожным копированием политики Совета народных комиссаров нельзя. В сущности светские законы, которые были приняты практически сразу после образования ДВР (в конце 1920 г.), мало чем отличались от аналогичных законов, принимавшихся, например, в начале XX в. во Франции; основное отличие заключалось в том, что исполнялись они в Дальневосточном государстве большевистскими методами. Согласно провозглашенному принципу свободы совести, власти ДВР заявили о своем нейтралитете в религиозных вопросах, из школьных программ был исключен Закон Божий и прочие религиозные дисциплины, прекратились государственные ассигнования на нужды Церкви, из ведения епархиальных властей были изъяты благотворительные и социальные учреждения. Верующим предписывалось объединяться в общины, которые были обязаны содержать духовенство⁴⁴.

Последствия такой демократии проявились незамедлительно. Фактически исчезло благочиние железнодорожных церквей, содержать которое ДВР отказалось⁴⁵. Множество недвижимой собственности епархии было отобрано на основании новых законов или в порядке «революционной инициативы». Возникшие вопросы — острые и требовавшие безотлагательного решения — пришлось рассматривать возглавляемому о. Сергием Старковым епархиальному совету. Преосвященный Мелетий навсегда оставил Читу. В протоколах Забайкальского епархиального съезда, проходившего в июне—июле 1921 г., отмечено, что руководство ДВР призывало епископа Мелетия вернуться, однако «о неприкосновенности личности правительство не ответило». Для восполнения кадров съезд принял решение о создании православного огласительно-псаломщическо-пастырского училища. Возглавить его было поручено протоиерею Сергию Старкову⁴⁶.

В этих условиях отсутствие в огромной Забайкальской епархии архиерея стало острой проблемой. Поддерживать связь с находившимся в Харбине

Преосвященным Мелетием было затруднительно хотя бы в силу дальности расстояния, а после установления в Забайкалье просоветского режима стало практически невозможно. В конце 1921 г. по согласованию с забайкальским духовенством Патриарх св. Тихон принял решение о восстановлении в Забайкальской епархии Селенгинской викарной кафедры, пустовавшей после мученической кончины епископа Ефрема (Кузнецова). В новых условиях Селенгинский Преосвященный должен был взять на себя не только руководство миссионерской работой (что являлось обязанностью его предшественников), но и временное управление всей епархией, т. е. фактически заменить правящего архиерея. Почти сразу Забайкальский епархиальный совет (с ним полностью была согласна и высшая церковная власть) остановился на кандидатуре вдового протоиерея Сергея Старкова⁴⁷. Первоначально о. Сергей отказался от предложенной ему чести, но в январе 1922 г. после повторной просьбы со стороны епархиального совета согласился принять сан. 26 марта 1922 г. он уехал в Харбин, где должна была состояться архиерейская хиротония.

Незадолго до прибытия о. Сергея в Харбин высшее русское церковное управление за границей по ходатайству управляющего КВЖД Б. В. Остроумова и Оренбургского и Тургайского архиепископа Мефодия (Герасимова) издало указ (от 29 марта 1922 г.) об учреждении в полосе отчуждения КВЖД православной епархии с кафедрой в Харбине, правящему архиерею усваивался титул «епископ Харбинский и Цицикарский», почти сразу измененный на «епископ Харбинский и Маньчжурский»⁴⁸. Очевидно, данный указ не был получен в Харбине ко времени приезда о. Сергея. Этим, вероятно, и объясняется то обстоятельство, что в описании хиротонии епископа Софрония Высокопреосвященный Мефодий, назначенный на новообразованную кафедру, титулуется еще архиепископом Оренбургским⁴⁹. Впрочем, в это время все русские архиереи в Китае уже состояли в юрисдикции РПЦЗ.

1 апреля 1922 г. за всеобщим бдением в храме Благовещения Божией Матери подворья Пекинской миссии в Харбине епископ Мелетий (Заборовский) совершил пострижение в иночество протоиерея Сергея Старкова, получившего имя Софроний в честь свт. Софрония Иркутского⁵⁰. На следующий день состоялось возведение о. Софрония в сан архимандрита. Последующие Страстную и Пасхальную седмицы архимандрит Софроний совершал богослужения в храмах Харбина. Современник писал о служении архимандрита Софрония: «Простота, и доступность, и какая [какая-то.— Д. С.] особенная повышенная религиозность о. Софрония неотразимо действовали на верующие массы, которые буквально потоками стремились принять участие в молитве с ним. Как-то невольно чувствовалось, что о. Софроний, принимая на себя необычайно ответственное и тяжелое служение епископское в переживаемое время, сознательно идет на свою Голгофу, и поэтому верующие особенно близко принимали к сердцу и болезненно-остро переживали его молитвенно-восторженное состояние»⁵¹.

21 апреля в Благовещенском храме подворья Пекинской миссии в Харбине состоялось наречение архимандрита Софрония (Старкова) во епископа Селенгинского. В нем участвовали архиепископ Харбинский и Маньчжурский

Мефодий (Герасимов), епископ Владивостокский Михаил (Богданов)⁵², епископ Камчатский Нестор (Анисимов)⁵³, епископ Читинский и Нерчинский Мелетий (Заборовский). Архиерейская хиротония состоялась в харбинском Свято-Николаевском соборе 23 апреля 1922 г. Число молящихся за богослужением было исключительно велико: были заполнены и собор, и храмовая ограда⁵⁴. Ни новопоставленный епископ, ни рукополагавшие его архиереи не испытывали иллюзий относительно того тяжелого положения, в котором в то время находилась Русская Церковь. При наречении во епископа архимандрит Софроний сказал: «К сонму... избранников Божиих подхожу я униженный [1 Кор 1. 28]... когда в жизнь Церкви направляют свое жало скорпионы неверия и нечестия» (см. приложения, документ № 2). Архиепископ Мефодий, вручая Преосвященному Софронию архиерейский жезл, выразился еще более определенно: «Есть сходство между настоящим моментом, который мы переживаем, и первыми временами Церкви... Ныне Церковь вновь проходит огненное испытание, вновь воздвигнута гонение... Ныне ниспровергнута правда Божия и правда человеческая, попраны все законы гуманности и справедливости... Труден момент, в который ты идешь на подвиг епископского служения. Ты идешь не на почести твоего высокого звания, а на крестный подвиг» (см. приложения, документ № 3).

2 мая 1922 г. Селенгинский епископ Софроний вернулся в Читю, где его встречало множество православных. 4 мая он был принят представителями правительства ДВР. Во время беседы архиерей высказал пожелания относительно государственно-церковных отношений в крае, после чего со стороны властей последовали определенные позитивные действия⁵⁵. О том, как дальше будет управляться Забайкальская епархия, какие стоят перед епархией задачи и каковы пути их решения, епископ Софроний рассказал на пресс-конференции, данной им для «Забайкальского церковно-общественного вестника»⁵⁶ 9 мая 1922 г. В частности, архиерей обещал уделить внимание нормализации взаимоотношений духовенства и прихожан, содействовать тому, чтобы клирики епархии могли совершать свое служение в безопасности, а также обещал принять меры к сокращению излишнего делопроизводства⁵⁷.

За оставшиеся менее полугодия существования ДВР епископу Софронию и Забайкальскому епархиальному совету удалось добиться многого из того, что едва ли было возможно в Советской России. Епархия имела собственное издание — «Забайкальский церковно-общественный вестник», в ней осуществлялась миссионерская и благотворительная деятельность. Забайкалье не было затронуто кампанией по насильственному изъятию церковных ценностей. Это позволило епархии развернуть масштабную работу по сбору средств для помощи голодающим. К июню 1922 г. было собрано драгоценностей на сумму около 20 млн рублей, в том числе 1163 драгоценных камня⁵⁸. Косвенным следствием этой работы стало официальное разрешение власти в июле 1922 г. Забайкальской епархии собирать средства для названной цели, она была внесена в список организаций, участвовавших в работе Дальневосточного комитета помощи голодающим⁵⁹, что

можно расценивать как признание со стороны властей за епархией права юридического лица.

Продолжало деятельность Братство во имя святых Кирилла и Мефодия, содержавшее на свои средства детский приют, в котором в апреле 1922 г. находилось около 15 детей старше 2 лет⁶⁰. Летом 1922 г. при читинском Покровском монастыре открылся приют для девочек. В августе того же года игуменья монастыря Анастасия ходатайствовала перед Преосвященным Софронием о том, чтобы сумму 1 тыс. рублей серебром, которую монастырь должен был отчислить для помощи голодающим, разрешили употребить на нужды приюта; при этом обитель должна была принять и обеспечить детей из страдающих от голода районов Советской России⁶¹. Дальневосточный комитет помощи голодающим не согласился на это предложение⁶². Деньги были сданы, однако насельницы монастыря своего намерения не оставили, предполагая принимать в приют девочек из голодающих регионов. Епископ Софроний преподал свое благословение⁶³, но осуществить замысел не удалось. В Забайкалье открыто существовали православные монастыри, избежавшие разгрома в 1918–1920 гг., но пострадавшие во время Гражданской войны, в том числе и от крестьян, которые захватывали монастырскую собственность (в первую очередь земельные угодья и рыболовные промыслы на Байкале). К числу действующих в крае монастырей должна была прибавиться еще одна обитель — мужской монастырь на озере Иргень⁶⁴, открытие которого Преосвященный Софроний планировал осенью 1922 г. и уже наметил кандидатуру настоятеля⁶⁵. К сожалению, и эта идея осталась нереализованной. Осенью 1922 г. после длительного перерыва состоялась поездка архиерея по епархии. Несмотря на то что к этому времени Гражданская война в Забайкалье закончилась, в крае продолжали действовать разрозненные военные отряды, в силу чего обстановка оставалась напряженной. Тем не менее Преосвященный Софроний посетил 4 благочиннических округа. Везде его встречало множество народа, причем встречи эти проходили «восторженно», а необходимых для проезда лошадей люди предоставляли добровольно⁶⁶. В ДВР были возможны такие явления как, например, государственное ассигнование на покупку подарков к Пасхе для солдат Народно-революционной армии, сохранение тюремных храмов и т. п.⁶⁷

Почти сразу после захвата большевиками Владивостока (25 октября 1922 г.) в Чите прошло заседание рабочих, профессиональных, общественных и политических организаций, избравшее губернский революционный комитет, который провозгласил вхождение Забайкалья в РСФСР. Положение православной Церкви в Забайкалье после установления советской власти резко ухудшилось. Оно осложнилось еще и церковной смутой, вскоре оформившейся в обновленческий раскол. Весной 1922 г. был арестован Патриарх Тихон, летом началась активная обновленческая агитация. В этот сложный период Забайкальский епархиальный совет передал Преосвященному Мелетию прошение о том, чтобы в связи с невозможностью дальнейшего сношения с ним предоставить все права по управлению Забайкальской епархией епископу Софронию. Преосвященный Мелетий

дал согласие на данное предложение 14 декабря 1922 г. (см. приложения, документ № 4).

В ночь на 13 января 1923 г. Преосвященный Софроний был арестован. После этого решением всех административных вопросов в епархии какое-то время ведал епархиальный совет во главе с протоиереем Иннокентием Томилиным. Епархиальные дела пришли в расстройство, в связи с чем совет 6 марта 1923 г. принял постановление № 238, которое было направлено во все приходы (см. приложения, документ № 4). В постановлении подчеркивалось, что «центром, объединяющим жизнь епархии и сосредотачивающим управление ею» является епархиальный совет, сохраняющий свою каноническую связь с епископом Софронием. Этим постановлением Забайкальский епархиальный совет отмежевался от обновленчества, которое (если рассматривать явление в общероссийском масштабе) находилось в зените своего успеха. В постановлении, в частности, провозглашалась «верность православной Греко-Российской Церкви на основе единства догматического учения и канонического церковного строя»; говорилось, что до совершения над Патриархом Тихоном церковного суда следует продолжать «возносить уставные моления о нем»; подтверждалось автономное положение Забайкальской епархии. Относительно Поместного Собора (над «созывом» которого тогда работали обновленцы) в постановлении было записано, что участие в нем возможно лишь в том случае, если «способы избрания членов Собора и условия участия на нем будут обеспечивать каноническую правоспособность его, не будут носить партийного характера».

К сожалению, ни епископу Софронию, ни большинству других забайкальских клириков провести этот курс не удалось. 25 марта 1923 г. в Читу прибыл обновленческий «епископ» (вскоре возведенный в «архиепископы») Михаил Орлов, которому власти передали кафедральный Александро-Невский собор⁶⁸. Епископ Софроний был освобожден и 30 апреля 1923 г. заявил о «возможности канонического общения» с «архиепископом» Михаилом⁶⁹. Причины этого заявления неизвестны, вероятнее всего, оно было вызвано давлением со стороны ОГПУ и отсутствием в Забайкалье точных сведений о состоянии на тот момент высшего управления в Русской Церкви. В документах обновленческой «Дальневосточной митрополии» Софроний (Старков) упоминается как «викарный епископ Нерчинский»⁷⁰. Нерчинское викариатство было создано обновленцами возможно ради того, чтобы обеспечить кафедрой епископа Софрония. Однако епископ Софроний не собирался подчиняться распоряжению обновленческой «Дальневосточной митрополии» — так, он продолжал носить титул епископа Селенгинского.

В начале лета 1923 г. были арестованы епископ Софроний и весь Забайкальский епархиальный совет⁷¹. Обновленческая «митрополия» отреагировала на это событие «запрещением в священнослужении» епископа Софрония «за непризнание распоряжений областной церковной власти»⁷². Второй арест был кратковременным, известно, что в том же 1923 г. епископ Софроний принес покаяние в грехе уклонения в обновленческий раскол. В «Каталоге русских архиереев-обновленцев» митрополита Мануила (Ле-

мешевского) сообщается, что епископ Софроний «принес покаяние перед православными архиереями»⁷³, но кто были эти Преосвященные и где произошло возвращение епископа Софрония в православие, неизвестно.

В конце 1923 г. епископ Софроний был вновь арестован⁷⁴. Согласно биографической справке о епископе Софронии, составленной Преосвященным Евсевием (Рождественским)⁷⁵, в феврале 1924 г. епископ Софроний был отправлен в Москву и оттуда выслан в Соловецкий лагерь особого назначения. На свободу он вышел в 1927 г. без права жительства в Сибири⁷⁶. Архиерей поселился в Ярославской области: сначала в Ростове Великом, затем переехал в Данилов⁷⁷. Драматизм положения Преосвященного Софрония усиливался тем, что его дети, лишившиеся в 1922 г. матери, оказались также и без отцовского попечения. 12 мая 1927 г. приходской совет читинского Казанского собора запрашивал административный отдел окружного исполкома Читы о разрешении провести сбор средств для семьи Старковых, однако власти ответили отказом, сославшись на то, что религиозные общины могут собирать средства лишь для нужд своих членов, а дети епископа Софрония в числе таковых «не значатся»⁷⁸. О том, как сложилась дальнейшая судьба членов семьи епископа Софрония, сведений нет; известно лишь, что в 1928 г. его дети жили в Чите⁷⁹. 22 июня 1929 г. управлявший Забайкальской епархией епископ Евсевий (Рождественский) издал распоряжение об обязательном возношении за богослужением имени Селенгинского епископа Софрония в Джидинском и Мысовском благочиниях, т. е. в пределах Селенгинского викариатства⁸⁰.

Титул епископа Селенгинского сохранялся за Преосвященным Софронием до его назначения 3 октября 1932 г. указом Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского) на Арзамасское викариатство Нижегородской епархии. Епископ Софроний прибыл в Арзамас 22 октября 1932 г. и сразу отправился в городской собор на встречу с духовенством и паствой. Этот день стал первым и последним днем служения епископа Софрония на Арзамасской кафедре. Долгие годы трудов (в послужном списке Преосвященного Софрония указано, что в отпусках он вообще не бывал)⁸¹, лишения и страдания, перенесенные в тюрьмах и в Соловецком лагере, ослабили его здоровье: 22 октября 1932 г. епископ Софроний (Старков) скончался⁸².

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Так могла называться в документах Забайкальская епархия в силу своего автономного существования в 1920–1925 гг.
- ² *Саввин Д.* Жизненный путь Преосвященного Софрония, епископа Селенгинского // *Иннокентьевские чтения: Избранное: Юбилейный сборник статей, посвященный 210-летию прославления святителя Иннокентия (Вениаминова) и 10-летию «Иннокентьевских чтений».* Чита, 2006. С. 136–151.

- ³ Государственный архив Читинской области (далее — ГА ЧО), ф. Р-422, оп. 1, д. 45, л. 30.
- ⁴ Мелетий (Якимов; 29 октября 1835 г.— 14 января 1900 г.), свт., в 1868–1888 гг. служил в Забайкалье, занимался преимущественно миссионерской деятельностью; в 1878 г. хиротонисан во епископа Селенгинского, викария Иркутской епархии, и назначен управляющим Забайкальской духовной миссией. В целях распространения просвещения открыл церковное братство святых Кирилла и Мефодия и свт. Иннокентия в Чите. 5 июля 1889 г. назначен епископом Якутским, с 14 октября 1896 г. епископ Рязанский и Зарайский. Похоронен в Архангельском соборе Рязанского Кремля. Свт. Мелетий — автор полного жизнеописания прп. Варлаама Чикойского, пустынноика, Забайкальского чудотворца (*Жалсараев А. Д.* Поселения, православные храмы, священнослужители Бурятии XVII–XX столетий: Энциклопедический справочник. Улан-Удэ, 2001. С. 319–320).
- ⁵ Ефрем (Кузнецов; 1876 г.— 4 сентября 1918 г.), смч. По окончании в 1903 г. Казанской Духовной академии был назначен в Забайкальскую миссию, с 1904 г. являлся начальником миссии. 20 ноября 1916 г. хиротонисан во епископа Селенгинского, викария Забайкальской епархии. В 1917–1918 гг. участвовал в Поместном Соборе Русской Церкви как заместитель епископа Забайкальского и Нерчинского Мелетия (Заборовского). После Февральской революции подвергался преследованиям за монархические убеждения. В 1917 г. арестован в квартире протоиерея Иоанна Восторгова, расстрелян. Канонизирован 20 августа 2000 г.
- ⁶ ГА ЧО, ф. Р-422, оп. 1, д. 45, л. 30.
- ⁷ Вениамин (Благонравов; 1825 г.— 2 февраля 1892 г.). 20 мая 1862 г. хиротонисан во епископа Селенгинского, викария Иркутской епархии, и назначен начальником Забайкальской духовной миссии, с 18 марта 1868 г. епископ Камчатский, с 31 марта 1873 г. епископ Иркутский, 16 апреля 1878 г. возведен в сан архиепископа. Погребен в кафедральном соборе Иркутска.
- ⁸ ГА ЧО, ф. Р-422, оп. 1, д. 45, л. 30.
- ⁹ Тихон (Троицкий-Донебин; 4 января 1831 г.— 29 июня 1911 г.). 18 июля 1882 г. хиротонисан во епископа Сарапульского, викария Вятской епархии, с 8 марта 1886 г. епископ Енисейский и Красноярский, с 28 марта 1892 г. архиепископ Иркутский и Нерчинский.
- ¹⁰ Георгий (Орлов; 1848 г.— 11 июня 1912 г.), 24 января 1893 г. хиротонисан во епископа Селенгинского, викария Иркутской епархии, с 12 марта 1894 г. епископ Забайкальский и Нерчинский, с 27 сентября 1898 г. епископ Тамбовский и Шацкий, с 27 апреля 1902 г. епископ Астраханский и Енотаевский, 1 апреля 1911 г. возведен в сан архиепископа.
- ¹¹ ГА ЧО, ф. Р-422, оп. 1, д. 45, л. 34.
- ¹² Там же, л. 30.
- ¹³ Там же, л. 31.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Мефодий (Герасимов; 22 февраля 1856 г.— 1931 г.). С 1893 г. являлся начальником Алтайской духовной миссии, со 2 июня 1894 г. епископ Бийский, викарий Томской епархии, с 24 декабря 1898 г. епископ Забайкальский и Нерчинский, с 20 декабря 1912 г. епископ Томский и Алтайский, с 30 июля 1914 г. епископ Оренбургский и Тургайский, в 1918 г. возведен в сан архиепископа. В 1919 г. эмигрировал, с 1920 г. архиепископ Харбинский, в 1929 г. возведен в сан митрополита.
- ¹⁶ ГА ЧО, ф. Р-422, оп. 1, д. 45, л. 32.
- ¹⁷ Там же, ф. 283, оп. 1, д. 1, л. 3, 9, 11.
- ¹⁸ Там же, ф. Р-422, оп. 1, д. 45, л. 32.
- ¹⁹ Там же, л. 33.
- ²⁰ Там же.

²¹ Там же, л. 32.

²² Там же, л. 33.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ Священный Собор православной Российской Церкви 1917–1918 гг.: Обзор деяний. Вторая сессия / Сост. А. А. Плетнева, Г. Шульц. Под ред. Г. Шульца. М., 2001. С. 56. Мелетий (Заборовский; 7 июля 1869 г.— 6 апреля 1946 г.), 21 ноября 1908 г. хиротонисан во епископа Барнаульского, викария Томской епархии, с 23 февраля 1912 г. епископ Якутский и Вилюйский, с 26 января 1916 г. епископ Забайкальский и Нерчинский, с 1920 г. епископ Харбинский. В 1930 г. Синодом Русской Православной Церкви за границей (РПЦЗ) возведен в сан архиепископа Забайкальского и Нерчинского с местопребыванием в Харбине, с 1931 г. возглавлял Харбинскую епархию, в 1939 г. Синодом РПЦЗ возведен в сан митрополита Харбинского и Маньчжурского. Погребен в Благовещенском миссионерском храме Харбина.

²⁶ ГА ЧО, ф. Р–422, оп. 1, д. 45, л. 30.

²⁷ Священный Собор православной Российской Церкви... С. 471.

²⁸ Там же. С. 485–486.

²⁹ *Граубин Г.* Прежде, чем грянет выстрел. Иркутск, 1998. С. 71.

³⁰ ГА ЧО, ф. Р–422, оп. 1, д. 45, л. 33.

³¹ *Васильева О. В.* Взаимоотношения государства и Церкви в Забайкалье на территории ДВР в 1920–1922 годах: (Выпускная квалификационная работа по кафедре отечественной истории). Чита, 2002. С. 19–20.

³² Там же. С. 20–21.

³³ Там же. С. 20.

³⁴ Там же. С. 21.

³⁵ В обращении говорилось: «Общее собрание приходских советов градо-читинских церквей, состоявшееся 10 апреля 1920 года в г. Чите... обсудив выступление Японии против большевистской тирании и анархии в России, верит, что это выступление дружественной нам великой державы имеет своею целью оказать искреннюю помощь восстановлению и поддержанию государственного единства нашей России, установлению в ней государственного строя, отвечающего интересам подавляющего большинства русского народа... Служители православной Церкви и ее верные сыны приветствуют этот шаг Японии» (Архив Регионального управления ФСБ России по Читинской области. Следственное дело № 621 по обвинению В. Т. Сивова, П. А. Михайлова и других. Начато 15 ноября 1930 г., т. 8, л. 130).

³⁶ ГА ЧО, ф. Р–422, оп. 2, д. 780, л. 17.

³⁷ Там же, л. 4.

³⁸ *Кашеваров А. Н.* Православная Российская Церковь и Советское государство (1917–1920). М., 2005. С. 320.

³⁹ ГА ЧО, ф. Р–422, оп. 1, д. 45, л. 34.

⁴⁰ Там же, л. 30.

⁴¹ *Васильева О. В.* Указ. соч. С. 24, 33.

⁴² Сильвестр (Ольшевский; 31 мая 1860 г.— 26 февраля 1920 г.), смчч. 16 января 1911 г. хиротонисан во епископа Прилуцкого, викария Полтавской епархии, с 13 ноября 1915 г. епископ Челябинский, викарий Оренбургской епархии, с 4 июня 1915 г. епископ Омский и Павлодарский, в 1918 г. возведен в сан архиепископа; в ноябре 1918 г. избран главой ВВЦУ Сибири. После того как в 1919 г. белые ушли из Омска, архиепископ Сильвестр не оставил паству. Вскоре после прихода большевиков он был арестован и заключен в тюрьму, где в течение 2 месяцев подвергался истязаниям. Так и не сломив волю архипастыря, большевики подвергли его мучительной смерти: прибив руки гвоздями к полу и таким образом распяв священномученика, они раскаленными шомполами прижигали его тело, а затем пронзили сердце.

- ⁴³ *Васильева О. В.* Указ. соч. С. 24.
- ⁴⁴ Там же. С. 24–28.
- ⁴⁵ Там же. С. 33.
- ⁴⁶ Там же. С. 34.
- ⁴⁷ Там же. С. 39.
- ⁴⁸ *Черкасов-Георгиевский В.* Русский храм на чужбине. М., 2003. С. 250.
- ⁴⁹ ГА ЧО, ф. Р–422, оп. 1, д. 45, л. 29.
- ⁵⁰ Софроний (Кристалевский; 25 декабря 1703 г.— 30 марта 1771 г.), свт. Хиротонисан на Иркутскую кафедру 18 апреля 1753 г.
- ⁵¹ ГА ЧО, ф. Р–422, оп. 1, д. 45, л. 25.
- ⁵² Михаил (Богданов; 6 ноября 1867 г.— 9 июля 1925 г.). 30 августа 1907 г. хиротонисан во епископа Чебоксарского, викария Казанской епархии, с 11 июля 1914 г. епископ Самарский и Ставропольский. В 1918 г. эмигрировал. С 1919 г. епископ Владивостокский и Приморский.
- ⁵³ Нестор (Анисимов; 9 ноября 1884 г.— 4 ноября 1962 г.), в 1916 г. избран первым самостоятельным епископом Камчатским и Петропавловским, с 1933 г. архиепископ, с 1945 г. управляющий Харбинской епархией, с 1946 г. митрополит Харбинский и Маньчжурский, экзарх Восточной Азии. В 1948 г. приговорен к 8 годам заключения, в 1956 г. освобожден. С 18 июля 1956 г. митрополит Новосибирский и Барнаульский, 8 сентября 1958 г. уволен на покой, с 9 декабря 1959 г. временно управляющий Кировоградской епархией.
- ⁵⁴ ГА ЧО, ф. Р–422, оп. 1, д. 45, л. 28 об.
- ⁵⁵ *Васильева О. В.* Указ. соч. С. 38–39.
- ⁵⁶ «Забайкальский церковно-общественный вестник» издавался Забайкальской епархией в 1922 г. Решение о его учреждении было принято на епархиальном собрании 2 июня 1921 г., издание прекратилось после установления в Забайкалье советской власти (*Васильева О. В.* Указ. соч. С. 38).
- ⁵⁷ *Васильева О. В.* Указ. соч. С. 40.
- ⁵⁸ Там же. С. 43.
- ⁵⁹ Там же. С. 42–43.
- ⁶⁰ Там же. С. 43.
- ⁶¹ ГА ЧО, ф. Р–422, оп. 2, д. 701, л. 1, 1 об.
- ⁶² Там же, л. 2.
- ⁶³ Там же, л. 3.
- ⁶⁴ Озеро Иргень — одно из святых мест Забайкалья, место мученической кончины в середине XVII в. праведных воинов Симеона, Киприана, Иосифа и Василия «со дружиной» (имена и точное число убиенных неизвестны), погубленных за свое доброе христианское житие воеводой Афанасием Пашковым. Также на Иргени была обретена чудотворная икона мц. Параскевы Пятницы. Установлены случаи чудесной помощи по молитвам к иргенским мученикам. Необходимые для их канонизации материалы были собраны к 1917 г., однако до настоящего времени она так и не состоялась, хотя имена их все же были включены в список святых в майской Минее (М., 1987). Примечательно, что иргенских мучеников почитали как православные христиане, держащиеся новых обрядов, так и забайкальские старообрядцы. Решение о создании монастыря на озере Иргень было принято Святейшим Синодом еще в 1911 г., однако осталось невыполненным (Православное Забайкалье: Священное место Забайкалья — Иргень: Учеб. пособие. Чита, 2004. С. 30).
- ⁶⁵ ГА ЧО, ф. Р–422, оп. 2, д. 785, л. 1–1 об.
- ⁶⁶ Там же, д. 700, л. 38–40, 43, 47.
- ⁶⁷ *Васильева О. В.* Указ. соч. С. 43, 45.
- ⁶⁸ ГА ЧО, ф. Р–422, оп. 1, д. 45, л. 58.
- ⁶⁹ Там же, л. 24.

- ⁷⁰ Обновленческий раскол: Материалы для церковно-исторической и канонической характеристики / Сост. И. В. Соловьев. М., 2002. С. 958–959.
- ⁷¹ ГА ЧО, ф. Р–422, оп. 2, д. 791, л. 11.
- ⁷² Обновленческий раскол... С. 958.
- ⁷³ Там же. С. 959.
- ⁷⁴ ГА ЧО, ф. Р–422, оп. 1, д. 19, л. 82.
- ⁷⁵ Евсевий (Рождественский; 22 декабря 1886 г. – 5 ноября 1937 г.), 15 марта 1920 г. хиротонисан во епископа Яранского, викария Вятской епархии, в 1922–1923 гг. епископ Ставропольский и Кубанский, с 1923 г. епископ Ейский, в 1926–1927 гг. временно управлял Иркутской и Верхоленской епархией, с 1926 г. епископ Нижнеудинский и временно управляющий Иркутской епархией, с 1927 г. епископ Забайкальский и Нерчинский, с 27 марта 1930 г. архиепископ, с 3 апреля 1930 г. архиепископ Шадринский, управляющий Свердловской епархией. В декабре 1930 г. арестован и приговорен к 10 годам лишения свободы, сослан в Сиблаг, расстрелян.
- ⁷⁶ ГА ЧО, ф. Р–422, оп. 1, д. 45, л. 37; Обновленческий раскол... С. 959.
- ⁷⁷ ГА ЧО, ф. Р–422, оп. 1, д. 45, л. 37.
- ⁷⁸ Там же, д. 19, л. 37.
- ⁷⁹ Там же, д. 45, л. 34.
- ⁸⁰ Там же, оп. 2, д. 819, л. 77.
- ⁸¹ Там же, оп. 1, д. 45, л. 34.
- ⁸² Обновленческий раскол... С. 959.

Приложения

№ 1¹

Обвинительный акт о священниках С. П. Старкове, Н. Д. Подгорбунском и др.

Обвиняемые: св[ященники] Старков, Николай Подгорбунский, Николай Стрелков, Николай Писарев 2-й, Василий Богоявленский, диакон Маккавеев, гр[аждане] Николай Попов, Семен Романов и Иван Носырев содержатся под стражей в Читинской городской тюрьме. Обвиняемые: св[ященник] Замятин, гр[аждане] Николай Болотов, Михаил Васякин, Иван Титов, Авксентий Злобин, Георгий Шик и Руфин Яковлев находятся на свободе, с обязательством невыезда из гор[ода] Читы.

Обстоятельства дела. В связи с проведением в жизнь вопроса об отделении церкви от государства и школы от церкви по отношению Заб[айкальской] об[ласти] среди обывателей г[орода] Читы возникли различные дебаты. Эти дебаты приняли особенно острый характер, когда Забайкальским исполнительным комитетом были приняты практические меры к изъятию духовной консистории из рук духовенства. С этою мерою читинское духовенство не могло примириться, т[ак] к[ак] все записи о рождении, смерти, браке и т[ому] п[одобное] считало своей прерогативой. Со своей стороны и исполнительный комитет, не имея никаких намерений врывать в область церковных обрядов, оскорбляющих чувства верующих, не мог оставить духовную консисторию в руках духовенства. Духовенству гор[ода] Читы представилась альтернатива: подчиняться или не подчиняться распоряжениям местной власти, для власти: провести ли декрет Центрального Совета народных комиссаров об отделении церкви от государства, что уже сделано в большинстве городов России и Западной [так в документе.— Д. С.] Европы, или оставить Забайкальскую епархию на особом положении, другими словами, не подчиняться высшей власти Центра. Начались переговоры местной власти с представителями духовенства, закончившиеся категорическим отказом последних

подчиниться, что и выражено в официальном документе 4/17 июня с[его] г[ода], подписанном несколькими членами консистории и утвержденном епископом Мелетием. Такое отношение духовенства местная власть могла рассматривать как начало активных действий против существующей власти и в целях пресечения более сильных осложнений была вынуждена заключить под стражу несколько активных из духовенства лиц. Эта мера была использована противниками советской республики как средство агитации против существующего строя. С этого момента на Соборной площади у духовной консистории стали появляться какие-то группы, привлечшие внимание обывателей г[орода] Читы. 18 июня на этой площади появилась довольно значительная толпа. (Толпа собиралась за последние два дня, т. е. 18 и 19 июня.) Настроение толпы было довольно умеренное, и если появлялись предложения активных действий, то они не имели решающего значения. Все дебаты велись вокруг переговоров с местной властью по поводу освобождения арестованных священников. Иногда выдвигались довольно жесткие выражения, сущность которых доходила до представителей власти, и власть была поставлена в необходимость реагировать тем или иным способом. Так, от н[ачальни]ка гарнизона гр[ажданина] Иванова еще 17 июня было получено распоряжение городской милиции для присутствия при снятии в духовн[ой] консистории, что вызывало необходимостью предотвращения возможных эксцессов. 18 июня наряд милиции был послан вновь, т[ак] к[ак] 17-го приемка консистории не была закончена. Группа обывателей, которым было все равно, как окончится переход консистории в руки советской власти, а также различные проходимцы, подбивающие несознательную массу на эксцесс, являлись центром, привлечшим внимание проходящих. Наряду с мирным обсуждением вопроса стали раздаваться предложения противопоставить вооруженной власти свою организованную силу. 18 июня обсуждение толпы затянулось до поздней ночи. Так, например, начальник городской милиции, проходя 18 июня в 11 час[ов] ночи, видел толпу около 60 человек, преимущественно женщин, стоящую на площади и обсуждающую все те же вопросы. С утра 19 июня на площади опять начал собираться народ, и городской милицией была выделена часть своих людей на предмет восстановления порядка, если бы он был нарушен. В это же самое время в толпе и на церковной ограде стали появляться ораторы, некоторые из которых настаивали на выяснении вопроса посредством делегации к комиссару Матвееву, некоторые же призывали к непосредственному освобождению священников толпой (показания Беломестнова). В третьем часу к комиссару И. М. Матвееву был послан от толпы представитель в сопровождении помощника начальника милиции. Комиссара Матвеева в исполнительном комитете не оказалось, и после переговоров по телефону об этом было сообщено толпе. Было сделано предложение разойтись по домам и ждать до завтра, до решения вопроса исполнительным комитетом. Это предложение толпой было отвергнуто, было отвергнуто также предложение посылки петиции местной власти. Еще раньше были робкие намеки на необходимость ударить в набат и этим самым собрать возможно большее количество народа. С получением ответа, что объяснения с Матвеевым добиться

не удалось, многие участники толпы указали на набатный звон, который и начался через две-три минуты с колоколен соборной и архиерейской церкви. Толпа стала быстро увеличиваться приходящими прихожанами от различных церквей. Около 5 часов вечера толпа стала требовать активных действий. Конкретно указывалось на необходимость крестного хода к тюрьме для освобождения священников... но и в это время со стороны некоторых были попытки указать, что избираемые толпою меры приведут к печальным последствиям, предупреждения эти встречались насмешками и негодованием. С иконами, хоругвями толпа направилась к Александровской улице и по ней в сторону тюрьмы. Дорогою некоторые участники шествия набрасывались на постовых красноармейцев, разоружали их, а отобранное оружие тут же разбивалось... Шла страшная агитация, происходило пение, и раздавались крики против советской власти. Дойдя до Камчатской ул., толпа увидела стоящую впереди небольшую цепь, выставленную местной властью для недопущения толпы до тюрьмы. Этой команде было дано строжайшее приказание (словесное), чтобы отряд действовал на толпу мирным образом (словами), но не употреблял бы оружия, если толпа сама не сделает нападения. Ввиду приближения толпы начальник отряда вышел вперед и стал кричать, чтобы толпа остановилась. Учитывая, что слова его могут быть не поняты толпою, вследствие поднявшегося шума, он стал махать рукой и шашкой, показывая этим, что толпа должна разойтись или по крайней мере остановиться. Это же делали находящиеся в цепи красноармейцы... но, несмотря на это, толпа продолжала двигаться, а из передних рядов ее раздавались призывы: «Идите, идите, стрелять не будут». Видя, что указанные меры не приводят к цели, отряд решил повлиять более серьезным образом. Был сделан залп вверх... В толпе после выстрелов началась паника. Вслед за залпом команды начались выстрелы и со стороны. Кто производил эти выстрелы, осталось невыясненным, но что они были, ясно из показаний («стреляли кругом» — Коцюба). Впоследствии говорилось в толпе, что стреляли из разных домов. Кем была убита женщина и несколько человек ранено, выяснить не удалось. Во всяком случае убийство женщины и поранение нескольких лиц необходимо отнести к произведенным выстрелам со стороны, а не отряда. За это говорят показания судебно-медицинского вскрытия и свидетельства врача Устлина... раненых Садышева и Богдановой и свидетельство о поранении врача Цейтлина. Кроме того, что уже изложено, выяснилось, что жена священника Старкова была ранена, по всей вероятности дробью.

№ 2²

Речь архимандрита Софрония (Старкова) при наречении во епископа Селенгинского

Богомудрые архипастыри и отцы!
Изволением Св[ятого] Духа, благословением Святейшего Патриарха,
суждением Священного Синода, попечением святителя Забайкальской

Церкви и желанием верующих членов ее призван ныне я к епископскому служению.

В настоящий великий и страшный час моей жизни священный трепет проникает все мое существо, потому что велик жребий святительства и тяжел крест служения епископа. Знаю мою немощь подъять на рамена свои тот омофор, о тяжести которого свидетельствовал великий избранник Божий святитель Тихон. Сознаю свое недостойнство быть продолжателем дела, начатого в Забайкалье святыми руками святителей Иннокентия и Софрония, Иркутских чудотворцев. «Немудрым и ничего не знающим» [1 Кор 1. 27–28] почитаю себя в сравнении с выходившими прежде меня на возделывание Забайкальской нивы иерархами. Все они высоки по своему образованию, искусенные в иночестве, опытные в миссионерском делании. И к сонму этих избранников Божиих подхожу я, униженный [1 Кор 1. 28] по своему происхождению, скудный своим образованием, новоначальный в иночестве, не изведавший миссионерских подвигов. Подхожу в то время, когда в жизнь Церкви направляют свое жало скорпионы неверия и нечестия [Иер 2. 6], когда разливается муть сектантства, когда сотни тысяч в пределах Забайкальской епархии пребывают во тьме язычества, ламаизма и шаманства, когда многие десятки тысяч удаляющихся от общения с нами старообрядцев не желают входить в ограду православной Церкви, когда и среди именующих себя православными велико число равнодушных к вере и благочестию, у которых «огрубело сердце, которые и ушами своими с трудом слышат, и очи свои смежили» [Ис 6. 10], когда и для соратников на ниве Христовой тяжесть пастырского крестоношения усугубляется часто злобой, клеветой, ложными обвинениями, темничными узами и даже смертью. «Кто я, чтобы мне идти?» [Исх 3. 11]. «Молюся Ти, Господи, избери могуща иного, егоже послещи» [Исх 4. 13] на это служение», — сказал потому я, когда впервые услышал зов ко святительству. Однако призвание Божие повторилось. И я вспомнил, как «возгорелся гнев Господень на Моисея» [Исх 4. 14], когда он упорствовал, убоялся тогда я слов Писания: «Грядет гнев Божий на сыны непокорныи» [Еф 5. 6]. И на вторичный зов ответил: «Знаю, Господи, что не в воле человека путь его, что не во власти идущаго давать направление стопам своим» [Иер 10. 23], ведаю, что «от Господа стопы человека исправляются» [Ис 36. 23]. «Отче мой, если не может чаша сия миновать, чтобы мне не мучиться, да будет воля Твоя» [Мф 26. 42]». Поэтому, когда и ныне возвещено мне окончательное веление служить в сане епископа Церкви Христовой, я вслед за руководящим голосом ее, как любящей матери, повторил: «Благодарю, приемлю и ничесоже вопреки глаголю» (Чин избр[ания] и рукопол[ожения] архиерейск[ого]).

К такому послушанию обязывает меня и весь пройденный путь моей жизни. Обращаясь к прошлому, я чувствую потребность вместе с псалмопевцем возвестить: «Много сделал Ты, Господи Боже мой, о чудесах и помышлениях Твоих хотел бы проповедовать и говорить, “но они превышают число” [Пс 39. 6]». Вся жизнь — дивное чудо промысла Божия. В младенчестве сноп чужой жатвы, на которой должны были работать мои родители, бывал часто моей колыбельной в летнее время. Ныне я приведен к епископской кафедре.

Сколько любви Божественной, сколько помощи Божией чрез добрых людей испытал на себе, чтобы пройти этот путь. Прежде всего Господь послал мне великое счастье в лице моей родительницы, хотя и малограмотной крестьянки, но очень умной женщины, первый живой пример крепкой веры в Бога, горячей молитвы, упорного труда, несокрушимой энергии и первую учительницу грамоты. От нее впервые в раннем детстве полюбил я молитву и научился молиться, от нее познал силу веры, ценность труда, четырехлетним ребенком научился читать, полюбил учение книжное. Она же своим почитанием священного сана открыла мне в девятилетнем возрасте путь сначала на клирос сельского храма, а затем в Троицкий Селенгинский монастырь. Отцу внушил Господь преобладать предрассудки своей среды и предоставить мне идти по влечению сердца. Истовое совершение богослужения сельским священником в родном приходе привлекло меня к участию в церковной службе и трудах сельского причта. О архимандриту Иринарху указал Господь взять меня в обитель и устроенную им церковную школу. Здесь трепетало от радости мое детское сердце, когда девятилетним мальчиком в трапезной монастыря произносил: «Житие иже во св[ятых] отца нашего (имярек) благослови, отче честный, прочести» и читал по Четым Минеям Жития угодников Божиих. Здесь же бывший викарием еп[ископ] Мелетий [Якимов.— Д. С.] первый по просьбе о. архимандрита Иринарха призрел меня своим святительским вниманием и отсюда направил в Нерчинское духовное училище.

Училище находилось в то время в периоде полного духовного роста при материальной скудости. Приснопамятный о. протоиерей Павел Родионович Затопляев стоял во главе его. Человек с высоким пастырским настроением, богатыми природными педагогическими дарованиями, с непоколебимым авторитетом, при полном расцвете своих духовных сил, крепкий в то время физически, он вдохнул в училище свое дыхание жизни. Все сотрудники проникались его святым настроением. Служение Церкви Христовой даже в должности низшего сельского клирика становилось дорогим и желанным нашему сердцу. В день вполне успешного окончания курса в училище я со своим однокурсником, впоследствии Преосвященным Ефремом, приготовил прошение о назначении на должность псаломщика и идеализировал служение, о котором с детства мечтал. Об этом узнал один из всегда близких к ученикам преподаватель. Он узнал, что бедность преграждает нам путь к дальнейшему продолжению образования. С большим участием отнесся к нам и по телеграфу попросил архиепископа Иркутского Вениамина помочь нашей бедности. Добрый архипастырь подал нам надежду. И пред нами открылись двери Иркутской Духовной семинарии. Здесь оказалось много подобных мне бедняков. Правление семинарии было в большом затруднении. На помощь пришли, вечная им память, о. ректор архим[андрит] Никодим и о. архим[андрит] Иринарх. Личными средствами они помогли в течение первого года, дальше на общем положении казеннокоштного воспитанника [я] безбедно продолжал ученье.

Со вступлением в должность ректора незабвенного архим[андрита] Евсевия стремление и готовность стать в ряды служителей алтаря Господня на-

столько окрепли, что не хотелось отсрочивать этого дела продолжением образования в духовной академии. Та же благодеющая рука Господня наделяла щедротами Своими и на пути пастырского делания. Бедный сельский маленький приход был первой очень дорогой школой жизни и пастырского душепопечения. Затем по воле Божией в уездном и епархиальном городе при неизменном внимании, снисхождении и доверии Забайкальских архипастырей, церковных и общественных учреждений открылось широкое поле для применения сил во всех отраслях епархиальной службы и в разнообразных видах церковно-общественной деятельности до участия в деяниях Всероссийского церковного Собора включительно. Ты, первенствующий в настоящем сонме святителей, Высокопреосвященнейший Владыко [обращение к Оренбургскому архиепископу Мефодию (Герасимову), возглавлявшему хиротонию архимандрита Софрония.— Д. С.], принял меня в свое архипастырское руководство на третьем году моего служения и более половины моей пастырской страды отечески берег от опасностей, принимал в свое сердце мои скорби и любвеобильно укреплял и окрылял мои силы на поприще епархиального служения. Преемники твои продолжили начатое тобой попечение. Святитель Божий, ныне павший телом, но, я верю, пребывающий среди нас своим духом, глубокопочитаемый мной Высокопреосвященный митрополит Евсевий [Рождественский.— Д. С.] с любовью благоустраивал мое шествие по пути пастырства, первый благословил на новую ступень жизни. «Благодатию Божиею есмь, еже есмь». Поистине «много сделал Господь, чудеса Его превышают число» [Пс 39. 6], чтобы меня, «немоцию обложеннаго» [Евр 5. 2], вести «от силы в силу» и такую немощь мою обращать во свидетельство Своей милости ко мне и для спасения тех, кому служить я призван. Посему переживаю на себе всю силу свидетельства ап[остола] Павла: «Верно и всякого приятия достойно слово, что Иисус Христос пришел в мир спасти грешников, из которых я первый, но для того я и помилован, чтобы Иисус Христос во мне первом показал все долготерпение в пример тем, которые будут верить в Него к жизни вечной» [1 Тим 1. 15–16].

Правда, падали на меня тяжкие испытания. Горе бедности в отрочестве и юности сменились иными невзгодами жизни. Самый тяжкий удар Божьей грозы разразился над моей головой три года тому назад. Я потерял спутницу жизни. Мои дети лишились солнца материнской любви. Но и несчастья говорили о любви Божией к моему недостойнству. Они еще больше, чем радости жизни, звали меня крепче держаться за ризу Господню и в служении Божьему делу находить истинный смысл для своей жизни. При испытаниях я должен был говорить: «Знаю, Господи, что суды Твои праведны и по справедливости наказал меня» [Пс 118. 75], «но да будет же милость Твоя утешением моим по слову Твоему к рабу Твоему» [Пс 118. 76]. И действительно, всегда несчастья моей личной жизни услаждались милосердием Божиим, самое тяжкое из них смягчается призванием к служению в сане епископа. Дивно избрание. Чудесна милость Божия и в осуществлении этого избрания. Чтобы подкрепить мою немощь, Господь прежде возведения меня на Голгофу епископского служения явил для моей веры и любви в дни св[ятой]

Четыредесятницы и Страстной седмицы совершенный Им путь самоотверженного подвига «даже до смерти» и в Пасхальную седмицу показал радость Светлого Воскресения и торжество Христовой правды и любви.

Благодаря Господа, так о мне благодееющего, и приемлю жребий епископского служения, нимало вопреки глаголя. Готовность подъять подвиг непосильный для моей немощи поддерживает во мне, кроме послушания воле Божией, обетование Иисуса Христа, что все продолжатели дела Его, а с ними и я недостойный, не одиноки. «Аз есмь с вами во вся дни до скончания века» [Мф 28. 20],— звучит донныне и вселяет уверенность, что дело св[ятой] Церкви несокрушимо не только попытками людей, но и силами самого ада [Мф 16. 18] «столпы ея никогда не исторгнутся и ни одна вервь ея не порвется» [Ис 33. 20]. Влечет к тому любовь к Церкви Христовой, воспитавшей меня под своим кровом. Вдохновляет глубокое сознание ценности служения для спасения ближних и искреннее желание продолжать дело св[ятого] благовествования. Ободряет и твоя, святитель Забайкальской Церкви, отеческая попечительность, при которой и в епископском делании примешь ты меня в свою любовь, как не отрунул в пастырском труде. Верю, что и забайкальская паства, подвигнувшая меня к приятию креста архиерейского служения, примет³ на себя подвиг Симона Киринейского и не оставит меня одиноким. Паче же всего даст мне дерзновение подъять подвиг служения в сане епископа вера во всемогущую помощь Божию, которая по молитвам Божией Матери и св[яты]х] угодников ниспосылается. Пресвятая Богородице, «молю Ти ся, ороси мя благодатию, да зову Ти: Радуйся, водоспасительная» (Конд[ак иконе Божией Матери] «Жив[оносный] Источ[ник]»)⁴. Святители Христовы Иннокентие и Софроние, личным подвигом изведавшие трудность возделывания той нивы, к сеянию на которой я призываюсь, молитвенным предстательством помогите мне. Усугубляет решимость мою упование на вседействующую «благодать Божию, немощная врачующую и оскудевающая восполняющую».

Предзреваю тот священный час, когда око веры узрит в храме «Господа, сидящего на престоле высоком и превознесенном», слух веры услышит шелест риз Господних, почувствуется трепетание крыл серафимов и огласится храм их пением Трисвятой песни. Возопиет тогда моя немощь: «Горе мне, погиб я, ибо я человек с нечистыми устами» [Исх 6]. Умоляю вас, святители Божие, усугубьте в тот страшный час в единении с народом церковным вашу святительскую молитву, дабы серафим коснулся моих нечистых уст и услышал я в утешение моему достоинству: «Беззаконие твое удалено от тебя, и грех твой очищен» [Ис 5. 17]. Помолитесь, богомудрии архипастыри и отцы, дабы мне, «наименьшему из всех избранных, дана была благодать — благовествовать неисследимое богатство Христово и открыть всем, в чем состоит домостроительство тайны, сокрывавшейся от вечности в Боге, создавшем все Иисусом Христом» [Еф 3. 8–9]. Помолитесь, Преосвященнейшие владыки святые, чтобы Пастыреначальник Христос объединил меня с пастырями и пасомыми всеильным союзом христианской любви во единую истинно христианскую семью, чтобы помог мне призвать сюда и тех, «яже не суть от двора сего» [Ин 10. 6], и со всеми ими удостоиться предстать непо-

стыдно в день всеобщего воздаяния пред Судией и Мздовоздаятелем и рещи:
«Се аз и дети мои».

Архимандрит Софроний.

№ 3⁵

**Слово архиепископа Мефодия (Герасимова)
при вручении жезла епископу Софронию**

Христос воскрес!

Возлюбленный о Христе брат епископ Софроний! Вручая тебе епископский жезл, символ твоей епископской власти, хочу тебе напомнить слово, которое Господь сказал о Себе: «Сын человеческий не прииде да послужат Ему, но послужить и дати душу Свою избавление за многи» [Мф 20. 28]. Итак, принимая жезл епископского правления, знай, что ты принимаешь его не затем, чтобы тебе как властелину служили другие, а затем, чтобы ты сам послужил другим. Не паства существует для тебя, а ты для паствы, не паства должна сообразоваться с порядком твоей личной жизни и твоими требованиями, а ты должен сообразоваться с требованиями твоей паствы, ты должен быть таков, каким был св[ятой] апостол, который сказал о себе: «Всем бых вся, да всяко некия спасу» [1 Кор 9. 22]. Принимая жезл епископского правления, помни, что ты слуга паствы, а не господин ее, потому что Господь сказал: «Иже аще хочет в вас быти первый, будет вам раб» [Мф 21. 29]. «Боли же в вас да будет вам слуга» [Мф 23. 12]. Ты слуга паствы, а не господин ее, а потому правь паствою со всяким смирением, в смирении высота твоя.

Труден момент, в который ты берешь на себя бремя епископского служения. Как будто уже наступили те страшные времена, о которых сказал апостол: «В последние дни настанут времена люта» [2 Тим 3. 1]. Есть сходство между настоящим моментом, который мы переживаем, и первыми временами Церкви. Первые времена Церкви были времена кровавых гонений, и эти гонения воздвигла сама власть, которая считала веру Христа вредным суевением, напрягала все силы, чтобы истребить с лица земли самое имя христиан. Ныне Церковь вновь проходит огненное испытание, вновь воздвигнуто гонение, и это гонение опять воздвигла сама власть, которая объявила религию опиумом для народа, дурманом, которым одурается народ, вредным для социального блага масс суевением. Напрягает точно также все силы, чтобы искоренить религию, исторгнуть из души народных масс всякую веру и прежде всего веру Христа. Труден момент! Древние гонители Церкви и мучители христиан гнали правду Божию, истину Христову, но они по крайней мере не посягали на правду человеческую, уважали требования справедливости, законности, права личности. Ныне ниспровергнута правда Божия и правда человеческая, поругана вера, попраны все законы гуманности и справедливости. Вместо любви, которую заповедал Господь, вместо справедливости, законности и уважения к личности, на которых зиждется всякое человеческое общежитие, провозглашен животный закон звериной борьбы за существование.

Труден момент. Ты не можешь молчать, ты должен возвысить свой голос на защиту веры и правды. Церковь Христова и ее служители суть блюстители истины и правды Божией на земле, должны охранять их от хуления и поругания, но с мужеством соедини и благоразумие, чтобы благою ревности не возбудить еще бо́льшую злобу врагов истины и не подвергнуть истину еще большему гонению. Но это благоразумие не должно быть тем, что лукавый век называет тактичностью, которая готова во всякий момент сделать уступку лжи и неправде. Это благоразумие, соединенное с мужеством, должно быть тем качеством, о котором Господь сказал: «Будите убо мудри яко змии и цели яко голуби» [Мф 10. 16]. Будьте мудры, как змии, просты и незлобивы, как голуби. Труден момент, в который ты идешь на подвиг епископского служения. Ты идешь не на почести твоего высокого звания, а на крестный подвиг. В настоящий страшный момент более чем когда-либо принимающий бремя епископского служения должен быть готов исполнить повеление Христово: «Аще кто хочет по Мне идти, да отвержется себе, и возмет крест свой, и по Мне грядет» [Мф 16. 24].

Вручаю тебе жезл епископской власти. Прими его и запечатлей в твоём уме и сердце слова святого апостола: «Пасите еже в вас стадо Божие, посещаяще е не нуждею, но волею и по Бозе, ниже неправедными прибытки, но усердно, ни яко обладающе причту, но образи бывайте стаду. И, явльшуся Пастыреначальнику, примите неувядаемый славы венец» [1 Петр 5. 2–4]. Здесь сказано все, что тебе нужно знать и что нужно делать. Пастыреначальник Господь, когда ты завершишь свое течение, да сподобит и тебя в день оный приять неувядаемый славы венец от рук Его. Аминь.

№ 4⁶

Постановление Забайкальского епархиального совета о епархиальном управлении

Забайкальский епархиальный совет.

Циркулярно в копиях благочинным и причтам церквей, благочинническим и приходским советам Забайкальской епархии 6.III.1923, № 238, г. Чита.

Забайкальский епархиальный совет, принимая во внимание возникновение в последнее время в епархии не соответствующих действительности слухов и появление подобного же характера газетных статей и заметок об епархиальной жизни и управлении, что может внести в них расстройство и привести к последствиям, вредным для церковного единства, возбуждая беспокойство и скорбь в православном народе, признал необходимым поставить в известность духовенство, благочиннические и приходские советы епархии о положении епархиального управления и о принципах и задаче своей деятельности в настоящий момент.

Преосвященный Мелетий, находящийся вне Забайкальской епархии (в Харбине) с июля 1920 года, на докладе Забайкальского епархиального совета от 1 декабря 1922 г. за № 450 с представлением протокола совета от

18 ноября 1922 г. за № 72 о невозможности сношения с ним и о предоставлении Преосвященному Софронию всех прав епископа, управляющего епархией, на основании постановления Высшей церковной власти от 7/20 ноября 1920 г. за № 362 (о порядке церковного управления при расстройстве сношений с подлежащей властью) и постановления той же власти от 9/22 марта 1922 г. за № 326 (о назначении Преосвященного Софрония управлять Забайкальской епархией) положил резолюцию от 14 декабря 1922 г. о своем согласии.

Управляющий Забайкальской епархией Преосвященный Софроний, епископ Селенгинский, в ночь на 31 декабря стар[ого] ст[иля] 1922 г. арестован представителями ГПУ и находится в читинской тюрьме в ожидании суда. Поэтому центром, объединяющим жизнь епархии и сосредотачивающим управление ею, в настоящее время является Забайкальский епархиальный совет. Последний, сохраняя каноническую связь с епископом Софронием, принцип и задачу своей деятельности в условиях переживаемого времени, определяет в таких положениях. 1) Повиновение с доброй совестью существующей государственной власти, в частности, проведение в жизнь строгого подчинения законам об отделении Церкви от государства и школы от Церкви и основанным на них распоряжениям власти, определяющим внешнюю жизнь Церкви. 2) Свобода совести и свобода и неприкосновенность внутренней религиозной жизни православного верующего народа, в целях охраны которых не вносить никаких политических тенденций в Церковь и религиозную жизнь народа и тем избежать ошибок прошлого и не давать поводов к политической расценке Церкви и деятельности духовенства с вытекающими отсюда последствиями. 3) Верность православной Греко-Российской Церкви на основе единства догматического учения и канонического церковного строя, при нарушении которых неизбежно умножение расколов, сектантства, ересей и отпадений. 4) Ожидание церковного суда над Патриархом Тихоном, до решения которого мы считаем себя канонически не вправе отвергать его Патриаршего достоинства и потому продолжаем возносить уставные моления о нем. 5) Автономный характер Забайкальской епархии в церковной жизни и управлении, согласно послания наместника Патриарха митрополита Агафангела [Преображенского.— Д. С.] от 18 июля 1922 г. за № 214 (см. «Забайкальский цер[ковно-]общ[ественный] вестник», № 32, 1922 г.). 6) Признание необходимости церковных реформ и предварительная работа в этом направлении, самое же проведение в жизнь реформ считаем возможным лишь после соответствующих решений вопросов о них на Всероссийском церковном Соборе. 7) Забайкальская епархия должна принять участие на ожидаемом Всероссийском церковном Соборе, если созыв его, способы избрания членов Собора и условия участия на нем будут обеспечивать каноническую правоспособность его, не будут носить партийного характера и будут свидетельствовать об единстве православной Российской Церкви и свободном участии на соборе духовенства и мирян в лице своих представителей.

Для определения дальнейшего положения дела и по другим вопросам епархиальной жизни Забайкальский епархиальный совет считает долгом принять меры к созыву очередного епархиального собрания.

ИССЛЕДОВАНИЯ

Подлинное подписали: Председатель епархиального совета кафедральный протоиерей Инн[окентий] Томилин. Член совета прот[оиерей] Никол[ай] Писарев и священник Никол[ай] Подгорбунский. Член-секретарь П. К. Белевский.

С подлинным верно: член-секретарь П. Белевский (*подпись*).

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Архив Регионального управления ФСБ России по Читинской области. Следственное дело № 621 по обвинению В. Т. Сивова, П. А. Михайлова и других. Начато 15 ноября 1930 г., т. 8, л. 318–321
- ² ГА ЧО, ф. Р–422, оп. 1, д. 45, л. 25–27 об. Речь произнесена в Благовещенской церкви подворья Пекинской миссии в Харбине 21 апреля 1922 г.
- ³ Исправлено, в рукописи: принять.
- ⁴ День 21 апреля 1922 г. пришелся на пятницу Светлой седмицы, когда совершается празднование в честь иконы Божией Матери «Живоносный Источник».
- ⁵ ГА ЧО, ф. Р–422, оп. 1, д. 45, л. 28–28 об.
- ⁶ Там же, оп. 2, д. 791, л. 18–18 об.

Е. А. Кузьмина, Н. В. Николенкова*

Грамматика церковнославянского языка Ивана Иконника: история создания

В собрании рукописей Музея-заповедника «Московский Кремль» (№ кн. 213) Н. В. Николенкова обнаружила рукописную Грамматику церковнославянского языка, составленную в 1733 г. Иваном Иконником: «Грамматика беседословная». С этим заголовком книга указана в описи собрания рукописных книг Московского Кремля, так же на л. 17 об. назвал ее автор (на переплете указано название «Грамматика»); далее в статье трактат обозначается ГИ¹. В описаниях рукописного собрания Кремля и Оружейной палаты данное сочинение фигурирует с 1881 г. как «Грамматика 18 века в 8 долю листа на 221 листе». Уже первое знакомство с рукописью не оставило сомнений в том, что перед нами грамматика, фрагменты которой были приведены в труде Ф. И. Буслаева «Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков»²: цитированные в хрестоматии отрывки соответствуют листам 12–12 об. и 179 об.–180 рукописи. Хранитель фонда рукописных и старопечатных книг музея «Московский Кремль» Е. В. Исаева, благодаря которой нам представилась возможность работать с рукописью, сообщила, что, по имеющимся в архивах музея данным, до Октябрьской революции 1917 г. ГИ находилась в экспозиции в палатах бояр Романовых как элемент оформления комнаты для занятий, где вместе с букварем Кариона Истомина представляла типичное учебное пособие XVIII в.

Ф. И. Буслаев сообщил о принадлежности рукописи князю М. А. Оболенскому³, который с 1840 г. являлся управляющим Главным архивом министерства иностранных дел, в 1853 г. был назначен заведующим Государственным древлехранилищем хартий, рукописей и печатей при московской Оружейной

* © Кузьмина Е. А., 2009

Елена Александровна Кузьмина, кандидат филологических наук, доцент Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

© Николенкова Н. В., 2009

Наталья Владимировна Николенкова, кандидат филологических наук, доцент Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

палате. Удалось установить, что ГИ была куплена князем Оболенским для своего собрания во 2-й половине 1840-х гг. Она фигурирует в прижизненной описи собрания Оболенского под № 133 как «Грамматика начала XVIII в. Оригинал Ивана Иконника. На 221 листе»⁴. Рядом с описанием карандашная помета: «У г-на Буслаева 1851, 11 февраля», сделанная, по-видимому, владельцем рукописи. В 1857 г. князь Оболенский был назначен председателем ученой комиссии по возобновлению палат бояр Романовых. Он лично занимался устройством музея, в том числе вопросами оформления интерьера. В документах комиссии регулярно отмечается, как будет обустроена детская комната. В письме князю Н. И. Трубецкому, принимавшему активное участие в деятельности комиссии, 2 апреля 1859 г. князь Оболенский писал, что в детской должен быть «столлик для ученья, на оный положатся в ветрине: букварь, азбуки, указка», позже в черновых бумагах добавлена «черта (линейка)»⁵. Экспозиция в палатах Романовых открылась 22 августа 1859 г., с большой долей вероятности можно предположить, что ГИ к тому времени уже была передана коллекционером музею. По-видимому, хранение ГИ в музейной экспозиции во 2-й половине XIX в. и 1-й четверти XX в. стало причиной того, что данная грамматика оставалась вне поля зрения исследователей, в частности, не вошла в обзоры С. К. Булича⁶ и И. В. Ягича⁷ и не была изучена ни в текстологическом, ни в лингвистическом отношении⁸. В настоящей статье, которая открывает цикл работ, посвященных исследованию этого рукописного грамматического трактата, рассматриваются возможные обстоятельства его появления и выявляется круг источников, использованных при его создании.

ГИ представляет собой рукопись в 8°. На л. 2 указана дата создания — 7241 (1733) г. Первоначальная нумерация листов была сделана в XIX в., вероятнее всего археографом, составившим описание книжного собрания князя Оболенского (почерк составителя описи аналогичен почерку человека, представившего цифры на листах рукописи). Составитель описания при нумерации листов ГИ столкнулся с серьезными проблемами, так как в рукописи есть не только переплетенные листы (217 листов с текстом на обеих сторонах и лист с записью на одной стороне), но и много вставных листов и полулистов. Некоторые вставки содержат черновой материал к ГИ, на части вставных листов — небольшие дополнения к основному тексту; особо следует выделить л. 84а — это купчая. До л. 102 археограф нумеровал только переплетенные тетради (после л. 40 обозначен ошибочно л. 42). После л. 102 начинается путаница в фолиации: некоторые вставные листы нумеруются (л. 103 и 109), другие нет. В результате общее число листов в рукописи отмечено как 221, эти сведения даны в прижизненной описи собрания князя Оболенского, они же повторяются при упоминаниях ГИ. Позже, вероятно в XX в., были пронумерованы вставные листы, полулисты и вклейки, они содержат дополнительные буквенные пометы. Пронумерованных таким образом вставных листов и вклеек 16: это листы 42а, 53а, 65а, 68а, 68б, 68в, 68г, 84а, 89а, 93а, 103а, 125а, 126а, 130а, 180а, 183а. Было пронумеровано также большинство тетрадей рукописи (славянской цифирью): на л. 11 стоит помета 2, помета 3-й тетради —

на л. 22, далее на л. 48 — 6, л. 58 — 7, на л. 66 — 8, на л. 74 — 9, на л. 82 — 10, на л. 90 — 11, на л. 105 — 13, на л. 122 — 15, на л. 139 — 17, на л. 147 — 18, на л. 155 — 19, на л. 163 — 20, на л. 171 — 21, на л. 195 — 24, на л. 203 — 25, на л. 211 — 26, на л. 219 — 27. Таким образом, объем тетрадей колеблется от 11 (2-я тетрадь) до 8 листов (большинство тетрадей), последняя тетрадь неполная.

Рукопись содержит 8 иллюстраций: персонифицированное изображение Грамматики с размещенным ниже толкованием (л. 16)⁹ и 7 искусно выполненных схем: структура орфографии как науки (л. 35 об.), структура этимологии (л. 37), древо «осми частей слова» (л. 39), схемы частей речи (имени, местоимения, глагола, наречия) с указанием их грамматических категорий или семантических разрядов (л. 79, л. 98, л. 102 об., л. 123 об.). Также в рукописи представлено 8 инициалов: Г (л. 2, 17 об.), И (л. 5), Б (л. 17), Е (л. 18 об.), Д (л. 35), Ч (л. 36), Н (л. 197).

Большая часть рукописи написана одним почерком (далее — 1-й почерк) полууставом с элементами скорописи, по 30 строк на листе, с выделением киноварью заголовков, подзаголовков и красных строк. Очень аккуратный почерк может трансформироваться, появляется больше скорописных элементов, но способ написания отдельных букв, общий характер оформления текста и орфография позволяют говорить о единстве почерка. Обладателю 1-го почерка принадлежит не только основной текст Грамматики, но и пометы на полях, представляющие собой либо глоссы, либо вставки в текст, либо ссылки на источники (см. далее). Все иллюстрации и инициалы содержатся в частях рукописи, написанных первым писцом.

2-й почерк отмечается на л. 57–66, им заканчивается раздел «О роде» в части «Имя» (2 страницы), им же написан практически весь раздел «О виде» имен. Почерк более крупный, размашистый, в нем больше скорописных элементов, меньше строк на странице (21). На страницах, написанных 2-м почерком, встречаются записи первого писца. Это пометы на полях, позволяющие четче структурировать раздел «О виде», некоторые редакторские исправления, а также правка фрагментов, сделанная поверх 2-го почерка (вклеен фрагмент с новой записью). Первый писец при этом вынужден несколько изменять свой почерк, следуя более крупному и размашистому почерку второго. Внеся исправления, первый писец сменяет второго и заканчивает раздел «О виде».

3-м почерком (л. 105–123 об.) написан раздел «Причастие» и большая часть раздела «Наречие», начало 3-го почерка совпадает с началом тетради 13. Характер почерка свидетельствует о стремлении писца подражать печатным изданиям. В разделе «Наречие» листы, написанные 1-м и 3-м почерками, чередуются. Листы 110 и 111 написаны 3-м почерком, на л. 111 встречается правка первого писца. Лист 112 целиком написан 1-м почерком, далее текст продолжает третий писец. Написанные 2-м и 3-м почерками части рукописи не имеют выделения красных строк, заголовков.

Есть в рукописи почерк (считаем его 4-м), характер которого не позволяет однозначно соотнести его с каким-либо из 3 названных выше в силу большего использования элементов скорописи. Им сделаны многие записи на полях, преимущественно на л. 86 об.— 102 об. (раздел «О глаголе»), и на вклад-

ных листах. Записи сделаны до переплетения рукописи, о чем свидетельствуют многочисленные обрезанные пометы (л. 91, 92 об. и т. д.). Орфографическая норма обладателя данного почерка практически идентична норме основного писца, но обрезанные части не позволяют говорить об этом с полной уверенностью. Мы предполагаем, что эти записи сделаны автором основной части рукописи, но без соблюдения должной аккуратности.

Кроме того, в рукописи много помет на полях, вклеек и вкладных листов, написанных почерком, совпадающим с почерком вложенной между листами 84 и 85 купчей (л. 84а): «В сей книге, глаголеми Грамматице, имеется 26 тетрадей, и за куюждо тетрадь написания заплатить по 17 копеек, что составляет цены 4 рубли 42 копейки, за фигуры 1 рубль, за переплет 18 копеек. И есть за ню вся сумма пять рублей шестьдесят копеек. Цена сия токмо за труды написания, а не за собрание и сочинения ея, в неже писатель сам люботщателне потрудися, за что не земных, но н[е]б[ес]ных воздаянии достойно ему желати». Судя по всему, этот почерк (5-й) принадлежит человеку, купившему рукопись (быть может, заказавшему ее?), а затем использовавшему «Грамматику беседословную» в учебных целях. Все вклейки и вставные листы, написанные 5-м почерком, носят характер грамматического комментария. Их анализ показал, что многие вставки помещаются поверх записей на полях, сделанных 4-м почерком, и идентичны им (например, запись на л. 32). Это позволяет высказать предположение, что обладатель 5-го почерка не делал собственных записей, но аккуратно переписывал пометы, уже содержащиеся в тексте, добиваясь бóльшей четкости. Подтверждением такого предположения служит вкладной л. 53а (4-й почерк) и вклейка 54а (5-й почерк), текст которых идентичен.

Рукопись написана на бумаге. Наиболее четкие фрагменты филиграней («Pro patria» и части букв АГБ) находятся на л. 221, 219, 211, 209, 98. Можно предположить, что была использована бумага фабрики Афанасия Гончарова¹⁰. Правда, наиболее ранняя из приведенных в каталоге филиграней этой фабрики датирована 1735 г. При этом известно, что производство существовало с 1720-х гг., а Гончаров стал совладельцем фабрики в 1732 г.¹¹

Бóльшая часть рукописи (196 листов) содержит ГИ, в оставшейся части помещено несколько сочинений, посвященных риторике. Включение их в рукопись, вероятнее всего, было более поздним решением. Запись об окончании работы над Грамматикой и переходе к труду над риторикой дана на л. 196 об. 4-м почерком. Использование нескольких почерков может указывать на то, что рукопись воспроизводит уже готовый оригинал. Однако этот предполагаемый источник нам неизвестен, не были обнаружены и сведения о грамматических сочинениях подобного рода. Мы полагаем, что ГИ является оригинальным произведением, составленным под руководством Ивана Иконника (так автор себя именуется в заключении первого предисловия на л. 4 об.: «Вам доброжелатель Иван Иконник»). Ему же принадлежит основной, 1-й, почерк рукописи, таким образом, бóльшая ее часть представляет собой автограф Ивана Иконника. По-видимому, составитель был вынужден воспользоваться услугами двух помощников, которые написали в общей

сложности 30 листов под его наблюдением. Работой одного из них Иван Иконник остался недоволен и вносил в части, написанные 2-м почерком, исправления и дополнения. Работа третьего писца подверглась меньшей правке.

В оригинальности ГИ нас убеждает характер редакторской правки обладателя 1-го почерка. Многочисленные пометы на полях, вставки, вклейки свидетельствуют о тщательной работе над формулировками правил, об их уточнении и дополнении, а не о восстановлении пропусков, совершенных при переписывании. Так, на л. 32 после правила, задающего перечень позиций, в которых не допускается «разделение» (перенос) слов, помещена вклейка, дополняющая этот перечень. В ней Иван Иконник особо оговаривает недопустимость переноса «слитной» «й»: «Знаменаи же и се: речение, не докочав, несть лепо на другую страну листа пол ея или слог кии [за помешательств] преносити, но, идеже начася, докочав, другую страну [листа] начинати [вклейка: Того ради и не леть на ину строку преносити. Такожде и о слитных да разумеется, ибо и тыя слога не составляю[т], но елико их будет писмен под единым суть слогом, яко: пой, стой, достойная и сей, твой, лей, лий, ей и прочая]». Комментарий к употреблению «прилагательного» глагола «чту» на л. 88 об. сопровождается пометой на полях, уточняющей, о каком действии идет речь: «Я, Иоанн, делаю что? Чту. Иоанн по действию своему [помета на полях: чтения] гл[аго]л приложеный приемлет сеи: чту и чте[т]». Неоднократно на полях рукописи или в конце страницы приводятся варианты грамматических дефиниций: «Уравнение есть: имены прилагателными, могущими уравняться, по степенем уравнения между вещи разнство случая указание. [На полях: Уравнение есть наречение имене приравнение[м] единых к другою]. [Притисано в конце: Уравнение есть по известны[м] степене[м] имене прилагателнаго в конце изменение: напри/мер/: красныи, и про[ч].]» (л. 47). Аналогичные уточнения и дополнения Ивана Иконника имеются и к тексту, написанному 2-м почерком: «Вид есть первоположенных вещи и [зъ]явление и производных разделение. [На полях: Вид есть первообразнаго и производнаго речения различии]» (л. 59); «Тогда, егда четвертаго склонения на двоегласное -ей приемлет: яко Андрей, иерей, Елисей, о[т] нихъже происходи[т]: Елисеев, иереев, Андрее[в]. [На полях: ей — двогласне по-гречески]» (л. 61).

Никаких сведений об Иване Иконнике обнаружить не удалось. Тем не менее некоторые предположения об обстоятельствах появления его грамматического трактата и, вероятно, о месте проживания книжника (или о его происхождении?) могут быть сделаны на основании использованного им иллюстративного языкового материала. Наше внимание привлекли приведенные Иваном Иконником на л. 40 примеры имен собственных — названия городов: Москва, Ямполь, Стародуб, Кромы; сел: Ставрово, Деменка, Случонки, рек: Волга, Сура, Днепр, Сожь, Ипутъ и проч. Этот выбор нельзя считать случайным, достаточно вспомнить аналогичные примеры в Грамматике Мелетия (Смотрицкого): если в первом издании, вышедшем в Евье в 1619 г., назван город Вильно (л. 20 об.), то во втором, опубликованном в 1648 г. в Москве, вместо Вильно указана Москва (л. 76 об.).

Следуя современным картам, мы отметили регион, подробно описанный Иваном Иконником: Днепр, его приток река Сожь, притоком последней оказалась река Ипуть, в этом районе находится и город Стародуб. На современных картах в этом же районе есть населенный пункт Деменка, но нет села Случонки. Города Кромы и Ямполь и сейчас расположены неподалеку от Стародуба (южная часть Брянской области, север Сумской области Украины, юго-запад Орловской области). Нами было принято решение привлечь к исследованию карты XVIII в., чтобы уточнить, как та же территория отражена на них (возможно, для иллюстрации автор выбрал географические названия, указанные на доступных ему печатных картах). Оказалось, что интересующий нас регион был впервые картографирован в 1745 г.¹²: обозначен регион Стародуб — Кромы (оба города к северу от Новгорода Северского), южнее — город Ямполь. Однако отмеченные в данном атласе гидронимы не соответствуют ни реалиям настоящего времени, ни описанию Ивана Иконника. В частности, большая часть реки Сожь в атласе названа Днепром, а река Ипуть (приток реки Сожь) обозначена как Сочь. Почти все указанные Иваном Иконником топонимы (совпадающие с современными) присутствуют в атласе 1792 г.¹³ В нем мы обнаружили названное в ГИ село Деменка на реке Ипуть, недалеко от слияния последней с рекой Сожь. Таким образом, наше предположение о том, что выбор топонимов в ГИ не произволен, подтвердилось. Представленные в перечне Ивана Иконника города (Стародуб, Кромы, Ямполь), реки (Днепр, Сожь, Ипуть) и село Деменка расположены в окрестностях Стародуба, хорошо известных книжнику. На этот же район указывает и еще один пример из ГИ: на л. 62, говоря об именах «вида отечественного», Иван Иконник приводит формы «стародубин, стародубец».

Стародуб и его окрестности в XVII–XVIII вв. входили в Стародубский полк. В описаниях Стародубского полка в XIX в. А. М. Лазаревского мы обнаружили еще одно название, употребленное Иваном Иконником, — Случонки, которое объединяет ряд деревень и сел (Случок, Хмелевка, Суходолье и др.), расположенных по берегам реки Случанки¹⁴. Эти деревни стали самостоятельными населенными пунктами в середине XVIII в., ранее они составляли одну территориально-административную единицу — Случонки. В работе Лазаревского содержатся также сведения о селе Деменка¹⁵, позволяющие объединить рассмотренные выше топонимы с тремя другими, упомянутыми в ГИ, — селом Ставрово во Владимирской области и реками Волгой и Сурой, место слияния которых находится в Нижегородской области.

Часть территории Стародубского полка, обозначенная в ГИ, с 1669 г. являлась местом компактного проживания бежавших из Москвы старообрядцев. «У період із 1684 р., коли були засновані слободи Деменка та Єленка, до 1710 р. на Стародубщині виникло 16 поселень старовірів»¹⁶. На рубеже XVII и XVIII вв. жители Стародубья поддерживали тесные контакты с расположенным неподалеку Ветковским старообрядческим центром (на территории современной Гомельской области Белоруссии). Число старообрядческих слобод было особенно велико в Стародубье в правление Петра II (1727–1730 гг.) и Анны Иоановны (1730–1740 гг.)¹⁷. Рядом с селами

создавались старообрядческие монастыри, например Успенский и Покровский. На той же территории (хотя и вне прямой связи со старообрядцами) упоминаются другие монастыри, например основанный в 1720-х гг. Суражский (Волосовицкий) мужской Благовещенский монастырь на реке Ипать, закрытый при Екатерине II¹⁸. Рост числа последователей «старой веры» в Стародубье в 1-й четверти XVIII в. связан с разорением властями другого старообрядческого района — на границе современных Владимирской и Нижегородской областей вдоль реки Керженец, протекающей между местом впадения Суры в Волгу и районом, где расположено село Ставрово. После разорения этого центра керженские староверы переселились в Стародубье¹⁹.

В исторических описаниях Стародубья содержатся сведения о высоком уровне грамотности населения (преимущественно старообрядческого), о развитии книгописания. Этому способствовало и влияние ветковских монастырей — крупных центров книжности и иконописания, и широкая антистарообрядческая деятельность, осуществлявшаяся в регионе властями, которая требовала от старообрядцев развернутого обоснования своей позиции. В Стародубье были созданы такие старообрядческие полемические сочинения, как «История о бегствующем священстве» Ивана Алексева²⁰, «100 вопросов о кресте», выступающее в делах Синода как сочинение «Михаила Григорьева, климовского жителя, по профессии иконника, приятеля Ивана Алексева»²¹. О высоком образовательном уровне стародубских староверов свидетельствуют слова ветковского летописца, что он «вместе с Иваном Алексевым “самоучкою” изучал Граматику и Риторику с Диалектикой Лихудиевы»²². Действовавшие в крае православные миссионеры стремились бороться со «староверием» с помощью развития школьного дела. Одним из наиболее активных антистарообрядческих деятелей 1-й половины XVIII в. был Нижегородский епископ Питирим († 1738 г.). Выходец из стародубских староверов, он после присоединения к православной Церкви стал одним из распространителей образования в Нижегородской епархии, основав там в 1721 г. школу при архиерейском доме²³. Сподвижник епископа Питирима Иосиф (Решилов), также выходец из старообрядцев, был послан Синодом проповедовать среди стародубских староверов²⁴. Для осуществления своей миссии Иосиф просил Синод выдать ему: «7) Лексикон словенской, киевской печати; 8) Алфавит азбучной, письменной; 29) Барония; 34) Граматику московскую; 52) Регламент»²⁵. О значимости сочинения Цезаря Барония для антистарообрядческой пропаганды речь пойдет ниже, остальные же книги, включая «Духовный регламент», содержащий распоряжения об обязательном школьном обучении детей, свидетельствуют о намерении организовать учебный процесс. Действительно, в период пребывания Иосифа (Решилова) в Стародубье были открыты школы, в частности, есть сведения о созданной в 1720 г. школе св. Иоанна Предтечи²⁶.

Приведенные факты позволяют предположить, что грамматическое сочинение Ивана Иконника было создано в Стародубье в старообрядческой среде. Подтверждением этому служат использование в сочинении написания «Іс» под титулом (например, л. 31), полууставные почерки, указание даты написания трактата от сотворения мира.

Материалы для своего труда Иван Иконник черпал из различных источников, некоторые из них упомянуты в ГИ, автор рекомендует обращаться к этим сочинениям за дополнительной информацией: «До внимае[т] во оныя Грамматики, яже во учение и[з]данны суть» (л. 102 об.), «прочая же да созерцаются в Лексиконе и в Грамматике в четвер[ть], изданной при Иосифе патриарсе» (л. 30). Под Грамматикой в четверть, изданной при Патриархе Иосифе, имеется в виду московское издание Грамматики Мелетия (Смотрицкого) 1648 г. (далее — ГМ). Следует отметить, что эта ссылка дана в разделе «Орфография», написанном с опорой на ГМ. Под изданными Грамматиками помимо ГМ, вероятно, подразумеваются Грамматики Федора Поликарпова 1721 г. и Федора Максимова 1723 г., а под Лексиконом — «Лексикон треязычный» Федора Поликарпова 1704 г.

Ориентация Ивана Иконника как на указанные им сочинения, так и на другие тексты, требующие атрибуции, проявляется не только в вопросах грамматической систематики или приведения языкового материала. Привлекая широкий круг источников, Иван Иконник обосновывает необходимость и важность изучения грамматики. Этому посвящены 2 предисловия к ГИ: «О Грамматике, неким уч[е]н[и]ком во дни учения своего в навывание свое и изволяющи[x] написанной ле[та] 7241-го, предисловие» и «О ч[ес]ти, силе [же] и пользе книг учения» (л. 1–15), содержащие многочисленные цитаты и реминисценции. Проведенное исследование позволило установить сочинения, на которые опирался Иван Иконник при создании предисловий к ГИ.

Предисловия к ГИ обнаруживают непосредственную зависимость от ГМ. В первом предисловии прослеживается влияние заключительной части предисловия и послесловия к ГМ. Второе предисловие к ГИ зависит от основной части предисловия к ГМ. Заключительная часть предисловия к ГМ — «Похвальная словеса сея бл[а]женныя и с[вя]тыя книги Грамматики, да не не рекутся, яко бы от лица ея быти реченным» (л. 40 об.— 44) представляет собой фрагмент «Сказания о семи свободных мудростех»²⁷, в котором персонифицированная Грамматика рассказывает о себе, подчеркивая свою роль как начала всех наук, «ключа», отверзающего «дверь разумения» (л. 41), и являя себя как дар Божий («Б[о]жие дарование нарицатися хочу» (л. 40)), ниспосланный всем «тщасимся и желающим» (л. 43). Дословная цитата из «Похвальных словес» — апология грамматики — приведена Иваном Иконником в начале 1-го предисловия:

ГИ	ГМ
Ничто же во уме своем бл[а]го что обрящет, аще не познав и не уразумев мене (л. 1 об.)	Сего ради никто же во уме своем благо что обрящет, аще не познав и не уразумев мене (л. 41).

В соответствии с принятой в первом предисловии к ГИ формой изложения от первого лица преобразован другой заимствованный фрагмент, который основан на вводной части статьи «С[вя]т[о]го Иоанна Дамаскина о осмих частех слова, елика пишем и г[лаго]лем». Скорее всего, и в данном случае

Иван Иконник мог ориентироваться на предисловие к ГМ, которое включает введение к «осмочастию» (л. 17 об.— 18) с подзаголовком: «От книги преподобного о[т]ца Иоанна Дамаскина». Это предположение подтверждают ссылки на полях ГИ, демонстрирующие, что, излагая начало статьи «О осмих частех слова» (ссылка «Иоанн Дамаски[н] на Грам[м]атику») и цитируя «Похвальные словеса...» (ссылка «таможе»), Иван Иконник пользовался одним и тем же источником, т. е. ГМ. Ср.:

ГИ

Прежде всего бытия Создате[ль] излия мя, и ч[е]л[ове]к еще не бы[сть], аз пре[д] Вышним служах. А егда в плоти Слово процвете и умныя д[у]ши силы, тогда аз явихся (л. 1 об.).

ГМ

По Б[о]жию образу созданному ч[е]л[ове]ку и слова почтенному саном, сего части, имиже состоится, не бе[з] учения оставити потреба. Аще бо и кроме сих в д[у]ши состоится слово, якоже учат б[о]гоноснии о[т]ци, но ко второму рождению плоти, еже устами и гласом из[ъ]являему и прочими сего орудми плоти, тогда и частей к составлению требует. Кроме бо сих из[ъ]яснити о нихже слово немощно (л. 17 об.— 18)²⁸.

К «Похвальным словесам» восходят также рассуждения Ивана Иконника о многоуровневой структуре грамматики («писмена → слоги → слова») и осмысление ее постижения как последовательного восхождения от одного уровня к другому:

ГИ

Темже и начало свое Грамматика от писмен иматъ, начертанием убо сих и слогами и речении [*на полях*: составляющися], провождающе и во[з]водяще учащагося до естественнаго познания словесе и в нем таящагося разума постижения. Ихъже ради и книга сия наречена бысть Грамматика (л. 2).

ГМ

Якоже древнии Понамид и иже древних лет случашаяся обрете мудрый Промефеус, с нима же и Комид — сии бо начертанием мя во еллинох составиша, и тростию назнаменаша, и писмена, рекше буквицу, собраша... И таковыми писмены слоги счинити умыслиша, якоже рещи: по, или до, или ба. И таковым по согласию со ударением снемшимся, г[лаго]л являют, якоже рещи: подобаше. Или некую от осми едину часть объявляет и, частем по разуму съшедшимся, уставно слово составляет. Якоже рещи: больши всех есть добродетелей любовь. И тако мною составляхуся вся чиновныя статии, и съплетаемыя

стихи, и начинаемая главы, и накончаемая свитки, и вся прочитаемая книги. И таковыя ради вины Грамматику мя нарекоша (л. 41 об.— 42).

Из послесловия-резюме ГМ (л. 387 об.— 388) Иван Иконник заимствовал истолкование термина «грамматика», сопровождаемое этимологическим анализом, и определение грамматики как первой из наук, без знания которой освоение других невозможно:

ГИ

Грамма бо по-еллинскы есть писмо или писание г[лаго]лется, откуду же грамматика писменница, или писанием учителница, есть и наричется (л. 2–2 об.).

Она первая есть наука прочих наук... Она есть дверь и лествица на возшествие високаго разума, и никто кроме ея и прочим наукам бл[а]голепно взыти может. Аще же кто ко иным бе[з]сея наукам приити дерзает или в писании хошет что изследити, аще бы кто и преимея разумом был, всячески погрешит: и рито[р], и философ посмеян будет. Како бо кому мощно на вышния степени взыти, первых не причастившуся? Или како ра[з]решити возможно творческия в писании обретаемая силлогисмы, паче же писати, и читати, и г[лаго]лати добре, аще не сеи кто прежде приобщитя? (л. 3–3 об.).

ГМ

Сию книгу, г[лаго]лемую Грамматику, еже есть писанием учителницу, грамма бо от еллин писмо или писание г[лаго]лется (л. 387).

Сию книгу, г[лаго]лемую Граматику... первую от седмех наук свободных... еюже и к прочим, аще кто восхошет, яко дверию бл[а]голепотне и безтрудне возшествие сотворит. Без сея бо приходити дерзая кто к сим или и в писаниих покушаяся изследити, аще и зело преимея разумом будет, всячески погрешити имать. Како бо кому взыти возможно на последния степени, первых не причащшуся? Или како разрешити возможно в писаниих обретаемая творческия силлогизмы, паче же писати, и читати, и глаголати добре, аще не сеи кто первее приобщився? (л. 387–387 об.).

Совпадения с основной частью предисловия к ГМ (л. 1–40 об.) обнаруживаются во 2-м предисловии к ГИ. Как и предисловие, составленное московскими редакторами ГМ Михаилом Роговым и Иваном Наседкой, предисловие Ивана Иконника подчинено задаче обосновать необходимость «учения грамматического» как средства постижения богооткровенной истины. Иван Иконник использует ту же систему аргументации важности книжного учения, которая представлена в ГМ: в качестве доказательств значимости грамматики в обоих текстах приведены цитаты из Священного Писания, творений отцов Церкви и житий святых. Примечательно, что, апеллируя к авторитету Священного Писания и предания, Иван Иконник опирается на те же цитаты,

которые содержатся в предисловии к ГМ. Так, например, в ГИ приводится дважды повторенный в ГМ фрагмент из Евангелия от Иоанна:

ГИ
 ...Не Сам ли С[ы]н Б[о]жии повелевая г[лаго]лет: «Испытайте писание» [Ин 12. 50] (л. 10).

ГМ
 Сам убо Г[оспо]дь рече, Сп[а]ситель наш и Б[о]г, яко Иоанн ева[нге]-лист свидетельствует: «Испытайте писания, яко вы мните в них имети живот вечный» ([зач.] 17) [Ин 12. 50] (л. 1).

Великии же Анастасии Синай-ский паки глаголет, яко Хр[и]стос Б[о]г наш учит ны, глаголя: «Испытайте писания и в них обрящете живот вечный» (Иоа[нн. зач.] 17) [Ин 12. 50] (л. 38).

Следующая за данной цитатой фраза в ГИ также демонстрирует близость к ГМ:

ГИ
 Ты же вопреки г[лаго]лещи: «На что испытovati?» (л. 10).

ГМ
 Сице убо глаголют таковии, иже в писаниих б[о]жественых словес разуму не прилежащее, паче же и мнози, яко несть нужда, еже испытovati писания и учения многа (л. 34 об.—35).

Иван Иконник включает в свое предисловие, частично цитируя, частично пересказывая, входящий в ГМ отрывок из Беседы свт. Иоанна Златоуста на Послание апостола Павла к Римлянам²⁹:

ГИ
 Неси ли чел николи же, яко зло есть не поучение книг: отгуду нерадивое жительство, и воли Б[о]жия презрение, и всяк еретический недуг возрасте. Поистинне вем, яко [на полях: запрещающий] учатся разума не своею, но диаволею кознию сице глаголю[т], ибо запрещаю[т]. Диавол весть, яко, идеже незнания учения, тамо незнание его козни (л. 10).

ГМ
 И паки той же во еже от Матфеа [Евангелии]. Велико убо зло, еже не ведети писания, и, якоже скот безсловесен, обносится. Ибо от сего бесчисленная зла раждаются от неведения писании. От сего лютии еретический возрасте недуг, от сего небрегомая и неисправленная жития, бесприбытка труди, помрачение души, дияволя прелесть (л. 39–39 об.).

В некоторых случаях можно предположить, что Иван Иконник прибегал одновременно к двум источникам. Так, например, в предисловие к ГИ включено начало 6-й главы 4-го Слова книги «О священстве» свт. Иоанна Златоуста (с ссылкой на полях «Зла[тоуста] книг[и] “О с[вя]щ[енстве]” Сл[ово] 4»), в котором содержатся 2 цитаты из 1-го Послания апостола Павла Тимофею [1 Тим 4. 13; 4. 16]. Книга свт. Иоанна Златоуста «О священстве» была издана на Московском печатном дворе 5 августа 1664 г.

ГИ

Сицева учения изкушена познаваем быти и б[о]ж[ес]твеннейшаго Павла ап[осто]ла, егоже ради да удивление многим бысть. О чем поучаше и Тимофеа, уч[е]н[и]ка своего, г[ла]голя: «Внимаи чтению, учению... Сие бо творя, себе сп[а]сеши и слушающихи[х] тя» [1 Тим 4. 13, 16] (л. 6 об.).

Свт. Иоанн Златоуст.

«О священстве»

А яко убо многое той [апостол Павел] творяше о слове учительства тщание, от сих явленно есть. Глава 6.

Послушай убо, и ученику что вещает, посылая: «Внимаи,— рече,— чтению, утешению, учительству». И иже от сего плод прилагает, гл[агол]я: «Сие творя, и себе сп[а]сеши и слушающихи[х] тя» [1 Тим 4. 13, 16] (л. 101 об.).

Первая цитата [1 Тим 4. 13] дважды фигурирует и в предисловии к ГМ: «Такоже и Павел ап[осто]л, к Тимофею пиша, г[ла]голя: “Внемли чтению, утешению, учению”» (л. 39 об.). Обращает на себя внимание, что использованная Иваном Иконником словоформа «учению» находит соответствие именно в цитате из ГМ («учению»), а не в книге «О священстве» («учительству»).

Очевидна ориентация Ивана Иконника на агиографический цитатный блок предисловия к ГМ (л. 1 об.— 17), представляющий собой «парадигму учености», в которую включены имена отцов Церкви — великих каппадокийцев — и связанных с ними лиц³⁰. Большинство этих святых, овладевших «грамматической премудростью», названы и в предисловии Ивана Иконника: в ГИ пересказан фрагмент Жития свт. Василия Великого, процитированный в ГМ по Великим Четьям-Минеям³¹, и перечислены имена святителей Григория Назианзина и Афанасия Александрийского, преподобных Исидора Пелусиота, Иоанна Дамаскина и Космы Маюмского:

ГИ

Сицеваго ради учения и Василий Великий до Афина вшед, и 15 ле[т] хлеба не вкуси, но точию мало восприемля сурова зелия, дондеже все риторское философское учение проиде (л. 6 об.).

ГМ

И Василии Великий во Афины прииде равнаго ради тому наказания. Положи в ср[д]ци своем не вкусити хлеба и вина, дондеже от вышняго промышления разумеет Б[о]ж[ест]твенныя прем[уд]рости неизреченныя. Пребысть же во училищих 15 лет, и всю еллинскую мудрость проше[д]

С[вя]тыи Григории Назианзин многа лета учения ради пребысть... Недостанет бо ми коегождо сих различне описати, елико кто к сему тщание возыме, елико кто теплою любовию всем учению труды показа и в нем до презрения самых себе пребываше, якоже: Афанасии Александрийский, Феодор Студит, Исидор Пилусиот, Иоанн Лествичник, Иоанн Дамаскинский, Августи[н], Козма Маиумский и друзии мнози (л. 6 об. – 7).

Завершение перечня отцов Церкви также напоминает аналогичный пассаж из предисловия к ГМ:

ГИ

Оставляю прочих о[те]ц и мужей бл[а]гочестивых, учения многая прошедших, ихже творения книги любезно и бл[а]гочестно Црк[о]вь Б[о]жия почитает (л. 7).

ГМ

Но убо и не сии точию, ихже с[вя]тых и б[о]гоносны[х] о[те]ц наших и учитель zde вкратце имена помянухом к ревности хотящим учения и уподобитися сим, но ини мнози от с[вя]тых пр[е]п[одоб]ных мужь и учитель и мученик во учении б[о]жественных писании упражнение творяще (л. 19–19 об.).

Развивая идеи Михаила Рогова и Ивана Наседки, Иван Иконник расширяет «парадигму учености» экскурсом в историю школьного образования от Нововавилонского царства в VII–VI вв. до Р. Х. до Византийской империи в XII в. Этот экскурс является компиляцией двух исторических трактатов: «Хрисмологиона» Николая Спафария и «Деяний церковных» Цезаря Барония. Из этих сочинений Иван Иконник отобрал факты просветительской деятельности правителей (ветхозаветных царей, византийских императоров, французских королей), а также сведения о людях, прославившихся своей ученостью.

«Хрисмологион, сиречь Книга, глаголемая пререченнословная» (1672 г.)³², созданный Николаем Спафарием с учетом одноименного труда Паисия Лигарида (1656 г.), содержит толкования на Книгу пророка Даниила. Изъясняя видения пророка, Спафарий излагает историю «четырех монархий»: Халдейской, Персидской, Греческой и Римской. Это сочинение было создано как «визитная карточка» автора, свидетельствующая о его учености.

логион» более других трудов Николая Спафария имел успех и еще при жизни автора переписывался, почти всегда целиком, в десятках экземпляров (известно более 40 списков, близких ко времени написания «Хрисмологиона»)³³. Иван Иконник приводит цитату из предисловия-посвящения царю Алексею Михайловичу, по повелению которого и был создан «Хрисмологион»³⁴, об учреждении «словесных училищ» в Вавилоне и Византии:

ГИ

В первой монархии Вавилонстей, или Халдеистей, великий Науходоносор ц[а]рь в Вавилоне словесная училища имяше, идеже и Даниил и трие отроцы учияся. Науходоносор же таково тцание о сем имяше, яко и самому между ими сидящу совопрашиватися, о чем Даниил во главе 1-й пишет. От сицева Науходоносорова приклада мнози ц[а]рие во учении устремшася, а наипаче Лев ц[а]рь, ц[а]р[с]твуяи во Ц[а]риграде, многим иждивением училища составль, рече: «Да бы в мое время иждивение, войны ради бываемое, во учение и[э]нурялося» (л. 6). [*Напротив текста помета: Хри[с]мологион пред[и]слобие*].

«Хрисмологион»

Во первой монархии, Вавилонской, или Халдейской, великий Навуходоносор в Вавилоне училище имевше, в немже юноши вси мудрости халдейстей научишася, яко Даниила и триех отроков на тое учение вдаде. И сицевое тцание имееше, яко и сам назираше учение их и с ними глаголаше, яко Даниил в 1-й главе свидетельствует. От такового прилога Навуходоносорова многие царие в учение устремшася, и наипаче Лев царь, иже во Цареграде многим иждивением училище состави и сице рече: «О, если бы в мое время иждивения, яже войны ради чинятся, вся во учения дела потреблены быша!»³⁵.

Ссылка на второй исторический трактат дана в предисловии к ГИ на л. 7 об.: «пише[т] Баронии» и на полях л. 7: «Баро[нии]». Речь идет о сочинении кардинала Цезаря Барония «*Annales ecclesiastici*», содержащем обзор истории христианской Церкви за 12 веков. Трактат был переведен в России в XVII в. с сокращенного изложения по-польски Петра Скарги и издан в Москве в 1719 г. (полное название: «Деяния ц[е]рковная и гражданская от Р[о]ж[дес]тва Г[оспо]да наше[го] Ии[су]са Хр[ис]та, из летописаний Кесаря Барония собранная. Преведена с полскаго языка на славенский, кроме явных с Ц[е]рковию православною восточною противностей римских, у Барония и Скарги обретающихся. Повеление[м] же его цар[с]каго пресветлаго величества всерос[с]ийскаго Петра Перваго напечатанная в ц[а]р[с]твующем граде Москве первое лета Г[оспо]дня 1719»). Данный труд как справочник по всемирной истории сразу стал чрезвычайно популярен в России, особенно среди старообрядцев (так, выписки из труда Барония содержатся во всех «Цветниках» беспоповцев). Иван Иконник включил в свой исторический экскурс 8 фрагментов из этого трактата, которые, следуя в предисловии друг за другом, образуют единый «цитатный блок» (л. 7–8)³⁶:

ГИ

В лето Г[оспо]дне 415 во Алек-
сандрии граде бяше Ипатиа д[е]в[и]-
ца, зело учения великаго философ-
скаго, хр[ис]тианина сущи, тако, яко
равнаго ей в то время не бе. И вси
ученыя к ней, аки ко учительнице при-
текаху, и оныи Синесий нарицает ю
уч[и]тльницею своею. Бяше дщерь
Фрона философа, в чистоте жи-
вущая, и у всех житием и высоким
зело учением славимая (л. 7–7 об.).
[На полях запись: Прочи[х] же д[е]в,
философскаго учения искусных, ос-
тавляе[м]] (л. 7 об.).

В лето Г[оспо]дне 510 бяше не-
кий преславный и великородный,
зело прем[уд]р Воетий консул. Той,
40 лет во Афинах учася, всеи фи-
лософии научися. А наипаче любяше
Аристотеля, мало в то время знаемаго
у латин, и книги его на латинский
язык трудно и бл[а]гополучно на объ-
яснение преложи (л. 7 об.).

В лето Г[оспо]дне 562 Кассио-
дор преславный уч[и]т[е]ль, в старо-
сти своей не ленился и грамматики
мнихов своих учити и рукою дивная
писмена писати, на доброе и чинное
преписование книг ра[з]личных напи-
са им и учил их риторике, диалек-
тике, мусикии, геометрии и астроно-
мии (л. 7 об.).

В лете Г[оспо]днем 231, пише[т]
Баронии, яко Птоломеи Филадельф,
ц[а]рь египетский, третий по Алек-
сандре, великий любитель книг уче-
ния, собра 500 000 кни[г] слугою сво-
им Димитрием (л. 7 об.).

«Деяния» Барония

Лето Г[оспо]дне 415. Во Алек-
сандрии хр[ис]тиане имаеху со жи-
дами великия бедства и кровопро-
лития, друг на друга находяще... В тех
смятениях убиена бысть Ипатиа
д[е]вица, зело великаго учения фило-
софскаго, христианыня сущи, тако,
яко равнаго ей в то время не бе. И вси
ученыя к ней, аки ко учительнице,
притекаху. И оный Синесий нарицает
ю учительницею своею. Бяше дщерь
Фрона Философа, в ч[ис]тоте живу-
щая и у всех житием и высоким зело
учение[м] славимая (л. 452–452 об.).

Лето Г[оспо]дне 510. Того лета
оный преславный, и великороден,
зело премудр Воетий бе консул. Той,
осмьнадесять лет во Афинах учася,
всеи философии научися, а наипаче
любляше Аристотеля, мало в то вре-
мя знаемаго у латин, егоже книги на
латинский язык с великим тщанием
преложи и великий и бл[а]гополуч-
ный труд на об[ъ]яснение их подъя
(л. 574 об.).

Лето Г[оспо]дне 562. Написа Кас-
сиодор много книг, яже сам исчис-
ляет. Во оной старости своей не ле-
нился и грамматике монахо[в] своих
учити, и рукою дивная писмена пи-
сати, на доброе и чинное преписо-
вание книг различны[х] написа им
и учил их риторике, диалектике,
мусикии, геометрии, астрономии
(л. 656 об.).

Лето Г[оспо]дне 231. Птоломея
Филадельф, ц[а]рь египетский, третий
по великом Александре, любитель
книг и учения, собра от всего мира
иждивением великим книги и препи-
совати я и хранити в своей книгохра-
нительнице повеле, вручив я ученому

В лето Г[оспо]дне 330 Констан-
ти[н]ц[а]рь по создании Ц[а]ряграда
училища и академии созда и библио-
теку велику — до 120 000 книг собра
(л. 7 об.).

В лето Г[оспо]дне 425 ц[а]рь
Феодосии школы, или акедемии, об-
нови и исправи, определяя уч[и]те-
леи и число их. Ради латинскаго языка
и рачения его постави трех риторов,
и десять грамматиков, софистов 5,
философа единаго, и двух законо-
учителей, которых на высокия саны
во[з]водить повеле, егда в том труде
22 лета пребудут (л. 7 об.— 8).

В лето Г[оспо]дне 802 оскуде-
вати начаша свободная учения, не
учахуся, токмо грамматики, ейже и
иереи и еп[иско]пи научаху, но вели-
ким Кароло[м] кесарем везде падшья
школы и учения во[з]двизашеся, по-
неже и уч[и]тлеи на сие не бе, аще
кто и желаше учиться. Он же везде в
м[о]н[ас]тырех и еп[иско]пских до-
мех повеле школам быти, учаху же
грамматикии, мусикии, ариифмети-
ки. В Париже школы в то время на-
чашася и потом подаянием королеи
ра[з]ширяхуся (л. 8).

В лето Г[оспо]дне 1118 кесарь
восточный Алексии Комнин основа
грамматическое учение ради школ-
ников убогих, пищею их и уч[и]т[е]ль-
ми снабдевая (л. 8).

слуге своему Димитрию именован
Фалерию; егоже егда ц[а]рь вопроши,
много ли уже книг собра, отвеща:
«Ц[а]рю, уже их имам двесте тысящ
и скоро потщуся, яко их будет пять-
сот тысящ» (л. 140).

Лето Г[оспо]дне 330. Сего лета
Константин град свой Новый Рим,
или Константинополь, Г[оспо]ду Б[о]-
гу ос[вя]ти в память Преч[ис]тыя
Б[огороди]цы 11 маиа... Созда и учи-
лища, и академии, и библиотеку ве-
ликую собра, в которой бе сто два-
дцать тысящ книг (л. 237 об.— 238).

Лето Г[оспо]дне 425. Школы, или
академию, в Константинополи обно-
ви и исправи Феодосий, определяя
учителей и число их. Ради латинска-
го языка и рачения его постави трех
риторов, и десять грамматиков, со-
фистов пять, философа единаго, и
двух законоучителей, которых на вы-
сокия саны возводити повеле, егда в
том труде двадцать и два лета пре-
будут (л. 468 об.).

Лето Г[оспо]дне 802. Век сей
бьяше зело небл[а]гополучен в сво-
бодных учения[х], не учахуся, токмо
грамматики, ейже и иереи и еписко-
пи научаху. И есть в том великая сла-
ва Карола кесаря, яко везде падшья
школы и учения воздвизаше, понеже
и учителей на сие не бе, аще кто и
желаше учиться. Он же везде в мо-
настырях и епископских домех пове-
ле быти школам, учаху же граммати-
ки, мусикии, арифметики. В Париже
школы в то время начашася и потом
подаяние[м] королей ра[з]ширяхуся
(л. 898).

Лето Г[оспо]дне 1118. [Алексий
Комнин] основа учение граммати-
ческое ради школников убоги[х],
пищею их и учителми снабдевая
(л. 1325 об.).

Обращает на себя внимание тот факт, что цитаты из «Деяний» Барония в ГИ приведены с нарушением хронологического порядка: 415 г., 510 г., 562 г., 231 г., 330 г., 425 г., 802 г., 1118 г. Представляется, что причиной тому могло стать желание Ивана Иконника акцентировать тему женской учености. ГИ была создана в царствование Анны Иоановны (1730–1740 г.), как известно, на трон в это время могла претендовать дочь Петра I Елизавета (императрица в 1741–1761 г.). Поставленный Иваном Иконником в начало данного цитатного блока текст о мудрой и благочестивой девице Ипатии (кстати, отредактированный автором, исключившим слова «убиенна был») должен был подчеркнуть тему женской учености. Этой же цели служили приписки на полях около данной цитаты: «О Екатерине же с[вятее] м[у]ч[е]н[и]ци кто не ведеть, коликаго философскаго учения бяше» (л. 7) и «Прочи[х] же д[е]в, философскаго учения искусных, оставляе[м]» (л. 7 об.).

Не исключено, что идея рассказать о вкладе древних правителей в развитие образования могла возникнуть у Ивана Иконника под влиянием предисловия Федора Поликарпова к третьему, московскому, изданию 1721 г. Грамматики Мелетия (Смотрицкого) (далее — Г1721). В начале этого предисловия отмечаются заслуги Петра I в области просвещения и говорится о расцвете наук в его правление: «Понеже непостижимым промыслом создателя нашего Б[о]га, [в Егоже руке ц[а]рево сердце], изволися любомудрейшему всероссийскому нашему монарху Петру, того имене и дел высоки[х] Первому, чрез неусыпное его ц[а]рскаго величества тщание преславное и православное свое г[осу]д[а]рство, якоже иными военными высокими науками и всякими нужными механическими хитростми украсити и обогатити, тако и седми свободны[х] наук, еллиногреческа и латинска диалектов училищами наполнити, в нихже не точию грамматика, риторика, философия, но и самая теология цветет изобилно» (л. 1–1 об.). Одним из аргументов в пользу такого предположения может служить тот факт, что Г1721 была хорошо известна Ивану Иконнику и активно использовалась им при создании второго предисловия к ГИ.

Из предисловия Федора Поликарпова Иван Иконник заимствовал обоснование необходимости освоения церковнославянского языка при помощи грамматических руководств. В 1-й половине XVIII в. в России продолжал господствовать традиционный, текстологический, способ изучения церковнославянского языка, заключавшийся в заучивании образцовых текстов. Несмотря на действовавшие уже школы, на распространение печатных Грамматик и указы Петра I 1723 и 1724 г. об обязательности обучения, в том числе и молодых монахов, по грамматическим руководствам³⁷, грамматический подход к освоению языка воспринимался как радикальное новшество и поэтому нуждался в защите. Изложение доводов, основанных на предисловии к Г1721, Иван Иконник завершает ссылкой на авторитет печатного издания: «И не наше сие есть слово, но тако есть напечатано видети есть» (л. 11).

ГИ

Суть же неции суть по[д]злаком цветов скрывающе я[д] свои змиин на уязвление просты[х] в разуме. Умягчаю[т] словеса своя паче елея, и та суть д[у]шевные стрелы: учитья тебе [г[лаго]люще], но а[з]буце, Часословцу и Псалтыри, и тако доволно буде[т] на чтение книги — може[т], чтя, в них разумети. Сего ради а[з] вопрошаю таковы[х]: сия пре[д]реченная чему учать, не писмен ли? Еи, точию писмен. Но книги не точию и[з] писмен, но и и[з] разума составишася. И иная есть писмена, и ина в писменах лежащии разум. Сего ради научивыися писмен учитья требуе[т] и разума [писмен]. Аще ли ни, то како, по вас, без разума писмена буду чести? Исти[н]нии бо разум писмен учение е[сть] грамматики, тако в писмина[х] сущее ведению тщущему препода[ет], наставляет и вся по естеству ра[з]бирае[т]. Бе[з] сея же, чтяи, аще и преимея разумом буде[т], всячески погрешник. И не наше сие есть слово, но тако есть напечатано видети есть (л. 11 об.).

Г1721

Яко издревле российским детоводцем и учителем обычай бе и есть учитьи дети малыя вначале азбуце, потом Часословцу и Псалтыри, таже писати, по сих же неции преподаю[т] и чтение Ап[осто]ла. Возрастающих же препровождают ко чтению и с[вя]щенныя Библии и Бесед ев[анге]лских и ап[осто]лских и к разсуждению высокога во оных книгах лежащаго разумения. А истаго на таковое разсуждение орудия [еже есть грамматика] оным напред не показывают, по чему бы всякое речение, и период, и все слово разбирати, и в подобающий чин разполагати, и кремую в нем силу разума ра[з]суждати... (л. 2 об. — 3).

По совершении же грамматики трудолюбивый тцатель вникне[т] и сам во чтение С[вя]щеннаго и б[о]ж[ес]твенных книг Писания с лучшим и яснейшим понятием (л. 4—4 об.).

Определения грамматики как «основания» всех наук и «орудия» постижения Священного Писания могли быть известны Ивану Иконнику и из предисловия к Г1721, и из предисловия к Грамматике Федора Максимова «Грамматика славенская въкратце собранная в греко-славенской школе, яже в Великом Новеграде при доме архиерейском» (СПб., 1723):

ГИ

Ибо грамматика есть ч[ес]тнейшая и дражайшая наука и наука всех наук, основанием, аки с[о]лнце пресветло, умы ч[ел]ове[к] просвещающа, вся словесная мастерски ищет пораждати (л. 11 об. — 12).

Г1721

Грамматика есть всех наук основание... Грамматика есть дражайшее паче иных свободных наук знание... Убо сие учение паче всех преславнее есть, ибо показывает путь к прочних вниманию (л. 3).

Грамматика
Ф. Максимова

Сия [грамматика] во всех школах, яко прочних наук основание, люботцателем первее преподается (с. 2).

Не зрите ли, како ни малое художество бе[з] приличных орудий не може[т] [*на полях*: совершенства] своего достигнути. Коль паче вещь, всех вещей дражайшая, книжное чтение, бе[з] орудия, наставления не совершается (л. 11 об.).

И, тако читающе по своему ра[з]суждению, мнози о вере погрешаши и до ныне погрешают, впадающе в свое суетное мнение и не знающе осмочастного чиноразположения, аще и разумеют. Яко и последнему малоценному рукоделию бе[з] приличного орудия не мощно своего совершенства получитьи, колми же паче высоту и глубину книжных премудрости [еяже ничто потребнее и честнее в житии ч[е]л[ове]ку] бе[з] приличного ей орудия невозможно разумети (л. 2 об.— 3).

Аще не бы кий-либо художник имел потребных орудий к своему художеству, не бы могл добре своего совершенства сотворити... И сия убо: аще в видимы[х] действиях без орудия, наставления и искусства тщетна, трудна и бедственна, колми паче в С[вя]щенном Писании, яже есть мудрости глубина и высота (с. 1).

Возможно, предисловие Максимова послужило для Ивана Иконника не только ориентиром, но и объектом имплицитной критики. Грамматика Максимова представляет собой сокращенную редакцию Грамматики Мелетия (Смотрицкого). Основной принцип, которым руководствовался Максимов при сокращении текста-источника, был сформулирован им в предисловии: «Сей убо нужде, тако належащей, предсудися за употребление краткости, вопросо-ответное грамматических частей определение оставити, доволну сему в прежде изданных Грамматиках зрящуся и требующих удоволствовати мощу. Сие токмо в сей сокращенней Грамматике положися, еже грамматического знанию разума нужнейшее есть» (с. 3–4). Таким образом, Максимов отказался от вопросо-ответной формы изложения материала и устранил теоретическое описание, оставив лишь парадигмы. Иван Иконник, напротив, считал, что усвоению грамматики способствует «беседословная» форма: «Мне же, намале сея пречестнейшия сладости вкусившу, и едва свету озарения тоя причастившуся, и токмо прислышателю искусных ра[з]говоров бывшу, для ра[с]тле[н]ныя моея памяти и прочи[х] неведущих [*запись на полях*: якоже свойственно уч[е]н[и]ком] восхотех сию беседословию начертати... Ибо мнози суть ведения сея требующе, но за скудное уч[и]т[е]леи тще бывает. И сею виною движим, поелику ми случися разумети силу тоя, судив а[з], скудоумныи, к памяти своей и требующим сея зде образом беседословным пре[д]ложити» (л. 4–4 об.).

В предисловии к ГИ выявлены интерполяции из «Сказания, како состави святыи Кирилл Философ азбуку». Как известно, «Сказание...» представляет собой одну из редакций трактата «О письменех» черноризца Храбра, созданного в конце IX — начале X в. В этом сочинении не только излагается история создания славянской азбуки, но и содержится опровержение «триязычной ереси»: доказывается, что славянский алфавит не хуже греческого,

еврейского и латинского, восходящих в конечном счете к одному источнику — алфавиту сирийскому, и на славянском языке, так же как и на традиционных языках Священного Писания, возможно выражение богооткровенной истины. «Сказание...» часто использовалось славянскими книжниками для обоснования закономерности возникновения, а главное, «богоугодности» славянской письменности. «Сказание...» было включено Иваном Федоровым во второе издание Азбуки (Острог, 1578 г.), вошло в Букварь, изданный в Остроге в 1590 г., затем практически во все дошедшие до нас буквари XVII в.³⁸ Известны рукописные грамматические трактаты XVII в., где «Сказание...» используется как предисловие (например, ГИМ, Синод., № 938).

Иван Иконник продолжает традицию обращения к «Сказанию...», включая во второе предисловие к ГИ повествование о сотворении Богом сирийского языка и о смешении языков, а также дословную цитату из «Сказания...» о «специализации» народов³⁹:

ГИ

Темже недалече Б[о]г сие знание отведе, но в первом роде прао[т]-ца нашего Адама с[ы]ну третьему Сифу бл[а]говолити на сирском языке десять писмен выразишати (л. 5 об.). Сего ради грядущему роду два столпа устроивше с воображением наук б[о]гооткрове[н]ных. Но за еже ч[е]-л[ове]ко[м] ра[з]делитися на языки, и хитрости на кийждо язык разделишася: египтяном убо землемерие, а еллином грамматикиа, риторика и философия дадеся (л. 5 об.— 6).

«Сказание, како состави
святый Кирилл Философ азбуку»

Не сотвори Б[ог] жидо[в]ска языка прежде, и ни еллинска, ни римска, но сирский, имже Адам г[лаго]ла. И от Адама до потопа тои ся язы[к] гл[аго]лаше. И по потопе раздели Б[ог] языки при столпотворении, яко[ж] пише[т]. Размешено же языком, и якоже языци ра[з]месишася, тако и нрави, и обычаи, и уставы, и закони, и хитрости на коиждо языки: египтяном убо землемерие... еллино[м] же грамматикиа, риторика и философия⁴⁰.

Что же касается рассуждений Ивана Иконника о причинах и целях создания письменности вообще, о ее божественном происхождении, то, скорее всего, они восходят не к самому «Сказанию...», а к развивающим его отдельные сюжеты сочинениям «Написание языком словенским о грамоте и о ея строении...» и «Беседа о учении грамоте, что есть грамота и что ея строение...». В этих произведениях, обнаруживающих текстуальную близость, «грамота» интерпретируется как средство общения твари с Творцом, необходимость в котором отсутствовала у еще безгрешного Адама, поскольку он пребывал «купно с Б[о]гом»⁴¹. Грехи же, отделив человека от Бога, лишили его возможности «явственно Б[о]га видети и от С[вя]т[а]го Б[о]жиа Д[у]ха просвещатися»⁴². Однако Господь, умилосердившись о Своем создании, даровал людям грамоту, призванную восстановить утраченную связь и тем самым не лишить людей спасения.

ГИ

Исперва прао[те]ц наш Адам в нетленном разуме агг[е]льски пребывая, не требуя посре[д]ствующее что, доко[ле] ему Б[о]га знати, ума бо единого ч[ис]тота до еже с Б[о]го[м] соединитися довляше ему. Егда же данную в раи заповедь преступль, лишися б[о]говидныя ума ч[ис]тоты... И вне рая ему сущу, в долняя незнания отводити[сь] и от мятежеи, аки от облак же мног, сиянию оному н[е]б[ес]ному от ума его нужда бысть отиматися. Обаче нераскаянно есть о человечестем естестве Б[о]жие устройство, сего ради не презре оно, но вторыми уже посторонними вещми, аки вторыми руково[д]ствами, положи наставлятися, да всячески наше естество во оно устремляется паки, в неже бытие от Б[о]га получи. И сея ради вины велия бысть нужда отверсти ум наш в познание писмен. Темъже недалече Б[о]г сие звание отведе... (л. 5–5 об.)

«Написание языком словенским о грамоте и о ея строении...»

Сея ради вины грамота состроена, яко[ж] Б[о]г созда[л] и бл[а]госло[в]ил ч[е]л[ове]ка животна, плодна, словесна, разумна, смертна, ума и художества приатна, праведна и безгрешна... И по безгрешию ч[е]л[ове]чю явьственню Б[о]г с ним пребываа и беседау лицем к лицу, и Д[у]ху С[в]я[т]ому Б[о]жию г[ла]голющу с ни[м] усты к усто[м]... И егда нача[т] ч[е]л[ове]к плодитися и умножатися... и тогда нача[т] ся множити злоба в человецех и недостойнства... И егда зело умножилася злоба в человецех, и изногоша от нея человецы, и недостойны быша явьствено Б[о]га видети и от С[в]я[т]а[г]о Б[о]жиа Д[у]ха просвещатися... сия видеи, Б[о]г и м[и]л[осе]рд[о]ва о человечесте[м] роде... но вся на разум приводя и на спасение, яко Б[о]г м[и]л[ос]тив, бл[а]говолити на се состроити грамоту, и, сея навикше, да поне воспоминают си[м] прежняя пребывания Б[о]жиа бл[а]говоления и известны буду[т] истине... И да не ведающей Б[о]га сим Б[о]га уведя[т]... И да не знающей Б[о]га сим Б[о]га познаю[т] и вся преданная Б[о]го[м] в разуме стяжу[т]. И тоа ради вины грамота состроена, да искуснее буду[т] ч[е]л[ове]цы и не удаляются от Б[о]га⁴³.

«Беседа

о учении грамоте, что есть грамота и что ея строение...»

Тоя ради вины состроена бысть грамота, понеже прекрепкии Г[ос]подь в Тр[ои]цы славимыи Б[о]г н[а]ш сотворил ч[е]л[ове]ка исперва по образу Своему и по подобию... и дал ему стяжати прем[уд]раго разума, си[р]ечь ум. И без страсти и кроме греха ч[е]л[ове]к пребываше кущно с Б[о]гом, и Б[о]г с ним... И по неколице[х] лете[х] и времени от неприязненна действия начат расти и множитися злоба и удалишася человецы от Б[о]га, и не сподобилася Б[о]га видети... и пребываху много лет в неведении... Прем[и]л[ос]тивии же Б[о]г, милуя создание Свое и не хотя видети в таковом неведении ходяща дело руку Своею, и того ради Д[у]х[ом] С[в]я[т]ым дарова м[уд]р[е]ц[ом] составити грамоту, да не знающей Б[о]га сим Б[о]га познают и заповеди Его творят, и немудрии от сего да умудрятся на законы Г[ос]подня и волю Его, и дойдут Ц[а]р[ст]вия Г[ос]подня и правды Его, и внидут в первое свое достояние и уподобление Б[о]жиа с[ы]нотворения, в начальную доброту и утварь⁴⁴.

Параллели для некоторых фрагментов 2-го предисловия к ГИ были обнаружены нами в послесловии к Букварю 1704 г. «Увещание к родителям о воспитании детей». О возможном знакомстве Ивана Иконника с этим текстом свидетельствуют рассуждения автора ГИ о свете учения и тьме неведения; сожаления об упадке современных нравов, проявляющемся в «уничижении разума учения»; прославление божественного дара учения и «дражайшего сокровища» премудрости со ссылками на царя Соломона (в ГИ использованы те же цитаты из Книги Притчей Соломоновых и Книги Премудрости, которые содержатся и в послесловии к Букварю):

ГИ

О силы учения! От сияния его пресветлаго! Поисти[н]не свет учения, ч[ес]тнейше есть с[о]лнца света! Не действует бо свет с[о]лнца то, еже действуе[т] свет учения. Не сотвори бо све[т] с[о]лнца знати Б[о]га, ведати Его волю. Учения ради вся сия в разум на[ш] приведется... Велия есть беда света [телесныма] очима не видети: много паче беднее во тме неведения шататися (л. 9–10).

Но увы мне: в коликия тесноты [днесь] книжное учение прииде. Несть в нем тшасшихся. Поистинне пр[о]роческое оное слово н[ы]не събысться: злато и серебро повержено на пути, никто же потщится взяти и. Преиде уже ро[д] м[уд]ролюбец, и открышася... суетолюбец. Не глася[т] бо уже трубы гласа Б[о]ж[ес]твенна, но точию яко Содома и Гоморра во[з]вышаются. Оскуде путь Сионь, и несть уже ходящих по нему. Празники опустеша. Аще и суть, но, аки сосуди печатленни, тщи. И[з] всех преде[л] разум учения д[у]шесп[а]сителна и[з]гоняется, гаждается, поносится. Уничижаю[т] тии разум учения... Лукавства же, лжи, гордости тако, яко адовы слуги, исполнь суще, отнюду же ч[е]л[ове]к чювство наипаче омертве, и живых источник не

«Увещание к родителям о воспитании детей»

Неции же хвалят мудрость, и множищею слышим г[лаго]лющих: учение свет, а неучение тма (л. 4)

Якоже бо неведение Писаний тма есть, по реченному псаломнику[м]: не познаша, ниже уразумеша, во тме ходя[т] [Пс 81. 5]. Тако вопреки ведение Писаний б[о]ж[ес]твенных свет есть, по реченному тем же псаломником: Светилник ногама моима закон Твой и свет стезя[м] моим [Пс 118. 105] (л. 3).

Но горе нынешним временам развращенны[м], в няже обретаются мнози, иже сия дражайшыя бисеры ногами безумне попирают. И, уповающе на свое погибающее богатство, о снискании некрадомаго и неистощимаго мудрости сокровища нерадят ничтоже. И еже есть паче тысяць злата и серебра паче злата и топазия дражайше, у буих, тмою невежества помраченных, есть в презрении. Вящше же реку, яко у неких есть в поругании и ненависти. Оле безумия! Оле юродства, слез достойнаго (л. 3 об.— 4)!

приемлют. И сих убо и иных ради вин
Б[о]г наша с[е]р[д]ца не изволяе[т]
многих желанием посетити, и тако
сие учение упразднися (л. 12–12 об.).

Лучше бо [рече прем[уд]рьи]
сие собирати, неже злато и серебро,
сокровища: ч[ес]тнейши есть камен-
ния многоценнаго. Все бо ч[ес]тное
недостойно есть ей [Притч 3. 14–15]
(л. 14).

И паки тои же: Прем[уд]рость
пре[д]судит паче скипетр и пр[ес]тол,
и богатство вмених ничто же и ра[з]-
суждению тоя. Ниже уподобих ю ка-
меню преч[ис]тому, яко все злато в
сложении тоя песок есть менши, и
яко кал пре[д] нею серебро [Прем 7.
7–9] (л. 14–14 об.).

Лучше бо сию куповати, нежели
злата и серебра сокровища, честнейши
есть камней многоценных, не про-
тивится ей ничто же лукаво, знатна
же есть всем приближающимся ей
[Притч 3. 14–15] (л. 7).

Слышим мудрости любителя
Соломона, Д[у]хом С[вя]тым вещаю-
ща, како в книгах Прем[уд]р[о]сти
оцениет мудрость... Предсудих ю ски-
петр, и пр[ес]тол, и богатство ничто
же мнех быти в разсуждении тоя.
Ниже уподобих ея камени преч[ес]т-
ному, яко все злато в сложении тоя
песок есть меньший, и яко кал мнит-
ся быти пре[д] нею серебро [Прем 7.
7–9] (л. 3–3 об.).

В предисловиях к своей грамматике Иван Иконник демонстрирует хо-
рошее владение славянским филологическим дискурсом. При этом он вы-
ступает не копиистом, слепо следующим своим образцам. Ценность ГИ со-
стоит прежде всего в обобщении и осмыслении в лингводидактических целях
предшествующих опытов описания и кодификации церковнославянского
языка: грамматик, букварей, рукописных орфографических трактатов. В на-
стоящей статье ставилась задача выявить источники сочинения Ивана Икон-
ника. Как отразилось их влияние на отборе и интерпретации в ГИ собственно
лингвистического материала? В чем сходство и различие теоретических ус-
тановок Ивана Иконника и его предшественников? Поиски ответов на эти
вопросы, сулящие интересные находки, составят предмет отдельного иссле-
дования.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ В силу того что в задачи настоящей работы не входит исследование собственно линг-
вистического содержания ГИ, цитаты из рукописи, а также из других грамматичес-
ких руководств приводятся в соответствии с правилами публикации исторических
текстов: церковнославянский шрифт заменен современным русским, опущены кон-
цевые «еры», «фита» в именах собственных передается через «ф». В квадратных
скобках раскрыты написания под титлом, выносные буквы внесены в строку.
- ² *Буслав Ф. И.* Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского
языков. М., 2004.

- ³ Там же. С. 654.
- ⁴ РГАДА, ф. 395 (Кабинетные бумаги князя М. А. Оболенского), оп. 1, ед. хр. 93. Запись на с. 21.
- ⁵ РГАДА, ф. 395, оп. 1, ед. хр. 630а.
- ⁶ Булич С. К. Очерк истории языкознания в России. Т. 1. XIII в. — 1825 г. СПб., 1904. (Записки историко-филологического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета. Ч. 75).
- ⁷ Ягич И. В. История славянской филологии (Энциклопедия славянской филологии. Т. 1). СПб., 1910. С. 27–32.
- ⁸ Если ГИ и включалась в перечень грамматик церковнославянского языка, то лишь в виде ссылки на хрестоматию Ф. И. Буслаева (*Мечковская Н. Б.* Ранние восточнославянские грамматики / Под ред. А. Е. Супруна. Минск, 1984. С. 45; *Кузьмина Е. А., Ремнева М. Л.* Предисловие // Грамматики Лаврентия (Зизания) и Мелетия (Смотрицкого). М., 2000. С. 17).
- ⁹ Упоминание об этом рисунке см.: *Буслаев Ф. И.* Указ. соч. С. 655.
- ¹⁰ *Клепиков С. А.* Филигранные на бумаге русского производства XVIII — начала XIX в. М., 1978. С. 6, 91.
- ¹¹ <http://www.pzbf.com/about/history.php>
- ¹² Атлас российской, состоящей из девятнадцати специальных карт представляющих Всероссийскую империю с пограничными землями, сочиненной по правилам географическим и новейшим наблюдениям, с приложенною при том генеральною картою великия сия империи, старанием и трудами Императорской Академии наук. СПб., 1745. Карта 5.
- ¹³ Российской атлас, из сорока четырех карт состоящий и на сорок и два наместничества империю разделяющий. СПб., 1792. Карты 18, 20, 22, 25.
- ¹⁴ *Лазаревский А. М.* Описание старой Малороссии. Материалы для истории расселения, землевладения и управления. Т. 1: Полк Стародубский. Киев, 1888. С. 440. Случанка — приток реки Стечки, которая является притоком Судости. Судость протекает параллельно реке Ипуть (с другой стороны Стародуба), на современных картах значится вместе с притоком Вабля. Села, указанные в работах XIX в., в настоящее время не существуют.
- ¹⁵ Там же. С. 448–449.
- ¹⁶ *Волошин Ю. В.* Урядова политика щодо російських старообрядців на Стародубщині у XVIII ст. // Український історичний журнал. 2006. № 1. С. 15. Современные исследователи называют Деменку в числе одного из первых сел, основанных староверами в этом регионе. Основанные позже села (Клинцы, Мглин, Почеп и др.) сыграли более важную роль в истории этого региона, поэтому чаще упоминаются в литературе. Можно предположить, что Иван Иконник был одним из жителей Деменки или что в своем перечне он не стремился упомянуть самые известные центры старообрядцев.
- ¹⁷ Там же. С. 17.
- ¹⁸ *Покровский И.* Русские епархии в XVI–XIX вв., их открытие, состав и пределы: Опыт церковно-исторического, статистического и географического исследования. Т. 2. Казань, 1897. С. 686.
- ¹⁹ *Лазаревский А. М.* Указ. соч. С. 447, 449, 451, 454.
- ²⁰ *Иконников В.* Рецензия на сочинение «Из истории раскола на Ветке и в Стародубье XVII–XVIII вв.». Киев, 1897. С. 3–4.
- ²¹ *Лилеев М. И.* Очерк миссионерских мер по обращению в православие стародубских и черниговских раскольников до времен Екатерины II. Чернигов, 1895. С. 56.
- ²² Там же. С. 57.
- ²³ Там же. С. 9; *Знаменский П. В.* Духовные школы в России до реформы 1808 г. СПб., 2001. С. 97.
- ²⁴ *Лилеев М. И.* Указ. соч. С. 10–15.
- ²⁵ Там же. С. 19–20.

- ²⁶ Там же. С. 43.
- ²⁷ «Сказание...» послужило источником для «Книги избранной вкратце о девятих мусах и о седмех свободных художествах» Николая Спафария (1672 г.), в которой «художества» разделяются на «свободные» (грамматика, риторика, диалектика, арифметика, музыка, геометрия, астрология) и «служительные» (земноорание, лов, воинство, кование, рудомерство, ткание, кораблеплавание).
- ²⁸ Ср. *Ягич И. В.* Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке. СПб., 1896. С. 47.
- ²⁹ Полное собрание творений св. Иоанна Златоуста. М., 1991–2003 (репринтное переизд.: Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста. СПб., 1898–1906). С. IX, 484.
- ³⁰ *Кузьминова Е. А.* Научный комментарий // Грамматика 1648 г. / Предисл., коммент., подгот. текста и сост. указателей Е. А. Кузьминовой. М., 2007. С. 499–503.
- ³¹ Великие Минеи Четьи, собранные Всероссийским митрополитом Макарием. Вып. 15. Январь, дни 1–6. СПб., 1910. Стб. 10–12.
- ³² Работа над этим сочинением была завершена до июня 1672 г.; дата 25 января 1673 г. указана в беловом списке, поднесенном царю (подробнее см.: *Лутан Ш. Г.* «Хрисмологион» — взгляд из Средневековья // Николае Милеску Спафарий и проблемы культуры Молдовы. Кишинев, 1991. С. 85–130).
- ³³ Там же. С. 87–89; *Белоброва О. А.* Николай Гаврилович Спафарий (Милеску) // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 2. СПб., 1993. С. 392–400.
- ³⁴ Посвящение царю Алексею Михайловичу книги «Хрисмологион», переведенной Николаем Спафарием в 1673 году // Русский вестник. Т. 2. Кн. 5. СПб., 1841. С. 383–400.
- ³⁵ Там же. С. 387.
- ³⁶ Еще одна выписка из «Деяний» Барония — о выступлении Римского папы Льва I Великого (440–461 гг.) против введения общей исповеди содержится на вкладном листке 183а.
- ³⁷ *Флоровский Г.* Петербургский переворот // Из истории русской культуры. Т. 4 (XVIII — начало XIX в.). М., 1996. С. 379.
- ³⁸ *Курилов А. С.* Восточнославянские старопечатные предисловия и послесловия конца XVI — начала XVIII в.: (Становление национальной филологической мысли) // Русская старопечатная литература XVI — 1-я четверть XVIII в.: Тематика и стилистика предисловий и послесловий. М., 1981. С. 204–221.
- ³⁹ Помимо предисловия «Сказание...» используется Иваном Иконником и в основном тексте ГИ. Раздел «Орфография» начинается цитатой о происхождении греческого и славянского алфавитов (л. 18 об.— 19), а на л. 21–21 об. приводится переложение этого же фрагмента в вопросно-ответной форме.
- ⁴⁰ Цит. по: *Федоров И.* Азбука. Острог, 1578. Цит. по изд.: Острожская Азбука Ивана Федорова / Под ред. Е. Л. Немировского. М., 1983. Л. 52 об.— 53 об.
- ⁴¹ Цит. по: *Ягич И. В.* Рассуждения южнославянской и русской старины... С. 389.
- ⁴² Там же. С. 361.
- ⁴³ Там же. С. 361–362.
- ⁴⁴ Там же. С. 388–389.

Д. В. Саввин*

Епископ Селенгинский Софроний (Старков): архипастырь эпохи великих перемен и потрясений

Среди Забайкальских архиереев XX в. Преосвященный Софроний (Старков) занимает особое место, поскольку он управлял Забайкальской епархией в один из самых сложных периодов ее истории — в период перехода от синодальной эпохи к эпохе большевистских гонений. История «Забайкальской епархиальной Церкви»¹ в 1917–1923 гг. имеет ряд особенностей, отличающих ее от истории других епархий Русской Церкви, вследствие более продолжительного, чем в других регионах, времени установления в Забайкалье советской власти. После кратковременного господства большевиков (1918 г.) Забайкалье находилось под властью атамана Г. М. Семенова (1918–1920 гг.). Затем здесь была провозглашена Дальневосточная республика (ДВР) (1920–1922 гг.) — буферное, формально независимое демократическое государство, на создание которого большевики вынуждены были пойти, чтобы не спровоцировать военное вторжение Японии, поддерживавшей Белое движение. В 1922 г. ДВР присоединилась к Советской России. Специфический опыт Забайкальской епархии этого времени, заключавшийся в установлении отношений с различными политическими режимами, в устроении церковной жизни в стремительно менявшихся политических условиях, исследователями подробно не рассматривался. К сожалению, и в настоящей статье, построенной преимущественно на материалах Государственного архива Читинской области, не удалось прояснить ряд вопросов церковной истории края этого времени, в частности, выявить специфику автономного существования Забайкальской епархии в 1922–1923 гг. Материалов, хранящихся в читинских архивах, для этого недостаточно.

Изучение истории Забайкальской епархии в 1918–1923 гг. невозможно без анализа биографии епископа Софрония (Старкова), возглавлявшего

* © Саввин Д. В., 2009
Дмитрий Владимирович Саввин, Санкт-Петербург.

Забайкальскую епархию в 1922–1923 гг. и с 1918 г. участвовавшего в управлении епархиальными делами в качестве председателя епархиального совета. К сожалению, до сих пор нет всестороннего исследования, посвященного епископу Софронию. Биография архиерея была рассмотрена в моей статье, изданной небольшим тиражом². После ее выхода в свет были обнаружены новые материалы, которые в настоящей публикации впервые вводятся в научный оборот. Однако приведенное ниже описание жизненного пути Преосвященного Софрония нельзя считать исчерпывающим. В частности, не выяснены обстоятельства и мотивы признания епископом Софронием обновленчества, скудна информация о его пребывании в заключении и о жизни на свободе в 1927–1932 гг.

Будущий Селенгинский епископ Софроний (Старков) родился в 1875 г. в семье крестьянина Прокопия Старкова, жившего в с. Ильинка Троицкой волости Забайкальской области, в крещении получил имя Сергей³. Семья Старковых была небогатой. В ставленнической речи (см. приложения, документ № 2) Преосвященный Софроний упоминал следующее: «В младенчестве сноп чужой жатвы, на которой должны были работать мои родители, бывал часто моей колыбелью в летнее время». Очевидно, родители архиерея были батраками и нанимались на сезонные сельскохозяйственные работы. Первое религиозное воспитание Сергию Старкову дала его мать, глубоко верующая женщина. Она же научила сына читать и привила ему любовь «к учению книжному». Накануне архиерейской хиротонии архимандрит Софроний так отзывался о матери: «Господь послал мне великое счастье в лице моей родительницы... первый живой пример крепкой веры в Бога, горячей молитвы, упорного труда, несокрушимой энергии... От нее впервые в раннем детстве полюбил молитву и научился молиться, от нее познал ценность труда, четырехлетним ребенком выучился читать». Именно мать внушила Сергию почтение к священническому сану и, когда мальчику было 9 лет, привела его на клирос сельского храма. Тогда у Сергия впервые возникло желание посвятить свою жизнь церковному служению.

В это же время, очевидно не без усилий матери, Сергей Старков был определен в школу при Свято-Троицком Селенгинском монастыре, которую создал архимандрит Иринарх. Здесь мальчик провел 2 года, а в 1886 г. по ходатайству архимандрита Иринарха решением Селенгинского епископа св. Мелетия (Якимова)⁴ он был направлен в Нерчинское духовное училище, где обучался с 1886 по 1890 г. Впоследствии епископ Софроний характеризовал состояние училища в то время как полное «духовного роста при материальной скудости» (см. приложения, документ № 2). Здесь он сблизился с Епифанием Кузнецовым (позже епископ Селенгинский св. Ефрем, видный церковный деятель Забайкалья⁵), который стал его предшественником на Селенгинской кафедре. Впоследствии они несколько разошлись во взглядах, что подтверждается различием их мнений по некоторым частным вопросам на Поместном Соборе 1917–1918 гг. Селенгинский епископ Ефрем был известен своим консерватизмом и правыми взглядами, в то время как протоиерей Сергей Старков, будущий епископ Софроний, такого рода воззрения

не разделял. В 1890 г. в день окончания Нерчинского духовного училища Сергей Старков (окончивший курс вторым учеником по первому разряду)⁶ и Епифаний Кузнецов написали прошение о назначении псаломщиками в какие-либо сельские храмы. Один из преподавателей училища отправил прошение об устройстве талантливых выпускников в семинарию Иркутскому архиепископу Вениамину⁷. Просьба была удовлетворена. Впоследствии в ставленнической речи епископ Софроний сказал: «Здесь оказалось много подобных мне бедняков... На помощь пришли, вечная им память, о. ректор архим[андрит] Никодим и о. архим[андрит] Иринарх». В течение первого года они выделяли необходимые для скромной жизни средства, потом стало возможным «на общем положении казеннокоштного воспитанника безбедно продолжать ученье» (см. приложения, документ № 2). В 1896 г. С. П. Старков окончил Иркутскую Духовную семинарию первым учеником по первому разряду⁸. Свое состояние в тот момент он характеризовал следующим образом: «Стремление и готовность стать в ряды служителей алтаря Господня настолько окрепли, что не хотелось отсрочивать этого дела продолжением образования в духовной академии» (см. приложения, документ № 2). Получить академическое образование ему так и не довелось.

За 2 года до окончания С. П. Старковым Иркутской семинарии в пределах родной для него Забайкальской области была образована Забайкальская епархия. 1 августа 1896 г. он был рукоположен архиепископом Иркутским и Верхотенским Тихоном (Троицким-Донебиным)⁹ во диакона, а на следующий день 2 августа (в соответствии с резолюцией епископа Забайкальского и Нерчинского Георгия (Орлова)¹⁰ от 6 июля 1896 г.) — во иерея и назначен к Брянской церкви Забайкальской епархии (к этому времени С. П. Старков был женат, венчание состоялось 14 июля 1896 г.)¹¹. Ему было также поручено заведовать Брянской церковноприходской школой, в которой он одновременно должен был исполнять обязанности законоучителя¹². Вскоре священник Сергей показал себя талантливым организатором и просветителем. В том же 1896 г. в ближайших деревнях Пресковой и Таракановской он открыл школы грамоты. 9 декабря 1896 г. на него были возложены обязанности катехизатора, и в этой должности он прослужил до 3 декабря 1897 г., получив благодарность от архиерея (14 марта 1897 г.). За участие во всеобщей первой переписи населения о. Сергей был награжден медалью, 10 марта 1898 г. за «особое содействие делу народного просвещения» — награжден набедренником. 28–30 ноября того же года определением правящего архиерея о. Сергей был переведен в Верхнеудинск клириком Спасской церкви. Одновременно ему было поручено исполнение обязанностей благочинного 7-го округа Забайкальской епархии и заведование Верхнеудинским свечным складом¹³. На новом месте перед о. Сергием открылось «широкое поле для применения сил во всех отраслях епархиальной службы и в разнообразных видах церковно-общественной деятельности» (см. приложения, документ № 2).

1 декабря 1898 г. Забайкальский епархиальный училищный совет принял решение о назначении священника Сергея Старкова временно исполняющим обязанности председателя Верхнеудинского отделения училищного

совета. 12 апреля 1899 г. он стал заведующим Заудинской приходской школы. В том же году его утвердили в должности директора Верхнеудинского отделения попечительного комитета о тюрьмах (до 1907 г.) и законоучителя Верхнеудинской женской прогимназии. В 1898 г. 23-летний о. Сергей «по благословению епархиальной власти» был направлен депутатом от «Духовного ведомства» в Верхнеудинскую городскую думу, в составе которой проработал почти 8 лет. В этот период в полной мере раскрылись его таланты педагога, миссионера и администратора. 16 марта 1901 г. он был переведен в клир верхнеудинского Одигитриевского собора. В том же году его утвердили в двух должностях, которые он до этого занимал уже 2 года в качестве временно исполняющего: благочинного 7-го округа (27 июля) и председателя Верхнеудинского отделения училищного совета (8 декабря)¹⁴. В 1902 г. о. Сергей, став законоучителем Верхнеудинского городского училища, был освобожден от большей части обязанностей в своем приходе и почти все силы и время отдал просветительской, хозяйственной и административной работе. В это же время как председатель отделения училищного совета он руководил строительством двух школ в Верхнеудинске: второклассной и двухклассной соборной, ходатайствовал перед городским самоуправлением о выделении 5 тыс. рублей для постройки последней. 2 июня 1902 г. епископ Забайкальский и Нерчинский Мефодий (Герасимов)¹⁵, который в 1922 г. возглавил епископскую хиротонию Софрония (Старкова), наградил его скуфьей. В 1904 г., очевидно в связи с завершением строительства двухклассной школы при соборе, священник Сергей был назначен уездным наблюдателем церковных школ Верхнеудинского уезда. По этой причине его освободили от исполнения обязанностей законоучителя в прогимназии и в четырехклассном городском училище Верхнеудинска. Он прослужил в новой должности около 2 лет, после чего в 1906 г. последовал его перевод в Читю, кафедральный город Забайкальской епархии. В том же году 6 мая указом Святейшего Синода за заслуги в период служения уездным наблюдателем церковных школ по Верхнеудинскому уезду он был награжден камилавкой¹⁶.

Обязанности, которые о. Сергей выполнял в Чите, в целом остались такими же, как и в Верхнеудинске. 5 сентября 1906 г. он был назначен на должность законоучителя Читинской учительской семинарии, 21 сентября епископ Забайкальский Мефодий утвердил его председателем Читинского отделения Забайкальского епархиального училищного совета. Одновременно о. Сергей был избран и утвержден членом и председателем комитета по управлению Забайкальским епархиальным складом утвари и свечей. Большое число назначений (в двух случаях — по предварительному избранию) сразу по прибытии на новое место служения является несомненным показателем авторитета иерея Сергея Старкова среди забайкальского духовенства и степени доверия к нему епархиального архиерея.

Позиция о. Сергея по отношению к революционным событиям 1905–1907 гг. неизвестна. В Забайкалье революционное движение получило широкую поддержку населения, в том числе части духовенства, — в Чите короткое время существовала Читинская республика. Для сопротивления револю-

ционной пропаганде и террору 14 сентября 1908 г. в Чите во многом благодаря протоиерею Епифанию Кузнецову был создан отдел Русского народного союза имени Михаила архангела¹⁷. Косвенным подтверждением того, что о. Сергей не поддерживал революционное движение, является отсутствие сведений о каких-либо наложенных на него за это прещениях. С другой стороны, в списках учредителей и руководителей читинского отдела Союза архангела Михаила он также не упоминается. Кроме того, если сщмч. Ефрем Селенгинский за свои монархические воззрения подвергся преследованию со стороны властей сразу же после Февральской революции, то в отношении о. Сергея Старкова никаких репрессий не было. Можно предположить, что в период революции 1905–1907 гг. и позднее священник Сергей Старков не принимал активного участия в политической жизни.

1 мая 1907 г. иерей Сергей Старков был назначен членом комиссии по выработке вопросов к обсуждению на епархиальном съезде 1907 г. В последующем он, очевидно, хорошо зарекомендовал себя в сфере епархиального управления, поскольку 5 сентября 1908 г. был утвержден председателем постоянной комиссии Забайкальского епархиального съезда. В том же 1908 г. по собственному прошению о. Сергей был назначен законоучителем в Коммерческом училище баронессы Розен, где ему пришлось исполнять также обязанности директора. Эту должность священник занимал до 1917 г.¹⁸ В это время решением правящего епископа он был направлен на работу в Читинскую духовную консисторию (распоряжение от 29 ноября 1907 г.), а 30 апреля 1908 г. «для удобного сношения» попечительства о бедных духовного звания с консисторией назначен также членом попечительства¹⁹. С 8 мая 1907 г. по 13 июня 1908 г. иерей Сергей Старков руководил изданием «Забайкальских епархиальных ведомостей», но был освобожден от этой работы из-за «многосложности» задач.

Последующее его служение в Чите было вполне успешным, что подтверждается среди прочего полученной им 6 мая 1909 г. наградой от Синода — наперсным крестом²⁰, избранием и назначением о. Сергея на разные посты. Священник был вынужден отказаться от новых должностей по причине многочисленности обязанностей, так, 6 июня 1909 г. он был исключен из числа членов консистории и попечительства по собственному желанию. Тем не менее труды о. Сергея ценились очень высоко, и его привлекли для периодической работы в консистории: с 22 марта 1911 г. он по распоряжению архиерея в течение 10 дней работал по судному столу, с 24 ноября 1911 г. по 9 января 1912 г. являлся членом консистории по распорядительному столу, такое же назначение на срок в 28 дней последовало и 18 февраля 1912 г. 9 июня 1911 г. о. Сергей вновь был избран членом и председателем предсъездной комиссии, однако по собственной просьбе был освобожден от этой должности²¹. 25 октября 1910 г. он был утвержден (по избрании) председателем совета Забайкальского братства во имя святых Кирилла и Мефодия, занимавшегося преимущественно благотворительной деятельностью, и в последующем дважды переизбирался. В 1912 г. руководил строительством здания для Читинской Духовной семинарии, 22 августа 1912 г. архиерейским

распоряжением утвержден председателем комитета по ее постройке²². Указом от 19 октября 1912 г. о. Сергей Старков был возведен в сан протоиерея.

С началом Первой мировой войны количество обязанностей о. Сергия увеличилось. 19 июля 1914 г. он был избран председателем комитета по управлению Забайкальским епархиальным складом утвари и свечей, и в октябре того же года стал председателем епархиального комитета по сбору пожертвований «на нужды войны». Примерно в это же время на него были возложены обязанности председательствования в местном отделении Комитета ее императорского величества великой княгини Елизаветы Федоровны по оказанию помощи семьям призванных на войну. В августе 1914 г. протоиерею Сергию Старкову была объявлена благодарность главного инспектора училищ Восточной Сибири, 6 мая 1915 г. он был награжден орденом св. Анны II степени²³.

Первые революционные потрясения в феврале 1917 г. не принесли о. Сергию таких бед, какие обрушились, например, на его бывшего однокурсника Селенгинского епископа Ефрема (Кузнецова). Напротив, 12 марта 1917 г. протоиерей Сергей Старков был назначен присутствующим членом духовной консистории²⁴. Пути о. Сергия и Преосвященного Ефрема вскоре пересеклись. Вынужденный покинуть Забайкалье епископ Ефрем уехал в Москву, где принял участие в Поместном Соборе, с февраля 1918 г. замещал на Соборе правящего Забайкальского епископа Мелетия (Заборовского)²⁵. Представителем забайкальского духовенства на Соборе был избран протоиерей Сергей Старков²⁶. По-видимому, он не принимал активного участия в прениях. По крайней мере в изданном в 2000–2002 гг. «Обзоре деяний» Поместного Собора имя его встречается гораздо реже, чем имя Селенгинского Преосвященного. Зафиксировано, что протоиерей Сергей участвовал в обсуждении проекта «Положения об епархиальных женских училищах» (вопрос, который был ему хорошо знаком)²⁷. Примечательно, что при голосовании по статье 12 Приходского устава два представителя Забайкальской епархии, Преосвященный Ефрем и протоиерей Сергей, разошлись во мнениях. Решался вопрос о том, кто должен иметь право юридического лица: храм или приход. Предложенная Н. Д. Кузнецовым поправка к данной статье предполагала, что таким правом следует наделить приход, или общину, что теоретически согласовывалось с позицией властей. Однако большинство участников Собора посчитало, что ориентироваться в данном вопросе на советские законы и советскую власть, казавшуюся шаткой, неразумно; кроме того, такая поправка в известном смысле явилась бы отступлением от правовых норм (в том числе канонических), которыми руководствовалась Русская Православная Церковь. Преосвященный Ефрем, убежденный противник большевизма, скептически относившийся к демократическим нововведениям, голосовал против вышеназванной поправки. Протоиерей Сергей Старков проголосовал за поправку²⁸. Будучи человеком с практическим складом ума, он считал необходимым учитывать реалии современной жизни. Впрочем, готовность к компромиссам у о. Сергия Старкова ограничивалась чертой, за которой начиналось попрание догматических и канонических основ церковной жизни. После участия во 2-й сессии Поместного Собора, закон-

чившейся в конце апреля 1918 г., протоиерей Сергей Старков вернулся в Читу. В последней 3-й сессии Собора он участия не принимал.

Забайкалье в это время переживало первый краткий период советской власти. Большевики утвердились в Чите в конце февраля 1918 г., но смогли продержаться лишь до 26 августа²⁹. 15 июня (н. ст.) 1918 г. на общепархиальном собрании протоиерей Сергей Старков был избран в состав Забайкальского епархиального совета, 27 июня был утвержден в должности председателя совета³⁰. Вскоре Забайкальскую епархию постигли первые серьезные потрясения, продемонстрировавшие ее жителям суть большевистской политики по отношению к православной Церкви. 5 февраля 1918 г. Совет народных комиссаров издал декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Реализация этого декрета в Чите предполагала среди прочего изъятие архивов духовной консистории, однако до лета 1918 г. это не было проведено из-за неустойчивости советской власти в крае. Для исполнения декрета в Забайкалье был разработан специальный проект, суть которого сводилась к постепенной реализации его положений на протяжении примерно 4 месяцев³¹. Наконец, в июне 1918 г. было решено перейти к активным действиям. Впоследствии в обвинительных материалах против забайкальских клириков и мирян (имя протоиерея Сергея Старкова значилось в списке обвиняемых первым) позиция властей была сформулирована так: «Исполнительный комитет, не имея никаких намерений врываться в область церковных обрядов, оскорбляющих чувства верующих [так в документе.— Д. С.], не мог оставить духовную консисторию в руках духовенства. Духовенству гор[ода] Читы представилась альтернатива: подчиняться или не подчиняться распоряжениям местной власти, для власти: провести ли декрет Центрального Совета народных комиссаров об отделении церкви от государства, что уже сделано в большинстве городов России и Западной Европы [так в документе.— Д. С.], или оставить Забайкальскую епархию на особом положении, другими словами, не подчиняться высшей власти центра» (см. приложения, документ № 1).

Епархиальная власть считала невозможной передачу архива консистории большевикам. 17 июня группа коммунистов подошла к зданию консистории подводу, которую начали загружать бракоразводными делами, изымавшимися, как заявили представители властей, «для своих нужд». Этому воспрепятствовали несколько клириков и мирян, среди которых был и протоиерей Сергей Старков. Он вместе с другими клириками, пытавшимися не допустить изъятие архива, был арестован и отправлен в городскую тюрьму³². При этом важно отметить, что в данном случае они действовали в полном соответствии с решениями епархиальных властей, выполняя предписания епархиального съезда духовенства и мирян от 25 мая 1918 г., в которых признавалась недопустимой передача церковного имущества кому бы то ни было, и прямо указывалось: «В случае посягательств, от кого бы они ни исходили, обращаться с просьбой о защите к верующему народу»³³.

Арест читинских клириков во главе с председателем Забайкальского епархиального совета протоиереем Сергеем Старковым вызвал возмущение

православных читинцев. На следующий день на центральной площади Читы собрались люди, не расходившиеся до глубокой ночи и обсуждавшие возможные действия в сложившейся ситуации. По словам начальника городской милиции, он «проходя 18 июня в 11 час[ов] ночи, видел толпу около 60 человек, преимущественно женщин, стоящую на площади и обсуждающую все те же вопросы» (см. приложения, документ № 1). Наутро люди снова собрались вблизи Александро-Невского собора и архиерейского дома. Около 3 часов дня было решено отправить представителя для переговоров с комиссаром И. М. Матвеевым (председателем местного ЧК), однако того на месте не оказалось. После того как надежда на освобождение арестованных клириков посредством переговоров исчезла, на колокольнях собора и архиерейской церкви ударили в набат. Вскоре количество людей на площади существенно увеличилось, и около 5 часов вечера собравшиеся выступили крестным ходом. Взяв иконы и хоругви, читинцы отправились к месту заключения протоиерея Сергея и других клириков. На подходах к тюрьме был выставлен наряд милиции, и когда крестный ход приблизился, по нему открыли огонь. Погибла женщина, несколько человек получили ранения, в том числе супруга о. Сергея (см. приложения, документ № 1). Власти не сознались в преступлении. По официальной версии, отряд милиции сделал предупредительный залп в воздух, а обстрел, начавшийся затем с разных сторон, устроили некие мифические не найденные провокаторы. Большевикам было необходимо снять с себя ответственность за обстрел крестного хода в то время, когда к Чите приближались войска белочехов и казаки Г. М. Семенова. Сложностью военной обстановки, вероятно, объяснялась и исключительная по советским меркам мягкость приговоров, вынесенных арестованным священнослужителям: сроки заключения варьировались от 2 до 6 месяцев³⁴. Впрочем, отбывать наказание им не пришлось. В конце августа 1918 г. советская власть в крае пала, и все они, в том числе и протоиерей Сергей, были освобождены.

С установлением в Чите власти атамана Семенова Забайкальская епархия была избавлена не только от большевистских гонений, но и от секулярного политического наследия, оставшегося после кратковременного пребывания у власти Временного правительства. Забайкальской епархии была возвращена вся принадлежавшая ей собственность, возобновлены ассигнования на церковные нужды, восстановлено преподавание Закона Божия в общеобразовательных учебных заведениях. В это время значительная часть забайкальского духовенства во главе с Преосвященным Мелетием (Заборовским) выступила в поддержку Белого движения и атамана Семенова, а также за введение Японией войск на Дальний Восток и в Забайкалье. Протоиерей Сергей Старков, как можно предположить, старался держаться в стороне от политической борьбы. Священник не подписался под принятым 10 апреля 1920 г. общим собранием приходских советов Забайкальской епархии постановлением, в котором приветствовалась японская интервенция³⁵. Однако под другим документом, поданным от епархиального собрания Преосвященному Мелетию, подпись о. Сергея стояла. Это было прошение от 14 сентября 1918 г. о ходатайстве перед властями о помиловании священника-большевика Вик-

тора Парнякова. Этот клирик Успенской церкви г. Троицкосавска являлся не только членом РКП(б), но и сотрудником местного совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. По словам благочинного 14-го округа протоиерея Вениамина Беломестнова, Парняков «примкнул к большевицкой партии с самого начала ее существования... принимал участие во всех действиях совета, чем вызвал против себя общее негодование не только православного населения, но и иноверцев»³⁶. За свою деятельность в период краткого большевистского господства в Забайкалье он был приговорен к расстрелу военно-полевым судом при Селенгинском отряде войск атамана Семенова³⁷. Несмотря на то что у протоиерея Сергия были причины негативно относиться к большевикам, он, как председатель епархиального совета, скрепил своей подписью ходатайство о помиловании иерея-большевика, в котором видел собрата, впавшего в греховное заблуждение.

Поскольку дальнейший жизненный путь протоиерея Сергия, позже епископа Селенгинского Софрония, неразрывно связан с историей Забайкальской епархии, необходимо обратить внимание на то, что в конце 1918 г. епархия перешла в подчинение Временного высшего церковного управления Сибири (ВВЦУ) с центром в Омске (учреждено в 1918 г. для устройства церковной жизни на контролируемых Белым движением сибирских территориях)³⁸. В 1919 г. о. Сергия Старкова постигло тяжелое жизненное испытание: 26 марта он овдовел, на его попечении остались четверо детей³⁹. В том же 1919 г. протоиерей Сергий был награжден ВВЦУ палицей. Уважение и доверие к нему как со стороны правящего архиерея, так и со стороны священнослужителей и паствы, оставалось неизменным. Следствием этого стало его назначение 13 июля 1920 г. настоятелем читинского кафедрального Александро-Невского собора⁴⁰. Его положение в епархии стало исключительным: как кафедральный протоиерей и председатель епархиального совета он стал вторым лицом после правящего архиерея. Вскоре последовали события, которые сделали его фактически управляющим Забайкальской епархией.

В феврале 1920 г. большевики вторглись в Забайкалье. Это стало причиной массовой эмиграции людей, не приемлющих большевизма, в Китай, где в приграничных районах (Трехречье) существовали русские колонии. В конце июня 1920 г. в Харбин уехал Забайкальский и Нерчинский епископ Мелетий (Заборовский)⁴¹. Захват коммунистами Читы тогда представлялся делом ближайшего будущего, и православному архиерею, поддерживавшему атамана Семенова, едва ли можно было рассчитывать на снисхождение. Пример сщмч. Сильвестра, архиепископа Омского, зверски замученного коммунистами после ухода белых войск из Омска, был свеж в народной памяти⁴². Перед своим отъездом ряд обязанностей и прав по управлению епархией Преподобный Мелетий передал епархиальному совету во главе с протоиереем Сергием Старковым. С этого времени о. Сергий фактически возглавил Забайкальскую епархию, санкция епископа Мелетия требовалась для решения лишь самых важных вопросов. (Это в свою очередь сразу создало затруднения в работе епархиального совета, поскольку наиболее важные документы приходилось возить на рассмотрение архиерея в Харбин.)

6 апреля 1920 г. была создана ДВР (первоначально ее столица находилась в Верхнеудинске), в состав которой вошли Забайкальская и Амурская области, Приморье и Камчатка⁴³. ДВР была провозглашена демократическим государством, в отличие от Советской России, где в то время действовала «диктатура пролетариата». ДВР, по мысли большевистских властей, должна была служить буфером между Советской Россией и землями, где продолжалось сопротивление советской власти, поддерживаемое Японией, военного столкновения с которой большевики всеми силами стремились избежать. В октябре 1920 г. после долгих боев белые вынуждены были уйти из Читы, оказавшейся во власти Народно-революционной армии ДВР и вскоре ставшей столицей этого государства.

Установление ДВР в Восточной Сибири создало множество проблем для Забайкальской епархии, решение которых входило в обязанности Забайкальского епархиального совета во главе с протоиереем Сергием Старковым. У власти в ДВР находились коммунисты, которые рассматривали существование названной республики как вынужденную кратковременную меру накануне присоединения Сибири и Дальнего Востока к РСФСР. Впрочем, представлять действия властей демократической ДВР лишь осторожным копированием политики Совета народных комиссаров нельзя. В сущности светские законы, которые были приняты практически сразу после образования ДВР (в конце 1920 г.), мало чем отличались от аналогичных законов, принимавшихся, например, в начале XX в. во Франции; основное отличие заключалось в том, что исполнялись они в Дальневосточном государстве большевистскими методами. Согласно провозглашенному принципу свободы совести, власти ДВР заявили о своем нейтралитете в религиозных вопросах, из школьных программ был исключен Закон Божий и прочие религиозные дисциплины, прекратились государственные ассигнования на нужды Церкви, из ведения епархиальных властей были изъяты благотворительные и социальные учреждения. Верующим предписывалось объединяться в общины, которые были обязаны содержать духовенство⁴⁴.

Последствия такой демократии проявились незамедлительно. Фактически исчезло благочиние железнодорожных церквей, содержать которое ДВР отказалось⁴⁵. Множество недвижимой собственности епархии было отобрано на основании новых законов или в порядке «революционной инициативы». Возникшие вопросы — острые и требовавшие безотлагательного решения — пришлось рассматривать возглавляемому о. Сергием Старковым епархиальному совету. Преосвященный Мелетий навсегда оставил Читу. В протоколах Забайкальского епархиального съезда, проходившего в июне—июле 1921 г., отмечено, что руководство ДВР призывало епископа Мелетия вернуться, однако «о неприкосновенности личности правительство не ответило». Для восполнения кадров съезд принял решение о создании православного огласительно-псаломщическо-пастырского училища. Возглавить его было поручено протоиерею Сергию Старкову⁴⁶.

В этих условиях отсутствие в огромной Забайкальской епархии архиерея стало острейшей проблемой. Поддерживать связь с находившимся в Харбине

Преосвященным Мелетием было затруднительно хотя бы в силу дальности расстояния, а после установления в Забайкалье просоветского режима стало практически невозможно. В конце 1921 г. по согласованию с забайкальским духовенством Патриарх св. Тихон принял решение о восстановлении в Забайкальской епархии Селенгинской викарной кафедры, пустовавшей после мученической кончины епископа Ефрема (Кузнецова). В новых условиях Селенгинский Преосвященный должен был взять на себя не только руководство миссионерской работой (что являлось обязанностью его предшественников), но и временное управление всей епархией, т. е. фактически заменить правящего архиерея. Почти сразу Забайкальский епархиальный совет (с ним полностью была согласна и высшая церковная власть) остановился на кандидатуре вдового протоиерея Сергея Старкова⁴⁷. Первоначально о. Сергей отказался от предложенной ему чести, но в январе 1922 г. после повторной просьбы со стороны епархиального совета согласился принять сан. 26 марта 1922 г. он уехал в Харбин, где должна была состояться архиерейская хиротония.

Незадолго до прибытия о. Сергея в Харбин высшее русское церковное управление за границей по ходатайству управляющего КВЖД Б. В. Остроумова и Оренбургского и Тургайского архиепископа Мефодия (Герасимова) издало указ (от 29 марта 1922 г.) об учреждении в полосе отчуждения КВЖД православной епархии с кафедрой в Харбине, правящему архиерею усваивался титул «епископ Харбинский и Цицикарский», почти сразу измененный на «епископ Харбинский и Маньчжурский»⁴⁸. Очевидно, данный указ не был получен в Харбине ко времени приезда о. Сергея. Этим, вероятно, и объясняется то обстоятельство, что в описании хиротонии епископа Софрония Высокопреосвященный Мефодий, назначенный на новообразованную кафедру, титулуется еще архиепископом Оренбургским⁴⁹. Впрочем, в это время все русские архиереи в Китае уже состояли в юрисдикции РПЦЗ.

1 апреля 1922 г. за всеобщим бдением в храме Благовещения Божией Матери подворья Пекинской миссии в Харбине епископ Мелетий (Заборовский) совершил пострижение в иночество протоиерея Сергея Старкова, получившего имя Софроний в честь свт. Софрония Иркутского⁵⁰. На следующий день состоялось возведение о. Софрония в сан архимандрита. Последующие Страстную и Пасхальную седмицы архимандрит Софроний совершал богослужения в храмах Харбина. Современник писал о служении архимандрита Софрония: «Простота, и доступность, и какая [какая-то.— Д. С.] особенная повышенная религиозность о. Софрония неотразимо действовали на верующие массы, которые буквально потоками стремились принять участие в молитве с ним. Как-то невольно чувствовалось, что о. Софроний, принимая на себя необычайно ответственное и тяжелое служение епископское в переживаемое время, сознательно идет на свою Голгофу, и поэтому верующие особенно близко принимали к сердцу и болезненно-остро переживали его молитвенно-восторженное состояние»⁵¹.

21 апреля в Благовещенском храме подворья Пекинской миссии в Харбине состоялось наречение архимандрита Софрония (Старкова) во епископа Селенгинского. В нем участвовали архиепископ Харбинский и Маньчжурский

Мефодий (Герасимов), епископ Владивостокский Михаил (Богданов)⁵², епископ Камчатский Нестор (Анисимов)⁵³, епископ Читинский и Нерчинский Мелетий (Заборовский). Архиерейская хиротония состоялась в харбинском Свято-Николаевском соборе 23 апреля 1922 г. Число молящихся за богослужением было исключительно велико: были заполнены и собор, и храмовая ограда⁵⁴. Ни новопоставленный епископ, ни рукополагавшие его архиереи не испытывали иллюзий относительно того тяжелого положения, в котором в то время находилась Русская Церковь. При наречении во епископа архимандрит Софроний сказал: «К сонму... избранников Божиих подхожу я униженный [1 Кор 1. 28]... когда в жизнь Церкви направляют свое жало скорпионы неверия и нечестия» (см. приложения, документ № 2). Архиепископ Мефодий, вручая Преосвященному Софронию архиерейский жезл, выразился еще более определенно: «Есть сходство между настоящим моментом, который мы переживаем, и первыми временами Церкви... Ныне Церковь вновь проходит огненное испытание, вновь воздвигнута гонение... Ныне ниспровергнута правда Божия и правда человеческая, попраны все законы гуманности и справедливости... Труден момент, в который ты идешь на подвиг епископского служения. Ты идешь не на почести твоего высокого звания, а на крестный подвиг» (см. приложения, документ № 3).

2 мая 1922 г. Селенгинский епископ Софроний вернулся в Читю, где его встречало множество православных. 4 мая он был принят представителями правительства ДВР. Во время беседы архиерей высказал пожелания относительно государственно-церковных отношений в крае, после чего со стороны властей последовали определенные позитивные действия⁵⁵. О том, как дальше будет управляться Забайкальская епархия, какие стоят перед епархией задачи и каковы пути их решения, епископ Софроний рассказал на пресс-конференции, данной им для «Забайкальского церковно-общественного вестника»⁵⁶ 9 мая 1922 г. В частности, архиерей обещал уделить внимание нормализации взаимоотношений духовенства и прихожан, содействовать тому, чтобы клирики епархии могли совершать свое служение в безопасности, а также обещал принять меры к сокращению излишнего делопроизводства⁵⁷.

За оставшиеся менее полугодия существования ДВР епископу Софронию и Забайкальскому епархиальному совету удалось добиться многого из того, что едва ли было возможно в Советской России. Епархия имела собственное издание — «Забайкальский церковно-общественный вестник», в ней осуществлялась миссионерская и благотворительная деятельность. Забайкалье не было затронуто кампанией по насильственному изъятию церковных ценностей. Это позволило епархии развернуть масштабную работу по сбору средств для помощи голодающим. К июню 1922 г. было собрано драгоценностей на сумму около 20 млн рублей, в том числе 1163 драгоценных камня⁵⁸. Косвенным следствием этой работы стало официальное разрешение власти в июле 1922 г. Забайкальской епархии собирать средства для названной цели, она была внесена в список организаций, участвовавших в работе Дальневосточного комитета помощи голодающим⁵⁹, что

можно расценивать как признание со стороны властей за епархией права юридического лица.

Продолжало деятельность Братство во имя святых Кирилла и Мефодия, содержавшее на свои средства детский приют, в котором в апреле 1922 г. находилось около 15 детей старше 2 лет⁶⁰. Летом 1922 г. при читинском Покровском монастыре открылся приют для девочек. В августе того же года игуменья монастыря Анастасия ходатайствовала перед Преосвященным Софронием о том, чтобы сумму 1 тыс. рублей серебром, которую монастырь должен был отчислить для помощи голодающим, разрешили употребить на нужды приюта; при этом обитель должна была принять и обеспечить детей из страдающих от голода районов Советской России⁶¹. Дальневосточный комитет помощи голодающим не согласился на это предложение⁶². Деньги были сданы, однако насельницы монастыря своего намерения не оставили, предполагая принимать в приют девочек из голодающих регионов. Епископ Софроний преподал свое благословение⁶³, но осуществить замысел не удалось. В Забайкалье открыто существовали православные монастыри, избежавшие разгрома в 1918–1920 гг., но пострадавшие во время Гражданской войны, в том числе и от крестьян, которые захватывали монастырскую собственность (в первую очередь земельные угодья и рыболовные промыслы на Байкале). К числу действующих в крае монастырей должна была прибавиться еще одна обитель — мужской монастырь на озере Иргень⁶⁴, открытие которого Преосвященный Софроний планировал осенью 1922 г. и уже наметил кандидатуру настоятеля⁶⁵. К сожалению, и эта идея осталась нереализованной. Осенью 1922 г. после длительного перерыва состоялась поездка архиерея по епархии. Несмотря на то что к этому времени Гражданская война в Забайкалье закончилась, в крае продолжали действовать разрозненные военные отряды, в силу чего обстановка оставалась напряженной. Тем не менее Преосвященный Софроний посетил 4 благочиннических округа. Везде его встречало множество народа, причем встречи эти проходили «восторженно», а необходимых для проезда лошадей люди предоставляли добровольно⁶⁶. В ДВР были возможны такие явления как, например, государственное ассигнование на покупку подарков к Пасхе для солдат Народно-революционной армии, сохранение тюремных храмов и т. п.⁶⁷

Почти сразу после захвата большевиками Владивостока (25 октября 1922 г.) в Чите прошло заседание рабочих, профессиональных, общественных и политических организаций, избравшее губернский революционный комитет, который провозгласил вхождение Забайкалья в РСФСР. Положение православной Церкви в Забайкалье после установления советской власти резко ухудшилось. Оно осложнилось еще и церковной смутой, вскоре оформившейся в обновленческий раскол. Весной 1922 г. был арестован Патриарх Тихон, летом началась активная обновленческая агитация. В этот сложный период Забайкальский епархиальный совет передал Преосвященному Мелетию прошение о том, чтобы в связи с невозможностью дальнейшего сношения с ним предоставить все права по управлению Забайкальской епархией епископу Софронию. Преосвященный Мелетий

дал согласие на данное предложение 14 декабря 1922 г. (см. приложения, документ № 4).

В ночь на 13 января 1923 г. Преосвященный Софроний был арестован. После этого решением всех административных вопросов в епархии какое-то время ведал епархиальный совет во главе с протоиереем Иннокентием Томилиным. Епархиальные дела пришли в расстройство, в связи с чем совет 6 марта 1923 г. принял постановление № 238, которое было направлено во все приходы (см. приложения, документ № 4). В постановлении подчеркивалось, что «центром, объединяющим жизнь епархии и сосредотачивающим управление ею» является епархиальный совет, сохраняющий свою каноническую связь с епископом Софронием. Этим постановлением Забайкальский епархиальный совет отмежевался от обновленчества, которое (если рассматривать явление в общероссийском масштабе) находилось в зените своего успеха. В постановлении, в частности, провозглашалась «верность православной Греко-Российской Церкви на основе единства догматического учения и канонического церковного строя»; говорилось, что до совершения над Патриархом Тихоном церковного суда следует продолжать «возносить уставные моления о нем»; подтверждалось автономное положение Забайкальской епархии. Относительно Поместного Собора (над «созывом» которого тогда работали обновленцы) в постановлении было записано, что участие в нем возможно лишь в том случае, если «способы избрания членов Собора и условия участия на нем будут обеспечивать каноническую правоспособность его, не будут носить партийного характера».

К сожалению, ни епископу Софронию, ни большинству других забайкальских клириков провести этот курс не удалось. 25 марта 1923 г. в Читу прибыл обновленческий «епископ» (вскоре возведенный в «архиепископы») Михаил Орлов, которому власти передали кафедральный Александро-Невский собор⁶⁸. Епископ Софроний был освобожден и 30 апреля 1923 г. заявил о «возможности канонического общения» с «архиепископом» Михаилом⁶⁹. Причины этого заявления неизвестны, вероятнее всего, оно было вызвано давлением со стороны ОГПУ и отсутствием в Забайкалье точных сведений о состоянии на тот момент высшего управления в Русской Церкви. В документах обновленческой «Дальневосточной митрополии» Софроний (Старков) упоминается как «викарный епископ Нерчинский»⁷⁰. Нерчинское викариатство было создано обновленцами возможно ради того, чтобы обеспечить кафедрой епископа Софрония. Однако епископ Софроний не собирался подчиняться распоряжению обновленческой «Дальневосточной митрополии» — так, он продолжал носить титул епископа Селенгинского.

В начале лета 1923 г. были арестованы епископ Софроний и весь Забайкальский епархиальный совет⁷¹. Обновленческая «митрополия» отреагировала на это событие «запрещением в священнослужении» епископа Софрония «за непризнание распоряжений областной церковной власти»⁷². Второй арест был кратковременным, известно, что в том же 1923 г. епископ Софроний принес покаяние в грехе уклонения в обновленческий раскол. В «Каталоге русских архиереев-обновленцев» митрополита Мануила (Ле-

мешевского) сообщается, что епископ Софроний «принес покаяние перед православными архиереями»⁷³, но кто были эти Преосвященные и где произошло возвращение епископа Софрония в православие, неизвестно.

В конце 1923 г. епископ Софроний был вновь арестован⁷⁴. Согласно биографической справке о епископе Софронии, составленной Преосвященным Евсевием (Рождественским)⁷⁵, в феврале 1924 г. епископ Софроний был отправлен в Москву и оттуда выслан в Соловецкий лагерь особого назначения. На свободу он вышел в 1927 г. без права жительства в Сибири⁷⁶. Архиерей поселился в Ярославской области: сначала в Ростове Великом, затем переехал в Данилов⁷⁷. Драматизм положения Преосвященного Софрония усиливался тем, что его дети, лишившиеся в 1922 г. матери, оказались также и без отцовского попечения. 12 мая 1927 г. приходской совет читинского Казанского собора запрашивал административный отдел окружного исполкома Читы о разрешении провести сбор средств для семьи Старковых, однако власти ответили отказом, сославшись на то, что религиозные общины могут собирать средства лишь для нужд своих членов, а дети епископа Софрония в числе таковых «не значатся»⁷⁸. О том, как сложилась дальнейшая судьба членов семьи епископа Софрония, сведений нет; известно лишь, что в 1928 г. его дети жили в Чите⁷⁹. 22 июня 1929 г. управлявший Забайкальской епархией епископ Евсевий (Рождественский) издал распоряжение об обязательном возношении за богослужением имени Селенгинского епископа Софрония в Джидинском и Мысовском благочиниях, т. е. в пределах Селенгинского викариатства⁸⁰.

Титул епископа Селенгинского сохранялся за Преосвященным Софронием до его назначения 3 октября 1932 г. указом Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского) на Арзамасское викариатство Нижегородской епархии. Епископ Софроний прибыл в Арзамас 22 октября 1932 г. и сразу отправился в городской собор на встречу с духовенством и паствой. Этот день стал первым и последним днем служения епископа Софрония на Арзамасской кафедре. Долгие годы трудов (в послужном списке Преосвященного Софрония указано, что в отпусках он вообще не бывал)⁸¹, лишения и страдания, перенесенные в тюрьмах и в Соловецком лагере, ослабили его здоровье: 22 октября 1932 г. епископ Софроний (Старков) скончался⁸².

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Так могла называться в документах Забайкальская епархия в силу своего автономного существования в 1920–1925 гг.
- ² *Саввин Д.* Жизненный путь Преосвященного Софрония, епископа Селенгинского // *Иннокентьевские чтения: Избранное: Юбилейный сборник статей, посвященный 210-летию прославления святителя Иннокентия (Вениаминова) и 10-летию «Иннокентьевских чтений».* Чита, 2006. С. 136–151.

- ³ Государственный архив Читинской области (далее — ГА ЧО), ф. Р-422, оп. 1, д. 45, л. 30.
- ⁴ Мелетий (Якимов; 29 октября 1835 г.— 14 января 1900 г.), свт., в 1868–1888 гг. служил в Забайкалье, занимался преимущественно миссионерской деятельностью; в 1878 г. хиротонисан во епископа Селенгинского, викария Иркутской епархии, и назначен управляющим Забайкальской духовной миссией. В целях распространения просвещения открыл церковное братство святых Кирилла и Мефодия и свт. Иннокентия в Чите. 5 июля 1889 г. назначен епископом Якутским, с 14 октября 1896 г. епископ Рязанский и Зарайский. Похоронен в Архангельском соборе Рязанского Кремля. Свт. Мелетий — автор полного жизнеописания прп. Варлаама Чикойского, пустынноика, Забайкальского чудотворца (*Жалсараев А. Д.* Поселения, православные храмы, священнослужители Бурятии XVII–XX столетий: Энциклопедический справочник. Улан-Удэ, 2001. С. 319–320).
- ⁵ Ефрем (Кузнецов; 1876 г.— 4 сентября 1918 г.), смч. По окончании в 1903 г. Казанской Духовной академии был назначен в Забайкальскую миссию, с 1904 г. являлся начальником миссии. 20 ноября 1916 г. хиротонисан во епископа Селенгинского, викария Забайкальской епархии. В 1917–1918 гг. участвовал в Поместном Соборе Русской Церкви как заместитель епископа Забайкальского и Нерчинского Мелетия (Заборовского). После Февральской революции подвергался преследованиям за монархические убеждения. В 1917 г. арестован в квартире протоиерея Иоанна Восторгова, расстрелян. Канонизирован 20 августа 2000 г.
- ⁶ ГА ЧО, ф. Р-422, оп. 1, д. 45, л. 30.
- ⁷ Вениамин (Благонравов; 1825 г.— 2 февраля 1892 г.). 20 мая 1862 г. хиротонисан во епископа Селенгинского, викария Иркутской епархии, и назначен начальником Забайкальской духовной миссии, с 18 марта 1868 г. епископ Камчатский, с 31 марта 1873 г. епископ Иркутский, 16 апреля 1878 г. возведен в сан архиепископа. Погребен в кафедральном соборе Иркутска.
- ⁸ ГА ЧО, ф. Р-422, оп. 1, д. 45, л. 30.
- ⁹ Тихон (Троицкий-Донебин; 4 января 1831 г.— 29 июня 1911 г.). 18 июля 1882 г. хиротонисан во епископа Сарапульского, викария Вятской епархии, с 8 марта 1886 г. епископ Енисейский и Красноярский, с 28 марта 1892 г. архиепископ Иркутский и Нерчинский.
- ¹⁰ Георгий (Орлов; 1848 г.— 11 июня 1912 г.), 24 января 1893 г. хиротонисан во епископа Селенгинского, викария Иркутской епархии, с 12 марта 1894 г. епископ Забайкальский и Нерчинский, с 27 сентября 1898 г. епископ Тамбовский и Шацкий, с 27 апреля 1902 г. епископ Астраханский и Енотаевский, 1 апреля 1911 г. возведен в сан архиепископа.
- ¹¹ ГА ЧО, ф. Р-422, оп. 1, д. 45, л. 34.
- ¹² Там же, л. 30.
- ¹³ Там же, л. 31.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Мефодий (Герасимов; 22 февраля 1856 г.— 1931 г.). С 1893 г. являлся начальником Алтайской духовной миссии, со 2 июня 1894 г. епископ Бийский, викарий Томской епархии, с 24 декабря 1898 г. епископ Забайкальский и Нерчинский, с 20 декабря 1912 г. епископ Томский и Алтайский, с 30 июля 1914 г. епископ Оренбургский и Тургайский, в 1918 г. возведен в сан архиепископа. В 1919 г. эмигрировал, с 1920 г. архиепископ Харбинский, в 1929 г. возведен в сан митрополита.
- ¹⁶ ГА ЧО, ф. Р-422, оп. 1, д. 45, л. 32.
- ¹⁷ Там же, ф. 283, оп. 1, д. 1, л. 3, 9, 11.
- ¹⁸ Там же, ф. Р-422, оп. 1, д. 45, л. 32.
- ¹⁹ Там же, л. 33.
- ²⁰ Там же.

- ²¹ Там же, л. 32.
- ²² Там же, л. 33.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Священный Собор православной Российской Церкви 1917–1918 гг.: Обзор деяний. Вторая сессия / Сост. А. А. Плетнева, Г. Шульц. Под ред. Г. Шульца. М., 2001. С. 56. Мелетий (Заборовский; 7 июля 1869 г.— 6 апреля 1946 г.), 21 ноября 1908 г. хиротонисан во епископа Барнаульского, викария Томской епархии, с 23 февраля 1912 г. епископ Якутский и Вилюйский, с 26 января 1916 г. епископ Забайкальский и Нерчинский, с 1920 г. епископ Харбинский. В 1930 г. Синодом Русской Православной Церкви за границей (РПЦЗ) возведен в сан архиепископа Забайкальского и Нерчинского с местопребыванием в Харбине, с 1931 г. возглавлял Харбинскую епархию, в 1939 г. Синодом РПЦЗ возведен в сан митрополита Харбинского и Маньчжурского. Погребен в Благовещенском миссионерском храме Харбина.
- ²⁶ ГА ЧО, ф. Р–422, оп. 1, д. 45, л. 30.
- ²⁷ Священный Собор православной Российской Церкви... С. 471.
- ²⁸ Там же. С. 485–486.
- ²⁹ *Граубин Г.* Прежде, чем грянет выстрел. Иркутск, 1998. С. 71.
- ³⁰ ГА ЧО, ф. Р–422, оп. 1, д. 45, л. 33.
- ³¹ *Васильева О. В.* Взаимоотношения государства и Церкви в Забайкалье на территории ДВР в 1920–1922 годах: (Выпускная квалификационная работа по кафедре отечественной истории). Чита, 2002. С. 19–20.
- ³² Там же. С. 20–21.
- ³³ Там же. С. 20.
- ³⁴ Там же. С. 21.
- ³⁵ В обращении говорилось: «Общее собрание приходских советов градо-читинских церквей, состоявшееся 10 апреля 1920 года в г. Чите... обсудив выступление Японии против большевистской тирании и анархии в России, верит, что это выступление дружественной нам великой державы имеет своею целью оказать искреннюю помощь восстановлению и поддержанию государственного единства нашей России, установлению в ней государственного строя, отвечающего интересам подавляющего большинства русского народа... Служители православной Церкви и ее верные сыны приветствуют этот шаг Японии» (Архив Регионального управления ФСБ России по Читинской области. Следственное дело № 621 по обвинению В. Т. Сивова, П. А. Михайлова и других. Начато 15 ноября 1930 г., т. 8, л. 130).
- ³⁶ ГА ЧО, ф. Р–422, оп. 2, д. 780, л. 17.
- ³⁷ Там же, л. 4.
- ³⁸ *Кашеваров А. Н.* Православная Российская Церковь и Советское государство (1917–1920). М., 2005. С. 320.
- ³⁹ ГА ЧО, ф. Р–422, оп. 1, д. 45, л. 34.
- ⁴⁰ Там же, л. 30.
- ⁴¹ *Васильева О. В.* Указ. соч. С. 24, 33.
- ⁴² Сильвестр (Ольшевский; 31 мая 1860 г.— 26 февраля 1920 г.), смчч. 16 января 1911 г. хиротонисан во епископа Прилуцкого, викария Полтавской епархии, с 13 ноября 1915 г. епископ Челябинский, викарий Оренбургской епархии, с 4 июня 1915 г. епископ Омский и Павлодарский, в 1918 г. возведен в сан архиепископа; в ноябре 1918 г. избран главой ВВЦУ Сибири. После того как в 1919 г. белые ушли из Омска, архиепископ Сильвестр не оставил паству. Вскоре после прихода большевиков он был арестован и заключен в тюрьму, где в течение 2 месяцев подвергался истязаниям. Так и не сломив волю архипастыря, большевики подвергли его мучительной смерти: прибив руки гвоздями к полу и таким образом распяв священномученика, они раскаленными шомполами прижигали его тело, а затем пронзили сердце.

- ⁴³ *Васильева О. В.* Указ. соч. С. 24.
- ⁴⁴ Там же. С. 24–28.
- ⁴⁵ Там же. С. 33.
- ⁴⁶ Там же. С. 34.
- ⁴⁷ Там же. С. 39.
- ⁴⁸ *Черкасов-Георгиевский В.* Русский храм на чужбине. М., 2003. С. 250.
- ⁴⁹ ГА ЧО, ф. Р–422, оп. 1, д. 45, л. 29.
- ⁵⁰ Софроний (Кристалевский; 25 декабря 1703 г.— 30 марта 1771 г.), свт. Хиротонисан на Иркутскую кафедру 18 апреля 1753 г.
- ⁵¹ ГА ЧО, ф. Р–422, оп. 1, д. 45, л. 25.
- ⁵² Михаил (Богданов; 6 ноября 1867 г.— 9 июля 1925 г.). 30 августа 1907 г. хиротонисан во епископа Чебоксарского, викария Казанской епархии, с 11 июля 1914 г. епископ Самарский и Ставропольский. В 1918 г. эмигрировал. С 1919 г. епископ Владивостокский и Приморский.
- ⁵³ Нестор (Анисимов; 9 ноября 1884 г.— 4 ноября 1962 г.), в 1916 г. избран первым самостоятельным епископом Камчатским и Петропавловским, с 1933 г. архиепископ, с 1945 г. управляющий Харбинской епархией, с 1946 г. митрополит Харбинский и Маньчжурский, экзарх Восточной Азии. В 1948 г. приговорен к 8 годам заключения, в 1956 г. освобожден. С 18 июля 1956 г. митрополит Новосибирский и Барнаульский, 8 сентября 1958 г. уволен на покой, с 9 декабря 1959 г. временно управляющий Кировоградской епархией.
- ⁵⁴ ГА ЧО, ф. Р–422, оп. 1, д. 45, л. 28 об.
- ⁵⁵ *Васильева О. В.* Указ. соч. С. 38–39.
- ⁵⁶ «Забайкальский церковно-общественный вестник» издавался Забайкальской епархией в 1922 г. Решение о его учреждении было принято на епархиальном собрании 2 июня 1921 г., издание прекратилось после установления в Забайкалье советской власти (*Васильева О. В.* Указ. соч. С. 38).
- ⁵⁷ *Васильева О. В.* Указ. соч. С. 40.
- ⁵⁸ Там же. С. 43.
- ⁵⁹ Там же. С. 42–43.
- ⁶⁰ Там же. С. 43.
- ⁶¹ ГА ЧО, ф. Р–422, оп. 2, д. 701, л. 1, 1 об.
- ⁶² Там же, л. 2.
- ⁶³ Там же, л. 3.
- ⁶⁴ Озеро Иргень — одно из святых мест Забайкалья, место мученической кончины в середине XVII в. праведных воинов Симеона, Киприана, Иосифа и Василия «со дружиной» (имена и точное число убиенных неизвестны), погубленных за свое доброе христианское житие воеводой Афанасием Пашковым. Также на Иргени была обретаена чудотворная икона мц. Параскевы Пятницы. Установлены случаи чудесной помощи по молитвам к иргенским мученикам. Необходимые для их канонизации материалы были собраны к 1917 г., однако до настоящего времени она так и не состоялась, хотя имена их все же были включены в список святых в майской Минее (М., 1987). Примечательно, что иргенских мучеников почитали как православные христиане, держащиеся новых обрядов, так и забайкальские старообрядцы. Решение о создании монастыря на озере Иргень было принято Святейшим Синодом еще в 1911 г., однако осталось невыполненным (Православное Забайкалье: Священное место Забайкалья — Иргень: Учеб. пособие. Чита, 2004. С. 30).
- ⁶⁵ ГА ЧО, ф. Р–422, оп. 2, д. 785, л. 1–1 об.
- ⁶⁶ Там же, д. 700, л. 38–40, 43, 47.
- ⁶⁷ *Васильева О. В.* Указ. соч. С. 43, 45.
- ⁶⁸ ГА ЧО, ф. Р–422, оп. 1, д. 45, л. 58.
- ⁶⁹ Там же, л. 24.

- ⁷⁰ Обновленческий раскол: Материалы для церковно-исторической и канонической характеристики / Сост. И. В. Соловьев. М., 2002. С. 958–959.
- ⁷¹ ГА ЧО, ф. Р–422, оп. 2, д. 791, л. 11.
- ⁷² Обновленческий раскол... С. 958.
- ⁷³ Там же. С. 959.
- ⁷⁴ ГА ЧО, ф. Р–422, оп. 1, д. 19, л. 82.
- ⁷⁵ Евсевий (Рождественский; 22 декабря 1886 г. – 5 ноября 1937 г.), 15 марта 1920 г. хиротонисан во епископа Яранского, викария Вятской епархии, в 1922–1923 гг. епископ Ставропольский и Кубанский, с 1923 г. епископ Ейский, в 1926–1927 гг. временно управлял Иркутской и Верхоленской епархией, с 1926 г. епископ Нижнеудинский и временно управляющий Иркутской епархией, с 1927 г. епископ Забайкальский и Нерчинский, с 27 марта 1930 г. архиепископ, с 3 апреля 1930 г. архиепископ Шадринский, управляющий Свердловской епархией. В декабре 1930 г. арестован и приговорен к 10 годам лишения свободы, сослан в Сиблаг, расстрелян.
- ⁷⁶ ГА ЧО, ф. Р–422, оп. 1, д. 45, л. 37; Обновленческий раскол... С. 959.
- ⁷⁷ ГА ЧО, ф. Р–422, оп. 1, д. 45, л. 37.
- ⁷⁸ Там же, д. 19, л. 37.
- ⁷⁹ Там же, д. 45, л. 34.
- ⁸⁰ Там же, оп. 2, д. 819, л. 77.
- ⁸¹ Там же, оп. 1, д. 45, л. 34.
- ⁸² Обновленческий раскол... С. 959.

Приложения

№ 1¹

Обвинительный акт о священниках С. П. Старкове, Н. Д. Подгорбунском и др.

Обвиняемые: св[ященники] Старков, Николай Подгорбунский, Николай Стрелков, Николай Писарев 2-й, Василий Богоявленский, диакон Маккавеев, гр[аждане] Николай Попов, Семен Романов и Иван Носырев содержатся под стражей в Читинской городской тюрьме. Обвиняемые: св[ященник] Замятин, гр[аждане] Николай Болотов, Михаил Васякин, Иван Титов, Авксентий Злобин, Георгий Шик и Руфин Яковлев находятся на свободе, с обязательством невыезда из гор[ода] Читы.

Обстоятельства дела. В связи с проведением в жизнь вопроса об отделении церкви от государства и школы от церкви по отношению Заб[айкальской] об[ласти] среди обывателей г[орода] Читы возникли различные дебаты. Эти дебаты приняли особенно острый характер, когда Забайкальским исполнительным комитетом были приняты практические меры к изъятию духовной консистории из рук духовенства. С этою мерою читинское духовенство не могло примириться, т[ак] к[ак] все записи о рождении, смерти, браке и т[ому] п[одобное] считало своей прерогативой. Со своей стороны и исполнительный комитет, не имея никаких намерений врваться в область церковных обрядов, оскорбляющих чувства верующих, не мог оставить духовную консисторию в руках духовенства. Духовенству гор[ода] Читы представилась альтернатива: подчиниться или не подчиниться распоряжениям местной власти, для власти: провести ли декрет Центрального Совета народных комиссаров об отделении церкви от государства, что уже сделано в большинстве городов России и Западной [так в документе.— Д. С.] Европы, или оставить Забайкальскую епархию на особом положении, другими словами, не подчиняться высшей власти Центра. Начались переговоры местной власти с представителями духовенства, закончившиеся категорическим отказом последних

подчиниться, что и выражено в официальном документе 4/17 июня с[его] г[ода], подписанном несколькими членами консистории и утвержденном епископом Мелетием. Такое отношение духовенства местная власть могла рассматривать как начало активных действий против существующей власти и в целях пресечения более сильных осложнений была вынуждена заключить под стражу несколько активных из духовенства лиц. Эта мера была использована противниками советской республики как средство агитации против существующего строя. С этого момента на Соборной площади у духовной консистории стали появляться какие-то группы, привлечшие внимание обывателей г[орода] Читы. 18 июня на этой площади появилась довольно значительная толпа. (Толпа собиралась за последние два дня, т. е. 18 и 19 июня.) Настроение толпы было довольно умеренное, и если появлялись предложения активных действий, то они не имели решающего значения. Все дебаты велись вокруг переговоров с местной властью по поводу освобождения арестованных священников. Иногда выдвигались довольно жесткие выражения, сущность которых доходила до представителей власти, и власть была поставлена в необходимость реагировать тем или иным способом. Так, от н[ачальни]ка гарнизона гр[ажданина] Иванова еще 17 июня было получено распоряжение городской милиции для присутствия при снятии в духовн[ой] консистории, что вызывало необходимостью предотвращения возможных эксцессов. 18 июня наряд милиции был послан вновь, т[ак] к[ак] 17-го приемка консистории не была закончена. Группа обывателей, которым было все равно, как окончится переход консистории в руки советской власти, а также различные проходимцы, подбивающие несознательную массу на эксцесс, являлись центром, привлечшим внимание проходящих. Наряду с мирным обсуждением вопроса стали раздаваться предложения противопоставить вооруженной власти свою организованную силу. 18 июня обсуждение толпы затянулось до поздней ночи. Так, например, начальник городской милиции, проходя 18 июня в 11 час[ов] ночи, видел толпу около 60 человек, преимущественно женщин, стоящую на площади и обсуждающую все те же вопросы. С утра 19 июня на площади опять начал собираться народ, и городской милицией была выделена часть своих людей на предмет восстановления порядка, если бы он был нарушен. В это же самое время в толпе и на церковной ограде стали появляться ораторы, некоторые из которых настаивали на выяснении вопроса посредством делегации к комиссару Матвееву, некоторые же призывали к непосредственному освобождению священников толпой (показания Беломестнова). В третьем часу к комиссару И. М. Матвееву был послан от толпы представитель в сопровождении помощника начальника милиции. Комиссара Матвеева в исполнительном комитете не оказалось, и после переговоров по телефону об этом было сообщено толпе. Было сделано предложение разойтись по домам и ждать до завтра, до решения вопроса исполнительным комитетом. Это предложение толпой было отвергнуто, было отвергнуто также предложение посылки петиции местной власти. Еще раньше были робкие намеки на необходимость ударить в набат и этим самым собрать возможно большее количество народа. С получением ответа, что объяснения с Матвеевым добиться

не удалось, многие участники толпы указали на набатный звон, который и начался через две-три минуты с колоколен соборной и архиерейской церкви. Толпа стала быстро увеличиваться приходящими прихожанами от различных церквей. Около 5 часов вечера толпа стала требовать активных действий. Конкретно указывалось на необходимость крестного хода к тюрьме для освобождения священников... но и в это время со стороны некоторых были попытки указать, что избираемые толпою меры приведут к печальным последствиям, предупреждения эти встречались насмешками и негодованием. С иконами, хоругвями толпа направилась к Александровской улице и по ней в сторону тюрьмы. Дорогою некоторые участники шествия набрасывались на постовых красноармейцев, разоружали их, а отобранное оружие тут же разбивалось... Шла страшная агитация, происходило пение, и раздавались крики против советской власти. Дойдя до Камчатской ул., толпа увидела стоящую впереди небольшую цепь, выставленную местной властью для недопущения толпы до тюрьмы. Этой команде было дано строжайшее приказание (словесное), чтобы отряд действовал на толпу мирным образом (словами), но не употреблял бы оружия, если толпа сама не сделает нападения. Ввиду приближения толпы начальник отряда вышел вперед и стал кричать, чтобы толпа остановилась. Учитывая, что слова его могут быть не поняты толпою, вследствие поднявшегося шума, он стал махать рукой и шашкой, показывая этим, что толпа должна разойтись или по крайней мере остановиться. Это же делали находящиеся в цепи красноармейцы... но, несмотря на это, толпа продолжала двигаться, а из передних рядов ее раздавались призывы: «Идите, идите, стрелять не будут». Видя, что указанные меры не приводят к цели, отряд решил повлиять более серьезным образом. Был сделан залп вверх... В толпе после выстрелов началась паника. Вслед за залпом команды начались выстрелы и со стороны. Кто производил эти выстрелы, осталось невыясненным, но что они были, ясно из показаний («стреляли кругом» — Коцюба). Впоследствии говорилось в толпе, что стреляли из разных домов. Кем была убита женщина и несколько человек ранено, выяснить не удалось. Во всяком случае убийство женщины и поранение нескольких лиц необходимо отнести к произведенным выстрелам со стороны, а не отряда. За это говорят показания судебно-медицинского вскрытия и свидетельства врача Устлина... раненых Садышева и Богдановой и свидетельство о поранении врача Цейтлина. Кроме того, что уже изложено, выяснилось, что жена священника Старкова была ранена, по всей вероятности дробью.

№ 2²

Речь архимандрита Софрония (Старкова) при наречении во епископа Селенгинского

Богомудрые архипастыри и отцы!
Изволением Св[ятого] Духа, благословением Святейшего Патриарха,
суждением Священного Синода, попечением святителя Забайкальской

Церкви и желанием верующих членов ее призван ныне я к епископскому служению.

В настоящий великий и страшный час моей жизни священный трепет проникает все мое существо, потому что велик жребий святительства и тяжел крест служения епископа. Знаю мою немощь подъять на рамена свои тот омофор, о тяжести которого свидетельствовал великий избранник Божий святитель Тихон. Сознаю свое недостойнство быть продолжателем дела, начатого в Забайкалье святыми руками святителей Иннокентия и Софрония, Иркутских чудотворцев. «Немудрым и ничего не знающим» [1 Кор 1. 27–28] почитаю себя в сравнении с выходившими прежде меня на возделывание Забайкальской нивы иерархами. Все они высоки по своему образованию, искусные в иночестве, опытные в миссионерском делании. И к сонму этих избранников Божиих подхожу я, униженный [1 Кор 1. 28] по своему происхождению, скудный своим образованием, новоначальный в иночестве, не изведавший миссионерских подвигов. Подхожу в то время, когда в жизнь Церкви направляют свое жало скорпионы неверия и нечестия [Иер 2. 6], когда разливается муть сектантства, когда сотни тысяч в пределах Забайкальской епархии пребывают во тьме язычества, ламаизма и шаманства, когда многие десятки тысяч удаляющихся от общения с нами старообрядцев не желают входить в ограду православной Церкви, когда и среди именующих себя православными велико число равнодушных к вере и благочестию, у которых «огрубело сердце, которые и ушами своими с трудом слышат, и очи свои смежили» [Ис 6. 10], когда и для соратников на ниве Христовой тяжесть пастырского крестоношения усугубляется часто злобой, клеветой, ложными обвинениями, темничными узами и даже смертью. «Кто я, чтобы мне идти?» [Исх 3. 11]. «Молюся Ти, Господи, избери могуща иного, егоже послещи» [Исх 4. 13] на это служение», — сказал потому я, когда впервые услышал зов ко святительству. Однако призвание Божие повторилось. И я вспомнил, как «возгорелся гнев Господень на Моисея» [Исх 4. 14], когда он упорствовал, убоялся тогда я слов Писания: «Грядет гнев Божий на сыны непокорныи» [Еф 5. 6]. И на вторичный зов ответил: «Знаю, Господи, что не в воле человека путь его, что не во власти идущаго давать направление стопам своим» [Иер 10. 23], ведаю, что «от Господа стопы человека исправляются» [Ис 36. 23]. «Отче мой, если не может чаша сия миновать, чтобы мне не мучиться, да будет воля Твоя» [Мф 26. 42]». Поэтому, когда и ныне возвещено мне окончательное веление служить в сане епископа Церкви Христовой, я вслед за руководящим голосом ее, как любящей матери, повторил: «Благодарю, приемлю и ничесоже вопреки глаголю» (Чин избр[ания] и рукопол[ожения] архиерейск[ого]).

К такому послушанию обязывает меня и весь пройденный путь моей жизни. Обращаясь к прошлому, я чувствую потребность вместе с псалмопевцем возвестить: «Много сделал Ты, Господи Боже мой, о чудесах и помышлениях Твоих хотел бы проповедовать и говорить, “но они превышают число” [Пс 39. 6]». Вся жизнь — дивное чудо промысла Божия. В младенчестве сноп чужой жатвы, на которой должны были работать мои родители, бывал часто моей колыбельной в летнее время. Ныне я приведен к епископской кафедре.

Сколько любви Божественной, сколько помощи Божией чрез добрых людей испытал на себе, чтобы пройти этот путь. Прежде всего Господь послал мне великое счастье в лице моей родительницы, хотя и малограмотной крестьянки, но очень умной женщины, первый живой пример крепкой веры в Бога, горячей молитвы, упорного труда, несокрушимой энергии и первую учительницу грамоты. От нее впервые в раннем детстве полюбил я молитву и научился молиться, от нее познал силу веры, ценность труда, четырехлетним ребенком научился читать, полюбил учение книжное. Она же своим почитанием священного сана открыла мне в девятилетнем возрасте путь сначала на клирос сельского храма, а затем в Троицкий Селенгинский монастырь. Отцу внушил Господь преобладать предрассудки своей среды и предоставить мне идти по влечению сердца. Истовое совершение богослужения сельским священником в родном приходе привлекло меня к участию в церковной службе и трудах сельского причта. О. архимандриту Иринарху указал Господь взять меня в обитель и устроенную им церковную школу. Здесь трепетало от радости мое детское сердце, когда девятилетним мальчиком в трапезной монастыря произносил: «Житие иже во св[ятых] отца нашего (имярек) благослови, отче честный, прочести» и читал по Четым Минеям Жития угодников Божиих. Здесь же бывший викарием еп[ископ] Мелетий [Якимов.— Д. С.] первый по просьбе о. архимандрита Иринарха призрел меня своим святительским вниманием и отсюда направил в Нерчинское духовное училище.

Училище находилось в то время в периоде полного духовного роста при материальной скудости. Приснопамятный о. протоиерей Павел Родионович Затопляев стоял во главе его. Человек с высоким пастырским настроением, богатыми природными педагогическими дарованиями, с непоколебимым авторитетом, при полном расцвете своих духовных сил, крепкий в то время физически, он вдохнул в училище свое дыхание жизни. Все сотрудники проникались его святым настроением. Служение Церкви Христовой даже в должности низшего сельского клирика становилось дорогим и желанным нашему сердцу. В день вполне успешного окончания курса в училище я со своим однокурсником, впоследствии Преосвященным Ефремом, приготовил прошение о назначении на должность псаломщика и идеализировал служение, о котором с детства мечтал. Об этом узнал один из всегда близких к ученикам преподаватель. Он узнал, что бедность преграждает нам путь к дальнейшему продолжению образования. С большим участием отнесся к нам и по телеграфу попросил архиепископа Иркутского Вениамина помочь нашей бедности. Добрый архипастырь подал нам надежду. И пред нами открылись двери Иркутской Духовной семинарии. Здесь оказалось много подобных мне бедняков. Правление семинарии было в большом затруднении. На помощь пришли, вечная им память, о. ректор архим[андрит] Никодим и о. архим[андрит] Иринарх. Личными средствами они помогли в течение первого года, дальше на общем положении казеннокоштного воспитанника [я] безбедно продолжал ученье.

Со вступлением в должность ректора незабвенного архим[андрита] Евсевия стремление и готовность стать в ряды служителей алтаря Господня на-

столько окрепли, что не хотелось отсрочивать этого дела продолжением образования в духовной академии. Та же благодеющая рука Господня наделяла щедротами Своими и на пути пастырского делания. Бедный сельский маленький приход был первой очень дорогой школой жизни и пастырского душепопечения. Затем по воле Божией в уездном и епархиальном городе при неизменном внимании, снисхождении и доверии Забайкальских архипастырей, церковных и общественных учреждений открылось широкое поле для применения сил во всех отраслях епархиальной службы и в разнообразных видах церковно-общественной деятельности до участия в деяниях Всероссийского церковного Собора включительно. Ты, первенствующий в настоящем сонме святителей, Высокопреосвященнейший Владыко [обращение к Оренбургскому архиепископу Мефодию (Герасимову), возглавлявшему хиротонию архимандрита Софрония.— Д. С.], принял меня в свое архипастырское руководство на третьем году моего служения и более половины моей пастырской страды отечески берег от опасностей, принимал в свое сердце мои скорби и любвеобильно укреплял и окрылял мои силы на поприще епархиального служения. Преемники твои продолжили начатое тобой попечение. Святитель Божий, ныне павший телом, но, я верю, пребывающий среди нас своим духом, глубокопочитаемый мной Высокопреосвященный митрополит Евсевий [Рождественский.— Д. С.] с любовью благоустраивал мое шествие по пути пастырства, первый благословил на новую ступень жизни. «Благодатию Божиею есмь, еже есмь». Поистине «много сделал Господь, чудеса Его превышают число» [Пс 39. 6], чтобы меня, «немоцию обложеннаго» [Евр 5. 2], вести «от силы в силу» и такую немощь мою обращать во свидетельство Своей милости ко мне и для спасения тех, кому служить я призван. Посему переживаю на себе всю силу свидетельства ап[остола] Павла: «Верно и всякого приятия достойно слово, что Иисус Христос пришел в мир спасти грешников, из которых я первый, но для того я и помилован, чтобы Иисус Христос во мне первом показал все долготерпение в пример тем, которые будут верить в Него к жизни вечной» [1 Тим 1. 15–16].

Правда, падали на меня тяжкие испытания. Горе бедности в отрочестве и юности сменились иными невзгодами жизни. Самый тяжкий удар Божьей грозы разразился над моей головой три года тому назад. Я потерял спутницу жизни. Мои дети лишились солнца материнской любви. Но и несчастья говорили о любви Божией к моему недостойнству. Они еще больше, чем радости жизни, звали меня крепче держаться за ризу Господню и в служении Божьему делу находить истинный смысл для своей жизни. При испытаниях я должен был говорить: «Знаю, Господи, что суды Твои праведны и по справедливости наказал меня» [Пс 118. 75], «но да будет же милость Твоя утешением моим по слову Твоему к рабу Твоему» [Пс 118. 76]. И действительно, всегда несчастья моей личной жизни услаждались милосердием Божиим, самое тяжкое из них смягчается призванием к служению в сане епископа. Дивно избрание. Чудесна милость Божия и в осуществлении этого избрания. Чтобы подкрепить мою немощь, Господь прежде возведения меня на Голгофу епископского служения явил для моей веры и любви в дни св[ятой]

Четыредесятницы и Страстной седмицы совершенный Им путь самоотверженного подвига «даже до смерти» и в Пасхальную седмицу показал радость Светлого Воскресения и торжество Христовой правды и любви.

Благодаря Господа, так о мне благодееющего, и приемлю жребий епископского служения, нимало вопреки глаголя. Готовность подъять подвиг непосильный для моей немощи поддерживает во мне, кроме послушания воле Божией, обетование Иисуса Христа, что все продолжатели дела Его, а с ними и я недостойный, не одиноки. «Аз есмь с вами во вся дни до скончания века» [Мф 28. 20],— звучит донныне и вселяет уверенность, что дело св[ятой] Церкви несокрушимо не только попытками людей, но и силами самого ада [Мф 16. 18] «столпы ея никогда не исторгнутся и ни одна вервь ея не порвется» [Ис 33. 20]. Влечет к тому любовь к Церкви Христовой, воспитавшей меня под своим кровом. Вдохновляет глубокое сознание ценности служения для спасения ближних и искреннее желание продолжать дело св[ятого] благовествования. Ободряет и твоя, святитель Забайкальской Церкви, отеческая попечительность, при которой и в епископском делании примешь ты меня в свою любовь, как не отрунул в пастырском труде. Верю, что и забайкальская паства, подвигнувшая меня к приятию креста архиерейского служения, примет³ на себя подвиг Симона Киринейского и не оставит меня одиноким. Паче же всего даст мне дерзновение подъять подвиг служения в сане епископа вера во всемогущую помощь Божию, которая по молитвам Божией Матери и св[яты]х] угодников ниспосылается. Пресвятая Богородице, «молю Ти ся, ороси мя благодатию, да зову Ти: Радуйся, водоспасительная» (Конд[ак иконе Божией Матери] «Жив[оносный] Источ[ник]»)⁴. Святители Христовы Иннокентие и Софроние, личным подвигом изведавшие трудность возделывания той нивы, к сеянию на которой я призываюсь, молитвенным предстательством помогите мне. Усугубляет решимость мою упование на вседействующую «благодать Божию, немощная врачующую и оскудевающая восполняющую».

Предзреваю тот священный час, когда око веры узрит в храме «Господа, сидящего на престоле высоком и превознесенном», слух веры услышит шелест риз Господних, почувствуется трепетание крыл серафимов и огласится храм их пением Трисвятой песни. Возопиет тогда моя немощь: «Горе мне, погиб я, ибо я человек с нечистыми устами» [Исх 6]. Умоляю вас, святители Божие, усугубьте в тот страшный час в единении с народом церковным вашу святительскую молитву, дабы серафим коснулся моих нечистых уст и услышал я в утешение моему достоинству: «Беззаконие твое удалено от тебя, и грех твой очищен» [Ис 5. 17]. Помолитесь, богомудрии архипастыри и отцы, дабы мне, «наименьшему из всех избранных, дана была благодать — благовествовать неисследимое богатство Христово и открыть всем, в чем состоит домостроительство тайны, сокрывавшейся от вечности в Боге, создавшем все Иисусом Христом» [Еф 3. 8–9]. Помолитесь, Преосвященнейшие владыки святые, чтобы Пастыреначальник Христос объединил меня с пастырями и пасомыми всеильным союзом христианской любви во единую истинно христианскую семью, чтобы помог мне призвать сюда и тех, «яже не суть от двора сего» [Ин 10. 6], и со всеми ими удостоиться предстать непо-

стыдно в день всеобщего воздаяния пред Судией и Мздовоздаятелем и рещи:
«Се аз и дети мои».

Архимандрит Софроний.

№ 3⁵

**Слово архиепископа Мефодия (Герасимова)
при вручении жезла епископу Софронию**

Христос воскрес!

Возлюбленный о Христе брат епископ Софроний! Вручая тебе епископский жезл, символ твоей епископской власти, хочу тебе напомнить слово, которое Господь сказал о Себе: «Сын человеческий не прииде да послужат Ему, но послужить и дати душу Свою избавление за многи» [Мф 20. 28]. Итак, принимая жезл епископского правления, знай, что ты принимаешь его не затем, чтобы тебе как властелину служили другие, а затем, чтобы ты сам послужил другим. Не паства существует для тебя, а ты для паствы, не паства должна сообразоваться с порядком твоей личной жизни и твоими требованиями, а ты должен сообразоваться с требованиями твоей паствы, ты должен быть таков, каким был св[ятой] апостол, который сказал о себе: «Всем бых вся, да всяко некия спасу» [1 Кор 9. 22]. Принимая жезл епископского правления, помни, что ты слуга паствы, а не господин ее, потому что Господь сказал: «Иже аще хочет в вас быти первый, будет вам раб» [Мф 21. 29]. «Боли же в вас да будет вам слуга» [Мф 23. 12]. Ты слуга паствы, а не господин ее, а потому правь паствою со всяким смирением, в смирении высота твоя.

Труден момент, в который ты берешь на себя бремя епископского служения. Как будто уже наступили те страшные времена, о которых сказал апостол: «В последние дни настанут времена люта» [2 Тим 3. 1]. Есть сходство между настоящим моментом, который мы переживаем, и первыми временами Церкви. Первые времена Церкви были времена кровавых гонений, и эти гонения воздвигла сама власть, которая считала веру Христа вредным суевением, напрягала все силы, чтобы истребить с лица земли самое имя христиан. Ныне Церковь вновь проходит огненное испытание, вновь воздвигнуто гонение, и это гонение опять воздвигла сама власть, которая объявила религию опиумом для народа, дурманом, которым одуряется народ, вредным для социального блага масс суевением. Напрягает точно также все силы, чтобы искоренить религию, исторгнуть из души народных масс всякую веру и прежде всего веру Христа. Труден момент! Древние гонители Церкви и мучители христиан гнали правду Божию, истину Христову, но они по крайней мере не посягали на правду человеческую, уважали требования справедливости, законности, права личности. Ныне ниспровергнута правда Божия и правда человеческая, поругана вера, попраны все законы гуманности и справедливости. Вместо любви, которую заповедал Господь, вместо справедливости, законности и уважения к личности, на которых зиждется всякое человеческое общежитие, провозглашен животный закон звериной борьбы за существование.

Труден момент. Ты не можешь молчать, ты должен возвысить свой голос на защиту веры и правды. Церковь Христова и ее служители суть блюстители истины и правды Божией на земле, должны охранять их от хуления и поругания, но с мужеством соедини и благоразумие, чтобы благою ревности не возбудить еще бо́льшую злобу врагов истины и не подвергнуть истину еще большему гонению. Но это благоразумие не должно быть тем, что лукавый век называет тактичностью, которая готова во всякий момент сделать уступку лжи и неправде. Это благоразумие, соединенное с мужеством, должно быть тем качеством, о котором Господь сказал: «Будите убо мудри яко змии и цели яко голуби» [Мф 10. 16]. Будьте мудры, как змии, просты и незлобивы, как голуби. Труден момент, в который ты идешь на подвиг епископского служения. Ты идешь не на почести твоего высокого звания, а на крестный подвиг. В настоящий страшный момент более чем когда-либо принимающий бремя епископского служения должен быть готов исполнить повеление Христово: «Аще кто хочет по Мне идти, да отвержется себе, и возмет крест свой, и по Мне грядет» [Мф 16. 24].

Вручаю тебе жезл епископской власти. Прими его и запечатлей в твоём уме и сердце слова святого апостола: «Пасите еже в вас стадо Божие, посещаяще е не нуждею, но волею и по Бозе, ниже неправедными прибытки, но усердно, ни яко обладающе причту, но образи бывайте стаду. И, явльшуся Пастыреначальнику, примите неувядаемый славы венец» [1 Петр 5. 2–4]. Здесь сказано все, что тебе нужно знать и что нужно делать. Пастыреначальник Господь, когда ты завершишь свое течение, да сподобит и тебя в день оный приять неувядаемый славы венец от рук Его. Аминь.

№ 4⁶

Постановление Забайкальского епархиального совета о епархиальном управлении

Забайкальский епархиальный совет.

Циркулярно в копиях благочинным и причтам церквей, благочинническим и приходским советам Забайкальской епархии 6.III.1923, № 238, г. Чита.

Забайкальский епархиальный совет, принимая во внимание возникновение в последнее время в епархии не соответствующих действительности слухов и появление подобного же характера газетных статей и заметок об епархиальной жизни и управлении, что может внести в них расстройство и привести к последствиям, вредным для церковного единства, возбуждая беспокойство и скорбь в православном народе, признал необходимым поставить в известность духовенство, благочиннические и приходские советы епархии о положении епархиального управления и о принципах и задаче своей деятельности в настоящий момент.

Преосвященный Мелетий, находящийся вне Забайкальской епархии (в Харбине) с июля 1920 года, на докладе Забайкальского епархиального совета от 1 декабря 1922 г. за № 450 с представлением протокола совета от

18 ноября 1922 г. за № 72 о невозможности сношения с ним и о предоставлении Преосвященному Софронию всех прав епископа, управляющего епархией, на основании постановления Высшей церковной власти от 7/20 ноября 1920 г. за № 362 (о порядке церковного управления при расстройстве сношений с подлежащей властью) и постановления той же власти от 9/22 марта 1922 г. за № 326 (о назначении Преосвященного Софрония управлять Забайкальской епархией) положил резолюцию от 14 декабря 1922 г. о своем согласии.

Управляющий Забайкальской епархией Преосвященный Софроний, епископ Селенгинский, в ночь на 31 декабря стар[ого] ст[иля] 1922 г. арестован представителями ГПУ и находится в читинской тюрьме в ожидании суда. Поэтому центром, объединяющим жизнь епархии и сосредотачивающим управление ею, в настоящее время является Забайкальский епархиальный совет. Последний, сохраняя каноническую связь с епископом Софронием, принцип и задачу своей деятельности в условиях переживаемого времени, определяет в таких положениях. 1) Повиновение с доброй совестью существующей государственной власти, в частности, проведение в жизнь строгого подчинения законам об отделении Церкви от государства и школы от Церкви и основанным на них распоряжениям власти, определяющим внешнюю жизнь Церкви. 2) Свобода совести и свобода и неприкосновенность внутренней религиозной жизни православного верующего народа, в целях охраны которых не вносить никаких политических тенденций в Церковь и религиозную жизнь народа и тем избежать ошибок прошлого и не давать поводов к политической расценке Церкви и деятельности духовенства с вытекающими отсюда последствиями. 3) Верность православной Греко-Российской Церкви на основе единства догматического учения и канонического церковного строя, при нарушении которых неизбежно умножение расколов, сектантства, ересей и отпадений. 4) Ожидание церковного суда над Патриархом Тихоном, до решения которого мы считаем себя канонически не вправе отвергать его Патриаршего достоинства и потому продолжаем возносить уставные моления о нем. 5) Автономный характер Забайкальской епархии в церковной жизни и управлении, согласно послания наместника Патриарха митрополита Агафангела [Преображенского.— Д. С.] от 18 июля 1922 г. за № 214 (см. «Забайкальский цер[ковно-]общ[ественный] вестник», № 32, 1922 г.). 6) Признание необходимости церковных реформ и предварительная работа в этом направлении, самое же проведение в жизнь реформ считаем возможным лишь после соответствующих решений вопросов о них на Всероссийском церковном Соборе. 7) Забайкальская епархия должна принять участие на ожидаемом Всероссийском церковном Соборе, если созыв его, способы избрания членов Собора и условия участия на нем будут обеспечивать каноническую правоспособность его, не будут носить партийного характера и будут свидетельствовать об единстве православной Российской Церкви и свободном участии на соборе духовенства и мирян в лице своих представителей.

Для определения дальнейшего положения дела и по другим вопросам епархиальной жизни Забайкальский епархиальный совет считает долгом принять меры к созыву очередного епархиального собрания.

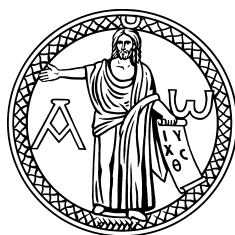
ИССЛЕДОВАНИЯ

Подлинное подписали: Председатель епархиального совета кафедральный протоиерей Инн[окентий] Томилин. Член совета прот[оиерей] Никол[ай] Писарев и священник Никол[ай] Подгорбунский. Член-секретарь П. К. Белевский.

С подлинным верно: член-секретарь П. Белевский (*подпись*).

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Архив Регионального управления ФСБ России по Читинской области. Следственное дело № 621 по обвинению В. Т. Сивова, П. А. Михайлова и других. Начато 15 ноября 1930 г., т. 8, л. 318–321
- ² ГА ЧО, ф. Р–422, оп. 1, д. 45, л. 25–27 об. Речь произнесена в Благовещенской церкви подворья Пекинской миссии в Харбине 21 апреля 1922 г.
- ³ Исправлено, в рукописи: принять.
- ⁴ День 21 апреля 1922 г. пришелся на пятницу Светлой седмицы, когда совершается празднование в честь иконы Божией Матери «Живоносный Источник».
- ⁵ ГА ЧО, ф. Р–422, оп. 1, д. 45, л. 28–28 об.
- ⁶ Там же, оп. 2, д. 791, л. 18–18 об.

ИЗ ИСТОРИИ ДУХОВНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

А. В. Мангилёва*

«Шесть лет в Крутогорской семинарии»: Воспоминания «Крутогорца» (Ивана Андреевича Ардашева)¹

Воспоминания, озаглавленные «Шесть лет в Крутогорской семинарии», анонимны. Имя их автора, преподавателя Уфимской Духовной семинарии Ивана Андреевича Ардашева, предположительно восстанавливается по надписи на приложенном к документу конверте: «Ардашев Иван Андреевич (псевдоним «Крутогорец») — преподаватель Духовной семинарии (г. Уфа)². Шесть лет в Крутогорской семинарии (воспоминания). Рукопись. Б/д». Автор тщательно скрыл истинное название места своей учебы. Тем не менее упоминание о расположении здания семинарии «в специально построенных корпусах на архиерейской даче» позволяет отнести события, описанные «Крутогорцем», к Вятской Духовной семинарии, с 1795 г. находившейся именно в таком месте³. По словам «Крутогорца», он поступил в семинарию в 80-х гг. XIX в. и проучился в ней 6 лет. Более точных указаний на время происходящих событий в дневнике нет. Ситуации, описываемые в воспоминаниях, соответствуют периоду «контрреформ» Александра III и обер-прокурора Святейшего Синода К. П. Победоносцева. Сочинение вряд ли написано ранее 1902 г., когда Ардашев окончил Казанскую Духовную академию и был удостоен «степени кандидата богословия с правом преподавания в семинарии и с правом получения степени магистра без нового устного испытания»⁴. В 1907 или 1908 г. Ардашев стал инспектором Уфимской Духовной семинарии⁵ и оставался им по меньшей мере до 1913 г. В Центральном государственном историческом архиве Республики Башкортостан, в фонде Уфимской Духовной семинарии⁶ хранятся дела о представлении к награде инспектора семинарии И. Ардашева (1912 г.)⁷ и о награждении его орденом св. Анны 3-й степени (1913 г.)⁸, а также Указ Святейшего Синода о разрешении инспектору

* © Мангилёва А. В., 2009

Анна Владимировна Мангилева, кандидат исторических наук, доцент кафедры теологии Российского государственного профессионально-педагогического университета (Екатеринбург). Публикация подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 07-01-83102 а/У.

семинарии И. Ардашеву преподавать «противомусульманскую полемику» (1913 г.)⁹.

Единая система российских духовных учебных заведений с общими программами и централизованным управлением была создана в 1808–1814 гг. Территория Российской империи делилась на 4 духовно-учебных округа, возглавлявшихся духовными академиями — Петербургской, Московской, Казанской и Киевской. Академии были не только учебными заведениями, дававшими высшее образование, но и административными центрами, решавшими большинство вопросов, связанных с работой духовных школ на территории своего округа. В каждом епархиальном центре существовала семинария, ученики которой получали среднее образование и в большинстве своем становились священнослужителями, лучшие направлялись в академию того округа, к которому принадлежала семинария, и становились преподавателями. В описываемый «Крутогорцем» период семинария жила по уставу 1884 г., который в сравнении с уставом 1867 г. значительно расширил полномочия архиерея в вопросах духовного образования в епархии. Архиерею поручалось наблюдать за направлением преподавания, воспитанием учащихся и следить за исполнением устава¹⁰ (в воспоминаниях «Крутогорца» описывается характерный случай исключения ученика за переписку с бывшим ректором, причем говорится о невозможности противостоять «безконтрольно-властному союзу инспектора с архиереем»). Ректора и инспектора семинарии назначал Синод, при этом при обер-прокуроре К. П. Победоносцеве ректоры не могли оставаться на одном месте более 3 лет, что препятствовало налаживанию отношений между руководящим и ученическим составами семинарии¹¹.

Все должности в семинариях и училищах еще со времени введения устава 1867 г. были доступны и представителям белого духовенства. «Крутогорец» указывает на духовный сан только ректоров и троих из четырех инспекторов (и среди инспекторов только один монах, тогда как прежде это также считалось обязательным). Тем не менее большинство преподавателей предпочитали оставаться мирянами, что объясняется только глубоко укоренившейся традицией. Содержание преподавателей и управленческого аппарата брала на себя казна, остальные расходы покрывались из епархиальных средств. За счет дополнительных средств семинарии открывали параллельные классы. Срок обучения составлял 6 лет. Программа семинарий была соотнесена с программой гимназий, и после окончания 4-го класса семинарист мог перейти в светскую школу.

Общежитие, где жили семинаристы, называлось бурсой. Денег на содержание бурсаков выделялось мало, поэтому многие выпускники духовных школ вспоминали тяжелые условия жизни в бурсе. Особенно распространены были такие представления после выхода в свет «Очерков бурсы» Н. Г. Помяловского¹². Сам Помяловский, окончивший Петербургскую Духовную академию, подчеркнул, что он описывает жизнь только казеннокоштных бурсаков. Более объективным и благожелательным подходом к теме отличаются мемуарные очерки Д. Н. Мамина-Сибиряка¹³, хотя и у него побудительным мотивом для работы стало желание описать уродливые стороны жизни

духовной школы. Причины порочного поведения учеников духовных школ большинство авторов (в том числе Помяловский и Мамин-Сибиряк) видели не только в недостаточном финансировании системы духовного образования, но и в отрыве изучаемых предметов от реальной жизни, в засилье мертвых языков, в зубрежке, в отсутствии педагогических способностей у большинства преподавателей, в жесткой регламентации жизни учеников. Затронутая Помяловским тема вызвала большой общественный резонанс, и во многих публикациях говорилось о том, что пороки бурсы присущи всей системе духовных школ. Описания нищеты, воровства, азартных игр и пьянства, царивших в среде не только бурсаков, но и учеников, чье содержание оплачивали родители, стало общим местом русской публицистики 2-й половины XIX — начала XX в. Это было одной из причин, по которой Святейший Синод предпринимал постоянные действия по реформированию духовной школы.

Если сравнить воспоминания семинаристов с рассказами выпускников других учебных заведений, становится очевидным, что ученики гимназий и военных училищ также нередко нелицеприятно отзывались о системе обучения и преподавателях своих школ. Жизнь кадетов в описании А. И. Куприна поразительным образом напоминает быт бурсаков Помяловского. Причина сходства здесь — обостренное восприятие подростками отрыва от семьи, перехода в закрытое учебное заведение, где царствуют не столько методы педагогики, сколько та же подростковая «стадная» психология. В семинарию попадали в возрасте 12–14 лет. Именно на время обучения приходился период взросления, неизбежно связанный с критической переоценкой окружающей действительности. Те из выпускников, кто затем попадали в духовные академии, могли к тому же сравнивать условия жизни и учебы в семинарии с академическими (по всеобщему признанию, неизмеримо лучшими)¹⁴.

Основной интерес в воспоминаниях «Крутогорца» представляют описания быта семинарского общежития, характерные для 2-й половины XIX в.¹⁵, а также сведения об участии семинаристов в общественной жизни своего времени¹⁶. Еще «Духовный регламент» стремился оградить учеников духовной школы от внешних воздействий: в первые годы обучения запрещались даже поездки к родным, был ограничен круг развлечений в свободное время¹⁷. Большинство рекомендаций «Духовного регламента» в XIX в. было отвергнуто, но нарастание охранительных тенденций в государственной политике приводило ко все большей замкнутости духовной школы. Наиболее ярко это проявилось в 1840-х гг., когда из семинарского курса было почти полностью исключено преподавание философии (под предлогом опасности для сознания учеников новых философских учений)¹⁸. Это изменение семинарской программы, предложенное светскими властями, вызвало сопротивление ряда высших церковных иерархов, считавших, что именно изучение философии, анализ новых учений с точки зрения Церкви поможет преодолеть эту потенциальную опасность, тогда как полное умолчание лишь усугубит ее. Это предостережение не было услышано, количество запрещенных для семинаристов научных, публицистических и художественных книг увеличивалось

и приводило вовсе не к «стойкости убеждений», а к тому, что интерес к этой литературе среди учащихся возрастал.

В годы обучения «Крутогорца» в семинарии начальство особенно строго боролось с запрещенной литературой (как неожиданная черта в поведении заведующего библиотекой Костромина упоминается выдача им наиболее способным ученикам современных книг и разговоры с ними о литературе; большое место в воспоминаниях занимает рассказ о создании семинаристами собственной библиотеки и о мерах, предпринимавшихся руководством семинарии для розыска запрещенных книг). В воспоминаниях бывших семинаристов рассказывается о том, что чтение запрещенных книг производило настоящий переворот в сознании¹⁹. Новые идеи воспринимались на веру, без критического осмысления, и одна книга была способна перевернуть жизнь. Неспособность к логическому анализу превращала человека в фанатика новой идеи либо в столь же фанатичного ее ниспровергателя, выпускники духовной школы впоследствии зачастую пополняли ряды радикальных партий как левого, так и правого толка. И хотя «Крутогорец» признает «незрелость» умов своих одноклассников, сам он не может скрыть все еще кипящего в нем восторга неопита, приобщившегося к запретному знанию.

В этой связи показательна ситуация, сложившаяся в Пермской Духовной семинарии в 1850–1860-х гг. Она схожа с описанной «Крутогорцем». В Пермской семинарии действовал нелегальный кружок, в состав которого входили как семинаристы, так и преподаватели. «Нити заговора» вели в частную библиотеку, открытую выпускником семинарии А. И. Иконниковым. Александр Иванович Иконников родился в Ирбите в семье священника, в 1850 г. окончил Пермскую Духовную семинарию, затем Казанскую Духовную академию и в 1855 г. был назначен преподавателем в Пермскую семинарию, но перешел на светскую службу и стал чиновником для особых поручений при Пермском губернаторе. Открыв библиотеку, он начал собирать в ней и нелегальные издания, доступ к которым имели лишь избранные. В число тех, кому доверял содержатель библиотеки, естественно, попали преподаватели семинарии А. Г. Воскресенский и А. Н. Моригеровский, а также другие лица, связанные с семинарией. С конца 1860 г. кружок семинаристов стал устраивать тайные собрания, на которых читались запрещенные издания из библиотеки Иконникова, в семинарии была создана своя нелегальная библиотека, начал издаваться рукописный журнал «Семинарский звонок». В середине февраля 1861 г. была предпринята попытка широкого распространения на Урале прокламации «Послание старца Кондратия», которая переписывалась от руки семинаристами. В апреле по доносу кружок был раскрыт полицией. Иконников был сослан в г. Березов Тобольской губернии, магистр богословия А. Моригеровский — в Архангельскую губернию, семинаристы исключены из семинарии и высланы из Перми²⁰. Тем не менее повышенный интерес семинаристов к запрещенной литературе и в дальнейшем приводил их в ряды оппозиционных организаций.

Воспоминания «Крутогорца» носят критический характер. Вероятно, они и составлялись как публицистическое произведение, направленное на исправ-

ление недостатков духовного образования. Тем не менее из сочинения видно, что в семинарских стенах собирались не только бурсаки, думающие лишь об алкоголе, хулиганских выходках и о возможности устроиться на выгодном месте, но и способные, мыслящие молодые люди, которых семинария снабжала запасом знаний, достаточным для дальнейшей учебы в высших учебных заведениях. Сам характер отдельных нарушений — чтение запрещенных книг, тайная постановка спектаклей — свидетельствует о живых умственных запросах и исканиях семинаристов и заставляет относиться критически к резким высказываниям «Крутогорца».

Воспоминания построены по хронологическому принципу. Возможно, автор пользовался дневниковыми записями. Наиболее ранний период его семинарской жизни описан как череда мелких бытовых событий, детских проказ и мелкого хулиганства. По мере взросления семинаристов у них появлялись новые интеллектуальные и духовные интересы. Публикуемый текст важен не только как исторический источник, но и как памятник, отразивший становление человеческой личности.

Рукопись переписана набело, аккуратным почерком. В тексте 1-й главы встречаются многочисленные поправки, в основном касающиеся стиля. Поправка выполнена карандашом поверх готового текста и, возможно, принадлежит автору. Работа над стилем воспоминаний не была доведена до конца; если бы текст читал и правил посторонний читатель, такое вряд ли бы произошло, так что данный факт также можно рассматривать как косвенное свидетельство в пользу авторской правки. Отсылались ли куда-либо эти мемуары для печати, неизвестно, во всяком случае, опубликованы они не были. При подготовке рукописи к публикации орфография и пунктуация подлинника были приведены в соответствие с современными требованиями. Явные опiski, где это было возможно, исправлены, пропущенные буквы и слова вставлены в текст в квадратных скобках. Без изменений оставлены некоторые характерные особенности авторской лексики («семинар» — вместо «семинарист», «архирей» — вместо «архиерей»). Сокращены обширные описания подросткового пьянства. Все сокращения отмечены в примечаниях, составленных публикатором.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Государственный архив Свердловской области, ф. 101, оп. 3, ед. хр. 121.
- ² Слова «преподаватель духовной семинарии (г. Уфа)» зачеркнуты.
- ³ *Дудин А., священник, Шихов С. А.* Вятская и Слободская епархия // Православная энциклопедия. Т. 10. М., 2005. С. 154.
- ⁴ <http://www.petergen.com/bovkalo/duhov/kazda.html>
- ⁵ В 1906–1907 гг. инспектором семинарии был иеромонах Серафим (Лукьянов), а в 1908 г. инспектором значится уже Иван Андреевич Ардашев (http://www.orthorus.ru/cgi-bin/or_file.cgi?7_2994); Справочная книга по г. Уфе на 1908 год. Уфа, 1908. С. 178.
- ⁶ Опись фонда размещена на сайте: <http://ufagen.ru/fund/6088>

- ⁷ Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан, ф. 112, оп. 1, д. 97.
- ⁸ Там же, д. 122.
- ⁹ Там же, д. 112.
- ¹⁰ Полное собрание законов Российской империи. Собрание (1 марта 1881–1913). Т. 4. СПб.; Пг., 1885–1916. № 2401, 2060.
- ¹¹ Смолич И. К. История Русской Церкви (1700–1917). Ч. 1. М., 1996. С. 471.
- ¹² Помяловский Н. Г. Очерки бурсы. Свердловск, 1988.
- ¹³ Мамин-Сибиряк Д. Н. Из далекого прошлого // Мамин-Сибиряк Д. Н. Повести. Рассказы. Очерки. М., 1975. С. 387–513.
- ¹⁴ См., например: Тарасова В. А. Высшая духовная школа в России в конце XIX — начале XX века: История императорских православных духовных академий. М., 2005. С. 265–274.
- ¹⁵ См. также: Помяловский Н. Г. Указ. соч.; Никитин И. С. Дневник семинариста. М., 1955; Евлогий (Георгиевский), митр. Путь моей жизни. М., 1994; Ю. Г. Из воспоминаний о духовной школе 70-х гг. Киев, 1902; Грязнов Е. Из школьных воспоминаний бывшего семинариста Вологодской семинарии // Вологда в воспоминаниях и путевых записках, конец XVIII — начало XX века. Вологда, 1997. С. 151–179; Воспоминания Евгения Андреевича Елховского (1869–1937), священника женского Свято-Николаевского монастыря г. Переяславль-Залесского // Страницы истории России в летописи одного рода: Автобиографические записки поколений русских священников (1814–1937). М., 2004. С. 129–367.
- ¹⁶ Смолич И. К. Указ. соч. С. 470.
- ¹⁷ Духовный регламент. Часть вторая: Дела, управлению сему подлежащие. Раздел: Дома училищные и в них учителя и ученики, також и церковные проповедники (Духовный регламент. М., 1802. С. 59–85).
- ¹⁸ Смолич И. К. Указ. соч. С. 428.
- ¹⁹ Тарасова В. А. Указ. соч. С. 277–278.
- ²⁰ Архивный фонд краеведческого отдела Пермской областной библиотеки имени А. М. Горького, ф. 6, оп. 2, д. 6, л. 76; История Урала в период капитализма. М., 1990. С. 168–171.

Шесть лет в Крутогорской семинарии

(Л. 1) Глава первая

Местоположение семинарии. Первые впечатления. «Цивилизация и цивилизаторы». Столовая. «Вертеп». «Отстукиванья». Табакуры-«плюсователи». Картежники. Голодуха. Пьянство. Охрана пьяных. Несчастные спектакли. Литературные вечера. «Изгнания» и причины их. История с захваченной перепиской. Начало падений. Наша религиозность. Кощунственные выходки.

За окраиной Крутогорска, вблизи столичного тракта, белеют в садах здания, похожие издали на фабрику. Это и есть Крутогорская семинария, в которой протекли шесть лет моей учебной жизни. «Вдали от шума городского» появилась она, по свидетельству местной истории, не по педагогическим, а по экономическим соображениям. В давнюю пору здесь был архиерейский загородный дом, его и приспособили для учебных целей, когда по епархиям Руси (Л. 2) местные архиереи стали заводить духовные школы, или попросту бурсы. Семинария разрасталась, и около первоначального помещения с течением времени выросли три громадных корпуса и несколько небольших особняков. Кругом семинарского двора — долина небольшой речушки, покрытая по местам лесом и кустарниками. Около семинарии речонка сдержана плотиной и образует небольшой илистый прудок, в котором водились лини и щуки. Лесок, долина и пруд напоминают семинаристам родные сельские места и издавна служили и служат для них местом отдыха от казенной казарменной обстановки.

В мае и июне, во время «учебной страды» с раннего утра и до позднего вечера вокруг семинарии можно видеть характерные фигуры семинаристов, то подзубривающих науки, то играющих в мяч и городки, то в лодках на пруде или с удочкой на берегу. Словом, приволье и большой простор доставляло летом крутогорскому семинару местоположение его alma mater. А зимой для конькобежцев расчищался пруд, около него устраивались ледяные горы для любителей такого рода удовольствий. Зато зима доставляла

и немало неприят (Л. 3) ностей питомцу семинарии. В трескучие морозы, когда на городских каланчах вывешивались флаги, отменяющие занятия в городских учебных заведениях, семинарист был совершенно отрезан от города. Смелчаки, решавшиеся в подобные дни пускаться в ^адальнюю прогулку в казенных тулупах «на рыбьем меху», отмораживали пальцы, возвращались с вздутыми щеками и носами и т. п.

По количеству учащихся Крутогорская семинария всегда была многолюдна, так как ученики собирались в нее ^бчуть ли не из десятка^б училищ, существовавших в епархии. Но были годы, когда количество их значительно понижалось. Это были годы массовых «выгонок» из семинарии по поводу каких-либо внутренних, часто неважных с общечеловеческой точки зрения обстоятельств. Помню, к 15 августа 188... года^в мы с родителем приехали из отдаленного уголка епархии в губернский город. О семинарии я имел смутные представления. Знал лишь, что из нее выходят священники, можно по окончании ее учиться и дальше. Но это заманчивое «дальше» не имело еще для меня никакого определенного содержания. Видал я и учителей семинарских: они являлись в духовное училище^г в качестве ревизоров и, конечно, производили на нас, малышей, (Л. 4) импонирующее впечатление. Преобладающим чувством к новому учебному заведению, а особенно к жизни в общежитии, был у меня какой-то безотчетный страх. Вероятно потому, что и ^гродитель-то мой^г не мог мне рассказать толком, что такое семинария, так как в своем образовании не доходил до нее.

На другой день по приезде мы^а двинулись за город. Еще издали забелели среди садов семинарские корпуса. Сердце мое^е еще более упало, хотя внешнее спокойствие я старался сохранить, всячески подавляя свое унылое настроение. Прошагав неспеша прямую, как стрела, версту семинарской дороги, мы подошли к главному корпусу, в котором в ожидании молебна собрались семинаристы. У входа в церковь стоял представитель инспекции. [С] суровым видом он осмотрел меня с ног до головы и указал дорогу в храм. Робкими шагами я вошел ^жв церковь^ж и присоединился к первому попавшемуся ряду семинаристов. Без речей и какой бы то ни было торжественности был отслужен молебен. Мое внимание невольно было обращено на громогласное, фигуральное многолетие семинарского хора, который долго-долго выкрикивал то дискантами, то басами: «Лета! лета!». После молебна новичков принимал инспектор^д, невысокого роста, худощавый, с бегающими (Л. 5) пронизывающими глазами и малой растительностью на голове, протоиерей. Уже по глазам его было видно, что это человек, от которого трудно что-либо скрыть даже семинаристу, по условиям жизни в общежитии весьма опытному «в надува-

^{а а} Написано над строкой, вместо зачеркнутого: город.

^{б б} Написано над строкой, вместо зачеркнутого: из нескольких.

^в Так в рукописи, год не указан у автора.

^{г г} Написано над строкой, вместо зачеркнутого: отец-то.

^д Далее зачеркнуто: с ним.

^е Слово написано над строкой.

^{ж ж} Слова написаны над строкой.

тельстве» начальства. Но потом оказалось, что и у этого, на первый взгляд, всеведущего старика были недостатки, которыми^а превосходно пользовались ученики.

В семинарии строго преследовалось чтение так называемых запрещенных, т. е. не вошедших в скудный каталог семинарской ученической библиотеки, книг. А таких было, конечно, значительно больше половины всей русской литературы, почти вся критика и публицистика и т. д. Особенно почему-то не пользовались расположением этого инспектора писатели-народники. Бывало, ученик сидит за книжкой Гл. Успенского или Златовратского. Внезапно появляется инспектор и с вопросом: «Что читаете?» подлетает к парте. Находчивый ученик встает, смело поднимает книгу под самый нос инспектора и спокойно отвечает: (Л. 6) «Пособие для такого-то сочинения, такого-то автора». Инспектор, конечно, не подозревает такого решительного надувательства и удовлетворяется ответом.

В зале, куда мы собрались в ожидании начальства, инспектор произвел нам «переключку», некоторым сделал замечания насчет костюма и прически (длинные волосы, по его взглядам, были признаком «нигилиста»), сказал несколько слов о семинарских порядках, выдал каждому по экземпляру «правил^б поведения» и велел переселяться из города в общежитие, кто еще этого не сделал. После обеда, уже на лошади, с небольшим^в имуществом^г мы^д подъехали^е к корпусу^ж, где были помещения для первого класса. Швейцар снабдил меня ключом для ящика в гардеробной — громадной комнате, от пола до потолка уставленной шкапами с одинаковыми по размерам ящиками, предназначенными^з для пожитков семинариста. Первоклассникам обыкновенно давались ключи от самых неудобных помещений, попасть в которые можно было лишь при помощи высокой переносной лестницы, или же (Л. 7) от самых нижних, в которых свободно хозяйничали, как оказалось впоследствии, семинарские грызуны.

В корпусе стоял гул сотен голосов, наполнявших классы, коридоры и гардеробную. Старшие с любопытством осматривали новичков, знакомым предлагали услуги. Тут же по разным направлениям сновали продавцы ненужных за переходом в следующий класс потрепанных книг и записок преподавателей по разным предметам. Старый товар расхваливался: «В моей книге, — выкрикивал один, — хоть она стара, а все страницы в целости, да и все, к чему “придирается” учитель, подчеркнуто!» В первом классе оказалось более ста человек, которые были разделены на три почти равные отделения. Третье отделение носило название «цивилизации», а обучающиеся в нем — «цивилизаторов».

^а Последняя буква в слове вставлена карандашом.

^б Далее зачеркнуто: для.

^в Далее над строкой вписано: 3.

^г Далее над строкой вписано: 4.

^д Далее над строкой вписано: 2.

^е Далее над строкой вписано: 1.

^ж Далее над строкой вписано: 5.

^з «Пред» — зачеркнуто.

Почтенный эпитет прилагался к ним не без основания. Семинарское начальство имело обыкновение отсаживать в третье отделение оставшихся в первом классе на второй год. Таких объектов набиралось ежегодно человек до тридцати. Это был элемент, уже знакомый (Л. 8) с семинарскими порядками, и, естественно^а, имел большое «просветительное» значение в жизни новичков. Такой порядок распределения первоклассников^б был губителен для^в самих «цивилизаторов», так как «цивилизация» была очагом всяких дебошей и безобразий. Начальство узнавало о «не совсем невинных» затеях «цивилизаторов» и в течение второго года их пребывания в семинарии давало им «чистую отставку». Большинство изгнанников заполняло потом «псалмопевческий университет», так в шутку называли нечто похожее на учебное заведение для готовящихся в ряды низшего клира. В год нашего поступления кому-то пришла в голову добрая мысль уничтожить «цивилизацию», а «цивилизаторов» рассеять в равном количестве по всем трем отделениям первого класса. Мера эта была разумнее, так как под влиянием новых товарищей некоторые, быть может погибшие бы в «цивилизации» личности, исправлялись и доходили до конца семинарского курса.

Большинство вновь поступивших чувствовало (Л. 9) себя в новой обстановке не по себе: держались больше группами, по училищам. Заметно свободнее вели себя лишь перешедшие из Крутогорского училища, для которых семинария, по крайней мере по внешности, не была новостью. «Философы и богословы»^г, прошедшие уже^д часть семинарской премудрости, внушали невольное уважение. Между ними действительно были почтенные возрастом люди. О некоторых из них шутники выражались, что NN не успевает выбрать левую щеку, как правая покрывается у него новой растительностью. В одном классе обучался, напр[имер], господин, товарищ которого по духовному училищу кончил в академии и приехал учительствовать в ту самую семинарию, где, не торопясь, заканчивал свое образование страстно возлюбивший науку его бывший коллега.

Первые дни пребывания в семинарии были посвящены осмотру ее. Центром, который собирал всю семинарию, были церковь и столовая. Но в церковь собирались раз-два в неделю, а в столовую, конечно, ежедневно по нескольку раз. (Л. 10) Столовая помещалась в отдельном корпусе и представляла громадную, с низким потолком комнату, разделенную рядом колонн на две половины. Среди однообразия обстановки на одной из стен ее выделялся большой старинного письма образ 'апостола Иоанна', сидящего в задумчивой позе с приложенным к^е губам пальцем^е. Под иконой стоял так называемый пробный столик. Здесь ставилась *для пробы начальства* порция куша-

^а Написано над строкой вместо зачеркнутого: благодаря этому.

^{б в} Написано над строкой вместо зачеркнутого: имел губительное влияние на.

^в Далее над строкой: большую.

^{г г} Вписано над строкой

^д Вписано над строкой.

^е Далее зачеркнуто: апостола Иоанна.

^{ж ж} Фраза написана над строкой.

ний^а, подаваемых ученикам^б. Начальство этой пробы, конечно, не касалось, и она делалась достоянием близсидящих семинаристов и между ними служила иногда яблоком раздора, особенно если^в было^г что-либо сладкое^г. Тогда соседи «пробного стола» следили, чтобы противоположная сторона не стащила пробы раньше их; в начале обеда касаться пробы не позволялось, и поэтому нужно было не упустить момента: стащить пробу прежде других претендентов^а. Крашенные массивные столы покрывались за обедом белыми скатертями, меняемыми раз в не (Л. 11) дело. К концу они напоминали скорее просоленный брезент. Пред каждым учеником ставилась тарелка; вилки на двоих полагалась одна, а нож обслуживал четверых. Впрочем, по воскресеньям, когда готовилось жареное, вилки давали всем, а количество ножей удваивалось. За^е столом сидели^е по классам и по алфавиту, начиная со старших. *Обедающие рассаживались на длинных тяжелых скамьях, человек по двенадцати на каждой*. Громко разговаривать, а тем более смеяться за обедом^з не полагалось, однако абсолютная тишина воцарялась лишь в присутствии тщедушной фигурки инспектора. Тогда раздавался лишь слабый звон в оловянные миски, означавший, что в данном месте требуется прибавка. Прибавка на каждую миску полагалась до трех раз, но качество ее постепенно ухудшалось. В третий раз приносили чуть ли не одну горячую воду, побывавшую в том котле, где варился суп.

Столовая^и была излюб (Л. 12) ленным местом для демонстраций против чем-нибудь провинившегося члена инспекции или даже самого ректора, а чаще для заявления неудовольствия по поводу каких-либо дефектов пищи. Демонстрации в столовой на семинарском языке носили название «отстукиваний». Отстукивали обыкновенно так. В одном углу обширной столовой начинается все усиливающийся топот ногами. Присутствующему начальству слышно лишь, что стучат в таком-то углу, но кто стучит — не видно, так как семинаристы приучились этот маневр производить настолько искусно, что верхняя половина тела сидящих за столом ничуть не выдавала, что выделывали ноги. «Начальство» направляется в сторону стука — разузнать причину и остановить демонстрантов. Вот тут-то и начинается потеха. В противоположном углу^к топот подхватывается с большей силой и^л, перекачиваясь, как волна, охватывает всю столовую. «Изводить» таким путем нелюбимое

^а В рукописи исправлено из: кушаньев.

^б Далее зачеркнуто: для пробы начальству, неизменно присутствовавшему в столовой во время обедов и ужинов.

^в Далее зачеркнуто: кушанье.

^{г г} Вписано над строкой вместо зачеркнутого: из любимых.

^д Далее зачеркнуто: на нее.

^{е е} Вписано над строкой вместо зачеркнутого: обед садились.

^{ж ж} Фрагмент текста взят в скобки.

^з Слово вписано над строкой вместо зачеркнутого: столом.

^и Далее зачеркнуто: была у семинаристов.

^к Далее зачеркнуто: столовой.

^л Далее зачеркнуто: он.

начальство было в большом обычае^а. (Л. 13) Недоброкачественная пища тоже давала повод для «отстукиваний». Здесь почему-то чаще всего семинаристам казалось, что в кашу вместо масла положено сало, и вот там, где это замечено, раздаются отрывистые неестественные (чтобы не узнали) голоса: «Са-ло! Са-ло! Са-ло!» и легкий стук ногами. Крики и топот усиливаются и сливаются в невообразимый шум, в котором^б ровно ничего «разобрать невозможно»; где-нибудь проказники вместо «сало», кричат: «мало!» и только звонок на молитву прекращает демонстрацию. Иногда подобные «отстукивания» кончались и битьем посуды, но в наше время это было уже только^в преданием. Быть может, во избежание таких инцидентов вся посуда была эмалированная или оловянная, против которой ничего не могла поделывать даже расходившаяся натура семинариста.

Чай пили в этой же столовой. Чаепитие было любимейшим времяпрепровождением учеников. Порядок в это время был иной. Представители инспекции в столовую тогда не являлись. Сидели за чаем обыкновенно не по классам, а по знакомству, (Л. 14) поэтому^а «здесь тогда» раздавались непринужденные разговоры, разносился веселый заразительный хохот. За чаем можно было и почитать какую-нибудь книгу, не опасаясь «набега» инспекции, покурить — словом, поблагодумствовать. Чай и посуда^б были свои, и каждый для хранения их имел шкатулку, которая обыкновенно ставилась на стол, уже не покрытый скатертью. Шкатулки занимали на столах много^в места, и столовая на время чаепития была тесна^г. Некоторым, особенно первоклассникам, приходилось пить чай в соседстве^д с ней^е, в полутемной грязной комнате, известной у учеников под именем «вертепа». Рядом с «вертепом» находилась пекарня, где во время ученического чаепития неизменно заседал^ж за чаем же^з семинарский пекарь, старик с окладистой бородой, прозванный с давних пор «апостолом», который всех желающих снабжал к чаю казенным черным хлебом. В свободное от своих прямых обязанностей время «апостол», вооружившись очками, сидел обыкновенно за чте^и (Л. 15) нием какой-либо неизменно божественной книги.

Учебная жизнь входила в свою колею постепенно; прежде нее привлекала новичка внеучебная, так сказать общественная, жизнь семинарии. Она благодаря примерам старших и влиянию «цивилизаторов» у первоклассников почти с первого же месяца пребывания в семинарии делалась похожей на

^а Далее зачеркнуто: у семинаристов.

^б Далее зачеркнуто: почти.

^{в в} Вписано над строкой, вместо зачеркнутого: не слышно.

^г Слово написано над строкой.

^{д д} Вписано над строкой вместо зачеркнутого: в столовой.

^е Далее зачеркнуто: у каждого.

^{ж ж} Вписано над строкой вместо зачеркнутого: пространства и всем ученикам мест в столовой не хватало.

^{з з} Вписано над строкой вместо зачеркнутого: со столовой.

^и Далее зачеркнуто: тоже.

^к Слово написано над строкой.

жизнь всех остальных классов. Несмотря на обилие инспекции, порядок семинарской жизни никак не укладывался в рамки врученных нам инспектором правил. По пословице «запрещенный плод сладок», первое внимание новичка было обращено именно на запрещенные плоды. Многие из нас курили уже в духовном училище, привычка эта естественно перешла и в семинарию. Но здесь число курящих вдруг значительно выросло. Поступление в семинарию высоко поднимало ученика духовного училища в собственном мнении: ведь из первого класса семинарии дают уже псаломщические места. А это ведь не кое-что! И вот как бы в подтверждение своей (Л. 16) гражданской зрелости новичок брал в рот папиросу. Но на табак нужны были деньги, которых у небогатого в большинстве семинара немного. Тут выручало товарищество. Табакур в период острого финансового кризиса «плюсовал», т. е. просил у куривших товарищей оставить ему небольшой окурочек (на семинарском языке «плюс») и этим окурочком отводил душу, чаще вдыхая в себя не табачный дым, а тлеющую вату. Для нуждающихся был и табачный кредит. Обычно торговля папиросами производилась в каждом классе кем-либо из предприимчивых коллег^а; в первом она была монополией «цивилизаторов». Дело это было выгодное, у торговцев всегда были карманные деньги, и они, сравнительно с другими, роскошествовали. Но это до поры до времени, нередко у них случались кражи. Бдительная инспекция выслеживала каким-то образом ящики в гардеробной, где бывали табачные склады, и безжалостно конфисковала товар, и продавец «вылетал в трубу». Открыть торговлю вновь было (Л. 17) и рискованно, да и часто не позволяли подорванные фиском денежные средства. Людей с коммерческой стрункой встречалось немало. Один, напр[имер], по осеням торговал рыбой, другой яблоками, скупая их у приходивших в город деревенских продавцов. Третий в постные дни бегал версты за 2–3 в деревню за молоком и с барышом продавал его товарищам, нуждавшимся в подкреплении после скудного семинарского стола.

Весьма распространенным в общежитии развлечением была карточная игра, начинавшаяся тоже с первого класса. Любимыми играми были «подкаретные»: три и четыре листика, реже стукалка, а еще реже преферанс. Игроки не любили последнюю игру за ее медлительность. Первые же преимуществовали тем, что их можно прекратить в любой момент, что особенно было важно при «боевых» отношениях семинариста с инспекцией. Инспекция, нужно заметить, старалась бдительно исполнять свои обязанности. Представители ее являлись к нам во всякое время для того, чтобы «уловить» что-либо (Л. 18) незаконное. Картежники, конечно, прекрасно знали эту тактику и предпринимали меры самозащиты. Самой действительной из них был караул. Обыкновенно в складчину, коп[еек] по 5–10 за час, игроки нанимали двух товарищей. Один из караульчиков становился внизу у лестницы, по которой должно было проходить начальство, а другой на верхней площадке ее. При приближении опасности нижний караульный начинал, как бы не замечая

^а Слово вписано над строкой вместо зачеркнутого: товарищей.

надвигающейся опасности, выкрикивать условные слова, верхний тогда стремглав несся в класс, и игроки моментально рассыпались по своим местам, где у них уже были приготовлены раскрытые книги. На караул чаще всего шли неудачливые игроки, которые с первым же заработанным гривенником садились снова к зеленому столу или, точнее, к опрокинутой учительской кафедре, которая была самым удобным местом для картежной игры.

Игра в карты привлекала весьма многих. Сначала^а обыкновенно начинали играть на папиросы, (Л. 19) которых в семинарских лавочках давали штук пять–шесть на копейку. С течением времени папиросы заменялись деньгами. Увлечение игрой доходило до полного забвения всего остального. А так как в классах можно было без особенного риска играть лишь во внеурочное время, то в течение вечерних занятий играли в самых укромных уголках, в какие весьма редко проникала инспекция. Одним из таких мест были помещения для служителей. «Служительские» можно было назвать семинарским клубом, так как это было место, равно доступное для игроков всех классов. Тут рядом с новичком мерялись силами богослов и философ. Грязь этих помещений^б была неопишима. Этим не смущались^в. К неопрятности комнаты прибавлялся удушливый табачный дым, в облаках которого^г «виднелись лишь» силуэты играющих^д, азарт закрывал глаза на все окружающее. Семинарист был способен играть при худших условиях, но лишь бы играть, и часто играл до того, пока не проигрывал все свои капиталы, а иной раз и что-либо из своего имущества. Играли днем, (Л. 20) играли вечером^е, ночью, после двенадцатичасового обычного инспекторского «обхода» спали. Лишь только делается известно, что «ушел», игроки оставляют свои постели и, завернувшись в одеяла, в одном белье идут в какой-либо уголок семинарского здания и играют здесь до звонка, возвещающего о начале нового учебного дня.

Случалось, азартные игроки проводили таким образом несколько ночей подряд и на уроках теряли всякую способность к восприятию. Шел раз урок геометрии. Учитель, большой любитель наглядности, объяснял употребление транспортира, а после объяснения начал обносить этот инструмент кругом парт, чтобы ученики могли подробно рассмотреть его. Все, конечно, с любопытством тянутся посмотреть транспортёр. Невозмутимо сидит лишь один, опустив вниз голову. Это был спящий любитель карт, бодрствовавший^е несколько ночей за любимым занятием. Учитель то ли сознательно миновал его, но шаги уходившего преподавателя разбудили ученика, и он, услышав спросонок голос учителя, готов был вско (Л. 21) чить со своего места. «Показалось мне со сна,— говорил он потом,— будто кто-то назойливо засматривает мне в карты; хотел я его ругнуть как следует, рас-

^а Слово вписано над строкой вместо зачеркнутого: новички.

^{б в} Написано над строкой вместо зачеркнутого: трудно выразить словами.

^{в в} Написано над строкой вместо зачеркнутого: сидели.

^г Далее зачеркнуто: но.

^д Далее зачеркнуто: играли и.

^е Над строкой вставка: пред тем.

кривою глаза и... такой пассаж: “формула” (прозвание учителя) с транспортиром!»

(Л. 21) Случалось и так, что, несмотря на все предосторожности, картежников «накрывали». Карты и деньги, какие оказывались на столе^а, конфисковались, и уличенные получали должное возмездие в виде вычета единиц двух из нормального балла по поведению, сидения в карцере или за голодным столом. Семинарский карцер представлял небольшую полутемную комнату без мебели, запиравшуюся большим замком. Как это ни странно, он помещался в больничном здании. Стены его были исписаны различными мудрыми и немудрыми изречениями, касавшимися больше инспекции, и разрисованы портретами ее же, в чем не без успеха упражнялись невольные посетители этого места исправления.

Но чаще провинившиеся в чем-либо питомцы наказывались «голодным столом». Голодный стол пред (Л. 22) писывался нашими педагогами и для излечения малоуспевающих в науках. Этот стол находился на видном месте столовой. К обеду на нем ставились приборы по числу наказуемых персон, графин воды, стакан и стулья. «Голодающие», закусив, конечно, до обеда, должны были являться в столовую первыми и занимать приготовленные им места. Всем входившим прежде всего бросался в глаза этот стол с сидящими за ним. «Голодуха» была своего рода «торговой казнью». Цели своей она едва ли достигала, о чем свидетельствовало довольно частое применение этого своеобразного наказания.

Употребление «хмельного» начиналось тоже после первого знакомства с семинарской жизнью. Не выпить для компании рюмку водки считалось фактом, унижающим высокое достоинство семинариста; обильно выпивающий, особенно в глазах первоклассников, считался чуть ли не героем. Не напрасно один остроумный бытописатель семинарской жизни назвал семинариста существом пьющим (разумеется, водку) и дующим (поющим) басом. Эти способности высоко ценились среди крутогорских семинаристов. (Л. 23) «Пили» семинаристы чаще группами человека в два-три и более^б, инспектор, напр[имер], никогда не верил, если какой-нибудь подвыпивший ученик говорил ему, что выпил один, и просил указать собутельников. По разным поводам устраивались и общественные выпивки.

У новичков первым поводом «одурманиться» было взаимное поздравление с поступлением в семинарию, а затем объявление о том, кто принят на казенное или полуказенное содержание⁴. «Смывать» казенников и полуказенников было обычаем, освященным многолетней историей. А так как получение казенных субсидий не всегда было результатом дей (Л. 24) ствительной нужды в них, то сборы с казеннокоштных на общую выпивку были различны. С сирот обязательного сбора не полагалось: они жертвовали на это дело «по усердию», и в большинстве лишь те, кто сам любил выпить.

^а Вписано над строкой вместо зачеркнутого: кону.

^б Далее зачеркнуто: один.

Во всех этих сборах первую роль играли, конечно, «цивилизаторы». Выпивали семинаристы и без всяких внешних поводов, а просто потому, что кому-нибудь из любителей придет в голову мысль: «Не худо бы сегодня горло промочить». О своем желании он объявлял, и тотчас же предложенная идея получала одобрение и в фуражку инициатора^а начинали сыпаться со всех сторон даяния «на кварту» (четверть). Чаще всего эти импровизированные кварталы распивались пред ужином, накануне праздников, когда было меньше риска натолкнуться на инспекцию.

Самый процесс выпивки напоминал порядок распития общественного вина на деревенских сходах. Около задних парт располагались виноразливатели, к которым гуськом подходили желающие выпить с какой-нибудь посудой, по возможности одинакового размера. С присказками, прибаутками разливалось вино, и чрез несколько ми (Л. 25) нут сказывались результаты: более слабые натуры еле владели ногами. Таких брали на руки и с каким-нибудь песнопением несли в спальню. Большинство же захмелевших оставалось в классе; появлялась гармошка, начинались песни и пляска, кончавшаяся разудалым трепаком, в котором некоторые из семинаристов не уступали балетным танцорам.^б Случались и такие^в дни, когда почти вся Крутогорская семинария была «на верхнем взводе». Это 26 сентября (Богословский праздник)^г, тогда старшие богословы угощали своих приятелей из младших^д классов. В ответ на это приглашение весной, тоже в день Иоанна Богослова^е, устраивали выпивку в пятом классе. Прочие^ж классы, конечно, не отставали от старших.

Именины также ознаменовывались выпивкой. А так как не всякий именинник в состоянии «выставить» угощение, то обычно в начале года собирались сведения о времени именин всех товарищей и, с общего согласия, назначались дни, когда должны были угощать класс Иваны, Михайлы, Петры и т. д., (Л. 26) устраивая для этого складчину. Для большей безопасности и удобства именины справлялись чаще в каких-нибудь третьеклассных городских номерах. Начальство, конечно, всеми мерами стремилось вывести пьянство. На замеченных в нетрезвости сыпались всевозможные наказания; массу воспитанников увольняли за это, но сокращения пьянства за шесть лет пребывания в семинарии заметить было нельзя.

Чтобы заглушить запах водки от развитого инспекторского «нюха», предпринимались различные меры. Самой употребительной было заедание сухим чаем, полоскание рта одеколоном и т. п. Сохранить не в меру выпившего однокурсника от бдительного начальства считалось обязанностью товарищества, и здесь крутогорские семинаристы проявляли изумительную находчивость, скрывая бесчувственных товарищей в таких мес-

^а Исправлено, в рукописи: инициаторы.

^{б в} Вписано над строкой вместо зачеркнутого: бывали в году.

^{в в} Вписано над строкой вместо зачеркнутого: когда в шестом классе бывало разлитое море для гостей, приглашаемых из других.

^г Вписано над строкой вместо зачеркнутого: в которой участвовали шестиклассники. Другие.

тах, в которых и в голову не приходило справляться самым опытным членам инспекции [...]»⁷.

(Л. 30) Любители выпивать в семинарии были всегда. И спрос создавал по временам оригинальное предложение. Несмотря на бдительность начальства, в некоторых классах открывалась продажа водки: кто-нибудь из оборотливых семинаристов устраивал буфет. Чаще буфеты появлялись во время рождественских и пасхальных каникул, когда надзор инспекции несколько ослабевал. Местом буфетов были классные шкафы для хранения книг. На одной полке расставлялись бутылки, на другой закуска: мелко нарезанная колбаса, капуста и огурцы, взятые из семинарской кухни. Большого разнообразия в буфете, конечно, не было. Вкусы семинариста больше лежали к «смирновке» или к произведениям «вдовы Поповой», которых потом^а заменила «монополька». Наряду с «очищенной» здесь можно было найти и что-либо «полегче», вроде рябиновки, но до слабых, так называемых дамских, вин семинаристы не снисходили. Торговля вином была несомненно выгоднее табачной. Но по какой-то странной случайности ни одному буфетчику не удавалось дойти до (Л. 31) конца семинарии.

Дни отпусков на рождественские и летние каникулы также сопровождались попойками. Выпивка тогда происходила только не в стенах семинарии, а дорогой. Разливанное море бывало тогда на постоянных дворах ближайших к Крутогорску сел, где имели обыкновение кормить лошадей «протяжные» ямщики, приезжавшие, по их выражению, за «церковными вещами», т. е. за семинаристами. Любители выпивки, не стесняемые никаким контролем, расходились здесь вовсю: бродили по селу и своим громогласным зёвом оглашали «мирные селения, обыватели которых»^б поэтому уже прекрасно знали, что «кутейники»^в на Рождество едут; напивались до бесчувствия, напавали и своих возниц. Иной раз случалось, что некоторых укладывали в повозки, как «какие-нибудь неодушевленные предметы»^г. Об этом знало, конечно, и начальство, но было бессильно что-либо предпринять. Только с давних пор установился обычай не отпускать в один день на рождественские праздники епархиалок^д, главным мотивом к чему послужило пьянство семинаристов. Отъезжающих на лето на пароходах начальство строго предупреждало: ни в каком случае не пить на пристанях, куда обыкновенно забирались с ночи.

Запрещения, конечно, вызвали обратное действие. «Будучи уже младшими богословами, мы были»^г отпущены на вакат. Накануне нашего отпуска пьяные семинаристы младшего класса устроили на пристани какой-то дебош, дошедший до начальства. По этому поводу нам было сделано особенное внушение. Но^а большинство отъезжавших все-таки «кутнуло» и в таком виде

^а Слово вписано над строкой вместо зачеркнутого: ныне.

^{б б} Вписано над строкой вместо зачеркнутого: мирных обывателей, которые.

^{в в} Вписано над строкой вместо зачеркнутого: какие то мешки.

^{г г} Фраза написана над строкой вместо зачеркнутого: Раз, мы были уже в старшем классе.

^д Слово вписано над строкой.

явились на пристань спать. Кутеж прошел без всяких инцидентов, и казалось, что все сойдет благополучно. Но вышло не так. На беду на вечернем пароходе, запоздавшем дольше полуночи, должен был приехать кто-то из родственников инспектора. Вечером на пристани появился инспектор. Подвыпившие семинары еще не спали и, вместо того чтобы подобру-поздорову убраться с глаз, начали между собою бранить инспектора. Инспектор заметил, что не все обстоит благополучно, и явился в каюту, куда прошли пьяные... Чтобы отличить пьяных, начальство обнаружило чуть ли не соломонскую мудрость, заставив всех спавших поочередно проходить по одной половине... Если замечалось, что марширующий «пишет мыслете», его инспектор приглашал отойти в сторону. Таких набралось человек восемь [...]»¹⁰.

(Л. 34) Пристрастие крутогорских семинаристов к выпивке было, по-моему, главным образом результатом полной оторванности от общества, в какой приходилось жить им. Город был далеко; часто посещать его не приходилось, да и не было цели в этих посещениях: знакомых имели там лишь весьма немногие счастливы. Утомительно однообразная жизнь надоедала. Натура искала какого-либо развлечения, и вот на сцену у некоторых являлось наследственное предрасположение к хмельному. Из истории известно, что одним из заметных пороков в жизни русского духовенства начиная чуть ли не со времен князя Владимира было пьянство.

Впрочем^а, были и другие стремления; иной раз появлялось желание каким-либо культурным начинанием скрасить свою жизнь, но не все эти желания поощрялись начальством. Среди учеников, напр[имер], были большие любители театра. В городе ежегодно по зимам играла какая-нибудь немудрая труппа, одинаково бравшаяся за постановку трагедий, комедий и драм, а иногда и опереток. Вход в театр был недоступен для семинаристов, и лишь некоторые инспектора (из более либеральных) разрешали посещать театр, когда там давались вещи классического репертуара вроде «Ревизора», «Гамлета» и т. п. Современный (Л. 36) репертуар был недоступен для нас. Но здесь, конечно, мы пускались на хитрости. Уверяли, напр[имер], инспектора, что в город приехал дядя, мать или какой-нибудь родственник и желает взять на квартиру, сочиняли на имя инспекции письма с подобными просьбами от мифических дядюшек и тетюшек. А некоторые «удирали» в театр без всякого разрешения. Но это было рискованно, потому что около 12 часов ночи инспекция обязательно обходила спальни, и от нее не могло укрыться отсутствие сбежавшего, так как над каждой койкой была дощечка с фамилией ее владельца.

Но и здесь удавалось обманывать бдительность воспитателей. В каждом классе были специалисты по подделке чучел вместо отсутствующих учеников. Фигура спавшего изготовлялась из какой-нибудь одежды и закрывалась одеялом. По выделке чучел были такие искусники, что иногда не только инспекция не догадывалась, что вместо ученика лежит штуки две шуб, а даже

^а Слово написано над строкой вместо зачеркнутого: у нас.

рядом спящие товарищи, не знавшие заранее об отсутствии соседа. Оставленные на койках чучела, конечно, не всегда могли свидетельствовать о том, что владелец кровати обязательно в театре, а не где-нибудь в другом месте...

(Л. 37) Знакомство с театром развивало желание самим устраивать спектакли, и попытки в этом направлении предпринимались почти ежегодно. Начальство почему-то весьма жестоко преследовало эти невинные развлечения, вероятно, выходя из тех соображений, что увлечение театром осуждено еще во времена вселенских Соборов¹¹, и для лиц, готовящихся к священному сану, предосудительно смотреть «лицедейства». Домашние спектакли интересовали и волновали не только участников, но, можно сказать, всех семинаристов. К ним усиленно готовились; необходимые костюмы доставали нередко из театра. Для постановки же бытовых пьес ученики, семьи которых жили в городе, тащили из дома наряды своих сестер, матерей, знакомых. Все это совершалось в строжайшем секрете от начальства. Но скрыть момент самого спектакля было невозможно, так как во всех корпусах, кроме того, где ставился спектакль, после вечерней молитвы воцарялась мертвая тишина, а там, где предполагалось представление, был[о] необычайное оживление.

Во время нашего пребывания в семинарии устрои (Л. 38) вались два общесеминарских спектакля, оба, благодаря вмешательству инспекции, кончившиеся весьма печально. В первый раз семинарская труппа ставила пьесу Лермонтова «Испанцы». Закрытый занавесью, наскоро сшитой из простынь, угол зала представлял сцену. Пред занавесью сначала сидели на полу, потом на скамьях и диванах, а дальше стояли уже на ногах зрители. Кулисами служила учительская. Пред началом спектакля недурной ученический оркестр исполнил какую-то музыкальную пьеску. Началось представление. Роль Ноэми исполнял и в натуре напоминавший барышню ученик. Когда же его увидели в женском костюме, иллюзия получилась полная; голос и манеры тоже ничуть не выдавали артиста. Характерны были и старуха няня, и старый еврей. Спектакль шел превосходно. Начался уже второй акт. Старик еврей вводит в комнату молодого раненного испанца, одетого в весьма изящный национальный костюм, взятый из театра. На сцене полная захватывающего интереса картина. Зрительный зал замер в созерцании, и... о несчастье! С лестницы раздался пронзительный голос караульщика: «По (Л. 39) мощник идет!» Раненый испанец, доселе едва живой, мгновенно скрывается со сцены. Старик еврей, сорвав бороду и пейсы, стремглав несется в толпу зрителей. Лампы гасятся; в темном зале волнующаяся, шумящая толпа, устремившаяся наконец на заднюю лестницу, где не было опасности встретиться с представителем инспекции. К счастью, «помощник», явившийся разгонять сборище, был в хороших отношениях к воспитанникам. «Господа, разойдитесь,— громко сказал он при входе в зал,— но, пожалуйста, без шума и давки: я никого не ловлю, никого не записываю!». Толпа хлынула и к тому входу, около которого стояло начальство, и чрез несколько минут зал опустел. Тяжелых последствий от этого спектакля не было. Розысков не было, и только по случайно попавшей в руки инспектора программе спектакля узнаны были актеры, отсидевшие за свою склонность к служению Мельпомене в карцере.

Не таковы были результаты второго представления. Во второй раз был объявлен к постановке «Аспид» Салова. В назначенный вечер почти вся семинария собралась в том же зале, где был первый (Л. 40) спектакль. На беду семинаристов дежурным в этот день был самый нелюбимый из помощников инспектора, с которым были счеты почти у каждого ученика. Не успел оркестр исполнить своего номера, как в окна заметили, что к корпусу движется тяжеловесная фигура Костромина. «Братцы, не расходитесь,— раздались голоса,— мы его, такого-сякого, проучим! Гасите лампы!» В зале воцарилась непроницаемая тьма, и здание гудело сотнями возбужденных голосов. Луч света падал лишь из коридора, по которому уже шагал неустрашимый блюститель порядка. В зал он, однако, войти не решился, а своим грубым голосом отдавал приказания толпе из коридора. В ответ ему шум еще больше усилился и послышалась ругань по адресу пришедшего. Но он продолжал настаивать на своем. Но тут над головами толпы кто-то с пением стал раскачивать деревянный диван, который чрез несколько мгновений полетел в помощника. Не отстранись он от него вовремя, последствия могли быть весьма серьезны. В тот же момент какой-то ученик, с ног до головы завернутый в одеяло, «обошел начальство с тыла» и взмахом (Л. 41) простыни загасил висящую в коридоре лампу. Бесстрашное начальство поняло опасность положения — остаться во мраке лицом к лицу с разъяренной толпой, и пустилось в бегство. Но на парадной лестнице тоже был мрак и слышались раздраженные голоса: отступление было отрезано. Убежищем для убежавшего помощника явился освещенный класс, бывший на его пути. Целый час просидел тут невольный узник, ожидая освобождения, но на помощь никто не являлся. На ночь оставаться здесь было, конечно, неудобно, и он решает выбраться из своего заключения. К тому же шум в корпусе уже значительно стих. Ощупью спускается он с лестницы, но здесь новая неприятность: с верхней площадки сыплются на него галоши, валенки и другие попавшиеся под руку вещи.

Таков был финал этого неудавшегося спектакля: с «Аспидом» мы так и не познакомились, зато много горя и несчастий пришлось вынести потом лицам, даже косвенно принимавшим участие в предполагаемом представлении. Здесь задета была «личность» представителя инспекции, и это послужило поводом для жестоких репрессий. (Л. 42) Виновных в оскорблении помощника найти не могли, и вся вина в происшедшем событии, как это ни странно, была возложена на артистов и музыкантов, готовившихся развлечь товарищей. Более двадцати человек были уволены из семинарии. Семинарский оркестр лишился лучших сил и после такого «погрома» долго не мог оправиться. Эта жестокая расправа на несколько лет остановила в семинарии увлечение домашними спектаклями. Они начались снова чрез несколько лет, но устраивались с большими предосторожностями. Зрителей из всей семинарии не допускали: спектакли были классными, и большинство семинаристов узнавало о представлении уже после его постановки. Местом спектакля избирался уже не зал, а классная спальня, а временем не вечер, а какой-либо праздничный день, когда большинство семинаристов отправлялось на послеобеденную прогулку в город.

Вместо спектаклей начинались одно время маскарады, устраиваемые по вечерам пред отпуском на Рождество. Костюмы приготавливались домашним образом и изяществом и разнообразием не отличались. (Л. 43) Преобладали уроды и военщина, начиная с рядовых и кончая генералами с бумажными орденами и прочими аксессуарами этого звания. Иной раз появлялся удачный грим кого-либо из преподавателей или инспекции, производивший всегда фурор.

Начальство, беспощадно изгонявшее учеников за устройство спектаклей, не было, однако, против всяких развлечений. Оно, напр[имер], если не поощряло, то все-таки разрешало литературные вечера. Они обыкновенно устраивались раз, редко два в год. Чаще они бывали в канун отпуска на святки или на масленицу. Вечера эти были для нас большим праздником, так как на них, кроме учеников и семейств корпорации, могли присутствовать родственники и знакомые воспитанников. Посторонней публики в небольшой семинарской зале набиралось иной раз более двухсот. Ученический оркестр подготовлял к этому случаю несколько музыкальных номеров, хор разучивал иногда весьма содержательные вещи из опер, а чаще пел народные песни в духе капеллы Славянского¹², выступали иной раз и недурные солисты. Видное место на (Л. 44) вечерах занимала декламация. Искусных чтецов было немного, но ни один вечер, однако, не проходил без художественного чтения. Более всего семинарским декламаторам удавалось^a комическое. Хороши были и диалоги, в которых сказывалась страсть семинаристов к театру. Читали, напр[имер], сцены из произведений Островского, Гоголя, Тургенева и др[угих]. Помню, публика раз была приведена в полнейший восторг разговором деревенских мальчиков-пастухов из «Записок охотника», разыгранным учениками первых классов, одетыми в простые рубашки. Подготовка к вечерам начиналась задолго до назначенного дня. Зато они удавались всегда на славу. Казенный зал любителями и знатоками декоративного искусства весьма затейливо украшался гирляндами из хвои, искусственными цветами, картинами доморощенных художников — словом, ко дню торжества был неузнаваем.

Поступление в семинарию совпадало с тем периодом в жизни каждого из нас, когда человек переходит от полусознательного детства к сознательной, бурной, (Л. 45) увлекающейся юности. Что же мы представляли к этому времени? Наш умственный багаж, с которым мы являлись в семинарию, был в общем весьма ограничен. Это вполне естественно. Четыре года обучения в духовном училище убивались Бог знает на что. Это какая-то жалкая пародия на учебные заведения, в которых, кажется, до сих пор напичкивают учеников «классической мудростью» в виде грамматик Григорьевского и Смирнова¹³. Изучению этих грамматик посвящалось тридцать два урока училищного курса. Это было сплошное зубрение правил и исключений, переводов бессмысленных фраз о неприятелях, влезających на стены, переходящих реки, о непонятных нашему детскому уму Кирах и Камбизах и т[ому] под[обном]. К концу своей училищной учебы мы прекрасно знали употребление герундиев и супинов,

^a Исправлено, в рукописи: удавались.

творительного самостоятельного, винительного с неопределенным, могли с русского на греческий перевести какую-нибудь протяженно сложенную фразу, но литературное изложение какого-либо рассказа на родном языке было не по силам большинству из (Л. 46) нас. И это при упорном труде со стороны памятного до сих пор учителя русского языка. Читать приходилось нам тоже мало, да и без всякой системы. Большинство товарищей поглощали лишь Майн Рида, Жюль Верна и т. п. Словом, проучившись в этом архаически-уродливом учебном заведении, большинство из нас по своему умственному развитию далеко отставало от учеников нынешних двухклассных сельских школ¹⁴.

В семинарии кроме наскучивших уже языков мы встречали новые предметы, которые, как всякая новинка, вначале заинтересовали многих. В училищной обстановке мы жили безотчетно, изо дня в день. Здесь стало пробуждаться сознательное отношение к окружающему. Впрочем, на многих новая обстановка действовала, как уже было замечено, отрицательно. Пороки, задатки которых замечались и в училище, стали приобретать большую устойчивость. Главной причиной этого явления было странное сомнение перешедших в семинарию учеников. Пятнадцати-шестнадцатилетние юноши, не развив в себе стрем (Л. 47) ления к знанию, начинали воображать себя вполне взрослыми, развитыми настолько, что дальнейшая работа над собой казалась им лишней. «Ну что ж, не буду учиться, выгонят, — рассуждает новичок-семинарист, — на место поступлю, в псаломщики в богатое село. Житье-то будет! Куплю лошадь, а то пару». Уносясь в мечтах своих дальше и дальше, он бросает занятия, а к Рождеству подает прошение о выходе и оставляет семинарию вместе с десятком «цивилизаторов».

Уже первые рождественские каникулы довольно значительно сократили состав нашего курса, состоявшего при поступлении из ста с лишком человек. К Рождеству семинарию оставляли и возлюбившие самостоятельность, а большинство принадлежало к «изгоняемым» семинарским начальством за леность и разные продерзости. Вольных и невольных изгнанников на протяжении шести лет в нашем курсе было поразительно много: из 105 поступивших до шестого класса дошло лишь 25; да человек до десяти (Л. 48) отстали от курса в младших классах и кончили после нас. Семинария в этом отношении была каким-то «чистилищем», сквозь огонь которого проходили лишь немногие счастливицы.

Причины увольнений были иногда прямо изумительны, и, кажется, одна лишь семинарская педагогика не видела в них ничего ненормального. Вот пример. Из семинарии был переведен в другой город ректор. Один из наших товарищей, пользовавшийся расположением бывшего ректора, вступил с ним в переписку. О существовании переписки узнал инспектор и счел нужным передать об этом архиерею — врагу бывшего^a ректора. Архиерей, искавший случай еще чем-либо насолить уехавшему, заинтересовался известием. Будучи

^a Вставлено над строкой вместо зачеркнутого: уехавшего.

весьма далеким от людей вообще, он никак не мог, вероятно, представить, о чем бы могли переписываться две отдаленные дистанции: ректор и ученик. Инспектор в угоду архиерею требовал у товарища выдачи ректорских писем под угрозой увольнения. Ученик продолжительное время упорствовал, но наконец письма все-таки попали инспектору (Л. 49) под условием: не знакомить с их содержанием никакое третье лицо. Захваченная переписка оказалась для инспектора весьма интересным материалом. Между прочим, в письмах ректор спрашивал о жизни семинарии, об отношениях новых начальников к учащимся, не раз упоминал архиерея, прилагая к нему какой-то не особенно почтительный эпитет. Увидев это, воспитатель, давший слово возвратить переписку владельцу, передает ее архиерею. Об этом узнал ученик и, конечно, потребовал возвращения писем. Инспектор в ответ ему повышает тон, говорит, что переписка послужит новым обвинительным актом против и ему неугодного ректора, и... гонит ученика из квартиры.

Юноша, державший весь вопрос о письмах в секрете, был глубоко потрясен происшедшим; его особенно мучило то, что он явился каким-то предателем человека, от которого видел много добра и искренности. Средств борьбы с властным инспектором у него никаких не было: инспектор перестал его даже принимать для объяснений, и наконец он поведал о своем несчастье товарищам по классу. Вероломство инспектора воз (Л. 50) мутило всех. Было постановлено послать к инспектору депутацию с требованием исполнить данное им слово и завтра же возвратить письма. Депутаты возвратились ни с чем, объявив лишь о желании инспектора лично переговорить с классом по этому поводу.

Наступил момент объяснения. Инспектор без всяких рассуждений с первых же слов категорически заявил, что писем он не возвратит, что в них бывший ректор компрометирует семинарию, оскорбляет «владыку», возбуждает учащихся против начальства и т. п. Довольно многочисленный класс это дикое объяснение инспектора старается заглушить шумом и кашлем. Демонстрация^а бесит^б инспектора^в; он требует тишины. Недовольство и знаки протеста усиливаются, и наконец инспектор кричит, чтоб объяснялись не все, а кто-нибудь один. Воцаряется тишина. Поднимается один из товарищей, определенно формулирует желания класса и пункт за пунктом опровергает речь инспектора и в возбуждении от всего пережитого называет его поступок бесчестным. Брошенная в глаза правда была не по душе нашему воспитателю. Он снова начинает что- (Л. 51) то кричать. В ответ ему со всех парт несется: «Нечестно! Нечестно!», и под эти крики он оставляет класс.

Последствия этой истории были невероятны. Ученик, переписывавшийся с ректором, принужден был оставить семинарию, а другой честный человек, от лица класса защищавший его, был уволен. Последний был охарактеризован инспектором как «вредный элемент» класса, при существовании

^а Далее зачеркнуто: наша.

^б Далее над строкой вписано: 2.

^в Далее над строкой вписано: 1.

которого в семинарии он не ручается за спокойствие учащихся. Вот как просто разделялась наша инспекция с неугодными ей людьми. Где было искать защиты от бесконтрольно-властного союза инспектора с архиреем? По условиям местной цензуры даже в печати не пришлось тогда огласить этого возмутительного беззакония, ясно рисующего, как по прихоти личных счетов начальства разбивалась молодая жизнь. Товарищеская солидарность тоже была бессильна в неравной борьбе. Лишь в душе каждого из нас остался осадок злобы и горькой обиды, которому, как увидим далее, удалось вылиться и наружу. К счастью, оба изгнанника были талантливы и не погибли в жизненной борьбе.

(Л. 52) Первый год пребывания в семинарии между нами долгое время не устанавливалось добрых товарищеских отношений: даже в мелочах проявлялась грубость. Взаимные отношения носили отпечаток того, чем они отличались в духовных училищах. Нередко можно было наблюдать площадную брань, крупные ссоры, оканчивавшиеся ожесточенными драками, так что иной раз вся одежда бойцов оказывалась разорванной на лепестки. Иногда устанавливались враждебные отношения даже между отделениями. Помню, по какому-то маловажному поводу возникла сильная вражда между двумя отделениями нашего первого класса. Отношения обострились до того, что ученикам одного враждебного лагеря опасно было проходить около помещений другого. Неизвестно, чем кончилась бы эта история, если бы третья, до сих пор нейтральное отделение для прекращения «братоубийственной вражды» решительно не встало в защиту слабейшего из них, и тем не дана была возможность дойти распре до взаимного избиения, к чему, кажется, было все готово: запасены были палки и другие холодные орудия истребления.

(Л. 53) «Бурсацизм» проявлялся и в развлечениях. «Орлянка», карты и водка, как было говорено, занимали среди них чуть ли не первое место. Нравственное падение начиналось у некоторых тоже в первом классе; и здесь «просветителями» были тоже часто великовозрастные «цивилизаторы». Нужно, впрочем, заметить, что эти факты были единичными. Припоминается фигура одного цивилизатора — «детины непобедимой злобы»¹⁵ во всех отношениях, который имел приятеля в нашем отделении. За вечерними занятиями он часто являлся к нам и, обращаясь к своему другу, многозначительно говорил: «Алеха, сообрази!» Мы сначала недоумевали, что бы могла значить эта лаконическая фраза. И уже чрез несколько месяцев стало известно, что «Алеха», специалист по устройству чучел на койке этого «детины», должен был в данный вечер соорудить из шуб и пальто его фигуру, чтоб о ночном путешествии не узнала инспекция. Ознакомившись с новичками ближе, этот субъект бравировал своими похождениями, вдаваясь нередко в подробные описания всего того, что он встречал в эти ночи в грязных притонах города. Недостатка в слушателях этих (Л. 54) скабрзностей, конечно, не было, и они оказывали свое влияние: опускались и другие, прежде чистые, но слабовольные юноши. Словом, нравственная атмосфера, окружающая нас, заставляла желать многих улучшений.

Воспитатели наши (инспектор и три его помощника) стояли от нас далеко, были не руководителями, а лишь сыщиками. Вся их деятельность по отношению к нам сводилась к исполнению внешне формальных обязанностей. Они будили долго заспавшихся на утреннюю молитву, во время уроков и перемен бродили по коридорам, наблюдая, чтобы не было каких-либо безобразий, вечером «перекликали» нас, чтоб убедиться, не сбежал ли кто без разрешения в город; посещали столовую во время обедов и ужинов; по праздникам стояли в церковных дверях, наблюдая, чтобы молящиеся вели себя чинно и часто не выбегали из храма; встречали возвращающихся из города семинаристов, следя за тем, чтобы уловить зело послуживших Бахусу. (Л. 55) Этим почти и исчерпывался круг обязанностей наших воспитателей. Близких отношений между нами не было. Недоверие полное, недоверие с той и другой стороны — вот характеристика наших отношений. Живое, предупреждающее нас слово мы слышали очень редко. Нас больше карали и карали. И с нашей стороны все стремления сосредоточивались исключительно на том, как бы «обдуть, одурачить, провести» инспекцию. В этом отношении мы доходили до виртуозности.

Одним из важных преступлений, кроме служения богу вина, считалась в семинарии манкировка богослужением. За посещением церкви был весьма строгий надзор. После звона ко всенощной или к обедне инспекция обходила корпуса, осматривала там все укромные местечки, кончая клозетами, где можно было незаметно укрыться. Но все меры насадить так потребность в посещении церкви были тщетны. Многие готовы были несколько часов просидеть где-нибудь в шкафу в самой неудобной позе, лишь бы не идти к богослужению (Л. 56) жению. Весна для укрывательств была самым удобным временем. За час, за два смельчаки, рисковавшие строгим наказанием, уходили в прилегающий к семинарскому двору лесок, влезали на крыши корпусов, где считали себя в полной безопасности, так как инспекции в голову не приходило справляться о состоянии кровли. Загнанные насильно в церковь и здесь сильно надували инспекцию. В задних рядах, удаленных от взоров начальства, молящиеся спокойно читали романы, учили уроки, повторяли слова, садились на пол и вели между собою оживленные беседы, а находились и такие субъекты, которые решались курить около печи, стоявшей в самом дальнем углу церкви, предварительно открывши трубу, чтобы «табачный фимиам» не разносился по церкви.

Отрицательное отношение к исполнению религиозных обязанностей доходило у некоторых до полного кощунства. Первая неделя поста была, напр[имер], временем говения¹⁶. Но что это было за говение! В головах продолжался масляничный угар. Жизнь без уроков под (Л. 57) держивала праздничное настроение. Картежники все свободное время просиживали за картами. Любители орлянки целыми днями звонили в зале пятаками и гривнами. На исповедь ходили по классам в алфавитном порядке. Бывало, подойдет очередь исповедоваться кому-либо из сидящих за картами. С недовольным видом оставляет он свое занятие и идет выполнить обязанность. Через несколько минут исповедник бежит обратно и, занимая оставленное место,

с восторгом говорит: «Отпустил скоро; спрашивает легко: на все вопросы ответил!» Раздается общий смех, и игра продолжается.

Так тщетны были все официальные стремления насадить среди нас религиозность. Однако нельзя сказать, чтобы окончательно в семинарской среде не было религиозных людей. Были, но не семинария, а семья создавала и поддерживала их. Семинарская же система воспитания ничего, кроме мертвящего внешнего формализма, не давала своим питомцам. Здесь, несомненно, корень многих печальных явлений в этой области, постоянно обнаруживающихся в жизни русского православного духовенства.

(Л. 58) Глава вторая

Начальники. Слабоумный архимандрит. Деспотичный протоиерей. «Видите ли, да». Инспектора. Стеклобитие. Костромин. Футлярный человек. «Иов». Подозрительный гомилет. Щеголеватый богослов. Неистовый Мерцаев. Памятные наставники.

Ректоров, непосредственных руководителей семинарии, за время нашего обучения сменилось трое: два протоиерея и архимандрит. В то время вообще в семинариях, а в особенности в Крутогорской, монашеского элемента было немного. Кроме ректора-архимандрита у нас был еще монах из числа четырех инспекторов, сменившихся за шесть лет. Впрочем, монах наполовину: из вдовцов¹⁷. Лишь при назначении в инспектора он дал обещание архиерею принять иноческий чин^а.

(Л. 59) Архимандрит-ректор был почти юноша, каких много развелось в семинариях потом¹⁸. Это был нервно-расстроенный, слабовольный, недалекий субъект, не имевший даже в своей жизни ни малейшей самостоятельности: с ним жила татапа, которая следила за каждым его шагом. Он промелькнул перед нами метеором. Через несколько месяцев службы в семинарии нервы о. архимандрита настолько расшатались, что татапа свезла его, кажется, в какую-то психиатрическую лечебницу. В жизни семинарской он не оставил ровно никакого следа. Припоминается одно посещение им нашего класса. Внешний вид его возбуждал в одних из нас сострадание, у других насмешки. Приходит он к нам и, пытаясь завязать общий разговор, спрашивает: «Вы ведь нынче проходите физику?». «Проходим, отец ректор!» — отвечаем хором. «А хорош ли у вас физический кабинет?» — «Порядочный, о. ректор». — «А опыты преподаватель показывает вам?» — «Как же, о. ректор, показывает, показывает». — «А видали ли вы модель паровоза?» — (Л. 60) «Не приходилось: у нас ее нет». — «А вот, когда я учился, — продолжает своим тягучим, пискливым голоском ректор, — у нас в физическом кабинете была модель паровоза. Преподаватель нальет в него воды, зажжет лампочку и пустит его между партами, паровоз и покатит. Какой-нибудь шалун подставит ногу — произойдет крушение: паровозик на бок. Хе-хе-хе-хе! Ну, поднимут его, он

^а Далее зачеркнуто: Это был добрый по душе человек, доступный, внимательный, но неудачник в жизни, страдавший запоем, за что и был потом низведен в преподаватели с переводом в другой город.

опять победит». Вот единственная беседа, какую нам пришлось выслушать от этого начальника. Скоро он заперся в квартире и никуда не показывался. Начали ходить слухи, что ректор сошел с ума. Однажды к подъезду ректорской квартиры подкатила большая зимняя повозка с дверками. Закутанный в шубы, вышел в сопровождении тамага ректор и навсегда укатил из нашей семинарии.

Ректора-протоиереи были в ином духе. Один из них несомненно талантливая личность: блестящий стилист, незаурядный оратор, знаток пения, художник и даже поэт. Но положительным его свойствам в избытке отвечали отрицательные. (Л. 61) Так, в своей приветственной речи он долго распространялся об искренности отношений к учащимся, представляя себя заботливым отцом их, но это торжественное заявление не помешало ему в первое же полугодие службы произвести за устройство спектакля массовую выгонку своих «любимых чад». Изгнанию подверглись несколько десятков, и большинство уволенных были людьми с артистической стрункой: музыканты, художники, любители сцены. Долго помнили семинаристы эту жестокую расправу и всегда с недоверием относились ко всем, даже добрым, начинаниям этого ректора.

Под свое особое попечение он взял новичков-первоклассников, думая на них испытать свои педагогические приемы. Опыт потерпел неудачу. Питомцев своих он разделил на овец и козлищ и одних миловал, а других не выносил. В основу этого странного деления он ставил известное изречение «лицо есть зеркало души» и мнил себя великим физиономистом и знатоком юношеской психологии. Подобная тактика лишь озлобляла учеников. Близость к ректору некоторых «овец» возбуждала подозрение в товарищах: их считали (Л. 62) ректорскими шпионами, и грубое товарищество разделялось с ними варварски, отказывая не только в какой-либо помощи, но прекращало даже разговор с ними, а нередко подвергало их и физическим внушениям. До тех пор пока большинство не доросло до вполне сознательного отношения к окружающему, эти весьма, может быть, мнимые шпионы были какими-то презренными «париями» для товарищей. К характеристике ректора нужно прибавить еще его властность, какую он проявлял не только к ученикам, но и к преподавателям и даже членам семинарского правления.

Внешность ректора была рельефным отображением этих свойств его нрава. Начинаясь серебриться голова его всегда была гордо поднята, пронизательные глаза, в которых светилось часто презрение к окружающим, смотрели куда-то ввысь, ходил он тяжелым, размеренным шагом, причем сильно ударял в пол своим двухаршинным посохом; характерной особенностью его было еще звонкое, раздававшееся по временам откашливание. Эти громкие звуки были благодетельны для нас: услышав (Л. 63) их, мы знали, что «он» близко, и спешно делали соответственные приготовления, убирая с глаз входившего то, что могло вызвать ректорский гнев и неумолимую «распеканцию».

Особенно эффектен был вход его в церковь пред службой. Ученики должны были собираться в храм по первому удару колокола и здесь занимать

определенные места. Церковь уже полна, а ректора нет. Стоим 10–15 минут, а «его высокопреподобие» все еще не является. Иногда в ожидании «персоны» приходилось простаивать по полчаса. Но вот внизу, около швейцарской, раздается ректорское откашливание. «Пришел!» — пробегает по рядам. И ректор между рядами справа и слева отвешивающих поклоны семинаристов своими тяжелыми шагами проходит в алтарь. Раздается у всех вздох облегчения, и служба начинается. Ученики сначала терпеливо ожидали этого «въезда триумфатора», как выражались некоторые. Но потом бессмысленное ожидание стало возмущать всех и начались сперва слабые, а потом и более решительные протесты против опаздываний ректора. При входе (Л. 64) его в храм вдруг раздавался по всей церкви убийственный припадок коклюша и шарканье ногами. После нескольких подобных сцен ректор понял, что дразнить гусей не следует, и начал приходить в церковь следом за учениками.

Членов корпорации этот самовластный ректор в буквальном смысле обезличил, а более трусливые из забытых педагогов трепетали пред ним, не смея возвысить голос в защиту правого дела, и постановления семинарского правления вполне можно было назвать его решениями. Наконец деспотизм ректора сделался невыносим; к тому же он не поладил с архиереем. Во главе оппозиции встал монах-инспектор. Приехал ревизор, и дело кончилось переводом обоих. Воспитательная система его потерпела полное фиаско. Курсы, поступившие в семинарию во время его ректуры, ничем не отличались от остальной «братии». А по приезде он ведь мечтал, как некогда приснопамятная царица Екатерина, чуть ли не о создании новой породы людей.

Другой протоиерей был иного типа. Ректором и протоиереем он сделался из статских советников, перей (Л. 65) дя в семинарию из смотрителей духовного училища¹⁹. Никакими талантами он не блистал. Близость к суровому архиерею и угодливость ему создали из порядочного смотрителя весьма неудачного ректора, как показала его последующая судьба. Среднего роста, довольно полный, с постоянно слезящимися хитрыми глазами, с вкрадчивыми манерами и походкой, с бесконечным повторением бессмысленных слов: «видите ли, да», он был в начале своей деятельности искусным дипломатом, умело лавировавшим между Сциллой семинарской жизни и Харибдой — тяжелой архиерейской властью. В непосредственно близкие сношения с учениками он и вступать не пытался, ограничиваясь управлением из кабинета. Как преподаватель Св[ященного] Писания был весьма далек от идеала. Его метод объяснения заключался в том, что он, окончив спрашивать посредственных учеников, поднимал кого-либо из лучших и предлагал читать следующую главу. Ученик читал и переводил прочитанное по-русски²⁰, а ректор по местам пытался давать объяснения, из которых наши уши ловили лишь бесконечное пересыпание его обычной (Л. 66) поговорки «видите ли, да». Долголетнее пребывание на высоком начальническом посту впоследствии, говорят, испортило его вконец. Он возгордился, встал во враждебные отношения с корпорацией и учениками и принужден был смириться, закончив свою карьеру уездным протоиереем.

Инспекторов, наблюдавших за нашим добронравием в течение семинарского курса, сменилось четверо. При нашем поступлении отживал в этой должности свои последние дни некогда гроза семинаристов протоиерей В., известный всей епархии под нелестным прозвищем «крыса». Он считался замечательнейшим сыщиком: от его острых, пронизывающих насквозь человека глаз редко могло укрыться что-либо противоречащее семинарскому укладу жизни. Ходил он бесшумными, быстрыми шагами и внезапностью своего появления поражал всех: казалось, выростал из земли. Ученики его страшно боялись. Но в первый год нашей семинарской жизни он сошел в могилу, не оставив заметного следа в наших личных воспоминаниях. (Л. 67) Его сменил инспектор-монах, страдавший запоями. Этот неглупый и весьма добродушный человек был враг всяких репрессий, и, если бы не ректор, семинаристам жилось бы при нем вольготно, так как благодушный о. Неофит предоставлял ученическую жизнь ее собственному течению. Время же проводил или за выпивкой, а в период трезвости писал какое-то сочинение, которое по духовно-цензурным условиям так и не увидело будто бы света. Конфликт с ректором прекратил его деятельность в Крутогорской семинарии.

Освободившееся место занял человек светский, пожелавший навести новые порядки в распущенной, по его мнению, монахом семинарии. Но из его порядков произошли крупные беспорядки, открывшие, можно сказать, эру последующих волнений, до сих пор не прекращающихся в Крутогорской семинарии. Его педагогические приемы были уже характеризованы в истории о похищении переписки и жестокой расправе с нашими «вредными элементами», говорившими ему в лицо правду. С всегда хмурым видом, с темными очками на носу, мексистофелевской улыбкой на губах, (Л. 68) уже внешним видом своим он производил тяжелое впечатление. С первой встречи с ним семинаристы почувствовали в нем недруга. И правда, подозрительность его была чрезвычайна, а справедливость весьма редка. Оскорбить ученика, подвергнуть его наказанию за какой-нибудь пустяк, за валяющуюся около парты бумажку было для него делом обычным. Всякие оправдания и объяснения наши в его глазах были грубостью.

История с письмами, сделавшаяся известной всей семинарии, возмутила учащихся и еще больше восстановила против него. А раздражительность и придирчивость его с каждым днем возрастала. Скоро вся семинария была по отношению к нему сплошным враждебным лагерем. Репрессии тем не менее усиливались. Наконец неорганизованное глухое недовольство стало выражаться вовне. Письма, посылаемые ему, где осуждалась его грубость, он игнорировал. В столовой стали появляться прокламации с призывом к борьбе против деспота. Особенно характерна была одна, написанная стихами, кончавшаяся извечными слова (Л. 69) ми Некрасова: «Порвалась цепь великая; // Порвалась и ударила // Одним концом по барину, // Другим по мужику». Действительно, «цепь» была натянута до последней степени: было достаточно малейшего толчка, чтоб она разорвалась. Инспектору все это было известно, но он с упорством, достойным лучшей участи, продолжал свою политику.

Незадолго пред разыгравшейся грозой ему еще раз было предупреждение. Однажды за вечерними занятиями он пришел в один из корпусов. Пробыв там с полчаса, он возвращается назад и в швейцарской не находит своей шляпы. Поднята была на розыски вся прислуга, но шляпы нет как нет. Уже потом по указанию знакомого с семинарскими нравами помощника инспектора потеря была найдена в «золотых россыпях». Такова была своеобразная ученическая месть. Более впечатлительные юноши, не выносившие (Л. 70) инспекторского гнета, вырабатывали уже более существенный план мести ненавистному инспектору, стремясь главным образом к тому, чтобы удар пришелся лишь «по барину». Было решено, воспользовавшись первою темною ночью, выбить в инспекторской квартире стекла²¹. Чтобы подозрение в стеклобитии не обрушилось на какой-нибудь один класс, было предположено раскрыть в эту ночь окна всех спален, находившихся в нижних этажах зданий, так как для безопасности местом выхода и возвращения в этом набеге должны быть окна, а не двери. В заговоре принимали участие человек десять представителей разных классов. Были выработаны все детали стеклобития: какие окна бить, во сколько часов, в какой обуви выходить и т. п. Но задуманному плану, в который посвящены были немногие, не суждено было осуществиться. Движение против инспектора вылилось в стихийную форму.

Вскоре случился престольный праздник²², отличавшийся всегда особенной приподнятостью настроения семинаристов вследствие обильных возлияний. Как будто нарочно архиерей, служивший обедню, в речи своей призывал нас к осуществлению любви, провозвестником (Л. 71) которой был воспоминаемый святой. День прошел чинно. Когда стемнело, семинаристы с шумом и песнями начали расхаживать толпами по двору. Это было уже нечто необычайное. Явившегося на ужин инспектора в столовой встретили стуком. Часов в 11 ночи половина семинарии снова была на улице. В толпе раздавались голоса, призывавшие к погрому инспекторской квартиры. Начальство, видевшее все происходящее на дворе из своих окон, было бессильно что-либо предпринять против волнующейся толпы.

Возбуждение тем временем росло. Вдруг в стороне инспекторской квартиры раздались характерные звуки разбитых стекол. По-видимому, их произвел удар камнем какого-нибудь смельчака, пробравшегося во мрак к инспекторскому помещению, когда толпа стояла еще в нерешительности. Эти неожиданные звуки наэлектризовали толпу. С невероятным шумом, гиканьем, криками: «Бей ему стекла!» толпа со всех сторон хлынула под инспекторские окна. Сотни камней посыпались в зал и кабинет инспектора. Через несколько мгновений не осталось ни одного целого стекла, и возбуждение как-то сразу пропало. Прежде сме (Л. 72) лая, неустрашимая толпа, казалось, в панике бежала обратно, к своим спальням.

Начальство уловило пониженное психическое настроение, и по горячим следам начался розыск. Розыску благоприятствовала погода: в момент стеклобития пошел дождь, так что по грязным сапогам можно было точно установить, кто в это время был на улице. Об этом догадались и ученики, и те, кто имел другую пару обуви, тотчас же поставили ее под койки, а не

имеющие стали старательно очищать свою от грязи. Через несколько минут в спальнях появился ректор с помощниками инспектора. Доселе шумевшие семинаристы сразу заснули мертвым сном. Ректор чуть не плачущим голосом читает лежачей аудитории какой-то выговор, а сопровождающая его инспекция лазит под койки и записывает тех, у кого оказалась грязной или сыроватой обувь.

Факт стеклобития, столь обычный в духовно-учебных заведениях теперь, в то время был явлением, о котором заговорила вся епархия. А местный епископ, человек крайне желчный и деспотичный, метал на нас громы и молнии. Дня чрез два после проис (Л. 73) шествия он лично явился в семинарию. Все мы предстали пред очи грозного владыки. Он, усевшись в кресло среди залы, каким-то надорванным голосом стал распекать нас. Святитель дал полную волю своему привыкшему к подобным речам языку. Протестов, конечно, не было. Абсолютно виноватыми в глазах его были одни ученики. Вникнуть в побуждения, приведшие нас к дикой выходке, он не желал. Досталось от него не только нам, молчаливым слушателям, но и родителям нашим. Разгоряченный архиерей разразился филиппикой против них за то, что они не умеют и не хотят воспитывать нас. Особенно странно было из уст его слышать последние слова, так как ни для кого не было секретом, что сын самого архиерея был известным всему городу кутилой и мотом. Был момент, что из задних рядов готовы были, кажется, напомнить об этом залетевшему слишком далеко в своих обличениях владыке. Пострадавший инспектор тотчас же уехал для объяснений в Петербург, а ко всем, у кого оказалась сырою обувь, предъявлено было обвинение в стеклобитии, (Л. 74) и многие из них, лично не бросившие ни одного камня, а лишь наблюдавшие сцену издали и смочившие свою обувь, должны были оставить семинарию. Изгнанников опять было несколько десятков.

Ценою многих жертв семинария избавилась от деспота-инспектора. И что всего поразительнее, этот ненавидимый учениками инспектор, по отзывам лично его знавших, был человеком хорошим. Впоследствии он довольно удачно выступил в литературе с повестями и рассказами из быта сельского духовенства, и псевдоним его известен теперь всей читающей публике. Не на месте, верно, человек прилагал свои силы, что часто случается у нас на Руси. Вместо него был прислан высокий, статный, с орлиным взглядом священник. Он был весьма даровитым человеком и выдающимся преподавателем. Его объяснения Евангелия заставляли в буквальном смысле заслушиваться учащихся. Как инспектор он действовал открыто и справедливо. Налагая на кого-либо взыскание, он умел довести ученика до полного сознания, вследствие чего наказание нимало не оскорбляло виноватого. (Л. 75) Его бдительный надзор тоже не вызывал против него озлобления. Как и все его предшественники, он не хотел понять наших стремлений к расширению знаний помимо того материала, какой предлагала семинарская наука и библиотека, и строго преследовал чтение «запрещенных» книг. Но падало ли это всецело на долю его личности или же было результатом семинарского режима — неизвестно. Служить ему пришлось недолго. Бодрым он был лишь

по внешности: его грудь разъедал туберкулез, и в расцвете сил неожиданно для многих он скончался.

Из числа многочисленных помощников инспектора выделяется Костромин. Он был в некотором роде достопримечательностью Крутогорской семинарии. Одно то, что он оставался в неблагодарной роли помощника инспектора более 20 лет, говорит многое. Как старый служака, он был ходячей справочной книгой о каждом ученике и каждого из нас знал, как говорится, и вдоль, и поперек. Все были уверены, что переменные инспектора в значительной мере пользовались его указаниями. А бывали в жизни семинарии моменты, когда его (Л. 76) можно было назвать в полном смысле главой внутренней семинарской жизни. Многолетняя практика развила в нем изумительного сыщика. В его дежурство весьма трудно было скрыться незамеченным подвыпившему семинару. Заедание чаем не могло спасти от Костромина: у него было собачье чутье, как выражались семинаристы.

Костромин был заведующим ученической библиотекой, которую передавал в полное распоряжение кому-либо из «благонадежных» учеников старших классов; лично в библиотеке появлялся редко. Новые книги имел обыкновение выдавать с своей квартиры, чтоб «читатели бережнее к ним относились». С квартиры же он давал нам и некоторые произведения современной литературы: В. Короленко, Мамина-Сибиряка, Салова и др[угих], сочинения которых по семинарским порядкам входили в index запрещенных книг. По внешнему виду он был суров; в обращениях с нами груб и своим всегда удачным сыском наводил страх и не пользовался расположением, напротив, всегда имел массу врагов. Даже за книгами на его квартиру многие избегали являться. Впрочем, здесь (Л. 77) он был значительно мягче, иногда беседовал с более развитыми учениками о литературе, искусстве и своими рассуждениями в этой области оставил доброе воспоминание. Этими вопросами он, видимо, интересовался. На стенах и на письменном столе его холостой квартиры, всегда пропитанной табачным дымом, мы видели портреты писателей, произведениям которых не были открыты шкафы семинарской библиотеки, свидетельствующие, что душа этого грубого до дерзости воспитателя была не совсем же такою, какой представлялась большинству.

Об остальных сотрудниках инспектора сохранилось смутное представление. Все они более или менее подвизались по части сыска и редко пользовались расположением семинаристов. А благодаря тому, что им приходилось быть какими-то служками инспектора, редкие из них засиживались более двух лет в этой должности. Лишь Костромин сумел создать себе независимое положение и, казалось, был расположен до конца живота своего оставаться в Крутогорской семинарии. Постепенная смена его коллег давала (Л. 78) ему право сравнивать семинарию с постоянным двором, в который проезжие заезжают лишь на час. Ученики же, слыша от него это сравнение, в душе называли его бессменным содержателем этого двора.

Состав преподавателей за шесть лет обновился несколько раз. Галерея всевозможных типов прошла пред нами. Вот преподаватель «философских

наук», в полном смысле «футлярный» человек²³. В глубоких карманах его фрака каким-то непонятным образом незаметно умещались и логика Светилина, и философия Кудрявцева, педагогика Тихомирова и какие[-то] порывавшие от времени записки по психологии. Смотря по уроку, извлекалась на свет та или иная книга, по которой он следил за нашими ответами и которую слово в слово торопливо читал нам вместо объяснения следующих отделов. Его привязанность к книге переходила всякие пределы. Лучшие ответы наши, но отступавшие от книги, он всегда перебивал замечаниями: «Нет уж, вы лучше по книжке, по книжке: лучше книжки ведь не скажете!» — и при этом характерным жестом руки поглаживал свою длинную рыжую (Л. 79) бороду. Несколько оживлялся он лишь на уроках психологии, а «семинарская философия» в его преподавании казалась нам каким-то кошмаром, давившим нас своею тяжестью — бессмысленной зубрежкой. У этого педагога было все размерено. Судя по разметкам в старых учебниках, число страниц к уроку у него ежегодно было одинаково, хотя степень развития различных курсов была иной раз весьма различна. Некоторые из товарищей пред Петиним уроком (так звали учителя) предсказывали: «Сегодня “Петя” будет смеяться», «Сегодня сойдет в половине урока с кафедры», и предсказания в точности сбывались, так как на полях учебников руками наших предшественников делались заметки об этих «необычайных» событиях.

Зубрить наизусть неудобоваримые учебники было выше сил многих из нас, и большинство при ответах пускалось на хитрости. Пользуясь постоянным пребыванием Пети на кафедре, обладающие хорошим зрением читали по книжке с соседней парты, а иногда по общему решению отодвигали кафедру насколько можно дальше от парт, чтобы он не мог слышать помощи (Л. 80) соседей. Но эта уловка удавалась не часто. При входе в класс он замечал произведенное передвижение и, улыбаясь, обращался к нам своим тягучим тенорком: «А кафедра-то далековат. Мы ведь с вами редко видаемся — давайте-ка omnibus viribus²⁴ водворим ее на место: и вам меня будет виднее, и мне веселее». Эта фраза повторялась неизменно по нескольку раз в год. Чтение по книге тоже не всегда оканчивалось благополучно.

Никогда не забудется один курьезнейший факт. Разбирали теорию трансформации. В подстрочном примечании учебника упоминались в качестве довода к чему-то свидетельства двух ученых: Карстена и Фарадея. Товарищ, порядочно отвечавший то, что было над строкой, был поставлен в тупик, когда дошел до этого примечания: мелкий шрифт разобрать не мог. А Петя спрашивает: «Какие же ученые свидетельствуют?» Напрягая все зрение, ученик выпаливает: «Коростель и Фадей». В классе, следившем за процессом ответа, гомерический хохот. Учитель понял, в чем дело, и со словами: «А, у вас там уже коростели появились — довольно с вас!» — посадил отвечающего. (Л. 81) Ученики не упускали случая посмеяться над Петей, и даже о лошади его, на которой он ездил в семинарию, были сложены стихи, из которых припоминается четырехстишие: «Петин конь уж умирает // С малой порции овса. // На все ноги он хромает, // Пробежав квартала два».

Другой, высокий, полный мужчина с вечно кислой физиономией, был страшным трусом: начальства боялся как огня. Много неприятных минут доставляли ему его собственные записки — толкование на Книгу Иова. Духовно-учебное начальство будто бы строго запрещало учителям давать для руководства ученикам какие бы то ни было собственные непечатные труды. Цели подобного распоряжения неизвестны. Официально оно объяснялось желанием не затруднять сверх меры учащихся, но вполне естественно и другое предположение: чтобы своими писаниями педагоги-вольнодумцы не вложили в головы семинаристов каких-либо «вредных идей». От этих «идей» нас хотели оградить чуть ли не китайской стеной. Властный ректор строго наблю (Л. 82) дал за исполнением этого распоряжения. Но наш Коля не мог, по-видимому, выносить учебника, рекомендованного начальством, и ежегодно предлагал ученикам свои не блещущие научной эрудицией, простенькие записки. Выпустить их в свет было его мечтой, но по своей нерешительности отважиться на это он не мог и год из года, по его выражению, «обрабатывал» их, а вернее, переписывал, заменяя одно выражение другим. Лишь единственная классическая фраза его труда, которую он произносил [с] какой-то особенной интонацией («Иову неизвестна была причина его страданий, но сетования его показывают») оставалась неизменной во всех редакциях.

Бывало, ученики захотят напугать Колю, и лишь развернет он свои манускрипты, как с задних парт раздастся негромкий голос: «Ректор идет!» Услышав это, Коля нервно схватывает записки и спрашивает: «Где?» А если, напр[имер], швейцар постучится за уроком в дверь, вызывая экстренно какого-нибудь ученика, то трусливый «Коля» прежде всего прячет свои труды в карман, предполагая (Л. 83) в виновнике стука не скромного солдата, а какое-либо начальство. Раз во время занятий в семинарии приехал архиерей и прямо прошел на урок этого педагога. Коля, конечно, вне себя от волнения. Ищет в журнале фамилии лучших учеников, чтоб не сконфузиться пред «владыкой», и вызывает первого попавшегося. А этот был спрошен лишь в предыдущий урок и, не думая о вызове на сегодня, не готовился и, конечно, блистательно провалился. Учитель еще более растерялся. Вызывает другого — та же история, и только третий выручил его. Этой обиды своим «предателям» он долго не мог простить и даже на чужих экзаменах при самых блестящих ответах «срезавших» его учеников не ставил им выше четырех. Например, на экзамене истории преподаватель просит его прибавить, уверяя, что это лучшие историки в классе. «Историки да жулики», — заявляет Коля и остается при своем балле.

Не меньшими странностями отличался наш литургист и гомилет²⁵. В наше время он пил до (Л. 84) белой горячки и у него замечались очевидные ненормальности. А в первые годы своей службы это будто бы был увлекательнейшим и самым живым преподавателем^а. Нам он уроков ни-

^а Так в рукописи.

когда не объяснял, а бурчал себе под нос какие-то никому не понятные звуки. Ответы выслушивал молча и требовал, чтобы в его присутствии соблюдалась полнейшая тишина: малейшее движение, даже кашель выводили его из себя. А так как к ответам он был снисходителен, то ученики старались его не раздражать, и все страдающие, напр[имер], кашлем для общего блага оставляли класс за уроком литургии. Впоследствии, говорят, мания подозрительности, осложнившаяся телесным недугом, свела его в могилу.

Видное место в кругу семинарских наук занимало богословие, подразделяющееся на догматическое, основное, нравственное и обличительное. Ему нас обучал молодой человек, всегда щеголеватый, с подкрученными в иголочку усами, внешним видом напоминавший скорее какого-то фата, а не насадителя богословских познаний в сердце будущих пастырей. Его все мы называли уменьшительным именем «Мишка». (Л. 85) Предмет свой он знал; старался оживить убийственные до мертвенности учебники Макария²⁶ и Покровского²⁷, но был в высшей степени требователен и к текстам, которыми полны учебники, и к дополнениям, которые он нам часто диктовал. Но в его подчас блестящих уроках не хватало самого главного — жизни, искренности, собственного увлечения тем, о чем он много и красиво говорил. За малейшую ошибку он нещадно бил нас единицами. Система его спрашиваний заглашала в нас всякий интерес к наукам. Приходилось, напр[имер], слышать, как он, подняв ученика, говорит: «Читай: змий же бе мудрейший» (т. е. страницу из Библии об искушении праотцев) или: «Читай: истинствующе в любви» (один из самых непонятных на славянском языке текстов, в котором апостол говорит о Церкви). И вот взрослый уже юноша, иной раз как попугай, бормочет без всякого выражения заученные слова, и преподаватель доволен. Нам этот педагог всегда казался добросовестным работником двадцатого числа²⁸. Мы знали тексты, знали его записки, но высоты и красоты учения Христова не понимали. Кроме настроения учителя в этом были (Л. 86) виноваты, конечно, и пропитанные плесенью схоластики учебные руководства, предлагаемые нам для знакомства с основными истинами христианства.

Одной из нелепейших наук семинарского курса было «обличение раскола». Даже назвать «обличение» наукой в истинном смысле этого слова как-то стеснительно, едва ли на это решится какой-либо здравомыслящий человек: к нему неприложима никакая научная методология. Это какая-то расплывчатая туманность «без меры в длину, без конца в ширину». Целью своей оно имело дать будущим священникам руководство для борьбы со старообрядчеством. Ради этого наши головы набивались массой выдержек из разных «Кирилловых» и «О вере» книг. Маленький шарообразный преподаватель «обличения» требовал заучивать нумерацию страниц, на которых начертано имя не «Исус», а «Иисус», говорится не о двуперстии, а троеперстии, и т. п. Практического значения такой метод обличения не имел ровно никакого, так как обнять все необъятное содержание уважаемых старообрядцами книг в пределах учебника было невозможно. При первой же беседе с приверженцами старых обрядов полемист, много мечтавший в семинарии

о сво (Л. 87) их знаниях по расколоведению, каким-нибудь простецом-начетчиком припирался, как говорится, к стене массою неизвестных еще ему свидетельств по затронутому вопросу и, не желая в будущем переживать тяжелые минуты, должен был знакомиться со старообрядчеством вновь уже так, как требовала жизнь.

Личность преподавателя библейской и церковной истории Ивана Мерцаева заставляла бледнеть всех доселе описанных педагогов. На фоне семинарской жизни он был каким-то ужасным «апокалипсическим зверем». Если бы не его сравнительно молодой возраст, можно бы было подумать, что он перенесен в семинарскую обстановку, миновав лет тридцать, из бурсы Помяловского. От педагогов той памятной эпохи он отличался разве тем, что не прибегал по условиям времени к телесным наказаниям, зато едва ли испытывали от своих учителей бурсаки Помяловского те нравственные пытки, каким он подвергал нас. Реки слез были пролиты глубоко оскорбляемыми им юношами, тысячи проклятий раздавались по адресу этого грубого, бессердечно-жестокое педагога. И он, умевший ладить с начальством и заставлявший учеников (Л. 88) забывать ради своей науки все другие предметы, оставался бичом крутогорских семинаристов чуть ли не двадцать лет. Еще в первые годы его службы какой-то семинарский пиита всю тяжесть мерцаевских отношений к ученикам описал в весьма по местам остроумной поэме «Иваниада». Она передавалась из рода в род. Это произведение семинарской музыки начиналось следующими, вылившимися из глубины большого сердца поэта стихами: «О как блаженны наши предки! // Блаженны деды и отцы, // Что многим прежде нас родились // И у Ивана не учились!» Своей жестокостью этот учитель был известен всей епархии, семинаристы всех возрастов перед ним трепетали. Недоставало лишь того, чтобы сельские дьячихи и матушки пугали именем его своих малолетков, будущих учеников этого грозного педагога.

Его знакомство с семинаристами начиналось во втором классе и продолжалось до шестого. Раньше этого нам приходилось лишь издали созерцать его осанистую фигуру, скуластую физиономию с злыми серыми глазами (Л. 89) и лакейской бородой, расчесанной на две стороны. Припоминается его первый урок в нашем классе. Нервы наши были настолько напряжены пред его приходом, что у многих выступал холодный пот и начинались приступы лихорадки. После звонка оживленно доселе шумевший класс вдруг смолк. Через несколько минут раздаются в коридоре тяжелые шаги семинарской «грозы» и он с отпечатком отталкивающего самодовольства на лице величественно входит в класс, также величественно садится на кафедру, ему одному свойственным жестом берет перо, брезгливо осматривает его и что-то пишет в журнале. Затем начинается личное знакомство — переключка по алфавиту. Своим свирепым взглядом он мерирует каждого поднявшегося и спрашивает: «Из какого училища?» Некоторые из училищ почему-то не пользовались его расположением. В наше время под опалой у него было Оковское духовное училище. Желая, напр[имер], уязвить самолюбие ученика, дающего плохой ответ, он не

раз любил повторять: «Не в семинарии бы тебе, полупочтенный, учиться, а сидеть бы еще на задней парте (Л. 90) в Оковском училище». Бледные, трепещущие товарищи при вызове своей фамилии поднимаются, отвешивают поклон и, назвав училище, садятся.

Но вот переключка кончена. Начинается объяснение по совершенно лишней в курсе семинарии «библейской истории». Предмет первого урока — повествование о творении мира. «Мир, рассматриваемый во всей его внешней красоте и внутренней гармонии,— наизусть, слово в слово по книжке Лопухина²⁹, отчеканивает Иван,— представляет» и т. д. Минут двадцать сыплются какие-то жесткие слова из уст этого черствого человека. Наконец рассказ кончен, кончено и повторение. Ученики сидят как изваяния. Непривычные позы до изнеможения утомили всех. Благодетельный звонок выводит из оцепенения. Первый урок сошел благополучно, все вздохнули свободно и стали делиться впечатлениями.

Требовательность Ивана доходила до невозможных пределов. Достаточно было не сказать, в чем выразился поэтический талант внука Ноева Ламеха (!) или когда был всемирный потоп, в каком году были отрублены три пальца Иосафата Кущевича, как за удач (Л. 91) ный в других отношениях ответ в журнал вписывался жирнейший кол. Иной раз благополучно сойдет весь устный ответ, но все же считать себя безопасным от кола нельзя: начинается «гонение» по карте. И единицей награждается тот, кто не показал какого-нибудь Арелата или Севостии. Знали его предмет крутогорские семинаристы изумительно. Некоторые[е] доходили до того, что, не ошибаясь, могли сказать, на какой строке и какой страницы рассказывается о том или ином факте.

С его неумолимой требовательностью, пожалуй, мирились бы еще семинары, но у Ивана были еще другие качества, которые заставляли искренне ненавидеть его. Ивану никак не приходило в голову, что в забытых существах, молчаливо выслушивающих все его унижительные оскорбления, не было заглушено вконец чувство самоуважения. Для него личность воспитанника не заслуживала ничего, кроме презрения. «Болван», «ослиная голова, набитая сенной трухой вместо мозгов» — это были обычные эпитеты, какими ежедневно награждал нас наставник. Мало того, он позволял даже во время уроков задевать честь наших (Л. 92) родителей и дальних и ближних родственников. Прослужив в семинарии много лет, он знал всю епархию, собирал всякие сплетни: ему было известно, кто пьет, кто богат, кто любит лошадей, кто и с кого берет взятки, и т. п. И вот не понравится ему ответ ученика, и от урока ни с того ни с сего он переходит совсем к другому. В самом оскорбительном тоне начинает говорить об отце, матери, братьях, сестрах и других родственниках отвечающего. Другого названия тому сану, к которому готовились учащиеся, как «поп», у него не было.

Насмешки над учениками доставляли ему какое-то наслаждение. Доставалось одинаково от него и сыновьям бедных сельских просвирен, и богатого соборного духовенства, живущего, по его выражению, под большими

колоколами и жиреющего от ежегодных тасканий по епархии то с архиереем, то с иконами. Особенно же он не выносил «инословных»^а. Сына, напр[имер], одного врача своими издевательствами над отцом раз он чуть было (Л. 93) не довел до истерики. Даже самые обычные факты, вроде выхода из класса во время его урока, были пытками для учеников. В таких случаях он доходил до цинизма. В младших классах на этой почве развился своего рода спорт. За трехкопеечную булку некоторые не особенно обидчивые люди решались отпрашиваться за уроками Мерцаева. И он, натешившись над ними вдоволь, давал им возможность выиграть пари. Отпуская то и дело какие-нибудь «ослоты», он готов был, кажется, считать себя остроумным. А это остроумие вроде: «Что это ты разинул рот, как потолок?», «Масло бы тебе по приходу собирать, а не в классе сидеть» — ничего, кроме улыбки сожаления, у нас не вызывало. «Подпирай иди угол!» было обычной фразой Мерцаева, когда он замечал, что какой-нибудь ученик рассеян или не отвечает на его вопрос. «Подпирание угла», т. е. расстановка учеников по углам класса, а когда их не хватало, около стен, было любимым развлечением Ивана. Расставивши таким образом добрый десяток, наставник самодовольно разгуливает по классу, время от времени отпуская по адресу одного или другого какие-нибудь колкости. «Ну что тебе учиться, болван, без учения проживешь. Твой сват ведь с архиереем по епар (Л. 94) хии таскается; денег ведь нагребил: поделится с тобой», — говорил он раз одному товарищу. И такой педагог благодаря указанным качествам в течение двух десятилетий как злой рок тяготел над ученическими головами. Всякого, кто почему бы то ни было попадал к нему в немилость, Иван выдворял из семинарии своими постоянными «прижимками». Этих, как выражались, «съеденных» Иваном семинаристов было, вероятно, весьма изрядное количество в течение его многолетней службы. «Добрым словом» вспоминают его все крутогорские семинаристы.

Значительная часть учебного времени в семинарском курсе отводилась древним языкам. Из училищ мы приезжали лишь с запасом грамматических знаний; здесь нас познакомили с авторами: Ксенофонтом, Цезарем, Гомером и Вергилием и, наконец, св[ятыми] отцами. Но изучение языков в наше время клонилось уж к упадку. Времена, когда семинаристы разговаривали по-латыни, уже давным-давно кончились. И чем дальше мы учились, тем более и более уменьшались наши познания в классицизме, и какой-нибудь богослов (Л. 95) не без труда, пожалуй, перевел бы фразу, вроде: «Pater rector, date vobis recreationem»³⁰, которая не в столь отдаленные времена была знакома и любезна сердцу каждого «приготовишки». Семинарский классицизм наконец настолько надоедал, что раз был такой случай. При переходе в шестой класс один богослов пригвоздил греческую и латинскую грамматику к парте во избежание соблазна когда-нибудь взглянуть в них.

^а Подстрочное примечание: Под этим термином известны были семинаристы недуховного происхождения. Их и по уставу семинарскому лишь терпели здесь. При приеме их в духовно-учебные заведения к ним применялись те же ограничения, как к детям евреев в учебных заведениях Мин[истерства] нар[одного] просв[ещения]: прием ограничивался 10%.

Заго некоторые из преподавателей этих предметов оставили весьма добрую память. Вот добрый, доступный, по внешнему виду похожий на библейского патриарха преподаватель латинского языка Алексей Алексеевич Шаров. Любимым занятием его было спрашивание фраз на разные синтаксические правила. Фразы эти у него повторялись из года в год, и у учеников они были записаны, так что не представляли для нас никакого труда. «Цезарь воевал на суше и на море — как сказать по латыни? — Редькин Семен», — бывало, обращается добродушный учитель. И Ал[ексей] Ал[ексеевич] удовлетворялся лишь тогда, когда Семен отчетливо произносил: «Terre patrique»³¹.

От сухой латыни своей он часто отвлекался. (Л. 96) Он много говорил с нами о горестях и радостях пастырской деятельности, беседовал о народной жизни и учил служить народу. Перевод, напр[имер], Вергилиевых метаморфоз давал ему богатый материал для бесед. Он вспоминал тут и далекое детство, родную ему Сибирь, тысячеверстные путешествия от бursы домой, остановки в деревнях, в которых встречались типы, подобные античным Филемону и Бавкиде³². Вырос он у подножия дикого, сказочно роскошного Алтая и с детства страстно любил природу; любовь к ней стремился внушить и нам увлекательными рассказами о своей чудной родине, из которой он был против желания вырван и послан в Европейскую Россию³.

(Л. 95а) Раз из уст Алек[сея] Алек[сеевича] нам пришлось выслушать повесть, характеризующую печальное положение наших педагогов. Однажды, когда Ал[ексей] Ал[ексеевич], отложив в сторону латинскую книжку, начал свою обычную беседу, кто-то из товарищей спросил его: «Алексей Алексеевич, скажите нам, пожалуйста, почему вы избрали для преподавания латынь, а не другой предмет?» «Друг мой, — отвечал на это наш учитель, — да разве мы вольны заниматься тем, к чему лежит душа? Мы ведь люди казенные, рабы центрального управления, в веденье которого поступаем тотчас по окончании курса. Нас никогда не спрашивают, что желаем мы преподавать, а освобождается вакансия — ее и замещают. Отсюда сплошь и рядом получают невероятные явления: уроженец юга отправляется в Соликамск, житель Сибири назначается на Кавказ; занимав (Л. 95б) шийся философией попадает на арифметику, интересовавшийся историей всю жизнь тянет лямку учителя какого-нибудь классического языка и т. п. Переменить предмет, конечно, можно, но представится ли удобный случай — вопрос. Мне известен, напр[имер], один молодой кандидат академии, который за время своей академической жизни страстно интересовался литературой. Достиг в этой области солидных результатов: кроме родной литературы он в подлинниках ознакомился с многими классическими произведениями немецкой и французской. Академия оценила его знания по этому предмету высшим баллом. И что же? Его назначают на географию в глухой уездный городок. Он лично едет в Петербург, хлопочет о перемене места, но петербургские канцелярии

³ Далее следуют два вставных листа без нумерации.

неумолимы. Один из власть имеющих чиновников на его мольбы ответил так: «Не волнуйтесь, молодой человек, а поезжайте, куда Вас назначили: вы ведь казенный (Л. 956 об.) стипендиат³³, а они у нас вот где», при этом многозначительно сжал кулак. Так и уехал. Что с ним будет там — не знаю. Сначала, конечно, поволнуется, а там убогая жизненная обстановка заглушит умственные запросы; глядишь, и нет «живого» человека. Да, друзья мои, жизнь тяжела, нужна большая энергия, чтоб быть господином ее, а не жалким рабом. А многие ли способны на это? К сожалению, единицы. Воля наша парализуется в юности: безвольные, слабые, мы выходим еще из школы. Как бы я не желал, чтоб и с вами повторилось что-либо подобное!»

(Л. 96) В поэтическом семинарском произведении, известном под названием «Попурри из русских песен», в котором изображались наши учителя, этому старцу были посвящены следующие, близкие к идиллии, строки: «Классик наш — Шаров почтенный // О Сибири все грустит; // В месяц раз он непременно // Нам о ней поговорит. // (Л. 97) Тяжело ему здесь очень, // Грусть не может разогнать. // Стонет сизый голубочек, // Стонет он и день и ночь». Больной, за несколько недель до смерти, он все еще ходил в класс и здесь часто говорил: «Вот будете священниками — молитесь за меня», и на его надгробном памятнике вырезана надпись: «Помнят ли мои бывшие ученики просьбу молиться обо мне?» Юношество, не раз досаждавшее ему, но всегда понимавшее его благородную, чистую душу, с неподдельной скорбью провожало его до могилы.

С именем Ал[ексея] Ал[ексеевича] вспоминается один характеризующий отчасти этого человека случай. Он был, между прочим, любитель пения и поклонник «октав». Этой слабостью его пользовались иной раз ученики. Сделается, напр[имер], известно, что А[лексей] А[лексеевич] не в духе, тотчас же на самого громopodobного баса возлагается обязанность читать молитву. С недовольным лицом входит Ал[ексей] Ал[ексеевич] в класс. Бас, превосходящий в данном случае себя, «гудит» молитву. Лицо старца заметно проясняется. Он спокойно кладет на кафедру журнал (Л. 98) и, обращаясь к классу, с улыбкой спрашивает: «Кто это читал молитву?» «Поливанов, Алексей Алексеевич!» — раздается чуть ли не со всех парт. «Славный голосок», — уже совсем благодушно произносит учитель. «У него наследственный, — кричат семинаристы, всегда желающие оттянуть минуту-другую от урока, — у его папаши прекрасный бас, а дедушка в архиерейском хоре при Павлине октавой пел». «Хороший голос, хороший и у него; беречь лишь его надо», — продолжает Ал[ексей] Ал[ексеевич]. Ученики, видя, что мрачное настроение его рассеялось, продолжают свою проделку. «А прабабушка у него дискантом пела, А[лексей] А[лексеевич], — выкрикивает кто-нибудь с «камчатки». Педагог, заметив не в меру завравшегося ученика, вызывает его фамилию. «А какой у вас сегодня голос, г. Поликарпов? Отвечайте-ка урок!»

В первый период нашей вполне сознательной жизни, когда мы были в старших классах, на очень ко (Л. 99) роткое время являлся в Крутогорскую семинарию еще преподаватель, имя которого навсегда будет живо в памяти его учеников. Он руководил нашими занятиями в образцовой школе³⁴

и преподавал методику обучения. Это был знаток своего дела, посвящавший ему все свои досуги. В наших глазах он окружил народную школу ореолом святости, величия; вдохнул [в] нас нравственные силы, и некоторые из учеников его уже второй десяток лет не покладая рук служат делу просвещения в скромных сельских школах. Но и он преждевременно сошел в могилу. Мир праху вашему, «наставники-люди»!

(Л. 100) Глава третья

Умственная жизнь. Семинарские программы. Пасхалия. Охрана от «вредных» книг и идей. Кружок самообразования. Наши журналы. Их борьба и гибель. Возрождение. Научные диспуты. Библиотека и ее развитие. «Повальные» обыски. Гонения на библиотеку. Услуга фельдшера. Мы женихи. Архиерейские именины. Заключение.

До сих пор были описаны лишь внешние условия семинарской жизни, испытать которые приходилось всем учащимся. Но помимо их у каждого класса была особенная, так сказать индивидуальная, жизнь, характер которой определялся степенью умственного развития и преобладающими наклонностями товарищей. В массе подростков, образовавших наш курс, были всевозможные типы. Преобладал, однако, бурсак в духе времен Помяловского. Но встречались и такие, которые более или менее правильно могли ориентироваться в окружающей обстановке, пытались уже ставить (Л. 101) себе определенные задачи и стремиться выполнить их. Это были лица, составившие впоследствии культурный центр нашего класса, к которому примкнуло потом большинство. Этим лиц соединяло общее и искреннее стремление к самообразованию. Пределы семинарских учебников не удовлетворяли их и не могли удовлетворить. Самые живые науки семинарского курса «подносились» в далеко не удовлетворяющем юношество виде. Взять хотя бы родную литературу. Мы долго и пространно изучали проповеди Луки Жидяты, Кирилла Туровского, произведения «славного» Тредьяковского, драмы Сумарокова и многие подобные перлы русского творчества и кончали знакомство с ней пушкинским периодом. Время же блестящего расцвета нашей литературы, период, создавший новые общественные течения, давший Толстого, Тургенева, Достоевского, Белинского, Добролюбова, Чернышевского и других «бессмертных» представителей русского слова, был официально недоступен нам.

Чтобы закрыть выход семинаристов в высшие учебные заведения, в наше время сократили и математику. О логарифмах и тригонометрии мы не имели ровно (Л. 102) никакого понятия, а вместо этого нам предлагали бесполезнейшую из наук, едва ли известную светскому обществу. Имя ей пасхалия; в ней сообщались все научные выкладки, каким образом вычислять время празднования Пасхи для прошедших и будущих лет. У самого преподавателя наука эта вызывала улыбку, и на вопрос, зачем нам нужна пасхалия, когда все сообщаемые ею сведения имеются в пяточковых календарях, он откровенно сознавался: «А чтобы вы тригонометрии не знали». И вот еженедельно в третьем классе часовой урок мы упражнялись

в решении весьма разумных задач: «Какого числа и месяца была Пасха в 1111 году или будет в 9999?»

Семинарский устав и исполнители его строго следили за тем, чтобы как-нибудь к нам не проник элемент так называемой светскости. Наши начальники строго стремились всеми мерами оградить нас от того, что могло заставить нас критически отнестись к семинарии, и к той жизненной обстановке, в которой живет «духовный мир»; стремились выработать из нас послушных овец, спокойно принимающих за дела своих отцов. (Л. 103) Небурсацкие манеры и не мешком сидящее платье ученика внушали уже начальству подозрение в нерасположении данного субъекта к духовному званию. Но все стремления в этом направлении, также как попытки оградить нас от табакокурения, карт, служения веселому богу Бахусу, были тщетны. Китайскую стену, защищавшую бы нас от внешних влияний, создать было невозможно. Наш возраст, пробуждавшееся стремление к свету, знанию брали верх, и семинарская жизнь всем строем своим весьма ясно подтверждала пословицу: «Гони природу в дверь — она влезет в окно».

Наше запретное чтение началось с книжек «Недели», издаваемой тогда Гайдсбургвым отцом. Их нам давали знакомые любители чтения из старших классов. Старшие в этом отношении играли видную роль в нашей жизни. То за чаем в столовой, то за прогулкой по обширному семинарскому двору мы разговаривали с ними, и мало-помалу наш умственный кругозор расширялся, и уже со второго класса в деле самообразования у нас начала проявляться самостоятельность. Среди товарищей образовался кружок, задав (Л. 104) шийся образовательными целями. У членов его возникла мысль испробовать свои литературные силы: в одном отделении стал издаваться двухнедельный журнал «Семинарист». В нем помещались рассказы, сцены, стихотворения, известия из жизни семинарии и т. п. Говорить о литературных достоинствах издания излишне: они были весьма слабы. В рассказах, помню, преобладало сентиментально-романтическое направление.

По какому-то поводу в редакции произошел раскол, и литературные силы второго отделения решили издавать свой орган. Его назвали «Товарищ». Журналы работали параллельно. Вначале между ними проявлялась полная корректность. Но вскоре мирные отношения сменились воинственными. Дело в том, что в «Семинаристе» бойкое перо какого-то литературного публициста весьма иной раз язвительно «продергивало» некоторые из произведений «Товарища». Началась борьба. В «Товарище» тоже появился критический отдел, все свои силы изошрявший на то, чтобы «разделать» литературу воинствующего «Семинариста». Дошло до того, что наши публицисты, не удовлетворяясь (Л. 105) разбором содержания журналов, позволяли злобные выходки по поводу каких-нибудь ничтожных дефектов в заглавиях изданий. Критик «Товарища», напр[имер], пишет, что буквы заглавия «Семинариста» так причудливо расставлены, что напоминают фигуры «пишущих “мыслете”» семинаристов, а отсюда переходит к обличению в нетрезвости и внутреннего содержания. Литературный критик «Семинариста» не остается в долгу и свой отдел в следующем номере начинает

приблизительно так: «Читатели “Товарища”, конечно, не оставили без внимания, что “ь” в заглавии этого журнала уже давно стал весьма напоминать инспекторского индюка. Этот “ерь”, похожий на индюка, является символом редакции его», и т. д.

В этой взаимной борьбе и погибли наши первые журналы, выпустившие не более как по десятку №№. Они переписывались в формате in quarto, объем их достигал иногда листов пяти и более. Первая страница их была украшена виньеткой. Подписка принималась двух родов: одна для прочтения журнала, другая — в собственность. Первая была коп[еек] 15 в месяц, вторая же должна была оплачивать стоимость переписки. Сотрудники работали бесплатно: они лишь делили между собой прочитанные номера. (Л. 106) При всей скудости внутреннего содержания эти воинствовавшие журналы не прошли бесследно в развитии нашего класса. Они послужили примером для последующих, уже более совершенных начинаний в этом направлении.

В дальнейшие годы стал издаваться у нас журнал «Эхо». Редакция, объясняя в передовой статье название журнала, говорила о том, что он будет отражением всех заметных явлений общественной жизни и отведет значительное место изображению внутренней семинарской жизни. Действительно, «Эхо» было значительно серьезнее и по своей литературе, и публицистике. В каждом классе семинарии были корреспонденты, освещавшие весьма подробно внутреннюю жизнь семинаристов, действия учителей и начальства. В «Эхо», например, была рассказана возмутительная история, происшедшая на уроке словесности в младшем классе. Учитель, ранее не пользовавшийся репутацией педагога-самодура, за какую-то «провинность» заставил ученика простоять на коленях вблизи его кафедры почти целый час.

Этот факт был из ряда выходящим. До таких бурсацких наказаний не доходил даже знаменитый Иван. Прежде терпимый преподава (Л. 107) тель заклеямен был позором и вскоре после происшествия оставил семинарию. В нескольких номерах этого журнала помещалась, помню, довольно обстоятельная статья о значении монашества в жизни России, вызвавшая весьма оживленный обмен мнений на страницах «Эхо». Большинство авторов рассматривало монашество как факт религиозной жизни, имевший лишь историческое значение, и совершенно отрицательно относились к нему в настоящем его виде, подтверждая свои доводы фактами, ясно иллюстрировавшими «подвиги» современных иноков, потерявших всякое оправдание своего существования. Этот же журнал бросил первые зерна недовольства мелочной придирчивостью и деспотизмом инспектора, в квартире которого были «выставлены» потом стекла. В нем появлялись нередко сообщения из других семинарий, всегда весьма интересовавшие читателей. «Эхо» погибло вместе с редактором. Им был тот самый товарищ, который от лица класса изобличал нечестное поведение инспектора в известном деле о захваченной переписке.

(Л. 108) Время издания «Эхо» было самым живым моментом нашей семинарской жизни. Под влиянием знакомства с семинарской философией, физикой, а главным образом «запретного» чтения в нашем мозгу закопошилась масса вопросов по разным областям знания, на которые мы с жадностью искали

ответов. Запросы эти столкнулись с нашими традиционными представлениями, верованиями. Началась мучительная умственная борьба, время сомнений и скептицизма, период переоценки ценностей. Каких-нибудь руководителей, авторитетов, направлявших бы нас в определенное русло, не было. Да и едва ли склонны были мы подчиняться и признавать их в эти минуты нашего развития. В нашей среде начался оживленный обмен мыслей, горячие, доходящие почти до личной вражды споры. Особенно сильное возбуждение в наших умах произвело знакомство с эволюционной теорией. Сочинениями Дарвина и популярными брошюрами, относящимися к эволюционизму, мы (Л. 109) зачитывались. Незрелые умы относились к этому вопросу различно. Многие никак не могли примириться с последними выводами дарвинизма. Не раз в присутствии почти всего класса устраивались диспуты антидарвинистов с дарвинистами. К прениям готовились: штудировалась подходящая литература. Самые диспуты происходили обыкновенно в свободное время в учительской комнате, где за длинным столом один против другого рассуживались диспутанты. Публика размещалась кругом. Ораторы, исчерпавши все доводы, горячились, кричали до иступления. Публика была тоже далеко не безучастна к спорам: она горячо поддерживала своих лидеров. В этих спорах до сих пор памяты фигуры двух товарищей. Один, великан, размахивая чрез стол своими длинными руками, готовыми, казалось, повредить физиономию противника, громовым голосом старался «разбить» теорию, а другой, небольшого роста, с в[с]клокоченными волосами, фальцетом до хрипоты доказывал ее полнейшую обоснованность. Но было уже известно вперед, что убедить друг друга им не удастся.

(Л. 110) Чрез год опять было зарождалась мысль об издании журнала; предполагалось даже значительно расширить его программу. Решено было придать ему форму, которая могла бы заинтересовать и соседние семинарии, из которых обещано было уже сотрудничество. Все было налажено, как разражается «стеклобитие», кончившееся весьма печально для воспитанников. Из нашей среды было вырвано еще несколько энергичных, умных товарищей. Общее настроение под влиянием репрессий понизилось, и мысль об издании была оставлена, так как подобное дело с точки зрения начальства считалось преступлением, достойным изгнания. А в той постановке журнала, какую мы проектировали ему дать, наш скромный журнальчик мог быть приравнен к так называемой подпольной литературе, и, Бог знает, что бы из этого могло выйти.

Кружок для самообразования с каждым годом привлекал себе новых членов. Книгами, случайно попадавшими от старших, перестали ограничиваться. Стали появляться общие абонементы на книги публичной библиотеки. Но посещать эту библиотеку было в высшей степени опасно: можно было при входе или выходе из нее натолкнуться случайно на члена инспекции и подвергнуться (Л. 111) строжайшему взысканию. Бывало, прежде чем отворить двери этого запретного для нас здания, несколько раз осмотришься кругом: нет ли откуда опасности. Войдя в библиотеку, не подходишь прямо к конторке заведующей, а осторожно смотришь в читальный зал: не сидит ли там

какой-либо опасный человек. Во втором уже классе было решено составить собственную библиотеку запрещенных в семинарии книг. Установлены были ежемесячные взносы на выписку книг и журналов, и первым выписанным на общественный счет изданием была та же «Неделя». Средства росли, разрасталась и библиотека. К «Неделе» прибавилась «Русская мысль», «Вестник Европы», появились почти все более ценные издания Павленкова, рассказы начинающего еще тогда Чехова, произведения Короленко, Мамина-Сибиряка, Достоевского. В городе по случаю приобретено было несколько №№ «Современника» и «Русского дела» со статьями Чернышевского и Писарева, сочинения которых в наших глазах были окружены каким-то мистическим ореолом. Помню, напр[имер], за две книжки «Современника», в которых было напечатано знаменитое «Что (Л. 112) делать?» (и то без начала), из общественных сумм было заплачено что-то сравнительно весьма дорого. Появилось собрание сочинений Добролюбова, «История цивилизации в Англии» Бокля, сочинения Дрепера, Дарвина, Шопенгауэра, Ницше. Наконец, были приобретены девять томов Н. К. Михайловского, к трудам которого относились мы с особенным почтением. Понимание его было нашей гордостью. Припоминается рассказ одного из уволенных «за чтение запрещенных книг» товарища, который в Крутогорске искал себе заработка и пристроился наконец в редакцию местной газетки. Он рассказывал нам, что редактор, желая, вероятно, убедиться в его развитии, спрашивал его о том, чем он интересуется, что читал, и «когда я упомянул меня^а о знакомстве с Михайловским, его отношения ко мне заметно изменились». Этот рассказ произвел свое действие на слушателей. Многие из тех, кто не читал еще Михайловского, принялись с увлечением за изучение трудов этого выдающегося мыслителя нашего безвременья. Имелись у нас и более известные переводные романы Золя, Шпильгагена и др[угих]. Со временем стали появляться научные сочинения и популярные брошюры по естествен (Л. 113) ным и экономическим вопросам. Существовала у нас и «подпольная» литература. Были заграничные издания Л. Н. Толстого, напр[имер] «Послесловие к Крейцеровой сонате», «Исповедь» и др[угие]. Тщательно хранилось искреннее, полное силы и правды письмо Цебриковой к импер[атору] Александру III, раскрывавшее язвы русской общественно-государственной жизни.

Библиотека была нашим любимым детищем. Почти в детский восторг приходили мы, уже юноши, от каждого нового ценного пополнения ее. Почти все книжки были прочно и красиво переплетены. На корешках их сначала ставились инициалы «Т. Б.» (товарищеская библиотека). Но раз произошел такой случай. Одну библиотечную книжку нашел у ученика помощник инспектора и, конечно, пристал с расспросами, откуда она появилась. И товарищу для объяснения инициалов пришлось выдумывать какого-то Бориса Томилина. Ладно, что помощник этим удовлетворился. Чтобы в будущем не происходило подобных недоразумений, инициалы везде были счищены, и новые переплеты были без них. Библиотека наконец получила правильную

^а Так в рукописи.

орга (Л. 114) низацию. Был написан устав. Члены ее разделялись на членов-учредителей, в число которых входили лишь учившиеся в нашем классе, положившие много труда для создания библиотеки. Для усиления средств ее, напр[имер], заведена была общественная торговля табаком, приносящая 100% дохода, который полностью поступал на библиотечные нужды. Расходы на торговлю были сокращены до минимума. Члены библиотеки сами даже набивали папиросы для лавочки, а их требовалось более тысячи ежедневно. Лица же из других классов, примкнувшие к нашему кружку и внесшие на усиление библиотеки более или менее значительную сумму, носили звание членов. Таких было немного, большинство были подписчиками с 20-копеечной платой в месяц. Книги выдавались на срок, и просрочка считалась делом нравственно преступным, так как желающих читать всегда было много. Выписка новых книг и журналов производилась общим собранием членов. При пополнении библиотеки преимущественно руководились каталогом книг для самообразования, составленным какой-то комиссией. Этот каталог был запрещеннейшей (Л. 115) книгой в семинарии, так как он открывал семинаристам, по крайней мере по названиям, всю «запретную» литературу. В печати подобных каталогов тогда не было, и он переписывался и хранился у нас, как святыня. В нем, конечно, абсолютно не было чего-либо преступного. Подобные ему списки книг ныне пользуются всеобщей известностью. Постановлением общего собрания членов-учредителей вся наша библиотека, достигавшая, кажется, томов 300, по окончании нами курса должна была перейти в собственность ученической организации самообразования, которая, конечно, должна была пережить наш курс, но обстоятельства сложились так, что этому благородному решению не суждено было осуществиться сполна.

Годы зарождения и первоначального развития нашей библиотеки совпали с временем инспекторства монаха и были весьма благоприятны для ее существования. Сыск и репрессии несколько ослабели, и это дало нам возможность поставить дело довольно широко. Но при следующих инспекторах дела резко изменились. И много тревожных дней пережили члены биб (Л. 116) лиотеки и во многих местах принуждены были спасать свое дорогое детище. Особенно страшны были нам «повальные обыски». Устраивать их любили некоторые инспектора. Этим именем назывались у нас такие явления, когда представители инспекции пересматривали решительно все вещи учеников известного класса. Обыски эти производились внезапно, но иногда все же откуда-то распространялся слух, что скоро будет обыск, подобно тому как распространяются темные слухи о готовящихся еврейских погромах. Тогда старались раздать все имеющиеся налицо в библиотеке книги подписчикам и членам и, таким образом, выражаясь военным термином, встречали врага «рассыпным строем», в котором, говорят, всегда бывает меньше потерь, чем тогда, когда встречают врага «в колоннах». У нас «рассыпной строй» удавался почти всегда блестяще, так как изобретательность семинариста доходила здесь до изумительных размеров. Прибывали, напр[имер], внизу парты веревочную сетку и прятали тут книги. Начальство, внимательно «шарившее» в партах, не предполагало, по-видимому, никаких сооружений под нею. (Л. 117) А то

был еще проще и уже совершенно безопаснее способ — заталкивать книги под рубашку, так как «личность» была неприкосновенна. Иной раз требовалось лишь вывернуть карманы. Но это можно было сделать без всякого оказательства^а своего книжного шкафа.

Иногда обыски случались совершенно неожиданно и в таких случаях оканчивались почти всегда печально. Раз, мы были уже в богословском классе, в конце последнего урока в стеклянных дверях класса несколько раз показывалась фигура инспектора. Все почувствовали недоброе. Оно и случилось. Лишь кончился урок, в класс входит инспектор и его помощник. Вошедшие объявляют, что сейчас будет обыск, и просят остаться на своих местах. Помощник начинает обыскивать парты, а инспектор — книжные шкафы, стоявшие в классе. А второй его помощник находился в это время в гардеробной, где по очереди мы должны были отпирать свои ящики и показывать имущество, в котором помощник рылся без всякой церемонии, перетрясая наше белье, начиная с кальсон и ночных рубашек. Любопытство инспекции порой доходило до того, что прочитывались попадавшиеся под руку письма, особенно у «подозрительных», (Л. 118) по ее мнению, учеников. Парты были обысканы быстро, и мы толпой окружили инспектора около шкафов. Лица многих были бледны. Один шепчет, что у него лежит том Михайловского, другой говорит: «У меня Бокль», и проч[ее]. Как помочь беде? Шкафы заперты, а замки, как нарочно, со звоном. Кто-то подал мысль начать кашлять и громко разговаривать, чтобы звуками голосов заглушить звон от тщательно осматривающего все еще первый шкаф инспектора. Так и сделали. «Запретные» книги были вытащены, и многие избежали больших неприятностей. Но инспектор нашел все же поживу в первом шкафу. В ящике одного из деятельнейших по библиотечным делам товарища оказался том соч[инений] Добролюбова и какая-то брошюрка Вольтера на французском языке. Находка оказалась вполне достаточной для обвинения ученика в атеизме, деморализации своих товарищей, и в результате ему предложено было оставить семинарию. Это была невознаградимая потеря для товарищества. В лице его мы лишились самого талантливого члена своей сплоченной семьи, видного сотрудника всех бывших (Л. 119) журналов, человека, стоявшего во главе нашего умственного развития. В первые ученики он не лез, хотя имел для этого все данные: письменные работы его всегда были блестящи. Перо его приходило на помощь и ленивым коллегам, имевшим возможность оплачивать его труд. Слог его был настолько выработан, что даже лучшие из преподавателей не могли подметить, что одному и тому же автору принадлежат пять, а иногда и более сочинений на одну и ту же тему. Писал он сочинения и в другие классы и в этом отношении был известен всей семинарии.

За чтение книг гнали из семинарии беспощадно. Изгнанию подвергались и только поступивший новичок, и богослов за несколько месяцев до окончания курса. Так коверкали жизнь стремящихся к свету юношей, вся вина которых

^а Так в рукописи.

была в том, что они хотели знать больше того, что давало им учебное заведение, в которое они поступили не добровольно и сознательно, а потому, что свезли их сюда по традиции родители. В этом был трагизм положения многих из нас, душою своею далеко стоявших и от мерт (Л. 120) вящей науки, и обстановки окружавшей нас официальной жизни. Порвать с семинарией у немногих хватало решимости. Но были, однако, и такие, которые добровольно покидали семинарию, чтоб перейти в какое-либо светское учебное заведение, или же принимались за нелегкую для семинара задачу — готовиться к пресловутому экзамену зрелости, который открывал нам двери высшей науки.

Но вернемся к трудным дням жизни нашей библиотеки. Они начались после описанного обыска. Этот обыск убедил инспектора в существовании в нашем классе «вредных» книг, и он решил во что бы то ни стало разыскать «преступные книги». Об этом он давал иногда ясные намеки в своих речах, и мы приняли оборонительное положение. Библиотека была уже велика. Раздать ее по рукам — значит рисковать подвергнуть опасности «изгнания» многих, и поэтому было решено более ценные и «опасные» книги совершенно скрыть из стен семинарии на острый момент инспекторского сыска. Куплены были два больших старых мешка; в них и сложили свое (Л. 121) сокровище. Возник вопрос, как их отправить в город. Дело это было нелегкое, так как по распоряжению инспектора привратники зорко следили за тем, что вывозится из семинарии учениками. И вот до удобного случая решили одну часть книг спрятать на потолке ротонды, стоявшей в самом отдаленном уголке семинарского сада, а для другой темной ночью выкопана была глубокая яма в сугробе снега.

Затем на помощь нашей беде пришел семинарский фельдшер, о котором, также как и о больнице, следует сказать несколько слов. Больница помещалась в отдельном одноэтажном здании. Ежедневно приезжал для осмотра больных наблюдавший за ней врач. В больничных «палатах» помещались все, кроме острозаразных. Для постоянной помощи больным тут жил фельдшер. Ввиду ничтожности жалованья эту должность чаще всего занимали так называемые «ротные» фельдшера из запасных солдат. Это были, конечно, не первостатейные лекаря, но между ними часто попадались «милые» люди, близко принимавшие интересы семинаристов. Благодаря содействию их иной раз в больнице дней пять и более укрывались от уроков (Л. 122) страдающие весьма распространенной в семинарии болезнью — *rigriti'ej*, по-русски ленью. В данном случае полагалась лишь в пользу фельдшера небольшая «контрибуция» в виде, напр[имер], бутылки очищенной, которая, конечно, распивалась сообща. С фельдшером семинарист был готов делить свою последнюю папиросу. Самое обращение к фельдшерам свидетельствовало об отношениях к ним учащихся. Их называли не иначе, как по отчеству: «Савельич», «Федотыч» и т. п.

Так вот, один из этих милых людей и сослужил нам службу верную. Это был солдат, способный, как говорят, от скуки на все руки. Вероятно, большую часть своей «солдатчины» он провел в денщиках у какой-нибудь хозяйственной полковой дамы, так как мог стряпать, шить, сапожничать, красить, штукатурить, словом, был большой «пройдоха». Узнал он о нашей беде

и говорит: «Что ж вы приуныли? Тащите ночью мешки ко мне, а к утру я закажу извозчика и выведу с вами из семинарии. Ведь инспектор меня не остановит, а если остановит, так я скажу ему, что старую посуду в аптеку воз (Л. 123) вращаю». Так неожиданно счастливо [разрешился] тревоживший нас вопрос. Книги отправлены были в город и при нас уже не возвращались в семинарию полностью. В городе им дали приют стоявшие на общей квартире уволенные и уволившиеся товарищи, пострадавшие в большинстве из-за этих же книг. Эта тесная, убогая квартирка с этих пор сделалась для нас библиотекой, читальным залом, местом, где мы, не боясь «недреманного ока» наших аргусов, обменивались мыслями, горячо спорили, мечтали о будущем словом, проводили здесь лучшие минуты нашей приближавшейся уже к концу семинарской жизни.

В последние годы нашего пребывания в семинарии кроме идейных интересов с силой врываются к нам и интересы практические. И это вполне естественно. Семинария ведь стремилась дать законченное образование и выпускала своих питомцев не [в] высшие школы, а прямо в жизнь: большинство шло в священники и учителя. Люди, помышлявшие о священстве, естественно, думали и о связанной с ним женитьбе. У некоторых где-нибудь (Л. 124) вблизи своих сел намечены были уже невесты, другие интересовались кончающими епархиалками, третьи начинали лишь присматриваться к прекрасному полу. Доступ в епархиальное училище для семинаристов был весьма труден. Посещали его, и то раз в две недели, лишь имеющие там родных сестер. Все двоюродные и троюродные, пытавшиеся проникнуть туда, не проходили далее училищного швейцара. Но все же дважды в год (в храмовой праздник и в день акта³⁵) удовлетворялось наше любопытство — взглянуть на епархиалок. В эти дни «богословы» наполняли церковь и зал училища, избирая здесь такие позиции, около которых обязательно должны были проходить ученицы. Длинные вереницы их в казенных платьях с белыми передниками и рукавами, в каких-то шуршащих туфлях бесшумно скользили около стены семинаров, бесцеремонно засматривающих в проходящих. Но рассмотреть кого-либо более или менее порядочно было невозможно: белые движущиеся фигуры как две капли воды были похожи одна на другую и лишь рябили в глазах.

Те из нас, у которых в епархиальном (Л. 125) были «симпатии», находили и другие случаи видаться с ними или по крайней мере взглянуть на них. Для этого они выходили в город к тому времени, когда епархиалки под бдительным надзором классных дам выходили в своих неуклюжих, долгополых «манто» и грибообразных шляпах на прогулку вокруг обширной городской площади. Эти невинные, мимолетные свидания носили у нас название «встречи образов»³⁶. Встречать «образа» иной раз набиралось немало, и они, как потом передавали, ухитрялись иногда интересующую их партию гуляющих встречать раза по четыре в течение какого-нибудь часа. Для этого, конечно, нужно было бегать по площади «высунувши язык».

Из жизни в шестом классе вспоминаются два довольно интересных факта. Один, относящийся к нашему жениховскому положению и весьма

характерный для духовного быта. Другой — необычайное посещение архиерейских именин. У «духовных» женихов, как известно, до сих пор не вывелся обычай ездить из села в село для выбора (Л. 126) подруги жизни. А бывает и так, что стареющие невесты или девицы, за которыми «зачислены» отцовские места, сами старательно ищут себе жениха. С тетушками и свахами являются они в губернский город, останавливаются где-нибудь на постоялом дворе или в дешевых номерах и при помощи городских мастериц этого дела зазывают семинаристов, и устраиваются³ смотрины, оканчивающиеся часто браком. То же случилось и у нас. Раз вечером приходит в класс эконо́м и с улыбкой говорит: «Несколько минут внимания, господа». Мы столпились вокруг его, и он таинственно начал: «Интересную вещь я хочу вам рассказать, господа». «Рассказывайте! рассказывайте!» — послышалось со всех сторон. «Приходила сегодня ко мне какая-то полная женщина, отрекомендовавшаяся священнической вдовой, и говорит: “Я к вам с весьма деликатной просьбой. У меня есть сирота-племянница, кончившая³⁷. Пока я жива, мне хо (Л. 127) чется девицу пристроить, а подходящего жениха поблизости от нас нет. Хотелось бы за приличную партию, за богослова. Девица у меня скромная, молодая — двадцати лет (соврала!), и приданое имеет приличное: пять тысяч деньгами налицо и все прочее, как следует: дюжина серебряных столовых ложек, дюжина чайных, ротонда на лисьем меху. Мех хороший: зверь зимнего боя, никогда не вылиняет; всего, всего много! Не поможете ли как-нибудь нам, о[тец] диакон, ваши хлопоты не забыли бы. Вам ведь все богословы знакомы — передайте им, чтобы пожаловали завтра познакомиться с нами в номера Хохрякова”. Рассчитывая на подарок с кого-нибудь из вас, — шутливо продолжает диакон, — я ей обещал и миссию свою выполнил в точности. Теперь дело за вами. Воспользуйтесь случаем, г[оспода] богословы! Не пропускайте пятитысячной невесты с лисьей шубой». Рассказ произвел, конечно, общий хохот и долго несмолкаемые разговоры на эту тему. На утро «для баловства» пошли в номера трое. Красотка оказалась слишком перерзрелой: в импровизированный брак (Л. 128) вступать никто не пожелал. Женихи возвратились со смотрин с изрядной «мухой», тем дело и кончилось. Вышла ли замуж эта невеста, а быть может и еще ждет судьбу: благо у нее есть и деньги, есть и лисья шуба зимнего боя.

А посещение архиерейских именин произошло при следующих обстоятельствах. Незадолго пред нашим окончанием в Крутогорск был назначен архиерей, прямая противоположность тому, который некогда распекал нас за стеклобитие. Он был одинаково доступен и для городского протоиерея, и скромного сельского дьячка: для всех у него находилось слово приветия. В голове его всегда роилась масса иной раз утопичных проектов, и некоторые из них благодаря живости своего характера он немедля осуществлял. Память о них до сих пор жива в Крутогорске. На семинаристов он обратил особенное внимание, стараясь своей близостью привлечь их к священному сану. Шестиклассники должны были группами по очереди присутствовать во время его

³ Исправлено, в рукописи: усматриваются.

богослужения, а после обедни заходить в архиерейский дом, где им предлагался чай и завтрак. В комнату для чаепития (Л. 129) тия нередко являлся сам архиерей и, как простой смертный, разговаривал с нами, шутил. Словом, держал себя совершенно иначе, чем большинство духовных владык.

Но того, что произошло в день его именин, мы совсем не ожидали. Накануне этого дня на левом клиросе крестовой церкви³⁸ пел хор человек из двадцати шестиклассников. После всенощной певчие через ректора были приглашены в архиерейские покои, куда собралось все именитое городское духовенство. Был сервирован чай. Увидев нас, архиерей пригласил следовать за собой и усадил около стола, за которым сидело уже несколько епархиалок, пришедших в качестве делегации от училища поздравлять архиерея. «Вот сестрицы напоят вас здесь чаем»,— благодушно сказал архиерей, уходя к столу, где разместились почетные гости. Изумленные необычайной обстановкой и не стесняемые никем, мы выпили предложенный нам «сестрицами» чай и перешли в гостиную, в которой на столах и креслах лежали именинные подарки популярному архиерею от разных лиц и учреждений. Туда же скоро явил (Л. 130) ся и Преосвященный с духовенством и, обращаясь к келейнику, сказал: «Ну-ка, Филипп, тащи что-нибудь нам именинника поздравить, да не сногшибательного, чтобы и “студенты” могли выпить».

Через несколько минут на столе появляется поднос с массой рюмок и двумя бутылками. Почетные гости чокаются с архиереем, поздравляют его с днем ангела, а мы (студенты) толпимся в углу и думаем о выходе. Вдруг архиерей подходит к нам и приглашает последовать примеру «отцов». На лицах у всех недоумение, взоры многих невольно устремляются на вблизи стоящего ректора. Ректор молчит, и мы нерешительно подходим, наливаем по рюмке какого-то кисло-сладкого вина, поздравляем архиерея и осушиваем их. Проходит еще несколько минут. Епископ предлагает протоиереям «повторить», те отказываются, отсылаясь завтрашней службой. «Ну а вам, студенты, завтра не служить — пожалуйста еще по рюмочке!» — обращается он к нам. Мы пришли в полное недоумение, как поступить: и выпить не прочь, да и отказ протоиереев смущает. В дело неожиданно вмешивается ректор. (Л. 131) «Ваше Преосвященство, они ведь уж, видите ли, да, по одной выпили».— «Да ведь это самое дамское, от[ец] ректор,— не опьянеют». Ректор в смущении бормочет: «Ну, я здесь, видите ли, да, не хозяин... не хозяин, видите ли, да». Архиерей снова приглашает, мы благодарим. Но вот один отделяется от толпы и решительно направляется к выпивке. Остальные стоят... Рука смельчака протягивается уже к бутылке, как он оглянулся назад: со стороны товарищей измена! За ним никого нет. «Готов был я провалиться на месте, как вы меня, черти полосатые, подвели»,— ругал он потом нас. Но тут все стали прощаться с именинником, и поступок коллеги стушевался. Долго вспоминали мы эти необычайные архиерейские именины и смеялись над пожелавшим «повторить» товарищем.

В общем же, последний год пребывания в семинарии прошел бледнее других. Немало было причин для этого, а самая главная из них — это исчезновение к выпускному классу почти 80% нашего товарищества. В этом

количестве было, конечно, много бурсаков, (Л. 132) ничего, кроме грубости, не дававших классу, но еще больше исчезло людей талантливых, живых, не удовлетворявшихся окружающей обстановкой. За это они были выброшены за борт, у многих была загублена жизнь: мечтавшие об университете и достойные его попали в диакона, без призвания взяли за священство, некоторые спились, а другие сошли с ума. А будь иной режим, откажись школа от ложной задачи — воспитать людей чуть ли не с младенческого возраста для пастырства, не считаясь с их субъективным настроением, не заглядывая в глубину души ребенка и юноши, а лишь до жестокости строго проводя свою систему, мертвящую все святые юношеские порывы, результаты были бы другие. Эта прямолинейная до грубости система, ставившая своей целью привить скромность, покорность, почтительность, религиозность и т. п. качества, у многих вытравляла все живое, благородное, с чем юношей отправляла в школу семья.

Было бы вопиющей неправдой утверждать, что до конца эта система доводила самых лучших, самых достойных по ее требованиям. Далеко нет. (Л. 133) Одну часть прошедших тернистый путь «чистилища», называемого духовной семинарией, можно назвать самыми «приспособленными» к бездушному семинарскому режиму. Это были трудящиеся люди с небольшими умственными способностями, мало интересовавшиеся тем, чего нельзя было видеть и знать в семинарии. Другую — «счастливыми», которым благоприятствовала судьба, спасавшая их от бдительной инспекции в опасные минуты их жизни. Они и выпивали, и даже напивались, но не попадались и считались людьми примерной трезвости, они и начальству не прочь были «насолить», но оно об этом не догадывалось и готово было ставить их в пример, они обильно впитывали [в] себя и «запретную» литературу, но в руках и партах их никогда «вредных» книг инспекция не замечала, и они назывались «благонамеренными».

Крутогорец.
Конец.

Для редакции. Г. Уфа. Духовная семинария. Преподавателю Ивану Андреевичу Ардашеву.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Имеется в виду духовное уездное училище.
- ² Инспектор и его помощники должны были наблюдать за воспитательным процессом в семинарии; до реформ Александра II инспекторами назначались только монахи, затем эта должность, как и ректорская, стала доступной представителям белого духовенства.
- ³ «Философским классом» именовалось после реформы 1808–1814 гг. среднее отделение семинарии, «богословским классом» — высшее отделение. Во времена, описываемые «Крутогорцем», деление на отделения было отменено, но традиционное именование семинаристов различных классов, как видим, сохранилось.

- ⁴ На казенное содержание принимались прежде всего сироты. Затем, если у семинарии оставались средства, назначались половинные казенные оклады ученикам из бедных семей. Поскольку реальные семейные доходы могли складываться не только из церковного жалованья, казенные и полуказенные оклады не всегда доставались действительно нуждающимся. В то же время пристроить сына на казенное содержание всегда считалось большой удачей для семьи, чем и объясняется появление описываемого обычая «пропивать казенников».
- ⁵ День памяти св. Иоанна Богослова.
- ⁶ По старому стилю 8 мая.
- ⁷ Далее следует рассказ о том, как товарищи прятали пьяного семинариста от начальства.
- ⁸ «Кутейниками» именовали детей клириков. Кутья — поминальное блюдо, которое приносили в церковь в день похорон.
- ⁹ Ученицы епархиальных женских училищ. Большинство из них принадлежали к семьям духовенства, так что семинаристы видели в «епархиалках» прежде всего потенциальных невест (по традиции девушки из духовного сословия выходили замуж за сыновей клириков). Иногда за такой невестой давали в приданое приход ее отца. Пытавшееся разрушить сословные границы правительство Александра II запретило подобную передачу приходов, но в воспоминаниях «Крутогорца» встречается рассказ о «смотринах» в семинарии, которые были весьма обычны в дореформенные времена.
- ¹⁰ Далее следует рассказ о том, как нетрезвые семинаристы были возвращены обратно в семинарию.
- ¹¹ Ссылка на правила Пято-Шестого Вселенского Собора (691–692 гг.)
- ¹² Дмитрий Александрович Агренов (псевдоним — Славянский; 7 декабря 1834 г.— 10 июля 1908 г.), русский певец, хоровой дирижер, собиратель народных песен. С 1869 г. концерттировал с собственной капеллой в России и за рубежом, пропагандируя русские и славянские народные песни.
- ¹³ Имеются в виду учебники «классических», т. е. латинского и греческого, языков.
- ¹⁴ Имеются в виду 2-классные церковноприходские школы, готовившие своих учеников для преподавания в обычных, 1-классных церковноприходских школах.
- ¹⁵ Цитата из «Духовного регламента» Феофана Прокоповича: речь шла о возможности исключения из духовной академии «детин непобедимой злобы» (*Смирнов В. Феофан Прокопович. М., 1994. С. 168*).
- ¹⁶ В период говения принято ежедневно посещать богослужения, затем исповедаться и причаститься. В период многодневных постов принято говеть на первой либо последней неделе.
- ¹⁷ По традиции овдовевшим священнослужителям предлагалось принять постриг. Прежде строгое, в синодальный период это правило выполнялось редко, как правило, когда речь шла о занятии какой-либо административной должности. Характерно, что в глазах «Крутогорца» белец, принявший постриг по вдовству, — монах «наполовину», так как согласился на пострижение не по убеждению, а из карьерных соображений.
- ¹⁸ Приход нового поколения ректоров-монахов, к тому же только что окончивших духовную академию, связывают с именем Антония (Храповицкого), будущего главы Русской Православной Церкви за границей, считавшего, что таким образом можно поднять нравственный уровень духовной школы.
- ¹⁹ Миряне — преподаватели духовной школы — получали чины по Табели о рангах, но претендовать на высокий административный пост они практически не могли даже после реформ 1860–1870-х гг., поэтому для занятия ректорской должности статский советник был вынужден принять священнический сан.
- ²⁰ Чтение шло на церковнославянском языке.
- ²¹ Битье стекол было традиционным способом мести, особо распространенным в закрытых учебных заведениях, где преподаватели жили по соседству с учениками.

- ²² День памяти святого, которому был посвящен храм.
- ²³ Имеется в виду персонаж рассказа А. П. Чехова «Человек в футляре».
- ²⁴ Общими усилиями (*лат.*).
- ²⁵ Литургия — наука о богослужении, гомилетика — наука об искусстве проповеди.
- ²⁶ Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский († 1882 г.), известный церковный историк и богослов. Здесь, вероятнее всего, имеется в виду его труд «Руководство к изучению христианского православно-догматического богословия» (СПб., 1869).
- ²⁷ Алексей Иванович Покровский, инспектор народных училищ Бузулукского уезда Самарской губернии. Здесь, вероятнее всего, имеется в виду его книга «Православно-христианское нравственное богословие» (Самара, 1891).
- ²⁸ Очевидная описка; следовало написать «одиннадцатого часа». Имеется в виду евангельская притча о рабочих, которых хозяин виноградника нанимает для сбора урожая в течение дня. Последние работники были наняты «около одиннадцатого часа», но получили ту же плату, что и работавшие весь день (Мф 20. 1–16). В данном случае подразумевается, что преподавателю легко давалось то, что другим — с трудом, но он был равнодушен к тому, чем занимался.
- ²⁹ Александр Павлович Лопухин († 1904 г.), богослов. Имеется в виду одна из его книг: «Руководство к Библейской истории Ветхого Завета». СПб., 1888–1989; «Библейская история Ветхого Завета». СПб. 1887; «Библейская история при свете новейших исследований и открытий: Ветхий Завет». СПб., 1889–1890.
- ³⁰ «Отец ректор, дайте нам выходной» (*лат.*).
- ³¹ На суше и на море (*лат.*).
- ³² Супруги, и в старости сохранившие любовь и преданность друг к другу.
- ³³ Студенты духовной академии, учившиеся на казенный счет, должны были отработать в школах Духовного ведомства по полтора года за каждый год своей учебы.
- ³⁴ Церковноприходская школа при семинарии, в которой семинаристы выступали в роли преподавателей. Преподавание в церковноприходской школе Закона Божия входило в круг обязанностей настоятеля приходского храма, зачастую другие предметы преподавались клириками и выпускниками семинарии, еще не получившими штатного места.
- ³⁵ В день окончания учебного года.
- ³⁶ «Встречать образа», т. е. иконы, выходили на улицу во время крестных ходов, а также специальных обходов духовенством домов своих прихожан во время церковных праздников.
- ³⁷ Окончившая женское епархиальное училище.
- ³⁸ Церковь архиерейского дома.

М. В. Шкаровский*

Санкт-Петербургские (Ленинградские) духовные школы во 2-й половине XX — начале XXI века**

Для подготовки к социальной работе некоторые учащиеся периодически направлялись за границу, где знакомились с различными формами служения в социальной сфере. Например, в летние каникулы 1994 г. с таким намерением были направлены 6 человек в Германию, 2 человека в Норвегию, по 1 человеку в США и Финляндию. Питомцы духовных школ посещали больницы, детские приюты, дома престарелых и другие учреждения, где время от времени несли послушания. Наиболее тесные контакты существовали с детским приютом «Дом милосердия», братством св. Анастасии Узорешительницы, детским отделением 15-й городской больницы. Известное в епархии православное благотворительное братство св. вмц. Анастасии Узорешительницы было создано в 1992 г. первоначально как диаконическая служба духовной академии. Когда в 1994 г. академии передали здание бывшего Ярославского подворья на набережной Лейтенанта Шмидта, в нем в качестве диаконической службы духовных школ разместилось братство, устроившее в отремонтированном своими силами доме приют для беспризорных детей. Осуществлялось и плодотворное сотрудничество с благотворительной голландской организацией «Доркас», совместно с которой духовные школы претворяли в жизнь различные социальные программы. Так, в 1994–1995 гг. группа учащихся совместно с добровольцами из Голландии осуществила ремонт сиротского отделения больницы № 15. В это же время воспитанницы регентского отделения работали в приюте для уличных детей «Евфимия», в здании семинарии проводились беседы для окормляемых Детским благотворительным фондом бездомных подростков.

Расширению диапазона деятельности духовных школ содействовало принятие Гражданского устава академии, который был утвержден Патриархом

* © Шкаровский М. В., 2009

** Окончание. Начало см.: Вестник церковной истории. 2008. № 4. С. 171–210.

Алексием II 29 апреля 1992 г. и зарегистрирован Министерством юстиции 27 мая 1992 г. Благодаря новым условиям академия смогла издать ряд учебных пособий. В типографии были напечатаны пособия по Священному Писанию Ветхого и Нового Заветов, по библейской истории, догматическому богословию, нравственному богословию, пастырскому богословию, литургике, пособия для преподавания Закона Божия и др. В 1994 г. с помощью Учебного комитета был издан большим тиражом курс лекций профессора-протоиерея Ливерия Воронова по догматическому богословию, вышел в свет сборник его проповедей. В качестве вклада в ознаменование юбилея духовных школ в 1996 г. заведующий регентским отделением М. И. Ващенко составил и издал 3 нотных сборника: «Пасха», «Литургия» и «Всенощное бдение». Несмотря на финансовые трудности, продолжал выходить журнал «Христианское чтение». В качестве приложения к нему с 1993 г. стал издаваться детский православный журнал «Колокольчик». В здании академии находилась и редакция журнала «Вестник Всецерковного молодежного движения».

Духовные школы установили связи со многими учебными заведениями города: с Военно-медицинской академией, Академией гражданской авиации, Военно-космической академией имени Можайского, Суворовским училищем и др. С преподавателями этих вузов проводятся встречи, семинары, конференции. Еще 28 октября 1992 г. митрополит Иоанн обратился к ректору Санкт-Петербургского государственного университета педагогического мастерства В. Г. Воронцовой с предложением обсудить вопрос о проведении семинара для учителей города на тему «Православная педагогика и современные проблемы духовного воспитания детей». Семинар состоялся 3 ноября в здании духовной академии. В 1994 г. в Санкт-Петербурге по инициативе епархии был создан Совет по религиозно-нравственному воспитанию студенчества. В соответствии с решением этой организации и Совета по гуманитарному образованию в 1994/95 и 1995/96 учебных годах на базе духовной академии были проведены общегородские методологические семинары преподавателей вузов, средних специальных учебных заведений и школ, ведущих занятия по религиоведению и истории, а также 2 международных конгресса.

С 1993 г. в духовной академии прошла серия научных конференций, например 22–29 марта этого года международная конференция «Возрождение русской религиозно-философской мысли», а 16–17 мая – конференция «История Санкт-Петербургской епархии. Время, люди, источники». Весной 1993 г. состоялась международная конференция по проблемам новых переводов Священного Писания на современные языки. В том же году в рамках празднования «Дней православия» (16–18 мая) академия организовала конференцию «Церковь и общество», на которой основные доклады по 4 главным темам представили профессора и преподаватели духовных школ. В результате работы конференции были вынесены аргументированные предложения о необходимости создания в епархии 4 отделов, которые занимались бы миссионерской работой, религиозным образованием, организацией работы в приходах и социальным служением.

Академия была в числе организаторов Первой всероссийской выставки-ярмарки «Православная Русь» (10–14 октября 1995 г.), которая имела своей целью объединить усилия церковных и светских организаций в деле возрождения лучших отечественных традиций в области зодчества, изобразительного искусства, производства товаров и материалов для восстановления храмов. В рамках выставки в академии прошла конференция «Церковь. Общество. Хозяйство». 19–25 февраля 1996 г. духовная академия совместно с Берлинским университетом провела семинар «Пастырское служение в настоящее время». С 22 сентября 1994 г. преподаватели духовных школ протоиерей Борис Безменов и протоиерей Андрей Чижов стали еженедельно отвечать на телефонные звонки слушателей на радиостанции «Теос». В 1995 г. на «Теосе» начали выступать архиепископ Михаил (Мудьюгин), протоиерей Богдан Сойко, а также была организована еженедельная передача «Православная беседа», завоевавшая большую популярность¹.

17 июля 1996 г. постановлением Патриарха и Священного Синода ректором духовных школ был назначен епископ Новогрудский и Лидский Константин (Горянов). Протоиерей Василий Стойков был оставлен в должности проректора по учебной части. Во 2-й половине года состоялись юбилейные торжества, посвященные 275-летию со дня основания и 50-летию со дня возрождения Санкт-Петербургских духовных школ. 26 сентября/9 октября в праздник св. Иоанна Богослова литургию в академическом храме совершил Католикос-Патриарх всея Грузии Илия II в сослужении митрополита Владимира и епископа Константина. 12/25 декабря в актовом зале академии прошла юбилейная научная конференция и праздничный концерт учащихся, а вечером того же дня в Капелле имени М. И. Глинки состоялись встреча постоянных членов Священного Синода и ректора духовных школ с общественностью города и концерт духовной музыки. Патриарх Алексей передал в дар академии служебные сосуды для храма св. Иоанна Богослова. В 1997 г. Патриарх по просьбе епископа Константина благословил создание на базе факультативного иконописного класса самостоятельного иконописного отделения (школы). В том же году в академии был открыт церковно-археологический музей, проведена I студенческая православная Татьянинская конференция и начались большие ремонтно-строительные работы в главном корпусе духовных школ. В 1998 г. в ходе ремонтных работ в подвале здания было оборудовано книгохранилище на 80 тыс. томов. В последующие 2 года над алтарем академического храма св. Иоанна Богослова был водружен увенчанный крестом купол, на фасаде над входом в академию в память 2000-летия Рождества Христова помещена мозаичная икона св. Иоанна Богослова, отремонтированы все кабинеты, аудитории, спальни, библиотечные и хозяйственные помещения.

2 октября 1997 г. Священный Синод утвердил принятый Учебным комитетом устав духовных академий, а 28 декабря 1998 г. Патриарх Алексей утвердил обновленный Гражданский устав Санкт-Петербургских духовных школ. С 21 мая 1998 г. они имеют государственную лицензию на право образовательной деятельности в сфере религиозного образования. В конце

1990-х гг. начался переход к 5-летнему курсу обучения в семинарии. Учебный процесс в духовных школах был существенно улучшен благодаря изданию пособий по ряду предметов академического и семинарского курса; при подготовке к печати учебники были отредактированы и переработаны либо написаны вновь. Однако далеко не все предметы семинарского и академического курсов имеют учебные пособия, создание которых остается одной из насущнейших задач церковной науки. В последнем десятилетии XX в. в учебные планы духовных школ были включены новые предметы: патрология, церковное право, пастырское богословие, введение в философию, психология, педагогика, миссиология, риторика, основы приходского хозяйства, история церковного искусства, в академии помимо основных общеобязательных предметов вводились спецкурсы.

Архиерейский Собор 1994 г. постановил к 2000 г. подготовить переход к новой системе духовного образования, в рамках которой семинарии должны стать высшими школами, готовящими священнослужителей, академии же преобразованы в школы, дающие богословскую специализацию. На основании соборного определения была создана группа по разработке детальной концепции новой системы богословского образования, первое заседание которой состоялось 21 декабря 1996 г. Были выработаны предложения по реформированию системы духовного образования, с уточнениями, утвержденными 27 декабря Священным Синодом. Проект реформы духовных школ предполагал перейти к 5-летнему курсу образования в семинарии; академический курс обучения должен быть разделен на 2 ступени: трехгодичную первую, после окончания которой в случае успешной защиты кандидатской диссертации выпускнику присваивается степень кандидата богословия, и двухгодичную вторую (аспирантуру), после окончания которой в случае защиты магистерской диссертации выпускнику присваивается степень магистра богословия. Также намечалось распределить все изучаемые в академиях предметы между 4 отделениями: богословским, библеистики, пастырским и церковно-историческим, в котором была предусмотрена специализация по русской или общей церковной истории.

В Санкт-Петербургской Духовной семинарии осуществление реформы началось в 1997/98 учебном году и сопровождалось постепенным переходом на новые программы и открытием 5-го класса. Наряду с созданием иконописной школы это привело к острой нехватке помещений. Осенью 2001 г. число учащихся достигло 615 человек: в академии 163 (в том числе 68 экстернат), в семинарии 285 (61 экстернат), на регентском отделении 92, в иконописной школе 38 и на факультете иностранных студентов 37 человек, в то время как общежития и аудитории духовных школ позволяли принять не более 550 учащихся. Проблему частично удалось решить, когда митрополит передал возвращенное епархии двухэтажное здание цеха «Росмонумент-искусства» регентскому отделению. После ремонта в 2003 г. этот новый учебный корпус был освящен и в нем начались занятия. Новые помещения были выделены и иконописной школе, первый выпуск которой состоялся 17 июня 2001 г. Для дальнейшего расширения академии жизненно важно вернуть це-

ликом свое историческое здание на набережной Обводного канала, 7, часть которого по-прежнему занимает Санкт-Петербургский государственный колледж физической культуры и спорта, экономики и технологии. 15 февраля 2000 г. в помещении храма Двенадцати апостолов, используемого колледжем в качестве спортивного зала, руководитель епархиального молодежного отдела священник Артемий Скрипкин совершил первую с 1918 г. Божественную литургию.

С деятельностью владыки Константина связана новая страница в истории взаимоотношений Санкт-Петербургских духовных школ с Синдесмосом. Интерес и активное участие в работе Всемирного братства православной молодежи епископа Константина восходят к тому времени, когда он был ректором Минской семинарии. 20–26 января 1999 г. в Санкт-Петербургских духовных школах была проведена первая в России международная консультация православных богословских школ по теме «Богословское образование и молодежное служение», в которой участвовали 84 человека из 19 стран мира. В июле 1999 г. епископ Константин возглавлял делегацию Русской Православной Церкви на XVI генеральной ассамблее Синдесмоса в Финляндии. В январе 2000 г. ректор, преподаватели и хор духовной академии посетили богословский факультет Белградского университета, а 9–10 мая 2001 г. в Петербургскую академию нанесла визит делегация Греческой Православной Церкви во главе с архиепископом Афинским и всея Эллады Христодулом.

В духовных школах Санкт-Петербурга по-прежнему проходило значительное количество научных конференций, в том числе юбилейных. Так, 1–3 ноября 1998 г. в академии состоялась Всероссийская церковно-историческая конференция, посвященная 150-летию со дня рождения профессора духовной академии и директора Императорского Археологического института Н. В. Покровского, 18–20 апреля 2000 г. — научно-церковная конференция «История древней Церкви в традициях XX века», приуроченная к 100-летию со дня кончины известного богослова В. В. Болотова, а 16 декабря 2000 г. — международная встреча «Христианские основы русской религиозной философии», к 100-летию со дня смерти В. С. Соловьева. При активном участии духовных школ ежегодно проводятся 3 крупные межрегиональные конференции. 12–14 октября 2000 г. состоялись первые Покровские педагогические чтения «Диалог отечественных светских и церковных образовательных традиций», а в октябре 2004 г. чтения прошли уже в 5-й раз, причем пленарное заседание традиционно состоялось в актовом зале академии. 10–15 декабря 2000 г. были проведены первые образовательные Знаменские чтения, в которых участвовали более 400 человек. Помимо этих двух конференций 25 января духовные школы ежегодно проводят межрегиональную конференцию «Татьянин день» с привлечением студентов и преподавателей ведущих вузов Санкт-Петербурга.

В 2000 г. преподаватели духовных школ северной столицы участвовали в торжествах и конференции, посвященных 2000-летию Рождества Христова. 15 декабря 2000 г. в Санкт-Петербургской Духовной академии состоялось заседание оргкомитета межвузовского конкурса к 2000-летию Рождества

Христова, на котором были подведены итоги деятельности конкурсных комиссий студенческих работ по 9 номинациям. 28–30 октября 2002 г. в актовом зале академии прошло пленарное заседание XII международного конгресса «Взаимодействие науки, философии и религии на рубеже тысячелетий: прошлое, настоящее и будущее». Представители Санкт-Петербургских духовных школ активно участвуют в ежегодных конференциях Свято-Тихоновского богословского института (с 2004 г. Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет) в Москве, Рождественских чтениях и Пасхальном фестивале. В 2000 г. при создании Собора православной интеллигенции Санкт-Петербурга епископ Константин был избран его почетным председателем, и в 2003 г. духовные школы провели вместе с этой организацией научно-практическую конференцию «Православие: ответ на вызовы XXI века».

Продолжается научное и религиозно-просветительское сотрудничество духовных школ с учебными заведениями и музеями города. 12 октября 2002 г. в актовом зале академии состоялась презентация созданной по благословению Патриарха Алексия Межвузовской ассоциации духовно-нравственного просвещения «Покров», ее председателем был избран епископ Константин, а попечительский совет возглавил митрополит Ленинградский и Ладужский Владимир. Владыка Константин также является членом Совета ректоров вузов Санкт-Петербурга и регулярно участвует в работе Северо-Западного отделения образования и развития науки Российской академии естественных наук. В 2000–2002 гг. духовные школы заключили договоры о сотрудничестве с Санкт-Петербургским государственным университетом, Русским музеем, Государственным Эрмитажем и Военно-космической академией имени А. Ф. Можайского. В соответствии с ними осуществляется обмен преподавателями и специалистами, в Академии имени Можайского в 2003 г. была открыта и освящена молитвенная комната; занятия по предмету «Христианская культурология» и ряду других дисциплин для студентов духовной академии проходят в Эрмитаже, проводятся различные общие мероприятия. В 2000 г. в Петербурге была создана межвузовская кафедра теологии, куда в качестве учредителя входит и духовная академия, налажены программы по обмену студентами с зарубежными университетами, некоторые учащиеся духовных школ специализируются в Англии и США. В 2005 г. Петербургские академия и семинария выступили одними из учредителей первого в России Православного народного университета, 15 ноября архиепископ Константин совершил молебен на торжественном акте открытия этого университета².

С февраля 2001 г. в академии проходит ежегодный межвузовский Сretenский хоровой фестиваль, на котором хор хозяев фестиваля много раз удостоивался диплома 1-й степени. Всего в петербургских духовных школах функционируют 3 богослужебных хора, регулярно выступающие с концертными программами и поющие за богослужениями в различных храмах. В 1998 и 2001 гг. смешанный хор участвовал в международном фестивале церковной музыки в Хайнувке (Польша) и занимал там, как и на ряде других фестивалей, призовые места³. 30 ноября 2005 г. заведующий регентским отделением

при академии и семинарии М. И. Ващенко в связи с 70-летием и 50-летием трудовой деятельности был награжден серебряной медалью апостола Петра.

Преподаватели и учащиеся духовных школ проводят катехизические беседы в институтах, школах, больницах, детских домах и домах престарелых. В актовом зале академии по воскресеньям для прихожан храма св. Иоанна Богослова и всех желающих устраиваются беседы по Новому Завету и семинары на различные темы. Студенты духовных школ активно участвуют в работе епархиального молодежного отдела и занимаются социальной деятельностью. В конце 1990-х гг. их диаконическая практика заключалась в уходе за беспризорными детьми в детской больнице № 15 и духовных беседах с наркозависимыми людьми по линии фонда «Возрождение». В 2002–2004 гг. учащиеся вели социальную работу в Колпинской воспитательной колонии для несовершеннолетних, в детском доме для сирот, социально-реабилитационном центре несовершеннолетних «Дом милосердия», специализированных психоневрологических домах ребенка № 6, 10, 12 и 14, подростковом клубе «Свежий ветер», городской дружине скаутов-разведчиков «ОРЮР». При поддержке духовной академии в Петербурге работают более 26 детских приходских школ, многие студенты в священном сане несут послушание на приходах, преподают в воскресных школах.

Продолжилась реорганизация учебного процесса. В 2002/03 учебном году завершился переход духовной семинарии на новые программы, и она фактически стала вузом с 5-летним сроком обучения, хотя юридически это еще не зафиксировано. Произошел и переход духовной академии с 4-летнего на 3-летний срок обучения, она в значительной степени взяла на себя функции аспирантуры. Постепенно создаются 4 отделения академии: богословское, библейское, церковно-историческое и церковно-практическое. В 2003 г. состоялся прием на богословское, а в 2004 г. — впервые на библейское отделение. Значительно расширился круг преподаваемых дисциплин, для чтения лекций был привлечен ряд университетских профессоров. Появились 11 факультативов, различные кружки. В 2000 г. после длительных судебных тяжб академия получила 2-ю половину занятого междунком небольшого 2-этажного здания, и был устроен компьютерный класс на 27 мест, который постепенно преобразуется в богословский информационный центр.

Но недостаток помещений по-прежнему является препятствием для увеличения числа учащихся в Ленинградских духовных школах. Осенью 2003 г. их было 563: в семинарии — 280 (в том числе 80 экстернат), в академии 135 (из них 78 экстернат), на регентском отделении 95, в иконописной школе 47 и на факультете иностранных студентов 38. Студентов обучает 91 преподаватель, в том числе 12 профессоров и 7 доцентов, 46 из них имеют ученую степень кандидата богословия, а в 2004 г. протоиерей Георгий Митрофанов защитил магистерскую диссертацию. Многие преподаватели состоят членами синодальных комиссий: богословской, библейской, по канонизации святых, по выработке социальной доктрины Русской Православной Церкви, входят в церковно-научный совет издания «Православная энциклопедия», редколлегию сборника «Богословские труды», епархиальный совет, представляют

епархию и Московскую Патриархию в различных светских организациях. В Санкт-Петербургских духовных школах действует и своя комиссия по изучению и изданию документов истории Русской Православной Церкви.

Академия имеет 11 почетных членов, при этом решением Ученого совета от 14 октября 2002 г. в их число был избран митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Владимир. Постоянное внимание к своей alma mater проявлял другой почетный член академии Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II. 9 июля 1999 г. он посетил ее в память 50-летия окончания Ленинградской Духовной семинарии, а 10 сентября 2001 г. встречался со студентами и профессорско-преподавательским составом. 25 февраля 2003 г. ректор владыка Константин был возведен в сан архиепископа. Проректором по учебной работе служит заслуженный профессор-протоиерей Василий Стойков, проректором по воспитательной работе — игумен Дамиан, секретарем Ученого совета — протоиерей Кирилл Копейкин, духовником — архимандрит Кирилл (Начис), заведующим регентским отделением — М. И. Ващенко, деканом факультета иностранных студентов — священник Владислав Анцибор, заведующим иконописной школой — игумен Александр (Федоров)⁴. Санкт-Петербургские духовные школы имеют все предпосылки для своего дальнейшего развития.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Стойков В., прот.* Из летописи духовных школ в Санкт-Петербурге (исторические вехи) // Христианское чтение. 1997. № 14. С. 37–42; Христианское чтение. 1995. № 10. С. 87.
- ² Церковный вестник. 2005. № 12. С. 19
- ³ Там же; Церковный вестник. 2003. № 11. С. 15–17.
- ⁴ Христианское чтение. 2001. № 20. С. 82.

И. Н. Шамина*

Преподобный Иннокентий Комельский и основанный им монастырь

Основатель вологодского Спасо-Преображенского Иннокентиева Комельского монастыря прп. Иннокентий Комельский был представителем княжеского рода Охлябичиных¹. Прп. Иннокентий, скорее всего, принадлежал к первому поколению рода² — был одним из детей Федора Охлябины. В источниках упоминаются трое сыновей последнего: Петр, Василий и Иван³. Петра и Василия невозможно отождествить с прп. Иннокентием, поскольку Петр упоминается в источниках под 1538 г., а Василий — под 1550/51 г., когда прп. Иннокентия уже не было в живых. Иван Федорович Охлябинин упоминается единственный раз — в разрядной книге под 1515 г.⁴, однако прп. Иннокентий, будучи в это время монахом⁵, не мог находиться на государственной службе. Таким образом, прп. Иннокентий под своим светским именем в источниках не известен.

Наиболее ранние сведения о прп. Иннокентии относятся ко времени его путешествия в Константинополь, Палестину и на Афон, которое он предпринял, сопровождая своего учителя прп. Нила Сорского († 1508 г.). Эти известия, сохранившиеся в сочинениях, посвященных прп. Нилу⁶, позволяют предположить, что прп. Иннокентий, так же как и его учитель, был постриженником Кирилло-Белозерского монастыря. Паломничество состоялось между 1475 г., которым датируется последняя грамота Кирилло-Белозерского монастыря, где упомянут прп. Нил, и 1489 г. (в марте этого года Новгородский архиепископ Геннадий (Гонзов) просил Ростовского архиепископа

* © Шамина И. Н., 2009

Ирина Николаевна Шамина, кандидат исторических наук, научный редактор журнала «Вестник церковной истории», литературный редактор журнала «Российская история». Публикация Жития прп. Иннокентия Комельского подготовлена при поддержке Агиографического совета при Патриархе Московском и всея Руси, проект № 001—2006.

Автор благодарит за помощь в подготовке публикации А. В. Маштафарова, А. И. Алексева, С. М. Шамина.

Иоасафа (Оболенского) прислать к нему старцев Нила и Паисия)⁷. По возвращении прп. Иннокентий поселился с учителем в скиту на речке Соре, в 15 верстах от Кирилло-Белозерского монастыря. Сказание о прп. Ниле Сорском содержит следующие сведения: «Прииде преподобный отец наш Нил чудотворец со учеником своим Иннокентием от Палестинских стран из Святыя Горы Афонския и поиде по благословению в непроходимые места... и прииде на Сору реку... и водрузи святей крест, и постави часовню и келию, и ископа кладезь... А ученика своего Иннокентия со благословением отпусти от себе в Вологодский уезд на Мурому реку. И пророчески рече ему: “Чадо Иннокентие! Бог тя имать прославити тамо, и твоя обитель имать быти обща, а моя пустыня, как при моем животе, так и по смерти моей будет — по едину бо брату имут житии в келиях своих”⁸. Таким образом, прп. Нил благословил своего ученика на основание общежитийного монастыря, что противопоставляется в источнике скитской традиции, принятой в Ниловой Сорской пустыни. Однако не следует забывать, что сказание «О житии преподобнаго Нила Сорскаго», сохранившее эти сведения, было записано много лет спустя после смерти святых, по устному преданию. Не исключено, что приведенный диалог фиксирует различие между обителями, которое возникло уже после смерти прп. Иннокентия.

Прп. Иннокентий основал свой монастырь на берегу речки Еды в верховьях реки Нурмы, примерно в 50 км к юго-востоку от Вологды, неподалеку от места, где сходились дороги, ведущие в Вологду из Москвы и Галича. О первых годах жизни обители известно из «Завета»⁹, который был составлен прп. Иннокентием в ожидании кончины. На исходе жизни святого в монастыре еще не было церкви. Он завещал построить ее во имя «Иоанна Предтечи, крестителя Господня, третье обретение честнаго его главы, еже есть маия 25». Посвящение престола монастырской церкви отшельнику, аскету и небесному покровителю монашества свидетельствует в пользу того, что прп. Иннокентий стремился к уединенному, скитскому житию. Судя по «Завету» святого, из хозяйственных проблем монастырской жизни его волновало только сохранение за обителью построенных монахами келий. Кельи ушедших из монастыря или умерших монахов оставались собственностью игумена и братии. Монахам запрещалось торговать кельями или менять их: «но кийждо в своих келиях живет». Для общежитийных монастырей вопрос о собственности на кельи, так же как и на любое другое монастырское имущество, был неактуален. В «Завете» неоднократно повторяется требование следовать «написанию господина и учителя моего старца Нила», а фрагмент, в котором содержатся правила монастырской жизни, также относится к рукописному наследию прп. Нила Сорского. Все это заставляет предположить, что по крайней мере при жизни преподобного его обитель была скорее скитом, нежели общежительным монастырем. Но однозначно определить это на основе сохранившихся источников невозможно.

Вопрос о времени смерти прп. Иннокентия Комельского остается до конца не выясненным. В списке Жития РНБ, собр. Погодина, № 1582 фигурирует дата 19 марта 6999 (1491) г. В списках же РНБ, собр. Погодина,

№ 647 и ГИМ, собр. Уварова, № 1247(107) (134) годом смерти святого ошибочно назван 6909 (1401). Появление последней даты, скорее всего, связано с тем, что переписчик пропустил литеру «ч» (90) при обозначении даты славянской цифирью. 1491 г. фигурирует также в рукописных святцах, которые использовал в своей работе И. Верюжский¹⁰. Последний впервые отметил несоответствие этой даты сведениям Жития прп. Иннокентия. По Житию, преподобный ушел из Ниловой Сорской пустыни после смерти прп. Нила († 1508 г.). Это заставило Верюжского считать более верной дату смерти прп. Иннокентия, указанную в Отенских святцах¹¹, — 19 марта 7029 (1521) г. После публикации работы Верюжского указание на 1521 г. прочно вошло в литературу. Между тем сведения о жизни прп. Иннокентия в Ниловой Сорской пустыни, на основании которых исследователи делают вывод, что прп. Иннокентий преставился после прп. Нила (т. е. после 1508 г.), ошибочны (см. анализ Жития ниже)¹². Таким образом, вопрос о том, считать ли датой смерти прп. Иннокентия 1491 г. или 1521 г., остается открытым.

Проблема литературного наследия прп. Иннокентия неоднократно поднималась исследователями. При жизни преподобный много времени посвящал переписке книг. Об этом свидетельствует его записка «Яко добро есть писати святыя книги», в которой он обращался к себе: «О Инокентие! Аще потщиси к Божественному писанию трудолюбно прилежати, трое благо лучиши: первое, от своих трудов питаешися; второе, празднаго беса отгониши; третье, с Богом беседовати имаша»¹³. Г. М. Прохоров предпринял попытку выявить автографы прп. Иннокентия, атрибутировав ему рукописи РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 25/1102 и РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 20/1259¹⁴. Однако эту атрибуцию нельзя признать удачной. Как установил Прохоров, обе рукописи относятся ко 2-й половине XVI в. Между тем источники не оставляют сомнений, что к этому времени прп. Иннокентия не было в живых¹⁵. Кроме небольшой записки «Яко добро есть писати святыя книги» прп. Иннокентию однозначно атрибутируется «Завещание»¹⁶. Прохоров высказал предположение, что прп. Иннокентий составил тропарь, кондак и икос прп. Нилу Сорскому¹⁷, а также «Надсловие» и «Пристежение» к «Преданию» и «Уставу» прп. Нила и сопровождающее их сочинение «О внутреннем делании»¹⁸.

Иннокентиев Комельский монастырь впервые упоминается в разъезжей грамоте 8 декабря 1536 г., определявшей границы владений Павлова Обнорского монастыря: «На розъезде были... Инокентьевы пустыни строитель Варлам... да Инокентиевы пустыни крестьянин Неклюд Опарин»¹⁹. Последний, возможно, был основателем деревни Неклюдово, которая позже числилась в вотчине монастыря. В любом случае это упоминание однозначно свидетельствует, что у монастыря в 1530-х гг. уже была вотчина и, следовательно, обитель в это время являлась общежительной.

В 1538 г. территория Комельской волости была разорена казанскими татарами²⁰. Иннокентиев монастырь, оказавшийся на пути татар, которые шли со стороны Галича и Костромы, пострадал одним из первых. Об этом

есть сведения в Житии прп. Иннокентия, но более подробно о нашествии казанских татар на монастырь рассказывается в Житии прп. Павла Обнорского: «А тогда их воеводы стояли на Волоку на Леском²¹, и пришли во Иннокентиеву пустынь безвестно, и ту церковь великого Иоанна Предтечи сожгли и келии, и три старца посекали. И... христиан пустыни тоя мечю предаша, а иные в плен отведоша. Неции же от них убежаша, многие раны о себе носящее, бежаша ко обители преподобного Павла и возвестиша вся ту живущем»²². Из этого фрагмента следует, что к моменту нашествия казанских татар церковь, которую завещал построить прп. Иннокентий, уже существовала, в монастыре кроме строителя жили не менее трех старцев, значительным было число принадлежавших обители крестьян.

После набега татар монастырь был восстановлен. О том, что обитель существовала в XVI в., свидетельствует упоминание жалованных грамот, данных монастырю царями Иваном Васильевичем Грозным и его сыном Федором Ивановичем²³. Крестьяне Иннокентиева Комельского монастыря названы в числе тех, кто по грамотам царей Федора Ивановича и Бориса Федоровича должен был поддерживать в рабочем состоянии мосты на 28-м верстовом участке московской дороги²⁴. В 1604 г., когда русское правительство собирало войска для борьбы с Лжедмитрием I, из монастырей Вологодского уезда рекрутировались даточные люди. Власти Иннокентиева монастыря выставили в войско монастырского служку²⁵.

В период Смуты монастырь вновь был разорен. С 22 по 25 сентября 1612 г. отряд, отделившийся от войска гетмана Хоткевича, громил Вологду. Город был взят «изгоном», как позже писал Вологодский архиепископ, «пропили Вологду воеводы»²⁶. Поскольку поляки спешили к Вологде, большая часть монастырей Комельской волости осталась нетронутой. Иннокентиев монастырь пострадал из-за того, что находился у дороги из Галича, по которой двигались захватчики. Как сообщали монастырские власти в челобитной 1623 г., «приходили на Вологду полские и литовские люди, и тот-де монастырь разорили, и братие посекали, и та-де жалованная грамота и иные крепости в монастыре згорели»²⁷.

После окончания Смуты южная часть Вологодского уезда, в том числе Комельская волость, продолжала страдать от набегов казачьих отрядов в период восстановления Русского государства в 1613–1617 гг.²⁸ Для борьбы с интервентами правительству Михаила Федоровича Романова требовались средства. Были введены новые налоги — пушечные деньги, а также регулярные поставки хлебных запасов. Вводились и чрезвычайные сборы: «запросные» и «пятинные» деньги. Для сбора кормов в северные монастыри направлялись казачьи атаманы²⁹. В этот период вотчина Иннокентиева Комельского монастыря снова пострадала: в деревне Ржище в 1614/15 г. казаки убили крестьянина, а в 1616/17 г. крестьянин в деревне Дворцы погиб от рук «литовских людей» (см. настоящую публикацию, документ № 1). Запустение в вотчине Иннокентиева Комельского монастыря за годы Смуты и после Смутного времени оказалось самым значительным в сравнении с вотчинами других монастырей южной части Вологодского уезда. К 1620 г. во владениях

Иннокентиева Комельского монастыря более половины деревень стало пустошами, а из оставшихся крестьян 40% перешли в разряд бобылей. Только к середине XVII в. экономическое состояние обители начало постепенно улучшаться. Однако среди 23 монастырей в вологодской степени Иннокентиев Комельский в это время занимал лишь 17-е место³⁰.

Возможно, относительное благополучие монастыря во 2-й половине XVII в. связано с покровительством, которое оказывали обители боярыня Елена Борисовна Хворостинина³¹ и ее дочь Мария Федоровна³². Их имена зафиксированы в монастырской описи 1701 г. Среди вкладчиков Иннокентиева Комельского монастыря отмечены и другие жители Москвы: стольник Иван Афанасьевич Нарбеков, священник Никольской церкви, что в Кошелях, Доментиан Архипов, подьячий Патриаршего разряда Юрий Михайлович Подгорский.

Первое подробное описание монастыря содержится в сотной грамоте «на деревни, бывшие починки, Раменье и Дворцы», данной в 1621 г. игумену Геннадию (см. документ № 1). На момент ее составления в монастыре имелось 4 монашеских кельи, в которых могли жить помимо игумена от 3 до 6 человек³³. Тот же игумен Геннадий являлся настоятелем и в 1632 г., когда монастырь получил еще одну сотную грамоту. Количество монашеских келий к этому времени не изменилось. Только к концу XVII в. число монахов (вместе с игуменом) возросло до 16 человек³⁴.

29 сентября 1623 г. монастырские власти получили от царя Михаила Федоровича новую жалованную грамоту взамен утраченных в Смутное время. По этой грамоте игумен Геннадий «з братиею, или хто по нем инии игумены и братия в монастыре будут» получали налоговые льготы: «Монастырские вотчины наших никаких податей, и денежных поборов, и казачьих хлебных запасов, и кормов не давати, опричь ямские денег, и стрелецких хлебных запасов, и городского и острожного дела». Монастырь и его владения освобождались также от воеводского суда «опричь душегубства, и розбоя, и татьбы с поличным... и ведает и судит своих монастырских людей и крестьян игумен з братиею сами во всем, или кому прикажут». Если в судебном деле участвовали люди, жившие вне монастырской вотчины, то назначался смешный суд. «А в духовном деле игумена з братьею судит богомолец наш архиепископ Вологодский и Великопермский». Грамота защищала обитель от произвола светских властей: «Воеводы наши, и дьяки, и всякие ратные и проезжие люди в наших монастырских селех и деревнях силно не ставятца и подвод, и проводников, и кормов своих и конских у них не емлют, а кому у них лучитца ставити, и они корм свои и конской купят у них, как им продадут». При проезде по монастырским делам без товара к Москве монастырские люди освобождались от всех дорожных пошлин³⁵.

В 1620-х гг. в монастыре было 2 деревянных церкви — соборная Спасо-Преображенская и храм в честь Третьего обретения главы Иоанна Предтечи. В писцовой книге 1627–1632 гг. упоминается также часовня, где почитают мощи прп. Иннокентия Комельского³⁶, видимо, ее построили над могилой преподобного в 1620-х — начале 1630-х гг. Следует отметить, что наи-

более ранний из сохранившихся списков Жития прп. Иннокентия относится к началу 1630-х гг. Возможно, что именно в это время интерес к наследию святого в обители возрос.

В 1691/92 г. в монастыре случился пожар, во время которого, по всей видимости, пострадали многие монастырские здания, в частности казенная келья³⁷. В 1701 г. в монастыре стояла теплая Спасо-Преображенская церковь с трапезой и с келарской. Напротив располагалась рубленая брусая паперть, «над всходами два шатра», под церковью были холодные «житья». В храме среди других икон «по левую сторону северных дверей» находился образ «преподобного чудотворца Иннокентия, писан на золоте». Вторая церковь в честь Третьего обретения главы Иоанна Предтечи была холодная, «клетчатая». В ее «книгохранительном аналое» хранилась монастырская библиотека, а в отдельном сундуке — ризы. Над могилой прп. Иннокентия Комельского стояла часовня «с подволокою и с папертью». Над гробницей находился образ святого³⁸. В монастыре же стояла и шестистенная колокольня с тремя колоколами и с железными боевыми часами.

Библиотека, включавшая к 1701 г. около 50 томов, содержала по большей части богослужебные книги. В ней хранились также Шестоднев (печатный³⁹), два толковых Евангелия (рукописное и печатное⁴⁰), рукописный Измарагд. Из сочинений отцов Церкви и подвижников благочестия названы «Поучения» прп. Ефрема Сирина (рукописное и 2 печатных⁴¹), «О священстве» свт. Иоанна Златоуста (печатная, 2 экземпляра⁴²), «Симеон Новый Богослов» и «Петр Дамаскин» (обе рукописные). Житийная литература представлена лишь «Николаевым житием». Современные сочинения также были доступны насельникам Иннокентиева монастыря: «Меч духовный» Лазаря (Барановича)⁴³ и «Обед душевный» Симеона Полоцкого⁴⁴. Неопознанной осталась «Филистим новая, полууставье», отмеченная среди печатных книг. Она могла быть и рукописной, поскольку переписчик тут же указывает «Сенодик родительской», который в описи 1723 г. назван письменным.

Из других построек в обители имелись новая настоятельская келья с перерубом, казенная келья и 7 старых монашеских келий «с сенми и засеньями», а также хлебная и 2 поварни, одна из которых была построена недавно. Напротив казенной кельи находился амбар, в котором хранилась разнообразная рухлядь, в том числе и подголовник с монастырскими документами. Монастырь был обнесен деревянной рубленой четырехугольной оградой длиной в 221 сажень. По углам ограды располагались небольшие деревянные башенки. Над рубленными в брус монастырскими воротами возвышался шатер. В воротах находился образ Всемилового Спаса в деисусе с разными святыми на 7 досках. На другой стороне был написан образ св. Иоанна Предтечи также с разными святыми. В стене возле святых ворот было сделано 30 шалашей для приезжающих в монастырь паломников и ярмарочных торговцев. За монастырем располагался конюшенный двор с избой, двумя сенниками и чуланами, вокруг этих строений стояли сараи. В конюшенном дворе жил монастырский служебник, который отвечал за сохранность конюшенной рухляди. За монастырем же находился скотный двор с двумя избами

и сенниками, вокруг которых также располагались сараи. В монастыре и за монастырскими стенами стояли 7 хлебных житниц.

Иннокентиев монастырь владел двором в Вологде на улице Изосимский крюк. Наиболее ранние сведения о нем содержатся в писцовой книге Вологды 1627 г.: «Двор монастырской Никентьевы пустыни, и изстари их монастырское, живет их дворник, их же монастырский бобыль Ондрюшка Васильев»⁴⁵. В 1678 г. на монастырском дворе в Вологде жил монастырский служебник Аксен Исаков⁴⁶. В 1701–1702 гг. дворником при вологодском дворе был Иван Аксенов⁴⁷. В 1711–1712 гг. монастырский двор выглядел следующим образом: «В длину 15 сажен полтора аршина, поперег по лицу 10 сажен с четью. Хором: изба, против сенник прирубной с перерубом, под ним анбар, за ним стая конская, под ней сеновня, у задних ворот баня. За двором огород в длину 68 сажен полтора аршина, поперег с двором равно»⁴⁸.

Помимо постриженников в монастырях обычно жили слуги, служебники, монастырские детеныши и другие зависимые от монастыря люди, выполнявшие различные поручения монастырской администрации. В 1620-х гг. в вотчине Иннокентиева монастыря жил служебник и при скотном дворе — монастырские детеныши. В начале 1630-х гг. упоминаются слуга и служебник, а о монастырских детенышах говорится, что они пашут монастырскую пашню «наездом». Отсюда следует, что монастырскими детенышами названы зависимые от монастыря люди трудоспособного возраста.

К 1701 г. в монастыре числилось 7 монастырских слуг, по происхождению дети монастырских слуг. Они выполняли различные поручения монастырской администрации. Во время войны даточных на военную службу чаще всего набирали именно из этой категории зависимых от монастыря людей. Служка Марк Яковлев «явил у переписки» царскую грамоту, по которой монастырским слугам «буде они служни дети, а отцы их на службах великих государей бывали, а иные и побиты, а они в том монастыре служат на отцовских и братиных местах по-прежнему, и денежное и хлебное жалованье велено давать, збирая с крестьян».

Различные хозяйственные работы выполняли служебники — самая многочисленная категория населения в Иннокентиевом монастыре в начале XVIII в. (19 человек). Большинство (14 человек) были выходцами из вотчинных крестьян, остальные — детьми служебников (2 человека) и священника (1 человек), среди них был и отставной стрелец. Обязанности служебников отличались разнообразием: среди них были сапожник, хлебник, 2 повара, портной, конюхи, коровник, пастухи, мельник, караульщик. Один из служебников жил при часовне на московской дороге. В ряде «служб» при служебниках жили монастырские детеныши — всего 11 человек. В это время детенышами могли называть осиротевших детей и подростков. Двое из них трудились на конюшенном дворе, двое — на коровьем, 7 жили при мельнице. Опись называет среди монастырских насельников и четверых престарелых вкладчиков. Двое из них были келейниками при игумене и казначее, один работал в хлебне и один находился в монастырской больнице. Среди насельников отмечены также два клиросных дьячка и подьячий.

Размер «зажилого», которое получали монастырские насельники, по-видимому, зависел от их статуса. Так, монастырские слуги вместо жалования получили монастырскую землю в деревне Раменье – по 2 четверти на человека. Кроме того, крестьяне должны были платить слугам «с выти по четверти ржи, овса по тому ж да по гривне денег». Слугам платили и денежное жалование: «на год по рублю по четыре гривны», однако на момент переписи взамен денежного довольствия им давали «хлеба по четверти ржи, овса по тому ж да по четыре гривны человеку». Подьячий получал по 2 четверти с осминой ржи и столько же овса, 8 овчин, сапоги, а также 2 четверти монастырской земли, «а пашет на себя сам». Большинство монастырских служебников получали помимо платья по 10 алтын, однако сапожнику давалось несколько больше – 13 алтын 2 деньги, в то же время служебнику, который жил у часовни при московской дороге, платили лишь 8 алтын 2 деньги, а часоводу (служебнику, который обслуживал монастырские часы) – 6 алтын 2 деньги. Один из служебников вовсе не получал денежного довольствия. Монастырским детенышам кроме платья платили в год от 3 до 6 алтын.

Из содержания описей монастырского имущества и сохранившихся источников можно составить представление об архиве Иннокентиева Комельского монастыря в XVII – начале XVIII в. Документы позволяют судить об организации хозяйства: насколько оно было обширным и доходным, каким было благосостояние основных производителей – монастырских крестьян, каков был характер взаимоотношений властей монастыря с государством, архиереями, соседями-землевладельцами, вотчинными крестьянами. Большое место среди документации принадлежит грамотам, касающимся монастырского землевладения. Это прежде всего царская жалованная грамота 1625 г., а также материалы писцового делопроизводства – сотные грамоты и выписи из писцовых и межевых книг 1632, 1651, 1675/76 гг.⁴⁹ Важную роль играли и документы, касающиеся налогообложения монастырских крестьян. Это царские грамоты 1677 и 1680 гг. об уплате монастырскими крестьянами ямских и полоняничных денег, грамота 1687 г. об освобождении нищих, живших в монастырской вотчине, от уплаты денежного налога, грамота 1690 г. о сборе с монастырских крестьян конских пошлинных денег в монастырскую казну, грамота 1691 г. об освобождении нищих крестьян от сбора денег на покупку конских кормов и грамота 1701 г. об освобождении нищих крестьян от сбора денег в корабельное строение. Грамоты Вологодских архиереев устанавливали размер оброка, который должны были платить монастырю вотчинные крестьяне (1656/57 г.), и освобождали от натурального оброка крестьян, которые делали «монастырское зделье» (1692/93 г.). Межевые и полюбовные записи 1628, 1671, 1674, 1681, 1691 и 1692 гг. регулировали поземельные споры монастыря с соседями. По меновой записи 1695 г. монастырь приобрел часть пустоши Ивашева, мировая запись 1677 г. разрешала конфликт между монастырем, иноземцем Владимиром Иовлевым и вологжанином Яковом Манойловым – «в бою и увече игумена и слуг и смертном убийстве слуги». В описи 1723 г. отмечен еще один документ – грамота

Преосвященному Гаврилу, архиепископу Вологодскому и Белозерскому, о владении Иннокентиева монастыря землей (1695 г.).

В описи имущества монастыря есть упоминания и о других документах, которые находились в монастырском архиве, однако не сохранились и не были пересказаны составителями описи. Это вкладная книга 1656–1701 гг., царские указы и грамоты из приказа Большого дворца об уплате налогов и о размерах жалования монастырским слугам, царские указы о переводе монастырских крестьян в даточные, в плотники, в кирпичники, отписи из Коношенного приказа о полевных деньгах. В монастырском архиве хранились заемные кабалы на крестьян, монастырских слуг и помещиков, причем отдельно записаны кабалы на крестьян Иннокентиева монастыря, отдельно на помещиков и на крестьян других владельцев. В монастырском архиве имелись также платежные отписи, приходные и расходные книги мирских старост, монастырских житников и дворников, живших при монастырском дворе в Вологде, сметные списки, «что в... монастыре и в вотчине денежного и хлебного приходу и расходу». Наиболее важные документы хранились в подголовке (особом сундуке), который, вероятно, находился в ведении казначея. Часть материалов, очевидно менее значимых, находилась среди монастырской рухляди в «коробье».

Об исходившей из монастыря документации позволяют судить материалы, сохранившиеся в архивах органов государственного управления, монастырей, Вологодского архиерейского дома. Среди них следует назвать челобитные архиепископу Вологодскому и Великопермскому Симону крестьянина и келаря Иннокентиева монастыря 1667 и 1669 гг.⁵⁰, сметную выписку старца Иннокентиева монастыря Иоасафа о соляном промысле 1693 г.⁵¹, судебное дело против игумена Иннокентиева монастыря Акилы 1705 г. и др. Однако сохранилась лишь ничтожная часть обширного монастырского архива.

Иннокентиев Комельский монастырь не относился к числу экономически сильных, какими были, например, соседние Павлов Обнорский и Корнилиев Комельский монастыри. Тем не менее в его владении находилось значительное количество угодий и деревень. В начале 1620-х гг. вотчину Иннокентиева Комельского монастыря составляли 36 селений, но жилыми из них были лишь 12. В деревнях монастыря располагалось 55 крестьянских дворов, в которых жили 55 дворовладельцев, а также 4 двора монастырских слуг, служебников и детенышей и 3 двора церковнослужителей. К 1627–1630 гг. количество крестьянских дворов уменьшилось до 53, а численность жителей возросла до 71⁵². По данным В. С. Румянцевой, в середине XVII в. за монастырем числилось 130 крестьянских дворов⁵³. В 1701 г. в вотчине Иннокентиева монастыря находилось 32 жилых деревни, а в них — 127 крестьянских дворов с численностью зависимого населения 569 человек мужского пола.

Основу материального обеспечения монастыря составляли земельные угодья. В 1620-х гг. обитель владела 1582,5 десятинами: из них 15,75 десятин приходилось на пашню, которую обрабатывали вотчинные крестьяне, и 3,75 десятин — на пашню «наездом», которую пахали монастырские служебники и детеныши. Огромное количество монастырской земли в эти го-

ды находилось в запустении: 1389 десятин бывшей пашни лежало в перелог и поросло лесом. Непашенный лес занимал 22,5 десятины земельной площади. Около 55 десятин приходилось на сенокосные угодья. На протяжении XVII в. земельные владения Иннокентиева монастыря увеличились. Так, например, в 1694/95 г. в монастырь из поместья А. М. Скорбеева перешла половина пустоши Ивашево. Монастырь получал доход и от сдачи в аренду своих угодий, в первую очередь сенокосных. Так, в начале XVIII в. в аренду монастырским крестьянам отдавалось 10 пожен, арендная плата за них составляла от 8 алтын 2 денег до 1 рубля с полтиной.

Важную роль в хозяйстве Иннокентиева монастыря играло животноводство. В сотной грамоте 1621 г. упоминается коровий двор. В начале XVIII в. на монастырской конюшне стояли 88 лошадей, а на скотном дворе насчитывалось 93 головы крупного рогатого скота, 47 овец, козел и 2 козы. В это время в монастыре было развито и пчеловодство — там содержалось 5 ульев. В хозяйстве Иннокентиева монастыря также имелось 2 мельницы. Одна из них располагалась на реке Еде вблизи деревни Меленки, в 1620-х гг. при ней жил монастырский мельник Исачко Кузьмин. Вторая мельница находилась вблизи деревни Блазино, также на реке Еде: «А поставили ту мелницу Никентьева монастыря старцы по дачи тутошних крестьян блазновских. А у мельницы два колеса, а в мелничном анбаре уставлены двои жорновы, а над ними два ковши. Да у мельницы дворец. А хором на нем: изба, да две житонки, да сенонка. А мелет-де та мельница в весне да в осень, в большую воду. А средь лета и в зиме не мелет»⁵⁴. Опись 1701 г. дает подробное описание монастырских мельниц: «На речке Еде того ж монастыря мельница, а на ней мельник Бориско Макаров, родом того ж монастыря служебничей сын деревни Меленки; зажилго ему на год по десяти алтын да платье. Два анбара, а в них двои жернова да толчея. Мелет в вешнее время на манастырской обиход небольшое число... Да на речке Еде под деревней Меленкой их же монастырская мельница, два анбара, а в них двои жернова да толчея. И та мельница мелет про монастырской обиход вешнею и осеннею водою и по малое число» (см. документ № 2).

При Иннокентиевом монастыре проходило по меньшей мере 2 ярмарки, приуроченные к престольным праздникам: Преображения Господня и Третьего обретения главы Иоанна Предтечи. Об одной из них, Спасо-Преображенской, упоминается в приходо-расходной книге Павлова Обнорского монастыря 1694 г.⁵⁵

Какое-то время в монастыре изготовлялись салные свечи. В описи 1701 г. среди монастырской рухляди вместе со старинными книгами, сломанными пистолетами и «шляпой старческой» перечислены «пятнатцать фурм белово железа, что салные свечи льют». В 1680–1690-х гг. Иннокентиев Комельский монастырь владел соляной варницей. В 1693 г. старец Иосиф отчитывался, «сколько в котором году... соляного варенья недель было и что в приходе в котором году дров у него было». Из составленной Иосифом сметной выписи видно, что с марта 1690 по май 1693 г. варница работала лишь 17 недель⁵⁶. В описи 1701 г. варница уже не упоминается.

Потеря варницы была одним из следствий хозяйственного кризиса в Иннокентиевом монастыре в конце XVII в. Основным его проявлением стало массовое бегство крестьян. К 1702 г. в монастырской вотчине было 62 пустых двора. Всего с 1682 по 1702 г. вотчину Иннокентиева монастыря покинули 72 налогоплательщика. Из них: 5 были взяты в солдаты, 1 человек — в кирпичники, 2 — в плотники. Трое бывших крестьян жили за счет общины — «кормились в мире». Больше всего крестьян покинуло свои деревни в 1686/87 и 1695/96 гг. — по 8 человек, в 1697/98 г. — 12 человек, в 1701 г. — 16 человек и в 1702 г. — 11 человек. Учитывая, что население вотчины в 1702 г. составляло 569 человек, потеря была огромной. Причиной массового ухода крестьян из своих деревень являлось увеличение государственных налогов, связанное с военными кампаниями конца XVII — начала XVIII в.: крымскими походами В. В. Голицына, азовскими походами Петра I и Северной войной. В 1697 г. монастырь участвовал в «кумпанстве» по постройке баркарола для Азовской флотилии. На обитель прип. Иннокентия пришлось примерно 1,5% от суммы в 2128 рублей 24 алтына 5 денег, основная часть которой собиралась с вотчин Кирилло-Белозерского монастыря, Вологодского архиерейского дома, Павлова Обнорского и Корнильева Комельского монастырей⁵⁷.

Монастырское начальство пыталось вернуть крестьян, бежавших в Вологду и записавшихся в посадское тягло. В 1686 г. от игумена Иннокентиева монастыря Павла в Вологодскую приказную избу поступила челобитная о возвращении бежавших в Вологду монастырских крестьян — Якушки Федотова с братьями, которые уже были занесены в переписную книгу Вологды 1678 г. как жители посада. Дело решалось в Москве в Новгородской четверти, и в июне 1689 г. игумену Павлу было отказано в его челобитье⁵⁸. В ноябре 1693 г. было решено не отдавать прежним владельцам беглых крестьян, живших на посадах Новгорода, Ярославля и Вологды. Среди челобитчиков, которые не смогли вернуть своих крепостных, вновь назывался Иннокентиев монастырь⁵⁹.

На мой взгляд, значительная доля вины за охвативший монастырь хозяйственный кризис лежит на его администрации. Опись имущества Иннокентиева Комельского монастыря 1701 г. не оставляет сомнений, что существенным негативным фактором стало плохое управление вотчинным хозяйством. В ситуации, когда одновременно увеличились платежи в казну и уменьшилось число плательщиков, монастырь стал занимать большие суммы денег. Наиболее крупная и, вероятно, первая по времени ссуда была взята для выплаты стрелецких денег: «заимовали на платеж стрелецкого хлеба у иноземца Ивана Гутмана⁶⁰ сто пятьдесят рублей, а давали ему с вершку по сту по пятидесяти четвертей овса на год. Они ж на него многие работы работали и тому долгу на расплату заняли они дому архиерейского у приказного Василья Борисова сто пятьдесят рублей, а писана та кабала в трехстах рублях». Среди кредиторов монастыря значатся еще 9 человек, у которых было взято в долг от 5 до 30 рублей. По этим займам монастырю предстояло выплачивать высокие проценты. Максимальную прибыль получил бывший строитель Иннокентиева монастыря старец Феодот. Он дал

в долг 20 рублей, а кабала была составлена на 44 рубля. К тому же моральный облик возглавлявшего в то время монастырь игумена Акилы оставлял желать лучшего: за связь с крестьянкой он был отправлен в Павлов Обнорский монастырь⁶¹.

В последующие годы монастырь также пребывал в состоянии экономического упадка. Об этом свидетельствуют сведения «промемории» 1723 г., которую из канцелярии Вологодской провинции отправили в казенный приказ архиепископа Вологодского и Белозерского Павла для определения размера налогов с вологодских духовных корпораций. В ведомости было указано всего 90 дворов, числящихся за Иннокентиевым Комельским монастырем на 1701 г. Это число было условным по сравнению с данными описи 1701 г., на которую ссылался составитель «промемории»: число дворов было занижено более чем на четверть. Платить налоги, исходя из реального числа дворов, монастырь, судя по всему, не мог. Ежегодно с него брали очень небольшую для 1720-х гг. сумму в 15 рублей 1 деньгу⁶².

В 1723 г. игуменом монастыря был назначен Макарий (Хворостин), в связи с чем была составлена опись имущества (см. документ № 3). Монастырские строения к началу 1720-х гг. совсем обветшали. В описи ветхими названы обе церкви: Спасо-Преображенская и в честь Третьего обретения главы Иоанна Предтечи. Как ветхая охарактеризована и церковная утварь. После 1701 г. в монастыре появилась еще одна церковь — Благовещенская. Она была построена на месте часовни над могилой прп. Иннокентия. В описи 1723 г. указаны вновь поступившие в монастырскую библиотеку книги: «Чинovníк новой», «Тетрадь печатная прибавочная», «Ектений о победе над сопостаты христоименитому воинству», «Тетрадь, служба о победе, Богом дарованной, под Полтавой над шведским королем», «Поучения» прп. Ефрема Сирина и аввы Дорофея⁶³, Зерцало мирозрительное⁶⁴, Киево-Печерский Патерик и рукописное Житие прп. Иннокентия. Возможно, санкционировав строительство церкви над местом, где покоились под спудом мощи прп. Иннокентия, и снабдив обитель его Житием, власти надеялись, что пример основателя станет духовной опорой для насельников монастыря, переживавших сложное время. Количество колоколов на монастырской колокольне увеличилось по сравнению с началом века — их стало 5. В монастыре находились игуменская келья и 9 братских келий, казенный амбар. Монастырская ограда сильно разрушилась: «все огнило и валитца порознь». Обветшали и 3 оставшихся из 7 житниц. Сократились и масштабы животноводческого хозяйства. Более чем в 2 раза уменьшилось поголовье лошадей (их стало 39), почти в 4 раза меньше стало стадо коров (24 головы), на 15 голов сократилось стадо овец, а разведением коз в монастыре заниматься перестали.

В ведомости конца 1730-х — начала 1740-х гг. в монастыре указаны 3 деревянных церкви с 3 престолами. При одной из них, видимо при Спасо-Преображенской, находилась братская трапеза и под ней — теплый погреб. В эти годы в монастыре были 2 настоятельские кельи с сенями «длиною на 12, попереk на 3 сажень», а также 3 монашеских и больничная келья 23×3 сажени, казенная келья с амбаром 10×3 сажени, 2 поваренных кельи 10×3 сажени,

«хлебная» келья 6×4 сажени и «магазин» (помещения для складирования запасов) 3×3 сажени. Вокруг монастыря была ограда длиной 230 сажени, видимо построенная заново, так же как и большинство монастырских строений. Каких-либо ветхих зданий ведомость не называет. Школы и больниц («гофшпитален») при монастыре не было. За ним находились два деревянных «магазена» 7×3 сажени. Братия состояла из 6 монахов, которыми управлял иеромонах. Кроме того, в обители жили церковнослужители из белого духовства: священник, диакон, головщик, канонарх, пономарь и звонарь⁶⁵, 5 монастырских слуг, которым вместо жалованья было отведено по 2 десятины пашни. В ведомости перечислены по трое больничных, келейников, конюхов, по двое поваров и скотников, а также трапезник, житенной, подкеларник, польщик, хлебопекарь, ясельничий, портной. Они получали от 20 до 90 копеек. При монастыре и за монастырский счет в эти годы жили отставные капитан и гвардии солдат. В 1764 г. обитель была ликвидирована. Церковь, где покоились мощи прп. Иннокентия, обращена в приходскую. В настоящее время на этом месте находится кладбище.

Удалось выявить 2 редакции Жития прп. Иннокентия Комельского. Одна из них представлена списком РНБ, собр. Погодина, № 1582 (список А), а вторая — двумя списками: РНБ, собр. Погодина, № 647 (список В) и ГИМ, собр. Уварова, № 1247(107) (134) (список С). Ко второй редакции, судя по объему, относится «Тетрадь о житии преподобного чудотворца Иннокентия, писанная уставом, в переплете кожаном. Писание шестнадцать листов кроме неписанных», появившаяся в обители после 1701 г. и отмеченная в описи монастырского имущества 1723 г.

Первым к изучению Жития прп. Иннокентия Комельского обратился В. О. Ключевский, который охарактеризовал единственный известный ему список памятника (список С) как «краткую записку, очень скудную известиями и исполненную неточностями» и отметил, что автор Жития не знает о появлении прп. Иннокентия у прп. Нила Сорского еще до основания последним скита, а также ничего не пишет о его странствиях с учителем на Востоке⁶⁶. А. Ф. Бычков опубликовал часть Жития прп. Иннокентия Комельского по списку А⁶⁷. О списке С упоминал Н. П. Барсуков⁶⁸. Краткие сведения о святом, используя список С, приводили архиепископ Филарет (Гумилевский)⁶⁹ и М. В. Толстой⁷⁰. О Житии прп. Иннокентия Комельского писал Г. М. Прохоров⁷¹. Он частично опубликовал памятник по списку А и отметил, что «будучи распространен, можно сказать, “агиографическим пустословием”» он послужил основой для Жития, отраженного в списке В. Прохоров назвал и источники Жития — «Завет» прп. Иннокентия и надпись на его надгробии⁷². Э. В. Шульгина посвятила специальную работу миниатюрам рукописи, в которой помещен список С, и опубликовала миниатюру, изображающую прп. Иннокентия⁷³.

Во всех 3 списках упоминается, что до нашествия казанских татар 1538 г. в монастыре имелось «писание» о преподобном, списки которого частично были унесены бежавшими из монастыря монахами, а частично сгорели во

время разорения обители. Наиболее ранняя редакция, возникшая после пожара 1538 г., тоже не сохранилась. Вывод о том, что таковая существовала, можно сделать, сличив тексты первой и второй редакций. В отдельных местах совпадение между ними практически полное. В частности, в рассказе о погребении преподобного расхождения не выходят за рамки ошибок и дополнений копииста

Список А

И тако поживе во иночестве лета довольна, и управляя свое житие по Бозе. И преставися к Господу в вечный покой в лето 6999 [1491] году месяца марта в 19 день, на память святых мученик Хрисанфа и Дарьи. Братия ж, взявше честное его и многострадальное тело, любезнаго своего отца, и учителя, и наставника ко спасению, со псалмы и песньми надгробными погребоша его честно, по его завещанию, идеже бе сам повеле ся погresti — во углу монастыря близ ржавца. И на могилу его камень положиша, и на нем подписаша лета, и месяц, и день преставления его. Также и образ подобия его братия написаша, каков бе преподобный отец Иннокентий.

Список В

И тако поживе и управи житие свое по Бозе. И преставися в вечный покой в лето 6909-го [1401] месяца (Л. 214 об.) марта в 19 день, на память святых мученик Хрисанфа и Дарии. Братия же, взявше честное и трудолюбное, и многострадальное тело любезнаго своего отца, и учителя, и наставника ко спасению, со псалмы, и песньми, и пении надгробными погребоша его честно по его завещанию, идеже бе сам повеле ся погresti — во углу монастыря близ ржавца. И на могилу его камень положиша, и на нем подписаша лета, и месяц, и день преставления его. Также и образ подобия его написаша, каков бе преподобный.

При этом в каждой из редакций есть уникальная информация. Например, в первой имеется описание облика прп. Иннокентия. Вряд ли составитель второй редакции пропустил бы эти сведения, если бы использовал первую. Во второй редакции объем дополнительных сведений значителен: диалог между преподобными Нилом Сорским и Иннокентием, отсылка к Житию прп. Павла Обнорского в рассказе о нашествии казанских татар с точной датой события и др.

Составлялась реконструируемая редакция Жития в продолжение 1-й трети XVII в., когда появился список А (см. описание рукописи). О нижней границе ее появления — конце XVI в. — свидетельствует тот факт, что составитель Жития не просто упомянул о принадлежности прп. Иннокентия к роду Охлябининых, но и указал, что Охлябинины находились в свойстве с Хворостиниными. Известно, что род Охлябининых, игравший заметную роль при дворах русских царей в XVI в., пресекался в конце столетия⁷⁴.

В начале XVII в. Хворостинины — младшая ветвь князей Ухорских — оказались ближайшими родственниками прп. Иннокентия. Среди них были и вкладчики Иннокентиева Комельского монастыря — боярыня Елена Борисовна и ее дочь Марья Федоровна. Акцент, сделанный составителем Жития на представителях рода Хворостининых, свидетельствует о том, что род Охлябинных уже пресекся. Работа над Житием, вероятно, велась монахами Иннокентиева Комельского монастыря или людьми, связанными с обителью, поскольку автор видел надписи на могиле преподобного или получил эти сведения из монастыря.

Первая редакция Жития имеет сравнительно небольшой объем. Приблизительно $\frac{2}{3}$ основного текста составляет «Завет» прп. Иннокентия⁷⁵. Книжник использовал начало сочинения преподобного до главы «О келиах». Текст передается точно, однако изменены высказывания прп. Иннокентия, сделанные в «Завете» от первого лица. Так, начало «Завета»: «Се аз, убогий инок Иннокентие, написал завет» заменено на: «И по своем преставлении написал есми сии завет»; обращение «живущая братиа наша, иноци, в пустыни нашей» превратилось в «да и се глаголюще преподобный Иннокентий при своем животе живущим з братиями во своей пустыне». В Житии отсутствуют ссылки на книгу, в которую первоначально входил «Завет». Изъятые фразы: «Написана в сей книзе от верхниа дцкы; сего ради аз вьскоре переткох и вькратце написах,— понеже тамо обрящещи: вся благоугодна суть Богови»; «А о созидании и украшении церковном написано в предисловии написания старца Нила словес, еже есть в сей книзе». Единственное серьезное вмешательство в текст прп. Иннокентия заключается в том, что запрет принимать в монастырь юных иноков и работников, впускать на его территорию «женску полу всяческы», а также держать «пьянственное питие», перенесен ниже, чем он расположен в «Завете». При этом текст стал более логичным. Правда, при этом собственное указание прп. Иннокентия стало фразой из книги прп. Нила Сорского. Однако рассматривать такое редактирование как ошибку агиографа нельзя, запрет пускать в скит «женска рода» и «отрочат на служение держати» содержится и в сочинении прп. Нила Сорского «О жительстве от святых писаний»⁷⁶.

«Завет» прп. Иннокентия

Список А

А юных безбрадных иноков не приимати и не постригати zde такových. А мирских юных безбрадны на служение не держати. А женску полу всяческы в нашу пустыню невходно, ниже безсловесных коих женска рода не быти у нас. Пьянственнаго же пития отнюдь не подобает держати нам.

А еже како пребыватись в пустыни нашей, и о молитве, и пении,

Сие же, како пребыватись в пустыни нашей, и о молитве, и о пении,

и како питатися, и когда подобает исходити потребности ради в благословно время, и о рукоделании, и о прочем сия вся вчинена суть в написании господина и учителя моего старца Нила.

и како питатися, и когда подобает исходити потреб ради во благословно время, и о рукоделании, и о прочем и сия вся вчинена суть в написании господина и учителя моего преподобнаго и святого старца Нила.

Написано в книзе сей: чтобы его обители не держати и не приимати юных и безбрадных иноков, и не постригати таковых, и мирских юных и безбрадных на служение не держати, а женску полу всячески в нашу пустыню невходно, и иже безсловесных коих женска роду в нашу пустыню невходно, и не быти у нас. А пьянственного пития отнюдь не подобает нам держати.

Имеются также две небольшие содержательные поправки: прп. Иннокентий именуется прп. Нила Сорского «старцем», автор Жития дополняет — «преподобнаго и святого старца»; прп. Иннокентий, завещая братии построить церковь, оставляет этот вопрос «на Божиим изволением и на их произволении», в то время как автор Жития сохраняет лишь первую часть — «на Божии изволении», отказывая монастырской братии в праве действовать по своему «произволению». Из письменных источников в распоряжении автора первой редакции, скорее всего, был также текст иконописного подлинника: «Преподобный отец Инокентий пишется: всем подобен, лицом и брадою, аки Варлам, Хутынский чудотворец. Риза преподобническая». Причем этот подлинник отражает раннюю, не дошедшую до нашего времени редакцию. В более поздних иконописных подлинниках прп. Иннокентия уподобляли уже не Варлааму Хутынскому, а сщмч. Власию⁷⁷.

Около $\frac{1}{5}$ текста Жития занимает рассказ о погребении преподобного и написании его образа. Источниками для него, по всей видимости, стали имевшиеся в обители надгробный камень и икона. Остальные сведения Жития: о происхождении прп. Иннокентия, его пострижении, основании монастыря на речке Еде и о разорении его казанскими татарами — взяты, вероятно, из устных преданий. Рассказ Жития о пострижении прп. Иннокентия и времени основания им монастыря противоречит тексту «О житии преподобнаго Нила Сорскаго», в котором сообщается, что прп. Иннокентий и прп. Нил вместе путешествовали по Палестине и побывали на Афоне до основания Ниловой Сорской пустыни и что прп. Иннокентий покинул Сорский скит при жизни своего учителя⁷⁸. Учитывая, что у насельников Ниловой Сорской пустыни не было причин специально придумывать рассказ об особой роли прп. Иннокентия в основании их обители, более достоверными представляются сведения последнего источника.

Вторая редакция Жития по сравнению с первой имеет больший объем. Оба сохранившиеся списка происходят из близких по составу сборников, включающих жития вологодских святых (см. описание рукописей). Книга со списком В (по водяным знакам на бумаге датируется 1713 г.) была приобретена первым из известных ее владельцев в 1721 г. в Москве, затем попала в Волоколамский монастырь, в середине XIX в. находилась в Коломне. Рукопись со списком С, появившаяся, судя по филиграням, на рубеже XVII–XVIII столетий, некоторое время находилась в руках орловского купца (см. описание рукописей). Таким образом, обе книги бытовали в Центральной России. Составитель сборника данного типа интересовался вологодскими святыми и имел под рукой обширную библиотеку. Собрание Иннокентиева Комельского монастыря не позволяло выполнить такую работу. В связи с этим следует вспомнить, что в 1660–1690-х гг. Вологодские архиереи неоднократно поднимали вопрос о канонизации местночтимых вологодских святых⁷⁹. Эта активная деятельность могла способствовать составлению новых житий, а также сборников житий при архиерейской кафедре и распространению их в Москве.

При сопоставлении первой и второй редакций в ряде случаев обнаруживается, что описания одних и тех же этапов жизни преподобного имеют сюжетное сходство, но текстуально различаются:

Список А

Месяца марта в 19 день, святых мученик Хрисанфа и Дарьи. В той же день память преставления преподобного отца нашего Иннокентия игумена, новаго чудотворца в Вологодском уезде в Комельской волости. Благослови, отче.

Сей преподобный отец Иннокентий бе родом от царствующаго града Московскаго государства, родом московских князей Охлябининых, а тех Охлябининых род в присвоитстве Хворостининых князей.

И приде преподобней отец Иннокентий из Московскаго государства в пределы белозерския, в скит к преподобному отцу Нилу Сорскому, иж на Беле озере.

И поживе с ним лета благоугодна в посте, и во бдении, и во всяком злострадании. И по преставлении преподобнаго своего старца Нила приде

Список В

Месяца марта в 19 день. Сказание о житии преподобнаго отца нашего Иннокентия, игумена, Вологодскаго чудотворца. Благослови, отче.

Сеи убо преподобный отец наш Иннокентий, рождение и воспитание имея в преименитом царствующем граде Москве, сын от благочествых родителей князей Ахлебениных, в присвоитстве же и Хворостининых.

И прииде в белозерския пределы в скит ко блаженному отцу нашему Нилу Сарскому.

И пребысть ту в ските лета доволная. Блаженному же отцу Нилу ко Господу отшедшу, по преставлении же святаго своего старца тогда

ученик его Инокентей в вологоцкие пределы, на речку Еду, в весь, нарицаемую Комельския волости, и вселися ту. И поживе на том месте лета довольна. Бе бо то место стропотно, и непроходимыя леси и дебри.

И потом Божиим изволением бысть у него братии множайших числом, и бысть им наставник, и учитель, и вождь ко спасению. И поживе лета доволна. И во обители завещания и предания преподобнаго отца нашего Инокентия, Комельскаго и Вологоцкаго чудотворца.

прииде ему во ум от Бога любовь и рачение, еже бы где обрести место на созидание обители. И оставляет скит, и обходит убо округ места пустынная. И Богом вразумляем и наставляем, прииде в вологоцкия пределы, в край Комельския веси, и обрете себе место безмолвно на речке, нарицаемая Еда. И ту жилище себе водружает, и труды многи подемлет, и болезни к болезнем прилагает, и поты проливает.

И собрашася к нему братии немало числом. Тогда же святой понужден бысть ими на игуменство и повинуся им. Восприемлет игуменство и бысть им наставник, и учитель, и вождь ко спасению, и печашеся о них, яко отец чадолюбивый, и не точию словом учаше я, но и делом большее наказуяше тех. И не яко старейшина показовашеся братии, но последи всех творяшеся. И в сицевых убо пребывая подвизах же и исправлениях.

Хотя вторая редакция более многословна, общая тенденция в редакторской работе не прослеживается. Можно предположить, что автор первой редакции точно передал содержание несохранившегося первоначального текста, автор же второй редакции произвольно изменял имевшийся в его распоряжении текст. Однако не исключено, что в обеих сохранившихся редакциях начальный текст переработан.

«Завет», составлявший основу первой редакции Жития, во второй настолько переработан, что текстологический анализ не позволяет установить, пользовался ли автор новой редакции непосредственно текстом «Завета» или его пересказом в более ранней редакции Жития. В одном случае агиограф изменил смысл источника, в результате чего завещание прп. Инокентия построить в обители церковь превратилось в рассказ о церковном строительстве при жизни святого.

Список А

Аще начнут благоугодно жити, и хранити заповеди Божия, и восхощут церковь въздвигнути, то есть на Божиим изволении и на их произволении. И аще благоволит Бог, да

Список В

И по некоем времени святой Инокентий и з братиею своею проразсуждением въздвиже церковь святаго великаго пророка и Предотечи Крестителя Господня Иоанна, третие

ПУБЛИКАЦИИ

будет церковь в имя святого и великаго Иоанна Предтечи, Крестителя Господня, третье обретение честныа его главы, еже есть маия 25. Сеи убо великий Иоанн наставник есть всем иноком и пустынножителем.

обретение честныа главы, еже есть маия в 25 день. Сей убо великий Иоанн наставник есть иноком и пустынножителем.

Наиболее объемными дополнениями во второй редакции являются рассказы о детстве святого, его пострижении и жизни в Ниловой пустыни. Выше уже упоминалось, что само сообщение Жития о постриге прп. Иннокентия в Ниловой пустыни ошибочно. Подробный рассказ об этом событии заимствован из других агиографических текстов. Автор Жития передает беседу прп. Иннокентия и прп. Нила, в которой последний предупреждает своего ученика о суровости скитской жизни, а ученик настаивает на своем решении принять постриг. Впервые диалог с таким содержанием встречается в Житии прп. Феодосия Печерского. Однако текстуального совпадения с ранней редакцией, представленной в Успенском сборнике, нет⁸⁰. Гораздо большее сходство обнаруживается с поздней редакцией Жития прп. Феодосия Печерского, фрагменты которой приведены И. В. Яхонтовым по рукописи из библиотеки Соловецкого монастыря⁸¹.

Житие прп. Иннокентия
Комельского, список В

Житие прп. Феодосия Печерского

О чадо, выдиши ли, яко место се скорбно суще и подвижно на всяко дело. Ты же, юн сый, и аз мню, яко не имаша терпети скорби на месте сем.

Чадо! Видишь ли, что место сие весьма скорбно и требует подвига. А ты еще молод, юн, и не можешь перенести его.

...острижает власы главы своя, вкупе же со отъятием влас отлагает и долу влекущая мудрования.

...острижает власы главы своя, вкупе же со отъятием влас отлагает и долу влекущая мудрования.

Однако прямое заимствование из Жития прп. Феодосия Печерского вовсе не обязательно. Аналогичные диалоги есть и в других житийных текстах. Приведем начало и конец текстуально совпадающих фрагментов Житий прп. Александра Свирского и прп. Ефрема Перекомского, которые были написаны раньше, нежели Житие прп. Иннокентия.

Житие прп. Иннокентия,
список В

Житие прп. Александра
Свирского⁸²

Житие прп. Ефрема
Перекомского⁸³

...поклонися ему до земли, моля его со слезами, еже облещи его во аггельский образ. Святыи же, видево юношу, на зем-

...поклонися до земли, моляся ему со слезами, дабы его сотворил мниха. Игумен же Иоаким, видево блаженнаго юношу на зем-

...поклонися до земли, моляся ему со слезами, дабы его приял. Игумен же, видево святаго юношу, на земли лежаще и слезы

ли лежаща и слезы многи проливающа, и проразуме хотящую благодать явитися на нем. И нача глаголати к нему: «О чадо, видиши ли, яко место се скорбно суще и подвижно на всяко дело. Ты же, юн сый, и аз мно же, яко не имаши терпети скорби на месте сем.

Се же слышав от святого старца, Божественный юноша паки поклонися ему до земли. И тако остризае власы главы своея, вкупе же со отътием влас отлагает и долу влекущая мудрования.

ли лежаща и слезы многи проливающа, и проразуме хотящую благодать явитися на нем. И нача глаголати к нему: «О чадо, видиши ли, яко место се скорбно суще и подвижно на всяко дело. Ты же юн сый и аз мно, яко не имаши терпети скорби на месте сем.

Се же слышав от игумена, Божественный юноша паки поклонися ему до земли. И тако остризае власы главы своея, вкупе же со отътием влас отлагает и долу влекущая мудрования.

многи проливающа, проразуме хотящую благодать быти на нем и начат глаголати ему: «О чадо, видиши ми, яко место сие скорбно суще и подвижно на всяко дело. Ты же ун сый, мно, яко не имаши терпети на месте семь скорби.

Се же слышав от игумена, святей поклонися ему до земли и нача труждатися во обители на братию со всяким послушанием, с любовию, без роптания повинуюся не токмо игумену и братии, но всем сущим во обители.

Таким образом, вопрос о конкретном источнике заимствования остается открытым.

Во второй редакции есть и другие дополнения. Так, в ней уточнена дата (1538 г.) набега казанских татар, разоривших монастырь. Источником этих сведений называется Житие прп. Павла Обнорского. Эта дата действительно имеется в редакции Жития прп. Павла с 26 чудесами⁸⁴. Следовательно, агиограф обнаруживает знакомство с житиями других вологодских святых. Тропарь и кондак во второй редакции переместились из начальной части повествования в конец. В результате оказалось ненужным имевшееся в начале тропаря сообщение, что он посвящен «преподобному Иннокентию, чудотворцу Вологодскому». Кондак претерпел более существенные изменения: «Глас 4» заменен на «Глас 8, подобен: Взбранной». Кроме того, в середине текста добавлена фраза: «Отнюду же дарование чудесем от Христа приял еси». Обратить особое внимание на это дополнение заставляет отсутствие чудес в обеих редакциях Жития. Очевидно, агиограф стремился акцентировать внимание на том обстоятельстве, что прп. Иннокентию был присущ дар чудотворения, так же как и другим святым. Отсутствие записей о чудесах в Житии свидетельствует о том, что списки обеих редакций бытовали вне Иннокентиева Комельского монастыря.

Наиболее важным является разночтение в вопросе о дате смерти прп. Иннокентия. Обе редакции Жития называют один и тот же день и месяц смерти преподобного: «Месяца марта в 19 день, на память святых мученик Хрисанфа и Дарьи». Однако год смерти святого указан разный. В первой редакции это «лето 6999 [1491]», а во второй — «лето 6909 [1401]». Скорее всего, во второй редакции при переписывании в дате была утрачена литера «ч» (90). Эта ошибка любопытным образом отразилась в рукописной традиции. В рукописи XVIII в., озаглавленной «От предисловия на книгу блаженного

Нила Сорского...», читаем: «Прииде преподобный отец и чудотворец Нил со учеником своим Инокентием от Палестинских стран, из Афонския горы, при животе преподобнаго Кирила, Белоозерскаго чудотворца, и приим от него благословение, и пошед в непроходимыя дебри и леса»⁸⁵. На первый взгляд эта фраза кажется анахронизмом. Однако если автор был знаком со второй редакцией Жития прп. Инокентия, то ошибка выглядит естественной: «умерший» в 1401 г. Инокентий вполне мог встретиться с прп. Кириллом (1337–1427 г.).

Таким образом, сохранившиеся до наших дней редакции Жития прп. Инокентия Комельского представляют большой интерес как памятники литературы XVII в., однако не являются важными историческими источниками. Наибольшую ценность представляют сведения о происхождении прп. Инокентия, описание облика преподобного, изложение надписи с надгробия, а также упоминание о том, что церковь, которую завещал построить прп. Инокентий, была сооружена до нашествия татар 1538 г. Интересно и сообщение, что до разорения монастыря «бысть же писания немало о преподобном Инокентии».

Авторы первой и второй редакций памятника по-разному подходили к имевшемуся в их распоряжении материалу. Автор первой редакции максимально использовал сохранившиеся до его времени сведения о жизни прп. Инокентия, избегая при этом литературных украшений. Составитель второй редакции свободно обращался с имевшимися у него данными, допуская при редактировании изменения смысла текста. Он стремился привести свое сочинение в соответствие с принятыми канонами житийной литературы и активно заимствовал фрагменты других житий.

Житие прп. Инокентия Комельского публикуется в 2 редакциях. Описания рукописей, включающих списки второй редакции (В и С), изданы. Здесь о них приводятся лишь те данные, которые важны для понимания истории бытования Жития.

Список А. РНБ, Собр. Погодина, № 1582. Сборник (из собрания П. М. Строева), на 101 листе. Письмо: полуустав и скоропись. Сборник составлен из нескольких рукописей. Листы 90–101, на которых находится Житие прп. Инокентия (л. 98–101), первоначально не входили в данный кодекс. Об этом свидетельствует тот факт, что высота листов основной части сборника составляет 19,5 см, а л. 98–101 — 17,7 см. Ниже приводятся данные, относящиеся к л. 98–101: формат 4°. Филиграния: 1) «кувшин с полумесяцем и литерами» (вод. зн. типа Лихачев⁸⁶, № 1657, 1535–1540 гг.); 2) «герб» (вод. зн. типа Лихачев № 3548, 1629–1630 гг.). Многие листы рукописи с пятнами сырости.

Список В⁸⁷. Сборник житий русских святых. Начало XVIII в. РНБ, Собр. Погодина, № 647. Филигрань: «герб рожок» (вод. зн. типа Лауцявичюс⁸⁸ № 3018, 1713 г.). Записи. На л. 1–19 полистная запись скорописью, черными чернилами: «Книга... [соскоблено одно слово] посадского человека [«человека» заклеено, но читается на просвет]... сына [имя и отчество заклеены,

«сына» — читается на просвет, фамилия заклеена] 1721 году февраля в день куплена в Москве. Порука [часть листа с записью оторвана] ...ду сиделец Тимофей Андреев». По л. 1–8 полистная запись скорописью 2-й половины XVIII в. коричневыми чернилами с использованием слов предыдущей записи, а также на бумажках, которыми заклеены слова предыдущей записи: «Книга Волока Ламского [«Волока Ламского» более поздним почерком, ниже соскобленного слова предыдущей записи] Возминского [слово написано путем исправления слова «посацкаго» из предыдущей записи] монастыря архимандрита Авраамия...» [это испорченное слово написано на бумажке, которую пытались оторвать, чтобы прочесть закрытое ею слово предыдущей записи]. На многих листах пробы пера. На корешке наклейка с надписью: «Житейник». На л. 1 запись рукой М. П. Погодина, чернилами: «1850, май 13, от колом. купца. 21–50». Содержание: Житие прп. Корнилия Комельского; Житие прп. Арсения Комельского; Житие прп. Игнатия Вологодского; Житие прп. Иннокентия (Охлябинина) Вологодского с тропарем и кондаком (л. 204–217 об.); Житие прп. Герасима Вологодского; Житие прп. Сергия Нуромского (Обнорского).

Список С⁸⁹. Сборник житий вологодских святых, лицевой. Конец XVII в. ГИМ, Собр. Уварова, № 107. Записи. На л. 8–26 полистная владельческая запись: «Книга вологодских чудотворцов орловского купца Ивана Грибакина». Содержание: Житие прп. Дмитрия Прилуцкого, без начала; Житие прп. Игнатия Вологодского; Житие прп. Арсения Комельского; Житие прп. Иннокентия Комельского (Л. 64–68); Житие прп. Герасима Вологодского; Житие прп. Сергия Нуромского (Обнорского); Житие прп. Павла Обнорского; Житие прп. Иоасафа, Каменного монастыря чудотворца; Сказание известно о Каменном монастыре и о первоначальниках Каменного монастыря; Житие прп. Александра Куштского; Житие прп. Корнилия Комельского; Житие прп. Дионисия Глушицкого; Житие прп. Галактиона Вологодского.

В настоящей публикации приведены также документы, относящиеся к истории Иннокентиева Комельского монастыря, из собраний РГАДА и Государственного архива Вологодской области: сотная грамота, выданная властям монастыря в 1621 г., и описи монастырского имущества 1701 и 1723 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Этот род происходил от ярославских князей Ухорских. У Василия Даниловича Ухорского было пятеро сыновей, из которых второй сын, Федор Охлябина, был родоначальником Охлябининых, а младший Михаил — родоначальником Хворостининых, упоминаемых в Житии прп. Иннокентия как «свойственников» Охлябининых.
- ² Представители второго поколения этого рода не могли действовать в 1470–1480-х гг., когда прп. Иннокентий вместе с прп. Нилом совершал свое путешествие по обителям православного Востока. К этому времени они или не родились, или, что менее вероятно, были маленькими детьми.
- ³ *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988. С. 88, 96.
- ⁴ *Кобрин В. Б.* Материалы генеалогии княжеско-боярской аристократии XV–XVI вв. М., 1995. С. 47, 48.

- ⁵ Существует также авторитетная точка зрения, основанная на Житии прп. Иннокентия, согласно которой святой скончался в 1499 г. Впервые прп. Иннокентий отождествлен с Иваном Охлябининим в Русском биографическом словаре (Иннокентий (князь Иван Охлябинин) // Русский биографический словарь. Т. 8. СПб., 1897. С. 108). Л. И. Ивина также без каких-либо объяснений называет прп. Иннокентия Иваном Охлябининим (*Ивина Л. И.* Внутреннее освоение земель в России в XVI в. Л., 1985. С. 181, 217). То же наблюдаем в ряде электронных ресурсов. Тот факт, что святой завещал построить церковь во имя «святого и великаго Иоанна Предтечи, крестителя Господня, третье обретение честныа его главы» позволяет предположить, что Иоанн Предтеча был небесным покровителем прп. Иннокентия. Однако этого недостаточно для однозначного отождествления прп. Иннокентия с Иваном Федоровичем Охлябининим.
- ⁶ *Прохоров Г. М.* Преподобные Нил Сорский и Иннокентий Комельский: Сочинения. СПб., 2005. С. 399.
- ⁷ *Романенко Е. В.* Нил Сорский и традиции русского монашества. М., 2003. С. 9, 10.
- ⁸ *Прохоров Г. М.* Преподобные Нил Сорский и Иннокентий Комельский... С. 399–400.
- ⁹ «Завет» цитируется по: *Прохоров Г. М.* Преподобные Нил Сорский и Иннокентий Комельский... С. 320–321.
- ¹⁰ Исторические сказания о жизни святых, подвизавшихся в Вологодской епархии, прославляемых всею Церковью и местнотчтимых / Сост. И. Верюжский. Репринт. М., 1993. С. 386.
- ¹¹ Святцы составлены в начале XVIII в. В настоящее время хранятся в РГАДА — ф. 188, оп. 1, д. 1199. Благодарю за данное указание Е. В. Романенко.
- ¹² Синодик Нило-Сорской пустыни первыми из сорских монахов называет «старцев Нила и Иннокентия». Однако то, что первым в синодике назван прп. Нил Сорский, не означает, что он действительно преставился раньше прп. Иннокентия. Прп. Нил мог быть записан в начале синодика как основатель пустыни. Тем не менее эта запись свидетельствует, что прп. Иннокентий преставился раньше других перво-насельников Ниловой Сорской пустыни (см.: *Романенко Е. В.* Нил Сорский и традиции русского монашества... С. 166; Кирилло-Белозерский историко-художественный музей-заповедник. Рукопись № 127, л. 15).
- ¹³ *Прохоров Г. М.* Преподобные Нил Сорский и Иннокентий Комельский... С. 320.
- ¹⁴ Там же. С. 299, 300.
- ¹⁵ В 1536 г. строителем Иннокентиева Комельского монастыря назван Варлаам, а к 1538 г., когда монастырь был razорен казанскими татарами, в обители уже имелись образ прп. Иннокентия и «написание» о нем.
- ¹⁶ Публикации: История российской иерархии / Сост.: архим. Амвросий (Орнатский) Ч. 4. М., 1812. С. 301–302; Описание славянских и русских рукописных сборников. Вып. 1. СПб., 1878. Исторические сказания о жизни святых, подвизавшихся в Вологодской епархии... С. 385, 386; *Прохоров Г. М.* Преподобные Нил Сорский и Иннокентий Комельский... С. 320–321.
- ¹⁷ *Прохоров Г. М.* Иннокентий Охлябинин (Вологодский) // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 1. Л., 1988. С. 406.
- ¹⁸ *Прохоров Г. М.* Преподобные Нил Сорский и Иннокентий Комельский... С. 281–383.
- ¹⁹ *Каиштанов С. М.* Из истории русского средневекового источника: Акты X–XVI вв. М., 1996. С. 147.
- ²⁰ Сведения об этом нашествии зафиксированы в летописи: «В лето 7046-го [1538] приходили казанские татарове х Костроме и около Вологды воевали безчисленно. И монастырь Павлову пустыню, половину ее, сожгоша, а до Вологды не доходили до города за шесть верст. И собра полна безчисленно, отидоше прочь» (Полное собрание русских летописей. Т. 26. М.; Л., 1959. С. 318).
- ²¹ Через Лежский Волочок проходила дорога, связывавшая Вологду с Галичем и Костромой.
- ²² ГИМ, собр. Уварова, № 1247(107) (134), л. 64 об.

- ²³ РГАДА, ф. 281, д. 120/2691, л. 1; *Капитанов С. М., Назаров В. Д., Флоря Б. Н.* Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в. // Археографический ежегодник за 1966 г. М., 1968. С. 215.
- ²⁴ Упоминание об этом сохранилось в жалованной грамоте Корнилиеву Комельскому монастырю 1687 г. От участия в дорожных работах Иннокентиев Комельский монастырь был освобожден в 1648 г. См.: История российской иерархии. Ч. 4. С. 754, 755.
- ²⁵ Боярские списки последней четверти XVI — начала XVII вв. и роспись русского войска 1604 г. Ч. 2. М., 1979. С. 124, 125, 126.
- ²⁶ *Соловьев С. М.* Сочинения. Кн. 4. Т. 8. М., 1989. С. 665.
- ²⁷ РГАДА, ф. 281, д. 120/2691, л. 1.
- ²⁸ *Васильев Ю. С.* Борьба с польско-шведской интервенцией на Русском Севере. Вологда, 1985. С. 59.
- ²⁹ В декабре 1612 г. по грамоте князя Дмитрия Михайловича Пожарского и воеводы князя Дмитрия Тимофеевича Трубецкого в вотчины Вологодского архиепископа, Спасо-Прилуцкого и Павлова-Обнорского монастырей был отправлен на 4 месяца для сбора корма и шуб казачий атаман Андрей Шилов. За это время атаману и еще 22 казакам, сопровождавшим его, разрешено было собрать с тех вотчин «265 четьи муки ржаные, 265 четьи сухарей, 49 четьи с полуосминой круп, 49 четьи с полуосминой толокна, 530 четвертей овса, 260 полоть мяса свиного, 132 пуда с полупудом соли, 530 возов сена». Предусмотрен был также корм каждому человеку на месяц. Корм и шубы казачий атаман должен был, используя вытные или сошные книги, «на крестьян разверстать все, по чему каких кормов и шуб с сохи или с выги доведется». Монастырским крестьянам предписывалось самим везти все собранное в Москву. За отказ полагался штраф (Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедицией Императорской Академии наук Т. 2. СПб., 1836. № 216. С. 276).
- ³⁰ *Румянцева В. С.* Опыт классификации монастырей в России в XVII в.: Вологодская степень // Церковь в истории России. Вып. 1. М., 1997. С. 87.
- ³¹ Елена Борисовна Хворостинина, супруга Федора Юрьевича Хворостинина, любимца царя Алексея Михайловича.
- ³² Мария Федоровна, супруга дядьки Петра I князя Бориса Алексеевича Голицына.
- ³³ По другим документам прослеживается, что в одной келье крайне редко жили более двух монахов.
- ³⁴ К этому времени большинство постриженников монастыря было из крестьян, двое являлись детьми священников. Лишь один из монахов имел относительно высокое происхождение: до пострига он был сыном боярским Вологодского архиерейского дома. Постриженники Иннокентиева Комельского монастыря до прихода в обитель жили в ее окрестностях — в деревнях монастырской вотчины или в находившихся по соседству в Лежском Волоке владениях Вологодского архиепископа. 13 иноков приняли постриг в Иннокентиевом Комельском монастыре и лишь один, упоминавшийся выше сын боярский, был пострижен в вологодском Спасо-Прилуцком монастыре. «Зажилое» монахов различалось. Так, иеромонах Иосиф получал 3 рубля и платье, казначей и еще 10 постриженников — по 13 алтын 2 деньги и платье, а двое монахов — только платье по причине того, что постриглись в монастырь лишь в текущем году.
- ³⁵ РГАДА, ф. 281, д. 120/2691, л. 1, 2. Жалованная на 2 листах. Ветхая, с утратами текста. Вислая печать (из-за плохой сохранности печати ее визуальный осмотр не производился). Начальный инициал украшен травным орнаментом (чернила, позолота). Грамоту справил дьяк Прокофий Пахирев. На обороте скрепа подъячего Григория Старо[...]. На обороте имеются также сведения о подтверждении грамоты царем Федором Алексеевичем (24 марта 1677 г.), «оприч тех статей, которые по Уложению отставлены» (с пометой дьяка Филипа Артемьева), а также царями Иваном и Петром Алексеевичами, «оприч тех статей, которые по

- Уложению и по новым статьям отставлены» (8 марта 1686 г., с пометой дьяка Тимофея Литвинова).
- ³⁶ РГАДА, ф. 1209, оп. 1, кн. 14728, л. 658–658 об.
- ³⁷ Писцовые и переписные книги Вологды XVII – начала XVIII века. Т. 2. Переписная книга Вологды 1711–1712 годов / Изд. подгот. И. В. Пугач, М. С. Черкасова. М., 2008. С. 58.
- ³⁸ Оклад для этой иконы был сделан на деньги, которые дал в качестве вклада крестьянин вотчины Вологодского архиерея «в поминовение по душе отца своего».
- ³⁹ Какое именно из 11 московских изданий XVII в. попало в Иннокентиев Комельский монастырь, определить невозможно.
- ⁴⁰ Евангелие с толкованиями Феофилакта Болгарского в XVII в. в Москве издавалось в 1649 и 1698 гг.
- ⁴¹ Книга выходила в 1647 и 1667 гг.
- ⁴² Издание 1664 г.
- ⁴³ Киевские издания 1666 и 1686 гг.
- ⁴⁴ Издание Верхней типографии 1681 г.
- ⁴⁵ Источники истории города Вологды и Вологодской губернии. Вологда, 1904. С. 114.
- ⁴⁶ РГАДА, ф. 1209, кн. 14 741, л. 114–114 об.
- ⁴⁷ Возможно, сын Аксена Иванова (см. документ № 2).
- ⁴⁸ Писцовые и переписные книги Вологды... Т. 2. С. 58.
- ⁴⁹ Оригинал и список из Вологодских межевых книг на земли Павлова и Иннокентиева монастырей 1675/76 г. сейчас хранятся в РГАДА (ф. 281, д. 2921, 2933).
- ⁵⁰ Государственный архив Вологодской области (далее – ГА ВО), ф. 1260, № 1623, 1795.
- ⁵¹ РГБ, ф. 37, № 427/26.
- ⁵² РГАДА, ф. 1209, кн. 14 728, л. 657 об. – 676 об.
- ⁵³ Румянцева В. С. Указ. соч. С. 87.
- ⁵⁴ РГАДА, ф. 1209, оп. 2, кн. 14 863, л. 40–40 об.
- ⁵⁵ Там же, ф. 237, № 8, л. 62 об. – 63.
- ⁵⁶ РГБ, ф. 37, № 427/26.
- ⁵⁷ Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 12. СПб., 1872. С. 79; Старая Вологда. XII – начало XX в.: Сборник документов. Вологда, 2004. С. 57.
- ⁵⁸ ОПИ ГИМ, ф. 113, № 20.
- ⁵⁹ Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 5. СПб., 1842. С. 396–401.
- ⁶⁰ Представитель крупного голландского торгового дома Гутманов, которые вели дела в России с 1650-х гг. и имели свои дворы в Москве, Ярославле, Вологде и Архангельске (см.: Ретин Н. Н. Голландские купцы в Архангельске во второй половине XVII в.: Численность, продолжительность и преемственность связей (по материалам российских источников) // Нидерланды и Северная Россия. СПб., 2003. С. 27, 28).
- ⁶¹ В июле 1705 г. крестьянка Иннокентиева Комельского монастыря Ульяна Евсева попыталась, будучи беременной, выйти замуж за монастырского же крестьянина Василия Титова. Об этом было доложено архиепископу Вологодскому и Белозерскому Гавриилу. 1 декабря 1705 г. архиепископ Гавриил указал допросить ее при понятых. Выяснилось, что в 1704 г., овдовев, «учинила она, Улейка, блудные дела Иннокентиева монастыря игумена Акиллы с келейником Стефаном Васильевым многожды и все по любви. И после-де того привозит он, Стефан, ею, Ульяну, ради блудных дел к игумену Акилле в келию. По многие времена в той келье он, игумен Акилла, с ней, с Ульяной, блудные дела чинил многожды ж, все по любви ж. А как-де ево, Стефана, по указу великого государя взяли в салдаты, и после-де ево, Стефана, вышписанной игумен Акилла присылал к ней, Ульяне, того ж монастыря крестьянина деревни Огаркова Семена Нифантиева. И с ним-де, Семеном, она, Ульяна, к нему, игумену, в келью ночным временем ходила трижды и блудные дела чинила. А как-де он, Семен, ею, Ульяну, к нему, игумену, в келью приведет,

а сам выходил в другую келью. И от тех-де ево, игуменовых, блудных дел она, Ульяна, очревателя. А с ыным-де никем у ней, Ульяны, блудных дел не бывало». Семен Нифантиев эти слова подтвердил. После допроса Семена Нифантиева и Ульяну Евсееву взял на поруки монастырский мельник Борис Макаров. По завершении разбирательства 8 декабря 1705 г. бывшего игумена Иннокентиева Комельского монастыря Акилу отправили в Павлов Обнорский монастырь. 13 января 1706 г. архиепископ Гавриил указал священнику Матфею, служившему в храме Николая Чюдотворца в деревне Зыкове Иннокентиева Комельского монастыря, чтобы тот обвенчал Ульяну Евсееву с Василием Титовым и крестил родившегося младенца. Священник, вероятно, не выполнил указ, поскольку не было возможности получить плату за требы: полагалось взять повенчный налог за венчание и «пенные» деньги за то, что родившийся ребенок был зачат до брака. Взять их с отца ребенка не представлялось возможным. В челобитной архиепископу Гавриилу священник Матфей писал: «Ко мне, богомольцу твоему, приезжал закащик преображенской поп Иван. Почервныя и пенные деньги на меня в книги написал. А те деньги на ком взяты, не знаю и без тех денег молитву дать не смею, и о том-та, как, государь, изволил, государь, смилуйся». 17 января 1706 г. по указу архиепископа Гавриила в Зыково была послана память «к николаевскому попу Петру, что в Зыкове. Велено ему Иннокентиева монастыря крестьянке Ульяне Евсееве дочери очистительную молитву дать и младенца крестить. А попа Матфея за ослушание ся указу выслать на Вологду в духовной приказ». Венчание Ульяны Евсеевой и Василия Титова, а также крещение ребенка состоялись 18 января 1706 г. (РГБ, ф. 37, № 427/64).

⁶² Горчаков М. Монастырский приказ (1649–1725): Опыт историко-юридического исследования. СПб., 1868. С. 62–65.

⁶³ Издание 1652 г.

⁶⁴ Возможно, имеется в виду издание Диоптра, или «Зерцало живота во мире сем человеческого». Кутеин, 1651.

⁶⁵ РГАДА, ф. 280, оп. 5, № 695, л. 18.

⁶⁶ Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1988. С. 304.

⁶⁷ Бычков А. Ф. Описание церковнославянских русских рукописных сборников Императорской Публичной библиотеки. Ч. 1. СПб., 1882. С. 15–16.

⁶⁸ Барсуков Н. П. Источники русской агиографии. СПб., 1882. Стб. 222, 223.

⁶⁹ Филарет (Гумилевский), архиеп. Русские святые, чтимые всею Церковью или местно. СПб., 2008. С. 160.

⁷⁰ Толстой М. В. Книга, глаголемая Описание о российских святых, где и в котором граде, или области, или монастыре, или пустыни поживе и чудеса сотвори всякого чина святых. Репринт. М., 1995. С. 123, 124.

⁷¹ Прохоров Г. М. Иннокентий Охлябинин (Вологодский). С. 405, 406; *его же*. Житие Иннокентия Охлябинина // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 1. СПб., 1992. С. 351.

⁷² Прохоров Г. М. Преподобные Нил Сорский и Иннокентий Комельский... С. 313–315.

⁷³ Шульгина Э. В. Лицевой сборник житий вологодских святых XVII в. (ГИМ, собр. Уварова, 107–1°) // «Хризोगраф». Вып. 2. М., 2005. С. 242–261.

⁷⁴ Кобрин В. Б. Материалы генеалогии княжеско-боярской аристократии XV–XVI вв. М., 1995. С. 69.

⁷⁵ Далее «Завет» цитируется по: Прохоров Г. М. Преподобные Нил Сорский и Иннокентий Комельский... С. 320–321.

⁷⁶ Там же. С. 90.

⁷⁷ Г. В. Маркелов выявил 4 описания прп. Иннокентия в иконописных подлинниках: «Аки Власий, седина в чернее» (ИРЛИ, кол. Перетца, № 524, л. 136 об.); «Сед, брада уже Власиевы, покороче» (РНБ, собр. Погодина, № 1930, л. 130); «Подобием седина в чернее, брада аки Власиева, покороче и не раздвоилась, ризы преподобническа» (Сводный подлинник Филимонова. С. 49); «Брада короче Власиевы,

- не раздвоилась, вчерне седина, ризы преподобническа» (БАН, Строгановское собр., № 66, л. 90). См.: *Маркелов Г. В.* Святыне Древней Руси в иконописных подлинниках XVII–XIX веков. Свод описаний. Т. 2. СПб., 1998. С. 120.
- ⁷⁸ *Прохоров Г. М.* Преподобные Нил Сорский и Иннокентий Комельский... С. 399–400.
- ⁷⁹ Исторические сказания о жизни святых, подвизавшихся в Вологодской епархии... С. 622–625; *Голубинский Е. Е.* История канонизации святых в Русской Церкви. М., 1998. С. 432–434; *Романенко Е. В., Шамина И. Н.* Галактион Вологодский // Православная энциклопедия. Т. 10. М., 2005. С. 287.
- ⁸⁰ Успенский сборник XII–XIII вв. / Изд. подгот. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон. М., 1971. С. 80.
- ⁸¹ *Яхонтов И. В.* Жития святых севернорусских подвижников Поморского края как исторический источник (составлено по рукописям Соловецкой библиотеки). Казань, 1881. С. 228, 229.
- ⁸² Житие прп. Александра Свирского цитируется по списку из собрания Троице-Сергиевой лавры (РГБ, ф. 304/II, № 269). См.: <http://www.stsl.ru/manuscripts/book.php?manuscript=269&col=2>
- ⁸³ *Федотова М. А.* К вопросу о Житии Ефрема Перекомского // Книжные центры Древней Руси. Севернорусские монастыри. СПб., 2001. С. 167.
- ⁸⁴ *Каган М. Д.* Житие Павла Обнорского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (XVII в.). Ч. 1. Л., 1988. С. 315.
- ⁸⁵ *Прохоров Г. М.* Преподобные Нил Сорский и Иннокентий Комельский... С. 294.
- ⁸⁶ *Лихачев И. П.* Палеографическое значение бумажных водяных знаков. Т. 1–3. СПб., 1899. Благодарю А. И. Алексеева за сведения о филигранях рукописи.
- ⁸⁷ Описание составлено по: Рукописные книги собрания М. П. Погодина. Каталог. Вып. 3. СПб., 2004. С. 29.
- ⁸⁸ *Laucivicius E.* Popierius Lietvoje XV–XVIII a.: atlasas. Vilnius, 1967. Т. 1–2.
- ⁸⁹ Описание составлено по: *Шульгина Э. В.* Лицевой сборник житий вологодских святых XVII в. С. 242–261; *Шамина И. Н.* Житие преподобного Арсения Комельского // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2005. № 2(20). С. 107–108.

Житие преподобного Иннокентия Комельского

Список А

(Л. 98). **Тропарь, глас 4.** Преподобному Иннокентию, чудотворцу Вологоцкому. От юности своя весь Богови поработился еси, блаженне. Того ради любве отчество и род оставил еси, и в пустыню вселился, и в ней жестоко житие показал еси, и чудес дарования от Господа приял еси. Преподобне Иннокентие, моли Христа Бога спастись душам нашим.

Кондак, глас 4. Отечества, преподобне, удалився, и вселился в пустыню, и тамо жестоко житие показал еси, и многих людей житием своим удивил еси. Поминай нас, чтущих память твою, да зовем ти: Радуйся, преподобне Иннокентие, отче наш.

Месяца марта в 19 день, святых мученик Хрисанфа и Дарьи. В той же день память преставления преподобного отца нашего Иннокентия игумена, новаго чудотворца в Вологоцком (Л. 98 об.) уезде в Комельской волости. Благослови, отче.

Сей преподобный отец Иннокентий бе родом от царствующаго града Московскаго государства, родом московских князей Охлябининых, а тех Охлябининых род в присвоистве Хворостыниных князей. И приде преподобней отец Иннокентий из Московскаго государства в пределы белозерския, в скит к преподобному отцу Нилу Сорскому, иж на Беле озере, и бысть ему ученик. И поживе с ним лета благоугодна в посте, и во бдении, и во всяком злострадании. И по преставлении преподобнаго своего старца Нила приде ученик его Иннокентий в вологоцкие пределы, на речку Еду, в весь, нарицаемую Комельския волости, и вселися ту. И поживе на том месте лета доволна. Бе бо то ме (Л. 99) сто стропотно, и непроходимыя лесы и дебри. И потом Божиим изволением бысть у него братии множайших числом, и бысть им наставник, и учитель, и вождь ко спасению. И поживе лета доволна. И во обители завещания и предания преподобнаго отца нашего Иннокентия, Комельскаго и Вологоцкаго чудотворца.

И по своем преставлении написал есми сии завет: «Аще кому повелит Бог жити в пустыне нашеи, и прежде всех о сем молю вас: Господа ради поминаите мене, грешнаго, во святых молитвах своих. Аз я вам, отцем и братьям нашим, зелне челом бию. А еже завещаваю вам, чтобы промежду вами брани и которы не было, и любовь яже о Христе, и мир духовнии посреде вас. Сие же, како пребыватись в пустыни нашеи и о молитве, и о пении, и како питатись, и когда (Л. 99 об.) подобает исходити потреб ради во благословно время, и о рукоделании, и о прочем, и сия вся вчинена суть в написании господина и учителя моего преподобнаго и святого старца Нила. Написано в книзе сеи, чтобы в его обители не держати и не приимати юных и безбрадных иноков, и не постригати таковых, и мирских юных и безбрадны на служение не держати, а женску полу всяческии в нашу пустыню невходно, и иже безсловесных коих женска роду в нашу пустыню невходно, и не быти у нас. А пьянственнаго пития отнюдь не подобает нам держати».

Да и се глаголюще преподобный Инокентий при своем животе живущим з братьями во своей пустыне: «Аще начнут благоугодно жити и хранити заповеди Божия, и восхоцут (Л. 100) церковь воздвигнути, то есть на Божии изволении. Аще благоволит Бог, да будет церковь во имя святого и великого Иванны Предтечи, Крестителя Господня, третье обретение честные его главы, еже есть мая в 25 день. Сеи убо великий Иван наставник есть всем иноком и пустынножителем».

И тако поживе во иночестве лета довольна, и управляя свое житие по Бозе. **И** преставися к Господу в вечны покой в лето 6999 [1491] году месяца марта в 19 день, на память святых мученик Хрисанфа и Дарьи. Братия ж, взявше честное его и многострадальное тело, любезнаго своего отца, и учителя, и наставника ко спасению, со псалмы и песньми надгробными погребоша его честно, по его завещанию, идеже бе сам повеле ся погresti — во углу монастыря близ ржавца. **И** на могилу его (Л. 100 об.) камень положиша и на нем подписаха лета, и месяц, и день преставления его. **Такоже** и образ подобия его братия написаха, каков бе преподобный отец Инокентий.

Многа же преподобный Инокентий написа завещания своею рукою ко спасению мнозем. Бысть же писания немало о преподобнем Инокентии. **И** грех ради наших бысть нашествие поганых татар-казанцов на Рускую землю, на пределы вологодския. **И** тогда пустыню преподобнаго отца Инокентия погании разориша, и церковь Иванны Предтечи сожгоша, и все строение его огню предаша. **И** написание о преподобном Инокентии тогда згорело. А иное писание — неции от братия ис пустыни его отидоша, аможе восхотеша, и писание о нем с собою снесоша во иные монастыри. **И** тако в его монастыре (Л. 101) не оста писания об нем. Мы же сие вкратце написахом о святом.

Преподобный отец Инокентий пишется: всем подобен, лицом и брадою, аки Варлам, Хутынский чудотворец. Риза преподобническая.

Список В

(Л. 204) Месяца марѣга в 19 день^а. Сказание о житии преподобнаго отца нашего Иннокентия, игумена, Вологоцкаго, чудотворца. Благослови, отче.

Сеи убо преподобный отец наш Иннокентий, рождение и воспитание имея в преименитом царствующем граде Москве, сын от благочестивых родителей князей Ахлебининых, в присвойстве же и Хворо (Л. 204 об.) стининых^б. Сей святыи чудныи отрок от них и воспитан бысть негиблющим вкупе млеко от Божественнаго Писания, не внимаше бо пустошных, ниже детей, творящих игры, ни от слуг почести, ни велика сана взыскупя, но, понеже ему еще юну сущу, родителей его попечением. Паче же достоит реши, и Божестве (Л. 205) нною благодатию навикшу ему Священнаго Писания. И от сего уразумеваем, яко преходит мир сей и яже в нем суетная дела вся и помышления, льстящи человеки. Сего блаженный Иннокентий паче всея^в мира сего^г красоты возлюби Христовы законы, ихже не словесы хитротворными показа, но дела досточюдный (Л. 205 об.) иноческаго^д соверши и^е уступи убо сродства своего велехвалнаго^ж, сана же и величества ошаяся и вся тленныя^з богатство и славу отнюдь возненавиде, и ни во что же вмени, но присно умныма очима на едину взирая нестареемую жизнь. Сего ради крест на рамо приим, сиречь евангельски последова подвигоположнику (Л. 206) Христу своему.

И тако исходит из дому своего, не имый с собою ничто же, разве одежды и хлеба мало немощи ради телесныя. И прииде в белозерския пределы в скит ко блаженному отцу нашему Нилу Сарскому^и. Пад, поклонися ему до земли, моля его со слезами, еже облещи его во аггельский^к образ. Святыи же, видев юношу^л, (Л. 206 об.) на земли лежаща и слезы многи проливающа, и проразуме хотящую благодать явитися на нем. И нача глаголати к нему: О чадо, видиши ли, яко место се скорбно сущу и подвижно на всяко дело. Ты же, юн сый, и аз мню, яко не имаша терпети скорби на месте сем. Се же не токмо искушая его глаголаше, но и прозливима очи (Л. 207) ми^м зряше^н блаженнаго, яко Богом наставляем бе юноша сей, прииде и хошет Богу сосуд избран быти. Божественный же отрок со многим смирением отвещав ко святому отцу, глаголя: «О честный отче. Яко провидец всяческих благ приведе мя ко твоей святыни. °Спаси ми ся^о хотящу. И елика яще^п что повелиши ми сотворити, по (Л. 207 об.) веленная тобою вся сотворю, но токмо спаси мя». И тогда глагола^р ему святыи старец: «Благословен Бог, чадо, укрепивый тя на сие тщание. Отселе буди служай братии со всяким терпением и покорением, купно же и послушанием». Се же слышав от святаго старца Божественный юноша, паки поклонися ему до земли. И тако о (Л. 208) стризает власы главы своея, вкупе же со отъятием влас отлагает и долу влекущая мудрования. Посем блаженный Нил приемлет его, поучая и глагола^с ему: «Сыне, пришел еси

^а В рукописи фраза написана вязью. В С вязью: Месяца марта в 19 день сказание. ^б Хворостининым С. ^в Всего С. ^г Нет С. ^д Иноческими С. ^е О С. ^ж В рукописи чернильное пятно, прочтение слова предположительное. ^з Тленная С. ^и Сорскому С. ^к Аггельский С. ^л «Шу» написано под строкой. ^м Очима С. ^н Зряше на С. ^{о-о} Спаситися ми С. ^п Аще С. ^р Глаголя С. ^с Глаголя С.

работати Господеви, уготови душу свою во еже терпети искушения и страдания, наводимая от врагов, да, претерпев сих, примемши мздовозда (Л. 208 об.) яние велие на небеси».

Святой же Инокентий, повинуюся ему во всем, всегда поверзая себе на ногу старчю, пребываше же у него прочее, упражняяся в молитвах, преспевая добродетельми, постом^а, и бдением, и чистотою. Бяше же^б бо нравом смирен и образом кроток, и в Божественных писаниих трудолюбне поучавашеся, и всем (Л. 209) умом испытующе. Помыслом же наболшая^в внимаше и целомудрствовати произволяше, во еже тщание сотворяет о добродетельном поучении и о сем всегда тщашеся, и зело болезноваше, да како исправить и прочия добродетели. Блаженный же Нил, видев его в тацем прилежании^г суща, зело внимаше о сем, (Л. 209 об.) и полагаше^а сия в^а сердца своем, и отечески соблюдалше его, и на предняя воздвизаше, и ко всякому делу и разуму благочестно и удобно возводя, и искуснейша сего показуя всему иноческому житию.

Пребываше же убо блаженный Инокентий в ските, и по его уставу всяку службу творя, и сицевыми труды и подвиги все (Л. 210) дневствуя, к Богу молитвою^е беседоваше. Нощию же паче порученному делу касашеся и сна мало принимаше, усерднейше же священная пения сотворя^ж,^з и по преданию отца своего^з. О сих же паче возлюби его преподобный Нил и зело услаждашеся житием его телесных бо ради деланий и о духовных рачении. И пребысть ту (Л. 210 об.) в ските лета доволная.

Блаженному же отцу Нилу ко Господу отшедшу, по преставлении же святого своего старца тогда прииде ему во ум от Бога любовь и рачение, еже бы где обрести место на созидание обители. И оставляет скит, и обходит убо округ места пустынная. И Богом вразумляем и наста (Л. 211) вляем, прииде в вологодския^и пределы, в край^к Комельския веси, и обрете себе место безмолвно на речке, нарицаемая Еда. И ту жилище себе водружает, и труды многи^л подемлет, и болезни к болезнем прилагает, и поты проливает.

И собращася к нему братии немало числом. Тогда же святой понужден бысть ими^м на (Л. 211 об.) игуменство и повинуюся им. Восприемлет игуменство и бысть им^н наставник, и учитель, и вождь ко спасению, и печашеся о них, яко отец чадолюбивый, и не точию словом учаше^н я, но и делом большее наказуяше тех. И не яко старейшина показовашеся братии, но последи всех творяшеся. И в сицевых (Л. 212) убо пребывая подвизах же и исправлениях. И во своей обители блаженный Инокентий написа завещание и предание отца своего господина и учителя святого старца Нила, яже вчинено в книге его своею рукою. И то повеле хранити и блюсти твердо братиям своим: «Аще кому благоволит Бог жити в нашей пустыни, прежде всего (Л. 212 об.) молю вас, господие отцы и братия, блюдите заповеди Божия и чин весь монастырский по преданию отеческому и творите со всяким утверждением.

^а Постом же С. ^б Нем С. ^в Неболшая С. ^г Пребывании и прилежании С. ^{а-л} На С. ^е Молитвою С. ^ж Сотворяя С. ^{з-з} Фразы «И по преданию отца своего» нет С. ^и Вологодския С. ^к Скрай С. ^л Слово написано над строкой другими чернилами. ^{м-м} Фразы: На игуменство и повинуюся им. Восприемлет игуменство и бысть им нет С. ^н Учашея С.

А в церкви Божии на молитве пения и чтения божественного со страхом стойте и со всяким вниманием послушайте. А на трапезе пищу и питье не мятежно имейте». И повеле (Л. 213) им любить друг друга и ближнего своего духовною любовью, якоже и сам себе.

И по некоем времени святой Иннокентий и з братиею своею проразсуждением воздвиже церковь святого великого пророка и Предотечи Крестителя Господня Иоанна, третье обретение честныя главы, еже есть мая в 25 день. Сей убо великий Иоанн (Л. 213 об.) наставник есть иноком и пустынножителем. И тако поживе во обители своей во иночестве лета доволна. И многа писания во обители своей списа сам и предаде братии: и когда исходити из монастыря потреб ради своих во благословено время, и о рукоделании и пианственного пития отнюдь не повеле во (Л. 214) своей обители держати, и юных отрочат не повеле на послужение приимати, и без брады не постригати, а женску полу всячески в нашу пустыню отнюдь не входити, и иже безсловесных женскаго роду к нам не входити же.

И тако поживе и управи житие свое по Бозе. И преставися в вечный покой в лето 6909-го [1401] месяца (Л. 214 об.) марта в 19 день, на память святых мученик Хрисанфа и Дарии. Братия же, взявше честное, и трудолюбное, и многострадалное тело любезнаго своего отца, и учителя, и наставника ко спасению, со псалмы, и песнями, и пении надгробными погребоша честно по его завещанию, идеже бе сам повеле ся погresti — во углу монастыря близ ржавца, (Л. 215) и на могилу его камень положиша, и на нем подписаха лета, и месяц, и день преставления его. Такоже и образ подобия его написаша, каков бе преподобный.

Много писания о святом бысть. И бысть за умножение же грех ради наших, Богу тако изволившу и наказующу нас ово гладом, ино пожаром, и мором, ино же междоусобными (Л. 215 об.) бранями и нахождением иноплемненных, бысть в лето 146-го году нашествие поганых татар, казанских людей на Русскую землю. И тогда обитель преподобнаго отца нашего Иннокентия чудотворца погании татарове разориша, церковь великаго Иоанна Предотеча и все строение монастырское со всем огню предаша и тро (Л. 216) их старцов мечю предаша. Тогда же и писание о святом житие его тамо же згоре. Свидетельствует же о сем и в житии преподобнаго отца нашего Павла Обнорскаго чудотворца. А ини братия нецыи из его обители изыдоша, аможе восхотеша, и то же писание с собою снесоша. И тако писания не оста (Л. 216 об.) ся о нем. Мы же сие вкратце написахом.

Тропарь преподобному Иннокентию, глас 4. От юности своя вьсь Богови поработился еси, блаженне. И Того ради любве отечество народ оставил еси, и в пустыню вселився, и в ней жестокое житие показав, чудес дарования от Господа приял еси. Иннокентие преподобне, моли Христа (Л. 217) Бога спастися душам нашим.

Кондак, глас 8 подобен: Взбранной. Отчества преподобне удалився и вселився в пустыню, идеже жестокое житие показал еси, и многих житием удивив. Отнюду же дарование чудесем от Христа приял еси. Поминай нас, чтущих память твою, да зовем ти: Ра (Л. 217 об.) дуйся, Иннокентие, отче наш.

**Документы по истории
Иннокентиева Комельского монастыря
XVII–XVIII вв.**

№ 1¹

**1621 г. февраля 3 — Сотная грамота Иннокентиеву Комельскому
монастырю на деревню, бывший починок, Раменье с деревнями**

(Л. 1) **Лета** 7129-го февраля в 3 день по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всея Руси указу дана сотная грамота с вологодских книг писма и меры Федора Ивановича Измаилова да подьячих Якова Обросимова да Михаила Бухарова Никентьева монастыря игумену Генладию з братею, и вперед хто по нем игумен и братья будут. И им по государеву жалованью по сеи сотной грамоте владети и ведати монастырь, и села, и селца, и деревни, и починки, и селища, и заимища, и пустоши, и пожни, и леса, и рыбные ловли, и всякое угодье, что в сеи сотной писано.

В Комельской волости монастырь Никентьева пустыня на речке на Еде. А на монастыре церковь Преображение Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. А другой храм Третье обретение честные главы Иванны Предтечи. Оба древяны, клетски. А в церквах образы, и книги, и ризы, и на колокольнице колокола и всякое церковное строение преподобного отца Никентья². Да на монастыре ж четыре кельи, а в них живут игумен Генадей з братею. Да у монастыря двор скотцкой, а в нем живут детеньши. Пашни паханые монастырские наездом худые земли десять чети, да перелогом пятьдесят семь чети, да лесом поросло пятьдесят чети в поле, а в дву по тому ж. Сена около поль и по речке по Еде тритцать копен. Лесу непашенного две десятины.

Тои же Никентьевы пустыни погост на речке на Еде. А на погосте церковь Никола Чюдотворец, древян, клетски. А в церкви образы, и книги, и ризы. И на колокольне колокола строенье мирское приходных людей тое же монастырские вотчины. А на погосте ж во дворе поп Ондрей, во дворе дьячок Ивашко да келья, а в ней живут нищие, питаютца от церкви Божии. Церковные пашни паханые худые девятнатцать чети с осминою в поле, а в дву по тому ж. Сена около поль тринацат копен, лесу нет.

Того ж монастыря в вотчине деревни. Деревня, что был починок Раме-
нье на речке на Еде, а в ней во дворе служебник Левка Сидоров, во дворе вдова
бобылица Варица Иевлевская жена Петрова. Пашни паханые наездом худые
земли пять чети, да перелогом пятнадцать чети, да лесом поросло дватцать
чети в поле, а в дву по тому ж. Сена около поль и по речке дватцать копен.
Лесу непашенного две десятины.

Деревня, что был починок Дворцы на речке на Корне, а в ней крестьян.
Во дворе Безсонко Яковлев, во дворе бобылица Матренка приходка, двор
пуст Сидорко Михайлова, убили литовские люди во 125 году. Пашни паха-
ные худые земли полосмины, да перелогом тритцать две чети с осминою, да
лесом поросло тритцать пять чети без полуосмины в поле, а в дву по тому ж.
Сена около поль и по речке по Еде пятьдесят копен. Лесу непашенного три
десятины.

Деревня Дворица на суходоле, а в ней крестьян. Во дворе Богдашко Га-
расимов, во дворе Демка Иванов, во дворе Онашка Григорьев, во дворе Васка
Федоров, во дворе Тренка Семенов, во дворе Первушка Парфеньев, во дворе
Овдосимко Васильев, во дворе Марко Яковлев, во дворе Офонка Корнилов,
во дворе дьячок церковной Савка Онтипов. Пашни паханые худые земли две
чети с полуосминою, да перелогом пятьдесят семь чети, да лесом поросло чет-
верть с полуосминою в поле, а в дву по тому ж. Сена около поль пятнадцать
копен. Лесу нет.

Деревня Оксеново на речке на Оксенке, а в ней крестьян. Во дворе Ко-
поско Елистратьев, во дворе Гришка Сергеев, двор пуст Потапка портного
мастера, умер во 126 году, место дворовое запустело изстари. Пашни паха-
ные худые земли осмина, да перелогом девятнадцать чети с осминою, да ле-
сом поросло дватцать две чети в поле, а в дву по тому ж. Сена около поль
и по речке по Оксенке дватцать копен. Лесу нет.

Деревня Лытавино на речке на Едласе, а в ней крестьян. Во дворе Гришка
Михайлов, во дворе Богдашко Тимофеев, во дворе Яшка Яковлев, во дворе
Патрекейко Кузмин, во дворе Первушка Иванов, двор пуст Климка Ермоли-
на да Тимошка Евсевьева, (Л. 2) взяты в договорном деле. Пашни паханые
худые земли четверть с полуосминою, да перелогом сорок шесть чети, да ле-
сом поросло тритцать чети без полуосмины в поле, а в дву по тому ж. Сена
около поль и по речке дватцать копен.

Деревня Притчино на речке на Едласе, а в ней крестьян. Во дворе Мар-
тышко Осипов, во дворе Ондрюшка Гарасимов, во дворе Баженко Нефедьев,
во дворе Ивашка Осипов, во дворе Малашка Федоров, во дворе Трефинко
Микитин, во дворе Митька Фомин, во дворе Крилко Федоров, во дворе
вдова бобылица Натальица Ермолина жена. Пашни паханые худые земли
две чети, да перелогом тритцать восемь чети, да лесом поросло тритцать
чети в поле, а в дву по тому ж. Сена около поль и по речке дватцать копен.
Лесу нет.

Деревня Неклюдово на речке на Едласе, а в ней крестьян. Во дворе Ко-
вырзайко Иванов³, во дворе Хотенко Овдокимов, во дворе Нежданко Иванов,
во дворе Васка Федоров, во дворе Фомка Овдокимов, во дворе Кирилко

Иванов, двор пуст Ондрюшки Иванова, взят договорном деле. Пашни паханые худые земли четь с осминой, да перелогом девяноста девять чети, да лесом поросло девятнадцать чети с осминою в поле, а в дву по тому ж. Сена около поль и по речке семдесят копен. Лесу нет.

Деревня Климово на речке на Еде, а в ней крестьян. Во дворе Левка Давыдов, во дворе Левка Семенов, во дворе Богдашко Михайлов, во дворе Костя Лукин, во дворе Филька Фомин, во дворе Сенька Иванов, двор пуст Иванка Данилова, а он сидит договорном деле в тюрьме. Пашни паханые худые земли четверть с осминою, да перелогом тритцать девять чети, да лесом поросло дватцать девят чети с осминою в поле, а в дву по тому ж. Сена около поль и по речке по Еде дватцать шесть копен. Лесу нет.

Деревня Паршин починок на речке на Еде, а в ней крестьян. Во дворе Несмеянко Мокеев, во дворе Митька Семенов, во дворе Офонька Ларионов, во дворе бобыль Ивашко Игнатъев. Пашни паханые худые земли четверть без полуосмины, да перелогом сорок две чети с третником, да лесом поросло девятнадцать чети с полусминою в поле, а в дву по тому ж. Сена около поль и по речке по Еде тритцать пять копен. Лесу нет.

Деревня Починок Клыгин на речке на Еде, а в ней крестьян. Во дворе Баженко Иванов, во дворе бобыль Еремка Иванов. Пашни паханые худые земли полосмины, да перелогом одиннадцать чети без полусмины, да лесом поросло пять чети в поле, а в дву по тому ж. Сена около поль и по речке по Еде одиннадцать копен. Лесу нет.

Починок Опенин на речке на Еде пуст, а в нем двор пуст Ивашки Вершинина. Пашни перелогом худые земли семь чети, да лесом поросло пять чети с осминою в поле, а в дву по тому ж. Сена около поль и по речке по Еде девять копен. Лесу нет.

Деревня Ржище на речке на Еде, а в ней крестьян. Во дворе Будилко Тимофеев, во дворе Ортюшка Будилов, во дворе Федотко Оксентъев, во дворе Фефилко Иванов, во дворе бобыль Тренка Фомин, двор пуст Орепки Иванова, убили казаки во 123 году. Пашни паханые худые земли четверть, да перелогом тритцать девять чети с осминою, да лесом поросло дватцат семь чети с осминою в поле, а в дву по тому ж. Сена около поль и по речке по Еде пятнатцать копен. Лесу нет.

Деревня Меленка на речке на Еде, а в ней крестьян. Во дворе Янка Яковлев, во дворе Мишка Яковлев, во дворе Останка Кузмин, во дворе бобыль Сенька Онисимов, во дворе монастырской слушка Богдашко Офонасьив. Пашни паханые худые земли четверть без полуосмины, да перелогом сорок одна четь с полуосминою, да лесом поросло дватцать три чети в поле, а в дву по тому ж. Сена около поль десять копен. Да тою же деревнею на речке на Еде мельница монастырская, а в ней колесо немецкое, а мелет на монастырской обиход. Да у мельницы двор монастырской, а в нем живет мельник Исачко Кузмин.

Пустошь Огарково на речке на Оксенке, а в ней пять мест дворовых. Пашни перелогом худые земли дватцать пять чети, да лесом поросло десять чети в поле, а в дву по тому ж. Сена пятнадцать копен. Лесу нет.

Пустошь, что была деревня Дворцы на речке на Корне, а в ней три места дворовых. Пашни^а паханые худые земли наездом две чети, да перелогом двадцать четыре чети, да лесом поросло десять чети в поле, а в дву по тому ж. Сена по речке по Корне двадцать пять копен.

Пустошь Чевакино, а в ней место дворовое. Пашни перелогом средние земли четыре чети, да лесом поросло две чети в поле, а в дву по тому ж. Сена десять копен. Лесу пашенного полдесятины.

Пустошь Вещее, а в ней место дворовое. Пашни перелогом средние земли четыре чети, да лесом поросло две чети в поле, а в дву потому ж. Сена семь копен. Лесу непашенного полторы десятины.

Пустошь Федяково, а в ней два места дворовых. Пашни перелогом средние земли восемь чети, да лесом поросло четыре чети в поле, а в дву по тому ж. Сена двенадцать копен, лесу непашенного полторы десятины.

Пустошь Выборово, а в ней место дворовое. Пашни перелогом средние (Л. 3) земли две чети, да лесом поросло четверть с осминою в поле, а в дву по тому ж. Сена восемь копен, лесу непашенного десятина.

Пустошь Ефаново, а в ней два места дворовых. Пашни перелогом средние земли десять чети, да лесом поросло пять чети в поле, а в дву по тому ж. Сена двенадцать копен. Лесу непашенного полторы десятины.

Пустошь Козулино, а в ней место дворовое. Пашни перелогом средние земли семь чети, да лесом поросло три чети в поле, а в дву по тому ж. Сена семь копен, лесу непашенного десятина.

Пустошь Волково, а в ней место дворовое. Пашни перелогом средние земли две чети, да лесом поросло четверть в поле, а в дву по тому ж. Сена восемь копен. Лесу непашенного полдесятины.

Пустошь Высокое, а в ней место дворовое. Пашни перелогом средние земли две чети, да лесом поросло четверть в поле, а в дву по тому ж. Сена десять копен. Лесу непашенного десятина.

Пустошь Берсенево, а в ней место дворовое. Пашни перелогом средние земли четверть, да лесом поросло две чети в поле, а в дву по тому ж. Сена десять копен, лесу непашенного полторы десятины.

Пустошь Бояринцово, а в ней место дворовое. Пашни паханые перелогом средние земли четыре чети, да лесом поросло две чети в поле, а в дву по тому ж. Сена восемь копен, лесу непашенного десятина.

Пустошь Терниево, а в ней место дворовое. Пашни перелогом средние земли две чети, да лесом поросло четверть в поле, а в дву по тому ж. Сена семь копен. Лесу непашенного десятина.

Пустошь Мартьянцово, а в ней место дворовое. Пашни перелогом средние земли две чети, да лесом поросло четверть в поле, а в дву по тому ж. Сена восемь копен. Лесу непашенного полдесятины.

Пустошь Заречное, а в ней место дворовое. Пашни перелогом средние земли две чети, да лесом поросло четверть в поле, а в дву по тому ж. Сена десять копен. Лесу болота полдесятины.

^а Слово написано над строкой.

ПУБЛИКАЦИИ

Пустошь Горшково, а в ней место дворовое. Пашни перелогом средние земли четверть с полуосминой, да лесом поросло четверть без полуосмины в поле, а в дву по тому ж. Сена пять копен, лесу непашенного десятина.

Пустошь Гари, а в ней место дворовое. Пашни перелогом средние земли три чети с осминою, да лесом поросло четверть с осминою в поле, а в дву по тому ж. Сена восемь копен, лесу непашенного полдесятины.

Пустошь Арсеньево, а в ней место дворовое. Пашни перелогом средние земли две чети, да лесом поросло четверть в поле, а в дву по тому ж. Сена семь копен. Лесу непашенного десятина.

Пустошь Костоусово, а в ней место дворовое. Пашни перелогом средние земли две чети, да лесом поросло четверть в поле, а в дву по тому ж. Сена семь копен. Лесу непашенного десятина.

Пустошь Елошино на речке на Еде, а в ней пять мест дворовых. Пашни перелогом худые земли четырнатцать чети, да лесом поросло десять чети в поле, а в дву по тому ж. Сена двенатцать копен. Лесу нет.

Пустошь Гольшево на суходоле, а в ней два места дворовых. Пашни перелогом худые земли тринацать чети, да лесом поросло восемь чети в поле, а в дву по тому ж. Сена дватцать копен, лесу нет.

Пустошь Суворково, а в ней три места дворовых. Пашни перелогом худые земли двенатцать чети, да лесом поросло девять чети в поле, а в дву по тому ж. Сена четырнатцать копен. Лесу нет.

И всего Иноктьевы пустыни в вотчине погост, двенатцать деревень, починок пуст, дватцать две пустоши, а у церкви три двора церковных, келья нищих. Пашни церковные худые земли девятнатцать чети с осминою в поле, а в дву по тому ж. Сена тринацать копен. Лесу непашенного десятина. У монастыря ж в деревнях и на пустошах двор скотцкой, два двора служних, сорок восемь дворов крестьянских, а людей в них то ж. Семь дворов бобыльских, а людей в них то ж. Семь дворов пустых, тритцать восемь мест дворовых. Пашни паханые наездом семнатцать чети, да крестьянские пашни паханые двенатцать чети, да перелогом средние земли пятьдесят девять чети без полуосмины, да худые земли шестьсот тритцать две чети без полутретника, да лесом поросло средние земли тритцать одна четь без полуосмины, да худые земли триста восемьдесят четыре чети. И всего пашни паханые крестьянские, и наездом, и перелогом, и лесом поросло средние и худые земли тысяча сто тритцать четыре чети с осминою без полутретника в поле, а в дву по тому ж. Сена пятсот сорок шесть копен. Лесу непашенного дватцать четыре десятины с полдесятиной. А платити им з живущего з двунатцати чети, а в пусе сошного писма полторы сохи без полполчети. И не дошло в сошное писмо четвертные пашни тринацать чети.

К сей сотной писец Федор Иванович Измаилов печать свою приложил^а.

^а Внизу столбца черная восковая печать.

№ 2⁴

1701 г. октября 23 — Опись имущества Иннокентиева Комельского монастыря

(Л. 30) Книги переписные Вологодского уезду Комельской волости Иннокентьевы пустыни переписи стольника Василья Ивановича Кошелева 1701-го году. 1701-го октября в 23 день подал книги Вологодского архиерея подьячей Яков Варобьев^а.

(Л. 31) ^б1701-го октября в 23 день принять книги и выписа[ть]^б.

1701 сентября в 25 день по указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всея Великие, и Малые, и Белые Росии самодержца, и по наказу из Монастырского приказу за приписью дьяка Герасима Патапиева стольник Василей Иванович Кошелев приехав Вологодского уезду Комельской волости в Иннокентьеву пустыню и в ней церкви Божии, и в церквах святые иконы, и книги, и ризы, и священные сосуды, и всякую церковную утварь, и в монастырской казне великих государей жаловальные^в грамоты, и всякие крепости, и казенную монастырскую всякую рухлядь, и из-за печати, и всякие того монастыря заводы по переписной книге, каковы подали за руками тое пустыни игумен Акила, казначей монах Боголеп с братьею, пересмотря все налицо, переписывал, а что по осмотру явилось, и то писано в сей книге ниже сего.

В Вологодском уезде в Комельской волости Всемилоствиваго Спаса Иннокентьева пустынь на реке на Еде. (Л. 31 об.) А в ней церковь теплая с трапезою и с келорскою во имя Преображения Господня. А в церкви: царские двери, и сень, и столпцы писаны на красках, а на них писаны апостолская деяния. Местные образы. По правую сторону царских дверей образ Преображения Господня писан на золоте, в киоте. На Спасителейых лицах четыре венца серебряных, два з гривнами. А в прежней переписной книге тех венцов не написано, и того монастыря игумен Акила сказал: зделаны те венцы вновь келейными денгами после смерти монаха Кирилла, что в мире был Козьма Галкин. Да в привесе ево два^г креста: крест серебряной складной золочен с мощми святых, другой каменной, обложен серебром. Перед образом лампада веслая, белого железа. Образ Всемилоствиваго Спаса. На нем по сторонь (Л. 32) Спасова образа написаны образ Пресвятые Богородицы да Иоанна Предтечи, Михаила, Гаврила архангелов, образ триех святителей Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златаустаго писан на краске. Да на южных дверех образ святого мученика Христофора писан на краске. Над дверьми Спасов образ деисусной. По правую сторону царских дверей образ местной Пресвятые Богородицы Одигитрия писан на краске. Перед образом лампада белого железа. Образ Благовещения Пресвятые Богородицы писан

^а Внизу страницы помета: Иннокентиева.

^{б б} Помета в верхней части листа.

^в В рукописи слово написано дважды.

^г Слово написано над строкой.

на краске. Над северными дверьми образ Знамения Пресвятыя Богородицы. На северных дверях писан благоразумный разбойник. По левую сторону северных дверей образ преподобного чудотворца Иннокентия писан на золоте. Над царскими дверьми в тябле деисус: образ Всемилоствиваго Спаса, по обе стороны Спасового образа писаны святые, в деисусе девятнадцать (Л. 32 об.) образов писаны на краске. Пред Спасовым образом паликадило медное, меньшее, о четырех ручках.

В олгаре. За престолом крест большей выносной на золоте. Образ Пресвятыя Богородицы писан на краске. На престоле одежда крашенинная, спреди выбоика. Евангелие на престольное печатное, в десть, подержано, Распятие и евангелисты медные. Крест осеняльной деревянной резной. На престоле покров крашенинный. В олгаре ж над царскими дверьми образ Воскресение Христова. У церковных дверей завеса крашенинная. Над жертвенником образ Рождества Христова. Жертвенник покрыт крашениной, на нем служебные сосуды оловянные, покровы и воздух тафтяные, жаркие, обложены тафтою белою, ветхи. (Л. 33) Два кадила медные полуженые. Чаша водосвятная медная полуженая да чашка медная полуженая. Укропник^а. Четыре шандана медныя, во всем весу четырнатцать фунтов. Шесть ковшей оловянные, весу два фунта. Да четыре подсвешника на водосвящение, деревянные, точеные.

У церковных дверей замок нутряной, другой веслой. В олгаре и в церкви в больших окнах три окончины слудяные. В трапезе над церковными дверьми деисус, а в нем образ Отечества, по обе стороны писаны святые на одной цке. По обе ж стороны деисуса писаны два ангела, стоящие на больших цках. По обе стороны церковных дверей по деисусу в киотах, а по обе стороны Спасовых образов писаны святые числом. И с ними шеснатцать икон. На правой стороне пред Спасовым образом паликадилцо железное маленькое. Да в трапезе ж над игуменским местом по обе стороны по деисусу в киотах на однее цках. (Л. 33 об.) В трапезе ж на правой стороне келарских дверей Спасов образ деисусной. В трапезе ж и в келарской в трех больших окнах окончины слудяные ветхи. В паперти у трапезы и у келарской по деисусу в киотах, по обе стороны Спасового образа, что у трапезы писаны, святые на однее цках. Паперть против трапезы и келарской рубляная, брусяная, с перерубом. Над всходами два шатра. А под церковью, и под трапезой, и под келарской житья холодные.

На монастыре ж церковь холодная деревянная во имя третьяго обретеня чесные главы Иоанна Предтечи, клетчатая. А в ней двери царские, сень и столпцы писаны на краске. На дверях писаны апостольские деяния, по правую сторону царских дверей — образ местной Преображения Господня на золоте, пелена (Л. 34) бархат черной, ветха, обложена крашениной зеленой, подложено крашениной же. Образ Иоанна Предтеча в жит[и]е местной, писан на золоте, окладу одна гривна серебряная, пелена выбоика пестрая,

^а Слово написано над строкой.

И. Н. ШАМИНА. ПРЕПОДОБНЫЙ ИННОКЕНТИЙ КОМЕЛЬСКИЙ И ОСНОВАННЫЙ ИМ МОНАСТЫРЬ

кисти шелковые и нитяные, подложено крашениной же. Образ Живоначальные Троицы местной, пелена зеленая, обложена крашениной. Образ Николая Чудотворца в житие на вохре, у него пелена крашеная, зеленая, обложена крашениной же лазоревой, подложено холстом. Да меж царскими дверьми и северными образ Пресвятые Богородицы Одигитрия стоящи, писан на краске, пелена пестрая, обложена крашениной. По другую сторону северных дверей — местной образ Пресвятые Богородицы Одегитрия на золоте, у него пелена крашенинная травчатая, кирпичной цвет, обложена выбойкой, подложено крашениной лазоревой. (Л. 34 об.) Да в церкви ж в тѣбле над царскими дверьми в деисусе Спасов образ. По обе стороны Спасова образа писаны святые, а над деисусом писаны в другом тѣбле и в третьем дванадцатные праздники, а пророки и праотцы писаны на одних цках. И всего икон в тѣблах восьмьдесят две иконы на красках. Да пред Спасовым образом в тѣбле паликадило медное меньшее, о шти ручках. У игуменского места херугвии. На нем писан образ Преображения Господня, а по другую сторону писано Третье обретение честныя главы Иоанна Предтечи на краске, выносной. Да на другой стороне на левом крилосе херугов же. На нем писан Спасов образ, на другой стороне писан образ Богоявления Господня на краске, выносной. Да пять икон разных святых штилистовых писаны, а те иконы в киоте, киот травчатой со облаком на золоте. (Л. 35) Образ Или пророка на огненной колеснице.

В олгаре на престоле Еуангелие старыя, подето бархатом цветным, а Распятие, и еуангелисты, и застешки, и жучки серебряные резные. Да крест осеняльной, обложен серебром чеканным золоченым. Распятие и по сторонам Богородичен образ, образ Иоанна Богослова. Херувим и серафим серебряные, литые, не золоченые, строение Романа Козьмина сына Малышева. Престол подет крашенинной, спреди выбойкой. Жертвенник подет крашениною, а на жертвеннике сосуды оловянные, покровцы тафтяные. Да праздников Господских, и Богородичных, и разных святых двенадцать икон осмилистовых, писаны на золоте и на красках. Фонарь выносной, слудяной, четверугольной. В окнах четыре окончины больших.

Налой книгохранительной, а в нем книг печатных в десть: Псалтирь со воследованием, расплетена на трое; (Л. 35 об.) Шестоднев, полууставе; две Треоди: постная да цветная; Потребник иноческой; четверть года Пролога; Апостол; Минея общая; Службник новой да «Меч духовный» да две книги Пролога, десять месяцев, новые; Псалтирь со воследованием, новая; Потребник новой; два Октаи; Еуангелие толковое воскресное; «Обед духовный»; Устав да Минея общая з дванадцатыми праздниками, новые; Псалтирь со воследованием, новая; Ефрем Сирин; дванадцать Минеи месячных, новоисправные; Пролог с марта по сентябрь, даяние Пролог боярина князя Михаила Яковлевича Черкаского подмосковной ево вотчины села Останкова священника Доментиана Архипова; да письменная книга Ефрем Сирин. В полдесть печатные книги: Псалтырь; Иоанна Златоустаго «О священстве»; Филистим новая, полууставъ; сенодик родительской; две тетрати о молебном пении; Ефрем Сирин; Ермологий певчая, новая, в знамени

и в помете^а; (Л. 36) Иоанна Златаустага «О священстве», новая; Ермологий новой; Служебник новой. Письмянных: Еуангелие толковое; Апостол; десять Миней месячных; Трефолой с каноны; Измарахт; Симеон Новый Богослов да Петр Дамаскин; Соборник, полууставье скорописное; синодик родительской; тетрадь Николаево житие. Те вышеписанные книги все ветхи. В четверть: три Часословца печатные, Ермологии певчеи письменной.

В сундуке риз. Ризы камчатые, по ним травы золотные, оплечье объеренное, травчатое, травы золотные и серебряные, подолник отлас цветной, даяние Ивана Степанова сына Шапкина. Ризы отласные желтые, оплечье бархатное золотное, даяние Патриарша розряду (Л. 36 об.) подьячего Юрья Михайлова сына Подгорского. Ризы камчатые черчатые, оплечье бархатное золотное, подложены крашениной, опушены камкою желтою, даяние столника Ивана Афонасьева сына Нарбекова. Ризы камчатые черчатые, оплечье бархатное золотное, опушены дорогами желтыми, подложены крашениной, даяние с Москвы николаевского попа Доментиана Архипова из Кошелев. Ризы камчатые черчатые, оплечье по черному бархату шито золотом и серебром, подолник отлас полосатой, подложены киндяком зеленым. Ризы дорогильные двоеличные, оплечье отлас травчатой лазоревый, опушен тафтою зеленою, подложены крашениною красной, даяние с Москвы николаевского попа, что из Кошелев. Ризы полотняные, оплечье выбойчатое, подложены и опушены крашениной. (Л. 37) Стихарь китайского полотна. Стихарь отласной двоеличной китайской, даяние архиерейского стряпчего Филипа Караулова. Стихарь полотняной белой, оплечье выбойчатое. Три стихаря крашенинные. Епитрахиль отлас двоеличной, опушка отлас зеленой, на ней шестнадцать пугвиц серебряных золоченых. Епитрахиль камка белая, обложена камкой же красной, у ней тринадцать пугвиц серебряных. Да в ризнице Евангелие напрестольное под зеленым бархатом, евангелисты серебряные, да три покровы тафтяные жаркой цвет, обложен миткалями шьтыми, даяние боярони княгини Елены Борисовны да дочери ею же боярони ж княгини Марьи Федоровны Хворостининых.

В монастыре ж над чудотворцовою гробницею часовня с подволокою и с папертью, а в ней гробница преподобнаго Инокентия чудотворца. Над гробницей образ преподобнаго Инокентия писан на золоте. Венец, и гривна, и по полям оклад золочен, серебряное. (Л. 37 об.) А в прежней переписной книге того венца, и гривны, и окладу не писано. И по сказке того монастыря игумена Акилы венец и оклад зделаны вновь на деньги, которые дал Лежского Волоку архиерейской крестьянин деревни Шешукова Андрюшка Денисов в поминовение по душе отца своего пять рублей. На гробнице покров бархатной черной, обложен тафтою двоеличною. Покров же камчатой лазоревой. Крест серебряного кованого кружива польского, даяние боярони княгини Елены Борисовны Хворостининой. Пред чудотворцовою гробницей свеча поставная восковая, небольшая, писана красками, насвешник железа белова. Образ Николая Чюдотворца обложен серебром чеканным золоченым,

^а Слог «те» написан под строкой.

венеч серебряной, резной, не золочен. На той же цке образ Всемилоствиваго Спаса да образ Пресвятыя Богородицы. У них венеч и цата чеканные серебряные золочены, даяние портного мастера села Грязивиц Сергушки Дорофеева. Образ Живоначальной Троицы писан на золоте, венцы и цата серебряны, резные. У часовни в паперти образ местной Второго и Страшнаго Христова Пришествия. Писан на краске, ветх.

(Л. 38) На монастыре ж колокольня рубленая о шти стенах. На ней три колокола, вес их писан в книгах столника Василья Плохово. Часы железные боевые. Перед казенной кельей в сенях образ Спасов писан на краске.

Против той казенной кельи анбар, а в нем монастырская всякая казенная рухлядь да подголовок, а в нем денег два рубли. В подголовке ж великих государей жалованные грамоты и всякие крепости. Великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича всея России жалованная грамота на деревню-починок Раменье з деревнями за красною веслою печатью, писано во 134 году сентября в 29 день за приписью дьяка Прокофья Пахирева. Великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, всея Великия, и Малыя, и Белья Росии самодержцев, грамота ис Коношенного приказу к стольнику воеводе (Л. 38 об) к Алексею Чаплину да к дьяку Прохору Чередееву с прочетом: велено збирать Инокентьева монастыря с вотчинных крестьян конские пошленные деньги в монастырскую казну; писано 198-го году февраля в 15 день за приписью дьяка Василия Кашкина, справа подьячего Богдана Секованова. Великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, всея Великия, и Малыя, и Белья Росии самодержцев, грамота на отмежную землю с сокольи помытчики⁵ с прочетом; писана 7201-го году октября в 20 день из приказа Большаго Дворца за приписью дьяка Никиты Пояркова, справа подьячего Григорья Акишева. Великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича и великие государыни царевны и великой княжны Софии Алексеевны, всея Великия, и Малыя, и Белья Росии самодержцев, грамота^a на Вологду к столнику и воеводе к Якову Дивову да к дьяку Прохору Чередееву с прочетом: с нищенских пятнадцати келей рублевых денег имат не велено; писано 195-го июня в 8 день за приписью дьяка Петра Швартова, справа продьячего Ивана Шарапова. (Л. 39) Великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всея Великия, и Малыя, и Белья Росии самодержца, грамота из Володимерского судного приказу на Вологду к столнику и воеводе князю Никите Мещерскому да к дьяку Прохору Чередееву: с нищенских пятнадцати келей в карабелное строение денег имат не велено; писана 701 февраля в день⁶ за приписью дьяка Пантелея Кондратова, справа подьячего Аксена Васильева. Великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, всея Великия, и Малыя, и Белья Росии самодержцев, грамота к Преосвященному Гавриилу, архиепископу Вологодскому и Белозерскому⁶, с прочетом из приказа

^a Слово написано над строкой.

⁶ В рукописи дата не указана.

Большого Дворца: на поупку конных кормов денег с пятнатцати келей нищецких имать не велено; писано 200-го году декабря в 11 день за приписью дьяка Григория Постникова, справа подьячего Василья Нестерова. Великого государя царя и великого князя Феодора Алексеевича, всея Великия, и Малыя, и Белья Росии самодержца, грамота: велено ямские и полоняничные деньги платить на Москве; писана 185-го марта в 15 день за приписью дьяка Юрья Блудова, справа подьячего Филипа Коверина. (Л. 39 об.) Великого государя царя и великого князя Феодора Алексеевича, всея Великия, и Малыя, и Белья Росии самодержца, грамота: ямские и полоняничные денги велено платить на Москве, а з пятнатцати нищецких келей имать не велено; писана 188-го году майя в 26 день за приписью дьяка Бориса Остолопова, справа подьячего Ивана Вараксина. Грамота блаженныя памяти Преосвященного Маркела, архиепископа Вологодского и Великопермского⁷, с указу великого государя: по чему велено имать с крестьян в монастырь и слугам того монастыря оброку, за архиерейскою красною печатью за приписью дьяка Донила Столбицкого; писано 165-го. Указ Преосвященного Гавриила, архиепископа Вологодского и Белоозерского, против челобитья игумена Феларета с братьею: велено вотчинным крестьяном всякое монастырское зделье делать со ста дворов сту человеком на своем хлебе; 7201-го, за печатью приказного Ивана Александрова, за приписью дьяка Федора Быкова, справа подьячего Максима Воробьева. Под тем же указом игумена Феларета с братьею да вотчинного их старосты Ивашки Дмитриева, выборных и всех вотчинных крестьян за руками приговорили полюбовно, что им, крестьяном, монастырское зделье делать всем поголовно, а оброку с них, крестьян, в монастырскую казну (Л. 40) со штидесят дворов не имать, а вместо того оброку платить им, крестьяном, в монастырскую казну с выги по двадцати алтын, по четыре овчины, по четыре фунта льну, по четыре фунта шерсти, по осми фунтов масла коровья, по двести яиц, толокна по четверти. Сотная выпись с вологодских книг писма и меры писца Федора Измаилова да подьячих Якова Абросимова да Михаила Бухарова 7159-го году февраля в 7 день на деревню, ^ачто был^а починок Раменской с деревнями; а та выпись за печатью писца Федора Измаилова за приписью подьячих Якова Абросимова, Михаила Бухарова. Сотная выпись писца Семена Коробьина да подьячего Федора Стогова 140-го году февраля в⁶ на монастырь и на монастырскую вотчину — на Николской погост з деревнями; за печатью писца Семена Коробьина, за приписью подьячего Федора Стогова. Писцовая и межевая выпись с вологодских межевых книг Семена Коробьина да подьячего Федора Стогова 136, и 137, и 138-го годов на деревню Дворцы с деревнями за приписью дьяка Семена Струкова, писал подьячей Аника Стеншин; дана та выпись из Помесного приказу Инокентьевой пустыни игумену Афанасью з братьею для вотчинного их владения во 184-м году. (Л. 40 об.) Межевых книг: Афанасья Шарова список за руками на деревню Дворцы з деревнями 137-го году октября 10-го числа. Межевая выпись

^{а а} В рукописи фраза написана над строкой.

⁶ Так в рукописи, дата не указана.

столника Бориса Змеова на землю, что с соколы помытчики; за печатью межевщика Бориса Змеова, за приписью сына ево столника Веденихта Змеова, справа подьячего Алексея Шемякина; дана 200-го году августа в 30 день. Межевая же выпись на тое ж землю межеванья Афонасья Брянчанинова за рукою ево; писано 199-го году июля в день^а. Полюбовная запись с Федотом Федоровым сыном Долваровым о земле деревни Арсенки; писана 179-го году августа в 20 день за руками, и та запись в Поместном приказе записана. Полюбовная межевая записка Павлова монастыря^б со властями, с игуменом Иосифом да с келарем монахом Мисаилом, в земляном деле меж деревнями Горшковым и Рыловым; писана 183-го сентября в день^в за их руками. (Л. 41) Межевая третьейская записка Павлова монастыря с вотчинною землею; писана 189-го июня в 25 день за их руками. Мирровая запись с ыноземцом Володимиром Иовлевым да с вологжанином посацким человеком Яковом Маноиловым в бою, и увечье игумена и слуг, и смертном убийстве слуги; писана 185-го году января в 20 день. Меновная запись Андрея Михайлова сына Скорбеева в половине пустоши Ивашева без жеребья; писана 203-го апреля в 3 день на вологоцкой площади, за рукою Андрея Скорбеева.

Дватцать шесть заемных кабал того ж монастыря на слуг и на вотчинных крестьян прежних властей старинной дачи; по них взяты сорок четыре рубли семь алтын пять денег, и в том числе многие заимщики скудны и ходят в мире. (Л. 41 об.) Да розных поместей на крестьян три кабалы: взять по них пять рублей дватцать шесть алтын четыре денги. Да их же монастырских розных деревень на крестьян семнатцать кабал старинных давных лет: взять по них дватцать рублей осмнадцать алтын четыре денги. И по скаске того монастыря игумена з братьею, тех заимщиков, и жен, и детей в лицах нет, померли и сошли. Семь кабал на розных помещиков и на крестьян, а взять по них хлеба ржы дватцать две четверти, овса девять четвертей с осминою. Да сверх переписной книги явилась кабала того ж монастыря на крестьянина Коземку Борисова деревни Федякова в двадцати четырех (Л. 42) алтынях четырех денгах. И того монастыря казначей монах Боголеп сказал: «За те вышписанные денги, которые в той кабале писаны, дана тому крестьянину монастырская корова». Свяска отписей ис Коношенного приказу в полевных денгах. Книга вкладная со 164 году августа с 1-го числа до 1701 году марта по 31 число.

Да казенной монастырской рухляди: пятнатцать овчин деланных да тринатцать не^в деланных. А в прежней переписной книге тридцать осм овчин деланных. И по скаске казначея монаха Боголепа те^г «двадцать три» овчины издержаны на починку братье и служебником шуб. Два одеяла, а в переписной книге написано одно одеяло. Тридцать пять аршин холстов, а в переписной книге написано сорок четыре аршина. (Л. 42 об.) Сукон овечьих двадцать семь

^а Так в рукописи, дата не указана.

^б Так в рукописи, дата не указана.

^в Написано над строкой.

^г Написано над строкой.

аршин, а в переписной книге написано толко семь аршин. Полотна восемь аршин. Две скатерти сшиты в два полотнища, шеснацать аршин. Четыре подхомутника, а в переписной книге написано один подхомутник. Шесть япанеч ветхи. Две полсти лазоревые. Три белых полсти, серая. Две медведне, ветхи.

Мелнишной снасти: тесник, просек, две напаря да две напаря ж ветхи, напаря средняя, просек, молоток, наковально косное, лом, пила з зупцами, веретено, три насеки, три круга с валов, три долота, два молота, две теселки.

Да пятнатцать фурм белово железа, что салные свечи льют, безмен, гирия медная, пятно конское, две пешни. (Л. 43) Четыры сумки переметные, а в переписной книге написаны двое сумки. Коробья с старинными книгами и писмами. Два пуда шерсти, а в переписной книге написано шерсти пуд двадцать восемь фунтов. Ставцов больших деревяных, шляпа старческая. Три пары пистолей со лстрами^а: у одной пары шккоцкие замки, у дву руские. А то ружье ветхо и к стрельбе не годится.

Медной посуды: горшек, два котла, горшечик без ручки, горшечек с покрывшкою, две сковоротки с лепесками, четыре чаши квасные, четырнатцать ставцов, противень, торель, колокольчик маленькой застольной вместо кандеи весом всего пуд тридцать фунтов, четыре сковороды железные. (Л. 43 об.) Да сверх переписной книги явилось три скатерти ветхи, три япанчи, четверы рукавицы телятины, пятнадцат блюд, два ковшы деревянные. И по скаске казначея та рухлядь покупана после переписных книг. Да по прежней же переписной книги у переписки не явилось дву шуб брацких, полторы телятины, рясы сермяжной, седла с подпругами, полторы кожи дубленые, япанчи ветхие. И того монастыря казначей монах Боголеп сказал: вышписанная-де рухлядь в розных числех роздана братии и служебником, которым дают зажилое из монастырской казны деньги и платье.

(Л. 44) В том монастыре монахов: игумен Акила, родом Костромского уезду дворцового села Горинского попов сын, пострижен Вологодского уезду в Корнильеве монастыре^б. Зажилого ему давано^в на год по пяти рублей да платье. У него ж келейник вкладчик Савка Иванов, престарел, родом Вологодского уезду Лесского Волоку васильевского пономаря сын. На год ему зажилого по десяти алтын да платье. Казначей монах Боголеп, родом того ж монастыря крестьянин деревни Дворищ, пострижен в том же монастыре. У него келейник владчик^г Ивашко Зиновьев, престарел, родом Вологодского ж уезду Лежского Волоку васильевского пономаря сын, зажилого ему по десять алтын да платье. Иеромонах Иосиф, родом Вологодского уезду вотчины Вологодского архиерея Лежского Волоку пятницкого попа^д сын, пострижен в том же монастыре, зажилого ему в год на платье три рубли. Монах Феодосий, родом вотчины Вологодского архиерея, крестьянской сын Лежского Волоку, деревни...^е пострижен в том же монастыре. Монах Варлам,

^а Так в рукописи.

^б Слово написано над строкой.

^в Так в рукописи.

^г Название деревни написано неразборчиво.

родом Вологодского уезду Комельской волости предтеченского попа¹¹ сын, пострижен в том же монастыре. Монах Ермоген, родом того ж монастыря крестьянский сын деревни Чуваксина, пострижен в том же монастыре. (Л. 44 об.) Монах Варлам, родом того ж монастыря крестьянин деревни Огаркова, пострижен в том же монастыре. Монах Евфимий, родом того ж монастыря деревни Дворцов, пострижен в том же монастыре. Монах Сергей, родом Вологодского архиерея крестьянин деревни Старкова, пострижен в том же монастыре. Монах Феоктист, родом того же монастыря крестьянин деревни Федякова, пострижен в том же монастыре. Монах Саватей, родом того ж монастыря крестьянин деревни Дворищ, пострижен в том же монастыре. Монах Никон, родом дому архиерейского сын боярской, пострижен в Спасове Прилуцком монастыре¹². Монах Тихон, родом того ж монастыря крестьянин деревни Бояринова, пострижен в том же монастыре. А тем вышеписанным монахом и казначею давано из монастырской казны на свитки по тринадцати алтын по две денги на год человеку да платя. Монах Иосиф, родом того же монастыря крестьянин деревни Мельницы, пострижен в том же монастыре. Монах Кирил, родом того же монастыря крестьянин (Л. 45) деревни Митрохина, пострижен в том же монастыре. Зажилого им кроме платя не давано, для того что пострижены в нынешнем году.

Слушки монастырские. Дана им монастырская земля вместо жалованья, и живут в деревне Раменье, и пашут хлеб на себя сами. А сеятца у них на человека по две четверти в поле, а в дву по тому ж. Да им же, слушкам, вместо приказного жалованья посылаютца вотчины за всякими монастырскими делами со крестьян. Давано по указу великого государя и по грамоте из приказа Большого Дворца с выти по четверти ржи, овса по тому ж да по гривне денег. Итого им было на год по рублю по четыре гривны, для того что они всякие великого государя службы служат. А ныне-де тем слушкам вместо приказного жалованья дают им хлеба по четверти ржи, овса по тому ж да по четыре гривны человеку. А кто имяны слушки в той деревне на пашне, и то писано ниже сего. А больше того доходу с крестьян из монастыря никакова нет.

Марчко Яковлев сын Лапшин, родом того ж монастыря служен сын; у него детей: сын Васка семи лет, сын Якушко полугода. Федка Никифоров сын Злобин, родом того монастыря служен сын; у него детей: сын Ивашко взят в солдаты, сын Андрюшка пятнадцати лет. (Л. 45 об.) Андрюшка Яковлев¹³ сын Лапшин, родом того ж монастыря служен сын; у него детей: сын Якушко взят в солдаты и сын Васька тринадцати лет. Оска Сидоров сын Сухоешкин, родом того ж монастыря служен сын; у него сын Алешка десяти лет; у него ж, Оски^а, брат Ераска, у него детей: сын Никешка трех лет, сын Коземка полугода; у него ж, Оски, брат Трошка взят в салдаты. Гришка да Алешка Игнатьевы, родом того ж монастыря служни дети; у них братья Ивашко осми лет, Оска дву лет. Вотчинные Бориска Осипов сын Петухов взят в салдаты^б.

^а Имя написано над строкой.

^б Далее в рукописи слово затерто.

А по осмотру они^а: Гришка пятнадцати лет и Алешка десяти лет. Гордюшка Иванов сын Шишин, родом того ж монастыря служен сын; у него детей: сын Федка взят в салдаты, сын Бориско двадцати лет, сын Сенка тринадцати лет. Подьячей Сенка Тимофеев, родом того ж монастыря крестьянской сын деревни Д[в]орищ, зажитого ему из монастырских житниц дают в год по две чети с осминой^б ржи, овса по тому ж, восемь овчин, сапоги. Ему ж дано в служие деревне Раменье, сеет он по две чети в поле, а в дву по тому ж; пашет на себя сам; у него детей: сын Васка семнатцати лет, сын Ивашко тринадцати лет, Ивашка ж четырех лет, Панка году.

Служебники: сапожник Гришка Иванов сын Сурдин, родом того ж монастыря крестьянской сын деревни Мельницы; зажилго ему по тринадцати алтын по две денги на год да платье. (Л. 46) В хлебной службе Андриюшка Кирилов сын Мичюрин, родом того ж монастыря служебников сын деревни Федякова. Повар Стенька Васильев сын Раксин, родом того ж монастыря крестьянской сын деревни Аксенова. Повар Симка Иванов сын Лапин, того ж монастыря крестьянской сын деревни Мелница. Повар Ивашко Яковлев сын Гнида, того ж монастыря крестьянской сын деревни Климова. Портной мастер Андриюшка Сидоров, того ж монастыря крестьянской сын^в деревни Литавина. Живут они, вышеписанные служебники, на конюшенном дворе за лошадьми, и в хлебной и в поваренной службах работают, и для монастырских нужд в посылки ездят, и за работники ходят. Зажилго им на год давали^г по десяти алтын на рубашки человеку да платья, а едят монастырское. Афонка Емельянов, родом того ж монастыря крестьянской сын деревни Дворищ; зажилго ему по осми алтын по две денги на рубахи на год да платье; живет у часовни, что на московской дороге. Часовод Ивашко Ларионов сын Лысой, родом того ж монастыря крестьянской сын деревни Климова; зажилго ему на год по шти алтын по четыре денги да платье; живет за монастырем на конюшенном^д на том же дворе. Служебник Якушка Иванов^е, родом он Корнильева монастыря приписной Коптевой пустыни¹⁴ попов сын; зажилго ему не давано, а давано платье.

(Л. 46 об.) В том же монастыре вкладчики, их же монастырские крестьяне розных деревень престарелые: Гришка Яковлев в хлебне сеет муку, деревни Дворищ; зажилго ему денег нет, а дают платье. А по скаске игумена Акилы, дал он, Гришка, вкладом корову. Оска Михайлов живет в болнице, деревни Горшкова; зажилго ему давано на год по десяти алтын да платье, а в вкладной книге написано: 190-го году дал он вкладу два рубли денег да четверть ржи.

В том же монастыре крылосные дячки-бельцы престарелые: Антонко Яковлев, родом того ж монастыря крестьянской сын деревни Аксенова.

^а Слово написано над строкой.

^б Слово написано над строкой.

^в Слово написано над строкой.

^г Слово написано над строкой.

^д Далее под строкой ошибочно вписано: дворе.

^е Слово написано над строкой.

Родька Иванов, того ж монастыря подьячего сын. А по скаске того монастыря игумена Акилы с братьею были они, дьячки, в том монастыре крылоскими дьячками, для того что в той их пустыне крылошан монахов нет, толко один человек, и тот грамоте мало умеющей. И в церковном пении кроме тех дьячков управитца некем. А зажилого им, дьячкам, давано по двадцати по осми алтын на год. А ели они за трапезою вместе з братею. За трапезою и ныне те дьячки стоят на крылосе до указа великого государя, а жить им велено за монастырем.

(Л. 47) На монастыре строения деревяного: келья игуменская новая с перерубом, казенная да брацких семь келей с сенми и засеньями. Все ветхи. Хлебная да две поварни, одна новая с перерубами. На монастыре ж два котла железных квасоварных: ведр в шездесят, другой ведр в пятьдесят. Пять улей пчел старых и молодых. Под келарскою четыре тчана с капустой, шесть бочек да три тчана с квасом. На монастыре ворота Святые рублены в брус, на них шатер. В воротах образ Всемилоствитого Спаса в деисусе с разными святыми на семи цках писан красками. На другой стороне писано образ Обретение честные главы с разными святыми. Кругом монастыря ограда рубленая, крытая о четыре угла. По углам небольшие башни деревянные^а, мерою кругом двести дватцать одна сажень. Подле Святых ворот в стене зделаны вместо лавок тридцать шалашей, приезжают богомольцы на праздник и харчем торговати.

За монастырем двор конюшенной, а на дворе строения: изба с сенми (Л. 47 об.) да два сенника с чуланы. Кругом сараи, в нем живет служебник Ивашко Федотов сын Шульга, приказана ему всякая конюшенная рухлядь, родом того ж монастыря крестьянской сын деревни Дворищ. Да конюхи: Филка Иванов, родом крестьянской сын того ж монастыря деревни Притчина. Гришка Леонтьев, родом того ж монастыря крестьянской сын деревни Аксенова; Федка Яковлев сын Гнидин, родом того ж монастыря крестьянской сын деревни Климова; Якушко Кондратьев, родом того ж монастыря крестьянской сын деревни Дворищ. Зажилого им давано по десяти алтын на год человеку на рубахи да платье. Да детеньши: Ларка Григорьев, родом того ж монастыря крестьянской сын деревни Дворищ; зажилого ему на год по шти алтын по четыре денги на рубахи да платье. Ивашко Емельянов, родом того ж монастыря крестьянской сын тое ж деревни Дворищ; зажилого ему на рубахи по пяти алтын на год да платье.

Лошадей: На стойле стоит жеребец ворон семи лет, грива направо с метом. Да на дворе ж семь жеребят от работных кобыл годы по три и по четыре. (Л. 48) Двадцать два мерина работных старых и молодых разных шерстей. Пять кобыл по три и по четыре годы. Дватцать одна кобыла работных разных шерстей. Двенатцать жеребчиков да пять кобылок от работных же кобыл. Лонщакон-слетков пятнадцатъ кобылок и жеребчиков. В анбаре конюшенной рухляди: пятнатцать узд ременных, двенатцать седел, в том числе многие ветхи, у них осьмеры волоки, три хомута, шлеи ременные, в том

^а Слово написано над строкой.

числе один с крышкою, тринадцать хомутов работных, двадцать дуг, четверы сани, пять телег двоеколок, топор, два долота, скобель.

Двор коровей, а на нем строения. Две избы с сенниками. Кругом сарай, а в нем живет коровник Ивашко Перфильев, отставной стрелец Тихонова полку Гундентмарка. А по указу великого государя велено ему быть в том монастыре на корму, давано ему с крестьян по нынешнее число (Л. 48 об.) по рублю по осьми гривен, ест он монастырской хлеб. С ним же живут коровьи пастухи: Ивашко Степанов сын Раксин, родом того ж монастыря крестьянский сын деревни Аксесеново^а; Ивашко Федоров сын Лепнин, того ж монастыря крестьянской сын деревни Федюкова. Зажилого им давано по десяти алтын на рубахи и платье, едят хлеб монастырской. Да детеньши: Ларка Федоров, родом того ж монастыря служебников сын; зажилого ему на рубахи по три алтына по две денги да платье. Егорко Иванов, родом того ж монастыря крестьянской сын деревни Притчина; зажилых ему денег нет, дают платье. Ходят они в пастухах за скотиною, едят монастырской хлеб. На том дворе скотины: двадцать девять коров дойных, четырнадцать коров яловых, три быка пороза, пять быков теребов, пять телушек нетелен по два году, семь быков и телушек на другом году, десять бычков и телушек годовых селетков, дватцать теленков, сорок семь овец (Л. 49) старых и молодых, козел, две козы.

За монастырем же и на монастыре семь житниц, а в них, по смете и по скаске игумена Акилы с братьею, в закромах овса старова с триста четвертей да новаго с двести четвертей, обоего с пятьсот четвертей. Новой ржи сто восемьдесят четвертей, солоду ячного немолотого четверти с четыре, муки ржаной пятнадцать четвертей, пшеницы четыре четверти, восемь четвертей муки овсяной, рощи ржаной десять четвертей, солоду ржаново две четверти, ячмени три четверти. Да по скаске ж игумена з братьею, немолоченого овса в поле овинов с восемь, а с овина-де сходило четверти по три. А сеют-де под-монастырных их полях по шти десяти по четыре четверти ржи в поле, да в дву по тому ж их монастырские крестьяне. За монастырем же два гуменника, на них четыре овина. В гуменниках хлеба никакова нет, потому что рожь перемолочена, а овес молотят с поля.

(Л. 49 об.) На речке Еде того ж монастыря мельница, а на ней мельник Бориско Макаров, родом того ж монастыря служебничей сын деревни Меленки; зажилого ему на год по десяти алтын да платье. Два анбара, а в них двои жернова да толчея. Мелет в вешнее время на монастырской обиход небольшое число. За монастырем же караульня, а в ней живет караульщик Тараско Романов, того ж монастыря крестьянской сын деревни Гольшкина; зажилого ему на год по десяти алтын на рубахи да платье.

В той же келие живут их монастырские розных деревень крестьянские дети-сироты. А кормят их из монастыря да из монастырской казны шьют рубашки, для того что отцов и матерей нет. А кто имяны тех сирот, и сколько лет, и с которой деревни, то писано ниже сего. Деревни Бояринцова Сенка Григорьев девяти лет, деревни Лытавина Коземко Селуянов осми лет, деревни

^а Так в рукописи.

Плыгина Ивашко Дементьев десяти лет, (Л. 50) деревни Лытавина Никитка Дмитриев десяти лет, деревни Притчина Ивашко Филатов семи лет, деревни Дворцов Гераско Сидоров четырех лет, деревни Притчина Максимко Иванов пяти лет.

Того монастыря игумен Акила, келарь монах Боголеп з братьею сказали: окладных книг в том монастыре нет, а какие доходы в монастырскую их казну бывают, это они пишут вместо окладных книг в приходные и расходные книги. А оброчных статей за ними нет же, только отдают своим крестьяном пустоши самое малое число, а иной год те пустоши сами косят. А когда отдают, и с них собирают оброчных денег: с пустоши Бердникова по рублю с полтиной, з займища Панфилова по осми алтын по две денги, с пустошей Заречного да с Теряева по тридцати алтын, с Плыгинской заполицы по осми алтын по две денги, с Арсеновской заполицы по двадцати алтын, с Сереткина займища по рублю, с Неклюдовской заполицы по рублю, с займища Конырева и Лисицына по тридцати алтын по две денги. А больше того оброчных статей за ними нет. И сами ни у кого не наймут.

Да на праздник Обретения честных главы Иоанна Предтечи собирают на свечи и на ладан (Л. 50 об.) с шалашей полаточных денег самое малое число, алтын по десять и по четыре гривны, и то писано в приходные книги. За ними ж полевные оброчные пожни на реке на Вологде: пожня на усть реки Кочеватик, да пожня Поточиха и Кривичиха тож во шти на волоках, да пожня Самсоново Чищенье в Долгом плесе. А платят они с тех пожен оброку на Вологде в Конюшенную избу по осми алтын на год. И те пожни отдают они в кортому, а что за них берут, и то писано в приходные книги, а иной год те пожни лежат впусе. А крестьянских и бобыльских за ними в Вологодском уезде в Комелской волости по переписным книгам 186-го году сто двадцать два двора кроме служебников, что писаны в переписных книгах. А что ныне по переписке явитца, и того они не ведают. А оброку с них, крестьян, по указу великого государя и по грамоте, какова прислана блаженныя памяти к Пресвященному Маркелу, архиепископу Вологодскому, во 165-м году збирано по 205-й год со всей вотчины по двенадцати рублев, по осмидесяти овчин, по три пуда шерсти, лну по тому ж, по три пуда масла коровья, по три тысячи яиц, а 205-го году по полюбовному с ними, крестьяны, договору платили они в монастырскую казну против вышписанного вдвое (Л. 51) и то не сполна, для того что многие крестьяне в скудные годы бродили в мире, а иные и ныне многие бродят, и с того году не явились, и взять не на ком. А сколько на которой год платили и что донять, и то писано в приходных книгах. Да с них же, крестьян, по 200 год збиралось в монастырские житницы по вышписанному же великого государя указу по тридцать четвертей толокна, а з 200-го году по нынешней 1701-й год за скудостью не збирано. Да они ж, крестьяне, монастырскую всякую работу работают, пашню пашут, и хлеб сеют и жнут, и сено косят, и дрова и навоз возят, и всякое монастырское зделье делают. А когда живут на работе, их кормят монастырским хлебом. А как пашню пашут, и жнут, и сено косят, и они едят свой хлеб.

Да на речке Еде под деревней Меленкой их же монастырская мельница, два анбара, а в них двои жернова да толчея. И та мельница мелет про монастырской обиход вешнею и осеннею водою и по малое число. А на них, игумену з братьею, довелось взять бескабалного долгу: архиерейского села Стефановского поселскому старцу Иову да Корнильева монастыря крестьяном села Грязлевицы Оске Анфимьеву, Федке Быстрову рубль дватцать пять алтын две денги. А болши того на них, игумене з братьею, долгу кабалного и бескабалного нет. (Л. 51 об.) А им, игумену з братьею, довелось взять того ж монастыря на старосте и на крестьянх, по переводе бывшего вотченного старосты Ивашки Дмитриева, четыре рубли да хлеба, которой даван в прошлых скудных годах самым скудным крестьяном: овса четвертей с триста да ржи четвертей с сорок. Да в нынешнем году на семена самым скудным же крестьяном дано овса триста четвертей, и в том числе многие крестьяне^а бродят в мире.

А на монастырских их вотчинных крестьянх долг есть: в прошлых-де годах они, старосты и крестьяне, в скудные годы заимовали на платеж стрелецкого хлеба у иноземца Ивана Гутмана сто пятьдесят рублей, а давали ему с вершку по сту по пятидесят четвертей овса на год. Они ж на него многие работы работали, и тому долгу на расплату заняли они дому архиерейского у приказного Василья Борисова сто пятьдесят рублей, а писана та кабала в трехстах рублей, а с вершку ничего не платят. И у того иноземца тое кабалу теми денгами тое кабалу^б выкупили. Да у приказного ж Ивана Александрова дватцать пять рублей, у дьяка Федора Быкова по розным кабалам (Л. 52) сто тритцать рублей. И тех-де заемных писали с ними, старостом и со крестьяне, они, игумен з братьею, для веры и платят-де те денги им, старосте со крестьяны.

Да они ж, староста со крестьяны, заняли у дьяка Петра Ташлыкова пять рублей, у подьякона Аверкия Муромцова пять рублей, Вологодского уезду Комельской волости у Алексева крестьянина Хвостова деревни Антропова у Стенки Нефедьева шесть рублей, архиерейской вотчины Лежского Волоку у крестьянина деревни Ежева у Ивашка Козьмина дватцать пять рублей, а кабала писана в пятидесят рублей, тое ж вотчины у крестьянина деревни Угрянского у Ивашка Ермолаева шесть рублей, а кабала писана в семи рублех, Спасова Каменного монастыря¹⁵ у стряпчего Ивана Полева десять рублей, того ж Инокентьева монастыря у бывшего строителя старца Феодота дватцать рублей, а кабала писана в сороке четырех рублех. А денег, и золотых ефимков, и никаких вещей, кроме тех денег, которые запечатаны и писаны выше сего, в том монастыре нет. А на нынешней 1701 год им, игумену з братьею, и слугам, и служебником, никому зажилого и платья не дано.

(Л. 52 об.) А вотчинной их староста того ж монастыря крестьянин деревни Лытавина Гришка Федоров сказал: в монастырскую-де казну платили они по указу великого государя и по грамоте, какова прислана к Преосвященному

^а Слово написано над строкой.

^б Так в рукописи.

Маркелу, архиепископу Вологодскому, по 205-й год по двенадцати рублев да по осмидесяти овчин, по три пуда шерсти, лну по тому ж, по три пуда коровья масла, по три тысячи яиц. А з 205-го году платили они той вышеписанной оброк вдвое, толко не сполна, для того что многие их крестьяня розбрелись в мир, а иные дворы пусты, и которые живут, и те многие оскудали. А доимка на них учинилась в том монастыре за пустые дворы и за сошлых и за скудных крестьян. А толокна они з 210-го году по нынешнее число за скудостью не платили. А болше того оброку в тот монастырь не платят, а всякое монастырское зделье делают, а когда они на монастырской работе бывают, и они едят монастырской хлеб, кроме пашни, и жнитва, и сенокосу. А доимки на них, старосте со крестьяны, на Москве и в городех в казну великого государя нет. А долгу на них, крестьянах, на всей вотчине есть. (Л. 53) Заимовали они в скудные годы на платеж стрелецкого хлеба, и в карабелное строение, и в иные розные платежи на Вологде у иноземца Ивана Гутмана сто пятьдесят рублев в кабалу, а с вершку давали на год по сту по пятидесять четвертей овса и многие работы работали. И тому долгу на расплату заняли они дому архиерейского у приказного Василья Борисова сто пятьдесят рублев, а с вершку ему не платят. А та кабала была писана в трехстах рублех, и теми денгами у него, иноземца, тое кабалу выкупили. Да у приказного ж Ивана Александрова дватцать пять рублев, у дьяка Федора Быкова по розным кабалам сто тринатцать рублев. А в тех заемных кабалах с ними, крестьяны, того монастыря игумен з братьею для веры писали, а платить им, старосте со крестьяны. Да они ж, крестьяня, заняли: у дьяка Петра Ташлыкова пять рублев, у подьякона Аверкия Муромцова пять рублев, Вологодского уезду Комельской волости у Алексеева крестьянина Хвостова деревни Антропова у Стенки Нефедьива шесть рублев, архиерейской вотчины Лежского Волоку деревни Ежева у Ивашка (Л. 53 об.) Козмина двадцать пять рублев, а кабала писана^а в пятидесять рублех, той ж вотчины у крестьянина деревни Угрянского Ивашка Ермолаева шесть рублев, кабала писана в семи рублех, Спасова Каменного монастыря у стряпчего Ивана Полева десять рублев, того ж Инокентьева монастыря у бывшего строителя старца Феодота дватцать рублев, а кабала писана в сорок четырех рублех. А болши того долгу он, староста, не сказал. А на монастыре они сеют в подмонастырных полях в штидесят четвертей ржи, а в дву по тому ж. Да монастырского хлеба на них есть, что давано им ныне из монастырских житниц скудным на семена розных деревень крестьяном. А что кому дано и сколко хлеба, того он не ведает. Вместо старосты Гришки Федорова по ево велению руку приложили.

Того ж Инокентьева монастыря слущка Марчко Яковлев сын Лапшин со товарищи явили у переписки. (Л. 54) Великих государей царей великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича и благородные великие государыни царевны и великие княжны Софии Алексеевны, всея Великия, и Малыя, и Белья Росии самодержцев, грамота^б, что дана по челобитью

^а Слово написано на правом поле.

^б Слово написано над строкой.

того ж монастыря слушки Гордюшки Иванова с товарищи к Преосвященному Гавриилу, архиепископу Вологодскому и Белоозерскому, с прочетом. Велено им, слушкам, буде они служни дети, а отцы их на службах великих государей бывали, а иные и побиты, а они в том монастыре служат на отцовских и братиих местах по-прежнему, и денежное, и хлебное жалованье велено давать, збирая с крестьян, против иных монастырей и против прежняго великого государя указу. А также и достальным слушкам велено учинить по архиерейскому рассмотрению и против указу великого государя. Писано 7195 марта в 17 день за приписью дьяка Григорья Постникова, справа подьячего Якова Снезамаева.

(Л. 55) Книги переписные Спасова Инокентьева монастыря вотчины деревни Больших Дворцов с деревнямикрестьянским и бобыльским дворам переписи стольника Василья Ивановича Кошелева 1702 году

(Л. 56) 1702-го июня в 22 день поданы с отпиской.

1702 июня во 14 день по указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всея Великия, и Малыя, и Белыя Росии самодержца, и по наказу из Монастырского приказу за приписью дьяка Герасима Потопиева стольник Василей Иванович Кошелев в Вологодском уезде в Комельской волости в вотчине Инокентиева монастыря церкви Божии, и в них святыя иконы, книги и ризы, и всякое церковное строение, и деревни, и в них крестьянские бобыльские дворы, и во дворах людей по имяном, пересмотря, переписал. А что по переписке явилось, и то писано в сих книгах ниже сего.

И в той вотчине церковь во имя Николы Чюдотворца, что в Зыкове, холодная, клинчатая. Другая церковь теплая, с трапезою во имя святых страстотерпцов Бориса и Глеба. В холодной церкви святых образов, двери царские, столбы и сень писаны на красках. По правую сторону царских дверей местных образов: образ Воскресения Христова писан на краске. (Л. 56 об.) Образ Николы Чюдотворца писан на краске. У Спасителя образа и у Богородична венцы серебряные, басемное дело, золочены. У Николаева образа венец и гривна резные, золочены. Образ святых мучеников Бориса и Глеба в житии писан на золоте. Образ преподобного Инокентия чюдотворца да Конона градаря писан на краске. По левую сторону царских дверей местных образов. Образ Пресвятыя Богородицы Одигитрии писан на красках. Подле северных дверей образ Михаила архангела да Флора и Лавра писан на красках. Образ святого пророка Илии, священномученика Власия, и Георгия, и Димитрия^а страстотерпцов писан на красках. Перед местными образами три лампы небольшие белого железа да свеча поставная, весом шесть фунтов. Над церковными дверми в деисусе образ Господа Вседержителя со святыми на девяти цках. Перед деисусом паликадило медное, весом пятьдесят семь (Л. 57) двадцать пять^б фунтов. У правого

^а Имя написано над строкой.

^б Так в рукописи.

крылоса херуговъ, на ней писан образ Спасов Нерукотворенный, на другой стороне образ Богоявления Господня, писаны на краске.

Книг печатных в десть: Евангелие толковое воскресное, Апостол, Минея общая, две Триоди — постная да цветная, Трефолой, Часослов с святыми. В полдесть печатные ж: Псалтирь, книга Ефрема Сирина. В четверть печатные ж: Часослов, Житие Николы Чюдотворца киевской печати, Служебник, два Требника. Писмяные в десть: Псалтирь со воследованием, Пролог, Апостол. В четверть писмяные ж: Треодь постная да цветная, Октай, Требник.

Во олтари на престоле одежда крашенинна; Евангелие на престоле печатное в десть, одежда камчатая ветха, Распятие (Л. 57 об.) и евангелисты медные, чеканное дело; два креста осеняльные деревянные, писаны красками; покров крашенинный. За престолом образ Пресвятыя Богородицы Одигитрие выносной, по другую сторону образ Николая Чюдотворца да крест четвероконечный, писаны на красках. На престоле крест, а в нем держат святой Агнец, писан на красках. Жертвенник, на нем одежда полотняная. На жертвеннике сосуды священные: потир, дискос, три блюдца оловянные, лжица медная, копие железное, покровы выбойки пестрой. Над жертвенником образ Воскресения Христова писан на красках, два кадила медные, укропник медной, лампад выносной белого железа. Риз: ризы тафтяные рудожелтый цвет, оплечье камчатое травчатое; ризы тафтяные зеленые, оплечье участковое василковой цвет; ризы полотняные, оплечье выбойчатое; (Л. 58) подризник крашенинный, оплечье выбойчатое крашенинное ж, ветох; стихарь палатняной, оплечье кумачное, ветох; орарий выбойки травчатой; пояс нитяной; три епитрахили выбойчатые, обложены кумачом; поручи алтабасные травчатые по червчатой земле, на них шесть пугвиц серебряных, ветхи; поручи выбойчатые.

В теплой церкви святых образов. Двери царския, столпце и сень писаны на красках. По правую сторону царских дверей месных образов: образ Воскресения Христова писан на краске, образ святых мучеников Бориса и Глеба писан на красках. По левую сторону царских дверей: образ Пресвятыя Богородицы Одигитрие писан на краске. Над царскими дверьми деисус — образ Господа Вседержителя со святыми на (Л. 58 об.) одиннатцати цках, писаны на красках. В олтари на престоле одежда крашенинная, покров крашенинный же. За престолом образ Пресвятыя Богородицы Одигитрия да крест выносные, писаны на красках. На жертвеннике одежда крашенинная. Над жертвенником образ Господа Вседержителя писан на красках. В трапезе по правую сторону церковных дверей деисус — образ Господа Вседержителя со святыми на одиннатцати цках писан на красках. На столбе два колокола, а вес тем колоколам написан в переписных книгах у стольника Василия Плохова. Круг монастыря^а ограда рубленая бревенная.

У той же церкви во дворе поп Матфей Пантелеймонов, родом домовый Преосвященного (Л. 59) архиепископа вотчины Лежского Волоку Николаевского приходу, что в Подбережье, попов сын. Во дворе поп Петр Григорьев,

^а Так в рукописи, следует читать: церкви.

у него дети: Иван девяти лет, Тимофей семи лет, Дмитрий году; у него ж братья: Яков семнатцати лет, Семион тринатцати лет, родом того ж храму попов сын. Во дворе диакон Дмитрий Григорьев, у него дети: Матвей дву лет, Василей полугоду, родом он того ж храму попов же сын. Во дворе дьячок Иван Корнилов, у него детей: Григорей трех лет, Петр дву лет, Андрей полугоду, родом он домовый Преосвященного архиепископа вотчины Лежского Волоку храму святаго пророка Или, что на Почке, дьячков сын; у него два шурина: Василей девятнатцати лет, Игнатей пятнатцати лет Иванов, родом они ж церкви Николая ж Чюдотворца дьячковы дети. Келья, а в ней живет пономарь Дмитрий Григорьев, родом он тое ж церкви попов сын. Три кельи нищенских, а в них живут монастырской их вотчины крестьяне и кормятца мирским подаением. Строения те церкви Инокентьева ж монастыря (Л. 59 об.) вотчинных крестьян. Да по скаске того ж приходу церковного старосты Инокентьева ж монастыря вотчины крестьянина деревни Клыгина Феофелакта Матвеева, церковной денежной казны в сборе и никакого хлеба ничего нет. Да по скаске того ж приходу попа Матфея, попа Петра с причетники, у той их церкви пашни и сенных покосов что есть, того они сказать не упомянут, а про то-де ведомо на Москве в Помесном приказе, а крестьян, и бобылей, и рыбных ловель, и никаких угодей за ними нет.

(Л. 60) Да в той же вотчине Инокентьева монастыря крестьянских и бобыльских дворов. Деревня Дворцы Большие, а в ней крестьян. Во дворе Кузьма, у него брат Иван тритцати пяти лет, Иевлевы; у Козьмы дети: Иван дватцати лет, Силуян дву лет; у них же племянник Никита Федосиев двенатцати лет. Во дворе Елисей Ермолин, у него живет нищий Федор Савелиев, кормитца в мире. Во дворе Лука, у него два брата: Ларион тритцати лет, Михайло дватцати пяти лет, Евдокимовы; у Луки дети: Семен пяти лет, Филип трех лет. Во дворе Иван Афонасев, у него пасынки: Яков тринатцати лет, Яким десяти лет, Петр осми лет. Двор пуст Бориса Арефьева, а он, Борис, по указу великого государя взят на Таганрог в кирпичики, а дети его: Федор да Никита кормятца в мире. Двор пуст слуги Сидора Пиминова, а он умре бездетен. Двор пуст Ефрема Федотова, а он, Ефрем, пострижен в Инокентиеве манастыре. Двор пуст служебника Ивана Васильева, а он умре бездетен.

Деревня Дворцы Малые, а в ней крестьян. Во дворе Сава, у него брат Иван, Матвеевы; у Савы сын Артемей семнатцати лет; у Ивана дети: Иван осмнатцати лет, Василей трех лет. Во дворе бобыль Иван Семенов, у него дети: Семен, Козьма дватцати лет, Афонасей осмнатцати лет, Иван шестнатцати лет; у Семена сын Василей году. Двор пуст (Л. 60 об.) Федора Арефьева, а он, Федор, умре, а дети его: Алексей двенатцати лет, Василей пяти лет кормятца в мире. Двор пуст Сидора Ермолина, а он, Сидор, бежал в прошлом 205-м году, а после его сын Герасим пяти лет взят за сиротство в монастырь.

Деревня Горшково, а в ней крестьян. Во дворе Стефан Иванов, у него дети: Иван тритцати лет, Никита дватцати четырех лет, Максим дватцати дву лет, Емельян дватцати лет, Герасим одиннатцати лет, Михайло четырех лет. Во дворе Яков да Иван Абросимовы; у Якова дети: Иван, Степан дватцати лет, Тимофей семнатцати лет, Никита пятнатцати лет; у Ивана дети: Максим семи

лет, Андрей четырех лет; у Ивана ж дети: Никита дватцати осми лет, Данило дватцати лет. Во дворе Яков, у него брат Семен дватцати пяти лет Евдокимов; у Якова дети: Петр дватцати пяти лет, Алексей пятнатцати лет, Степан осми лет. Во дворе Иван Макаров, а у него дети: Яков семи лет, Никита дву лет; у него ж живет нищей Анкидин Савельев, кормитца в мире. Во дворе Петр Иевлев, у него пасынок Василей Васильев дватцати лет; у него ж дети: Василей десяти лет, Козьма трех лет. Двор пуст Ивана Васильева, а он умре бездетен. Двор пуст бобыльской Артемья Максимова, а он умре бездетен. Двор пуст Евдокима Малахиева, а он умре бездетен.

Деревня (Л. 61) Дворище, а в ней крестьян. Во дворе Ермола Григорьев, у него дети: Гаврило пятнатцати лет, Иван полугоду. Во дворе Кирило, Семен дватцати пяти лет, Филип дватцати лет, Степановы; у него ж живут на подворье нищие Дорофей да Борис Леонтьевы; у Бориса сын Антон дватцати пяти лет, у Дорофея внук Иван Автамонов четырех лет, а отец его Автамон бежал в прошлом в 206-м году, а они, Дорофей и Борис, кормятца в мире. Во дворе Дмитрий Михайлов, у него дети: Игнатей дватцати пяти лет, Михайло пятнатцати лет, Иван тринатцати лет. Во дворе Дементей Васильев, у него дети: Ермола дватцати пяти лет, Сергей дватцати лет; у него ж зять Емельян Климонтов. Во дворе Андрей, у него брат Ерасим Афанасьевы; у Андрея дети: Иван дватцати пяти лет, Степан пятнатцати лет; у Герасима сын Осип дву лет; у них же племянники: Матвей дватцати пяти лет, Силуян дватцати лет, Ивановы; у Андрея внучата: Иван пяти лет, Иван же дву лет, Борисовы. Во дворе Тит Федотов, у него дети: Федор дватцати дву лет, Сидор дватцати лет. Во дворе Логин Иванов, у него сын Максим дву лет. Во дворе Матфей Григорьев, у Матфея сын Иван дву лет, у него ж племянники: Яков пятнатцати лет, Федор десяти лет, Ивановы. (Л. 61 об.) Во дворе Алексей да Трифан Ларионовы, у Алексея сын Андрей осми лет, у него ж зять Козьма Анофриев. Двор пуст Петра Борисова, а он, Петр, бежал в нынешнем 1702-м году, а где живет, про то неведомо. Двор пуст белого монастырского дьякона Герасима Тихонова, а ныне он, дьякон, по указу Преосвященного архиепископа переведен к ыной церкви. Двор пуст Емельяна Евдокимова, а он умре.

Деревня Федяково, а в ней крестьян. Во дворе Ефсевой, Иван, у них брат Антипа дватцати лет, Алексеевы; у Ивана сын Андрей дву лет; у них же живет нищей безпахотной бобыль Иван Семенов, кормитца в мире. Во дворе Тимофей Анофриев, у него братья: Федор дватцати трех лет, Петр семнатцати лет. Во дворе Антипа Фокин, у него сын Василей дву лет; у него ж племянник Иван Иванов дватцати лет. Двор пуст Козьмы Борисова, а он, Козьма, бежал в нынешнем 1702 году и с сыном своим Дмитрием. Двор пуст Алексея Пахомова, а он умре.

Деревня Огарково, а в ней крестьян. Во дворе Трифон Феофанов, у него сын Козьма дватцати лет; у Трифана зять Семен, у Семена брат Максим, Нифонтовы; у Семена ж сын Федот шти лет, у Максима сын Галахтион пяти лет. Во дворе Тит Архипов, у него пасынок Иван Максимов пятнатцати лет; у него ж, Тита, дети: Степан дватцати дву лет (Л. 62), Михайло дватцати лет, Василей семнатцати лет. Во дворе Самойло Исаков, у него зять Степан

Леонтьев; у него ж живет нищей безпахотной бобыль Филип Афонасьев, у Филипа сын Иван дватцати лет, у него ж пасынок Яков Самсонов пятнадцати лет. Келья пустая нищенская Григорья Иванова, а он, Григорей, бежал в прошлом 1701 году и с сыном своим Савельем.

Деревня Оксеново, а в ней крестьян. Во дворе Никита, у него братья Петр, Иуда, Яковлевы, у Никиты сын Иван семнатцати лет, а у Петра дети: Данило дватцати лет, Петр осми лет; у Иуды сын Петр осми лет. Во дворе Есивей Автамонов, у него дети: Иван, Иван же дватцати пяти лет, Василей пятнадцати лет; у него ж племянник Вавило Григорьев, у Вавила сын Егор пятнадцати лет. Во дворе Иван Ефремов, у него брат Патрикей Григорьев двадцати лет, у него ж зять Иван Власиев, у Ивана сын Иван же осми лет. Двор пуст нищеву Елфима Феофанова, а он, Елфим, умре, после сын его Терентей бежал в прошлом 1700 году. Двор пуст Максима Иванова, а он, Максим, с сыном Григорьем бежали в прошлом 204-м году. Двор пуст Савелья Иванова, а он, Савелей, пострижен в Бнокентьеве монастыре, а дети ево: Василей да Яков бежали (Л. 62 об.) в прошлом в 201-м году. Двор пуст нищеву Симона Максимова, а он, Симон, умре бездетен.

Деревня Лытавино, а в ней крестьян. Во дворе Григорей Федоров, у него дети: Никита дватцати лет, Гаврило осмнатцати лет, от него ж, Григория, сын ево Тит бежал в прошлом 202-м году; у него живет нищей Петр Калистратов, кормитца в мире. Во дворе Иван, у него братья Лука, Влас, Игнатей, Игнатий же дватцати пяти лет, Никитины; у Ивана сын Прокопей девяти лет; у Игнатья сын^а дву лет, у Луки сын Семен пятнадцати лет. Во дворе Козьма Феофанов, у него сын Иван дватцати лет, у него пасынок Семен Иванов, у Семена сын Пантелей дву лет. Двор пуст Леонтья Козьмина, а он, Леонтей, умре, а сын ево Яков бежал в прошлом 206-м году. Двор пуст Федора Исаева, а он, Федор, с сыном Васильем бежал в прошлом во 195-м году. Келья пустая нищеву Ильи Матфеева, а он, Илья, умре. Двор пуст салдатской Григорья Ермолаева, а он, Григорей, по указу великого государя взят в даточные¹⁶. Двор пуст Григорья Тарасова, а он, Григорей, с сыном Егором бежали в прошлом в 206-м году. Двор пуст Никиты Федорова, а он, Никита, с детми: с Тимофеем да Дмитрием бежали в прошлом 206-м году. Двор пуст Федора Тимофеева, а он, Федор, в прошлом 204-м году бежал. Двор пуст Григорья Никитина, а он, Григорей, бежал в прошлом 1700 году. (Л. 63) Двор пуст Ивана Савельева, а он умре.

Деревня Притчино, а в ней крестьян. Во дворе Григорей Яковлев, у него дети: Козьма трех лет, Иван году, у него пасынок Гордей Иванов девяти лет, у него ж племянник Прокопей Афонасьев дватцати лет, у него ж живет бобыль безпахотной престарелой Макар Иванов, кормитца в мире. Во дворе Козьма Селиванов, у него дети: Василей пятнадцати лет, Борис двенатцати лет, Иван пяти лет, Семен дву лет. Во дворе Иван Данилов, у него племянник Афонасей Вавильив тритцати лет. Во дворе Иван Прокопьев, у него ж шурыя: Федор дватцати лет, Степан шти лет, Матвеевы.

^а В рукописи слово написано дважды.

Деревня Неклюдово, а в ней крестьян. Во дворе Парфен, у него братья: Федор, Сава Яковлевы; у Парфена дети: Федор двадцати дву лет, Сергей двадцати лет, Козьма пятнадцати лет; у Федора дети: Дмитрий десяти лет, Василей трех лет; у Саввы дети: Степан десяти лет, Иван году. Во дворе Корнило, у него братья: Иван, Максим Лукины; у Ивана сын Василей дву лет. Во дворе Дмитрий Фадеев, у него приимыш Степан Парфенов пятнадцати лет, ево ж Стефанов брат Козьма бежал в прошлом 1701 году. Во дворе Филип да Михайло Карповы, у Михайла сын Петр дву лет. Во дворе Иван Карпов, у него дети: Яков тринацати, Иван году. Во дворе Сидор, у него братья: Дмитрий, Семен двадцати лет; у Сидора сын Сергей году; у Дмитрея дети: Игнатей девяти лет, Михайло году. Во дворе Евстафей Галактионов, у него дети: Дмитрий двадцати пяти лет, Иван двадцати лет, Василей пятнадцати лет; у Дмитрея сын Прокопей году. Во дворе Денис Кондратьев, у него племянник Андрей двадцати лет. Во дворе Леонтей Михайлов, у него дети: Стефан десяти лет, Пантелей семи лет, Афанасей четырех лет, Ярафей году. Во дворе Яков Галактионов, у него дети: Степан двадцати пяти лет, Василей пятнадцати лет. Во дворе Григорей Карпов, у него дети: Гаврило двадцати пяти лет, Семен десяти лет. Во дворе Иван, у него братья: Василей двадцати пяти лет, Степан двадцати лет, Ивановы; у Ивана сын Федор году. Во дворе Михайло Трофимов, у него живет нищей Иван Иванов, у Ивана сын Прокопей двадцати лет. Во дворе Иван Фадеев, у него сын Иван трех лет, у него ж племянник Петр Иванов двадцати лет.

Деревня Волкова, а в ней крестьян. Во дворе Петр, у него братья: (Л. 63 об.) Дмитрий, Козьма двадцати лет; у Петра сын Иван одиннатцати лет, у Дмитрия Иван семи лет. Во дворе Григорей, у него брат Федор семнатцати лет да Василей двенатцати лет, Денис десяти лет, сын Яков. Во дворе Осип, у него братья: Афонасей, Тимофей Иевлевы.

Деревня Паршино, а в ней крестьян. Во дворе Степан, у него братья: Иван, Андрей Федоровы; у Степана дети: Герасим двадцати лет, Парфен двенатцати лет; у Ивана дети: Максим десяти лет, Иван году; у Андрея дети: Василей десяти лет, Лука году. Во дворе Самойло Степанов, у него сын Ермола девяти лет, у него ж пасынок Тимофей Иванов двадцати лет. Во дворе Яков, у него брат Федот Федоровы; у Якова дети: Афанасей пяти лет, Иван дву лет. Во дворе Алексей Поликарпов, у него сын Иван, у Ивана сын Василей дву лет, у него ж живет нищей Потап Феофанов тритцати лет, кормитца в мире. Во дворе Филип Ермолин, у него сын Федор двадцати пяти лет, у него ж живет бобыль Тимофей Кирилов, у Тимофея сын Семен шти лет, кормятца в мире. Двор пуст Тимофея Фомина, а он бежал тому лет десять. Двор пуст Артемья Евдокимова, а он, Артемей, с сыном своим Иваном да с пасынком Филипом Борисовым бежали в прошлом 1701 году. Во дворе Савелей Павлов, у него сын Дмитрий шти лет да пасынки: Федор девяти лет, Иван шти лет, Тимофеевы. Во дворе Семен Никитин. Двор пуст Семена Иванова, а он, Семен, з братом Афанасьем бежали в прошлом 1700 году. Двор пуст Федота Карпова, а он, Федот, з детьми Борисом, Семеном с Андреем бежали в нынешнем 1702 году. Двор пуст Петра да Анкидина Осиповых, а они померли;

после Анкидина остался сын Игнатей десяти лет, кормитца в мире. Двор пуст Филиппья Филагова, а он, Филип, умре, а сын ево Степан бежал в прошлом 204-м году. Двор пуст Сергия Ермолина, а он умре бездетен. Двор пуст Луки Михайлова, а он бежал того лет с пятнадцать.

Деревня Климова, а в ней крестьян. Во дворе Арефей Степанов, у него племянник Иван Федоров тринадцати лет, у него ж живет нищей бобыль Федор Федоров, у Федора сын Андрей осми лет. Во дворе Яков Никитин, у него дети: Галахтион десяти лет, Иван семи лет, Козьма году. (Л. 64) Во дворе Иван Агафонов, у него сын Иван пяти лет, у него ж живет нищей безпашенной Михей Прохоров сын с пасынком Стефаном Ларионовым сыном; у Степана сын Федор дву лет, кормятца в мире. Во дворе Иван Прокофьев сын, у ево три пасынка: Антон четырнатцати лет, Дмитрей десяти лет, Михайло осми лет, Тихоновы дети; у ево ж живет бобыль безпашенной Гаврило Карпов, у него сын Василей десяти лет. Во дворе Иван Нефедьев сын, у него племянники: Гаврило дватцати пяти лет, Андрей дватцати лет, Якимовы дети. Двор пуст Симона Васильева, а он, Симон, взят по указу великого государя в даточные. Двор пуст Ивана Григорьева, а он, Иван, умре, после ево остался сын Иван и бежал тому другой год. Двор пуст Якова Григорьева, а он, Яков, умре, а после ево остался сын Федор, за сиротство взяли в монастырь. В келье нищей Гурей Тихонов, у него сын Афонасей пяти лет, у него ж брат Василей бежал в 205-м году. Двор пуст нищева Никифора Естеева, а он, Никифор, бежал в прошлом 1701 году. Двор пуст Федота Михайлова, а он, Федот, умре.

Деревня Клыгино, а в ней крестьян. Во дворе Филат, у него брат Иван пятнатцати лет, Матфеевы; (Л. 64 об.) у Филата сын Иван шести лет. В келье вдова Авдотья Карпова, у нее дети: Михайло девяти лет, Иван году, Васильевы. Двор пуст Самойла да Костянтина Анофриевых, они, Самойла з детми с Иваном, да с Васильем, да с Кондратьем, да с Прокопьем, а Костянтин с сыном с Артемьем, бежали они в прошлом 1701 году. Во дворе Иван Власьев, у него дети: Степан дватцати лет, Матфей шестнатцати лет, у него ж два племянника: Василей сорока лет, Павел тритцати лет, Никитины.

Деревня Арсенка, а в ней крестьян. Во дворе Григорей да Елфим Вавиловы; у Григорья детей: Иван дватцати лет, Петр семнатцати лет; у Елфима детей: Ефрем дватцати лет да Егор, у Егора сын Михайло трех лет. Во дворе Козьма да Кондратей Ивановы, у Козьмы детей: Иван дватцати пяти лет да Иван же пяти лет; да у Кондратья детей: Артемей дватцати лет, Иван двенатцати лет. Во дворе Василей, Сергей дватцати лет, Федор десяти лет, Фомины дети; у Артемья^а детей: Еремей дву годов, Ларион году.

Деревня Выборово, а в ней крестьян. Во дворе Федот, Карп, Федор Ларионовы; у Карпа детей: Андрей двенатцати лет, Василей осми лет, Прокофей году; у Федора сын (Л. 65) Андрей году. Во дворе Никита Сидоров, у него дети: Иван пятнатцати лет, Козьма пяти лет. Во дворе Иван, Аксен Харитоновы; у Ивана детей: Яков десяти лет, Иван пяти лет. Во дворе Михайло, у него братьей: Родион тритцати лет, Терентей тритцати ж лет, Иван

^а Ошибка переписчика. Крестьянин Артемий указан в предыдущем дворе.

пятнадцати лет, Козмины; у Михаила сын Пантелей дву лет. Во дворе Федор Лукьянов, у него зять Арефей Фаддеев, у Арефья пасынок Петр Гарасимов пятнадцать лет. Во дворе Василий Казмин, у него сын Стефан дву лет, у ево ж живет нищей Трофим Фомин, у него сын Сергей десяти лет. Двор пуст Семена Сысоева, а он, Семен, умре.

Деревня Митрохино, а в ней крестьян. Во дворе Сергей Романов, у него зять Козьма Никифоров, у Козьмы детей: Василий пятнадцать лет, Никифор одиннадцати лет, Петр десяти лет, Яков семи лет. Во дворе Никита, у него братья Иван дватцати лет, Трофимовы. Во дворе Семен Лукьянов, у него детей: Василий дватцати лет^а, Никита тринадцати лет, Афонасей десяти лет, Иван семи лет; у ево ж шурина Никита Корнилов, у Никиты сын Тимофей году. Во дворе Яков Козмин, у него детей: Степан тринадцати лет, Кирило десяти лет, Петр году. Во дворе Игнатей, (Л. 65 об.) у него брат Корнило тридцати лет Кирилов; у Игнатя детей: Тимофей десяти лет, Никита осми лет. Двор пуст Тихона Антипьева, а он, Тихон, умре, а брат ево Михайло с сыном Павлом от хлебной скудости сшел в мир в прошлом 1701 году.

Деревня Суворково, а в ней крестьян. Во дворе Костянтин Иванов, у ево пасынок Иван Иванов десяти лет. Во дворе Яков Павлов, у ево сын Дмитрий четырех лет. Во дворе Козьма Иванов, у него сын Дмитрий четырех лет. Во дворе Козьма Иванов, у него детей: Иван осмнатцати лет, Михайло тридцати лет. Во дворе Андрей, у него брат Сергей дватцати лет, Федотовы; у Андрея сын Стефан девятнадцати лет. Во дворе Савелей да Матфей, Филиповы дети; у Савелья сын Абросим семи лет; у Матфея дети: Михайло дву лет, Максим году.

Деревня Гольшево, а в ней крестьян. Во дворе Иван Болшей, да Иван Меншей, да Дмитрий, Артемьевы дети; у Ивана Болшево детей: Павел дватцати лет, Михайло пятнадцати лет; у Ивана Меншево сын Андрей тринадцати лет; у Дмитрея детей: Осип осми лет, Михайло дву лет. Во дворе Михайло Ермолин, у него детей: Иван пятнадцати лет, Андрей трех лет да Иван же году. Во дворе Андрей Семенов, у него детей: Афанасей (Л. 66) десяти лет, Андрей трех лет, Спиридон полугоду, у ево ж брат Никита Иванов бежал во 195-м году.

Деревня Апенино, а в ней крестьян. Во дворе Никита Федотов, у него детей: Василий дватцати лет, Осип десяти лет, Семен семи лет. Во дворе Иван да Гаврило тридцати лет Поликарповы; у Ивана детей: Федор десяти лет, Иван семи лет. Во дворе Сидор да Киприян Никитины; у Сидора сын Никифор осми лет; у Киприяна детей: Федот пяти лет, Иван году. Двор пуст Василья Афонасьева, а он, Василий, по указу великого государя взят на Воронеж с женою и з детми на вечное житье в плотники¹⁷.

Деревня Елюшино, а в ней крестьян. Во дворе Дмитрий Осипов, у него детей: Василий, Иван дватцати лет; у Василия дети: Иван семи лет, Григорей пяти лет; у ево, Дмитрея, зять Матфей Ильин, у Матфея два пасынка: Дмитрий семи лет, Яков шти лет Никитины, у него ж, Матфея, сын Семен году. Во дворе Ефрем Тихонов, у него сын Иван шестнадцати лет; у ево ж племянник Никита Яковлев дватцати трех лет; у него ж, Ефрема, зять Тит Емельянов,

^а Слово написано над строкой.

у него детей: Борис тринадцати лет, Иван семи лет, Филипей трех лет. Двор пуст Елисея Яковлева, а он, Елисей, бежал с сыновьями (Л. 66 об.) с Иваном, с Никитой, с Офонасьем в прошлом в 206-м году.

Деревня Ржищи, а в ней крестьян. Во дворе Степан Иванов сын, у него сын Никифор пятнадцати лет, у него ж зять Яков Филипьев. Во дворе Елфим Степанов, у него два пасынка: Максим пятнадцати лет, Петр семи лет Патрикеевы; у ево ж живет нищей Ларион Силуянов, кормитца в мире. Во дворе Козьма Михайлов, у него детей: Матфей двенадцати лет, Игнатей девяти лет, Емельян шести лет; у него ж зять Михайло Никифоров, у него сын Осип году. Во дворе Афонасей Лукьянов, у него два пасынка: Федор тринадцати лет, Андрей одиннадцати лет, Васильевы; у него ж два сына: Игнатей семи лет, Карп трех лет. Во дворе Афонасей, у него братья Арефа дватцати пяти лет, Артемей дватцати трех лет, Семеновы. Двор пуст Любима Романова, а он, Любим, бежал в прошлом во 195-м году, а пасынки ево Тарас, Семен, Лука Ивановы бежали в 208-м году. Двор пуст Антона Парфеньева, а он, Антон, бежал в прошлом 206-м году, у него сын Василей четырех лет, кормитца в мире. Двор пуст Ивана Васильева, а он, Иван, по указу великого государя взят в даточные.

Деревня Меленка, а в ней крестьян. Во дворе Савелей Андреев, у него детей: Петр дватцати (Л. 67) лет, Леонтей пятнадцати лет, Алексей дву лет; у него ж живет нищей Дмитрий Иванов, кормитца в мире. Во дворе Мартьян Анфилофьев, у него племянники: Гаврило дватцати пяти лет, Семен дватцати лет да Иван Григорьев, у Ивана сын Семен трех лет. Во дворе Иван Никифоров, у ево братьев: Федор, Вавило дватцати пяти лет, Иван дватцати трех лет, Дмитрий дватцати трех лет, Андреевы; у Федора детей: Иван семи лет, Василей трех лет, у них же племянник Никифор Якимов семнатцати лет. Во дворе Ярофей Тихонов, у него дети: Ефрем дватцати лет, Гаврило двенадцати лет; у него ж племянник Ульян Дмитриев, у него дети: Дмитрий ж десяти лет, Иван шести лет. Во дворе Дмитрий Архипов, у него сын Михайло девяти лет. Двор пуст Ивана Дмитриева, а он, Иван, пострижен в монастыре.

Деревня Мартьяново, а в ней крестьян. Во дворе Денис¹⁸, Емельян Ивановы; у Дениса сын Павел дватцати пяти лет; у Емельяна детей: Петр пятнадцати лет, Иван десяти лет, Василей четырех лет. Двор пуст Ивана Трофимова, а он, Иван, по указу великого государя взят на Воронеж на вечное житье (Л. 67 об.) в плотники. Двор пуст Ярофея Стефанова, а он, Ярофей, умре.

Деревня Бояриново, а в ней крестьян. Во дворе Григорей Тимофеев, у ево сын Костянтин осми лет. Во дворе Степан Васильев, у ево два пасынка: Федор осми лет, Устин шти лет, Ивановы. Во дворе Никита Давыдов, у ево сын Павел году, у него ж живут племянники: Матфей осмнатцати лет, Гаврило шеснатцати лет, Иван одиннадцати лет, Силуяновы. Двор пуст служебника Прокофья Еремеева, а он, Прокофей, умре бездетен, а после ево сын Козьма сшел безвестно в 205-м году. Двор пуст Артемья Ларионова, а он, Артемей, бежал с сыном Иваном в 208-м году.

Деревня Яфаново, а в ней крестьян. Во дворе Иван Силуянов, у ево детей: Тимофей тринадцати лет, Василей осми лет, Афонасей пяти лет; у ево ж живет

на подворье нищей Никифор Андреев, кормитца в мире. Во дворе Иван Никитин, у него детей: Михайло двадцати девяти лет, Петр двадцати пяти лет, Сергей двадцати лет. Во дворе Никифор Терентьев, у него дети: Петр двадцати лет, Алексей дву лет. Двор пуст Григорья Исакова, а он, Григорей, умре, а после ево (Л. 68) сын остался Семен семи лет, взят за сиротство в монастырь. Во дворе Матфей Лукьянов. Келья пустая нищеву Якова Афонасьева, а он, Яков, в нынешнем в 1702 году сшел с пасынком Игнатьем Тимофеевым да з сыном Филиппем.

Починок Гольшикино, а в нем крестьян. Во дворе Ларион Клементьев, у него детей: Петр сорока лет, Иван тритцати лет, Григорий двадцати лет, у него ж живет приемыш Вавило Иванов, у Вавила детей: Андрей тритцати лет, Евсейей двадцати лет, Дмитрей осми лет.

Деревня Козулино, а в ней крестьян. Во дворе Федор Ермолин, у него детей: Алексей трех лет; у него ж живет нищей Иван Андреев, у него сын Иван семи лет, кормитца в мире. Во дворе Петр Кондратьев, у него детей: Никита двадцати лет, Иван тринаццати лет, Василей семи лет, у него ж живет племянник Иван Романов двадцати лет. Двор пуст Василья Матфеева, а он, Василей, бежал и с сыном Алексеем в 204-м году.

Деревня Высоково, а в ней крестьян. Во дворе Андрей Леонтьев, у него детей: Никифор семнатцати лет, Тихон году; у него ж живет нищей престарелой (Л. 68 об.) Тимофей Васильев, у него сын Федот пяти лет, кормитца в мире. Во дворе Борис Ермолин, у него сын Яков, у Якова детей: Иван пяти лет, Никифор трех лет, Тимофей году; у него ж племянник Семен Романов, у него детей: Федор семи лет, Стефан пяти лет, Егор году. Двор пуст Романа Иванова, а он, Роман, в нынешнем 1702 году умре бездетен.

Деревня Берсенево, а в ней крестьян. Во дворе Семен Титов, у него детей: Федор двадцати лет, Тимофей десяти лет, Андрей трех лет. Во дворе Яков Фомин, у него брат Иван пятнатцати лет, у него ж сын Аврам году. Во дворе Глеб да Михайло Лукины, у Глеба сын Степан осмнатцати лет. Во дворе Михайло Титов, у него детей: Козма двенатцати лет, Иван десяти лет, Петр шти лет, Роман трех лет; у него ж живет нищей Иван Семенов, кормитца в мире. Двор пуст Ефрема Федулова, а он, Ефрем, по указу великого государя взят в даточные, в службу. Во дворе бобыль Иван Логинов, у него детей: Иван тритцати лет, Исак двадцати лет, Гаврило осмнатцати лет.

Деревня Чуваксино, а в ней крестьян. Во дворе Макар Яковлев, у него детей: Андрей двадцати (Л. 69) лет, Иван двенатцати, Яков десяти лет; у него ж живет нищей Кирило Фомин, кормитца в мире. Во дворе Артемей Ларионов, у него брат Максим Семенов двадцати лет. Двор пуст слуги Савы Лукьянова, а он, Сава, умре бездетен. Двор пуст Семена Исакова, а он, Семен, по указу великого государя взят на Воронеж в плотники в 208-м году.

Деревня Раменье, а в ней живут служки и подъячей во шти дворах, а имена их, и что у них детей и племянников, и по чему им денежного и хлебного жалованья, и то писано у монастырской переписки в переписных книгах имянно. Да в прежних переписных книгах написаны были деревня Костоусово, а в ней было три двора крестьянских. И та деревня згорела назад тому

лет семь. Да деревня Гари запустела назад тому лет с десять. А в ней было монастырских служебников три двора, и те служебники померли, и дворов и никакова хоромного строения в тех деревнях ныне нет. А деревни Костусова жители померли ж, а иные розошлись в нашей же монастырской вотчине в ыные деревни. И писаны они в сей скаске выше сего.

Да из монастырской же вотчины бежали бездворные (Л. 69 об.) бобыли деревни Апенина Семен, Федор, Филип Панфиловы з детьми: Семен с сыном Васильем, Федор с сыном Федором же бежали в прошлом 207-м году. Деревни Аксенова Степан Симонов бежал в 200-м году. Деревни Козулина Павел Арофеев бежал в нынешнем 1702 году. Деревни Чуваксина Василей Гаврилов бежал в 205-м году. Деревни Меленки Андрей Савельев бежал в 205-м году. Деревни Берсенева Артемей Яковлев с сыном Гаврилом да с сыном Михаилом бежали в 195-м году. Деревни Меленки Игнатей Малафиев бежал во 198-м году, той же деревни Андронник Дмитриев бежал во 191-м году. Деревни Дворища Кондратей Феофанов бежал во 194-м году. Деревни Неклюдова Яков Киприянов с сыном Иваном бежали в 204-м году. А по скаске той вотчины мирского старосты Игнатя Кирилова и выборных Никифора Загвоскина с товарищи и всех тое вотчины крестьян, беглых-де салдат, и дворцовых, и помещиковых, и вотчинниковых крестьян и бобылей, и пришлых людей в той их монастырской вотчине нет.

(Л. 70) И всего в вотчине Инокентиева монастыря деревня Дворцы з деревнями тридцать деревень да починок, а в них крестьянских сто дватцать два двора, людей в них пятьсот сорок осм человек. Два двора бобыльских, людей в них десять человек. Обоего крестьянских и бобыльских сто дватцать четыре двора. Людей в них пятьсот пятьдесят осм человек. Три кельи нищенских, в них людей пять человек. Шездесят два двора пустых, три кельи пустых же, в бегах шездесят один человек. В мире кормятца трое человек, в салдат взято в прошлых годах пять человек, в кирпичики человек, в плотники взяты два человека.

(Л. 70 об.) По скаске ж Инокентьева ж монастыря деревни Митрохина мирского старосты Игнатя Кирилова, в прошлом-де 1701 году ноября з 21-го числа да нынешняго 1702-го июня по 15-й день розвычивал он, староста, со всей монастырской вотчины во всякие великого государя платежи и в монастырские розходы по мирскому приговору з жилых по окладу со ста з двадцати з дву денег: в первой розвыток брал по рублю з деньги, в другой розвыток сбирал по дватцати по шти алтын по четыре денги, в третий розвыток — по пятнадцати алтын, в четвертой розвыток збирал по шти алтын по четыре денги. И по тому розвытку собрал с них, крестьян, двести осмьдесят девять рублей двадцать девять алтын пять денег. А донять по тому розвытку на них, крестьян, денег шесть рублей двадцать алтын с деньгой. А собрав те денги, платить всякие великого государя платежи и держать во всякие мирские розходы. А что тех денег в казну великого государя во всякие платежи плачено и в мирские розходы издержано, и тому свидетельствуют платежные отписи и расходные ево книги. А больши-де того он, староста Игнатей, с них, крестьян, денежных и никаких поборов не збирывал, и утайки-де ево в тех (Л. 71) поборах нет.

Да по скаске того ж Инокентьева монастыря вотчины выборных: деревни Апенина Никифора Федотова сына Загвоскина, деревни Неклюдова Парфена Яковлева, деревни Аксенова Евсевья Автамонова, деревни Выборова Аксена Харитоновна, деревни Суворкова Козмы Иванова сына Шарара и всех тое вотчины крестьян, в прошлом-де 1701 году ноября з 21-го числа да нынешнего 1702-го июня по 15-й день по приговору их, мирских людей, мирской их староста Игнатей Кирилов розвычивал со всей монастырской вотчины по окладу со ста дватцати дву денег во всякие великого государя платежи и в мирские розходы: в первой розвыток собирал по рублю з денги, в другой розвыток — по дватцати по шти алтын по четыре денги, в третей — по пятнатцати алтын, в четвертой розвыток собирал по шти алтын по четыре денги. А сколько по тем розвыткам денег с их, крестьян, собрал и что на них по тому розвытку доимки, и тому свидетельствуют ево, старосты Игнатей, приходные и розходные книги, а болше-де того он, староста, никаких поборов с них, крестьян, не збирывал, (Л. 71 об.) и утайки ево в тех розвытках и в зборе нет. А в той-де Комелской волости за иными архиереи и за монастыри оброчных пустошей, и сенных покосов, и мелниц, и рыбных ловлей, и иных никаких угодей не ведают.

А по скаске ж того монастыря деревни Митрохино мирского старосты Игнатья Кирилова да выборных: Никиты Федотова сына Загвоскина, деревни Неклюдова Парфена Яковлева, деревни Аксенова Евсевья Автамонова, деревни Выборова Аксена Харитоновна, деревни Суворкова Козмы Иванова сына Шарара и всех тое вотчины крестьян, платят-де они монастырским слугам Марку Яковлеву сыну Лапшину с товарищи пяти человеком со всей монастырской вотчины прикащичья их денежного жалования по полтине на год человеку да хлеба по четверть ржи, овса по тому ж на год человеку, а болши-де того они, крестьяне, им, слугам, не платят ничего. А поселских монахов в той монастырской вотчине нет и наперед сево не бывало.

(Л. 73) Сметные списки Инокентиева монастыря 1702-го

(Л. 74 об.) ^{а а}1703-го июля в день 17 поданы с отпискою. Учинить по помете на той отписке^а.

Лета 1703-го февраля в 14 день по указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всея Великия, и Малыя, и Белья Росии самодержца, и по памяти стольника Лукияна Никифоровича Кологривово во Инокентьев монастырь игумену Акиле з братьею. По указу великого государя велено нам, игумену Акиле з братьею, того ж Инокентиева монастыря во обществе с прикащиком Марком Яковлевым денежному и хлебному окладному и неокладному всякому приходу и росходу учинить в тетратех сметные списки, что в прошлом 1702-м году в монастыре и в вотчине денежного и хлебного приходу и росходу, и то писано в сих тетратех ниже сего.

^{а а} Помета в верхней части листа.

*1702-го января в 1-й день. Всемилоствиваго Спаса Инокентьева монастыря
при игумене Акиле з братею казначея старца Тихона
монастырским казенным денгам приход января с первого числа
да по сентябрь по первое ж число*

1701-го году осталось в остатках за расходом в приходе в монастырской казне денег к нынешнему 1702-му году пять рублей шестнадцать алтын четыре денги. Января в 5 день принято с вотчинных крестьян по кабалам в уплату в розные числа пять рублей адин алтын 4 денги. Принято от креста з большей дороги, что на Чистой бабе, в розные числа у старца Кирилла зборных денег шесть рублей двадцать осмь алтын четыре денги. (Л. 75) Января в 7 день продан с коровья двора бык, взято денег два рубля. Принято у вотчинных крестьян травных денег с пустошей и с рощистей против порядных записей тридцать шесть алтын четыре денги. Продано из монастырских житниц четверть три полуосмины пшеницы да полосмины овса. Взято за все два рубля три алтын четыре денги. Марта в 1 день продано из монастырских овинков соломы яровой розным купцам, взято за солому пять рублей двадцать три алтын четыре денги. Продано с конюшенного двора и с коровенного конских и коровьих кож и мерлушек, взято за кожи рубль одиннадцать алтын 2 денги. Принято у пономаря из церкви и о чудотворцеве памяти свечных и прикладных денег двадцать алтын четыре денги. Апреля в 1 день принято у старца Саватеи помолных денег рубль двенадцать алтын две денги. Продано меду да росад розным купцам на двенадцать алтын. (Л. 75 об.) Собрано с монастырских вотчинных крестьян конских пошлинных денег с купли, с мены, и с мены^а, и с продажи нынешней 1702-м годе и на прошлые годы. Всего из доимков четыре рубля шесть алтын да убрано же монастырских вотчинных крестьян доимочных и оброчных денег на прошлые годы два рубля семь алтын пять денег. Принято у иеромонаха Иосифа остальных денег от московских держей десять алтын четыре денги да собрано ж с монастырских вотчинных крестьян за клейменую бумагу со всяких мирских писем восемь алтын. Собрано ж с монастырских вотчинных крестьян вместо оброчных овчин за семь овчин по два алтына по две денги, того взято шестнадцать алтын. Занято у игумена Акилы келейных ево денег в монастырской казенной расход на покупку соли рубль. У его ж, игумена, занято в монастырской же расход тринадцать алтын две денги. Всего с приходу 40 рублей дватцать алтын 9 алтын адна денга.

Дворник Иван Оксенов.

(Л. 76) 1702-го января в 1 день Всемилоствиваго Спаса Инокентьева монастыря при игумене Акиле з братею казначея старца Тихона монастырским казенным денгам расход

Генваря в 1 день куплено в монастырскую казну про церковной расход в розные числа свеч, воску, фимиану, вина церковнаго, меду на понахиды на

^а Так в тексте.

^б Так в рукописи, дата не указана.

пять рублей. Генваря в день^б куплено про монастырской расход два меха соли весом шездесят пуд две четверти, цена пять рублей шеснатцать алтын три денги. От выволочки, и меховова, и целовалникам от подъему дано восемь алтын. Куплено в розные числа саней, плетнев, рогоз, лаптей, тчанов, ушатов, видер, лукошек, поваренок деревянных, и от починки тчанов, ужищ, возжей, ставцев, блюд, лошек, бураков, сид, решет, игол, серд, горячие и всяких мелких покупок на рубль на дватцать алтын на семь алтын на три денги. Куплено в розные числа хмелю на пиво, вина на царские ангелы и на сырную неделю, рыбы и снетков, луку, чесноку, масла битья на два рубля на тритцать на два алтына на две денги. Генваря в день^а куплено топоров, пробоев, скоб, гвоздья сапожного и от поковки коней, замков веслых на девять алтын на две денги. Куплено в розные числа хозов подошевных дубленых, ру (Л. 76 об.) кавицы и от дела кож дубленых и сыромьяных, и от дела овчин и телятин, да с продажных кож пошлины на дватцать на семь алтын на четыре денги.

Приезжал золотой палат подьячей для осмотру драгунских коней, дано ему на подводу в подмогу с прочими манастырям в поверстку пять алтын четыре денги. Куплено в розные числа сукон, и от битья шерсти, от валки воилоков, полстей, япанеч, и от тапки сукон, итого рубль десят алтын три денги. Куплено немоглой лошаде от чесу розных составов на дватцать на четыре алтына на две денги. Плачено на Вологде во архиерейском казенном приказе подьячему Якову Воробьеву шесть алтын четыре денги, а он держал на Москве в Монастырском приказе здавал денги, которые с ним посланы по переписке стольника Василья Ивановича Кошелева. Куплено в розные числа сена и ржаной соломы на два рубля на девятнатцать алтын на четыре денги. Изошло казенных денег в ыгуменские поездки на праздники: Преосвященному архиепископу в поднос рыбы и колачей на двадцать на шесть алтын, приказным подьячим несено на праздники ж рыбы и колачей на семь алтын на две денги. (Л. 77) Издержано в городовые поездки и в разные посылки коням на сене в разные числа дватцать четыре алтына три денги. Февраля в день^б дано от починки церковных окончин и за слуду воложенину посатскому человеку Алексею Яковлеву пять алтын. Куплено рыжиков полтора ведра к Москве в поднос вкладчиком, за то дано тринацать алтын четыре денги.

Февраля в 21 день отпущен иеромонах Иосиф к Москве ради монастырских дел, за челобитьем. Дано ему денег в платеж конских пошлинных денег рубль шеснатцать алтын четыре денги да на держи три рубля шеснатцать алтын четыре денги, и тем денгам он, иеромонах Иосиф, подал расходную своею рукою роспись. Февраля в день^в куплено клейменной бумаги и пищей на восемь алтын. Марта в 1 день дано служебникам двум вместо котов¹⁹ три алтына четыре денги. Того ж числа взята у вотчиннаго

^а Так в рукописи, дата не указана

^б Так в рукописи, дата не указана.

^в Так в рукописи, дата не указана.

крестьянина деревни Двориц у Ивана Петрова корова на коровой двор, отца его по кабале, по ево доле, да тритцать алтын, да по ево ж доле за полосмины за овес, да за пудок пшеницу, да за полпудка за ечень, все за пять алтын за две денги. (Л. 77 об.) Марта в день^a куплено дехти, сала ворванья на семь алтын на четыре денги. Марта в день приезжал с Вологды приказной избы подьячей Иван Козьмин с наказом о сыску беглова старца Тарасия, дано ему в почесть алтын 2 денги. Плачено великому государю в казну, а на Вологде зборщику подьячему Федору Воробьеву полевных денег на нынешней 1702-й год восемь алтын на провод тех денег и от отписи четыре алтына. Куплено в розные числа холстов, мешков, и от точи холстов двенатцать алтын одна денга. Дано игумену Акилу зажилых денег на прошлой 1701-й год на треть года с сентября с первого числа да по нынешней 1702-й год генваря по первое число рубль дватцать 2 алтына одна денга. Еромонаху Иосифу дано на семь месяцев на прошлой 1701-й год июня с первого числа да по нынешней 1702-й год генваря по первое число по осми алтын по две денги на месяц. Того дано рубль дватцать пять алтын.

Роздача братие на свитки

Выдано братие десетью монахом на треть года на прошлой 1701-й год сентября с первого числа да по нынешней 1702-й год генваря по первое число по четы (Л. 78) ре алтына по две денги, того рубль десять алтын три алтына две денги. Крылашенину монаху Варламу дано на свитки на прошлой 1701-й год на десять месяцев марта с первого числа да по нынешней 1702-й год генваря по первое число десять алтын две денги. Роздача вкладчиком и служебником на рубахи: четверем человека по четыре алтына по две денги, двадцать человекам по три алтына по две денги на человека, того два рубля дватцать семь алтын две денги на треть же года. Дано церковным дьячком Антону Яковлеву с товарищи зажилых денег на прошлой 1701-й год на три месяца дватцать семь алтын две денги. Куплено ряса кириловскаго сукна, дана семь алтын. От четырех жеребцов от лехчения дано четыре денги. От упалой скотины от съему дано два алтына. Продано из монастырских житниц хлеба: пшеницы, ржи, овса, дано пошлин три алтына две денги. Приезжал подьячей с Вологды для высылки с подводами, дано ему в почесть алтын две денги. Сентября в 20-й день ездил старец Иосиф к столнику Лукиану Никифоровичу Кологривово от игумена Акилы з братьею (Л. 78 об.) с отпискою, бить челом о зажилых деньгах и о платье двум сторожам да салдатом, дано алтын 4 денги, себе на харчу, и лошаде на овес, и постоялова, того шесть алтын 2 денги. Всего в расходе сорок рублей 20 шесть алтын. За расходом осталось в монастырской казне три алтына адна денга, а держаны нынешняго 1703-го году в расход.

^a Так в рукописи, дата не указана.

1701-го октября в день^а Всемилостиваго Спаса Инокентьева монастыря при игумене Акиле з братьею книги житника старца Боголепа, сколько умолочено в 1702-м году в монастырских овинах ржи, овса, пшеницы и ячмени, и то писано в сих тетратех ниже сего

Принято у замолотчиков изо обоих овинов у старца Тихона да у вклячика Ивана Зиновьева в монастырские житницы изо обоих овинов по мере умолоченой ржи сто семьдесят семь четвертей три полуосмины. Да тое ж вотчины взято у дьякона Герасима, да у вотчиннаго крестьянина у Прокофья Афонасьева, да у Филиппья Филатова с их повытей семь четвертей три полуосмины ржи. В приходе сто возмдесят пят четвертей две полуосмины.

(Л. 79) Прием овсу. Принято у тех же замолотчиков изо обоих овинов умолоченаго овса четыреста пятьдесят осемь четвертей с полуосминой. Принято изо обоих овинов у замолотчиков пшеницы осмьнатцать четвертей с осминою. Принято изо обоих овинов умолоченаго ячмени шесть четвертей.

1702-го генваря в день^б житника старца Боголепа монастырскому казенному умолоченному хлебу рже, овсу, пшеницы, ячмени расход

Смолото из монастырских житниц про монастырской расход ржи сто адиннатцать четвертей три полуосмины. Рощено про монастырской расход ржи в солод десять четвертей. Плачено по кабале на Вологде подьяческой жене Федора Капустина три четверти ржи. Казенному подьячему Семену Тимофееву за казенную и за житенную службы на прошлой 1701-й год три полуосмины ржи на треть года. Высияно из монастырских (Л. 79 об.) житниц в монастырское поле 1703-му году пятьдесят девять четвертей с полуосминой ржи. Всего в расходе ржи сто восмдесят четверти три полуосмины.

Расход монастырскому казенному овсу

Выдано на конюшно записным драгунским государевым, и стоялым, и ежжалым коням в розные числа и в городовые поездки тритцать четвертей. Марта в 30-й день дано казенному подьячему Семену Тимофееву от казенной и от житенной службы на прошлой 1701-й год на треть года три полуосмины овса. Вологодскому соборному звонарю дано новы полуосмины овса. Переделано на крупу и на ядреца пятьдесят шесть четвертей две полуосмины овса. Вмешено в солод во ржинец и в яшной девятнатцеть четвертей с полуосминой овса. Плачено по кабале на Вологде подьяческой жене Федора Капустина три четверти овса. В охвосную пшеницу вмешено 2 четверти с осминою овса. Истолчено на мельнице про монастырской расход дватцать три четверти три полуосмины овса. Высияно в монастырское поле двести дватцать семь четвертей с осминою овса. Всего в расходе триста семьдесят три чети с полуосминою овса. Осталоса за расходом возмдесят^в пять четвертей. Расход пшеницы. Выдано казначею на продажу пшеницы четверть три

^а Так в рукописи, дата не указана.

^б Так в рукописи, дата не указана.

^в Так в рукописи.

полуосмины. Смолото на просфиры и на монастырской росход три четверти, высияно на огнище и на пахатную землю две чети две полуосмины. Высияно на одворину в монастырское поле четверть ячмени.

№3²⁰**1723 г. января 29 – Опись имущества Иннокентиева
Комельского монастыря**

(Л. 1) Великому господину и государю Преосвященному Павлу, епископу Вологодскому и Белозерскому²¹. Вашего архипастырству всенижайше доносим. В доме, государь, Вашего архиерейства на Вологде и в вотчинах за помощью Божию и за Вашими архипастырскими молитвами все хранимо. Грамоту Вашего преосвященства, писанную в Санкт-Петербурхе марта 23-го дня, мы в сени [...] на Вологде июня 2 дня 1722-го году Воскресенского Череповецкого монастыря²² игумена Макария (Хворостина) получили <...>

(Л. 5) Поданы сии описные книги в розряде духовные генваря 29 дня 1723 года, записав в книгу, взяты в отпуск.

По указу его величества императора и самодержца всероссийского и по приказу Преосвященного Павла, епископа Вологодского и Белозерского, каков в нынешнем 1723 году генваря в 12 день дан из дому его архиерейского от Синода на команды из духовного розряда при подписании диака Федора Тихомерова его ж архиерейского дому крестовому иеромонаху Феофану, которому велено по тому указу ехать в Вологодской уезд в Иннокентиев монастырь с игуменом Макарием (Хворостинным). И, приехав, во оном монастыре всем: братии, и слугам, и служебником, и вотчинным всем крестьяном означенного игумена Макария (Хворостина) объявить по указу его императорского величества настоятелем. И по объявлению оного игумена учинить в том Иннокентиеве монастыре переписные книги, что во оном монастыре в Божие церквах святых образов, и книг, и протчей всякой церковной утвари, также и в житенных анбарех хлеб, а на коровеим скотым дворам скот и протчую животину. И учиня оные переписные двои книги того монастыря всеи братии за руками, одне привести в дом Преосвященного епископа на Вологду в духовный розряд, а другие книги оставя во оном монастыре впред для ведома. И ехать на Вологду доезд, и книги подать духовных дел судии архимандриту Арсению с товарищи в духовном розряде. (Л. 5 об.) И по тому указу он, иеромонах Феофан, в Иннокентьеве монастыре Макария (Хворостина) всеи братии монахом, и служителем, и вотчинным крестьяном объявил, и в послушании у него быть велел, и в монастыре церковную утварь, также и в монастырских житницах всякой хлеб, лошадей и всякую скотину, и конюшенные припасы, что по осмотру моему явилось, писано ниже сего.

Церковь Преображения Господа нашего Иисуса Христва теплая с трапе-

²¹ Слово читается как «всименования»

зою, ветхая. А в ней в олгаре на престоле святый антиминос, и литон, и святое Еуангелие, оправлено в зеленом бархате травчатом, ветхое, еуангелисты серебряные. Крест деревянной, обложен серебром чеканным, ветхой. Дароносица оловянная. Одежда и покров крашенинное, ветхое. На жертвеннике сосуды оловянные, воздухи отласу травчатого по красной земле. Одежда крашенинная. Панагия оловянная, в котором по чину монастырскому из церкви в трапезу носитца Пречистая. (Л. 6) Чаша водосвятная медная, луженая да блюдо оловянное к водоосвящению ж. Два кадила медных. У врат царских завеса крашенинная. Крышка медная укропная, да ковшик оловянной укропной же. Три подсвешника медные, которые к водосвящению поставляются, маленькие.

В церкви коностас и протчие иконы, также и в трапезе, все на красках, не окладные, только у святителява образа Преображения Господня шесть венцов серебряных, в том числе у трех венцов гривенки кругом поля серебряные ж, чеканные. Животворящий Крест медной, в киоте сводчатом деревянном, писано на красках. Четыре лампы жестяных, ветхие.

Церковь Благовещения Пречистыя Богородицы. А в ней в олгаре на престоле святый антиминос, и литон, и святое Еуангелие, оправлено бархатом травчатым, ветхое, еуангелисты серебряные. Крест деревянной, одежда и покров выбойчатые. (Л. 6 об.) На жертвеннике сосуды оловянные, воздухи тавтяные брусничного цвету, одежда крашенинная. У врат царских завеса крашенинная. В церкви коностас и прочия иконы все на красках, не окладные. Над гробом преподобного чудотворца Инокентия образ его, венец, и цага, и по полям оклад серебряное, чеканное. Покров на том образе бархат черной травчатой, ветхой. Паникадило маленькое медное.

Церковь Третьяго обретения честныя главы Иоанна Предтечи, ветха. А в ней в олгаре на престоле святый антиминос, и литон, и святое Еуангелие печатное старинное, оправлено трипом красным цветным, ветхо, еуангелисты медные. Одежда киндяшная, покров черново бархату, опушен камкою, все ветхое. На жертвеннике одежда крашенинная, ветхая, сосуды оловянные, воздухи отласу травчатого. (Л. 7) У врат царских завес крашенинный. В церкви коностас и прочия иконы все на красках, не окладные, только у Спасителява образа местново Преображения Господня венец и цага серебряные. Четыре лампы жестяные, ветхие. Паникадило малое медное.

Церковной же утвари. Ризы штофу красного с травы золотыми и серебряными, оплечье штофу ж белого с травы золотыми и серебряными, подолник полосатые, подкладка киндяк желтой. Отласные желтые, оплечье бархату травчатого, около оплечья кружево серебряное, подолник камчатой красной. Камчатые лазоревые, оплечье бархатное черное, шито золотом и серебром, подолник камчатой желтой. Объяринные, зеленое оплечье бархатное травчатое, подолник камка красная. (Л. 7 об.) Парчи дороги травчатые, оплечье вишневого цвету штофное с травами золотыми, подолник тафта красная. Камчатая красная, оплечье травчатое отласное, подолник камчатой зеленой. Повседневные полотенные белые. Подризники. Камчатой красной, оплечье травчатое и подолник выбойчатое. Три крашенинные ветхие, повседневные. Епитрахили. Тавтяная красная, ветха, пугвицы медные.

Черного отласу травчатого, ветха, на ней пятнатцает пугвиц серебряных малых. Отласу белого травчатого, с медными пугвицами. Камчатая белая, ветхая, с пугвицы оловянными. Поясы: шелковой да нитяной. (Л. 8) Поручи. Парчи золотом серебром по черной земле, на ней десять пугвиц серебряных. Камчатые красные с пугвицы медными. Бархатные красные, пугвицы медныя. Стихари. Камчатой дымчатой, ветхой. Окладной травчатой черной, ветхой. Орари: два ветхие. Покров, которой бывает на гробе, чудотворцов черного отласу травчатого, крест и около ево кружево золото серебром.

В книгохранительной книг печатных в десть: Евангелие толковое, недельное; два Октоиха на осмь гласов; два Апостола; два Пролога во весь год; (Л. 8 об.) двенатцат Миней месячных; «Обед душевный» — сложение Симеона Полоцкого; «Меч душевный»; Патерик Киево-Печерский; две Триоди — постная да цветная, новые; две Триоди — постная ж да цветная, ветхие; Псалмы со воследованием; Минея общая з дванадесятными праздниками; Требник старой; Ефрема Сирина и аввы Дорофея; Требник новой; Соборник ветх; Устав новой; Псалтырь со воследованием, расплетена на трое, старая; Устав печатной, ветхой. В книгохранительной ж книг печатных в полдесть: два Ирмология; Служебник новой; Книга Иоанна Златоустаго «О священстве»; Псалтырь новая; Ефрем Сирий; Служебник ветх; (Л. 9) Псалтырь ветха; книга молебная благодарственная, новая; тетрадь молебная за немощнаго и болящего; тетрадь Служба о победе, Богом дарованной под Полтавой над шведским королем. Печатных же книг в четверть дести: два Часослова; Чиновник новой; Зерцало мирозрительное; тетрадь печатная прибавочная ектений о победе над сопостаты христоименитому воинству; тетрадь о житии преподобного чудотворца Инокентия, писмянная, уставом, в переплете кожаном, писание шестнадцать листов кроме неписанных. Писмянные в полдесть: два сенадика. Вышеписанная ризница и книги в сохранении обретаются у ризничего монаха Иосифа (Пелевы).

На колоколне пять колоколов медных, небольшие, часы боевые железные с перечасием.

(Л. 9 об.) В казенном анбаре нижеозначенные крепости. Великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича всея Руси жалованная грамота на деревню-починок Раменье, з деревнями за красною вислою печатью. Писана та великого государя грамота во 134-м году сентября в 29 день за приписью дьяка Прокопья Пахирева. Сотная выпись с вологодских книг письма и меры писца Федора Измаилова да подъячих Якова Абросимова да Михаила Бухарова 7129-го году февраля в 5 день на деревню, что был починок Раменской з деревнями. А та выпись за печатью писца Федора Измаилова, за приписью подъячих Якова Абросимова, Михаила Бухарова. Сотная выпись писца Семена Коробьина да подьячего Федора Стогова 140 году февраля в 6 день на монастырскую их вотчину на Никольской погост с деревнями, за печатью писца Семена Коробьина, за приписью подьячего Федора Стогова. Писцовая и межевая выпись с вологодских межевых книг писца Семена Коробьина да подьячего Федора Стогова (Л. 10) 136, и 137, и 138-го годов на деревню Дворцы з деревнями за приписью дьяка Семена

Струкова, писал подьячей Аника Стеншин. Дана та выпись Инокентьевы пустыни игумену Афанасию з братьею для вотчинного владенья во 184-м году. Двои списки с книг межевых Афанасия Шарова за руками, писаны 137 году октября в 10 день. Грамота блаженные памяти преосвященного Маркела, епископа Вологодского и Великопермского, по указу великого государя, по чему велено с крестьян в монастырь слугам того монастыря имать оброку, за красною вислою печатью, за приписью дьяка Данила Полбицкого, писана во 165-м году. Грамота великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, всея Великие, и Малые, и Белые Русии самодержцев, на отмежную землю с соколы помытки, писана в 201 году октября в 20 день. А пометы дьяка Никиты Пояркова, за справою Григория Акишева. Межевая выпись Афанасия Брянчанинова с соколы помытки за ево рукою, писана 199 году июля в день. (Л. 10 об.) Другая межевая выпись столника Бориса Змеева на ту ж землю с соколы помытки за рукою сына ево столника Венедихта Змеова, писана 7200-го году августа в 31 день. Полюбовная запись с Федотом Федоровым сыном Долваровым меж деревни Арсенин, писана 179-го году августа в 20 день за руками. И та запись в Помесном приказе записана. Полюбовная межевая записка Павлова монастыря со властью: с игуменом Иосифом да с келарем монахом Мисаилом в заемном деле меж деревнями Горшковым и Рыловым, писана 183 году сентября в 2 день за их руками. Меновная запись Андрея Михайлова сына Скорбеева в половине пустоши Ивашева без жеребья, писана 203 году апреля в 3 день за рукою ево, Андрея Скорбеева. Грамота преосвященному Гаврилу, архиепископу Вологодскому и Белозерскому, о владении на ту его землю, писана 7203-го году мая в 29 день, за пометою дьяка Анисима Невежина.

(Л. 11) Да посуды медной: котел в полтора ведра, ветх; чаш квасных три; ставцов братских девять; черная сковородка ветхая, небольшая; трапезен колоколчик в три фунта; две сковородки луженые, небольшие. Посуды ж оловянной: три блюда, четыре торелки, солонка без крышки.

В том же монастыре игуменская келья да братских девять келей, в том числе и казенный анбар, и около монастыря ограда, все огнило и валитца порознь. При монастыре ж три житницы ветхие, а в них хлеба на расходы налицо: пшеницы шесть четвертей, ячмени три четверти, овса одиннадцать четвертей. (Л. 11 об.) Да на семена отложены: пшеницы четыре четверти, ячмени пять четвертей, овса сто шестьдесят четвертей.

За монастырем на конюшенном дворе: узд ременных четыре, хомутов четыре, седелки две, дуг три, сани пошевные трое, седел с подпругами русских три, вышписанное все ветхое. Лошадей старых, и молодых жеребят, и кобыл тридцать девять, в том числе езжалых шесть лошадей. (Л. 12) На коровенном дворе коров дойных, бычков и телок трех, и дву лет, и годовых дватцать четыре, овец тридцать, боранов два.

Руку приложил (*подписи нет*)

А таковыя книги оставили у себя в монастыре в казне.

Ризничий монах Иосиф руку приложил генваря 24 день 1723 году.

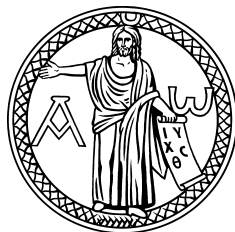
Федор Тихомиров (*подпись*).

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ РГАДА, ф. 281, оп. 1, № 2672.
- ² Данное утверждение составителей описания ошибочно, поскольку все строения, которые были возведены в монастыре при жизни прп. Иннокентия, по Житию, сгорели во время нашествия казанских татар в 1538 г.
- ³ Крестьянин Ковырзайко Иванов упоминается в Таможенной книге Вологды 1634–1635 гг.: «Вологодцкого уезда Никентьева монастыря крестьянин Ковырза Иванов явил на 5 санех 15 стягов мяс говяжьих, 15 грудин, цена 15 рублей» (Таможенная книга г. Вологды 1634–1635 гг. В 3 т. / Сост. Е. Б. Французова. Т. 2. М., 1983. С. 211). Благодарю за данное указание Е. Б. Французову.
- ⁴ РГАДА, ф. 237, оп. 1, № 33, л. 30–79 об.
- ⁵ Грамота интересна тем, что показывает время размежевания земель (1692 г.) между Иннокентиевым монастырем и владениями его ближайших соседей — государевых сокольников, получивших здесь земли по жалованной грамоте Ивана IV в 1540 г. (Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 1. СПб., 1841. С. 538–539).
- ⁶ Гавриил (Кичигин; † 30 марта 1707 г.), с 1681 г. архимандрит московского Новоспасского монастыря, 8 сентября 1685 г. хиротонисан во епископа Вологодского с возведением в сан архиепископа. Погребен в вологодском Софийском соборе у южных дверей.
- ⁷ Маркелл († 22 марта 1663 г.), с 1636 г. игумен Соловецкого монастыря, 16 января 1645 г. хиротонисан во епископа Вологодского и Великопермского с возведением в сан архиепископа. В 1654–1655 гг. участвовал в Соборе по исправлению богослужебных книг. Погребен в Соловецком монастыре, в храме прп. Германа, слева от входа.
- ⁸ Павлов Обнорский Троицкий монастырь на реке Нурме основан в 1414 г. прп. Павлом Обнорским, учеником прп. Сергия Радонежского. С 1764 г. 3-классный, в 1924 г. закрыт. В 1990-х гг. возрожден как подворье вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря.
- ⁹ Корнилиев Комельский Введенский монастырь находился примерно в 40 верстах к югу от Вологды при реке Нурме. Основан в 1499 г. прп. Корнилием (Крюковым), учеником прп. Кирилла Белозерского. С 1764 г. 3-классный, закрыт в 1924 г. К настоящему времени монастырские здания практически полностью разрушены.
- ¹⁰ Церковь мц. Параскевы Пятницы располагалась в вотчине Вологодского архиепископа в волости Лежский Волок на погосте, что на реке Бакланке (РГАДА, ф. 1209, оп. 1, кн. 14732, л. 890 об.— 951 об.).
- ¹¹ В Комельской волости помимо церкви в честь Третьего обретения главы Иоанна Предтечи в Иннокентиевом монастыре была еще одна Предтеченская церковь — в честь Рождества Иоанна Предтечи в селе Ивановском (РГАДА, ф. 1209, оп. 1, кн. 14728). Возможно, именно оттуда и был родом монах Варлаам.
- ¹² Дмитриев Спасо-Прилуцкий монастырь был основан в 1371 г. в излучине реки Вологды прп. Дмитрием Прилуцким. С 1764 г. 2-классный, ныне действующий, в границах современной Вологды.
- ¹³ Слуга Андрюшка Яковлев упоминается и в 1698 г., когда он сопровождал в Спасский Вожеозерский монастырь Чарондской округи «в черные службы» крестьянина Иннокентиева Комельского монастыря Дениса Иванова «за многие его непослушания игумену и за крамолы» (ОПИ ГИМ, ф. 226, № 31).
- ¹⁴ Коптева Сретенская пустынь была основана в 1481 г. на реке Великой в Комельской волости, в 1547 г. приписана к Корнилиеву Комельскому монастырю.
- ¹⁵ Спасо-Каменный Преображенский монастырь располагался в 45 км к северо-западу от Вологды на острове среди Кубенского озера. Принято считать, что он был основан в 1260 г. (по другим данным, в 1269 г.) князем Глебом Васильковичем,

первым из князей самостоятельного Белозерского княжества. С 1764 г. 3-классный, после пожара 1774 г. упразднен, однако в 1801 г. по ходатайству и на средства местных купцов и крестьян монастырь был возобновлен. Окончательно закрыт в 1925 г., в 1937 г. был взорван Спасо-Преображенский собор. В настоящее время идет процесс передачи монастыря Русской Православной Церкви.

- ¹⁶ В 1699 г. был издан указ о формировании 30 полков путем призыва «даточных» и «охочих» людей, т. е. рекрутов от определенного количества дворов, а также вольных людей.
- ¹⁷ Крестьянин Василий Афанасьев был отправлен в Воронеж, вероятно, в соответствии с указом Петра I о строительстве флота, изданном в январе 1696 г. Петр устраивал верфи в Воронеже и окрестных местах. Всего сюда собрали около 26 тыс. плотников со всех уголков России.
- ¹⁸ Возможно, Денис Иванов — это тот самый крестьянин, который в 1698 г. был сослан в Спасский Важеозерский монастырь Чародской округи «в черные службы... за многие его непослушния игумену и за крамолы» (см. примеч. 13)
- ¹⁹ Вид обуви.
- ²⁰ Государственный архив Вологодской области, ф. 496, оп. 1, № 770.
- ²¹ Павел (Васильев; † 5 февраля 1725 г.), родился в Вологде, был иеромонахом санкт-петербургского Александро-Невского монастыря. 29 января 1716 г. хиротонисан во епископа Вологодского. Погребен в вологодском Софийском соборе.
- ²² Воскресенский Череповецкий монастырь был основан до 1449 г. преподобными Афанасием и Феодосием, иноками Троице-Сергиева монастыря, при впадении речки Ягорбы в реку Шексну, на месте современного Череповца (Вологодская область). В 1764 г. упразднен и обращен в приходскую церковь. В 1780 г. при учреждении города Череповца бывший монастырский Воскресенский храм стал городским собором.

КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ, НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

О. В. Динеева*

Статьи по истории Русской
Православной Церкви
из неперiodических изданий,
поступивших в Государственную публичную
Историческую библиотеку России
во 2-м полугодии 2006 года

Общие работы

Бабушкина О. Ю. Особенности формирования духовного сословия в Сибири // Зырянские чтения: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. «IV Зырянские чтения», Курган, 22–23 нояб. 2006 г.— Курган, 2006.— С. 36–37.

Батури́н С. П., Батури́на Т. В. Русская Православная Церковь как фактор культурной интеграции Сибири в состав Российского государства // Сибирь в истории России: (К 100-летию Зинаиды Георгиевны Карпенко): Материалы регион. конф. (Кемерово, 29 сент. 2006 г.). Кемерово, 2006.— С. 113–126.

Белякова Е. В. Место женщины в пространстве православного храма Русского Севера // Поморские чтения по семиотике культуры: Сб. науч. ст. Вып. 2: Сакральная география и традиционные этнокультурные ландшафты народов Европейского Севера: [Материалы II Поморских чтений по семиотике культуры, 23–27 июля 2006 г.].— Архангельск, 2006.— С. 273–280.

Бобровников В. Г. Общественно-благотворительная деятельность церковных братств в России (XV в.— 1917) // Реконструкция национального опыта благотворительности и его применение в современных условиях: Материалы I Всерос. науч.-практ. конф., 30–31 мая 2006 г.— Пятигорск, 2006.— С. 205–209.

Бобровников В. Г. Общественно-благотворительная деятельность церковных братств в России (XVI в.— 1917) // Общество и власть: Материалы Всерос. науч. конф., июнь 2005 г., С.-Петербург.— СПб., 2006.— С. 11–16.

* © Динеева О. В., 2009

Оксана Владимировна Динеева, кандидат исторических наук, заведующая залом отечественной истории Государственной публичной Исторической библиотеки России.

Работа подготовлена в соответствии с библиографическими правилами «Православной энциклопедии».

Булдаков Д. С. Православие на Крайнем Севере: трансформация севернорусской традиции в условиях Заполярья // Живущие на Севере: образы и реальность: Сб. науч. ст.— Мурманск, 2006.— С. 24–35.

Бычкова В. М. Из истории воскресных школ России // Духовно-нравственная культура: Материалы первого фестиваля духовной культуры, Москва, 26 янв. 2005 г.— М., 2006.— С. 237–251.

Дзеранов Т. Е. Влияние православия на развитие осетинской культуры (X — начало XX в.) // Расы и народы: Современные этнические и расовые проблемы: Ежегодник. Вып. 31: 2005.— М., 2006.— С. 246–268.

Димитрий (Капалин), архиеп. Наследие святых равноапостольных Кирилла и Мефодия и традиции миссионерства в Сибири // Славянский мир: общность и многообразие: [Материалы Международной конференции «Славянский мир: общность и многообразие»; VI Межрегиональных научно-практических Кирилло-Мефодиевских чтений «Славянская культура в Российской цивилизации», 22–24 мая 2006 г., Ханты-Мансийск].— Ханты-Мансийск, 2006.— С. 21–38.

Докучаева С. Православие в г. Миассе // Православная культура на Урале: контексты истории и современность: Материалы науч.-богосл. конф. с междунар. участием: IV Слав. науч. собор «Урал. Православие. Культура»: 270-летию г. Челябинска посвящается.— Челябинск, 2006.— С. 312–314.

Един М. А., Овчаренко А. А. Российская духовность и социальная традиция исихазма // Социально-гуманитарные исследования: теоретические и практические аспекты: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 5.— Саранск, 2006.— С. 114–118.

Жак Л. Актуальность богословия С. Булгакова в диалоге с Западом // Православное богословие и Запад в XX веке: история встречи: Материалы междунар. конф. Синод. богосл. комис. Русской Православной Церкви и итал. фонда «Христианская Россия» (Италия, 2004).— М., 2006.— С. 119–146.

Карташева Н. В. Традиционная культура как объект миссионерского изучения // Феномен творческой личности в культуре: Памяти проф. Валентина Ивановича Фатющенко: Материалы II междунар. конф.— М., 2006.— С. 84–92.

Козин А. А., Человенко Т. Г. Принцип разделения светской и духовной власти как явление православного мировоззрения // Ученые записки Орловского государственного университета. Вып. 4: Религиоведение.— Орел, 2006.— С. 169–174.

Комаровский Е. А. Западная и российская церковная геральдика: традиции и перспективы // Россия и мир глазами друг друга: Из истории взаимовосприятия: [Сб. ст.]. Вып. 3.— М., 2006.— С. 348–373.

Лазукин А. В. Церковная археология Звенигородского края // История Московского края: Проблемы, исследования, новые материалы. Вып. 1.— М., 2006.— С. 75–81.

Минин И. В. Достижения отечественной историографии XIX — начала XX вв. в изучении Крещения Руси // II Межведомственный сборник научных трудов (ноябрь 2006 г.).— СПб., 2006.— С. 86–96.

Мочалов Е. В. Проблема религиозного и светского образования: история и современность // Социально-гуманитарные исследования: теоретические и практические аспекты: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 5.— Саранск, 2006.— С. 335–340.

Овчаренко А. А. Исихазм в русской духовной культуре // Социально-гуманитарные исследования: теоретические и практические аспекты: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 5.— Саранск, 2006.— С. 78–82.

Петрунин В. В. Особенности эволюции исихазма // Православие и отечественная культура: наука, образование и искусство: Материалы VII всерос. образоват. форума, посвященного памяти свт. Феофана (Вышенского затворника) с участием «Глинских чтений», 25–26 мая 2006 г. [Т. 2].— Орел, 2006.— С. 19–24.

Суханова О. Православная Церковь в г. Миассе // Православная культура на Урале: контексты истории и современность: Материалы науч.-богосл. конф. с междунар. участием: IV Слав. науч. собор «Урал. Православие. Культура»: 270-летию г. Челябинска посвящается.— Челябинск, 2006.— С. 362–366.

Сухина (Воронкова) Е. Н. Документальное наследие Русской Православной Церкви в Государственном архиве Челябинской области // Там же.— С. 235–241.

Таймасов Л. А. Основные вехи христианского просвещения чувашского народа // Духовно-нравственное просвещение и воспитание молодежи: история и современность: Сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф., г. Чебоксары, 22 июня 2006 г.— Чебоксары, 2006.— С. 292–304.

Федирко О. П. Православное образование в Приамурье: история и современность // Сибирь на перекрестье мировых религий: Материалы 3-й межрегион. науч.-практ. конф., посвящ. памяти выдающегося ученого и педагога, специалиста по библеистике, проф. НГУ Михаила Иосифовича Рижского.— Новосибирск, 2006.— С. 47–49.

Ченская Г. А. Паломничество: Маршруты и евлогии // Феномен паломничества в религиях: священная цель, священный путь, священные реликвии: Материалы XIII С.-Петербург. религиовед. чтений.— СПб., 2006.— С. 5–8.

Русская Православная Церковь с древнейших времен до начала XVIII века

Абрамова И., Титова А. Старец, ревностный ко славе Отечества: Архиепископ Ростовский Вассиан и его Послание на Угру Ивану III // Молодость — науке: Материалы обл. науч.-практ. конф. учащихся и студентов, посвящ. памяти А. Л. Чижевского. Вып. 6.— Калуга, 2006.— С. 45–54.

Алексеев А. И. Эсхатологические переживания в Западной Европе и на Руси в IX–XV вв.: (Синхронно протекавшие процессы или типологическое сходство?) // Исследования по русской истории и культуре: Сб. ст. к 70-летию проф. Игоря Яковлевича Фроянова.— М., 2006.— С. 237–263.

Алексеев Е. А. Попытка организации независимой митрополии Андреем Боголюбским в освещении отечественных и зарубежных историков // Научные труды аспирантов и соискателей Нижневартковского государственного педагогического института. Вып. 3.— Нижневартовск, 2006.— С. 3–12.

Андреев И. Л. Страсти по Вербному шествию // Памяти Лукичева: Сб. ст. по истории и источниковедению.— М., 2006.— С. 346–363.

Архипова М. Д. О степени причастности Киприана Старорушанина к возникновению сибирского летописания // Проблемы истории Сибири XVI–XX вв.: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 2.— Нижневартовск, 2006.— С. 4–17.

Аскарлова В. Я. Религиозная составляющая в концепции российского читателя (конец X — первая четверть XVIII века) // Православная культура на Урале: контексты истории и современность: Материалы науч.-богосл. конф. с междунар. участием: IV Слав. науч. собор «Урал. Православие. Культура»: 270-летию г. Челябинска посвящается.— Челябинск, 2006.— С. 121–128.

Барabanщикова А. К проблеме исследования истоков юродства на Руси // Славянский мир: общность и многообразие: [Материалы Международной конференции «Славянский мир: общность и многообразие»; VI Межрегиональных научно-практических Кирилло-Мефодиевских чтений «Славянская культура в российской цивилизации», 22–24 мая 2006 г., Ханты-Мансийск].— Ханты-Мансийск, 2006.— С. 216–219.

Башкалова В. А. Образование и философия в Киево-Могилянской академии // Актуальные проблемы социогуманитарного знания: Сб. науч. тр. Вып. 36.— М., 2006.— С. 24–30.

Берловская О. С. Еретики — как примета наступающих «последних времен»: (На примере эсхатологических настроений Иосифа Волоцкого) // Ежегодник историко-антропологических исследований, 2005. [Вып. 3].— М., 2006.— С. 147–155, табл.

Божко Н. В. К вопросу об истоках церковного раскола XVII века // Актуальные проблемы социально-гуманитарных наук: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 39.— Воронеж, 2006.— С. 38–40.

Бондарева О. Н. О сущности строительной деятельности Святейшего Патриарха Никона // Материалы Кирилло-Мефодиевских чтений: [Сб.]. Вып. 1.— СПб., 2006.— С. 334–341.— (Труды СПбГУКИ. Т. 171).

Борщик Н. Д. Церковная колонизация южных уездов в XVII в. (на материалах Курского края) // История России как многоконфессионального государства: Материалы 42-й Всерос. заоч. науч. конф.— СПб., 2006.— С. 11–13.

Винокуров Д. А. Специфика современной историографической ситуации вокруг Иосифа Волоцкого // Шаг в историческую науку: [Сб.]. Вып. 6: Материалы региональной студенческой научной конференции, г. Екатеринбург, 20 апр. 2006 г.— Екатеринбург, 2006.— С. 70–72.

Власов В. С. Религиозно-политические воззрения преподобного Иосифа Волоцкого // Уральские Бирюковские чтения: Сб. науч. ст. Вып. 4: Город как феномен культуры. Ч. 2.— Челябинск, 2006.— С. 338–345.

Воронова Л. Я. Концепция личности Нила Сорского А. С. Архангельского // Ученые записки Казанского университета. Т. 148: Гуманитарные

науки. Кн. 3: [Международные Бодуэновские чтения].— Казань, 2006.— С. 214–222.

Вострикова Н. Ю. Образы Сергия Радонежского и Иосифа Волоцкого в исследованиях В. О. Ключевского // Перспективы самоорганизации общества в стратегиях глобального развития: Сб. науч. ст. Ч. 2.— Саратов, 2006.— С. 64–69.

Галкин А. В. Политическая культура в среде образованного русского духовенства рубежа XV–XVI веков // Политическая культура интеллигенции и ее место и роль в жизни общества: Материалы XVII Междунар. науч.-теорет. конф., Иваново, 21–23 сент. 2006 г.— Иваново, 2006.— С. 182–184.

Гордеева С. С. Сказания о Максиме Греке в XVI–XVII вв.: историография и источниковедение // Шаг в историческую науку: [Сб.]. Вып. 6: Материалы региональной студенческой научной конференции, г. Екатеринбург, 20 апр. 2006 г.— Екатеринбург, 2006.— С. 72–74.

Гордиенко Э. А. Власть мирская и власть духовная // Государственная власть и местное самоуправление в России. Северо-Западный регион: Материалы науч.-практ. семинара, 25–27 марта 2004 г.— Великий Новгород, 2006.— С. 17–21.

Гузенок И. В. Христианские символы в религиозном сознании славян // Святоотеческие традиции в русской литературе: Сб. науч. тр.— Омск, 2006.— С. 4–11.

Дергачева И. В. Эсхатологические представления в Древней Руси // Феномен творческой личности в культуре: Памяти проф. Валентина Ивановича Фатющенко: Материалы II междунар. конф.— М., 2006.— С. 179–190.

Долгов В. В. «Сакральный город» в контексте религиозных воззрений населения Древней Руси XI–XIII вв. // Исследования по русской истории и культуре: Сб. ст. к 70-летию проф. Игоря Яковлевича Фроянова.— М., 2006.— С. 226–236.

Долгова Е. А. Эволюция представлений о праведности и восприятие спасения в канонической мысли русского Средневековья // Динамика нравственных приоритетов человека в процессе его эволюции: Материалы XIX междунар. науч. конф., С.-Петербург, 15–16 мая 2006 г. Ч. 1.— СПб., 2006.— С. 163–165.

Жервэ Н. Н. Мир новгородского паломника XII–XIII вв.: Путешествие Добрыни Ядрейковича в Царьград // Феномен паломничества в религиях: священная цель, священный путь, священные реликвии: Материалы XIII С.-Петербург. религиовед. чтений.— СПб., 2006.— С. 15–16.

Звездина Ю. Н. Некоторые особенности темы Креста в российской духовной культуре конца XVII — начала XVIII в. // X Научные чтения памяти Ирины Петровны Болотцевой (1944–1995): Сб. ст.— Ярославль, 2006.— С. 107–126, ил.

Карабущенко П. Л. Платон и «Московская академия» Максима Грека // Традиционная славянская культура и современный мир: Материалы II Кирилло-Методиевских чтений, 22 мая 2006 г.— Астрахань, 2006.— С. 163–173.

Кияшко Ю. Н. Отечественные историки XX в. о роли корсунского духовенства на раннем этапе христианизации Руси // Научные труды аспирантов и соискателей Нижневартковского государственного педагогического института. Вып. 3.— Нижневартовск, 2006.— С. 26–34.

Климов Е. В. К вопросу о периодизации христианизации Древней Руси // Духовная судьба России и цивилизация XXI века: (V Рождеств. образот. чтения): Материалы Всерос. науч.-практ. конф., 6–7 февр. 2006 г.— Тюмень, 2006.— С. 200–204.

Курочкина-Лезина А. В. Православная образность в древнерусских хождениях: («Хождение игумена Даниила») // Православие в контексте отечественной и мировой литературы: Сб. ст.— Арзамас, 2006.— С. 94–99.

Лимеров П. Ф. Крещение Перми: языческий текст // Семиозис и культура: Сб. науч. ст. Вып. 2.— Сыктывкар, 2006.— С. 149–159.

Макаров Д. В. Между Небесным Царством и утопией: пути русской духовной культуры (к проблеме «Москва — Третий Рим») // Литература XI–XXI вв.: Национально-художественное мышление и картина мира: Материалы Междунар. науч. конф., 20–21 сент. 2006 г. Ч. 1: Национальное сознание в литературном и культурно-языковом развитии.— Ульяновск, 2006.— С. 49–60.

Маханько М. А. Дары Антиохийского патриарха Макария царю Алексею Михайловичу и Патриарху Никону: замысел и воплощение // Иноземцы в России в XV–XVII веках: Сб. материалов конф. 2002–2004 гг.— М., 2006.— С. 415–429.

Медведев А. В. Крещение Руси: проблема культурной совместимости // Православная культура на Урале: контексты истории и современность: Материалы науч.-богосл. конф. с междунар. участием: IV Слав. науч. собор «Урал. Православие. Культура»: 270-летию г. Челябинска посвящается.— Челябинск, 2006.— С. 214–219.

Мельник А. Г. Ростовский митрополит Иона (1652–1690) как творец сакральных пространств // Иеротопия: Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси: [Сб. по материалам международного симпозиума, июнь 2004 г.]— М., 2006.— С. 740–753, ил.

Мильков В. В. Источники учености Кирика Новгородца // Календарно-хронологическая культура и проблемы ее изучения: К 870-летию «Учения» Кирика Новгородца: Материалы науч. конф., Москва, 11–12 дек. 2006 г.— М., 2006.— С. 13–25.

Мильков В. В., Симонов Р. А. Мироззрение Кирика Новгородца // Там же.— С. 25–35.

Мусин А. Е. Соборные округа древнерусского города: от сакральной топографии к иеротопии // Иеротопия: Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси: [Сб. по материалам международного симпозиума, июнь 2004 г.]— М., 2006.— С. 491–524, ил.

Мусин А. Е. Современные проблемы изучения христианских древностей русского средневекового города: Археология Церкви или церковная археология? // Современные проблемы археологии России: Материалы Всерос.

археолог. съезда (23–28 окт. 2006 г., Новосибирск). Т. 2.— Новосибирск, 2006.— С. 230–232.

Нестерова С. А. Крещение святой княгини Ольги с точки зрения историка-христианина // Наука и культура России: Материалы III Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. Дню славянской письменности и культуры. 24–25 мая 2006 г. Ч. 1.— Самара, 2006.— С. 128–129.

Новиков В. С. Святой Илья Муромец, православное воинство богатырское и проблема историчности русского эпоса // Православная культура на Урале: контексты истории и современность: Материалы науч.-богосл. конф. с междунар. участием: IV Слав. науч. собор «Урал. Православие. Культура»: 270-летию г. Челябинска посвящается.— Челябинск, 2006.— С. 219–225.

Опарина Т. А. Полковник Александр Лесли и православие // Иноземцы в России в XV–XVII веках: Сб. материалов конф. 2002–2004 гг.— М., 2006.— С. 141–166.

Панфилова М. И., Григоренко А. Ю. Зосима и Артемий // Отечественные традиции гуманитарного знания: история и современность: II науч.-практ. конф., 26 мая 2006 г.: Сб. докл.— СПб., 2006.— С. 72–74.

Петров Н. И. Модели христианизации Северо-Западной Руси и археологические источники // Мировая политика и идейные парадигмы эпохи: Сб. ст.— СПб., 2006.— С. 430–438.— (Труды СПбГУКИ. Т. 169).

Пуцко В. Г. Византийские элементы в истоках культуры русского города // Русский сборник.— Брянск, 2006.— С. 210–214.

Рождественская М. В. Создание сакральных пространств в литературе средневековой Руси: (К постановке проблемы) // Иеротопия: Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси: [Сб. по материалам международного симпозиума, июнь 2004 г.]— М., 2006.— С. 525–532.

Самойлова Т. Е. Священное пространство княжеского гроба // Там же.— С. 579–611, ил.

Седов Вл. В. Сакральное пространство древнерусского храма: архитектурный аспект // Там же.— С. 556–578, ил.

Симонов Р. А. Некоторые проблемы «Учения» Кирика Новгородца // Календарно-хронологическая культура и проблемы ее изучения: К 870-летию «Учения» Кирика Новгородца: Материалы науч. конф., Москва, 11–12 дек. 2006 г.— М., 2006.— С. 5–13.

Скрипкина Е. В. Управление Русской Православной Церковью в 1658–1667 гг. // Исторический ежегодник: [Сб. ст.]. 2005.— Омск, 2006.— С. 12–16.

Скрипкина Е. В. Царь Алексей Михайлович в идеологии раннего раскола // Вестник Томского государственного университета: Общонауч. период. журн. Бюл. оператив. науч. информации. № 70(1): Май: Актуальные проблемы отечественной истории XVI — начала XX в.— Томск, 2006.— С. 13–19.

Сукина Л. Б. Русский человек и его православная вера глазами европейцев (вторая половина XVI–XVII вв.) // Иноземцы в России в XV–XVII веках: Сб. материалов конф. 2002–2004 гг.— М., 2006.— С. 215–225.

Толстик А. В. Русское православие в свете шведской лютеранской теологии (первая половина XVII в.) // Мозаика: Фрагменты истории

шведской культуры = Skarvor: Bitar till den svenska kulturhistoriens mosaik: [Сб. ст.]— М., 2006.— С. 209–227.

Успенский Б. А. «Хождение посолонь» и структура сакрального пространства в Московской Руси // Иеротопия: Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси: [Сб. по материалам международного симпозиума, июнь 2004 г.]— М., 2006.— С. 534–555.

Ушакова Н. В. Строительство первых русских монастырей в историографии 1980-х гг. // Тюменский исторический сборник. Вып. 9.— Тюмень, 2006.— С. 53–58.

Фельдман Д. З. О роли выкрестов в следствии и суде над Патриархом Никоном: (По материалам РГАДА) // Памяти Лукичева: Сб. ст. по истории и источниковедению.— М., 2006.— С. 466–482.

Шевченко М. Н. К вопросу о сущности учения Иосифа Волоцкого о царской власти // Вестник Томского государственного университета: Общественно-научный журнал. Бюл. оператив. науч. информации. № 70(1): Май: Актуальные проблемы отечественной истории XVI — начала XX вв.— Томск, 2006.— С. 7–12.

Русская Православная Церковь в синодальный период

Абашев Э. А. К вопросу о социальной деятельности Русской Православной Церкви на рубеже XIX–XX вв.: (По материалам Пермской губернии) // Социальные институты в истории: ретроспекция и реальность: Межвуз. сб. ст.— Омск, 2006.— С. 170–173.

Абашев Э. А. Опыт обучения и воспитания молодежи в церковных школах Пермской губернии на рубеже XIX–XX вв. // Русановские чтения: [Сб.]. Вып. 2: Региональные общественно-исторические чтения имени Владимира Николаевича Русанова (20 мая 2006 г., г. Оса).— Оса, 2006.— С. 7–9.

Абросимова Л. В. Документы Нижегородского епархиального училищного совета как источник по истории духовного образования в Нижегородской губернии в XIX — начале XX в. // Нижегородская архивоведческая конференция (2; 2006): Материалы: Чтения памяти А. Я. Садовского.— Нижний Новгород, 2006.— С. 80–86.

Агафонова Г. З. Православные основы воспитания и обучения в педагогических воззрениях святителя Фаддея (Успенского) // Духовно-нравственное просвещение и воспитание молодежи: История и современность: Сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф., г. Чебоксары, 22 июня 2006 г.— Чебоксары, 2006.— С. 33–41.

Адаменко А. М. Восстановление забытых имен пастырей: (На примере причта Петропавловской церкви рудника «Салаир») // Сибирь в истории России: (К 100-летию Зинаиды Георгиевны Карпенко): Материалы регион. конф. (Кемерово, 29 сент. 2006 г.).— Кемерово, 2006.— С. 27–31.

Адаменко А. М. Восстановление истории священно- церковнослужителей Томской епархии: (На примере семьи Ильинских) // Интеллектуальный

и индустриальный потенциал регионов России: Материалы IV Всерос. науч. чтений, г. Кемерово, 22 сент. 2006 г.— Кемерово, 2006.— С. 139–142.

Адамов М. А. Историография православных духовных семинарий Российской империи и Центрального Черноземья // Курский край: Науч.-ист. журн. 2006. № 17–18 (92–93).— Курск, 2006.— С. 67–74.

Адлыкова А. П., Модоров Н. С. Алтайская духовная миссия и просвещение алтайцев: Миф или реальность // История России как многоконфессионального государства: Материалы 42-й Всерос. заоч. науч. конф.— СПб., 2006.— С. 128–130.

Адлыкова А. П., Модоров Н. С. Новые материалы о жизни и деятельности «просветителя инородцев Алтая» — архимандрита Макария (Глухарева; 1792–1847) // Вестник Томского государственного университета: Общонауч. период. журн. Бюл. оператив. науч. информации. № 95: Ноябрь: История и культура коренных народов Саяно-Алтая.— Томск, 2006.— С. 18–23.

Адлыкова А. П. Социальный состав насельниц женских обителей Алтайской духовной миссии // Там же.— С. 24–32, табл.

Акиншин А. Н. Преподаватели Воронежской духовной семинарии — ученики В. О. Ключевского // Вклад Воронежской православной духовной семинарии в развитие образования и культуры Воронежского края и России: Материалы конф., [10–11 февраля 2006 г.]— Воронеж, 2006.— С. 61–65.

Акишин М. О. Роль Православной Церкви в межэтнических контактах в Обдорской волости в первой половине XVIII века // Ямал в XVII — начале XX вв.: социокультурное и хозяйственное развитие: (Документы и исслед.): [Сб.]— Салехард, 2006.— С. 83–146.

Акоева Н. Б. Кубанское приходское духовенство в годы Первой мировой войны // Религиозные организации в социально-государственной системе современной России: Тез. докл. науч.-практ. интернет-конф., 10 апр.— 10 окт. 2006 г.— Волгоград, 2006.— С. 68–73.

Аленина З. Н. Архиепископ Парфений и его участие в перезахоронении князя П. И. Багратиона в 1839 г. // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография: Сб. материалов. [Т.] 5: Сб. материалов: К 200-летию Отечественной войны 1812 г.— М., 2006.— С. 181–193, ил.

Алисов Д. А. Русская Православная Церковь и городская культура в условиях начального этапа модернизации (на примере главных административных центров Западной Сибири) // Культура и интеллигенция меняющихся регионов России: XX век. Интеллектуальные диалоги: XXI век. Россия — Сибирь — Казахстан: Материалы VI Всерос. науч. и науч.-практ. конф. с междунар. участием (Омск, 3–5 окт. 2006 г.). Ч. 2.— Омск, 2006.— С. 215–218.

Андреева Л. А. Соотношение светского и религиозного в концепции власти императора Петра I // Россия и современный мир: проблемы политического развития: Материалы II Междунар. межвуз. науч. конф., 13–14 апр. 2006 г. Ч. 2.— М., 2006.— С. 9–19.

Андреева Ю. О. Значение царского паломничества к Серафиму Саровскому в рассказах паломников // Феномен паломничества в религиях:

священная цель, священный путь, священные реликвии: Материалы XIII С.-Петербург. религиовед. чтений.— СПб., 2006.— С. 37–38.

Андреева Ю. С. Миссионерская деятельность Русской Православной Церкви в Оренбургской епархии в конце XIX — начале XX вв. // Традиции и новации в отечественной духовной культуре: Дни славянской письменности и культуры, 24–25 мая 2006 г.: Сб. материалов III Южно-Урал. межвуз. науч.-практ. конф.— Челябинск, 2006.— С. 33–36.

Апанасёнок А. В. Староверы и «никониане» в повседневной жизни российской деревни пореформенного периода: особенности межконфессиональных отношений (на материалах Центрального Черноземья) // Краеведение в Курском крае: прошлое и современность. Межрегиональные связи: Тр. 1-й междунар. краевед. конф., 26 окт. 2006 г., г. Курск. Ч. 2.— Курск, 2006.— С. 14–18.

Арсентьева А. В., Иванова Т. Н. Портрет учителя Закона Божия в городских училищах Чувашского края в XIX — начале XX вв.: Общее и особенное // Духовно-нравственное просвещение и воспитание молодежи: история и современность: Сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф., г. Чебоксары, 22 июня 2006 г.— Чебоксары, 2006.— С. 159–165.

Арсентьева А. В., Петрянкина А. П. Религиозное воспитание в начальной школе России XIX — начала XX вв. // Там же.— С. 166–171.

Асочакова В. Н. Особенности христианизации хакасов в XVIII–XIX вв. // Сибирь на перекрестье мировых религий: Материалы 3-й межрегион. науч.-практ. конф., посвящ. памяти выдающегося ученого и педагога, специалиста по библеистике, проф. НГУ Михаила Иосифовича Рижского.— Новосибирск, 2006.— С. 192–195.

Бабинов Ю. А. Святитель Иннокентий (Борисов), архиепископ Херсонский и Таврический // Духовное наследие Крыма: Материалы междунар. церков.-ист. конф... памяти прп. Иоанна, еп. Готфского, 7–10 июля 2005 г., пос. Партенит.— Симферополь, 2006.— С. 111–131, портр.

Бабушкина О. Ю. Городской приход во второй половине XIX — начале XX в.: (По материалам Кургана и Шадринска) // Уральские Бирюковские чтения: Сб. науч. ст. Вып. 4: Город как феномен культуры. Ч. 1.— Челябинск, 2006.— С. 207–212.

Бабушкина О. Ю. Источники дохода приходского духовенства Южного Зауралья во второй половине XIX — начале XX в. // Емельяновские чтения: Материалы 1-й Межрегион. науч.-практ. конф., Курган, 19–20 апр. 2006 г.— Курган, 2006.— С. 86–88.

Балакшина Ю. В. Святой праведный отец Иоанн Кронштадтский и история одного малоизвестного перевода Библии на русский язык // История Отечества: Святые и святые Русского Севера: [По материалам VII Иоанновских образовательных чтений]: Сб. ст.— Архангельск, 2006.— С. 15–21.

Бежанидзе Г. В. Святитель Филарет и проблема митрополичьих округов в церковной жизни России XIX в. // Филаретовский альманах. Вып. 2: [Статьи и материалы, посвященные деятельности свт. Филарета (Дроздова)].— М., 2006.— С. 86–104.

Берестова Е. М. История духовного образования в Удмуртии во второй половине XIX–XX вв. // Духовно-нравственное просвещение и воспитание молодежи: История и современность: Сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф., г. Чебоксары, 22 июня 2006 г.— Чебоксары, 2006.— С. 175–185.

Берестова Е. М. Православные общества в Удмуртии во второй половине XIX — начале XX в. // Уральские Бирюковские чтения: Сб. науч. ст. Вып. 4: Город как феномен культуры. Ч. 1.— Челябинск, 2006.— С. 212–217.

Богданова Т. А. Н. Н. Глубоковский и его воспоминания о Московской Духовной академии «За тридцать лет» // Исторические записки. Вып. 9(127).— М., 2006.— С. 389–424.

Бодрин А. В. «Духовный регламент» Петра I как инструмент государственного регулирования православия (на примере духовного образования) // Православие и гуманитарное знание: XV Рождественские православно-философские чтения.— Нижний Новгород, 2006.— С. 299–302.

Бодрин А. В. Секуляризационная реформа 1764 г.: (К вопросу о взаимоотношениях абсолютистского государства и Русской Православной Церкви в правление Екатерины II) // Православие в контексте отечественной и мировой литературы: Сб. ст.— Арзамас, 2006.— С. 123–129.

Бодрин А. В. Церковная реформа Петра I // X Нижегородская сессия молодых ученых: Гуманитарные науки, «Голубая Ока», 20–24 окт. 2005 г.: [Материалы докладов].— Нижний Новгород, 2006.— С. 6–8.

Болонкина Е. В. Особенности формирования состава духовенства Енисейской губернии в 1820 — начале 1860-х гг. // Сибирь в истории России: (К 100-летию Зинаиды Георгиевны Карпенко): Материалы регион. конф. (Кемерово, 29 сент. 2006 г.).— Кемерово, 2006.— С. 31–35.

Бутова Р. Б. Дневник архимандрита Антонина (Капустина) как исторический источник // Родное и вселенское: К 60-летию Николая Николаевича Лисового: [Сб. ст.].— М., 2006.— С. 60–87.

Васильев В. А., Куракова А. Д. Роль и место епископа Германа (Коккеля) в духовной жизни чувашского народа // Духовно-нравственное просвещение и воспитание молодежи: история и современность : Сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф., г. Чебоксары, 22 июня 2006 г.— Чебоксары, 2006.— С. 46–52.

Васина С. М. Изучение истории приходского духовенства в дореволюционной историографии // Актуальные проблемы истории в отечественной и зарубежной историографии: Материалы VII Тарасов. чтений, 14 мая 2004 г.— Йошкар-Ола, 2006.— С. 79–82.

Вепренцева Т. А. Церковные общества в российской провинции в 60-х гг. XIX — начале XX в. // Провинциальное духовенство дореволюционной России: Сб. науч. тр. Всерос. заоч. конф. Вып. 2.— Тверь, 2006.— С. 260–266.

Веремченко В. А. Вопрос о «всегдашнем безбрачии» в законе и в повседневной жизни православного населения России во второй половине XIX в. // X Царскосельские чтения: Междунар. науч. конф., 25–26 апр. 2006 г. Т. 4.— СПб., 2006.— С. 141–146.

Власова Е. Портрет митрополита Санкт-Петербургского Серафима (Глаголевского) в собрании Смоленского музея-заповедника: Опыт иконографической атрибуции // Музейный вестник. [Вып.] 1.— Смоленск, 2006.— С. 17–19.

Воробьева Н. Н. К характеристике отечественных церковно-исторических школ второй половины XIX — начала XX в. // Мир историка: Историограф. сб. Вып. 2.— Омск, 2006.— С. 44–57.

Вычужанин А. Л. Об участии Русской Православной Церкви в развитии кредитной кооперации // Вестник архивиста: Информ. бюл. 2006. № 6(96): Ноябрь–декабрь.— М., 2006.— С. 116–119.

Гаврилин А. В. Архиерейское управление на рубеже XIX–XX столетий: Его Преосвященство епископ Рижский и Митавский Агафангел (Преображенский) // Россия и Балтия: [Сб.]. Вып. 4: Человек в истории.— М., 2006.— С. 117–134.

Гаврилин А. Православная Церковь и русификаторская политика в Латвии во второй половине XIX — начале XX веков: (На примере Лудзенского благочиния) // Seminarium hortus humanitatis: Альм. Гуманит. семинара. Вып. 7: Русский мир и Латвия: Социальная мифология.— Рига, 2006.— С. 87–93.

Гаврилова Н. И. Конфессиональные аспекты общественного быта горожан Иркутской губернии во второй половине XIX в. // Сибирский город XVIII — начала XX веков: Межвуз. сб. Вып. 6.— Иркутск, 2006.— С. 125–137.

Гажва И. А. Апологетическая деятельность православных братств Владимирской и Костромской губерний во второй половине XIX в. // История России как многоконфессионального государства: Материалы 42-й Всерос. заоч. науч. конф.— СПб., 2006.— С. 31–34.

Гажва И. А. А. К. Гольшев — интеллигент, основатель православного братства // Рождественский сборник. Вып. 13: Материалы конференции «История в лицах»: Интеллигенция и провинция, посвящ. 80-летию со дня рожд. писателя С. К. Никитина (1926–1973) [12–13 января 2006 г.].— Ковров, 2006.— С. 28–29.

Гажва И. А. Шуйское отделение Владимирского братства Александра Невского во второй половине XIX века: (Просветительский аспект) // Краеведческие записки. Вып. 9.— Иваново, 2006.— С. 227–231.

Галанов М. М. Позиция Русской Православной Церкви по униатскому вопросу при Павле I // Отечественные традиции гуманитарного знания: история и современность: II науч.-практ. конф., 26 мая 2006 г.: Сб. докл.— СПб., 2006.— С. 163–165.

Ганеева Ф. К. К вопросу о религиозном факторе становления гражданского общества в России в начале XX века // Гражданское общество: идеи, реальность, перспективы: Материалы Межрегион. науч.-практ. конф., 27 апр. 2006 г. Ч. 1.— Казань; Зеленодольск, 2006.— С. 23–25.

Герд Л. А. А. А. Дмитриевский как староста Николо-Александровской Барградской церкви в Петербурге // Родное и вселенское: К 60-летию Николая Николаевича Лисового: [Сб. ст.].— М., 2006.— С. 105–123.

Гладкова Е. В. Духовная проза 1830–1870-х годов // Христианство и русская литература: [Сб. ст.]. Сб. 5.— СПб., 2006.— С. 129–202.

Голикова С. В. Путь хлыстов к Богу как вариант локальной конфессиональной традиции: (По материалам «Оренбургских епархиальных ведомостей») // Документ. Архив. История. Современность: Сб. науч. тр. Вып. 6.— Екатеринбург, 2006.— С. 175–188.

Гречишников Н. П. Взаимосвязь православия и русской философской культуры в XVIII–XIX вв. // Международные чтения, посвященные братьям Киреевским (6; 2006; Калуга): Тез. VI Международных чтений... Калуга — Оптина пустынь, 22–24 мая 2006 г.— Калуга, 2006.— С. 17–19.

Груздева Е. Н. Забытые имена: Священник Павел Петрович Аникиев, настоятель церкви женского педагогического института // Диалог отечественных светской и церковной образовательных традиций: духовная культура как основа безопасности и здоровья личности, семьи, общества: Материалы Покровских чтений 2005–2006 гг.— СПб., 2006.— С. 125–132.

Гуркина Н. К. Морально-нравственный облик приходского духовенства в предреволюционной России (на материалах епархий Европейского Севера) // Динамика нравственных приоритетов человека в процессе его эволюции: Материалы XIX Междунар. науч. конф., С.-Петербург, 15–16 мая 2006 г. Ч. 2.— СПб., 2006.— С. 37–41.

Гуркина Н. К., Матвеева Н. Л. Епархиальные миссионеры и старообрядчество на Русском Севере на рубеже XIX–XX вв. // История России как многоконфессионального государства: Материалы 42-й Всерос. заоч. науч. конф.— СПб., 2006.— С. 49–53.

Гурковский В. За Бога, Царя и Отечество! Отечественные традиции духовно-нравственного и патриотического воспитания в кадетских корпусах Российской империи и русского зарубежья // Отечественные традиции духовно-нравственного и патриотического воспитания в кадетских корпусах, кадетских школах, кадетских школах-интернатах, суворовских и нахимовских училищах: Сб. материалов XV обществ.-пед. конф., посвящ. 60-летию Великой Победы.— М., 2006.— С. 49–65.

Дацышен В. Г., Пономарева С. А. Новый документ по истории Российской духовной миссии в Пекине // Сибирь на перекрестье мировых религий: Материалы 3-й межрегион. науч.-практ. конф., посвящ. памяти выдающегося ученого и педагога, специалиста по библеистике, проф. НГУ Михаила Иосифовича Рижского.— Новосибирск, 2006.— С. 293–295.

Дашковская О. Д. Доходы Ярославских архиереев в конце XVIII — начале XX в. // Век нынешний, век минувший... Ист. альм. Вып. 5.— Ярославль, 2006.— С. 87–90.

Дашковская О. Д. Материалы Государственного архива Ярославской области как источник по экономической истории Ярославской епархии конца XVIII — начала XX вв. // Уральские Бирюковские чтения: Сб. науч. ст. Вып. 4: Город как феномен культуры. Ч. 1.— Челябинск, 2006.— С. 353–357.

Денисова Е. В. Паломничество и святые реликвии из Святой Земли и России // Феномен паломничества в религиях: священная цель, священный путь, священные реликвии: Материалы XIII С.-Петербург. религиовед. чтений.— СПб., 2006.— С. 24–25.

Дмитриева Н. А. Вклад смоленского духовенства в развитие народного просвещения в губернии в XIX веке // *Культура и письменность славянского мира*: [Сб.]. Т. 6.— Смоленск, 2006.— С. 206–212.

Дорская А. А. Изучение вероисповедного вопроса в Российской империи в конце XIX — начале XX в.: Научно-педагогическая деятельность Михаила Егоровича Красножена // *Отечественная история и историческая мысль в России XIX–XX веков*: Сб. ст. к 75-летию Алексея Николаевича Цамутали.— СПб., 2006.— С. 296–304.

Дробот А. История Оренбургского образования в контексте православных воспитательных традиций // *Культура Оренбургского края: история и современность*: [Вторые] Большаков. чтения, [31 марта 2006 г.]: Сб. науч. ст.— Оренбург, 2006.— С. 106–112.

Дроботушенко Е. В. К истории взаимодействия светских властей и Русской Православной церкви в Забайкалье // *Историческая связь времен: духовность, нравственность, патриотизм*: IX Иннокентьевские чтения: Материалы регион. науч.-практ. конф. Ч. 1.— Чита, 2006.— С. 97–100.

Друговская А. Ю., Гатилова Л. С. Благотворительная деятельность курских монастырей Юга России (в конце XIX — XX вв.) // *Юг России в прошлом и настоящем: история, экономика, культура*: Сб. науч. тр. IV Междунар. науч. конф., г. Белгород, 8 дек. 2006 г. Т. 1.— Белгород, 2006.— С. 151–153.

Дружинкина Н. Г. К вопросу о церковноприходской благотворительной деятельности купеческого сословия во второй половине XIX — начале XX века // *История предпринимательства в России: XIX — начало XX века*. Вып. 2: Материалы Всероссийской научной конференции [«Хозяйственная роль и культура предпринимательства в России: XIX–XX века»], 9–10 сент. 2005 г.— СПб., 2006.— С. 63–78.

Дружинкина Н. Г. Православная традиция как неизменный источник нравственных ценностей церковноприходской благотворительности // *Динамика нравственных приоритетов человека в процессе его эволюции*: Материалы XIX Междунар. науч. конф., С.-Петербург, 15–16 мая 2006 г. Ч. 1.— СПб., 2006.— С. 309–312.

Дружинкина Н. Г. Судьба православного приходского пастыря в России во второй половине XIX — начале XX в. // *История России как многоконфессионального государства*: Материалы 42-й Всерос. заоч. науч. конф.— СПб., 2006.— С. 43–49.

Дружинкина Н. Г. Охрана памятников церковной старины: (К истории вопроса) // *IV Сытинские чтения: Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. памяти ученого С. Л. Сытина «Сохранение историко-культурной среды как основа консолидации современного общества»*, 19–20 окт. 2006 г.: Тез. докл.— Ульяновск, 2006.— С. 7–8.

Жерихина Е. И. От школы при храме к храму при школе // *Материалы Кирилло-Мефодиевских чтений*: [Сб.]. Вып. 1.— СПб., 2006.— С. 322–333.— (Труды СПбГУКИ. Т. 171).

Жерихина Е. И. Церковь в жизни воспитательных учреждений Смольного // Там же.— С. 269–287.

Жуков Н. Н. Особенности организации и системы управления Русской Православной Церкви на территории севера Тихоокеанского региона России в XIX в. // Колымский гуманитарный альманах. Вып. 1.— Магадан, 2006.— С. 51–67.

Закржевский А. Г. Взаимоотношения архиерея с духовенством и светскими служителями в 20–50-х гг. XVIII в. // Провинциальное духовенство дореволюционной России: Сб. науч. тр. Всерос. заоч. конф. Вып. 2.— Тверь, 2006.— С. 169–174.

Зинякова В. М. К оценке синодальной реформы 1721 г.: А. В. Карташев // Интеллектуальный и индустриальный потенциал регионов России: материалы IV Всерос. науч. чтений, г. Кемерово, 22 сент. 2006 г.— Кемерово, 2006.— С. 136–139.

Злыгостева М. Н. Местные и петербургские периодические православные издания в кругозоре читателей Омско-Тарской епархии XIX — начала XX в. // Печать и слово Санкт-Петербурга: Петербургские чтения: Сб. науч. тр.— СПб., 2006.— С. 66–72.

Иванов К. Ю. Формирование сети единоверческих приходов в Томской епархии в XIX — начале XX в. // Актуальные проблемы этнической, культурной и религиозной толерантности коренных народов Русского и Монгольского Алтая: Материалы междунар. науч. конф. (23–24 нояб. 2006 г.).— Горно-Алтайск, 2006.— С. 167–176.

Иванова А. Н. Общественная и благотворительная деятельность сельского духовенства Московской епархии в конце XIX — начале XX в. // История Московского края: Проблемы, исследования, новые материалы. Вып. 1.— М., 2006.— С. 295–307.

Иванова И. Е. Этнографическая действительность и фольклор в публикациях тверского духовенства на страницах «Тверских епархиальных ведомостей» (1877–1900-е годы) // Провинциальное духовенство дореволюционной России: Сб. науч. тр. Всерос. заоч. конф. Вып. 2.— Тверь, 2006.— С. 274–283.

Иванова И. Е., Хоменко И. Б. Концепт «чудо»: обыденная и религиозная составляющая (по материалам «Тверских епархиальных ведомостей») // Филологический сборник. Вып. 1.— Тверь; Велико-Тырново, 2006.— С. 23–25.

Игнатович Т. Н. Филарет, митрополит Московский, в истории создания Московского Румянцевского музея: (О связи богомыслия с искусством) // Книга в пространстве культуры: [Сб. ст.]. Вып. 1(2).— М., 2006.— С. 16–24, ил.

Иннокентий (Ерохин), игум. Распространение православия в Приморье (1854–1898 гг.) // Сибирь на перекрестье мировых религий: Материалы 3-й межрегион. науч.-практ. конф., посвящ. памяти выдающегося ученого и педагога, специалиста по библеистике, проф. НГУ Михаила Иосифовича Рижского.— Новосибирск, 2006.— С. 199–201.

Исхаков Р. Р. Православная миссия в Казанской губернии в 30-х — начале 60-х гг. XIX в. // Общество, государство, личность: проблемы взаимодействия в условиях рыночной экономики: VI межвуз. науч.-практ. конф.

«Соц.-экон. и гуманит. исслед. в Респ. Татарстан: традиции и инновации», 27–28 апр. 2006 г.: Материалы конф. Ч. 1.— Казань, 2006.— С. 353–355.

Ишин А. В. О богословском наследии архиепископа Таврического Гурья (Карпова) // Духовное наследие Крыма: Материалы междунар. церков.-ист. конф... памяти прп. Иоанна, еп. Готфского, 7–10 июля 2005 г., пос. Партеит.— Симферополь, 2006.— С. 247–271, фотогр.

Камедина Л. В. Отраженный [Л. Н.] Толстой: (Истоки религиозной ереси) // Историческая связь времен: духовность, нравственность, патриотизм: IX Иннокентьевские чтения: Материалы регион. науч.-практ. конф. Ч. 1.— Чита, 2006.— С. 146–152.

Камзина А. Д. Система обучения православных миссионеров «противораскольнической» миссии в Оренбургской епархии в XIX — начале XX в. // Культура Оренбургского края: история и современность: [Вторые] Большаков. чтения, [31 марта 2006 г.]: Сб. науч. ст.— Оренбург, 2006.— С. 106–112.

Карпачев М. Д. Семинаристы в общественной жизни дореволюционной России // Вклад Воронежской православной духовной семинарии в развитие образования и культуры Воронежского края и России: Материалы конф., [10–11 февраля 2006 г.].— Воронеж, 2006.— С. 41–50.

Кириченко О. В. Две линии социального служения: государственная и церковная (монашеская) // Елизаветинские чтения (1; 2006; Москва): Памяти императрицы Елизаветы Алексеевны, императрицы Марии Федоровны: [Сб. научных трудов].— М., 2006.— С. 29–36.

Киселева М. С. Феофан (Прокопович): Влияние Могилянкой школы на становление российской учености // Диалог со временем: Альм. интеллект. истории. Вып. 16.— М., 2006.— С. 68–85.

Клейменов В. А. Разборы православного приходского духовенства в царствования Елизаветы Петровны и Екатерины II: (На примере Московской епархии) // Провинциальное духовенство дореволюционной России: Сб. науч. тр. Всерос. заоч. конф. Вып. 2.— Тверь, 2006.— С. 22–31.

Ключарева А. В. О материальном положении приходского духовенства в России в конце XIX — начале XX вв.: (По материалам Тульской епархии) // Тульский краеведческий альманах. Вып. 4.— Тула, 2006.— С. 49–55.

Козельчук Т. В. Священники в мундирах: Духовенство как источник комплектования чиновничества Тобольской губернии (2-я пол. XIX — нач. XX в.) // Зырянские чтения: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. «IV Зырянские чтения», Курган, 22–23 нояб. 2006 г.— Курган, 2006.— С. 56–57.

Козин А. А. Пастырская и духовно-просветительская деятельность военного духовенства: (Историко-контекстуальный анализ) // Ученые записки Орловского государственного университета. Вып. 4: Религиоведение.— Орел, 2006.— С. 38–44.

Козлов К. В. Создание церковноприходских школ в епархиях Центрального Черноземья в конце XIX — начале XX в. в оценке православного духовенства // Юг России в прошлом и настоящем: История, экономика, культура: Сб. науч. тр. IV Междунар. науч. конф., Белгород, 8 дек. 2006 г. Т. 1.— Белгород, 2006.— С. 248–255.

Козлов М., прот. Святитель Филарет (Дроздов) в его отношении к женскому монашеству // Филаретовский альманах. Вып. 2: [Статьи и материалы, посвященные деятельности свт. Филарета (Дроздова)].— М., 2006.— С. 5–24.

Козлова О. В. Христианизация как форма национальной политики России начала XX в. // История России как многоконфессионального государства: Материалы 42-й Всерос. заоч. науч. конф.— СПб., 2006.— С. 58–61.

Колесник Л. Л. Оказание духовенством Ставропольской епархии материальной и моральной помощи воинам Русской армии в период русско-японской войны // Наука и культура России: Материалы III Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. Дню славянской письменности и культуры... 24–25 мая 2006 г. Ч. 1.— Самара, 2006.— С. 28–29.

Колчерин А., иерей. Николай Иванович Ильминский (1822–1891): [Публикация писем к Ильминскому] // Православный собеседник: Альм. Казан. духов. семинарии. Вып. 3(13).— Казань, 2006.— С. 151–272.— Прил. I: Материалы к жизнеописанию Николая Ильминского, просветителя казанских инородцев.

Комаров Д. А. Религиозное просвещение русского крестьянства в приходской практике сельского духовенства // Провинциальное духовенство дореволюционной России: Сб. науч. тр. Всерос. заоч. конф. Вып. 2.— Тверь, 2006.— С. 283–297.

Комлева Е. В. Церковно-благотворительная деятельность сибирского купечества в конце XVIII — первой половине XIX в. // Общественное сознание населения России по отечественным нарративным источникам XVI–XX вв.: Сб. науч. тр.— Новосибирск, 2006.— С. 118–129.

Комолов Н. А. Развитие духовного образования в Воронежской епархии в конце XVII–XVIII вв. // Вклад Воронежской православной духовной семинарии в развитие образования и культуры Воронежского края и России: Материалы конф. [10–11 февраля 2006 г.].— Воронеж, 2006.— С. 91–105.

Комолова Э. В. Органы управления Воронежской епархией в конце XVII–XVIII вв. // Из истории Воронежского края: Сб. ст. Вып. 14.— Воронеж, 2006.— С. 24–42.

Комолова Э. В. Педагогическая деятельность Воронежских архиереев конца XVII–XVIII вв. // Вклад Воронежской православной духовной семинарии в развитие образования и культуры Воронежского края и России: Материалы конф. [10–11 февраля 2006 г.].— Воронеж, 2006.— С. 107–116.

Комолова Э. В. (сост.) Сочинения Воронежских архиереев второй половины XVIII в.: Библиограф. список // Из истории Воронежского края: Сб. ст. Вып. 14.— Воронеж, 2006.— С. 184–191.

Конюченко А. И. Архиереи и епархиальное духовенство: Аспекты взаимоотношений (вторая половина XIX — начало XX в.) // Православная культура на Урале: Контексты истории и современность: Материалы науч.-богосл. конф. с междунар. участием: IV Слав. науч. собор «Урал. Православие. Культура»: 270-летию г. Челябинска посвящается.— Челябинск, 2006.— С. 188–193.

Конюченко А. И. Православное белое духовенство России в социально-демографических измерениях (вторая половина XIX — начало XX в.) // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XVI/2.— М.; Новосибирск, 2006.— С. 52–69.

Коскина В. Н. «Самые образованные и цивилизованные страны гибнут от накопления людей, потерявших нравственность»: [О трудах протоиерея Михаила Хераскова] // Глинские чтения, 2006. № 5: Май.— М., 2006.— С. 42–49, ил.

Котикова Ю. А. Епархиальная школа во второй половине XIX века: (По материалам «Оренбургских епархиальных ведомостей») // Власть и общество: Освещение проблемы взаимоотношений на страницах периодической печати: Сб. науч. ст.— Оренбург, 2006.— С. 64–75.

Кравченко О. В. Церковные братства: История и историография // Провинциальное духовенство дореволюционной России: Сб. науч. тр. Всерос. заоч. конф. Вып. 2.— Тверь, 2006.— С. 244–260.

Крамина Л. Благотворительная деятельность православных братств (на примере ставропольского Андреевско-Владимирского братства) // Реконструкция национального опыта благотворительности и его применение в современных условиях: Материалы I Всерос. науч.-практ. конф., 30–31 мая 2006 г.— Пятигорск, 2006.— С. 225–229.

Красильникова С. В. Эпистолярное наследие святителя Игнатия (Брянчанинова) // Синтез в русской и мировой художественной культуре: Материалы VI науч.-практ. конф., посвящ. памяти А. Ф. Лосева, [24–25 ноября 2005 г.].— М., 2006.— С. 219–225.

Краснова М. В. Тверской епархиальный историко-археологический комитет и его деятельность в начале XX в. по сохранению культурно-исторического наследия // Провинциальное духовенство дореволюционной России: Сб. науч. тр. Всерос. заоч. конф. Вып. 2.— Тверь, 2006.— С. 267–274.

Крейдун Г., священник. Дневник миссионера Иоанна Штыгашева как источник по изучению взаимоотношений православных миссионеров с населением Урянхайского края в начале XX века // Актуальные проблемы этнической, культурной и религиозной толерантности коренных народов Русского и Монгольского Алтая: Материалы междунар. науч. конф. (23–24 нояб. 2006 г.).— Горно-Алтайск, 2006.— С. 164–166.

Кузин С. С. Духовенство и сельские приходы Тверского уезда Тверской губернии в первой половине XIX в. // Провинциальное духовенство дореволюционной России: Сб. науч. тр. Всерос. заоч. конф. Вып. 2.— Тверь, 2006.— С. 54–132.— Прил.: 1. Рост численности прихожан Тверского уезда в 1801–1825 гг.; 2. Возраст духовенства Тверского уезда в 1801 и 1825 гг.; 3. Уровень образования духовенства Тверского уезда 1801 и 1825 гг.; 4. Духовенство и сельские приходы Тверского уезда первой четверти XIX в.

Кузнецова Е. И. Педагог, краевед, историк Церкви П. И. Малицкий // Провинциальное духовенство дореволюционной России: Сб. науч. тр. Всерос. заоч. конф. Вып. 2.— Тверь, 2006.— С. 310–314.

Куликова С. Г. Тверское губернское земство и духовенство в организации церковноприходских школ во второй половине XIX в. // Провинциальное

духовенство дореволюционной России: Сб. науч. тр. Всерос. заоч. конф. Вып. 2.— Тверь, 2006.— С. 219–226.

Кураев А. П. Участие церковных школ Мордовии во Всероссийской церковно-школьной выставке 1909 года: (По материалам Пензенской епархии) // Педагогическая наука и образование: проблемы, региональные особенности и перспективы развития: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. Осовских пед. чтений, 11–12 окт. 2006 г. Ч. 1.— Саранск, 2006.— С. 111–113.

Ланцова Ю. Н. Православные китайцы и корейцы в Забайкалье в конце XIX — начале XX в. // Историческая связь времен: духовность, нравственность, патриотизм: IX Иннокентьевские чтения: Материалы регион. науч.-практ. конф. Ч. 1.— Чита, 2006.— С. 81–83.

Лапгун В. И. К вопросу реформирования православной духовной школы в России в 60–70-х годах XVIII века // Педагогическая наука и образование: проблемы, региональные особенности и перспективы развития: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. Осовских пед. чтений, 11–12 окт. 2006 г. Ч. 1.— Саранск, 2006.— С. 43–48.

Лар Л. А., Вануйго В. Ю. Развитие миссионерской деятельности на Сибирском Севере // Ямал в XVII — начале XX в.: Социокультурное и хозяйственное развитие: (Документы и исслед.).— Салехард; Екатеринбург, 2006.— С. 194–219.

Ларичев В. Е., Пиков Г. Г., Тюрюмина Л. В. Архимандрит Петр (Каменский) как один из пионеров монголоведения // Сибирь на перекрестке мировых религий: Материалы 3-й межрегион. науч.-практ. конф., посвящ. памяти выдающегося ученого и педагога, специалиста по библеистике, проф. НГУ Михаила Иосифовича Рижского.— Новосибирск, 2006.— С. 281–292.

Лисюнин В. Ф. Роль тамбовского духовенства в общественно-политической жизни периода первой российской революции // Первая российская революция: Взгляд из будущего: Материалы Всерос. науч. конф., Тамбов, 25–26 апр. 2006 г.— Тамбов, 2006.— С. 176–180.

Литягина А. В. Православная культура Бийска во второй половине XIX — начале XX в. // Социокультурное взаимодействие алтайского и русского народов в истории государства Российского: Тр. Всерос. науч.-практ. конф. (Бийск, 27–30 сент. 2006 г.).— Бийск, 2006.— С. 175–180.

Лихачева О. О. Крещение: Петербургская традиция празднования // Материалы Кирилло-Мефодиевских чтений: [Сб.]. Вып. 1.— СПб., 2006.— С. 253–258.— (Труды СПбГУКИ. Т. 171).

Лысенко Ю. А. Итоги деятельности Киргизской духовной миссии на этапе ее становления (70–90 гг. XIX вв.) // Актуальные проблемы этнической, культурной и религиозной толерантности коренных народов Русского и Монгольского Алтая: Материалы междунар. науч. конф. (23–24 нояб. 2006 г.).— Горно-Алтайск, 2006.— С. 158–163.

Лялина Т. Н. Православие в истории Забайкалья: Деятельность православных священников // Историческая связь времен: Духовность, нравственность, патриотизм. IX Иннокентьевские чтения: Материалы регион. науч.-практ. конф. Ч. 1.— Чита, 2006.— С. 49–55.

Ляпкина Т. Ф. Н. М. Ядринцев о роли православной культуры в освоении и развитии Сибири // *Мировая политика и идейные парадигмы эпохи: Сб. ст.* — СПб., 2006. — С. 444–449. — (Труды СПбГУКИ. Т. 169).

Лысенко Ю. А. История становления Киргизской духовной миссии на Алтае (80–90-е гг. XIX в.) // *Алтай—Россия: Через века в будущее: Материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 250-летию вхождения алтайского народа в состав Рос. гос-ва (16–19 мая 2006 г.). Т. 1.* — Горно-Алтайск, 2006. — С. 117–120.

Лысенко Ю. А. Основные направления деятельности Киргизской духовной миссии на Алтае (80–90-е гг. XIX в.) // *Сибирь на перекрестке мировых религий: Материалы 3-й межрегион. науч.-практ. конф., посвящ. памяти выдающегося ученого и педагога, специалиста по библеистике, проф. НГУ Михаила Иосифовича Рижского.* — Новосибирск, 2006. — С. 93–96.

Макарчева Е. Б. Роль православного духовенства в реализации социокультурных функций Российского самодержавного государства в первой половине XIX в. // *Религиозные организации в социально-государственной системе современной России: Тез. докл. науч.-практ. интернет-конф., 10 апр.—10 окт. 2006 г.* — Волгоград, 2006. — С. 83–87.

Максутов И. Х. «Письма о богослужении» А. Н. Муравьева и их значение для характеристики духовной культуры России 1830-х гг. // *Сибирь на перекрестке мировых религий: Материалы 3-й межрегион. науч.-практ. конф., посвящ. памяти выдающегося ученого и педагога, специалиста по библеистике, проф. НГУ Михаила Иосифовича Рижского.* — Новосибирск, 2006. — С. 235–238.

Мандрика Ю. Л. Тематика «Тобольских епархиальных ведомостей» как маркер региональной идентичности Сибири // *Художественная культура Тюменской области: Материалы науч.-практ. конф., 13–14 апр. 2006 г.* — Тюмень, 2006. — С. 123–127.

Манузин Е. В. Роль православия в духовно-нравственном образовательном процессе на Кубани: Прошлое и настоящее // *Религиозные организации в социально-государственной системе современной России: Тез. докл. науч.-практ. интернет-конф., 10 апр.—10 окт. 2006 г.* — Волгоград, 2006. — С. 87–92.

Матисон А. В. Приходское духовенство Твери по переписной книге 1709 г. // *Провинциальное духовенство дореволюционной России: Сб. науч. тр. Всерос. заоч. конф. Вып. 2.* — Тверь, 2006. — С. 14–21.

Мащенко Т., Панина О. Религиозное образование в русских гимназиях первой половины XIX века // *Литература XI–XXI вв.: Национально-художественное мышление и картина мира: Материалы Междунар. науч. конф., 20–21 сент. 2006 г. Ч. 1: Национальное сознание в литературном и культурно-языковом развитии.* — Ульяновск, 2006. — С. 321–324.

Мельникова Л. В. Государственная измена Могилевского архиепископа Варлаама (Шипацкого) в 1812 году // *Родное и вселенское: К 60-летию Николая Николаевича Лисового: [Сб. ст.]*. — М., 2006. — С. 238–249.

Мельников П. Ю. Правовое положение христианских сектантов Российской империи во второй половине XIX века // *Освободительное движение в России: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 21.* — Саратов, 2006. — С. 126–133.

Мендюков А. В. Православная Церковь в годы первой русской революции // Наука и культура России: Материалы III Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. Дню славянской письменности и культуры... 24–25 мая 2006 г. Ч. 1.— Самара, 2006.— С. 29–32.

Мерзляков И. Л. Православное духовенство России в Государственных думах начала XX века // Нам нужна великая Россия!: Сб. науч. ст.: [По материалам межвузовского «круглого стола»].— Саратов, 2006.— С. 88–93.

Мишанин Ю. А. Епархиальные ведомости как средство воспитания исторического самосознания // Духовно-нравственное просвещение и воспитание молодежи: история и современность: Сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф., г. Чебоксары, 22 июня 2006 г.— Чебоксары, 2006.— С. 464–469.

Модоров Н. С. «Романтический миссионер»: [Архимандрит Макарий (Глухарев)] // Идеи романтизма и прагматизма в истории Российского государства: Материалы 41-й Всерос. заоч. науч. конф.— СПб., 2006.— С. 12–16.

Можина Ю. С. Православные учебные заведения в культурной жизни Орловской губернии в конце XIX — начале XX в. // Провинциальное духовенство дореволюционной России: Сб. науч. тр. Всерос. заоч. конф. Вып. 2.— Тверь, 2006.— С. 237–244.

Можина Ю. С. Православные учебные заведения Орла в 1905 г. // Первая российская революция: Взгляд из будущего: Материалы Всерос. науч. конф., Тамбов, 25–26 апр. 2006 г.— Тамбов, 2006.— С. 186–191.

Мозгунов Н. А. Роль Императорского православного Палестинского общества в развитии паломнического движения // Досужий мир: Отдых как форма культурного диалога: Сб. науч. работ: [Материалы Всероссийской конференции, 25–27 мая 2005 г.].— Орел, 2006.— С. 170–173.

Моклецова И. В. Русское православное паломничество в культурологическом освещении // Россия в духовных поисках современного мира: Материалы II Всерос. науч.-богосл. конф. «Наследие преподобного Серафима Саровского и судьбы России», Москва — Дивеево, 29 сент.—1 окт. 2005 г.— Нижний Новгород, 2006.— С. 86–91.

Моладикова А. А. Деятельность Спас-Клепиковской церковно-учительской школы в системе педагогического образования Рязанской губернии // Материалы и исследования по рязанскому краеведению: Сб. науч. работ. Т. 9: Клепиковский сборник.— Рязань, 2006.— С. 112–115.

Молодов О. Б. Деятельность Общества попечительного о тюрьмах и православное духовенство Русского Севера // Каторга и ссылка на Севере России: [Материалы международной научной конференции, Архангельск, 2–5 сентября 2002 г.]. Т. 2: Сб. ст.— Архангельск, 2006.— С. 70–76.

Молодов О. Б. Православная Церковь и тюремные учреждения Вологодской губернии во второй половине XIX — начале XX веков // История отечественной уголовно-исполнительной системы: Сб. ст.— Псков, 2006.— С. 100–108.

Морозов С. Д. Православное духовенство России в 1897–1917 гг.: Численность и состав // История России как многоконфессионального государства: Материалы 42-й Всерос. заоч. науч. конф.— СПб., 2006.— С. 68–72.

Морохин А. В. Из истории нижегородских духовных школ 20–30-х гг. XVIII в. // Нижегородская архивоведческая конференция (2; 2006): Материалы: Чтения памяти А. Я. Садовского.— Нижний Новгород, 2006.— С. 165–167.

Мотыка И. И. Христианизация мордвы в XVIII в. // Историко-культурные аспекты развития полиэтничных регионов России: Материалы X Сафаргалиевских науч. чтений.— Саранск, 2006.— С. 216–218.

Мраморнов А. И. «Суровый владыка» или «милостивый архипастырь и отец»? Саратовский епископ Гермоген (Долганов) во взаимоотношениях с паствой и клиром в 1903–1912 гг. // Провинциальное духовенство дореволюционной России: Сб. науч. тр. Всерос. заоч. конф. Вып. 2.— Тверь, 2006.— С. 175–197.

Мусаев М. А. Попытки христианизации дагестанцев как один из методов уменьшения влияния ислама и упрочения позиций Российской империи // Ислам на Северном Кавказе: история и современность: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. (11 апр. 2006 г., Махачкала).— Махачкала, 2006.— С. 550–556.

Назарова А. И. Особенности воспитательной системы уездных духовных училищ Смоленской губернии в начале XX века // Аксиология современного воспитания в системе непрерывного образования: Материалы II междунар. науч.-практ. конф., [25–26 апреля 2006 г.]. Ч. 1.— Смоленск, 2006.— С. 65–69.

Наумова Н. Н. Проблемы педагогического образования в системе школ Духовного ведомства Иркутской епархии на рубеже XIX–XX веков // Известия Архитектурно-этнографического музея «Тальцы». Вып. 5.— Иркутск, 2006.— С. 96–102.

Неупокоев И. В. Учитель и законоучитель: союзники или враги? (На примере Тобольской губернии во второй половине XIX — начале XX века) // Зырянские чтения: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. «IV Зырянские чтения», Курган, 22–23 нояб. 2006 г.— Курган, 2006.— С. 67–68.

Никонович Ф. Книга, данная от Люцинского благочинного причту Люцинской градской Успенской церкви для ведения церковной летописи 1870 года декабря 20 дня: (Революция 1905–1907 годов глазами православного священника) / Вступ. ст., публ. и коммент. В. В. Никонова // Православие в Латвии: Ист. очерки: Сб. ст. Вып. 5.— Рига, 2006.— С. 67–84, ил.

Носко М. М. Виленский генерал-губернатор М. Н. Муравьев и православное храмостроительство в Беларуси // Исторический поиск Беларуси: Альм. [постоянно действующего научного семинара имени И. В. Оржеховского].— Минск, 2006.— С. 196–202.

Овсянников С. Н. Церковные постройки архитектора П. Я. Панькова // Культура. Литература. Язык: [Материалы конференции «Чтения Ушинского»]. Ч. 1.— Ярославль, 2006.— С. 50–55.

Оплетаева Г. Н. Андрей Иванович Капустин — архимандрит Антонин // Зырянские чтения: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. «IV Зырянские чтения», Курган, 22–23 нояб. 2006 г.— Курган, 2006.— С. 68–70.

Орехов А. С. Динамика развития системы приходов Русской Православной Церкви в рамках Барнаульского духовного правления в конце XVIII — 1-й половине XIX в. // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: Материалы всерос. науч.-практ. конф. Вып. 15.— Барнаул, 2006.— С. 113–115.

Орлова В. Д., Шабельникова Е. Н. Оценка духовенством настроений паствы в 1905–1907 гг.: По материалам Тамбовской епархии // Первая российская революция: взгляд из будущего: Материалы Всерос. науч. конф., Тамбов, 25–26 апр. 2006 г.— Тамбов, 2006.— С. 181–185.

Орлова К. В. Проповедническая и богослужebная деятельность православных миссионеров среди калмыков // Сибирь на перекрестье мировых религий: Материалы 3-й межрегион. науч.-практ. конф., посвящ. памяти выдающегося ученого и педагога, специалиста по библеистике, проф. НГУ Михаила Иосифовича Рижского.— Новосибирск, 2006.— С. 188–191.

Павлова О. А. Единоверие в Нижегородской губернии в конце XVIII — первой половине XIX в. // X Нижегородская сессия молодых ученых: Гуманитарные науки, «Голубая Ока», 20–24 окт. 2005 г.: [Материалы докладов].— Нижний Новгород, 2006.— С. 34–36.

Першин С. В. Стратификация и мобильность православного приходского духовенства в первой половине XIX в.: Опыт микроуровневого исследования (по материалам Мордовского края) // Историко-культурные аспекты развития полиэтничных регионов России: Материалы X Сафаргалиевских науч. чтений.— Саранск, 2006.— С. 219–226.

Платон (Игумнов), архим. Экзистенциальный аспект ценностного отношения к жизни в духовно-нравственных наставлениях преподобного Серафима Саровского // Россия в духовных поисках современного мира: Материалы Второй Всерос. науч.-богосл. конф. «Наследие преподобного Серафима Саровского и судьбы России», Москва — Дивеево, 29 сент.—1 окт. 2005 г.— Нижний Новгород, 2006.— С. 279–285.

Подвигайло А. А. Частное землевладение духовенства Воронежской губернии в 60–90-х годы XIX века // Юг России в прошлом и настоящем: история, экономика, культура: Сб. науч. тр. IV Междунар. науч. конф., г. Белгород, 8 дек. 2006 г. Т. 1.— Белгород, 2006.— С. 138–140.

Попов А. В. Русская православная миссия и Церковь в Китае: Проблемы религиозной толерантности // Актуальные проблемы этнической, культурной и религиозной толерантности коренных народов Русского и Монгольского Алтая: Материалы междунар. науч. конф. (23–24 нояб. 2006 г.).— Горно-Алтайск, 2006.— С. 180–184.

Посохова Л. Ю. Особенности духовно-нравственного воспитания в православных коллегиях Украины XVIII века // Духовно-нравственное просвещение и воспитание молодежи: история и современность: Сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф., г. Чебоксары, 22 июня 2006 г.— Чебоксары, 2006.— С. 262–269.

Потапова Е. В. Монастырские вотчины на территории Тверской губернии: По материалам генерального межевания конца XVIII в. // Провинциальное

духовенство дореволюционной России: Сб. науч. тр. Всерос. заоч. конф. Вып. 2.— Тверь, 2006.— С. 133–168.— Прил.: Монастырские (церковные) вотчины на территории Тверской губернии.

Пращерук Н. В. Духовная проза Игнатия (Брянчанинова) как явление отечественной словесности // Международные чтения, посвященные братьям Киреевским (6; 2006; Калуга): Тез. VI Междунар. чтений, Калуга — Оптина пустынь, 22–24 мая 2006 г.— Калуга, 2006.— С. 161–163.

Пярт И. «Движение Добролюбия» и влияние преподобного Паисия (Величковского) и его школы на возрождение монастырской жизни в синодальной России // Родное и вселенское: К 60-летию Николая Николаевича Лисового: [Сб. ст.].— М., 2006.— С. 267–277.

Раздольский С. А. Функции православной культуры на Северном Кавказе в XIX — начале XX в. // Славянские народы на Северном Кавказе: современные демографические процессы: Материалы III регион. науч.-практ. конф. (Ростов-на-Дону, 1–2 дек. 2005 г.).— Ростов-на-Дону, 2006.— С. 114–139.

Редькина О. Ю., Савина Т. А. Православные приходы Филоновского (Павловского) благочиния Донской епархии в 1890–1915 гг.: По страницам клировых ведомостей // Стрежень: Науч. ежегодник. Вып. 5.— Волгоград, 2006.— С. 219–232, табл.

Редькина О. Ю. Православный приход в Области Войска Донского как социально-экономическая единица: Исторический опыт для современности // Современное состояние и сценарии развития Юга России: Материалы науч.-практ. семинара Объед. отдела соц.-полит. и экон. проблем южных регионов ЮНЦ РАН, 7–8 дек. 2005 г., Азов.— Ростов-на-Дону, 2006.— С. 202–214.

Реснянский С. И., Балалыкин Д. А. Стефан (Яворский) и Феофан (Прокопович): Малороссийские священники на службе Петра I: Историография проблемы // Россия и Украина: Вместе или врозь: Материалы междунар. науч. конф.— М., 2006.— С. 39–51.

Речкина И. А. Конфессиональная политика российского правительства в Степном крае (конец XVIII — 60-е гг. XIX вв.) // Вестник Томского государственного университета: Общонауч. период. журн. Бюл. оператив. науч. информации. № 70(1): Май: Актуальные проблемы отечественной истории XVI — начала XX вв.— Томск, 2006.— С. 59–64.

Розенко С. В. Об истории религиозных преступлений в русском дореволюционном уголовном праве // Емельяновские чтения: Материалы 1-й Межрегион. науч.-практ. конф., Курган, 19–20 апр. 2006 г.— Курган, 2006.— С. 50–52.

Рягузов С. С. Движение северного духовенства за реформирование православной Церкви в начале XX века // Ломоносовские чтения (18; 2006; Архангельск). XVIII Ломоносовские междунар. науч. чтения [сентябрь–декабрь 2006 г.]: Сб. науч. тр.— Архангельск, 2006.— С. 67–79.

Садвокасова З. Т. Недовольство политикой царизма и Российской Православной Церкви у крестьян-переселенцев в Казахстане (2-я половина XIX в.) // Крестьянство восточных регионов России и Казахстана в революциях и Гражданской войне (1905–1921 гг.): Сб. науч. ст.— Ишим, 2006.— С. 15–21.

Санакина Т. А. Роль преподавания богословских, философских и словесных наук в воспитании политической культуры у учащихся духовных семинарий в первой половине XIX века // Политическая культура интеллигенции и ее место и роль в жизни общества: Материалы XVII Междунар. науч.-теорет. конф., Иваново, 21–23 сент. 2006 г.— Иваново, 2006.— С. 186–188.

Санникова М. И. Развитие сети начальных учебных заведений Духовного ведомства в Забайкалье во второй половине XIX — начале XX в. // Сибирь на перекрестке мировых религий: Материалы 3-й межрегион. науч.-практ. конф., посвящ. памяти выдающегося ученого и педагога, специалиста по библеистике, проф. НГУ Михаила Иосифовича Рижского.— Новосибирск, 2006.— С. 211–213.

Сень Д. В. «Воссияло светом древлего благочестия... Крымское ханство»: (К вопросу об условиях и особенностях распространения православия на Дону и Северо-Западном Кавказе в новое время) // Традиционная народная культура и этнические процессы в многонациональных регионах Юга России: [Материалы Всероссийской научно-практической конференции].— Астрахань, 2006.— С. 201–208.

Сергеев А. В. Из истории вятского духовенства на рубеже XIX–XX вв. // Герценка: Вятские записки: [Научно-популярный альманах]. Вып. 10.— Киров, 2006.— С. 64–68.

Серкина С. С. Православное духовенство в удельной деревне Симбирской губернии // Педагогическая наука и образование: проблемы, региональные особенности и перспективы развития: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. Осовских пед. чтений, 11–12 окт. 2006 г. Ч. 1.— Саранск, 2006.— С. 67–69.

Сибигагова С. Ф. Религиозное сектантство в России и на Урале как элемент процесса модернизации в конце XIX — начале XX вв. // Шаг в историческую науку: [Сб.]. Вып. 6: Материалы региональной студенческой научной конференции, г. Екатеринбург, 20 апр. 2006 г.— Екатеринбург, 2006.— С. 85–86.

Слещов А. П. Святитель Иннокентий и народы Якутии // Реальность этноса: Роль образования в формировании этнической и гражданской идентичности: материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф., [4–7 апреля] 2006 г.— СПб., 2006.— С. 502–504.

Смирнова И. Е. Деятельность тверских епархиальных съездов духовенства второй половины XIX — начала XX в. // Провинциальное духовенство дореволюционной России: Сб. науч. тр. Всерос. заоч. конф. Вып. 2.— Тверь, 2006.— С. 207–213.

Смирнова И. Ю. Митрополит Филарет (Дроздов) и православный Восток // Родное и вселенское: К 60-летию Николая Николаевича Лисового: [Сб. ст.].— М., 2006.— С. 306–329.

Соколов Н. Смоленская епархия в 1812 году // 1812 год: Ист. альм. Вып. 2.— Смоленск, 2006.— С. 55–96.

Софронов В. Ю. Государство и Церковь: Непримириемые союзники в борьбе за народную трезвость // Тюменский исторический сборник. Вып. 9.— Тюмень, 2006.— С. 251–266.

Стрельникова С. А. Некоторые аспекты деятельности Русской Православной Церкви в Забайкалье в первой четверти XX в. // Историческая связь времен: Духовность, нравственность, патриотизм: IX Иннокентьевские чтения: Материалы регион. науч.-практ. конф. Ч. 1.— Чита, 2006.— С. 84–86.

Сурков А. Н. Традиции в среде сельского духовенства в XVIII–XIX вв.: (На примере генеалогии рода Судницыных) // Провинциальное духовенство дореволюционной России: Сб. науч. тр. Всерос. заоч. конф. Вып. 2.— Тверь, 2006.— С. 31–44.

Сухина Е. Н. Документы Челябинского духовного правления второй половины XVIII века в аспекте исторического и лингвистического источниковедения: Документы Челябинского духовного правления как источник для изучения церковного права // Археография Южного Урала: Материалы VI Межрегион. науч.-практ. конф., Уфа, 3 окт. 2006 г.— Уфа, 2006.— С. 143–150.

Сухова Н. Д. Русские богословы и Святая Земля (XIX — начало XX века) // Родное и вселенское: К 60-летию Николая Николаевича Лисового: [Сб. ст.]— М., 2006.— С. 330–350.

Сухова Н. Ю. Проблемы высшего богословского образования в историческом развитии (XIX — начало XX в.) // Россия в духовных поисках современного мира: Материалы II Всерос. науч.-богосл. конф. «Наследие преподобного Серафима Саровского и судьбы России», Москва—Дивеево, 29 сент.— 1 окт. 2005 г.— Нижний Новгород, 2006.— С. 299–314.

Сухова Н. Ю. Участие святителя Филарета (Дроздова) в развитии академического богословия XIX века // Филаретовский альманах. Вып. 2: [Статьи и материалы, посвященные деятельности свт. Филарета (Дроздова)].— М., 2006.— С. 46–71.

Тадышева Н. О. Проблемы христианизации алтайского народа (по материалам из фондов национального музея Республики Алтай им. А. В. Анохина) // Алтай—Россия: Через века в будущее: Материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 250-летию вхождения алтайского народа в состав Рос. гос-ва (16–19 мая 2006 г.). Т. 1.— Горно-Алтайск, 2006.— С. 125–127.

Таказов В. Д. Церковная журналистика Осетии в конце XIX — начале XX в. // Духовно-нравственное просвещение и воспитание молодежи: История и современность: Сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф., г. Чебоксары, 22 июня 2006 г.— Чебоксары, 2006.— С. 482–499.

Тетерин А. Д. К вопросу об эволюции миссионерской деятельности Русской Православной Церкви в Китае (XVIII — нач. XX века) // Емельяновские чтения: Материалы 1-й Межрегион. науч.-практ. конф., Курган, 19–20 апр. 2006 г.— Курган, 2006.— С. 71–73.

Торопов А. В. Епископ Геннадий (Драницын) — ректор Славяно-греко-латинской академии // Рождественский сборник. Вып. 13: Материалы конференции «История в лицах: Интеллигенция и провинция», посвящ. 80-летию со дня рожд. писателя С. К. Никитина (1926–1973), [12–13 января 2006 г.]— Ковров, 2006.— С. 17–21.

Тресвятский Л. А. Деятельность духовных миссий и христианизация сибирских народов в XIX — начале XX в. // Вестник Иркутского государ-

ственного лингвистического университета. Сер. «История, философия, социальные науки». 2006. № 1: Проблемы общественно-исторического развития России. — Иркутск, 2006. — С. 130–134.

Трофимова И. Из истории курской благотворительности сер. XIX — нач. XXI вв.: [Деятельность Свято-Троицкого женского монастыря] // Краеведение в Курском крае: Прошлое и современность: Межрегиональные связи: Тр. 1-й междунар. краеведч. конф., 26 окт. 2006 г., г. Курск. Ч. 2. — Курск, 2006. — С. 80–84.

Тульцева Л. А. Сельское черничество как путь религиозного служения Богу и миру (конец XIX — XX век) // Россия в духовных поисках современного мира: Материалы Второй Всерос. науч.-богосл. конф. «Наследие преподобного Серафима Саровского и судьбы России», Москва—Дивеево, 29 сент.—1 окт. 2005 г.— Нижний Новгород, 2006.— С. 209–227.

Федорова Ю. С. Социальная деятельность братства святых Кирилла и Мефодия на территории Оренбургской епархии во второй половине XIX — начале XX вв. // Православная культура на Урале: контексты истории и современность: Материалы науч.-богосл. конф. с междунар. участием: IV Слав. науч. собор «Урал. Православие. Культура»: 270-летию г. Челябинска посвящается.— Челябинск, 2006.— С. 250–253.

Феклина О. Б. Подвижничество в православной культуре XIX века // Уральские Бирюковские чтения: Сб. науч. ст. Вып. 4: Город как феномен культуры. Ч. 1.— Челябинск, 2006.— С. 198–203.

Фендель Е. Р. Начальный этап миссионерской деятельности Русской Православной Церкви в Сибири // История Сибири, 1583–2006: Проблемы и перспективы: Сб. материалов регион. молодеж. науч. конф. [25–26 сентября 2006 г., Новосибирск].— Новосибирск, 2006.— С. 44–50.

Фетисенко О. Л. Преподобный Амвросий Оптинский о «богословствовании мирян»: (Старец Амвросий и о. Климент (Зедергольм) о богословских сочинениях А. С. Хомякова и Т. И. Филиппова) // Христианство и русская литература: [Сб. ст.] Сб. 5.— СПб., 2006.— С. 260–295.

Филарет (Дроздов), митр. Проект положения о управлении церковном областном / Авт. вступ. ст. Г. В. Бежанидзе // Филаретовский альманах. Вып. 2: [Статьи и материалы, посвященные деятельности свт. Филарета (Дроздова)].— М., 2006.— С. 72–85.

Хайдуров М. В. К вопросу о быте духовенства Коми края в XIX веке: «Жилищный вопрос» // Повседневная жизнь Коми края: [Сб. ст.]. Вып. 1.— Сыктывкар, 2006.— С. 34–39, табл.

Холопов Ю. В. Бывший правитель русской Америки Семен Иванович Яновский и оптинский старец Антоний (Путилов) младший // Международные чтения, посвященные братьям Киреевским (6; 2006; Калуга): Тез. VI Междунар. чтения, Калуга — Оптина пустынь, 22–24 мая 2006 г.— Калуга, 2006.— С. 280–287.

Хохлов А. А. Неизвестные учебники зоологии вятского священника Емельянова // Герценка: Вятские записки: [Научно-популярный альманах]. Вып. 10.— Киров, 2006.— С. 36–39.

Цысь В. В. Из истории организации монастырей в Сургутском уезде в начале XX в.: (Документы) // Западная Сибирь: История и современность: Краеведч. зап. Вып. 8.— Екатеринбург, 2006.— С. 230–231.

Цысь О. П. О начальном народном образовании в Тобольской епархии и участии в нем духовенства в 1880–1890-х гг. // Духовная судьба России и цивилизация XXI века: (V Рождеств. образоват. чтения): Материалы Всерос. науч.-практ. конф., 6–7 февр. 2006 г.— Тюмень, 2006.— С. 485–488.

Цысь О. П. Православные приходы Тобольской епархии в конце XIX — начале XX в.: (По материалам инспекционных поездок архиереев) // Сибирь на перекрестке мировых религий: Материалы 3-й межрегион. науч.-практ. конф., посвящ. памяти выдающегося ученого и педагога, специалиста по библеистике, проф. НГУ Михаила Иосифовича Рижского.— Новосибирск, 2006.— С. 213–217.

Чельцова Н. Б. Из истории Рязанского епархиального женского училища (1850–1918) // Архив наследия — 2004: [Научный сборник].— М., 2006.— С. 84–102, ил.

Четырина Н. А. Метрические книги Сергиевского Посада о практике православных обрядов (конец XVIII — начало XIX в.) // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России: V Междунар. конф.: Тез. докл., 26–28 сент. 2006 г.— Сергиев Посад, 2006.— С. 67–69.

Чижов Р. В. Читатель «Ярославских епархиальных ведомостей» как потенциальный автор — «историописатель» // Периодическая печать как источник интеллектуальной истории: Материалы междунар. науч. конф. (Пятигорск, 28–30 апр. 2006 г.).— Пятигорск; Ставрополь; М., 2006.— С. 376–382.

Шапошников Е. Л. Соотношение светского и церковного права в России в синодальный период // Православие и гуманитарное знание: XV Рождественские православно-философские чтения.— Нижний Новгород, 2006.— С. 267–271.

Шахова Е. Н. Автобиографический очерк писательницы Елизаветы Шаховой — монахини Марии (1822–1899) / Вступ. ст., публ. и коммент. Е. М. Аксененко // Институт русской литературы (С.-Петербург). Рукописный отдел. Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2002 год.— СПб., 2006.— С. 344–365.— Прил.: Библиографический список основных произведений Е. Н. Шаховой — монахини Марии. Дореволюционная литература о Е. Н. Шаховой.

Шиловский М. В. Конфессиональный фактор массовых переселений конца XIX — начала XX в. в Томской губернии // Сибирь в истории России: (К 100-летию Зинаиды Георгиевны Карпенко): Материалы регион. конф. (Кемерово, 29 сент. 2006 г.).— Кемерово, 2006.— С. 67–72.

Шишкина С. Ю. Церковь в условиях кризиса: Тобольская епархия накануне падения самодержавия // Тюменский исторический сборник. Вып. 9.— Тюмень, 2006.— С. 274–280.

Шижков К. А. Церковь, государство и философия в учении В. С. Соловьева // Идеи романтизма и прагматизма в истории Российского государства: Материалы 41-й Всерос. заоч. науч. конф.— СПб., 2006.— С. 75–78.

Шушвал Н. Духовенство в социокультурной среде провинциального города второй половины XIX — начала XX века (на материалах Вологды) // Вестник НСО. Сер. «Гуманитарные науки»: [Сб. ст.]. Вып. 4.— Вологда, 2006.— С. 31–36.

Щапова Н. С. Противораскольническая миссионерская деятельность православной Церкви в Забайкалье с нач. XIX в. до 1917 г. // Историческая связь времен: Духовность, нравственность, патриотизм: IX Иннокентьевские чтения: Материалы регион. науч.-практ. конф. Ч. 1.— Чита, 2006.— С. 91–96.

Эмке Артемий, свящ. Пастырское служение святого Иоанна Кронштадтского // История Отечества: Святые и святые Русского Севера: [По материалам VII Иоанновских образовательных чтений]: Сб. ст.— Архангельск, 2006.— С. 6–10.

Юрганова И. И. Православное христианство в Якутии // Сибирь на перекрестке мировых религий: Материалы 3-й межрегион. науч.-практ. конф., посвящ. памяти выдающегося ученого и педагога, специалиста по библеистике, проф. НГУ Михаила Иосифовича Рижского.— Новосибирск, 2006.— С. 217–221.

Яковлев А. И. Святитель Филарет (Дроздов) и Н. М. Карамзин // Филаретовский альманах. Вып. 2: [Статьи и материалы, посвященные деятельности свт. Филарета (Дроздова)].— М., 2006.— С. 105–142.

Якунин В. Н., Черганов О. В. Культурологические аспекты влияния Самарской епархии на духовную и социально-культурную жизнь региона при епископе Владимире (Богоявленском) // Наука и культура России: Материалы III Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. Дню славянской письменности и культуры... 24–25 мая 2006 г. Ч. 1.— Самара, 2006.— С. 48–51.

Яценко Р. В., Кравцов М. Ю. Социально-экономический статус учителя церковноприходской школы во второй половине XIX века // Человек, культура, общество: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 4.— Волгоград, 2006.— С. 34–40.

Русская Православная Церковь после 1917 года

Акоева Н. Б. Кубанская Церковь в 40-х годах XX века // Наука и культура России: Материалы III Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. Дню славянской письменности и культуры... 24–25 мая 2006 г. Ч. 1.— Самара, 2006.— С. 33–35.

Алметева И. В., Иванов А. А. Изъятие ценностей в церквях Марийской автономной области в 1922 г.: По документам ГА РМЭ // И. Д. Кузнецов — ученый, педагог, человек, переживший репрессии 30–40-х годов XX века: Сб. ст. Всерос. науч. конф. историков (Чебоксары, 15–16 июня 2006 г.).— М., 2006.— С. 319–325.

Аргамонова Н. Забайкальская епархия в «красно-белый» период российской истории (1917–1923 гг.) // Историческая связь времен: Духовность, нравственность, патриотизм: IX Иннокентьевские чтения: Материалы регион. науч.-практ. конф. Ч. 1.— Чита, 2006.— С. 87–90.

Бардилева Ю. П. Антирелигиозная деятельность и атеистическая пропаганда на Европейском Севере в 1917–1930-х гг.: Центр и регионы // Европейский Север в судьбе России: XX век: (К 80-летию проф. А. А. Киселева): Сб. науч. ст.— Мурманск, 2006.— С. 161–176.

Басова Н. А. Церковная жизнь в Карелии в конце 1920-х — начале 1930-х годов // Ante annum: Сб. науч. работ студентов и аспирантов ист. фак. Вып. 3.— Петрозаводск, 2006.— С. 71–86.

Богданович Л. А. Изъятие церковного имущества и церковных ценностей на территории Мордовского края в конце 1910-х — начале 1920-х гг. // Эрзинские чтения: Сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 130-летию со дня рожд. С. Д. Эрзи (8–9 нояб. 2006 г.).— Саранск, 2006.— С. 101–105.

Богоявленская И. М. Духовная жизнь Крыма 1919–1920 годов: (По материалам периодики) // Духовное наследие Крыма: Материалы междунар. церков.-ист. конф... памяти прп. Иоанна, еп. Готфского, 7–10 июля 2005 г., пос. Партенит.— Симферополь, 2006.— С. 316–328.

Браславский Л. Ю. Основные вехи Чебоксарской и Чувашской епархии // Духовно-нравственное просвещение и воспитание молодежи: История и современность: Сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф., г. Чебоксары, 22 июня 2006 г.— Чебоксары, 2006.— С. 185–191.

Василенко С. Ю. Епископ Иона Ханькоуский в годы Гражданской войны и в эмиграции в Сынцзяне // История России как многоконфессионального государства: Материалы 42-й Всерос. заоч. науч. конф.— СПб., 2006.— С. 102–107.

Воропаева Е. В. Трансформация религиозности в годы Великой Отечественной войны // История и философия науки: Сб. науч. ст. Вып. 6.— Оренбург, 2006.— С. 173–179.

Воротилина Н. Г. О деятельности религиозных обществ Русской Православной Церкви на территории Воронежской области в годы Великой Отечественной войны // Верхний и Средний Дон в Великой Отечественной войне: Материалы междунар. науч. конф., Воронеж, ВГАУ им. К. Д. Глинки, 11–12 апр. 2005 г.— Воронеж, 2006.— С. 365–368.

Гайлит О. А. К истории отношения общества и населения к религии на начальном этапе становления Советского государства // Уральские Бирюковские чтения: Сб. науч. ст. Вып. 4: Город как феномен культуры. Ч. 1.— Челябинск, 2006.— С. 235–238.

Гераськин Ю. В. Политика Советского государства по отношению к паломничеству к святым источникам: (На материалах Рязанской области) // Феномен паломничества в религиях: Священная цель, священный путь, священные реликвии: Материалы XIII С.-Петербург. религиоз.-чтений.— СПб., 2006.— С. 45–47.

Грашевская О. В. К вопросу о роли религиозного фактора в жизни российского/советского общества в XX веке // Европейский Север в судьбе России. XX век: (К 80-летию проф. А. А. Киселева): Сб. науч. ст.— Мурманск, 2006.— С. 151–160.

Документы по делу митрополита Рижского и всея Латвии Августина (Петерсона) «Латвийской папки» Архива Архиерейского Синода Русской православной Церкви за границей / Вступ. ст., публ. и коммент. А. В. Гаврилина // Православие в Латвии: Ист. очерки: Сб. ст. Вып. 5.— Рига, 2006.— С. 97–144, ил.

Дубин Б. «Легкое бремя»: Массовое православие в России 1990–2000-х годов // Религиозные практики в современной России: [Сб. ст.]— М., 2006.— С. 69–86.

Елисеев А. Б. Русская Православная Церковь в последнее сталинское десятилетие в советско-российской историографии рубежа 1980–1990-х гг. // Власть и общество в России: История и проблемы взаимоотношений: Материалы Междунар. науч. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых, Смоленск, 24–25 нояб. 2006 г.— Смоленск, 2006.— С. 179–184.

Ермолюк А. В. Изменения во взаимоотношениях Церкви, государства и общества, происшедшие в 1988 году: (По материалам Челябинска) // Уральские Бирюковские чтения: Сб. науч. ст. Вып. 4: Город как феномен культуры. Ч. 1.— Челябинск, 2006.— С. 256–261.

Жирков Г. В. Духовная журналистика России: Исторический опыт // Духовно-нравственное просвещение и воспитание молодежи: история и современность: Сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф., г. Чебоксары, 22 июня 2006 г.— Чебоксары, 2006.— С. 393–401.

Завитаев А. Н. Деятельность «Союза воинствующих безбожников» в Балашовском районе в 1929–1932 гг. // Мир русской провинции: Вчера, сегодня, завтра: Сб. науч. ст.— Балашов, 2006.— С. 81–84.

Занин Д., Усталова К. Епископ Петр — жертва большевистского террора: О жизни Преосвященного Петра, епископа Осинского // Осинский ежегодник: [Краеведческое издание]. Вып. 14.— Оса, 2006.— С. 64–71, портр.

Зимина Н. П. Непарадный портрет: архиепископ Дионисий (Прозоровский) в духовной истории России XX в. // Уральские Бирюковские чтения: Сб. науч. ст. Вып. 4: Город как феномен культуры. Ч. 2.— Челябинск, 2006.— С. 356–362.

Ибагулина Н. И. Православная Кубань в начале XX века // Наука и культура России: Материалы III Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. Дню славянской письменности и культуры. 24–25 мая 2006 г. Ч. 1.— Самара, 2006.— С. 19–21.

Ишкуватова Л. М. Обновленческий раскол в истории Русской Православной Церкви в 1922–1933 гг.: Отражение событий в Челябинской области // Емельяновские чтения: Материалы 1-й Межрегион. науч.-практ. конф., Курган, 19–20 апр. 2006 г.— Курган, 2006.— С. 118–120.

Каиль М. В. Эволюция нравственных ценностей и стратегии отношений с властью провинциального духовенства в 1930-х гг.: (По материалам Западной области) // Динамика нравственных приоритетов человека в процессе его эволюции: Материалы XIX Междунар. науч. конф., С.-Петербург, 15–16 мая 2006 г. Ч. 1.— СПб., 2006.— С. 203–206.

Канищева Д. А. Подвижники благочестия Курского края XX столетия: История и современность // Краеведение в Курском крае: Прошлое

и современность: Межрегиональные связи: Труды 1-й междунар. краеведч. конф., 26 окт. 2006 г., Курск. Ч. 2.— Курск, 2006.— С. 84–87.

Каплин П. В. Обновленческий раскол 1920-х гг.: (На материалах уральских епархий) // Документ. Архив. История. Современность: Сб. науч. тр. Вып. 6.— Екатеринбург, 2006.— С. 390–410.— Публ. документов, с. 394–410.

Карагозов П. Православные мученики XX века // Православная культура на Урале: контексты истории и современность: Материалы науч.-богосл. конф. с междунар. участием: IV Слав. науч. собор «Урал. Православие. Культура»: 270-летию г. Челябинска посвящается.— Челябинск, 2006.— С. 62–69.

Карушев А. Ю. Материалы к биографии высокопреосвященного архиепископа Никона (Фомичева) // История Отечества: Святые и святые Русского Севера: Сб. ст.— Архангельск, 2006.— С. 97–104, вкл. фото.

Коновалова А. Н., Семенова Е. В. Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов // Актуальные проблемы социально-гуманитарных наук: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 39.— Воронеж, 2006.— С. 68–70.

Королева Л. А., Королев А. А. Политика Советского государства в отношении паломничества к «святым местам» в 1950–1970-х гг.: (На примере Пензенской области) // История России как многоконфессионального государства: Материалы 42-й Всерос. заоч. науч. конф.— СПб., 2006.— С. 121–125.

Красилова Л. В., Модоров Н. С. Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Вестник Томского государственного университета: Общенауч. период. журн. Бюл. оператив. науч. информации. № 122: Декабрь: История и культура Западной Сибири.— Томск, 2006.— С. 64–71.

Курочкин А. С. Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны // II Межведомственный сборник научных трудов (ноябрь 2006 г.)— СПб., 2006.— С. 68–74.

Леонтьева Т. Г. Большевицкая репрессивность и духовенство: Опыт регионального исследования // Задавая вопросы прошлому...: К 75-летию профессора Олега Владимировича Волобуева: [Сб. ст.]— М., 2006.— С. 291–310.

Леонтьева Т. Г. Православие и антисемитизм в годы революции и Гражданской войны: К постановке проблемы // Постигая историю...: Сб. науч. ст.— Пенза, 2006.— С. 172–176.

Леонтьева Т. Г. Священник и революция: Феномен о. Андрея Голикова // Провинциальное духовенство дореволюционной России: Сб. науч. тр. Всерос. заоч. конф. Вып. 2.— Тверь, 2006.— С. 198–206.

Ложкина И., Рыжова Н. А. Патриотическая деятельность Русской Православной церкви в годы Великой Отечественной войны // С уроками Победы в XXI век: Материалы VI Респ. студ. науч. конф. по гуманит. наукам, посвящ. 60-летию Победы... 26 мая 2005 г.— Йошкар-Ола, 2006.— С. 103–105.

Мавлютова З. Ш. Об изъятии церковных ценностей в г. Тобольске (март—апрель 1922 г.) // Словцовские чтения — 2006: Материалы XVIII Всерос. науч.-практ. краеведч. конф. [13–17 ноября 2006 г., Тюмень].— Тюмень, 2006.— С. 91–93.

Маленков В. В. Отделение школы от Церкви на Дальнем Востоке России (1922–1928 гг.) // Дальний Восток России в системе международных отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе: история, экономика, культура: Третьи Крушановские чтения, 2006 г. = The Far East of Russia in the system of international relations of the Asia-Pacific region: history, economy, culture: The Third Krushanov's readings.— Владивосток, 2006.— С. 533–535.

Марущак В., протоиак. Архиепископ Таврический Димитрий (в схиме Антоний) (Абашидзе) // Духовное наследие Крыма: Материалы междунар. церков.-ист. конф... памяти прп. Иоанна, еп. Готфского, 7–10 июля 2005 г., пос. Партенит.— Симферополь, 2006.— С. 230–246, фотогр.

Мезенцев Р. В. Взаимоотношения органов государственной власти и православной Церкви на Алтае в 1917–1940 гг. // Социокультурное взаимодействие алтайского и русского народов в истории государства Российского: Труды Всерос. науч.-практ. конф. (Бийск, 27–30 сент. 2006 г.).— Бийск, 2006.— С. 184–187.

Минченко Т. П. Политические репрессии против верующих на Камчатке // Сибирь на перекрестье мировых религий: Материалы 3-й межрегион. науч.-практ. конф., посвящ. памяти выдающегося ученого и педагога, специалиста по библеистике, проф. НГУ Михаила Иосифовича Рижского.— Новосибирск, 2006.— С. 126–129.

Моисейченко Л. А. Церковь и власть в 1930-х годах: Региональный аспект // Краеведение в школе и вузе: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 5.— Саратов, 2006.— С. 52–58.

Молодов О. Б. Православный епископат Европейского Севера в 1960–1980-х гг. // 1941–1945: Уроки войны — уроки правды, мужества и патриотизма: Материалы межрегион. науч.-практ. конф., 24–25 февр. 2005 г.— Вологда, 2006.— С. 379–389.— Прил.: Перечень епископов Вологодской епархии в 1960–1980-х гг.

Неживых Н. А. Правоприменительная практика решения религиозного вопроса местными властями в годы нэпа // Философия и социальная динамика XXI века: проблемы и перспективы: Материалы I Всерос. науч. конф., 15 мая 2006 г.— Омск, 2006.— С. 169–187.

Пагова Е. М. Власть — Церковь — музей в 20-х гг. XX в. // Российская полития: Прошлое, настоящее, будущее. Вып. 2.— Сыктывкар, 2006.— С. 146–163.

Петров С. Г. Обновленцы Петроградской епархии в период ликвидации ее автокефалии // Общественное сознание населения России по отечественным нарративным источникам XVI–XX вв.: Сб. науч. тр.— Новосибирск, 2006.— С. 243–261.— Прил.: Заявление представителей обновленческого петроградского епархиального управления в V отдел Наркомата юстиции РСФСР о борьбе обновленческих групп в период ликвидации автокефалии Петроградской епархии.

Петюкова О. Н. Православные храмы в советской России в 1920-х гг.: Правовой аспект // Образование и культура: роль права: Докл. и сообщ. VI Всерос. науч.-практ. конф., Москва, 12 апр. 2006 г.— М., 2006.— С. 229–233.

Попов А. В. Мемуары митрополита Евлогия (Георгиевского) как источник по истории российского православного зарубежья: [1868–1940 гг.] // Россия и современный мир: Проблемы политического развития: Материалы II Международ. межвуз. науч. конф., 13–14 апр. 2006 г. Ч. 2.— М., 2006.— С. 162–172.

Расова Н. В. Из истории взаимоотношений Советского государства с православной Церковью, священнослужителями и верующими в 1918–1940 гг. (на примере Горного Алтая) // Вестник Томского государственного университета: Общественно-науч. период. журн. Бюл. оператив. науч. информации. № 95: Ноябрь: История и культура коренных народов Саяно-Алтая.— Томск, 2006.— С. 93–101, табл.

Рашитова О. А. Уровень религиозности в Ленинграде накануне Великой Отечественной войны // X Царскосельские чтения: Международ. науч. конф., 25–26 апр. 2006 г. Т. 4.— СПб., 2006.— С. 244–246.

Резвых Т. Два обновленчества: справа и слева: Проблема формирования идеологии обновленческого раскола и Карловацкого движения // Русский сборник: Исслед. по истории России: [Сб. ст.]. Т. 2.— М., 2006.— С. 313–334.

Романчук Е. К. Митрополит Вениамин (Федченков) в СССР // Православие в прошлом и будущем России: Материалы межрегион. науч.-практ. конф., [2 сентября 2005 г.]— Южно-Сахалинск, 2006.— С. 91–101.

Сафонов Д. В. Из истории борьбы за русскую собственность в Святой Земле в 1920–1940-е годы // Родное и вселенское: К 60-летию Николая Николаевича Лисового: [Сб. ст.]— М., 2006.— С. 290–305.

Сергазина К. Динамика возрождения русской религиозной культуры // Религиозные практики в современной России: [Сб. ст.]— М., 2006.— С. 106–125.

Смолина И. В. К вопросу об изъятии церковных ценностей в Иркутской губернии в 1922 году // Известия Архитектурно-этнографического музея «Тальцы». Вып. 5.— Иркутск, 2006.— С. 108–117.

Солодовник Н. Д. Воспоминания о церковной жизни конца 80-х — начала 90-х годов XX века в Челябинске // Уральские Бирюковские чтения: Сб. науч. ст. Вып. 4: Город как феномен культуры. Ч. 1.— Челябинск, 2006.— С. 455–463.

Сосковец Л. И. Истинноправославные христиане странствующие позднесталинской эпохи в материалах следственного дела УМГБ по Томской области 1947–1948 гг. // Сибирь на перекрестке мировых религий: Материалы 3-й межрегион. науч.-практ. конф., посвящ. памяти выдающегося ученого и педагога, специалиста по библеистике, проф. НГУ Михаила Иосифовича Рижского.— Новосибирск, 2006.— С. 49–52.

Сосковец Л. И. Правовое регулирование положения верующих, деятельности религиозных организаций и государственно-церковных отношений: (1939–1953 гг.) // Маргиналы в советском обществе: Механизмы и практика статусного регулирования в 1930–1950-х гг.: Сб. науч. тр.— Новосибирск, 2006.— С. 165–190.

Старикова Г. И. Православие в г. Магнитогорске // Православная культура на Урале: Контексты истории и современность: Материалы науч.-богосл.

конф. с междунар. участием: IV Слав. науч. собор «Урал. Православие. Культура»: 270-летию г. Челябинска посвящается.— Челябинск, 2006.— С. 231–234.

Сымонович Ч. Э. К вопросу о паломничестве и «паломничество» в советское время // Феномен паломничества в религиях: Священная цель, священный путь, священные реликвии: Материалы XIII С.-Петербург. религиозно-науч. чтений.— СПб., 2006.— С. 48–50.

Тинина З. П. «В единении сила», «Война» — проповеди, отразившие историю гражданской войны: [Проповеди архиепископа Царицынского Дамиана (Говорова), 1921 г.] // Актуальные проблемы общественных наук и творческих профессий (философия, история, социология, культура, искусство, религия): Сб. ст. и науч.-метод. разработок. Вып. 3.— Волгоград, 2006.— С. 253–264.

Титов В. Ю. Религиозные аспекты в истории Приморья (вторая половина XX в.) // Дальний Восток России в системе международных отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе: история, экономика, культура: Третьи Крушановские чтения, 2006 г. = The Far East of Russia in the system of international relations of the Asia-Pacific region: history, economy, culture: The Third Krushanov's readings.— Владивосток, 2006.— С. 603–608.

Тихонов А. К. Деятельность архиепископа Онисима (Фестинатова) во главе Владимиро-Суздальской епархии: 1950-е гг. // Рождественский сборник. Вып. 13: Материалы конференции «История в лицах»: интеллигенция и провинция, посвящ. 80-летию со дня рожд. писателя С. К. Никитина (1926–1973), [12–13 января 2006 г.]— Ковров, 2006.— С. 26–28.

Федотова И. Ю. К вопросу о периодизации государственно-церковных отношений в 40-х гг. XX в.: (На материалах Молотовской (Пермской) области) // Уральские Бирюковские чтения: Сб. науч. ст. Вып. 4: Город как феномен культуры. Ч. 1.— Челябинск, 2006.— С. 193–198.

Филарет (Вахромеев), митр. Церковная миссия русской эмиграции // Православное богословие и Запад в XX веке: История встречи: Материалы междунар. конф. Синод. богосл. комис. Русской Православной Церкви и итал. фонда «Христианская Россия» (Италия, 2004).— М., 2006.— С. 44–51.

Филимонов С. Б. По следам православных святынь и реликвий, утраченных в послереволюционном Крыму // Духовное наследие Крыма: Материалы междунар. церков.-ист. конф. памяти прп. Иоанна, еп. Готфского, 7–10 июля 2005 г., пос. Партенит.— Симферополь, 2006.— С. 373–383.

Филимонов С. Б. Протоиерей Сергей Булгаков в Крыму: Жизнь, труды, изгнание // Там же.— С. 364–372.

Хвостова Г. И. Воскресная духовно-певческая школа в Волгограде (к истории создания): [Публикация документов] // Актуальные проблемы общественных наук и творческих профессий (философия, история, социология, культура, искусство, религия): Сб. ст. и науч.-метод. разработок. Вып. 3.— Волгоград, 2006.— С. 265–269.

Хохлов А. В. Эволюция государственно-церковных отношений в освобожденных районах в годы Великой Отечественной войны // Актуальные проблемы социально-гуманитарных наук: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 39.— Воронеж, 2006.— С. 67–68.

Цысь В. В. Русская Православная Церковь на севере Западной Сибири в годы нэпа // Западная Сибирь: История и современность: Краеведч. зап. Вып. 8.— Екатеринбург, 2006.— С. 115–130.— Прил.: 1. Численность членов общин верующих; 2. Устав Александровского православного религиозного общества в с. Александровском Сургутского уезда Тюменской губ.

Чернова Е. Л. Взаимоотношения общин верующих и местных властей в 30-х гг. XX века // Власть и общество в России: История и проблемы взаимоотношений: Материалы Междунар. науч. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых, Смоленск, 24–25 нояб. 2006 г.— Смоленск, 2006.— С. 166–170.

Щеглов Г. Архивы Высшего церковного управления в первые годы после Октябрьской революции 1917 г. // Исторический поиск Беларуси: Альм.: [постоянно действующего научного семинара имени И. В. Оржеховского].— Минск, 2006.— С. 203–230.

Агиография

Абрамова Л. В. Текст жития и икона: Проблема соотношения // Новые подходы в гуманитарных исследованиях: Право, философия, история, лингвистика: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 6.— Саранск, 2006.— С. 212–215.

Аверьянов К. А. Жития русских святых: Прочтение историком: [На примере Жития прп. Сергия Радонежского] // Россия в духовных поисках современного мира: Материалы Второй Всерос. науч.-богосл. конф. «Наследие преподобного Серафима Саровского и судьбы России», Москва—Дивеево, 29 сент.— 1 окт. 2005 г.— Нижний Новгород, 2006.— С. 115–123.

Авласович С. М. Время и пространство древнерусского агиографа: (На материале Жития Стефана Пермского) // XI Пушкинские чтения: Материалы междунар. науч. конф., 6 июня 2006 г. Т. 1: [Поэтика образов времени и пространства в художественном произведении].— СПб., 2006.— С. 7–10.

Анрианов А. Ю. Причины и обстоятельства ухода в монастырь: (По материалам Жития прп. Серафима Саровского) // Россия в духовных поисках современного мира: Материалы Второй Всерос. науч.-богосл. конф. «Наследие преподобного Серафима Саровского и судьбы России», Москва—Дивеево, 29 сент.—1 окт. 2005 г.— Нижний Новгород, 2006.— С. 124–129.

Аникеева Е. Н. Священная география и священные реалии: (На примере географии Жития преподобного Сергия Радонежского) // Феномен паломничества в религиях: Священная цель, священный путь, священные реликвии: Материалы XIII С.-Петербург. религиовед. чтений.— СПб., 2006.— С. 17–19.

Антонова Л. И. Иллюстративный цикл Жития Нифонта и Макарьевская книгописная мастерская // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописей БАН.— СПб., 2006.— С. 66–73.

Бахтина О. Н. «Сергиев текст» русской литературы: [Агиографические тексты о прп. Сергии Радонежском] // Святоотеческие традиции в русской литературе: Сб. науч. тр.— Омск, 2006.— С. 134–139.

Бубнов Н. Ю. «История о юродивом Макарии»: (Повесть о начале единоверия в Твери) // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописей БАН.— СПб., 2006.— С. 331–343.— Прил.: «История о юродивом Макарии».

Быковская Е. А. Житие вологодского святого Леонида Устьнедумского: История текста памятника // Культурная и природная палитра северных территорий России: Материалы молодеж. секции Первого Сев. соц.-эколог. конгр., (Сыктывкар, 21–22 апр. 2005 г.).— Сыктывкар, 2006.— С. 14–17.

Волков Л. И. Мои прадеды святые новомученики Иоанн Павловский и Палладий Попов // Православная культура на Урале: Контексты истории и современность: Материалы науч.-богосл. конф. с междунар. участием: IV Слав. науч. собор «Урал. Православие. Культура»: 270-летию г. Челябинска посвящается.— Челябинск, 2006.— С. 139–141.

Гульовская Г. Г., Конюшкова К. «Житие протопопа Аввакума» и древнерусская агиографическая традиция // Православие в контексте отечественной и мировой литературы: Сб. ст.— Арзамас, 2006.— С. 645–649.

Дмитриев Н. А. Первый святой советской эпохи (о жизни и служении Патриарха Тихона) // История России как многоконфессионального государства: Материалы 42-й Всерос. заоч. науч. конф.— СПб., 2006.— С. 111–115.

Замолотских Г. Д. Сохранение и преемственность традиций почитания святителя Иннокентия Иркутского в храмах Барнаула // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: Материалы всерос. науч.-практ. конф. Вып. 15.— Барнаул, 2006.— С. 64–68.

Конявская Е. Л. Житие святого Арсения Тверского: Проблема датировки и атрибуции // Экология культуры и языка: Проблемы и перспективы: Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию Д. С. Лихачева: Сб. науч. докл. и ст. [2–4 ноября 2006 г.].— Архангельск, 2006.— С. 368–373.

Криволапов В. Н. Оптинский подвижник из Курска: (Архимандрит Исаакий (Антимонов)) // Пространство культуры и стратегии исследования: Ст. и материалы о русской провинции: XX Фетовские чтения (Курск, 15–18 сент. 2005 г.).— Курск, 2006.— С. 200–209.

Курдин Ю. А. Семейные предания и легенды о старце Софронии: (К 85-летию со дня кончины архимандрита Софрония (Смирнова)) // Православие в контексте отечественной и мировой литературы: Сб. ст.— Арзамас, 2006.— С. 83–87.

Курочкина-Лезина А. В. Феномен подвига в «Житии Михаила Черниговского»: У истоков русской художественной традиции // «Липецкий топ» и пути развития русской литературы: Сб. науч. ст. [по итогам Международной научной конференции (9–12 ноября 2006 г., Липецк)].— Липецк, 2006.— С. 147–150.

Лимеров П. Ф. Мотив плаванья на камне в устном повествовательном цикле о Стефане Пермском // Поморские чтения по семиотике культуры: Сб. науч. ст. Вып. 2: Сакральная география и традиционные этнокультурные ландшафты народов Европейского Севера: [Материалы II Поморских чтений по семиотике культуры, 23–27 июля 2006 г.].— Архангельск, 2006.— С. 302–318.

Липилина Е. Ю. О мотиве искушения в агиографии Древней Руси XI–XIII вв. // Православие в контексте отечественной и мировой литературы: Сб. ст.— Арзамас, 2006.— С. 99–102.

Лобова О. М. Изображение детства в русской агиографии // Дергачевские чтения — 2004: Русская литература: Национальное развитие и региональные особенности: Материалы междунар. науч. конф., 2–3 окт. 2004 г.— Екатеринбург, 2006.— С. 76–78.

Макаров Д. В. Преподобные Серафим Саровский и Варнава Гефсиманский в творчестве и судьбе И. С. Шмелева // Православие в контексте отечественной и мировой литературы: Сб. ст.— Арзамас, 2006.— С. 534–541.

Макеев Н. В. Воронежский епархиальный миссионер Лев Захарович Кунцевич: Материалы к житию воронежского новомученика // Вклад Воронежской православной духовной семинарии в развитие образования и культуры Воронежского края и России: Материалы конф. [10–11 февраля 2006 г.].— Воронеж, 2006.— С. 75–87.

Мельник А. Г. Почитание св. Сергия Радонежского в Ростовской земле XVI–XVII вв. // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России: V Междунар. конф.: Тез. докл., 26–28 сент. 2006 г.— Сергиев Посад, 2006.— С. 32–33.

Митина Ю. В. Понятие «сердце» (на примере Жития Александра Свирского) // Русский язык: История, диалекты, современность: Сб. науч. тр. Вып. 7: К 75-летию МГОУ и 15-летию кафедры истории русского языка и общего языкознания.— М., 2006.— С. 97–103.

Петрова В. Д. Ветхозаветные параллели в Житии Стефана Пермского Епифания Премудрого // Чтения, посвященные дням славянской письменности и культуры: К 70-летию со дня рожд. д-ра филолог. наук, проф. Г. Е. Корнилова: Сб. ст. междунар. науч. конф.— Чебоксары, 2006.— С. 78–86.

Поляева Н. К. Житие Михаила Клопского — оригинальный памятник древнерусской литературы XVI в. // Традиции и новации в отечественной духовной культуре: Дни славянской письменности и культуры, 24–25 мая 2006 г.: Сб. материалов III Южно-Урал. межвуз. науч.-практ. конф.— Челябинск, 2006.— С. 88–93.

Растягаев А. В. Агиографическая традиция: Жанровая трансформация жития в русской литературе конца XVIII — XIX веков // Проблемы изучения русской литературы XVIII века: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 12.— СПб.; Самара, 2006.— С. 185–191.

Рогожникова Т. П. Трансформация традиционных литературных приемов в русской агиографии XVI в. // Святоотеческие традиции в русской литературе: Сб. науч. тр.— Омск, 2006.— С. 27–35.

Рыжова Е. А. Новгородская тема в агиографической традиции Русского Севера // Народная культура Европейского Севера России: Регион. аспекты изучения: Сб. науч. трудов: К 10-летию каф. фольклора и истории книги.— Сыктывкар, 2006.— С. 150–180.

Саксонова О. Подвижницы благочестия курского Свято-Троицкого женского монастыря // Краеведение в Курском крае: прошлое и современность:

Межрегиональные связи: Труды 1-й междунар. краеведч. конф., 26 окт. 2006 г., г. Курск. Ч. 3.— Курск, 2006.— С. 64–68.

Смирнова И. В. Сюжетопостроение Жития митрополита Петра (XIV в.): Функции композитов семантического пространства «грех/добродетель» // Экология культуры и языка: Проблемы и перспективы: Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию Д. С. Лихачева: Сб. науч. докл. и ст. [2–4 ноября 2006 г.]— Архангельск, 2006.— С. 396–400.

Смирнова С. А. Модель православного мироустройства в житиях XI–XVII веков // Святоотеческие традиции в русской литературе: Сб. науч. тр.— Омск, 2006.— С. 41–50.

Соболева Л. С. Феномен многоголосья в Житии Симеона Верхотурского // Дергачевские чтения — 2004: Русская литература: Национальное развитие и региональные особенности: Материалы междунар. науч. конф., 2–3 окт. 2004 г.— Екатеринбург, 2006.— С. 126–131.

Стороженко Э. А. Древние повествования о святом мученике Меркурии Смоленском как артефакты священного предания // Культура как текст: Сб. науч. ст. Вып. 6.— М.; Смоленск, 2006.— С. 328–334.

Тупиков В. А. Характеристика образа святого в Житии Стефана Пермского // Модернизация и традиции — Нижнее Поволжье как перекресток культур: Материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. акад. Д. С. Лихачева, Волгоград, 28–30 сент. 2006 г.— СПб.; Волгоград, 2006.— С. 659–663.

Турилов А. А. К биографии и генеалогии Михаила Клопского // Средневековая Русь: [Сб. ст.]. Вып. 6: К 75-летию академика Леонида Васильевича Милова.— М., 2006.— С. 178–209.

Усачев А. С. Датирующее указание или литературный штамп? (О времени написания пространной редакции Жития Ольги) // Календарно-хронологическая культура и проблемы ее изучения: К 870-летию «Учения» Кирика Новгородца: Материалы науч. конф., Москва, 11–12 дек. 2006 г.— М., 2006.— С. 168–171.

Фатеева Ю. Г. Авторские легенды-жития в русской литературе начала XX века // Православие в контексте отечественной и мировой литературы: Сб. ст.— Арзамас, 2006.— С. 478–485.

Черная Л. А. Духовные истоки благочестия преподобного Серафима Саровского // Россия в духовных поисках современного мира: Материалы II Всерос. науч.-богосл. конф. «Наследие преподобного Серафима Саровского и судьбы России», Москва—Дивеево, 29 сент.— 1 окт. 2005 г.— Нижний Новгород, 2006.— С. 315–320.

Чернова С. С. Не рвется связь твоя с народной душой...: О святителе Иоасафе Белгородском // Уральские Бирюковские чтения: Сб. науч. ст. Вып. 4: Город как феномен культуры. Ч. 2.— Челябинск, 2006.— С. 403–406.

Чумакова Т. В. Женская святость в русской культуре XI–XVII вв. // Сибирь на перекрестке мировых религий: Материалы 3-й межрегион. науч.-практ. конф., посвящ. памяти выдающегося ученого и педагога, специалиста

по библеистике, проф. НГУ Михаила Иосифовича Рижского.— Новосибирск, 2006.— С. 227–230.

Шмбаев М. А. Новые данные о ранних списках и редакциях Жития Сергия Радонежского // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России: V Междунар. конф.: Тез. докл., 26–28 сент. 2006 г.— Сергиев Посад, 2006.— С. 70–71.

Шильникова Т. В. Праведничество Иоанна Тобольского в церковных сочинениях XIX в. // Дергачевские чтения — 2004: Русская литература: Национальное развитие и региональные особенности: Материалы междунар. науч. конф., 2–3 окт. 2004 г.— Екатеринбург, 2006.— С. 147–149.

Монастыри, храмы

Аверьянов К. А. О местах основания русских монастырей в XIV–XV веках // Поморские чтения по семиотике культуры: Сб. науч. ст. Вып. 2: Сакральная география и традиционные этнокультурные ландшафты народов Европейского Севера: [Материалы II Поморских чтений по семиотике культуры, 23–27 июля 2006 г.]— Архангельск, 2006.— С. 346–352.

Азбелев С. Н. Троицкий монастырь и Сказание о Мамаевом побоище // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России: V Междунар. конф.: Тез. докл., 26–28 сент. 2006 г.— Сергиев Посад, 2006.— С. 3–4.

Алексеев А. В. В лесу под Звенигородом найден древний монастырь // Подмосковный летописец: Ист.-краеведч. альм. 2006. № 2(08): 650-летие Каширы. 775-летие Можайска...— М., 2006.— С. 70–73, карт., цв. ил.

Алексеев В. А. Из истории Свято-Троицкого собора // Осинский ежегодник: [Краеведческое издание]. Вып. 14.— Оса, 2006.— С. 4–11.— Публ.: 1. Отчет комитета по постройке соборного храма в г. Осе за 1912–1915 гг.; 2. Решение горисполкома о передаче бывшего Троицкого собора на баланс сельхозтехникума, 1956 г.

Антонова Н. В. Из истории Покровского храма в Ореанде // Константиновский дворцово-парковый ансамбль в Стрельне: История и современность: Сб. ст.— СПб., 2006.— С. 228–249, фотогр.

Белоброва О. А. О средневековом литературном некрополе в Троице-Сергиевой лавре // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России: V Междунар. конф.: Тез. докл., 26–28 сент. 2006 г.— Сергиев Посад, 2006.— С. 7.

Белоусова М. Из истории курского Свято-Троицкого женского монастыря // Краеведение в Курском крае: Прошлое и современность: Межрегиональные связи: Труды 1-й междунар. краеведч. конф., 26 окт. 2006 г., г. Курск. Ч. 2.— Курск, 2006.— С. 14–18.

Биктимирова Ю. В. История Иоанно-Предтеченского храма на Чите // Историческая связь времен: Духовность, нравственность, патриотизм: IX Иннокентьевские чтения: Материалы регион. науч.-практ. конф. Ч. 1.— Чита, 2006.— С. 60–64.

Богданова М. А. История храма Вознесения Господня в Полевском поселке: [Свердловская область] // Шаг в историческую науку: [Сб.]. Вып. 6: Материалы региональной студенческой научной конференции, г. Екатеринбург, 20 апр. 2006 г.— Екатеринбург, 2006.— С. 88–90.

Борисов Б. Ю. Проблемы учреждения при монастырях воспитательно-исправительных заведений для несовершеннолетних преступников в начале XX века // История отечественной уголовно-исполнительной системы: Сб. ст.— Псков, 2006.— С. 109–118.

Бронникова Е. П. Фотография в северных монастырях // История Отечества: Святые и святыни Русского Севера: [По материалам VII Иоанновских образовательных чтений]: Сб. ст.— Архангельск, 2006.— С. 73–77.

Васиховская Н. С. Киево-Печерский монастырь и древнерусское общество в XI–XII веках // Тюменский исторический сборник. Вып. 9.— Тюмень, 2006.— С. 65–71.

Виденеева А. Е. Императорское паломничество в ростовский Спасо-Яковлевский Дмитриев монастырь // Феномен паломничества в религиях: Священная цель, священный путь, священные реликвии: Материалы XIII С.-Петербург. религиовед. чтений.— СПб., 2006.— С. 26–28.

Вишневский В. И. Памятники некрополя приписного Подольного монастыря // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России: V Междунар. конф.: Тез. докл., 26–28 сент. 2006 г.— Сергиев Посад, 2006.— С. 8–10.

Воробьев В. М. Центры православных приходов у волоков на Великом водоразделе Русской равнины // Провинциальное духовенство дореволюционной России: Сб. науч. тр. Всерос. заоч. конф. Вып. 2.— Тверь, 2006.— С. 344–373, карт.

Гаврилин А. В. Утраченные в XX веке храмы Риги // Православие в Латвии: Ист. очерки: Сб. ст. Вып. 5.— Рига, 2006.— С. 25–50, ил.

Евфимия (Пашенко), мон. Просветительская деятельность женских монастырей Архангельской епархии в XIX — начале XX века // История Отечества: Святые и святыни Русского Севера: [По материалам VII Иоанновских образовательных чтений]: Сб. ст.— Архангельск, 2006.— С. 77–86.

Егорова Е. Н. Описная книга Красногорского монастыря 1703 года как лингво-культурологический источник // Экология культуры и языка: Проблемы и перспективы: Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию Д. С. Лихачева: Сб. науч. докл. и ст. [2–4 ноября 2006 г.].— Архангельск, 2006.— С. 190–193.

Елдашев А. М. Седмиозерная Богородичная пустынь // Православный собеседник: Альм. Казан. духов. семинарии. Вып. 3(13).— Казань, 2006.— С. 134–150.

Еременко М. Л. Храмы города Касли и Каслинского района // Православная культура на Урале: Контексты истории и современность: Материалы науч.-богосл. конф. с междунар. участием: IV Слав. науч. собор «Урал. Православие. Культура»: 270-летию г. Челябинска посвящается.— Челябинск, 2006.— С. 149–154.

Ермакова Д. С. Тюменская Троицкая единоверческая церковь в XIX — начале XX века // Социокультурное пространство сибирского города: история и современность: Материалы I межвуз. науч.-практ. конф. молодых ученых.— Тюмень, 2006.— С. 130–134.

Ермолюк А. В. Успенский храм города Челябинска: Страницы истории // Уральские Бирюковские чтения: Сб. науч. ст. Вып. 4: Город как феномен культуры. Ч. 1.— Челябинск, 2006.— С. 250–256.

Захарова Л. М. «Сей нашего рода»: Преподобный Серафим Саровский: [О храме прп. Серафима Саровского в Туле] // Тульский краеведческий альманах. Вып. 4.— Тула, 2006.— С. 128–135, ил.

Зюрин В. Г. Колхозы-монастыри Боровичского округа в 1920-х гг. // X Царскосельские чтения: Междунар. науч. конф., 25–26 апр. 2006 г. Т. 4.— СПб., 2006.— С. 175–177.

Иванов Д. В. История звонниц городских храмов Архангельска: Колокольня храма Всех святых // История Отечества: Святые и святые Русского Севера: [По материалам VII Иоанновских образовательных чтений]: Сб. ст.— Архангельск, 2006.— С. 86–90, фотогр.

Изотов А. Б. Полемические темы в историографии Валаамского монастыря // Институты власти и идеология в истории Европы, США и России: Материалы конгресса молодых ученых, 20–24 марта 2006 г., С.-Петербург.— СПб., 2006.— С. 246–249.

Казакова Г. М. Уральский монастырь как «культурное гнездо» колонизирующейся России: (На примере Далматовского монастыря) // Православная культура на Урале: Контексты истории и современность: Материалы науч.-богосл. конф. с междунар. участием: IV Слав. науч. собор «Урал. Православие. Культура»: 270-летию г. Челябинска посвящается.— Челябинск, 2006.— С. 173–177.

Колесникова В. А. Динамика изменения социального состава женских монастырей с середины XIX к началу XX века: На материалах Курской и Тамбовской губерний // Актуальные проблемы становления гражданского общества в России: Материалы регион. науч.-практ. конф., 14–15 нояб. 2006 г.— Нефтекамск, 2006 г.— С. 212–218, диагр.

Косенков А. Ю. Графическая реконструкция часовни Николая Чудотворца в д. Инжунаволоок Суоярвского района // Сямозерские чтения: Докл., материалы [I и II научно-практических конференций, 25 ноября 2000 г. и 2–3 апреля 2004 г. в п. Эссоила — д. Рубчойла].— Петрозаводск, 2006.— С. 74–78.

Крейдун Ю. А., священник. Храмы в честь святителя Иннокентия Иркутского в Алтайской духовной миссии // Известия Архитектурно-этнографического музея «Тальцы». Вып. 5.— Иркутск, 2006.— С. 93–95.

Крейдун Ю. А., священник, Орехов А. С. Первые десятилетия храмового строительства на Алтае (1750–1770-е гг.) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: Материалы всерос. науч.-практ. конф. Вып. 15.— Барнаул, 2006.— С. 97–101.

Кукушкина М. В. Монастырские праздничные трапезы первой трети XVII в.: [Публикация «Книги праздничной» из Обиходника Антониево-Сий-

ского монастыря] // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописей БАН.— СПб., 2006.— С. 313–323.

Левкина Ю. С. Из истории Христорождественской церкви села Тюково // Материалы и исследования по рязанскому краеведению: Сб. науч. работ. Т. 9: Клепиковский сборник.— Рязань, 2006.— С. 37–39.

Лосунов А. М. Успенский кафедральный собор: Неизвестное об известном: [Кафедральный собор Омска] // Вопросы методологии и истории в работах молодых ученых: Сб. науч. ст. Вып. 9.— Омск, 2006.— С. 180–197.

Лукьянова Л. В. Под покровом Пресвятой Богородицы: (О храме Покрова Пресвятой Богородицы в с. Тюнеж Веневского р-на Тульской обл.) // Подмосковный летописец: Ист.-краеведч. альм. 2006. № 2(08): 650-летие Каширы. 775-летие Можайска...— М., 2006.— С. 94–95, цв. ил.

Майничева А. Ю. Семантика закладки русских православных храмов // Славяне в сибирском сообществе: Сб. науч. тр.— Новосибирск, 2006.— С. 40–50.

Макаров Н. А. Антоний Сийский и Шелековский приход Онежского уезда Архангельской губернии в XVI — начале XX века // История Отечества: Святые и святыни Русского Севера: [По материалам VII Иоанновских образовательных чтений]: Сб. ст.— Архангельск, 2006.— С. 29–39.

Масленников А. В. Политика княжеской власти по отношению к Спасо-Преображенскому монастырю в XIII–XVI вв. по данным «Ярославских епархиальных ведомостей» // Уральские Бирюковские чтения: Сб. науч. ст. Вып. 4: Город как феномен культуры. Ч. 1.— Челябинск, 2006.— С. 190–193.

Михайлов С. С. Из истории Троицкого единоверческого храма в селе Поповка Егорьевского уезда // Гуслицкая округа: Ист.-краеведч. альм. Зап. Мещеры. Вып. 1.— Куровское, 2006.— С. 21–25, фотогр.

Мошкин А. Н. Материальное положение монастырей в России и его влияние на монастырскую благотворительность // Юг России в прошлом и настоящем: История, экономика, культура: Сб. науч. тр. IV Междунар. науч. конф., Белгород, 8 дек. 2006 г. Т. 1.— Белгород, 2006.— С. 144–150.

Несанелене В. Н. Раскопки фундамента настоятельского корпуса XVII века в Антониево-Сийском монастыре // История Отечества: Святые и святыни Русского Севера: [По материалам VII Иоанновских образовательных чтений]: Сб. ст.— Архангельск, 2006.— С. 55–61.

Николаева С. В. Неизвестный братский помянник Троице-Сергиева монастыря: К вопросу о структуре синодика 1575 г. // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России: V Междунар. конф.: Тез. докл., 26–28 сент. 2006 г.— Сергиев Посад, 2006.— С. 33–37.

Окладников Н. А. Владения Антониево-Сийского монастыря на Мезени и Зимнем берегу Белого моря: (вторая половина XVI — начало XVIII в.) // История Отечества: Святые и святыни Русского Севера: [По материалам VII Иоанновских образовательных чтений]: Сб. ст.— Архангельск, 2006.— С. 40–55, вкл. цв. фотогр.

Осипов Д. О., Фараджева Н. Н. Археологические раскопки на месте воссоздания Успенского кафедрального собора в Ярославле // Современные

проблемы археологии России: Материалы Всерос. археолог. съезда (23–28 окт. 2006 г., Новосибирск). Т. 2.— Новосибирск, 2006.— С. 239–240.

Папков А. И. Валуйский Успенский Николопристанский монастырь в XVII веке // Юг России в прошлом и настоящем: История, экономика, культура: Сб. науч. тр. IV Междунар. науч. конф., г. Белгород, 8 дек. 2006 г. Т. 1.— Белгород, 2006.— С. 16–20.

Пегенева И. А. Проблемы изучения монастырских вотчин XVII–XVIII вв. в отечественной историографии дореволюционного периода // Актуальные проблемы истории в отечественной и зарубежной историографии: Материалы VII Тарасов. чтений, 14 мая 2004 г.— Йошкар-Ола, 2006.— С. 70–74.

Попова Л. Д. К истории Пертоминского монастыря // История Отечества: Святые и святые Русского Севера: [По материалам VII Иоанновских образовательных чтений]: Сб. ст.— Архангельск, 2006.— С. 118–124.

Прохорова Т. В. Полковые храмы Санкт-Петербурга // Материалы Кирилло-Мефодиевских чтений: [Сб.] Вып. 1.— СПб., 2006.— С. 299–321.— (Труды СПбГУКИ. Т. 171).

Пуцко В. Г. Монастыри Поугорья и сопредельных территорий // Природа и история Поугорья: Краевед. очерки. Вып. 4: [Материалы 4-й научно-практической конференции «Природа и история Поугорья» (19–20 октября 2006 г., Калуга)].— Калуга, 2006.— С. 197–201.

Ржанникова Д. М. Повинности и правовые представления монастырских крестьян Южного Зауралья в XVIII в. // Емельяновские чтения: Материалы 1-й Межрегион. науч.-практ. конф., Курган, 19–20 апр. 2006 г.— Курган, 2006.— С. 144–145.

Розина О. В., Яшкина И. С. Православные храмы Пушкинского района в контексте экономического и социо-культурного развития края // История Московского края: Проблемы, исследования, новые материалы. Вып. 1.— М., 2006.— С. 241–257.

Рыбалко О. И. Становление храма в селе Усть-Заостровка: [Храм св. архистратига Михаила, Омская область] // Россия между Западом и Востоком: Сб. науч. и метод. работ. Вып. 4: Россия и мир в XX — начале XXI в. (1904–2005 гг.): Актуальные проблемы истории, политики, социальной жизни, экономики, управления, культуры и образования, права.— Омск, 2006.— С. 372–377.

Сведения о газенпотской Свято-Николаевской церкви и приходе / Публ. и коммент. И. Кожокара // Православие в Латвии: Ист. очерки: Сб. ст. Вып. 5.— Рига, 2006.— С. 85–96, ил.

Святославский А. В. Петровское-Алабино и его храмы // Подмосковный летописец: Ист.-краеведч. альм. 2006. № 2(08): 650-летие Каширы. 775-летие Можайска...— М., 2006.— С. 47–60, цв. ил.

Смирнова М. А. Приписные монастыри Антониево-Сийского монастыря // История Отечества: Святые и святые Русского Севера: [По материалам VII Иоанновских образовательных чтений]: Сб. ст.— Архангельск, 2006.— С. 68–72.

Смирнова О. С., Ерегина Г. Н. Домовая церковь Константиновского дворца // Константиновский дворцово-парковый ансамбль в Стрельне: История и современность: Сб. ст.— СПб., 2006.— С. 196–206.

Соловьев К. А. Обитель Пресвятой Троицы, что на Белых Песках // Подмосковный летописец: Ист.-краеведч. альм. 2006. № 2(08): 650-летие Каширы. 775-летие Можайска...— М., 2006.— С. 14–17, цв. ил.

Сорокина Л. Б. Усадебные храмы окрестностей Обнинска // Обнинский краеведческий сборник: Материалы ист.-краеведч. конф. «Город и регион: проблемы археологии, истории и культуры», посвящ. 40-летию Музея истории г. Обнинска.— Обнинск, 2006.— С. 3–13.

Таймасов Л. А. Вопросы церковно-монастырского землевладения в трудах И. Д. Кузнецова // И. Д. Кузнецов — ученый, педагог, человек, переживший репрессии 30–40-х годов XX века: Сб. ст. Всерос. науч. конф. историков (Чебоксары, 15–16 июня 2006 г.).— М., 2006.— С. 131–142.

Талалай М. Г. Русская церковь во Флоренции как мемориал семьи Демидовых // Демидовский временник: Ист. альм. Кн. 2.— Екатеринбург, 2006.— С. 698–710, фотогр.

Тарасова И. В. Путешествие из Петербурга в Соловецкий монастырь: (О паломничестве Ивана Екимова в Соловецкий монастырь в 1823 г.) // Феномен паломничества в религиях: Священная цель, священный путь, священные реликвии: материалы XIII С.-Петербург. религиовед. чтений.— СПб., 2006.— С. 29–32.

Тершукова Е. В. О захоронениях священников на территории Богородице-Рождественского собора г. Кургана в начале XX века // Емельяновские чтения: Материалы 1-й Межрегион. науч.-практ. конф., Курган, 19–20 апр. 2006 г.— Курган, 2006.— С. 169–170.

Тимошенкова З. А. Взаимоотношения администрации и посада Старой Руссы с Иверским монастырем во второй половине XVII в. // Государственная власть и местное самоуправление в России: Северо-Западный регион: Материалы науч.-практ. семинара, 25–27 марта 2004 г.— Великий Новгород, 2006.— С. 116–123.

Ткаченко В. А. Некрополь Троице-Сергиевой лавры // История Московского края: Проблемы, исследования, новые материалы. Вып. 1.— М., 2006.— С. 82–96.

Ткаченко В. А. Труды иеромонаха Гедона (Вихрова) по составлению списков лиц, погребенных в Троице-Сергиевой лавре // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России: V Междунар. конф.: Тез. докл., 26–28 сент. 2006 г.— Сергиев Посад, 2006.— С. 60–62.

Третьякова С. Н. Паломничество в Соловецкий монастырь // Проблемы культуры, языка, воспитания: Сб. науч. тр. преподавателей и аспирантов. Вып. 7.— Архангельск, 2006.— С. 40–50.

Троян В. И. Новые исследования пещерных монастырей Подонечья // Археологическое изучение Центральной России: Тез. Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. В. П. Левенка, Липецк, 13–16 нояб. 2006 г.— Липецк, 2006.— С. 368–371.

Туров С. В. «Памятная книга обдорской Петропавловской церкви»: История создания и изучения // Ямал в XVII — начале XX в.: Социокультурное и хозяйственное развитие: (Документы и исслед.). — Салехард; Екатеринбург, 2006. — С. 280–316, табл.

Ушакова Н. В. Культурно-просветительская деятельность русских монастырей в отечественной историографии 1970–1980-х гг. // Научные труды аспирантов и соискателей Нижневартковского государственного педагогического института. Вып. 3. — Нижневартовск, 2006. — С. 80–86.

Федченко М. Н. Свято-Духовская церковь в поселке Рябово города Кургана (1956–1963 гг.) // Емельяновские чтения: Материалы 1-й Межрегион. науч.-практ. конф., Курган, 19–20 апр. 2006 г. — Курган, 2006. — С. 176–178.

Федорова С. И., Саламатина К. Н. История монастырей в России и их роль в духовном возрождении общества // Вторые Ознобишинские чтения: Юбил. междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 200-летию Д. П. Ознобишина, 14–15 мая 2004 г.: Сб. материалов. Т. 1. — Самара, 2006. — С. 193–196.

Хьюз Л. Храм Василия Блаженного глазами британцев = Hughes L. St. Basil's Cathedral through British Eyes // Россия и Британия: [Сб.]. Вып. 4: Связи взаимные представления, XIX–XX века. — М., 2006. — С. 71–80, текст на англ. яз.

Цыганова Л. А. О церкви святого Андрея Первозванного в Киеве // Россия и Украина: Вместе или врозь: Материалы междунар. науч. конф. — М., 2006. — С. 51–57.

Цысь О. П. Тобольский кафедральный собор в конце XIX — начале XX в. // Проблемы истории Сибири XVI–XX вв.: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 2. — Нижневартовск, 2006. — С. 90–106, табл.

Черкасова М. С. Монастыри Среднего Поволжья по описи 1641–1643 гг. // И. Д. Кузнецов — ученый, педагог, человек, переживший репрессии 30–40-х годов XX века: Сб. ст. Всерос. науч. конф. историков (Чебоксары, 15–16 июня 2006 г.). — М., 2006. — С. 241–244.

Черкасова М. С. «Офицерские описи» вотчин Троице-Сергиевой лавры середины XVIII в. как исторический источник // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России: V Междунар. конф.: Тез. докл., 26–28 сент. 2006 г. — Сергиев Посад, 2006. — С. 63–64.

Черных Н. Б., Карпухин А. А. Некоторые результаты дендрохронологического изучения древесины церкви Ильи Пророка в Цыпинском Погосте (Вологодская обл., Кирилловский р-н) // Институт археологии (Москва). Краткие сообщения. Вып. 220. — М., 2006. — С. 127–134.

Шаляпин С. О. Режим монастырской ссылки в обителях Русского Севера XVII в. // Каторга и ссылка на Севере России: [Материалы международной научной конференции, Архангельск, 2–5 сентября 2002 г.]. Т. 2: Сб. ст. — Архангельск, 2006. — С. 110–127.

Церковное искусство

Абрамова Л. В. Проблема моделирования в иконописи // Новые подходы в гуманитарных исследованиях: Право, философия, история,

лингвистика: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 6.— Саранск, 2006.— С. 200–203.

Абрамова Л. В. Русская иконопись: Проблема информационной достаточности // Новые подходы в гуманитарных исследованиях: Право, философия, история, лингвистика: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 6.— Саранск, 2006.— С. 190–194.

Авдеев А. Г. К вопросу о надгробии преподобного Андрея Рублева // Вопросы эпиграфики: [Сб. ст.]. Вып. 1.— М., 2006.— С. 160–184.

Аникеев В. М. «Вратарница» Смоленская: [История Смоленской иконы Божией Матери «Одигитрия»] // Культура и письменность славянского мира: [Сб.]. Т. 6.— Смоленск, 2006.— С. 157–173, ил.

Аникеев В. М. Уникальный памятник петровской эпохи: (Икона «Преподобный Авраамий и мученик Меркурий, Смоленские») // Культура и письменность славянского мира: [Сб.]. Т. 6.— Смоленск, 2006.— С. 174–179, ил.

Батуев С. В. Иконы и медная пластинка Куртамышского уезда второй половины XIX — нач. XX вв. // Емельяновские чтения: Материалы 1-й Межрегион. науч.-практ. конф., Курган, 19–20 апр. 2006 г.— Курган, 2006.— С. 155–156.

Берташ А. В. Церковный зодчий А. Я. Силин // Материалы Кирилло-Мефодиевских чтений: [Сб.]. Вып. 1.— СПб., 2006.— С. 293–298.— (Труды СПбГУКИ. Т. 171).

Бондаренко А. Ф. Колокола на Руси в XIV веке // Церковь и музеи: использование исторически ценных колоколов: Доклады: Междунар. науч.-практ. конф.— М., 2006.— С. 5–18.

Бондаренко А. Ф. Письменные источники о колоколах на Руси в XI–XIII веках // Церковь и музеи: использование исторически ценных колоколов: Доклады: Междунар. науч.-практ. конф.— М., 2006.— С. 19–34.

Бусева-Давыдова И. Л. К иконографии Богоматери Владимирской в XVII веке // X Научные чтения памяти Ирины Петровны Болотцевой (1944–1995): Сб. ст.— Ярославль, 2006.— С. 74–82.

Бусева-Давыдова И. Л. Некоторые проблемы атрибуции парсуны // Русский исторический портрет: Эпоха парсуны: Материалы конф., [Москва, 20 мая 2004 г.]— М., 2006.— С. 38–53.— (Труды / Гос. ист. музей. Вып. 155).

Бушлякова В. А. Крест архимандрита Феофилакта // Календарно-хронологическая культура и проблемы ее изучения: К 870-летию «Учения» Кирика Новгородца: Материалы науч. конф., Москва, 11–12 дек. 2006 г.— М., 2006.— С. 86–88.

Васильева И. И. Богородичные иконы как ключ к пониманию архетипа материнства в христианской культуре и религии средневековой Руси // Литература XI–XXI вв.: Национально-художественное мышление и картина мира: Материалы Междунар. науч. конф., 20–21 сент. 2006 г. Ч. 1: Национальное сознание в литературном и культурно-языковом развитии.— Ульяновск, 2006.— С. 305–311.

Виденеева А. Е., Коновалов И. В. Колокола Московского Кремля в свете событий 1812 г. // X Научные чтения памяти Ирины Петровны Болотцевой (1944–1995): Сб. ст.— Ярославль, 2006.— С. 172–184.

Винниченко Т. В. Функционирование наименований икон в памятниках письменности северных монастырей XVI – первой половины XVII века // Поморские чтения по семиотике культуры: Сб. науч. ст. Вып. 2: Сакральная география и традиционные этнокультурные ландшафты народов Европейского Севера: [Материалы II Поморских чтений по семиотике культуры, 23–27 июля 2006 г.]. – Архангельск, 2006. – С. 156–161.

Воронцова Л. М. Аугсбургское серебро из ризницы Троице-Сергиева монастыря // Декоративно-прикладное искусство Западной Европы: [К 75-летию Г. А. Марковой: Сб.]. – М., 2006. – С. 55–69, фотогр.

Воронцова Л. М. Геммы оклада иконы «Троица» письма Андрея Рублева // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России: V Междунар. конф.: Тез. докл., 26–28 сент. 2006 г. – Сергиев Посад, 2006. – С. 10–12.

Гладкая М. С. Вознесение Александра Македонского: Композиция юго-восточного тимпана Дмитриевского собора во Владимире // Георгий Карлович Вагнер – ученый, художник, человек: [Сб.]. – М., 2006. – С. 325–340, ил.

Гнутова С. В., Щедрина К. А. Кийский крест, Крестный монастырь и преобразование сакрального пространства в эпоху Патриарха Никона // Иеротопия: Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси: [Сб. по материалам Международного симпозиума, июнь 2004 г.]. – М., 2006. – С. 681–705, ил.

Гостиева Л. К. Почитание чудотворной Моздокской иконы Божией Матери у осетин (XIX – 30-е годы XX в.) // Расы и народы: Современные этнические и расовые проблемы: Ежегодник. Вып. 31: 2005. – М., 2006. – С. 230–245.

Грибова Г. И., Дремлогин Д. М. Покровский собор в Измайлове как уникальный экскурсионный объект архитектурно-дворцового комплекса // Научные труды Международной научно-практической конференции ученых МАДИ (ГТУ), РГАУ–МСХА, ЛНАУ, 18–19 янв. 2006 г. Т. 4: История и философия. – Москва; Луганск, 2006. – С. 108–110.

Губарева О. В. Опыт интерпретации произведений церковного искусства в символическом контексте русского исторического самосознания // Знаменские чтения: Сб. материалов, 2000–2004. – СПб., 2006. – С. 157–170.

Гудина А. В. Образы святителя Иннокентия Иркутского в г. Улан-Удэ // Известия Архитектурно-этнографического музея «Тальцы». Вып. 5. – Иркутск, 2006. – С. 78–89, ил.

Гузанов Ф. В. К истории открытия древнерусских стенописей в 1930-х гг. // Проблемы сохранения и реставрации монументальной живописи: Чтения памяти Л. А. Лелекова – 2006: Материалы конф. ГосНИИР, 26 апр. 2006 г. – М., 2006. – С. 77–102.

Гундырева Т. В. Икона «Богородица Знамение» из фондов МРМИИ – образец раннего иконописного творчества С. Д. Эрзи: К вопр. об авторстве, бытовании и реставрации // Эрзинские чтения: Сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 130-летию со дня рожд. С. Д. Эрзи (8–9 нояб. 2006 г.). – Саранск, 2006. – С. 46–51.

Гусева Э. К. О ранних чудотворных и чтимых списках иконы Богоматери Владимирской и репликах // Георгий Карлович Вагнер — ученый, художник, человек: [Сб.].— М., 2006.— С. 211–232, ил.

Гущина В. А. Преображенская церковь и время: (Предложения к проекту реставрации в историческом аспекте) // Актуальные проблемы развития музеев-заповедников: Тез. докл. Всерос. науч.-практ. конф., (Петрозаводск — Кижы, июнь 2006 г.).— Петрозаводск, 2006.— С. 61–64.

Давыдова Е. В. Резные композиции «Голгофа» в стеклянных сосудах: К вопросу о происхождении // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России: V Междунар. конф.: Тез. докл., 26–28 сент. 2006 г.— Сергиев Посад, 2006.— С. 13–15.

Данилов П. Г. Святые ворота Тобольского кремля // Менделеевские чтения — 2006: Материалы XXXVII Регион. науч.-практ. конф. молодых ученых и студентов (22 апр. 2006 г., Тобольск).— Тобольск, 2006.— С. 37–39.

Денисова М. Е. К вопросу о происхождении мантии и иконографии изображений на скрижалях // Покров: Сб. науч. ст. Вып. 2: Традиции древнерусского шитья и современное образование: Материалы межрегион. науч.-практ. конф. VI Покровских чтений 2005 г.— СПб., 2006.— С. 72–82, ил.

Доровская В. В. Социокультурная специфика возрождения храмостроительства: Церковь святителя Иннокентия Иркутского в Хабаровске // Дальний Восток: проблемы межкультурной коммуникации: Материалы регион. науч.-практ. конф. (г. Комсомольск-на-Амуре, 19–21 сент. 2006 г.).— Комсомольск-на-Амуре, 2006.— С. 114–117.

Доровская В. В. Формирование православной культуры (на примере анализа храмовой архитектуры) в г. Комсомольске-на-Амуре: Церковь Казанской иконы Божией Матери // Дальний Восток: Проблемы межкультурной коммуникации: Материалы регион. науч.-практ. конф. (г. Комсомольск-на-Амуре, 19–21 сент. 2006 г.).— Комсомольск-на-Амуре, 2006.— С. 117–121.

Дубровский П. С. Экономический прагматизм в иконописи: Исторические корни // Идеи романтизма и прагматизма в истории российского государства: Материалы 41-й Всерос. заоч. науч. конф.— СПб., 2006.— С. 5–8.

Евсеева Л. М. Аналойные иконы и литургические ткани в создании сакрального пространства древнерусского храма // Иеротопия: Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси: [Сб. по материалам Международного симпозиума, июнь 2004 г.].— М., 2006.— С. 638–659, ил.

Ершова Н. Б. Интронизационный саккос Патриарха Тихона // Покров: Сб. науч. ст. Вып. 2: Традиции древнерусского шитья и современное образование: Материалы межрегион. науч.-практ. конф. VI Покровских чтений 2005 г.— СПб., 2006.— С. 58–71, ил.

Жарнова В. И. Программа монументальной росписи XIII в. диаконника собора Рождества Богородицы в Суздале // Георгий Карлович Вагнер — ученый, художник, человек: [Сб.].— М., 2006.— С. 252–259, ил.

Замолотских Г. Д. Образы святителя Иннокентия Иркутского в храмах Барнаула // Известия Архитектурно-этнографического музея «Тальцы». Вып. 5.— Иркутск, 2006.— С. 90–92, ил.

Зарицкая О. И. Литографированные иконы Троицкой мастерской // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России: V Междунар. конф.: Тез. докл., 26–28 сент. 2006 г.— Сергиев Посад, 2006.— С. 15–16.

Захарова Н. М. Экспертное исследование как путь к культурно-эстетическому, историческому, художественному «открытию» иконы // Мировая политика и идейные парадигмы эпохи: Сб. ст.— СПб., 2006.— С. 458–463.— (Труды СПбГУКИ. Т. 169).

Захарченко М. В. Образ Божией Матери «Знамение» Царскосельская в пушкинских размышлениях о русском воспитании // Знаменские чтения: Сб. материалов, 2000–2004.— СПб., 2006.— С. 16–30.

Зеленина Я. Э. Иконография преподобного Серафима Саровского и жанр духовного портрета // Россия в духовных поисках современного мира: Материалы II Всерос. науч.-богосл. конф. «Наследие преподобного Серафима Саровского и судьбы России», Москва—Дивеево, 29 сент.— 1 окт. 2005 г.— Нижний Новгород, 2006.— С. 265–271.

Зеленская Г. М. Предметный мир парсуны «Патриарх Никон с братией Воскресенского монастыря» // Русский исторический портрет: Эпоха парсуны: Материалы конф., [Москва, 20 мая 2004 г.]— М., 2006.— С. 66–88, ил.— (Труды / Гос. ист. музей. Вып. 155).

Зыкова Е. Г. Монументальная живопись Свято-Успенского собора Тульского кремля // Тульский краеведческий альманах. Вып. 4.— Тула, 2006.— С. 120–127, ил.

(Окончание в № 3/4 за 2009 г.)

НОВЫЕ КНИГИ

Новые книги по истории русского иконописания*

29 апреля 2009 г. в Центральном музее древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева состоялась презентация новых фундаментальных исследований, вышедших в издательстве «Индрик». Одно из них — «Словарь русских иконописцев XI–XVII веков» (Изд. 2, редактор-составитель сотрудник Государственной Третьяковской галереи И. А. Кочетков). Книга является наиболее полным словарем русских иконописцев эпохи средневековья. В него вошли материалы ранее опубликованных словарей, а также сведения, почерпнутые из различных изданий и архивных фондов с максимально широким объемом цитирования документальных источников. В словаре собраны все имеющиеся в науке сведения об известных по именам русских иконописцах эпохи Средневековья и их произведениях. После выхода в свет 1-го издания словаря (Словарь русских иконописцев XI–XVII веков / Ред.-сост. И. А. Кочетков. М., 2003), ставшего библиографической редкостью, авторам удалось выявить более 400 новых имен русских иконописцев, добавлен обширный иллюстративный материал. Наиболее важным для исследователей достоинством нового издания являются подробные указатели — именной, географический, предметный, иконографический, указатель рукописей и документов.

Другая книга, представленная в музее имени Андрея Рублева, — «От портрета к иконе. Очерки русской иконографии XVIII — начала XX века» принадлежит перу научного сотрудника Музея древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева Я. Э. Зелениной. Книга включает 3 очерка. В первом рассматривается духовный портрет в контексте развития русского искусства. В очерке проанализированы портреты архиереев, настоятелей

* Словарь русских иконописцев XI–XVII веков / Ред.-сост. И. А. Кочетков. Изд. 2. М.: Индрик, 2009. 1104 с.; Зеленина Я. Э. От портрета к иконе: Очерки русской иконографии XVIII — начала XX века. М.: Индрик, 2009. 248 с.

и насельников монастырей, представителей белого духовенства. Исследовательница отметила, что при всем строго церковном и каноническом характере древнерусского искусства, в житиях святых встречаются рассказы о создании их прижизненных изображений. Так, например, еще во 2-й половине XV столетия иконописец Игнатий тайком от прп. Евфросина Псковского написал его изображение, ставшее позднее основой для иконы. Во 2-й половине XVII столетия создание портретов (парсун) духовных лиц стало распространенным явлением. Этот новый жанр духовного искусства был тесно связан с развитием светского портрета, однако испытал на себе сильное влияние иконописи.

Второй очерк посвящен необычному и редкому явлению — изображениям, которые соединяют в себе черты портрета и иконы. Подобные изображения также присутствовали в древнерусском искусстве. В «Титулярнике», 1-й вариант которого выполнен царскими изографами в 1672 г. (списки изготавливались в 1690-х гг. и в начале XVIII в.), благоверный князь Даниил и Патриарх Геомоген, будучи еще не прославленными в лике святых, изображены с нимбом. Впоследствии изображения «Титулярника» использовались для создания икон. В материалах о канонизации свт. Тихона Задонского сохранились сведения о том, что в качестве образца для иконы был взят его портрет, подаренный святителем купцу К. И. Студеникину. Наибольшее число образцов почитания портретов в качестве икон отмечено в иконографии прп. Серафима Саровского. Как иконы почитались портреты свт. Иоасафа Белгородского, канонизированного в 1911 г. До канонизации по специальным заказам изготавливались многие живописные и эмалевые образки святых, прославившихся в синодальный период. В третьем очерке рассмотрена ранняя иконография святых, канонизированных в Новое время. Это святители Дмитрий Ростовский, Тихон Задонский, Иоасаф Белгородский, прп. Серафим Саровский и др.

Старые заблуждения и новые «блохи»*

- Ты, однако ж... и не подумал вычесать его?
— Нет, я его вычесывал.
— А отчего же блохи?
— Не могу знать. Статься может, как-нибудь из брочки поналезли.
— Врешь, врешь, и не воображал чесать; я думаю... еще своих напустил.
(*Н. В. Гоголь. Мертвые души*)

Вышел в свет двухтомный свод записей болгарских книгописцев (и — необходимое добавление — книгописцев, работавших в Болгарии) X–XVIII вв. Для Болгарии это первый опыт обобщения «рассеянной информации» подобного рода в таких масштабах: в совокупности свод охватывает 823 записи (9 записей X в. (№ 1–3, 488–489); 4 — XI в. (№ 4–6); 17 — XII в. (№ 7–8); 7 — XII–XIII вв. (№ 9–11, 490); 49 — XIII в. (№ 12, 14–33, 491); 8 — XIII–XIV вв. (№ 34–40); 154 — XIV в. (№ 41–89, 91–101, 103–118, 492–497); 1 — XIV–XV вв. (№ 119); 54 — XV в. (№ 13, 90, 102, 120–143, 145–153, 498); 146 — XVI в. (№ 154–249, 499, 500); 1 — XVI–XVII вв. (№ 501); 140 — XVII в. (№ 250–358, 502–505); 234 записи — XVIII в. (№ 144, 359–487, 506–513)), объединенных в 513 позиций (записи, помещенные в одном кодексе, идут под общим номером с внутренней рубрикой) — 487 в основном корпусе и 26 в приложении. 19 позиций из этого числа (Т. 1, № 96, 97, 110, 113, 114, 125; Т. 2, № 160, 191, 225, 226, 228, 233, 238, 251, 262, 426, 471) публикуются впервые (преимущественно это записи из рукописей Церковного историко-

* *Христова Б., Караджова Д., Узунова Е.* Бележки на български книжовници. X–XVIII в. София: Народна библиотека «Кирил и Методий», 2003–2004. Т. 1 (X–XV вв.), 248 с., ил.; Т. 2 (XVI–XVIII вв.), 388 с., ил., указатели.

археологического музея в Софии, бóльшая часть собрания которого не имеет до сих пор подробного печатного описания). Изданию предпослано (Т. 1. С. 3–22) обширное предисловие (практически в том же объеме уже опубликованное ранее в качестве отдельной статьи)¹, принадлежащее перу выдающегося болгарского археографа, многолетнего сотрудника и руководителя Отдела рукописей Народной Библиотеки имени Кирилла и Мефодия, председателя Болгарской Археографической комиссии Божидара Н. Райкова (1939–1995 гг.). Публикацию корпуса записей сопровождает их перевод на современный болгарский язык и комментарии. Двухтомник снабжен набором указателей: именованным (включающим с особой пометкой также имена, фигурирующие только в комментариях), географическим, предметно-тематическим (куда входят наряду с другими монастыри и церкви, которые, скорее, все же относятся к разряду географии) и писцов рукописей (Т. 2. С. 347–383). Имеется также карта размещения книгописных центров, упоминаемых в записях (Т. 2, вклейка между с. 346 и 347, она же составляет элемент оформления обложки обоих томов)². Чрезвычайно ценно, что публикация сопровождается фототипическим воспроизведением ряда записей (№ 3, 5, 8, 10, 15–17, 20, 22, 26, 28, 30, 31, 42, 44, 50, 51, 53, 58, 59, 61, 67, 68, 79, 89, 98, 111–113, 119, 120, 122, 124, 125, 128, 130, 131, 133, 135, 143, 147, 152, 153; 160, 165, 168, 171, 174, 192, 197, 204, 207, 208, 211, 241, 252, 269, 273, 286, 291, 299, 300, 310, 330, 319, 325, 360(2), 316, 337, 328, 364, 373, 386, 401, 403, 412, 420, 440, 453, 462, 467). Можно лишь пожалеть, что палеографический альбом не охватывает всех публикуемых записей.

Принцип включения материала в свод (хотя он не выдержан последовательно — см. ниже) в целом можно охарактеризовать как смешанный — этническо-географический. В двухтомную публикацию вошли, с одной стороны, записи на рукописях, написанных на территории собственно Болгарии и Македонии, независимо от языкового извода, а порой и языка и графики (греческие записи — № 46, 64, 97, 441, 445, 483 и (частично) 86, 296, 384 и 424, записи последней трети XVIII в. болгарских католиков — павликиан, написанные, как и сами их рукописи, латиницей: № 420, 433, 464), с другой же — записи болгарских писцов (или тех, кого издатели считают таковыми), работавших за пределами указанного региона (прежде всего на Афоне). Исключение (кроме тех случаев, когда писец указал свое болгарское происхождение) во второй группе составляют (и это вполне естественно) записи в рукописях, написанных в среднеболгарской орфографии в Молдавии и Валахии. Такой принцип можно признать оправданным (хотя сербские и македонские коллеги с этим вряд ли согласятся), поскольку он позволяет обеспечить максимальную полноту картины книгописания в Болгарии (включая территорию Охридской архиепископии) и деятельности болгарских книгописцев (возражения по конкретным памятникам см. ниже). Двухтомник издан с претензией на роскошь: на мелованной бумаге (кроме части 2-го тома, содержащей перевод и комментарии), но при этом в мягкой обложке, что трудно признать удачным, поскольку при регулярном пользовании обложка быстро придет в негодность, а корешок развалится).

Рецензенту хотелось бы и дальше расточать слова одобрения в адрес нового издания, подготовленного профессиональными археографами, чей опыт серьезной и вдумчивой работы с рукописной книгой исчисляется десятилетиями, и которых он давно знает и искренне уважает как специалистов³. С выходом в свет «Бележек...» исследователи-болгаристы и палеослависты разных специальностей (за исключением, пожалуй, лингвистов) получили большой корпус источников, ранее рассредоточенных по разным публикациям, а порой и неизданных, и за это, конечно, нельзя не испытывать чувства признательности к составителям. Однако при внимательном последовательном чтении двухтомника, на которое издание такого типа явно не рассчитано, постоянно возникают недоуменные вопросы, а часто ощущаешь и неловкость за досадные промахи. Издание корпуса надписей может носить разный характер: быть просто подручным сводом этих микротекстов (своеобразной хроникой), снабженных кратчайшими сведениями о рукописях и/или изданиях, из которых они извлечены (таковы, к примеру, «Стари српски записи и натписи» Л. Стояновича⁴, значение которых при всех их недостатках непреходяще, о чем свидетельствует уже репринт 1980-х гг.)⁵, или же претендовать на различные аспекты исследования публикуемых текстов. Рецензируемый двухтомник относится ко второму типу издания, и это наложило на его составителей и комментаторов дополнительные научные обязательства, с которыми они, к сожалению, не справились⁶. Излишне говорить, что основополагающими принципами такого свода должны являться полнота и надежность публикуемых сведений, тщательно проверенных составителями. И если полнота представляет в данной ситуации с трудом (и не сразу) достижимый идеал⁷ (здесь достаточно вспомнить, что число дополнительных томов публикации Стояновича равняется числу основных, хотя и уступает им по объему почти вдвое), то отсутствие надежности в значительной мере обесмысливает самую идею публикации.

Несмотря на годы издания, обозначенные на титульном листе двухтомника (2003–2004), «Бележки...» представляют собой достаточно старые (примерно 15–20-летней давности) материалы, при которых, в принципе, был бы уместен подзаголовок «Из научного архива». Работа над сводом была завершена в основном даже не в 1-й половине 1990-х гг. (напомню, что автор предисловия скончался в начале 1995 г.), а в середине – 2-й половине 1980-х гг.⁸, после чего корпус по сути не пересматривался и сведения по нему не уточнялись. Парадоксальным образом в издании совершенно не учтены данные каталога рукописей Зографского монастыря (при том, что предисловие к нему написано Б. Райковым и Б. Христовой), вышедшего в свет в Софии в 1994 г.⁹, сообщающего о ряде не учтенных в рецензируемой публикации записей (которые не вошли и в дополнения к своду) и содержащего датировки, значительно расходящиеся с приводимыми в «Бележках...» (примеры см. ниже)¹⁰. В библиографии к своду имеются, правда, ссылки на изданное уже в 1999 г. краткое описание значительной части южнославянских рукописей в собрании А. И. Хлудова¹¹, однако сведения справочников согласуются между собой далеко не во всем, чему есть достаточно примеров (см. ниже). Печать все того

же сочетания залежалости и поспешности лежит и на дополнениях к справочнику (Т. 2. № 488–513), среди которых нет ни одного, получившего известность после конца 1980-х гг. Лишь немногие реальные дополнения (по записям XVII–XVIII вв.) появились, возможно, после 1980–1990-х гг. в результате работы авторов над томом 5 «Описания славянских рукописей НБКМ»¹² и каталогом рукописей Центра славяно-византийских исследований имени И. Дуйчева (Т. 2. № 334, 389, 472)¹³. То же относится и к библиографии.

Помещение многих записей в свод ничем, за исключением, разве, стремления к увеличению их числа и создания видимости исчерпывающей полноты корпуса, не оправдано, поскольку они не содержат никакой информации, представляя собой лишь доксологические формулы или краткие молитвенные обращения (Т. 1, № 72, 78. 3–4, 82, 100, 110. 2, 115; Т. 2. № 216, 218. 2–3, 222. 1–4, 227. 2–3, 234, 255. 2).

Архивные ссылки на шифры («адреса») рукописей оформлены в публикации неряшливо и непоследовательно. Процесс политической суверенизации начала 1990-х гг. в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе отразился на справочнике весьма болезненно: при публикации разных записей одни и те же книгохранилища России и Хорватии фигурируют с разными названиями, старыми (в основном в томе 1 — см., например, № 11, 27, 36, 46, 53, 68, 75, 80, 86, 92, 93, 102, 103, 109, 115, 123, 127, 129, 132, 145) и новыми (преимущественно в томе 2); соотнесение же этих названий приведено лишь в списке сокращений в томе 2 (С. 384–385). Видимо, только после выхода в свет тома 1 составители спохватились, что хранилища, на рукописи которых они ссылаются, уже более 10 лет имеют другие названия. При № 169 и 315 (Т. 2. С. 12, 58) опущено название хранилища (дан только город и шифр): в первом случае речь идет бесспорно об Архиве Хорватской (до 1991 г. Югославянской) Академии наук и искусств (знаности и умѣтности) в Загребе, во втором — об Институте рукописей НБ АН Украины в Киеве. При № 306 (Т. 2. С. 55) стоит только название хранилища, шифр без специальных разысканий не устанавливается. Для имеющих двойную нумерацию рукописей собраний В. И. Григоровича (№ 127, 132, 481, 490 — Т. 1. С. 77, 81; Т. 2. С. 115, 117) и П. И. Севастьянова (№ 221 — Т. 2. С. 28), хранящихся в РГБ, указаны только вторые номера (по Музейному собранию — ф. 178), а для кодексов коллекций И. И. Срезневского (№ 259, 332 — Т. 2. С. 38, 63) и П. А. Сырку (№ 219, 238, 240, 250, 404 — Т. 2. С. 27, 32, 33, 35, 86) — лишь номера в Основном собрании Библиотеки Российской академии наук (БАН). У № 213 (Т. 2. С. 26 — рукопись Иверского монастыря на Афоне) указан не шифр (которого, возможно, и не существует), а номер по описанию Дж. Трифуновича¹⁴. Непоследовательно в своде сообщаются сведения о рукописях, к настоящему времени утраченных, либо тех, чье современное местонахождение неизвестно. Если при № 153 (Т. 1), 501, 507, 509, 511, 513 (Т. 2) последнее обстоятельство отмечено непосредственно при публикуемом тексте, то для кодексов из старого собрания Народной библиотеки Сербии (Т. 1, № 33, 37, 43, 48, 73, 74, 91, 104, 117; Т. 2, № 499, 500), погибших в апреле 1941 г. во время фашистской бомбардировки Белграда, об этом сообщается только

в комментариях. Применительно к № 265 (Т. 2. С. 40, 233) неизвестна и сигнатура рукописи, как утверждают составители, и вообще современное местонахождение кодекса — в новейшем каталоге библиотеки Зографского монастыря¹⁵ рукопись не значится. Прямо противоположная картина наблюдается в отношении № 465 (Т. 2. С. 109, 289) — списка 1793 г. «Чудес Богородицы» Агапия Ландоса в переводе Самуила Бакачича, который хранится на прежнем месте (в том же Зографе) под № 156¹⁶. Эти замечания могут показаться мелочными придирками, но бесспорно подобная неупорядоченность не украшает научно-справочное издание, особенно учитывая, что указатель хранилищ и шифров рукописей в нем отсутствует.

Ряд древнейших из публикуемых записей (X–XIV вв.) представлен не оригиналами, а более поздними копиями (XIV–XVI вв.), порой многочисленными (Т. 1, № 1, 2, 14, 65; Т. 2. Дополнение, № 489). Их следовало бы издать критически, с разночтениями по всем известным спискам, либо по крайней мере обосновать публикацию конкретного списка. Этого не сделано, к изданию привлечены случайные списки по тем публикациям, что оказались у составителей под рукой.

Безусловным недостатком рецензируемого издания является необъяснимая привязанность составителей к издавна бытующим в старой научной литературе ошибочным датировкам и атрибуциям (конкретные примеры см. ниже). Последние вызваны своего рода монопросопоманией (соименные и современные писцы отождествляются между собой). Подобные ошибки представляют историографический факт, вполне объясняемый состоянием науки на определенном этапе ее развития, а также малой доступностью в свое время рукописей монастырских хранилищ (прежде всего Афона) и невозможностью получить с них снимки. Но их повторение в настоящее время может породить серьезные сомнения в профессионализме составителей свода. При этом можно отметить лишь одно значительное и вполне справедливое исправление датировки, предложенное в новом справочнике. Это датировка рубежом XIII и XIV вв. вкладной записи Калояна Пасареля в ГИМ, Хлуд. 28 (Т. 1. С. 36, № 35)¹⁷. К сожалению, эта приписка не является записью писца и в принципе не должна публиковаться на страницах «Бележек...».

В своде много библиографических пробелов, при этом отнюдь не только там, где это касается новейшей литературы — порой речь идет о публикациях, вышедших десятилетия и даже более столетия назад¹⁸. Это, естественно, не могло не сказаться отрицательно как на количестве опубликованных записей, так и на качестве комментариев. По крайней мере в 5 случаях, когда публикаторы сообщают, что издают ту или иную запись впервые (см. Т. 1. С. 161–162, № 55; С. 175, № 93; С. 180, № 109; Т. 2. С. 212, № 170; С. 233, № 264), незнание работ предшественников создает двусмысленную в этическом отношении ситуацию, поскольку указанные тексты изданы задолго до выхода в свет «Бележек», иногда даже неоднократно¹⁹. Еще в 3 случаях (Т. 1. С. 189, 192; № 134, 135, 149) ситуация носит, напротив, несколько трагикомический характер, поскольку составительницы свода не учитывают описание, вышедшее за 17 лет до этого, в котором одна из них принимала

непосредственное участие²⁰. Следствием такого невнимания к библиографии явился ряд крупных ошибок в датировке записей, во многом обесценивающих саму идею свода как справочника. В одном случае такая ошибка достигает 300 (!) лет (Т. 1. С. 84, № 144), в трех — 200 лет (Т. 1. С. 29, № 13; Т. 2. С. 31, № 231; С. 34, № 246), в двух — свыше 100 лет (Т. 1. С. 61, № 90; Т. 2. С. 34, № 248); в 4 случаях погрешности остаются в пределах столетия, но они весьма значительны (Т. 1. С. 64, № 102; С. 65–66, № 106; С. 69, № 118; С. 83, № 142).

Комментарии к записям в своде весьма неровны по характеру и качеству. При чтении многих из них (например, Т. 1, № 11, 28, 47–49, 52, 53, 69, 75, 80, 85, 96, 106, 110, 114, 116, 117, 119, 128–131, 134, 135, 137–140, 143–145, 148, 149, 151, 152; Т. 2, № 154, 158, 159, 161, 162, 164, 168–172, 177, 178, 187–189, 200–202, 211, 217, 219, 225–227, 238, 239, 244, 246, 249, 250, 264, 266, 269, 270, 273, 277, 289, 290, 304, 307, 309, 311, 312, 315, 320, 323, 326, 328, 331, 335, 341, 343, 345, 352, 353, 359, 360, 362, 363, 368, 390, 398, 409, 410, 418, 421, 436, 447, 454, 458, 462, 465, 468–470, 477; Приложение, № 496, 501) создается впечатление, что они написаны исключительно для того, чтобы данная запись не осталась без комментария (поскольку сами тексты незатейливы и ни в каком истолковании не нуждаются), зачастую, в сущности, это пересказ текста.

Особого разбора, несомненно, заслуживает перевод записей на современный болгарский язык. Я не чувствую себя вправе (и в силах) давать подробный разбор этой части публикации, оставляя это на долю языковедов-болгаристов, однако невозможно не отметить бросающиеся в глаза неточности (а порой и произвольность) при переводе отдельных записей (Т. 1. № 3. 1 (С. 26 и 90), 7 (С. 7 и 90), 8. 7 (С. 27 и 91, ср. комментарий — С. 141), 11 (С. 28 и 91), 103. 7 (С. 65, 118), 103. 9 (там же).

Недостаточное внимание к библиографии породило в значительной мере и неполноту свода. При этом не нужно думать, что такие библиографические разыскания представляли для составителей дополнительную сложность. К примеру, рецензент предпринял их, пользуясь исключительно личной библиотекой, которая, полагаю, несколько беднее фондов НБКМ. Приведу сначала известные мне записи болгарских писцов X–XVIII вв., не включенные в рецензируемый свод²¹, снабдив их отдельной нумерацией с буквой Д (дополнения). Таких оказывается довольно много (49), т. е. больше 9% от числа изданных в составе «Бележек...», причем для тома 1 (X–XV вв.) этот процент выше без малого в 2 раза (примерно 18%), а для периода X–XIV вв. он достигает $\frac{1}{5}$ части²². Нельзя сказать, чтобы среди них имелись тексты исключительного научного значения, потрясающие основы или воображение, но они, право, ничем не хуже многих из опубликованных на страницах «Бележек...». Ниже полностью приводятся только неизданные записи, в остальных случаях дается библиографическая отсылка к публикации. Записи, состоящие только из молитвенных обращений (без имени писца) или доксологических формул, в этих дополнениях не учитываются.

Д1) 913–927 гг. Кирилло-Белозерский список Изборника Симеона—Святослава (РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 1/1082) 3-я четверть XV в., л. 6 об. Копия записи писца с похвалой царю Симеону²³.

Д2) 1216–1234 гг. Апостол апракос краткий («Охридский Апостол»). РГБ, собр. В. И. Григоровича (ф. 87), № 13. М., 1695, л. 4 об. Запись почерком писца сверху вниз вдоль левого поля с благопожеланием (Охридскому) архиепископу Димитрию (Хоматиану): «Гѣ Йс Хѣ Бе (!) нашъ поми(л) насъ ами(н). Донеси сѣа Бѣ архиеп(с)па Димитрія со здрави[е?]м...». Запись издана факсимильно²⁴ и набором²⁵. Автор последнего наиболее подробного описания рукописи Н. Б. Тихомиров колебался в отношении атрибуции приписки писцу кодекса. При этом, разумеется, следует полностью согласиться с Тихомировым в том смысле, что и в случае принадлежности писцу надпись не имеет решающего значения для датировки самой рукописи (относимой исследователями обычно ко времени не позднее рубежа XII и XIII вв.²⁶, поскольку она могла быть сделана существенно позднее (т. е. писец длительное время являлся также владельцем и пользователем книги).

Д3) 1-я половина XIII в. Евангелие тетр, отрывок («Стаматово (Стаматовское) Евангелие»). РНБ, собр. Археологического общества, № 338, л. 1. Запись писца (священника Стамата)²⁷.

Д4) 2-я половина XIII в. Апостол. БАН, 24. 4. 7. Запись писца (священника Мануила) на обороте л. 2 Мануйловского Апостола²⁸.

Д5) 2-я половина XIII в. Евангелие тетр. Научная библиотека СПбГУ, РПК, № 312. Запись одного из писцов (большая часть рукописи написана в сербской орфографии) на л. 148 уставом: «...братие ѹгоми се бесна (= без сна) Ѡ тѣге да ѡко согрѣшж пр(о)стѣтъ...»²⁹.

Д6) Последняя четверть XIII в. (не ранее 1282 г.). Служебник («Служебник пресвитера Николая») и Апостол-Евангелие апракос краткий. ГИМ, Хлуд. 117, л. 1–57 об. Поминальные и благопожелательные записи писцов (8), частично включенные в текст литургий — л. 17 об., 24 об., 37 об., 42 об., 45, 45 об., 54³⁰.

Д7) Конец XIII — начало XIV в.³¹ Псалтирь с толкованиями Псевдо-Афанасия Александрийского («Погодинская Псалтирь»). РНБ, Погод. 8, л. 1 об. После молитвы «начинающе Псалтырь» запись с наставлением петъ «легко, а не бръзя» до конца книги³².

Д8) Конец XIII — начало XIV в. Апостол апракос полный. ГИМ, Хлуд. 35, л. 85 об., 111. Две записи писца Арсения³³.

Д9) 1-я половина (треть?) XIV в. Евангелие тетр («Норовское Евангелие», «Евангелие анагноста Георгия»). ГИМ, Увар. 480-Ф, л. 1, 234, 235 об. Три греческие записи 6-го писца кодекса анагноста Георгия, который «писал Апостол», т. е. седмичные чтения из Апостола на л. 233 об.— 237³⁴.

Д10) 1-я половина (треть?) XIV в. Псалтырь с дополнениями («Норовская Псалтырь»). ГИМ, Увар. 285-Q, л. 127 об., 244, 263. Квадраты-«лабиринты»³⁵.

Д11) 2-я четверть XIV в. Евангелие тетр. РНБ, Ф. п. I. 122, л. 10. Запись писца тайнописью, основанной на принципе сложения числового значения букв³⁶.

Д12) 1-я половина XIV в. Апостол-Евангелие апракос. ГИМ, Хлуд. 31. Запись писца о неисправности копируемого текста³⁷.

Д13) 1-я половина XIV в. Минея праздничная из Скопье. Белград, НБС, старое собр., № 293 (рукопись погибла в 1941 г.). Две (?) записи писца, иеромонаха Иоанна, в том числе на л. 1 об. пространное предисловие³⁸.

Д14) 2-я четверть — середина XIV в. Триодь постная. Афон, Зограф, № 39. На л. 1 (?) запись писца «иерея Грубана». На это имеются указания в последнем каталоге зографских рукописей³⁹ и во введении Б. Райкова и Б. Христовай к нему⁴⁰; кодекс в обоих случаях датирован XIII в.⁴¹

Д15) Около середины XIV в. (датировка рецензента)⁴². Служебник. ГИМ, собр. А. С. Уварова, № 46–8°, л. 92 об. Запись писца не вполне выдержанной цифровой («греческой», или «византийской») тайнописью: **WΠЮ ΠΝΒΖΧ ΝΘΚЦΘΡΙΒ** («Сю книгу напраци (!)»).

Д16) Середина XIV в. Евангелие тетр («Евангелие Десислава»). ГИМ, Хлуд. 17, л. 246. На нижнем поле запись писца: «Десислав»⁴³.

Д17) Середина — 2-я треть XIV в.⁴⁴ Сборник житий. Белград, Музей Сербской Православной Церкви, № 43. На нижнем поле л. 47 об. почерком писца кириллицей с включением отдельных греческих букв, киноварью: «Мистиріω(н) Васілеω(с). крипти калω(н). таде ергатъ ѿ(ф)у. анакврη(?) ти(н), е(н)доξω(н)» (в первом слове между второй и третьей буквами выскоблено высокое Т или лигатура ТР).

Д18) Середина — 2-я треть XIV в. «О постничестве» Василия Великого и Житие и чудеса свт. Николая Мирликийского. ГИМ, собр. Е. В. Барсова, № 220. 3 записи писца. На л. 74 об.: «Дрѣм▲ Сира(к) страшно». На л. 100: «Дрѣм▲ страшно Сира(к) да простѣте». На л. 103: «Зла хартиа зла».

Д19) 1366–1368 гг. Апостол («Видинский Апостол»), отрывок (датировка и атрибуция рецензента). БАН, Дмитр. 43, л. 1. Запись писца о разночтениях в «греческом изводе»⁴⁵

Д20) 3-я четверть XIV в. Лествица. ГИМ, Щук. 694, л. 140. Две записи писца, иеромонаха Даниила⁴⁶.

Д21) 3-я четверть (?) XIV в. Книги Ветхого Завета. РНБ, Fl. 461, л. 219 об., 327 об. Записи (2) о дефектном оригинале и об ошибке при переписке⁴⁷.

Д22) 3-я четверть (?) XIV в.⁴⁸ Патерик сводный. ГИМ, Син. 949. На л. 336 по сторонам фигурного завершения текста запись писца киноварью, крупным почерком: «**Хс к(с) начжа(о) и кон(е)ць. възвѣкомоу дѣлоу иже ѿ немъ начинаемое томоу слава и дрѣжава чьстѣ и покланѣніе и въ бесконечныхъ вѣкы. аминѣ. аминѣ. аминѣ. Иеромона(х). Іванъ**».

Д23) 3-я четверть XIV в. Псалтирь лицевая («Псалтирь Томича»). ГИМ, Музейск. 2752, л. 22 об., 25–26, 30, 31 об., 45, 66, 69 об., 80, 84, 270, 271 и др. Записи на греческом языке при миниатюрах с указаниями иллюминатору⁴⁹.

Д24) Конец (?) XIV в. «О постничестве» Василия Великого с добавлениями. Современное местонахождение неизвестно, в конце XIX в. рукопись находилась в Новонямецком монастыре в Бессарабии. На л. 277–277 об. две записи писца (вторая в копии XVII–XVIII вв.?) — «таха монаха» Иоанна⁵⁰.

Д25) 1400–1401 г. Евангелие тетр («Королевское (Нелабское) Евангелие»). Украина, Ужгород, Закарпатский краеведческий музей, Арх. 798, л. 175 об. Пространная выходная запись писца Станислава Грамматика⁵¹.

Д26) Конец XIV — начало XV в. Евангелие тетр. ЦГА Молдовы, ф. Ново-Нямецкого монастыря, оп. 2, № 3, л. 179. На нижнем поле запись (частично срезанная) о дожде в среду 21 марта⁵².

Д27) Конец XIV (?) — начало XV в. Маргарит. ГИМ, собр. П. И. Щукина, № 542, л. 302 об. После текста запись почерком последнего писца (их в рукописи несколько) об окончании работы над книгой. Конец фразы (слова «в лето 6989») написаны старообрядческим полууставом XIX в. по угасшему древнему тексту. Ранее рукопись в соответствии с фальсифицированным окончанием приписки ошибочно датировалась 1481 г. (ПС XV, № 252)⁵³.

Д28) Конец XIV (?) — начало XV в. Минея праздничная на весь год, с дополнениями («Минея Априлова», «Панагюриштская Минея»). Кострома, Государственный архив Костромской области, ф. 558 (собрание рукописных книг), оп. 2, № 426. Записи писцов (7) с указанием расположения служб и песнопений. На правом поле л. 34 киноварью: «Θомъ ка(н) пи(с) на кр<аи> минеа». На нижнем поле тем же почерком: «М(с)ца то(г) ді. препо(д)бніа Па(р)скевіа. слѣ(ж)ба. вса велика пи(с). и(щ) на краи минеа. з(д)е остави». На нижнем поле л. 40 об. тем же почерком: «М(с)ца. то(г). ѿ на пам(т) препо(д)бнаго ѿца нїшго Ію(н)а Рїльскаго слоу(ж) пи(с) на краи минеа». На левом поле л. 88 об. запись почерком писца, относящаяся к службе вмц. Варваре: «[К]анѡ(н) писа(н) на краи минеа». На левом поле л. 90 почерком писца: «Ка(н) пи(с) на кр<аи> минеа. за ма препа... изво(д)». На нижнем поле тем же почерком, киноварью: «На малеи ве(ч)рни. и(щ)...» [далее заклеено] — записи относятся к службе свт. Николаю. На нижнем поле л. 214 об. почерком писца, киноварью: «На малеи ве(ч)рни. пи(с) на краи минеа».

Д29) 3-я четверть XV в. Минея праздничная. Зограф, № 98, л. 406. Запись писца⁵⁴.

Д30) 1511 г. Псалтирь с толкованиями Афанасия Александрийского. Афон, Хиландарь, № 119, л. 257 об.— 258. Запись писца, хиландарского монаха Виссариона, переписавшего в 1503 г. в Зографе Книгу Иова с толкованиями (Т. 2. С. 8, № 157), в 1516 г. участвовавшего с монахом Венедиктом в переписке Апостола толкового (Т. 1. С. 57–58, № 80, и см. ниже — Д31)⁵⁵.

Д31) 1516 г. Апостол толковый. РНБ, ЕІ, 516, л. 278. Запись о написании рукописи монахами Виссарионом (см. Д30) и Венедиктом⁵⁶.

Д32) 1533–1534 г. Хроника Иоанна Зонары. Вена, Австрийская национальная библиотека, Слав. 126, л. 225. Запись о написании книги священником Иоанном Дебрским и кир Акакием⁵⁷.

Д33) Около 1542–1543 гг. Книги Ветхого Завета (Осьмокнижие). РГБ, собр. В. И. Григоровича, л. 209. Запись писца о написании книги («Палеи») «трудом и потщанием» архиепископа Охридского Прохора⁵⁸. Датируется на основании вкладной записи Прохора (сентябрь 1543 г.) на л. 373.

Д34) 1572 г. Помянник монастыря Матка в Македонии. София, НБКМ, № 294, л. 44 об. Запись иеромонаха Евстратия о написании таблицы «рождения месяцам»⁵⁹.

Д35) 1578 г. Служебник. Афон, Зограф, № 221, л. 62 об. Запись Феодора Грамматика из с. Конак о написании книги⁶⁰.

Д36) 1600 г. Минея служебная на февраль, отрывок. РГБ, собр. П. И. Севастьянова, № II. 49.7 / М. 1479.7, л. 4. Запись монаха Спиридона о написании книги в монастыре Градиште («Градище») при митрополите Пелагонском и Прилепском кир Стефане⁶¹.

Д37) Начало XVI в. Торжественник минейный со статьями Торжественника триодного. Афон, Зограф, № 109, л. 5 об., 307. Записи писца Гюро Грамматика из Кратова⁶².

Д38) Середина XVI в. Служебник. Зограф, № 220, л. 31, 37. Подстрочные записи писца священника Стойко⁶³.

Д39) Конец XVI в. Требник и Служебник. Зограф, № 216, л. 145. Запись писца «многогрешного» Паисия⁶⁴.

Д40) 1626 г. Минея служебная на сентябрь. Зограф, № 69, л. 210. Запись писца монаха Варфоломея⁶⁵.

Д41) 1640 г. Минея служебная на май. Зограф, № 68, л. 157. Запись третьего писца⁶⁶.

Д42) 1653 г. Минея служебная на февраль. Зограф, № 64, л. 156–156 об. Запись о написании и переплетении книги в Рыльском монастыре для Зографского. Нерасшифрованная тайнопись⁶⁷ (система та же, что и в Д43).

Д43) 1653 г. Минея служебная на ноябрь. Зограф, № 67, л. 173. Запись о написании и переплетении книги в Рыльском монастыре для Зографского монастыря. Нерасшифрованная тайнопись⁶⁸ (система та же, что и в Д42).

Д44) 2-я четверть XVII в. (около 1642 г.). Минея служебная на июль. Зограф, № 74, л. 1. Запись о написании книги Стефаном в Этрополе⁶⁹.

Д45) 2-я четверть XVII в. (около 1642 г.). Минея служебная на август. Зограф, № 71, л. 219 об. Запись писца Стефана⁷⁰.

Д46) 3-я четверть XVII в. Минея служебная на апрель. Зограф, № 66, л. 145 об. Запись писца Варфоломея⁷¹.

Д47) Конец XVII в. «Дамаскин» («Сопотский Дамаскин»). Белград, Народная библиотека Сербии, старое собр., № 60 (рукопись погибла в 1941 г.), л. 47 (рядом с изображением архангела Михаила). Запись писца Филиппа Недялкова (см.: Т. 2, № 329, 330, 332, 334, 355, 356)⁷².

Д48) 1785 г. Сказание о Св. горе Афонской. Афон, Зограф, № 263, л. 31 об. Запись писца — монаха Иакова⁷³.

Д49) 1788 г. Последование малого освящения воды. Афон, библиотека Русского Пантелеймонова монастыря, Слав. 99. оборот нижней крышки переплета. Запись иеромонаха Паисия Болгарина с просьбой простить ошибки, допущенные им при переписке греческого текста⁷⁴. К сожалению, во время пребывания на Афоне осенью 1983 г., я не скопировал запись целиком, ограничившись кратким изложением ее содержания. Нельзя исключить возмож-

ности, что это тот же писец, греческая запись которого 1783 г. опубликована в своде под № 441 (Т. 2. С. 101–102).

Следующие замечания, относящиеся к конкретным записям, имеет смысл читать, держа «Бележки...» под рукой: текст рецензии и без того весьма пространен, чтобы включать в него дополнительно длинные цитаты.

Т. 1.

№ 1 (С. 25, 137–138). Запись Тудора Доксова дошла в копии и сохранилась в ряде списков последней четверти XV–XVI вв.⁷⁵, поэтому в идеале ее следовало бы опубликовать критически, с приведением разночтений. Издана факсимильно⁷⁶.

№ 2 (С. 138–139). Несколько неудобно называть «заметкой» («бележкой») пространное и литературно оформленное послесловие болгарского переводчика Жития св. Антония Великого старца Иоанна. Вопреки заявлению издателей (ограничившихся сведениями, приведенными Б. С. Ангеловым⁷⁷), что текст послесловия известен в 6 списках, он гораздо шире представлен в средневековой славянской рукописной традиции. Так, О. В. Творогов, отнюдь не претендующий на исчерпывающие сведения по этому вопросу, указывает дополнительно 2 русских списка конца XIV в. (ГИМ, Чуд. 21 и РНБ, Погод. 716) и ряд более поздних (в том числе 3 в составе Великих Миней Четых)⁷⁸. Еще более важно указание Творогова на существование двух редакций послесловия старца Иоанна, из которых в своде учтена лишь одна. По меньшей мере странно читать в комментарии (Т. 1. С. 139) на основании слов текста «не толма же разоумомь своимь. оуповающе поуустини жителѣ Иоана, егоже Анѣоник житію поревнова», что в записи упоминается св. Иоанн Рьльский († около 910 г.). Оставляю на совести публикаторов, как его житию мог подражать Антоний Великий, скончавшийся в 356 г. Речь идет, разумеется, об Иоанне Предтече, считавшемся основателем и покровителем монашества, что уже справедливо отмечено исследователями⁷⁹.

№ 4. Последнее по времени описание «Саввиной книги» с публикацией записей см.: Каталог ЦГАДА 1988. Ч. 1. С. 25, № 1. Имеется и новое полное факсимильное и наборное издание памятника⁸⁰.

№ 5 (С. 140). Не вполне понятно, почему издатели (со ссылкой на Й. Заимова) толкуют имя писца Супрасльской рукописи Ретко как производное от Рато. Ничуть не менее вероятно, что оно восходит к старославянскому «реть» — «рвение, усердие».

№ 13 (С. 29, 143). Публикаторы заблуждаются, полагая, что современное местонахождение Триоди постной библиотеки Зографского монастыря, из которой они публикуют запись (через посредство книги Й. Иванова⁸¹), неизвестно. Рукопись находится там же и под тем же номером⁸², но только запись в ней (выполненная не писцом, но современным кодексом почерком) содержит дату не 1251, а 1451 г. (и соответственно должна быть помещена не в начале, а ближе к концу 1-го тома свода). Понять причину подобной ошибки сложно, особенно с учетом того, что в новейшем каталоге дата воспроизведена только набором арабскими цифрами. У Иванова дата передана невразумительно: ѕ з н ѣ (6000, 7, 59); издатели свода заменили вторую

цифру на ξ (= 60 вместо Ψ = 700?). Могу предположить лишь одну причину ошибки в книге Иванова. Вторая цифра в оригинале (в соответствии с греческой традицией) — «сампи» (числовое значение 900, графический аналог «юса малого» α) — написана не очень четко, в результате чего исследователь спутал ее с Ψ (в некоторых почерках эти буквы могут быть вертикально зеркальны по отношению друг к другу), либо ошибка вкралась при наборе. Но в любом случае данную запись следует исключить из датированных XIII в.

№ 14 (С. 29–30, 143–144). Послесловие к Кормчей, присланной из Болгарии Киевскому митрополиту Кириллу II. Публикация вызывает ряд замечаний. Запись опубликована под датой 1262 г., но в реальности вполне возможна (и не менее вероятна) и другая датировка — на 8 лет позднее⁸³. В своде запись помещена под датой 1262 г., но при издании она воспроизведена как «S.Ψ.Ο. (6778 = 1270). Дело в том, что последнюю букву-цифру в литературе принято не относить к числу лет, а считать ее номером индикта (8 индикта)⁸⁴. Этому противоречит неписанное правило, согласно которому номер пишется после слова «индикта» (примеры именно такой последовательности (исключений нет) см. в самом своде — Т. 1, № 1, 17, 42, 43, 45–47, 50–54, 56–58, 61, 64, 65, 122, 129–133, 136; Т. 2, № 154, 155, 163, 165, 175, 197, 202, 264, 272, 289, 306, 315, 321, 325, 327, 375, 380, 408, 415, 419), равно как и числовому обозначению даты предшествует слово «лета» (или «в лето»). Номер индикта (13), вероятно, был опущен при переписке. Исторические реалии записи не противоречат ни ранней, ни поздней датировке. Рукопись, по которой публикуется запись, находится не в Музейном (ф. 178), как указано в справочнике, а в Румянцевском (ф. 256) собрании ОР РГБ⁸⁵. В Музейном собрании этого хранилища вообще нет самостоятельного номера 372, потому что его первые 435 номеров были выделены в 1953 г. в качестве отдельного фонда (ф. 37, собр. Т. Ф. Большакова)⁸⁶. Запись сохранилась не в 3, как полагают издатели, знакомые с сюжетом, похоже, только по публикации Б. С. Ангелова⁸⁷, а по крайней мере в 16 восточнославянских списках XV–XVII вв.⁸⁸ Вообще же при публикации копийной записи, сохранившейся в значительном числе списков, следовало бы дать (как и в случае с № 1) критическое издание текста.

№ 20 (С. 32, 147. Табл. 8). Датировка содержащей эти записи рукописи Триоди постной (Пловдив, Народная библиотека «Иван Вазов», № 57) 1-й половиной XIII в. представляется излишне ранней. Почерк одного из ее писцов (очевидно, второго) присутствует также в отрывках среднеболгарской Триоди цветной (СПб., БАН, 4.5.13 / Сырку 5), вполне обоснованно относимых к концу этого столетия⁸⁹. Нельзя исключить, что отрывки БАН ранее составляли продолжение пловдивской рукописи (до XIV в. соединение обеих Триодей в одном томе является вполне обычным) или происходят из кодекса, входившего с ней в один комплект.

№ 22 (С. 33, 147–148). В число публикуемых записей из «Добрейшева Евангелия» не включены: 1–2) надписи на миниатюрах с изображениями евангелиста Марка из погибшей белградской части кодекса⁹⁰ и Луки из

софийской части (л. 18 об.)⁹¹. Исключение сделано по какой-то причине только для миниатюры с изображением евангелиста Иоанна; 3–4) киноварные объяснения писца (он же иллюминатор) к инициалам П и И с изображением соответственно птиц и аспидов (л. 19 и 73 софийской части)⁹² и 5) трогательный комментарий к заставке византийского стиля перед синаксарем на л. 121: «се ксть рай иже нарицается парадись»⁹³.

№ 23 (С. 33, 148–149). Евангелие апракос, принадлежавшее в начале XX в. русскому Андреевскому скиту на Афоне, в настоящее время не просто «недоступно для изучения», а неизвестно где находится.

№ 24 (С. 33, 149). Макариево, или болгарское Афинское, Евангелие имеет и другую (и при этом более вероятную) датировку — 1-я половина XIV в.⁹⁴

№ 28–29 (С. 34, 149–150). Публикаторы продолжают тиражировать бытующее в литературе заблуждение, согласно которому Радомиры — писцы Евангелия (Загреб, ХАЗУ, IIIb 24) и Псалтири (Афон, Зограф, № 59) — одно и то же лицо⁹⁵. Между тем почерки рукописей настолько отличаются друг от друга, что об их отождествлении не может быть и речи⁹⁶.

№ 33 (С. 36, 151). Непонятно, на чем зиждется уверенность публикаторов в тождестве двух Драгый — писца Евангелия тетр из собрания Русского Пантелеймонова монастыря на Афоне (Слав. 7), записи которого опубликованы выше (под № 25), и второго писца белградской Триоди постной (Старое собрание НБС, № 436). Рукописи решительно отличаются как по почерку⁹⁷, так и по орфографии⁹⁸. Показательно в данном случае, что этих соименных писцов четко различает между собою и К. М. Куев⁹⁹, обычно скорее склонный к монопросопамии. Похоже, что составители свода просто упустили из виду существование снимка почерка рукописи, погибшей в 1941 г.

№ 34 (С. 152). См. факсимильное издание записи также: *Десподова, Славена* 1988. С. 209, № 63.

№ 36 (С. 36). Минея праздничная РНБ, Ф. п. I. 72 датируется 1-й половиной — серединой XIV в. В данном случае я вполне солидаризируюсь с мнением современных македонских исследователей¹⁰⁰.

№ 37 (С. 36, 152). Указание в комментарии на Дублин (без конкретного хранилища и шифра рукописи), как современное место хранения Апостол-Евангелия апракос, из которого приведена запись, безусловно ошибочно. Причиной ошибки является, по всей видимости, неверное отождествление в «Инвентаре» Д. Богдановича¹⁰¹. В современных собраниях Дублина — ни в библиотеке Честер-Битти, ни в Тринити-колледже — нет ни одной рукописи болгарского извода¹⁰², за исключением 1 листа из молдавского (не валашского!) Евангелия тетр XVII в.¹⁰³, который в данном случае не подходит как хронологически, так и по содержанию. Находящееся же в библиотеке Честер-Битти (N W 158) пергаменный Апостол-Евангелие апракос середины XIV в.¹⁰⁴ несомненно сербский по изводу и является, как наглядно показал еще В. А. Мошин¹⁰⁵, частью конволюта старого собрания Народной библиотеки в Белграде (№ 213), кратко описанного Л. Стояновичем под № 217¹⁰⁶. Кодекс же, из которого авторы публикуют запись, по всей вероятности, погиб в апреле 1941 г. во время фашистской бомбардировки Белграда.

№ 38 (С. 36–37, 153). Издатели безоговорочно датируют рукопись, откуда взята запись (ГИМ, Хлуд. 152), рубежом XIII–XIV вв., а приписку вслед за Б. С. Ангеловым¹⁰⁷ атрибутируют некоему Добриану, но, в отличие от Ангелова, не отождествляют писца с переписчиком Добриановой Минеи конца XIII в. (см. № 31. С. 35, 150–151). Между тем писец в рукописи явно не один, все они безымянны, и запись сделана тем из них, который с писцом Добриановой Минеи отождествлен быть никак не может¹⁰⁸, рукопись же датируется 1-й половиной (возможно, третью) XIV в.

№ 40 (С. 37, 153–154). Указывая, что Никола, переписавший Хлудовский Паремийник, идентичен соименному писцу Скопского Апостола апракос (см. № 41), авторы повторяют старое устойчивое заблуждение, восходящее по крайней мере еще к мнению Й. Иванова¹⁰⁹. Образцы почерка писца Апостола изданы П. А. Лавровым, В. А. Мошиным и А.-Э. Н. Тахиаосом¹¹⁰, в образцах почерка Паремейника тем более нет недостатка¹¹¹ и не вызывает сомнений, что между ними нет ничего общего. На это обстоятельство уже указывалось в литературе, в том числе и болгарской¹¹². Почерки обоих писцов описаны П. А. Лавровым как явно различные¹¹³.

№ 41 (С. 38, 154). По поводу отождествления 2 соименных и современных писцов см. замечания к № 40. Кроме того, следует иметь в виду, что кодекс Пантелеймонова монастыря Слав. 4 представляет собой конволют (хотя, вероятно, и из современных друг другу частей). Евангелие апракос краткий, занимающее л. 78–201 в современном кодексе, написано несомненно не тем писцом, что Скопский Апостол апракос¹¹⁴, оба аллигата имеют самостоятельные месяцесловы. Палеографическая датировка евангельской части конволюта в силу поистине мафусаиловского возраста писца («лет 100 и 20, паче и вящче») представляет значительную сложность, хотя есть основания признать его слова правдивыми¹¹⁵. Прочтение записи писца в Евангелии нуждается в существенном уточнении. Издатели «Бележек...» следуют за публикацией в каталоге А.-Э. Н. Тахиаоса и за доксологической формулой передают начало текста следующим образом: «Писа рѣками кромонаха скимника...»¹¹⁶. В оригинале между тем совершенно отчетливо читается: «Писа рѣка ми [рука моя.— А. Т.] ньро (Ньро?)¹¹⁷ монаха скимника...». Смысл этого не вполне ясен. Предположению, что речь идет о имени схимника («Нерон»?), препятствует то обстоятельство, что в южнославянской ономастике (в отличие от русской — ср. фамилию Неронов), отсутствует, как кажется, подобное узаконенное со временем искажение христианского имени Иерон.

№ 42 (С. 38, 154–155; табл. 16). Тайнописная запись в Евангелии царя Георгия Тертера 1322 г. (Хиландарь, Слав. 18). Хотя публикаторы ссылаются в библиографии на исследование М. Н. Сперанского о славянской тайнописи¹¹⁸, они его явно не читали (правда, следует заметить, что Д. Богдановичу версия расшифровки Костица–Сперанского тоже осталась неизвестной). Сперанский в решении вопроса присоединился к мнению Д. Костица (ссылка на работу которого¹¹⁹ в библиографии при комментарии отсутствует), полагавшего, что надпись сделана славянином (болгарином) на греческом языке

видоизмененными (стилизованнными) греческими же унциальными буквами, и эта точка зрения представляется наиболее обоснованной. Непонятно, откуда публикаторы заимствовали прочтение тайнописи Д. Богдановича, поскольку в его каталоге рукописей Хиландарского монастыря, на который дается ссылка в библиографии, сказано, что он не смог расшифровать запись: «нисмо успели да разрешимо»¹²⁰.

№ 48 (С. 42–43, 158). Оливерова Минея 1342 г. не сгорела в апреле 1941 г. вместе с другими рукописями старого собрания Народной библиотеки Сербии во время фашистской бомбардировки Белграда, а пропала за четверть века до этого — в 1915 г., в период австро-венгерской оккупации страны в Первую мировую войну. Современное ее местонахождение неизвестно¹²¹.

№ 50 (С. 44, 159). Запись на л. 38 рукописи ГИМ, Син. 38 (Хроника Манассии с дополнениями) сделана не священником Филиппом, а его безымянным сотрудником, переписавшим большую часть кодекса александрийским («попгерасимовым») курсивным письмом. Филипп (писавший литургическим «тырновским полууставом») написал лишь последние 9 листов рукописи¹²². В перечне литературы почему-то нет указаний на описание рукописи Т. Н. Протасьевой¹²³ и на описание при последнем издании памятника в Болгарии¹²⁴.

№ 55 (С. 46, 161). Приведенный текст из Евангелия Британского музея Ms. Add. 39628 является не записью, а начальными словами пасхалии на 1354–1492 гг., наличие которой отмечено еще в 1988 г. Р. Клеменсоном¹²⁵. Кодекс в этом каталоге датирован (как и в «Бележках...») 1354 г., хотя и со знаком вопроса.

№ 59. Как установлено сравнительно недавно, но еще до выхода в свет «Бележек...»¹²⁶, рукопись Бдинского сборника представляет, по всей видимости, сербский список конца XIV в. с оригинала 1360 г.

№ 62 (С. 50, 164–165). Вопрос о том, может ли один из писцов Видинского Апостола — Драган — быть отождествлен с соименным ему книгописцем 2-й половины XIII в., переписавшим Драганову Минею (см. № 32), и о возможности на этом основании передатировать Апостол, носит в настоящее время риторический характер¹²⁷. Хотя сам кодекс (единственная пергаменная рукопись Апостола в данном собрании) погиб в начале XX в. при пожаре библиотеки монастыря Св. Павла, сохранились 2 листа из него в собрании А. А. Дмитриевского (БАН, Дмитриевск. 43), на которых представлены почерки обоих писцов (невозможно лишь установить, какой из них принадлежит Драгану и какой его брату Райко)¹²⁸. Ни один из них не обнаруживает ни малейшего сходства с письмом Драгановой Минеи.

№ 65 (С. 51–53, 166–167). В настоящее время, когда известна датировка сербского (рашского) по орфографии Колашинского (или Архангельского) списка сочинений Псевдодионисия Ареопагита с толкованиями прп. Максима Исповедника (РНБ, Гильф. 46), предельно близкого ко времени перевода памятника старцем Исайей и представляющего, возможно, отчасти его белой автограф¹²⁹, включение записи в свод болгарских представляется ничем не оправданным. Орфографические болгаризмы ее списков несомненно

принадлежат переписчикам (причем в случае с публикуемым списком (РГБ, Рум. 93) — русскому писцу). Поэтому в данном случае не говорю даже о необходимости критического издания послесловия.

№ 67 (С. 54, 167). Первая из записей в «Маргарите» (Хиландарь, Слав. 404) уже воспроизводилась факсимильно ранее¹³⁰ — (снимок тот же, что и в табл. 24 (С. 222) «Бележек...»).

№ 69 (С. 167). Запись писца Слов постнических прп. Исаака Сирина 1389 г. (РГБ, собр. Оптиной пустыни, № 462) имеет большую традицию исследования и публикации¹³¹.

№ 77 (С. 56, 170). Ловчанский сборник (БАН, 13.3.17). Кодекс датируется не тем временем, когда будущий царь Иоанн Александр был деспотом в Ловече (т. е. до 1331 г.), а значительно более поздним. Как любезно сообщил мне А. Г. Сергеев, по водяным знакам рукопись датируется не ранее 1390-х гг. Впрочем, достаточно уже обратиться к снимкам с ее почерка¹³², чтобы сразу и всерьез усомниться в традиционной датировке — настолько не характерны подобные начерки букв (например, «Ч» почти в виде цифры 7) для 2-й четверти XIV в. Речь может идти в лучшем случае только о копии записи.

№ 81 (С. 58, 171). Текст записи в Праздничной Минее Парижской Национальной библиотеки, Слав. 23, приведен неполностью. В оригинале он продолжается словами: «Аще слоучитсѧ в не(д). ничтоже поет(с)ѧ въскр(с)но... ни на літ(ѧ)р(г)и»; далее на правом поле: «нѧ ве(с) пра(з)»¹³³.

№ 89 (С. 60–61, 173–174). Издатели вслед за Б. С. Ангеловым¹³⁴ упоминают вторую рукопись («Поучение праздников Господских и Богородичных и всех святых») того же писца, находившуюся в XIX в. в Дечанском монастыре, с идентичной припиской, опубликованной в 1864 г. иеромонахом Серафимом (Ристичем). Ввиду полного совпадения текста записей естественно предположить, что никакой второй рукописи Первослава не существует и не существовало в XIX в., а современный кодекс НБКМ, № 674 представляет собой военный трофей болгарской армии, доставленный среди прочего из Дечан в Софию в 1915 г. (об изъятии исторических и культурных ценностей из обители болгарской армией см.: *Тодич, Чанак-Медич 2005*. С. 128), что хорошо согласуется со временем его поступления в библиотеку.

№ 90 (С. 61, 174). Запись в пергаменном Евангелии (БАН, Доброхот. 26) не имеет отношения к издаваемому корпусу, поскольку Мемнон был русским книгописцем (скорее всего московским, во всяком случае связанным с очень крупным скрипторием), работавшим в 1-й трети XV в.: им переписан также знаменитый лицевой Апостол из библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря (Государственный Русский музей, Др. гр. 20). Феномену Мемнона, писавшего — во всяком случае в Евангелии из собрания епископа Павла (Доброхотова) — с максимальным сохранением среднеболгарских норм (русизмы у него в этом кодексе исчисляются считанными единицами)¹³⁵, рецензент посвятил специальную большую статью, вышедшую уже 16 лет назад¹³⁶, и неоднократно обращался к нему в ряде других работ¹³⁷. Стоит заметить, что на рубеже 1980 и 1990-х гг. одна из составительниц рецензируемого свода

(Б. Христова) не сочла возможным включить Евангелие Мемнона в составленный в то время каталог болгарских рукописей петербургских (ленинградских) хранилищ, и рецензент тогда специально отметил это как признак научной проницательности¹³⁸, поскольку долгое время памятник считался болгарским, хотя и списанным с русского оригинала¹³⁹.

№ 92 (С. 61–62, 175). Включение в свод записей Симона—Симеона, писца Погодинского Службника (РНБ, Погод. 37), сербской пергаменной каллиграфической рукописи середины — 3-й четверти XIV в., написанной, по всей вероятности, на Афоне¹⁴⁰, было бы оправдано лишь в том случае, если бы публикаторы отождествляли его с соименным писцом болгарского Лондонского Евангелия царя Иоанна Александра (см. № 56). Близость их почерков в самом деле такова, что вопрос напрашивается сам собой¹⁴¹. Такое отождествление в сербской научной литературе уже предлагалось¹⁴², однако болгарские исследователи его, как правило, не признают¹⁴³.

№ 93 (С. 62, 175). Запись Нелепа грамматика, как уже сказано выше (примеч. 19), публиковалась ранее как минимум дважды.

№ 94 (С. 62, 175–176). Датировка Минеи праздничной Синай Слав. 25 1360–1370-ми гг. далеко не бесспорна. Известно, что определенное основание для датировки кодекса дает запись 3, упоминающая, что Благовещение приходилось на Великий четверг, что соответствует 1339, 1351, 1361 или 1372 г. При этом следует учитывать, что письмо рукописи очень близко (вероятно, идентично) к почерку Златоуста Ягича, который датируется разными исследователями от 2-й половины XIII до 2-й четверти XIV в. Поэтому наиболее вероятна дата 1339 г.¹⁴⁴

№ 95 (С. 62, 176). На основании упоминания царя Иоанна Александра Минея праздничная Зограф, П.г.5 датируется не просто 3-й четвертью XIV в., а не позднее 1371 г. (по водяным знакам это, вероятно, 1360-е гг.)¹⁴⁵. В последнем каталоге собрания отмечено наличие кириллической записи писца Даниила на л. 21 об.¹⁴⁶ Глаголическая запись на л. 36 опубликована фототипически и расшифрована¹⁴⁷.

№ 98 (С. 63, 176–177, табл. 28). Трактовка персонажа пространной записи в пергаменном сербском Октоихе (София, НБКМ, № 180) — «господичика (господичика) Александра», принадлежащего по обеим линиям к царскому роду («по обою страну ц(а)рьскаго колена») как Иоанна Александра до принятия им царского титула (т. е. до 1331 г.) или же как его внука Иоанна Александра II (сына последнего болгарского царя Михаила Шишмана) не может быть принята, несмотря на существующее в историографии мнение (обзор мнений см. на с. 176–177; публикаторы склоняются к первому). Этот весьма нечастый в источниках «титул»¹⁴⁸, означающий сына «господина»¹⁴⁹ известен (при всей его видимой нейтральности), насколько я знаю, только в Сербии. Иоанн Александр до восшествия на престол носил, как известно, титул деспота (см. № 77), его внук претендовал на царский титул (либо именовался царским сыном), и пойти на явное унижение их достоинства книгописец несомненно не мог. Варианту с Иоанном Александром противоречит (в отличие от второго) и свидетельство записи (от которого сохранилось лишь начало)

о страшном турецком нашествии. Обеим атрибуциям болгарских исследователей противоречит также палеографическая датировка кодекса, которую, как ни странно, не приняли во внимание и публикаторы, профессиональные палеографы. По почерку (см. табл. 28) рукопись датируется серединой — 3-й четвертью XIV в. (т. е. не согласуется по времени ни с одной из версий) и относится, вероятнее всего, к хиландарской книгописной школе (что, разумеется, свидетельствует в первую очередь о месте обучения книгописца, а не о месте создания кодекса).

Если принять во внимание все факторы (имя, титул, принадлежность правителя к двум царственным фамилиям сразу, языковой извод и палеографическую датировку рукописи), то личность «господичича» Александра может быть установлена достаточно надежно. Речь почти несомненно идет о «господине» Александре (1363 — после 1368), сыне шурина царя Стефана Душана, правителя Валлоны (Авлонь) и Канины в современной южной Албании Иоанна Асеня Комнина¹⁵⁰ (воистину «по обою страну царьского колена»). Упоминание турецкого нашествия в этой записи практически однозначно указывает на осень 1371 г., когда после разгрома на Марице сербского войска короля Вукашина и деспота Углеша османские отряды проникли далеко вглубь Македонии (т. е. в записи упомянута та же ситуация, что и в послесловии инока Исаяи к переводу творений Псевдодионисия Ареопагита — см. № 65); возможно, безымянный сербский книгописец нашел убежище от турок на удаленном Адриатическом побережье. Вероятно, это самое позднее упоминание Александра Асеня Комнина. При такой локализации рукописи включение записи из нее в свод болгарских представляется по меньшей мере сильной натяжкой.

В библиографии при комментариях отсутствует ссылка на свод Л. Стояновича¹⁵¹, также опубликовавшего эту запись (по изданию Б. Цонева) и присоединившегося к мнению, что речь в ней идет о сыне Михаила Шишмана; переиздавалась запись (впрочем, без комментариев) и позднее¹⁵². Попутно стоит заметить, что четверть века назад кодекс (а следовательно, и запись в нем) считался сербским, о чем свидетельствует его отсутствие в сводном каталоге болгарских рукописей, хранящихся в Болгарии¹⁵³. Когда работа над рецензией была завершена, мне стало известно о статье В. Игнатова¹⁵⁴, где автор приходит практически к тем же выводам. Пользуюсь случаем поблагодарить здесь коллегу К. Иванову, которая сообщила выводы данной публикации, известной мне только по библиографии.

№ 100 (С. 64). «Повесть о Варлааме и Иоасафе» из бывшего собрания Немецкого монастыря в Румынии, № 61/4 (ныне Бухарест, БАН Румынии, Слав. 132) датируется в настоящее время по филиграням не 2-й половиной XIV в. (как в своде), а приблизительно 1-й его третью¹⁵⁵, однако независимо от датировки кодекса смысл публикации подобной записи, лишенной какой-либо информации, остается для меня загадочным.

№ 102 (С. 64, 178). Апостол РГБ, собр. В. И. Григоровича, № 16 / М. 1698 датируется по водяным знакам 1-й четвертью XV в., поэтому рукопись не вошла ни в ПС XI–XIV, ни в СК XIV, а была включена в ПС XV (№ 358). Для

рецензируемого издания важнее, однако, другое. Как установил Н. Б. Тихомиров, это русский список с болгарского оригинала, во многом сохраняющий правописные нормы последнего¹⁵⁶. Это заметно даже по публикуемой записи, где бросается в глаза сочетание орфографических южнославянизма, русизма и антирусизмов, возможное только у восточнославянского писца («Всѣкомѣ (вместо всакомоу) бо еси дѣлѣ благѣ (вместо «благору») зачало...»). Таким образом, к своду болгарских записей приписки Евфимия отношения не имеет.

№ 103. 9 (С. 65, 178). Прочтение («Много ми се стоужі грѣшномуу оу соухомоуде») и предположительный перевод («Много ми стана тежко на мене, грешния, в това сухо и мудро време?») этой записи писца в загребском Апостоле (Архив ХАЗУ, III а 44) вызывают сильные сомнения. Более вероятно, что последнее слово представляет имя собственное или уничижительный автоэпитет («Сухомуда»), а «оу» написано по ошибке (менее вероятен вариант, что речь идет о топониме: «в (= «оу») Сухомуде»). Вторая часть этого сложного слова восходит, разумеется, не к глаголу «мудити» (медлить), как полагают (судя по переводу) публикаторы, а обозначает часть мужских гениталий (мошонку). Существование в средние века достаточно редкого (по вполне понятным причинам) славянского имени Сухомуд или Сухомуда подтверждается русским фамильным прозвищем Сухомудов, зафиксированным в выходной записи Устава церковного Иерусалимского (РНБ, Погод. 279), переписанного в 1543 г. в Твери. Его заказчиком был «Фрол Иванов сын Сухомудов»¹⁵⁷. Примерный перевод фразы: «Многие неудобства (досаждения) испытываю я, грешный Сухомуда». В. А. Мошин, на которого ссылаются публикаторы, датирует рукопись на основании филиграней несколько шире — последней третью XIV в.¹⁵⁸

№ 104 (С. 65, 178–179). Странно выглядит сочетание ничем не обоснованной датировки Минеи служебной (НБС, Старое собр., № 15) последней четвертью XIV в. с рассуждением в комментарии о том, можно ли отождествить писца Минеи Станислава с соименным ему книжником, работавшим в Македонии в 1330–1340-х гг. (см. № 44, 48). Против датировки публикаторов косвенно свидетельствует то обстоятельство, что кодекс был написан на пергамене, который после 3-й четверти XIV в. в обиходных литургических рукописях (за исключением Евангелий, иногда Апостолов и Псалтирей) употребляется крайне редко. Стоит заметить, что и Л. Стоянович датировал рукопись более ранним временем, поместив ее перед № 13(210), написанным во времена св. князя Лазаря (1371–1389 гг.)¹⁵⁹.

№ 105 (С. 65, 179). Рукопись Афон, Зограф, 115 (П.д.2), представляет собой не Минею четью (как ошибочно указано и у Й. Иванова¹⁶⁰), а Сборник богослужебный¹⁶¹, начинающийся стихирами и каноном святым «всего лета» (стихотворным месяцесловом) Христофора Митиленского (в рукописи названного Мефодием Патарским!)¹⁶².

№ 106, 107 (С. 65–66, 179). Датировка рукописей (Октоихов библиотеки Синайского монастыря, Слав. 19 и 20) последней четвертью XIV в. представляется неоправданно поздней. По почерку¹⁶³ рукописи вполне могут быть датированы серединой — 3-й четвертью этого столетия¹⁶⁴. В пользу

сравнительно ранней датировки списков свидетельствует их определение как «новых» и «новоизводных», которое с распространением в рукописной традиции этой редакции текста должно было достаточно быстро выйти из употребления. В начале записи 107 при публикации опущено первое слово, написанное вязью: «Н=В=М8» (см.: Там же. С. 232). Не учтена также запись на л. 238 Слав. 19: «ГЙ ПИСУ Х(с)Е СНЕ БИИ П(о)МЛ8И М(▲) ГРБШН(а)ГВ-:- Новомуо ѿсмогласникѹ, бж(с)твнныи конецъ. И сего написахъ. Меѿодіе іеромонахъ»¹⁶⁵.

№ 109 (С. 67, 180). То же прочтение имени писца («Хѿ е(і)ко») Лествицы (РНБ, Гильф. 49), восходящее в конечном итоге к материалам В. М. Загребина, Б. Райкова и Б. Христовой, дает и СК XIV (Вып. 1. С. 547, № 349). Однако археографы и исследователи тайнописи в 1-й трети XX в. читали вторую букву имени не как «А», а как греческую «сампи» (900, дающую в расшифровке Р), что, несомненно, более правильно¹⁶⁶. Кроме того, нельзя исключить, что четвертая (выносная) буква представляет собой не «Ч», а греческое «N», написанное без замены значения (напомню, что почерк записи сильно грецизирован). В этом случае имя должно читаться как «Хре(н)ко» (несомненно, производное от «хрен») или — что менее вероятно — «Хре(і)ко».

№ 114 (С. 69, 181). Номоканон София, ЦИАМ, № 1160 датируется по филиграммам («два круга», «кораблек с парусом», «греческий крест в круге», «ветвь с цветами») не концом, а скорее всего рубежом 3-й и последней четверти XIV в.¹⁶⁷

№ 117 (С. 68–69, 181). «Диоптру» Филиппа Философа из старого собрания Народной библиотеки (Сербии) в Белграде, № 151, публикаторы (вслед за Л. Стояновичем) датируют излишне поздно — концом XIV в. Между тем, хотя кодекс и погиб в апреле 1941 г., предельная верхняя граница времени его создания может быть определена достаточно надежно. Не касаюсь в данном случае палеографических примет¹⁶⁸, поскольку здесь возможны весьма значительные погрешности (хотя в обоих почерках, на мой взгляд, нет ничего, что мешало бы отнести их к середине — 3-й четверти столетия: вероятно, это был один из самых ранних болгарских списков Диоптры)¹⁶⁹. Основания для датировки дают многочисленные пробы пера на полях кодекса, данными которых публикаторы пренебрегли. Они сделаны разными почерками сербским канцелярским письмом XIV в.¹⁷⁰ Большинство этих записей представляет начало посланий с упоминаниями имен адресатов и адресантов, без труда отождествляемых с историческими лицами. Прежде всего верхний предел надежно определяет запись, читающаяся на сноске 145 в книге Лаврова: «+ коли(к)а (т)ѿга бе(ш) по земли за кнеза за Лаза (!) до...» (не дописана)¹⁷¹. Это позволяет датировать рукопись (и, соответственно, запись писца) не позднее 15 июня 1389 г., до Косовской битвы.

№ 118 (С. 69, 181–182). Датировка концом XIV в. кодекса со Сводным патериком ГИМ, Хлуд. 237 абсолютно неприемлема, причем совершенно непонятно, на чем она в данном случае основана. Филиграммы рукописи были подробно описаны, проанализированы и опубликованы еще Н. П. Лихаче-

вым¹⁷², кодекс на их основании надежно датируется 2-й четвертью или серединой XIV в., и эта датировка считается в современной науке (и в том числе болгарской) общепринятой¹⁷³. Шестое слово в первой записи не «капельия», как в публикации, а «кепалия» («кефалия»).

№ 119 (С. 69, 182). Непонятно, почему прочтение тайнописи в Дамиановом Прологе (София, БАН Болгарии, № 7) вызывает у публикаторов такие трудности¹⁷⁴, поскольку она принадлежит к числу простейших, основана на принципе замены букв, имеющих числовое значение. Единственное отклонение от стандартной «греческой» («византийской») числовой системы тайнописи (помимо написания отдельных букв без замены) состоит в данном случае в том, что писец в соответствии с греческой традицией в качестве замены «Р» употребляет не «Ц», а «сампи» (имеющее то же числовое значение 900), для передачи которого в издании использован почему-то странный рунический знак¹⁷⁵. Заключительная часть записи (с именем заказчика) читается как: «Раввѣлино (или, с суммированием второй и третьей букв, как предлагают публикаторы, — «Радѣлино», но никак не «Радѣино») ж ѡсръдие» (в издании в слово «усръдие» между 2-й и 3-й буквами ошибочно включено «Е»).

№ 127 (С. 72–77, 184–185). Пространное послесловие писца (Димитрия Кратовца) к Синтагме Матфея Властаря (а не к абстрактному «Номоканону» (с. 77)¹⁷⁶ датируется не 1466 г., а не ранее 1467 г., поскольку книжник упоминает в нем приезд в Кратово (вероятно, во время объезда епархии) бывшего Константинопольского патриарха Марка (Ксилокарава), ставшего Охридским архиепископом после отречения его предшественника Досифея, 15 января 1467 г.¹⁷⁷ Включение записи в свод по меньшей мере небесспорно, поскольку сам Димитрий определяет извод («язык») переписанной им книги как «сербский» (см. с. 75). Помимо приведенной библиографии запись опубликована также в 1997 г.¹⁷⁸

№ 142 (С. 83, 191). Рукопись Римского патерика (Вена, Австрийская национальная библиотека, Слав. 22) датируется по водяным знакам не 1-й половиной XV в., а 3-й четвертью XIV в.¹⁷⁹

№ 144 (С. 84, 191). Публикаторы датируют приписку Маркелла серединой XV в. В новейшем каталоге рукописей Зографского монастыря¹⁸⁰ кодекс надежно датирован 3-й четвертью XIV в. на основании водяных знаков. Однако публикуемая в своде запись, как хорошо видно на левой части того же снимка, несомненно не принадлежит писцу, это дело рук позднейшего читателя, благодарящего писца книги, но им не являющимся. Текст и запись резко отличаются и по орфографии. Сама рукопись сербского извода с рашскими правописными нормами¹⁸¹, что справедливо отмечено в каталоге. Ее почерк весьма близок почеркам сербских афонских (хиландарских) книгописцев 2-й половины XIV в. Правописание опубликованной записи — позднее церковнославянское. Приписка достаточно трудно датируется палеографически — ее практически одинаково можно отнести и к XVI, и к XVII, и даже к XVIII вв. — во всяком случае в свод она включена необоснованно. Ответ находится не в палеографии, а в области историко-географических реалий.

Писец приписки Маркелл именуется себя «Мерулополянским», почти несомненно, по месту монашеского жительства или пострига. Скит Мерула Поляна (он же Поляномерульский — совр. рум. Poiana Măgului) был основан между 1730 и 1733 гг.¹⁸² на северо-востоке Валахии, в изгибе Карпат. Соответственно и запись Маркелла (вероятнее всего, одного из молдавских учеников прп. Паисия Величковского) на зографской рукописи не может быть датирована ранее 2-й трети XVIII в.¹⁸³

№ 150 (С. 85, 172). Вызывает сомнения безоговорочное отождествление в комментарии топонима «Загорие», где написана Миния праздничная из библиотеки Пантелеймонова монастыря (Слав. 20), с Болгарией, хотя определение этой страны как «Загорие», «Загорская земля» регулярно встречается в средневековых источниках¹⁸⁴. Столь широкая географическая привязка (в сущности таковой и не являющаяся) совершенно нехарактерна для средневековых книжников: невозможно представить себе рукопись, писец которой сообщал бы, что она написана просто «в Болгарии», «на Руси» или «в Сербии». Речь в данном случае идет о каком-то локальном Загории, которых на Балканах (учитывая особенности рельефа) должно быть немало¹⁸⁵.

Т. 2.

№ 158 (С. 8, 208). Комментарий к записи первого писца Торжественника (Панегирика) 1509 г. (Мардария) сопровождается суровым примечанием о том, что в книге Р. В. Булатовой «Старосербская глагольная акцентуация»¹⁸⁶ он «съвершено произвольно объявлен за копист от Хилендар или Милешева». Однако достаточно ли оснований для столь безапелляционного заявления? Действительно, известно, что в 1480–1483 гг. Мардарий работал в Рыльском монастыре (см. Т. 1, № 132, 133), однако в Торжественнике РНБ, написанном 16 лет спустя, место создания не указано, рукопись (ресавская по правописанию) отнесена в своде к болгарским лишь на основании отождествления почерка. При этом не следует забывать, что сам Рыльский монастырь в период его возрождения в последней трети XV в. представлял своеобразный Ноев ковчег, в котором под покровительством дочери сербского деспота Гюрга Бранковича вдовы султана Мары нашли прибежище славянские книжники из разных областей Балканского полуострова. Ни один из составителей «Бележек...», насколько мне известно, не является специалистом в области исторической акцентологии, поэтому наблюдения и выводы Булатовой остаются неоспоренными.

№ 187 (С. 17, 216). Первая из записей (о расшифровке имени автора «Диоптры») не имеет отношения к своду (во всяком случае под указанной датой).

№ 231 (С. 31, 226). Публикаторы, возможно вслед за Й. Ивановым¹⁸⁷, относят приписку чтеца Василия в октябрьской служебной Минее к середине XVI в. Между тем в новейшем каталоге рукописей Зографского монастыря¹⁸⁸ кодекс надежно датирован 3-й четвертью XIV в. на основании водяных знаков. Запись, таким образом, относится к 1-му тому «Бележек...».

№ 235 (С. 32, 226–227). Запись также должна быть помещена в 1-м томе под 1466 г., поскольку по содержанию представляет простую копию записи этого года о переселении жителей Охрида по приказу султана Мухаммеда II

Завоевателя в Коноях (ср. № 127) и никаких реалий середины XVI в. (время списка) она не содержит.

№ 246 (С. 34, 229). Публикаторы вслед за Г. А. Ильинским¹⁸⁹ относят запись писца Венедикта в Синтагме Матфея Властаря (Афон, Зограф, № 92; старый П.в.1) к концу XVI в. Между тем, согласно новейшему описанию собрания¹⁹⁰, кодекс датируется по совокупности филиграней началом XV в. (т. е. запись должна быть помещена в 1-м томе), а его извод определяется как сербский (судя по приведенному снимку — рашский), хотя в записи писец употребляет в последнем слове «юс большой».

№ 248 (С. 34, 229). В данном случае все приведенные сведения ошибочны либо неточны. Современное местонахождение рукописи (Евангелие тетр) известно — Белград, Университетская библиотека, собр. В. Чоровича, № 2, и она датируется не концом XVI в., а 3-й четвертью XV в.¹⁹¹ Составители «Бележек...», как уже отмечалось выше, не знают, что собрание Лесновского монастыря, из которого происходит кодекс, было описано В. Чоровичем¹⁹², а позднее поступило целиком (за исключением № 26) с теми же номерами в библиотеку Белградского университета¹⁹³. Запись, в оригинале сделанная числовой «греческой» («византийской») тайнописью (это обстоятельство у Стояновича не отмечено), опубликована (в оригинале и в расшифровке) и в описании В. Чоровича (С. 104). На мой взгляд, нет достаточных оснований отождествлять упомянутую в записи Железницу именно с софийской, как это делают публикаторы. Топоним достаточно распространен на Балканах.

№ 265 (С. 40, 233). Современное местонахождение Октоиха 1617 г. неизвестно. Во всяком случае в новейшем каталоге собрания Зографского монастыря¹⁹⁴ кодекс такого содержания с подобными датой и записью не значится.

№ 305 (С. 54, 245). Рукопись (Зограф, № 73) представляет собой не Минею праздничную, а Минею служебную на сентябрь¹⁹⁵

№ 346 (С. 66, 255). Тайнопись и ее расшифровка переданы в публикации с ошибками. Первое слово в расшифровке должно быть не «Ову», а «Сию».

№ 361 (С. 70, 258). Запись издана также в: A Union Catalogue of Cyrillic Manuscripts in British and Irish Collections / Compiled by R. Clemenson. London, 1988. P. 71, № 55.

№ 488 (Прилож. С. 117, 294). Издатели считают публикуемую запись в русском списке «Огласительных поучений Кирилла Иерусалимского» (ГИМ, Син. 114) копийной, заимствованной из болгарского оригинала начала X в. и отождествляют упоминаемых в ней «раба Божия» Феодора и Константина соответственно с болгарским книгописцем черноризцем Тудором Доксовым и учеником «славянских апостолов» Константина—Кирилла и Мефодия пресвитером (позднее епископом Преславским) Константином, фигурирующими в копии записи 907 г. на сборнике Слов Афанасия Александрийского (см. Т. 1. С. 25. № 1). Такая атрибуция не может быть принята. Причина даже не в том, что записи подобного содержания обычно не копировались¹⁹⁶. Оба писца названы в записи просто по имени «рабами Божиими», без указания на принадлежность к монашеству первого и пресвитерский

(или тем более архиерейский) сан второго, чего в реальности, разумеется, не могло быть. Таким образом, это запись русских переписчиков кодекса, соименных жившим за 2 века до них болгарским книжникам, и поэтому она должна быть исключена из свода. Глаголическая приписка на л. 271 не имеет отношения к вопросу происхождения протографа сохранившейся рукописи, поскольку она сделана не писцом и существенно позднее¹⁹⁷.

№ 489 (Прилож. С. 117, 294–295). Запись пресвитера Григория сохранилась по меньшей мере в 3 списках XV–XVI вв., 2 из которых (РГАДА, ф. 181, № 279 и Вильнюс, БАН Литвы, ф. 19, № 109) известны в литературе свыше 100 лет и неоднократно публиковались¹⁹⁸.

№ 495 (Прилож. С. 118, 296–297). Запись о переводе иноком Закхеем «Слов постнических» Исаака Сирина не только известна в ряде более поздних списков, преимущественно восточнославянского происхождения (см., например: ГИМ, Епарх. собр., № 320 (1513 г.), л. 32), но и представлена в них в другой редакции, вероятно более ранней¹⁹⁹.

№ 498 (Прилож. С. 119, 297–298). История Апостола 1434 г. в действительности прослеживается вплоть до его гибели в 1941 г. в составе старого собрания Народной библиотеки Сербии, где он хранился под № 1164²⁰⁰. Кодекс был доставлен в хранилище между 1907 и 1910 гг. из Маркова монастыря В. Петковичем. Запись писца в то время читалась в рукописи несколько хуже, чем в момент первой публикации²⁰¹, но ряд прочтений С. Матича, безусловно, заслуживает внимания. Так, издатели «Бележек...» считают, что Андрей и Акседий это мирское и монашеское имена одного писца. Из описания С. Матича видно, однако, что речь идет о 3 записях двух писцов: Андрея на л. 294 и 294 об., и Акседия (у Матича «Акекедин»!) на л. 294 об. Последний, судя по уцелевшим остаткам слов, именовал себя «<быв>ши парак[ли]с[и]архъ великіе митрополии Бѣ<лград?>ские».

№ 500 (Прилож. С. 120, 298). Рукопись представляла собой (как и в случае с более ранней книгой Димитрия Кратовца (см. выше № 127)) не Кормчую («Номоканон»), а Синтагму Матфея Властаря, и дальнейшая ее судьба известна. Не позднее 1903 г. она поступила в Народную библиотеку Сербии в Белграде, где хранилась под № 309. Погибла в составе старого собрания библиотеки в апреле 1941 г.²⁰²

№ 501 (Прилож. С. 121, 298–299). Вопреки мнению составителей современное местонахождение рукописи хорошо известно, равно как и ее содержание. Это список Жития Григория Омиритского (Белград, Музей Сербской Православной Церкви, собр. Р. Груича, № 96), датируемый не XVI–XVII вв., как в справочнике, а 1-й третью или началом 2-й четверти XVI в.²⁰³ После публикации в своде Стояновича запись неоднократно упоминалась и издавалась²⁰⁴, в том числе и факсимильно²⁰⁵.

Что можно посоветовать потенциальным пользователям новой публикации? Прежде всего приходится, к сожалению, исходить из неоспоримого тезиса, что издание уже существует и лучшего (более полного и надежного) нового в течение ближайших десятилетий ожидать не следует. В такой ситуации «Бележки...» вполне могут выполнять функцию предва-

рительного, рекомендательного справочника. Пользоваться сведениями, помещенными в комментариях к публикуемым записям, рекомендуется после их внимательной проверки. Если предлагаемый здесь материал поможет в какой-то мере пользователям свода, автор будет считать свою задачу выполненной.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Райков 1992.*
- ² Она, к сожалению, страдает неполнотой и неточностями. Так, на Афоне не отмечены Великая лавра св. Афанасия, упоминаемая в записи № 69, и скит св. Анны, фигурирующий в ряде записей. Зографский монастырь помещен здесь почему-то на юго-западном берегу полуострова, в районе Дохиара. Монастырь Крушедол, расположенный на Фружской (Фрушкой) горе в Среме, т. е. в реальности за верхним обрезом карты, по непонятной причине помещен между Студеницей и скопской Черной Горой (монастырем Жеглигово).
- ³ Я считаю 5-й том «Описания славянских рукописей Народной библиотеки в Софии» (*Христова и др. 1996*), подготовленный двумя из трех составительниц «Бележек...», одним из лучших болгарских описаний рукописей 2-й половины XX в., несмотря на отдельные недостатки, такие как ошибка на столетие при датировке отрывка сербского пергаменного Евангелия НБКМ, № 1358 (С. 19) (о рукописи, из которой он происходит, и ее датировке см.: *Турилов 2004–2005*. С. 124–128, 139–140, № 1) или безуспешная попытка найти греческий оригинал (!), с которого был выполнен «славянский перевод» сочинений прп. Нила Сорского (*Христова и др. 1996*. С. 128–129, № 1416).
- ⁴ *Стоянович 1902–1926.*
- ⁵ Многотомную публикацию Л. Стояновича уместно упомянуть здесь и потому, что рецензируемое издание в силу ряда причин совпадает с ней в значительном количестве позиций — Т. 1, № 27, 35, 44, 48, 54, 60, 65, 70, 92, 94, 104, 118, 126–129, 130–132, 141, 146; Т. 2, № 154, 155, 158, 163, 187, 195, 218, 242, 248, 273, 279, 285, 288, 305, 306, 308, 320, 329, 331, 335, 343, 344, 346, 359, 360, 365, 368, 393, 408, 410, 411, 465, 498. Попутно следует отметить, что при № 44, 48, 130, 131, 154, 155 отсылки к изданию Стояновича в болгарском своде почему-то отсутствуют — соответственно это кн. 1, № 56; 74–76; кн. 3, № 5572–5573; кн. 1, № 344–345 (с исправлениями переиздано: кн. 3, № 5575–5576); кн. 3, № 5582–5583; кн. 1, № 511 (с исправлениями переиздано: кн. 3, № 5584). Разница в количестве номеров между публикациями объясняется особенностями издательских принципов.
- ⁶ В связи с этим приходится с сожалением констатировать, что данному важному историко-культурному и лингвистическому источнику в последнее время не везет с комментированными изданиями. Достаточно вспомнить опубликованный Л. В. Столяровой более 8 лет назад подобный свод по древнерусским пергаменным рукописям XI–XIV вв. (*Столярова 2000*), ставший притчей во языцех (см. отклики на него: *Кистерев 2001; Лифшиц 2001; Мошкова, Турилов 2003*). Рецензент далек от мысли ставить знак равенства между данным шедевром претенциозной наукообразности и новым болгарским изданием, однако за этими неудачами прослеживается определенная тенденция — публикаторы явно недооценивают всей сложности работы с этим «маленьким» и «нетрудным» источником.
- ⁷ Ясно, что об исчерпывающей полноте такого свода (в особенности в отношении рукописей XVI–XVIII вв.) можно будет говорить лишь после сплошного просмотра (если не сплошной каталогизации) прежде всего монастырских и церковных собраний Сербии, Черногории и Румынии, а в идеале и древлехранилищ на территории бывшего СССР — перспектива в обозримом будущем, к сожалению, нереальная.

- ⁸ Предисловие Б. Райкова к своду не датировано, но по косвенным сведениям окончание основной работы над «Бележками...» можно достаточно надежно отнести к 1985–1988 гг. Нижнюю границу определяет вышедшее в этом году описание рукописей библейского содержания Зографского монастыря (*Кодов и др. 1985*), на которое в своде неоднократно даются ссылки (Т. 1. С. 34, 149–150; 49, 158; № 28, 58; Т. 2. С. 45, 238; 52, 243; 60, 250; 71, 259; № 281, 299, 325, 363), верхнюю — дата издания каталога синаяских рукописей И. Тарнанидиса (*Тарнанидис 1988*), откуда заимствована запись 1370 г., включенная уже в приложение к своду (Т. 2. С. 118, 296; № 493). Не исключено, что работа над 1-м томом была завершена не позднее 1986 г.: здесь при № 134, 135 и 149 (С. 82, 85, 189, 192), под которым опубликована запись из рукописей Рильского монастыря, отсутствует указание на описание собрания: *Райков и др. 1986*, в то время как во 2-м томе свода все записи из рильских рукописей ссылкой на него содержат). На это же указывает и отсутствие упоминания (хотя бы в полемическом контексте) принципиально важной для свода статьи Б. Николовой, опубликованной в 1991 г. и специально посвященной припискам как историческому источнику: *Николова 1991*.
- ⁹ *Райков и др. 1994*.
- ¹⁰ Зографскому каталогу 1994 г. в новом издании чрезвычайно не повезло — в общей сложности в свод не вошло свыше полутора десятков упомянутых в нем записей XIV–XVIII вв., по всем параметрам пригодных для рецензируемого справочника (*Райков и др. 1994*. С. 46, 49, 57–61, 72, 76, 78, 120, 122, 124, 134, 136; № 39, 47, 64, 68, 69, 71, 74, 92, 98, 105, 106, 109, 216, 220, 221, 226, 258, 263). Кроме того, по-видимому, в издательской спешке в своде не были учтены также данные работ, написанных его составительницами в 1990-х гг. на основании сведений названного каталога (*Христова 1994; Караджова 1995*).
- ¹¹ *Николова и др. 1999*.
- ¹² *Христова и др. 1996*. Т. 2. № 277, 300, 316, 374, 376, 382, 386, 464, 503, 417) Впрочем, время работы над 5-м томом «Описания рукописей НБКМ» также не выходит за начало 1990-х гг. Автором предисловия к нему является Б. Н. Райков († 1995 г.), а рукопись № 1449, поступившая в собрание в 1994 г., помещена вне тематического ряда (т. е. включена в уже готовый справочник); в «Бележках...» же она значится еще как принадлежащая частному лицу (Т. 2. С. 92, № 417).
- ¹³ *Христова и др. 2000*.
- ¹⁴ *Трифуневич 1968*. С. 425, 428; *Турилов, Мошкова 1999*. С. 243–244, № 631.
- ¹⁵ *Райков и др. 1994*.
- ¹⁶ Там же. С. 99.
- ¹⁷ В литературе запись обычно датируется существенно более поздним временем — XV в. (*Тихомиров 1969*. С. 301) или XV–XVI вв. (*Щепкина и др. 1966*. С. 275; СК XIV. № 236; *Николова и др. 1999*. С. 19, № 7). Между тем достаточно взглянуть на образец письма приписки (см., например: *Кув 1986б*. Табл. 17; *Николова и др. 1999*. Обр. 59), чтобы убедиться, что речь идет о весьма древнем, хотя и не очень каллиграфическом почерке. Вкладная, по всей видимости, современна младшей части кодекса (л. 169 об.— 302), содержащей Апостол апракос и датированной от начала XIV в. (*Щепкина и др. 1966*; СК XIV; *Николова и др. 1999*) до 2-й его четверти (*Мошин 1966*. Табл. 81; *Десподова, Славева 1988*. С. 228, № 70).
- ¹⁸ К числу необъяснимых библиографических пробелов, особенно сильно сказавшихся на полноте публикации, является незнание авторами «Бележек...» каталога С. Матича (*Матич 1952*), в котором содержатся сведения о рукописях старого собрания Народной библиотеки Сербии, поступавших туда на протяжении почти 40 лет после выхода в свет каталога Л. Стояновича (1903), и который включает также ряд ценных дополнений к последнему. Столь же досадно и незнание описания рукописей Лесновского монастыря, составленное В. Чоровичем (*Чорович 1936*) еще в то время, когда это богатое собрание находилось в стенах обители.

- ¹⁹ В первом случае это *Клеменсон 1988*. Р. 123, во втором — *Гранстрем 1953*. С. 99; СК XI–XIII. № 396. В третьем — Отчет Императорской публичной библиотеки за 1868 г. СПб., 1869. С. 98–99; *Костич 1913*. С. 41, табл. 5, см. также: *Сперанский 1929*. С. 29. В четвертом — *Ангелов 1967*. С. 202, № 2; *Ангелов 1978*. С. 174, № 6; *Кувев, Петков 1986*. С. 246, № 6; *Николова 1996*. С. 384, № 3. В пятом — *Поп-Атанасов и др. 1997*. С. 82–83. Кроме того, в последнем случае мне осталась недоступной более ранняя публикация И. Гошева (*Гошев 1935*. С. 6), на которую ссылаются македонские исследователи, поэтому не могу судить, опубликована ли там эта запись или только упомянута (исходя из того, что в коллективной монографии 1997 г. вообще очень мало записей, опубликованных самостоятельно, более вероятен первый вариант). Применительно ко 2-й из рукописей составителей свода отчасти извиняет лишь то обстоятельство, что в описании Е. Э. Гранстрем она фигурирует в числе сербских, поскольку включает и более ранние части, написанные сербским писцом (СК XI–XIII. № 396).
- ²⁰ *Райков и др. 1986*. С. 45–46, 89, 103; № 15, 48, 62.
- ²¹ При этом нельзя не испытывать признательности к составителям по поводу невключения в свод так называемой записи Дамиана (якобы 1374 г.), сохранившейся в нескольких копиях не ранее 1840-х гг. и сопровождающей списки «Завета Иоанна Рыльского» (старший в составе конволюта — Афон, Русский Пантелеймонов монастырь, Слав. 49, л. 8–8 об.). Издание записи вместе с «Заветом...» см., например: *Стоянов, Кодов 1964*. С. 468; *Тахиаос 1981*. С. 96; *Тахиаос 2001*. С. 73. Соображения по поводу подложности «Завета» (и соответственно записи) см.: *Христианство 2002*. С. 414; *Николова 2006*. С. 144–166.
- ²² Рецензент испытывает душевное неудобство от того, что не сообщил составителям свода своевременно сведения о записях в рукописях XIV в., включенных в СК XIV. Его извиняет в данном случае только то обстоятельство, что он узнал о продолжении работы над сводом (разговоры о котором шли в в середине — 2-й половине 1980-х гг.), лишь получив 1-й том «Бележек...». Что же касается записей писцов более позднего времени (в особенности XVI–XVIII вв.), то я предпринял некоторые разыскания в этой области (которой в сущности никогда не занимался) только столкнувшись с бросающимися в глаза пробелами во 2-м выпуске свода. При отборе дополнительного материала я пользовался более жесткими критериями, чем составители свода, не включая, к примеру, ресавские рукописи XVI–XVII вв., созданные на Афоне и не имеющие хотя бы косвенных указаний на происхождение писца. Именно поэтому я не дополнил список кодексов книгописца-долгожителя XVII в. Евфимия (Т. 2, № 284, 306, 315), хотя в своде пропущены переписанные им Пролог 1664 г. и Апостол 1667 г. (см.: *Стоянович 1902–1926*. Кн. 1. № 1601, 1633; *Тахиаос 1981*. С. 45).
- ²³ *Шевырев 1850*. С. 30–32; *Розов 1981*. С. 22–35; *Кувев 1986а*. С. 12; Симеонов сборник 1991. С. 46.
- ²⁴ См., например: *Лавров 1916*. Ст. 6.
- ²⁵ *Тихомиров 1965*. С. 107, 144, примеч. 6.
- ²⁶ Исключение составляет мнение И. Добрева, относящего рукопись к 1-й половине XII в. (*Добрев 1984*. С. 13). Оно, впрочем, высказано явно в пылу полемики и не учитывает палеографической аргументации Н. Б. Тихомирова. (Обзор мнений см.: *Тихомиров 1965*. С. 142–143; *Турилов 2008*. С. 574, примеч. 1)
- ²⁷ Библиографию на середину 1980-х гг. см.: СК XI–XIII. № 200. С. 225; *Кувев 1986б*. С. 226–228.
- ²⁸ Пергаменные рукописи 1976. С. 18.
- ²⁹ СК XIV. Прилож. 2. С. 614–615, д. 25.
- ³⁰ Там же. С. 659, д. 65.
- ³¹ Датирую здесь рукопись несколько позднее, чем это принято в современной научной литературе (см.: *Иванова 1981*. С. 25, 28; СК XI–XIII. С. 319, № 385; Рукописи Погодина 1988. С. 26), поскольку почти несомненно одним из ее писцов переписан

- пергаменный Богородичник начала или 1-й четверти XIV в. (РНБ, Q.п.I.22) (СК XIV. С. 177–179, № 68). Впрочем, в настоящее время К. Иванова датирует Погодинскую Псалтирь началом XIV в. (устное сообщение).
- ³² СК XI–XII. С. 319, № 385; Рукописи Погодина 1988. С. 26.
- ³³ СК XIV. Прилож. 2. С. 597, № 4.
- ³⁴ Там же. С. 388, № 250.
- ³⁵ *Князевская* 1983. С. 135, 139; *Норовская Псалтирь* 1989. С. 39–40, фото 8–10.
- ³⁶ СК XIV. С. 383, № 245.
- ³⁷ Там же. С. 159, № 57.
- ³⁸ *Стоянович* 1903. С. 45–46, № 135 (извод определен как сербский); *Матич* 1952. С. 240–241 (отмечает наличие болгаризмов в языке и указывает, что св. Арсений Сербский определен в памяти как «архиепископ Болгарский»!
- ³⁹ *Райков и др.* 1994. С. 46, № 39.
- ⁴⁰ Там же. С. 11.
- ⁴¹ Обоснование датировки около середины XIV в. см.: *Турилов* 2004б. С. 161–165.
- ⁴² См.: ПС XVд. С. 24–26, 45; *Слуцкий* 1996. С. 131, примеч. 6; *Афанасьева, Слуцкий* 1999. С. 88; *Афанасьева* 2004. С. 13, 26.
- ⁴³ *Щепкина и др.* С. 282; *Николова и др.* С. 22–23 (запись не отмечена); СК XIV. С. 403, № 263.
- ⁴⁴ О филигранях и датировке рукописи см.: *Станкович* 2003. С. 17.
- ⁴⁵ Пергаменные рукописи 1976. С. 177 (XV в.), рис. 54; СК XIV. С. 115, № 18.
- ⁴⁶ СК XIV. С. 532, № 367.
- ⁴⁷ Там же. С. 173, № 64.
- ⁴⁸ О датировке см.: *Лихачев* 1899. Ч. 1. С. СХII–СХV, 234 (примеч. 7 — датировка, характеристика бумаги, описание знаков); Ч. 3. № 2310–2314; *Николова* 1980. С. 385, примеч. 3.
- ⁴⁹ *Дуйчев* 1963. С. 17–18; *Щепкина* 1963. С. 26–27; *Джурова* 1990. Т. 1. С. 94–99 (№ 3, 7, 8, 10, 14, 17, 18, 23), 113(77), 114(78).
- ⁵⁰ *Яцимирский* 1898. С. 98–99, № 22(18); *Овчинникова-Пелин* 1989. Прилож. 1. С. 357, № 1.
- ⁵¹ В украинской литературе (библиографию см.: *Запаско* 1995. С. 286) этот кодекс, написанный в Закарпатье (современная Ужгородская область Украины), считается украинским. Этому решительно противоречат (с учетом даты) облик письма («младший» полуустав южнославянского типа) и выдержанная среднеболгарская орфография, в то же время облик письма и оформление (см.: Там же. С. 285, 287) весьма далеки от молдавских рукописей раннего XV в. В сочетании это заставляет видеть в писце Евангелия Станиславе болгарского книжника-эмигранта. Это предположение объясняет и имя писца, которое в южнославянских языках, в отличие от украинского и белорусского, лишено конфессиональной окраски (СК XIV. С. 462–463, № 313), и его прозвище «грамматик».
- ⁵² *Овчинникова-Пелин* 1989. С. 83, № 4; СК XIV. С. 466, № 316.
- ⁵³ *Сергеев* 2003. С. 354, № 4; 356, примеч. 356.
- ⁵⁴ *Райков и др.* 1994. С. 72.
- ⁵⁵ *Ангелов* 1978. С. 268–269; *Богданович* 1978. С. 87; *Богданович. Альбом* 1978. Сл. 120.
- ⁵⁶ *Ангелов* 1978. С. 272.
- ⁵⁷ *Биркфельнер* 1975. С. 176; *Поп-Атанасов и др.* 1997. С. 59–60.
- ⁵⁸ Отчет Московского публичного и Румянцевского музеев за 1876–1877 гг. М., 1879. С. 3, № 1.
- ⁵⁹ *Цонев* 1910. С. 202–203; *Николовска* 1975. С. 429, 458.
- ⁶⁰ *Райков и др.* 1994. С. 122.
- ⁶¹ *Викторов* 1881. С. 73; *Стоянович* 1902–1926. Кн. 1. № 900; *Лавров* 1914. С. 306, 311; *Лавров* 1916. Табл. 85; *Снегаров* 1932. С. 293; *Поп-Атанасов и др.* 1997. С. 54.

- ⁶² *Стоянович 1902–1926*. Кн. 6, № 9351; *Иванов 1931*. С. 241, № 17; *Иванова 1994*. С. 97–99; *Райков и др. 1994*. С. 78; *Поп-Атанасов и др. 1997*. С. 115; *Иванова 2008*. С. 76, № 38.
- ⁶³ *Райков и др. 1994*. С. 122.
- ⁶⁴ Там же. С. 120.
- ⁶⁵ Там же. С. 59.
- ⁶⁶ Там же.
- ⁶⁷ *Иванов 1931*. С. 252, № 54 (факсимиле тайнописи); *Райков и др. 1994*. С. 57.
- ⁶⁸ *Иванов 1931*. С. 252, № 55 (факсимиле тайнописи); *Райков и др. 1994*. С. 58.
- ⁶⁹ *Райков и др. 1994*. С. 61.
- ⁷⁰ Там же. С. 60.
- ⁷¹ Там же. С. 58.
- ⁷² *Стоянович 1903*. С. 134–137, № 420 — запись не отмечена; *Матич 1952*. С. 256.
- ⁷³ *Райков и др. 1994*. С. 136.
- ⁷⁴ *Турилов, Мошкова 1999*. С. 224, № 570.
- ⁷⁵ См. о них: *Фонкич 1977*. С. 30–37; *Попконстантинов, Константинова 1984*.
- ⁷⁶ Памятники 1981. С. 3.
- ⁷⁷ *Ангелов 1967*. С. 109–116.
- ⁷⁸ *Творогов 1990*. С. 201–203; *Творогов 2008*. С. 24. Наиболее полный перечень списков Жития (не все из которых, впрочем, имеют послесловие переводчика) см.: *Витич-Неделькович 1999*. С. 46–52.
- ⁷⁹ *Витич-Неделькович 1999*. С. 46.
- ⁸⁰ Саввина книга 1999. С. 244–245, 264–265.
- ⁸¹ *Иванов 1931*. С. 233, № 1.
- ⁸² *Райков и др. 1994*. С. 29, № 1.
- ⁸³ См., например: *Творогов 1987*. С. 226.
- ⁸⁴ Обзор мнений см.: *Щапов 1976*. С. 148–149.
- ⁸⁵ См.: Там же. С. 269, № 40.
- ⁸⁶ Рукописные собрания 1983. С. 80–81.
- ⁸⁷ *Ангелов 1967*. С. 139–147.
- ⁸⁸ О них см.: *Щапов 1976*. С. 264–270; № 19, 23, 27, 28, 30, 31, 34–43.
- ⁸⁹ Пергаменные рукописи 1976. С. 46–47; СК XI–XIII. № 416. Образцы обоих почерков см.: *Десподова, Славева 1988*. С. 155, № 42 (Пловдивская Триодь); С. 203, № 60 (лицевая сторона л. 3 отрывков Сырку). Почерки здесь не отождествлены и даны с разной датировкой (соответственно середина и конец XIII в.).
- ⁹⁰ *Стасов 1887*. Табл. VII, № 1; *Карский 1928*. С. 140.
- ⁹¹ *Стоянов 1973*. С. 57; *Джурова 1981*. Табл. 76.
- ⁹² *Стоянов 1973*. С. 55, № 6; *Джурова 1981*. Табл. 76, 77.
- ⁹³ Там же. Табл. 79.
- ⁹⁴ См.: *Лалева 1996*. Впервые запись была опубликована архимандритом Антонином (Капустиным): *Антонин 1861–1862*. С. 31. № 2.
- ⁹⁵ См., например: *Кувев 1986б*. С. 55–56; *Десподова, Славева 1988*. С. 156, № 43; 188, № 56.
- ⁹⁶ Образцы почерка Евангелия см.: *Мошин 1955*. № 7–12; *Джурова 1981*. Табл. 104; *Десподова, Славева 1988*. С. 157–159. Образцы почерка Псалтири см.: *Лавров 1914*. С. 123–124, рис. 119, 120; *Джурова 1981*. Табл. 105–109; *Кодов и др. 1985*. Табл. 1–3, 93, 94; *Десподова, Славева 1988*. С. 189–191.
- ⁹⁷ Образцы письма Евангелия см., например: *Лавров 1916*. Табл. 23; *Трифуневич 1969*. С. 325–334, табл. 1–8 (Описанный и опубликованный Дж. Трифуневичем отрывок среднеболгарского Евангелия тетр из монастыря Прусос в Этолии отождествлен как часть Драгыина Евангелия С. Ю. Темчиным: *Темчин 2001*. С. 195–198; *Тахиаос 1981*. Черно-белый сн. (8). Образцы письма Триоди см.: *Лавров 1914*. С. 96, рис. 98.
- ⁹⁸ *Лавров 1914*. С. 98, 125.
- ⁹⁹ *Кувев 1986б*. С. 223–224.
- ¹⁰⁰ *Десподова, Славева 1988*. С. 242–243, № 76.
- ¹⁰¹ *Богданович 1982*. С. 192, № R–50.

- ¹⁰² Клеменсон 1988. Р. 31–48, № 23–36.
- ¹⁰³ Там же. Р. 44–45, № 34. В качестве валашской рукописи отрывок атрибутирован В. А. Мошиным и датирован им XV в. (*Мошин 1968*. С. 355–356). Исследователь явно не придал значения тому факту, что заставку (Табл. 12) сопровождает герб не Валахии (ворон), а Молдавии (бычья голова). Позднее Р. Клеменсон на основании водяного знака («три полумесяца») справедливо отнес отрывок к XVII в., сохранив определение извода.
- ¹⁰⁴ Обоснование датировки рукописи (традиционно относимой сербскими исследователями к XIII в. и действительно очень архаичной по письму) серединой XIV столетия см.: *Флоря и др. 2000*. С. 120–121, примеч. 2.
- ¹⁰⁵ *Мошин 1968*. С. 353–355.
- ¹⁰⁶ *Стоянович 1903*. С. 64; *Богданович 1982*. С. 207, № R–411.
- ¹⁰⁷ *Ангелов 1967*. С. 7.
- ¹⁰⁸ См. образцы почерка: *Николова и др. 1999*. Обр. 113, 114.
- ¹⁰⁹ *Иванов 1931*. С. 104, № 1; *Кувев 1986б*. С. 236–237.
- ¹¹⁰ *Лавров 1916*. Табл. 27; *Мошин 1966*. Сн. 59; *Тахиаос 1981*. Черно-белые табл. 3–4*.
- ¹¹¹ См., например: *Попов 1872*. Сн. между с. 296 и 297; *Лавров 1914*. С. 121–122; *Лавров 1916*. Табл. 22; *Тихомиров 1969*. С. 288–289; *Десподова, Славева 1988*. С. 221, № 67; *Николова и др. 1999*. Обр. 25–32; Древности монастырей Афона 2004. С. 167, III. 5, и др.
- ¹¹² *Николова и др. 1999*. С. 14, № 1.
- ¹¹³ *Лавров 1914*. С. 121–122, 138.
- ¹¹⁴ См.: *Тахиаос 1981*. С. 26. Й. Иванов колеблется по поводу тождества почерков (*Иванов 1931*. С. 104–105). Я имел возможность работать с рукописью в сентябре–октябре 1983 г. в библиотеке Пантелеймонова монастыря и позднее по микрофильму. Библиографию воспроизведений образцов письма Скопского апостола (почерк иерея Николы) см. выше, при № 40; палеографическая характеристика почерка: *Лавров 1914*. С. 138. Образцы письма Евангелия из этого кодекса (включая запись писца) будут в ближайшее время опубликованы Е. Остапчуком (J. Ostapczuk) в периодическом издании Христианской Богословской академии в Варшаве «Rocznik Theologiczny» при статье «Церковнославянский перевод пасхальных чтений Евангелия от Иоанна в лекционариях № 4 монастыря св. Пантелеимона и № 2 Сербской Академии наук в Белграде» (на польском языке).
- ¹¹⁵ Если писцу было 120 лет (или больше) около 1313 г., он должен был учиться писать в самом начале XIII в. Этому вполне соответствуют особенности графики (например, «А» с висячей петлей) и пунктуации (регулярное употребление двоеточия в качестве знака препинания) рукописи.
- ¹¹⁶ То же чтение и в публикации Й. Иванова: *Иванов 1931*. С. 105. В оригинале буква «А» в слове «зачяло» исправлена писцом из «Е».
- ¹¹⁷ Над буквой «Н» помещен неясный значок, напоминающий греческую букву «альфа».
- ¹¹⁸ *Сперанский 1929*. С. 2, 9–10, рис. 5.
- ¹¹⁹ *Костич 1913*. С. 12.
- ¹²⁰ *Богданович 1978*. С. 59.
- ¹²¹ *Богданович 1982*. С. 191 (примеч.), 203, R 306; *Штавлинин-Джорджевич 1982*. С. 10.
- ¹²² Среднеболгарский перевод 1988. С. 74–76; *Турилов 2005*. С. 317–320.
- ¹²³ *Протасьева 1970–1973*. Ч. 2. С. 124–125, № 1035.
- ¹²⁴ Среднеболгарский перевод 1988. С. 72–77.
- ¹²⁵ *Клеменсон 1988*. С. 123, № 79.
- ¹²⁶ *Петрова 2001*.
- ¹²⁷ См.: СК XIV. С. 114–115, № 18.
- ¹²⁸ Образец первого (с ошибочной датировкой XV в.) см.: *Пергаменные рукописи 1976*. Рис. 54.
- ¹²⁹ *Мошин 1958*. С. 414; *Трифуневич 1980*. С. 33–45; *Прохоров 1987*. С. 44–45.
- ¹³⁰ См.: *Богданович. Альбом 1978*. Сл. 212.

- ¹³¹ *Леонид 1865*. С. 67–69; *Яцимирский 1904*. С. 33–36; *Искусство Византии 1977*. С. 147, № 992; *Рукописные собрания 1986*. С. 283; *Попова 1997*. С. 108–109; *Попова 2003*. С. 101–102.
- ¹³² *Карский 1928*. С. 415, рис. 57.
- ¹³³ Личные наблюдения рецензента 2000 г.
- ¹³⁴ *Ангелов 1983*. С. 58–59.
- ¹³⁵ *Лавров 1914*. С. 134–135; *Турилов 1992*. С. 17, 21.
- ¹³⁶ *Турилов 1992*. Признаюсь, что при первом знакомстве с «Бележками...» я был неприятно удивлен столь явным игнорированием в своде этой своей работы (тем более странным, что гуманитарная София буквально усеяна экземплярами содержащего ее выпуска Бюллетеня Международной ассоциации исследования и распространения славянской культуры при ЮНЕСКО — могу ручаться, что их там никак не меньше десятка). Однако при более внимательном чтении свода я понял, что не вправе предъявлять подобные претензии к людям, которые, как уже отмечалось выше, забыли даже про собственные исследования 1990-х гг. Эта деталь лишь свидетельство времени реального окончания работы над книгой.
- ¹³⁷ См., например: *Турилов 2004a*. С. 376–378; ср. также: *Гальченко 2001*. С. 145.
- ¹³⁸ *Турилов 1992*. С. 35, примеч. 22.
- ¹³⁹ См., например: *Срезневский, Покровский 1910*. С. 381–382; *Лавров 1914*. С. 134–137; *Сперанский 1960*. С. 51; *Мошин 1998*. С. 75; *Пергаменные рукописи 1976*. С. 96–97; *Кувев 1986b*. С. 234–235; *Миклас 1988*. S. 457; *Гюзелев 1993*. С. 67, 196 и др.
- ¹⁴⁰ Языково-орфографическую характеристику кодекса см.: *Иванова 1981*. С. 197–198, № 43.
- ¹⁴¹ Образцы почерка Службеника см.: *Иванова 1981*. С. 533–534, обр. 51–53; *Миодраг 2004*. Сл. 1–24. Указывать образцы почерка Лондонского Евангелия представляется излишним.
- ¹⁴² *Харисиядис 1968*; ср.: *Миодраг 1997*; *Миодраг 2004*. С. 280.
- ¹⁴³ *Иванова 1981*. С. 198–199; *Джурова 1990*. Т. 1. С. 37.
- ¹⁴⁴ *Иванова 1991*. № 4. С. 14, примеч. 19.
- ¹⁴⁵ *Райков и др. 1994*. С. 76, № 106.
- ¹⁴⁶ Там же.
- ¹⁴⁷ *Сперанский 1929*. С. 5, рис. 1 (с датировкой «не моложе XV в.»).
- ¹⁴⁸ Примеры см., например: *Даничич 1863*. С. 224.
- ¹⁴⁹ О значении последнего см.: *Лексикон 1999*. С. 121; *Михальчич 2001*. С. 104–113.
- ¹⁵⁰ Подробнее о Иоанне Асене Комнине и его сыне Александре см.: *Иречек 1978*. Т. 1. С. 222, 236, 238, 244; *Михальчич 1978/2001*. С. 10, 17, 19, 20, 22–25, 32–34, 161, 162, 240, 257, 282, 295, 299; *Михальчич 2001*. С. 105, 110, 118, 132, 152.
- ¹⁵¹ *Стоянович 1902–1926*. Кн. 6. С. 95, № 10027.
- ¹⁵² *Поп-Атанасов и др. 1997*. С. 58–59.
- ¹⁵³ *Христова и др. 1982*.
- ¹⁵⁴ *Игнатов 2005*.
- ¹⁵⁵ *Пелин 1993*. P. 62–64, 65, 68; *Николова 2004*. С. 14–15.
- ¹⁵⁶ *Рукописные собрания 1983*. С. 173.
- ¹⁵⁷ *Рукописи Погодина 1988*. С. 199.
- ¹⁵⁸ *Мошин 1955*. S. 148, № 94.
- ¹⁵⁹ *Стоянович 1903*. С. 62, № 209.
- ¹⁶⁰ *Иванов 1931*. С. 238, № 9.
- ¹⁶¹ В современном каталоге собрания (*Райков и др. 1994*) рукопись не вполне точно определена как «Минея праздничная особого состава».
- ¹⁶² Там же. Табл. 117.
- ¹⁶³ Хорошие фотоснимки записей см.: *Йовчева 2004*. С. 231–233.
- ¹⁶⁴ В частности, почерк имеет много общего с почерком одного из писцов «Книги о постничестве» свт. Василия Великого 1367 г. из собрания Зографского монастыря (№ I.6.3) (*Лавров 1916*. Табл. 35).
- ¹⁶⁵ *Йовчева 2004*. С. 231.

- ¹⁶⁶ См.: *Костич 1913*. С. 41. Табл. 5; *Сперанский 1929*. С. 29.
- ¹⁶⁷ См.: Архивски Номоканон 2007. С. 7; здесь же факсимиле записи писца.
- ¹⁶⁸ Снимки образцов двух почерков рукописи см.: *Лавров 1914*. С. 150–151, рис. 143–145. Номер по каталогу Стояновича указан здесь ошибочно — 144 вместо 444.
- ¹⁶⁹ Примечательно, что П. А. Лавров сопоставляет отдельные графические особенности почерков с памятниками 2-й половины — конца XIII в. — Радомировой Псалтирю и Македонским Апостолом П.-Й. Шафарика (*Лавров 1914*. С. 149, 151).
- ¹⁷⁰ Изданы: *Стоянович 1902–1926*. Кн. 1. С. 53, 55; № 164, 171–173; *Стоянович 1903*. С. 215.
- ¹⁷¹ *Лавров 1914*. С. 151.
- ¹⁷² *Лихачев 1899*. Ч. 1. С. XCIX–CIII; Ч. 3, № 2128–2140.
- ¹⁷³ *Николова 1980*. С. 36–37; *Миклас 1994*. С. 31, 40 (в.1.1); *Дианова 1998*. С. 131; *Николова и др. 1999*. С. 80–81, № 74. Образец почерка Фудула см.: *Ангелов 1978*. С. 77.
- ¹⁷⁴ «Бележка е изписана с особен, мъчно разгадаем тайнопис» (С. 182).
- ¹⁷⁵ В данном случае, впрочем, публикаторы следуют в русле традиции. Тот же знак применен и в предыдущем издании записи (*Кодов 1969*. С. 150), в то время как Й. Иванов использовал для передачи «сампи» «Э», что, пожалуй, более удачно (*Иванов 1931*. С. 43, № 19).
- ¹⁷⁶ См.: *Григорович 1877/1978*. С. 156, № 23; *Поп-Атанасов и др. 1997*. С. 108.
- ¹⁷⁷ *Снегаров 1932/1995*. Т. 2. С. 184–185.
- ¹⁷⁸ *Поп-Атанасов и др. 1997*. С. 109–115.
- ¹⁷⁹ *Биркфельнер 1975*. С. 119–120, № II/35; *Биркфельнер 1979*. Ч. 1. С. 50–52.
- ¹⁸⁰ *Райков и др. 1994*. С. 82, № 116.
- ¹⁸¹ Там же. Табл. 118.
- ¹⁸² См., например: *Пелин 2004*.
- ¹⁸³ Справедливости ради должен здесь заметить, что в сводном каталоге славянских рукописей Афона были некритически повторены ошибочные сведения зографского каталога 1994 г. относительно этой записи (*Турилов, Мошкова 1999*. С. 273–274, № 698).
- ¹⁸⁴ См., например: *Даничич 1863*. С. 353–354.
- ¹⁸⁵ Примеры см.: *Стоянович 1902–1926*. Кн. 2, № 4043; Кн. 3, № 5648; Кн. 5, № 7943.
- ¹⁸⁶ *Булатова 1975*. С. 18.
- ¹⁸⁷ *Иванов 1931*. С. 247, № 39.
- ¹⁸⁸ *Райков и др. 1994*. С. 56, № 62.
- ¹⁸⁹ *Ильинский 1908*. С. 272, № 149.
- ¹⁹⁰ *Райков и др. 1994*. С. 69–70, табл. 93.
- ¹⁹¹ *Богданович 1982*. № 1958.
- ¹⁹² *Чорович 1936*. С. 103–126.
- ¹⁹³ См.: *Богданович 1982*. С. 256.
- ¹⁹⁴ *Райков и др. 1994*.
- ¹⁹⁵ Там же. С. 61, табл. 72–73; *Караджова 1995*. С. 233–235.
- ¹⁹⁶ Из этого правила все же есть исключения. Таковы, к примеру, обиходные заметки новгородского книгописца середины XI в., перенесенные копиистами XV столетия в свои списки (см.: *Столярова 2000*. С. 10–11, № 1–3).
- ¹⁹⁷ СК XI–XIII. № 45. С. 84.
- ¹⁹⁸ См. библиографию: КМЕ 1985. С. 545.
- ¹⁹⁹ Книжные центры 1991. С. 342.
- ²⁰⁰ *Богданович 1982*. С. 192, R–23.
- ²⁰¹ См.: *Матич 1952*. С. 12–13, № 46; *Поп-Атанасов и др. 1997*. С. 33–34.
- ²⁰² *Стоянович 1903*. С. 121, № 413; *Лавров 1914*. С. 313, № 3; *Богданович 1982*. С. 213, R–591.
- ²⁰³ *Богданович 1982*. С. 31, № 238.
- ²⁰⁴ *Душанич 1941*. С. 28; *Поп-Атанасов 1984*. С. 19.
- ²⁰⁵ *Поп-Атанасов и др. 1997*. С. 261, 263.

ЛИТЕРАТУРА

Ангелов 1967 – Ангелов Б. С. Из старата българска, руска и сръбска литература. Кн. 2. София, 1967.

Ангелов 1978 – Ангелов Б. С. То же. Кн. 3. София, 1978.

Ангелов 1983 – Ангелов Б. С. Старобългарско книжовно наследство. София, 1983.

Антонин 1861–1862 – Антонин (*Капустин*), архим. Заметки поклонника Св. Горы // Труды Киевской Духовной академии. 1861. № 2. С. 229–254; № 10. С. 210–244; № 11. С. 317–350; 1862, № 5. С. 79–112; № 6. С. 225–264.

Архивски Номоканон 2007 – Архивски Номоканон. Български ръкопис от XIV в.: Фототипно издание / Изд. подготвиха А. Къстев и Ц. Янакиева. Шумен, 2007.

Биркфелънер 1975 – *Birkfellner G.* Glagolitische und kyrillische Handschriften in Österreich. Wien, 1975.

Биркфелънер 1979 – *Birkfellner G.* Das Römische Paterikon (Studien zur serbischen, bulgarischen und russischen Überlieferung der «Dialige» Gregor des Grossen mit einer Textedition). Bd. 1–2. Wien, 1979.

Богданович 1978 – *Богдановић Д.* Каталог ћирилских рукописа манастира Хиландара. Београд, 1978.

Богданович. Альбом 1978 – *Богдановић Д.* Каталог ћирилских рукописа манастира Хиландара. Палеографски албум. Београд, 1978.

Богданович 1982 – *Богдановић Д.* Инвентар ћирилских рукописа у Југославији (XI–XVII в.). Београд, 1982.

Викторов 1881 – *Викторов А. Е.* Собрание рукописей П. И. Севастьянова. М., 1881.

Витић-Неделькович 1999 – *Витић-Неделковић З.* «Житије светог Антонија» у српској рукописној традицији // Архографски прилози. Београд, 1999. [Бр.] 21. С. 37–113.

Гальченко 2001 – *Гальченко М. Г.* О времени появления и характере распространения ряда графико-орфографических признаков второго южнославянского влияния в древнерусских рукописях конца XIV – первой половины XV в. // Лингвистическое источниковедение и история русского языка 2000. М., 2001. С. 123–152.

Гошев 1935 – *Гошев И., прот.* Стари записки и надписи // Годишник на Софийския университет. Богословски факултет. София, 1935. Т. 12 (1934–1935). С. 1–42 (с табл.).

Гранстрем 1953 – Описание русских и славянских пергаменных рукописей [ГПБ]: Рукописи русские, болгарские, молдавлахийские, сербские / Сост. Е. Э. Гранстрем. Л., 1953.

Григорович 1877/1978 – *Григорович В. И.* Очерк путешествия по Европейской Турции. Изд. 2. М., 1877 (репринт – София, 1978).

Гюзелев 1993 – *Gjuzelev V.* Bulgarien zwischen Orient und Okzident: Die Grundlagen seiner geistigen Kultur vom 13 bis 15 Jahrhundert. Köln; Weimar; Wien, 1993.

Даничић 1863 — *Даничић Ђ*. Рјечник из књижевних старина српских. Београд, 1863. Дио 1 (репринт — 1975).

Десподова, Славева 1988 — *Десподова В., Славева Л*. Македонски средновековни ракописи. [Т.] 1. Прилеп, 1988.

Джурова 1981 — *Джурова А*. 1000 години българска ръкописна книга: Орнамент и миниатюра. София, 1981.

Джурова 1990 — *Джурова А*. Томичов Псалтир. Т. 1–2. София, 1990.

Дианова 1998 — *Дианова Т. В*. Особенности бумаги рукописей XIV в. // Историческому музею — 125 лет. М., 1998 (Труды ГИМ. Вып. 100). С. 113–313.

Добрев 1984 — *Добрев И*. Погрешно мнение за Охридския Апостол // Старобългарска литература. Кн. 16. София, 1984. С. 3–17.

Древности монастырей Афона 2004 — Древности монастырей Афона в России: Из библиотек, музеев, архивов Москвы и Подмосковья / Каталог выставки. М., 2004.

Дуйчев 1963 — *Дуйчев И. С*. Болгарские лицевые рукописи XIV в. // *Щепкина 1963*. С. 7–19.

Душанич 1941 — *Душанич С*. Јоаким Осоговски-Сарандапорски и његов манастир // Хришћанско дело. Скопље, 1941. Св. 1. С. 26–38.

Иванов 1931 — *Иванов Й*. Български старини из Македонија. Изд. 2. София, 1931 (репринт — 1970).

Иванова 1981 — *Иванова К*. Български, сръбски и молдо-влахийски килрски ръкописи в сбирката на М. П. Погодин. София, 1981.

Иванова 1991 — *Иванова К*. Служба на св. Ахил Лариски (Преспански) от Синајския празничен Минеј № 25 // *Palaeobulgarica*. 1991. № 4. С. 11–22.

Иванова 1994 — *Иванова К*. Малки бележки върху ръкописи от библиотеката на Зографския манастир // Старобългарска литература. Кн. 28–29. София, 1994. С. 93–100.

Иванова 2008 — *Иванова К*. Bibliotheca Hagiografica Balkano-Slavica. София, 2008.

Игнатов 2005 — *Игнатов В*. Кой е господин «Александър» в Осмогласника-Параклитик от Кукуш? // Македонски преглед. 2005. № 4. С. 125–130.

Ильинский 1908 — *Ильинский Г. А*. Рукописи Зографского монастыря на Афоне // Известия Русского археологического общества в Константинополе. Т. 13. София, 1908. С. 253–276.

Искусство Византии 1977 — Искусство Византии в собраниях СССР. Ч. 1–3. М., 1977.

Йовчева 2004 — *Йовчева М*. Новоизводният славянски Октоих по найрания препис в кодексите 19 и 20 от манастира «Св. Екатерина» в Синај // Преводите през XIV столетие на Балканите. София, 2004. С. 205–234.

Иречек 1978 — *Иречек К*. Историја Срба / Превео Ј. Радонић. Кн. 1. Београд, 1978.

Караджова 1995 — *Караджова Д*. Археографски приноси за ръкописното книгохранилище на Зографския манастир в Света Гора // Археографски прилози. Београд, 1995. [Бр.] 17. С. 225–246.

- Карский 1928* — *Карский Е. Ф.* Славянская кирилловская палеография. Л., 1928 (репринт — М., 1979).
- КМЕ 1985 — Кирило-Методиевска енциклопедия. Т. 1. София, 1985.
- Кистерев 2001* — *Кистерев С. Н.* О «Своде» записей на древнейших русских манускриптах // Очерки феодальной России. Вып. 5. М., 2001. С. 204–212.
- Клеменсон 1988* — A Union Catalogue of Cyrillic Manuscripts in British and Irish Collections / Compiled by R. Clemenson. London, 1988.
- Книжные центры 1991 — Книжные центры Древней Руси: Иосифо-Волоколамский монастырь как центр книжности / Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л., 1991.
- Князевская 1983* — *Князевская О. А.* Описание Норовской Псалтири // Древнерусское искусство. Рукописная книга. Сб. 3. М., 1983. С. 121–142.
- Кодов 1969* — *Кодов Х.* Опис на славянските ръкописи в Библиотеката на Българската Академия на науките. София, 1969.
- Кодов и др. 1985* — *Кодов Х., Райков Б., Кожухаров С.* Опис на славянските ръкописи в библиотеката на Зографския манастир в Света Гора. Т. 1. София, 1985.
- Костич 1913* — *Костич Д.* Тајно писање у јужнословенским ћирилским споменицима // Глас Српске краљевске Академије. 1913. Књ. 93. С. 1–62.
- Куев 1986а* — *Куев К.* Похвалата на цар Симеон — реконструкция и разбор // *Palaeobulgarica*. 1986. № 2. С. 3–23.
- Куев 1986б* — *Куев К.* Съдбата на старобългарската ръкописна книга през вековете. Изд. 2. София, 1986.
- Куев, Петков 1986* — *Куев К., Петков Г.* Събрани съчинения на Константин Костенечки: Изследвание и текст. София, 1986.
- Лавров 1914* — *Лавров П. А.* Палеографическое обозрение кирилловского письма. Пг., 1914 (на обложке — 1915; = Энциклопедия славянской филологии. Вып. 4.1)
- Лавров 1916* — *Лавров П. А.* Альбом снимков с югославянских рукописей болгарского и сербского письма (Приложение к *Лавров 1914*). Пг., 1916.
- Лалева 1996* — *Лалева Т.* Атинско Четвроевангелие // *Palaeobulgarica*. 1996. № 1. С. 41–51.
- Леонид 1865* — *Леонид (Кавелин), архим.* Обозрение рукописей и старопечатных книг в книгохранилищах монастырей, городских и сельских церквей Калужской епархии // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1865. Кн. 4. Разд. 5. С. 1–115.
- Лексикон 1999 — Лексикон српског средњег века / Приредили С. Ђирковић, Р. Михалчић. Београд, 1978.
- Лифшиц 2001* — *Лифшиц А. Л.* Рец.: *Столярова Л. В.* Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI–XIV вв. М., 2000 // *Славяноведение*. 2001. № 2. С. 96–98.
- Лихачев 1899* — *Лихачев Н. П.* Палеографическое значение бумажных водяных знаков. Ч. 1–3. СПб., 1899.
- Матич 1952* — *Матич С.* Опис рукописа Народне библиотеке. Београд, 1952.

Миклас 1988 – *Miklas H.* Kyrrillomethodianishes und nachkyrrillomethodianishes Erbe im ersten ostslavischen Einfluß auf die südslavische Literatur // Symposium Methodianum / Beiträge der Internationalen Tagung in Regensburg (17. bis 24. April 1985) zum Gedanken an den 1100. Todestag des hl. Method. Neurid, 1988. S. 437–471.

Миклас 1994 – *Миклас Х.* Къде са отишли парорийските ръкописи? // Търновска книжовна школа. Т. 5 (Паметници. Поетика. Историография). Велико Търново, 1994. С. 29–44.

Миодраг 1997 – *Миодраг П.* Зајединички тропар и кондак преподобноме Симеону и светоме Сави у српском рукописном Служабнику XIV в. // Спаливање моштију светог Саве (1594–1994). Београд, 1997. С. 99–112.

Миодраг 2004 – *Миодраг П.* Служабник грешног Сим(е)она из шездесетих година XIV в. и карејски скрипториум // Хиландарски зборник. Књ. 11. Београд, 2004. С. 273–286.

Михалъчич 1978/2001 – *Михалъчић Р.* Крај Српског царства. Београд, 2001 [Изд. 1. 1978] (= *Михалъчић Р.* Сабрана дела. Књ. 1).

Михалъчич 2001 – *Михалъчић Р.* Владарске титуле обласних господар. Београд, 2001 (= *Михалъчић Р.* Сабрана дела. Књ. 6).

Мошин 1955 – *Мошин В.* Ćirilski rukopisi Jugoslavenske Akademije. Zagreb, 1955. Dio 1 (Opis rukopisa).

Мошин 1958 – *Мошин В. А.* К датировке рукописей из собрания А. Ф. Гильфердинга Государственной Публичной библиотеки // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (далее – ТОДРЛ). Т. 15. М.; Л., 1958. С. 409–417.

Мошин 1966 – *Мошин В.* Палеографски албум на јужнословенското кирилско писмо. Скопје, 1966.

Мошин 1968 – *Мошин В.* Рукописи бивше Београдске Народне библиотеке у Даблину и у Загребу // Библиотекар. 1968. № 5. С. 349–359.

Мошин 1998 – *Мошин В. А.* О периодизации русско-южнославянских литературных связей X–XV вв. // Русь и южные славяне / Сборник статей к 100-летию со дня рождения В. А. Мошина (1894–1987). СПб., 1998. С. 7–113 (Изд. 1.– ТОДРЛ. Т. 19. М.; Л., 1963. С. 28–106).

Мошкова, Турилов 2003 – *Мошкова Л. В., Турилов А. А.* «Плоды ливанского кедра». М., 2003.

Музейное собрание 1997 – Музейное собрание [ОР РГБ]: Описание. Т. 2 (№ 3006–4050). М., 1997.

Николова 1980 – *Николова С.* Патеричните разкази в българската средновековна литература. София, 1980.

Николова 1991 – *Николова Б.* Приписките в българската ръкописна книга от X–XIV в. (проблеми на извороведското им изследване) // Помощни исторически дисциплини. Кн. 5. София, 1991. С. 98–112

Николова 1996 – *Николова С.* Ръкописите на Висарион Дебърски и текстовия традиция на Стария Завет // Българският шестнадесети век. София, 1996. С. 363–402.

Николова 2004 — *Николова С.* За най-стария български препис на «Варлаам и Йоасаф» // *Palaeobulgarica*. 2004. № 1. С. 1–41.

Николова 2006 — *Николова Б.* Завет на св. Иван Рилски — реалии и митове // *Старобългарска литература*. Кн. 35–36. София, 2006. С. 144–166.

Николова и др. 1999 — *Николова С., Йовчева М., Попова Т., Тасева Л.* Българското средновековно културно наследство в сбирката на А. Хлудов в Държавния Исторически музей в Москва. София, 1999.

Николовска 1975 — *Николовска С.* Кодикот на манастирот Матка // *Споменици за средновековата и поновата историја на Македонија*. Т. 1. Скопје, 1975. С. 423–463.

Норовская Псалтырь 1989 — *Норовская Псалтырь: Среднеболгарская рукопись XIV в.* / Изд. подгот. Е. В. Чешко, И. К. Бунина, В. А. Дыбо, О. А. Князевская, Л. А. Науменко. Ч. 1. София, 1989.

Овчинникова-Пелин 1989 — *Сводный каталог молдавских рукописей, хранящихся в СССР: Коллекция Ново-Нямецкого монастыря (XIV–XIX вв.)* / Сост. В. Овчинникова-Пелин. Кишинев, 1989.

Паметници 1981 — *Паметници на старобългарската култура от съветските музеи и библиотечни фондове [Каталог]*. София, 1981.

Пелин 1993 — *Pelin V.* Despre vechimea unor manuscrise ale opera «Varlaam si Ioasaf» // *Valori și tradiții culturale în Moldova*. Chișinău, 1993. P. 56–70.

Пелин 2004 — *Пелин В. С.* Василий Поляномерульский // *Православная энциклопедия*. Т. 7. М., 2004. С. 214–216.

Пергаменные рукописи 1976 — *Пергаменные рукописи БАН СССР: Описание русских и славянских рукописей XI–XVI вв.* / Сост. Н. Ю. Бубнов, О. П. Лихачева, В. Ф. Покровская. Л., 1976.

Петрова 2001 — *Petrova M.* The Gent Manuscript of the Bdinski Sbornik: The Original or a Copy? // *Slavica Gandensia*. 2001. Vol. 28. P. 115–144.

Поп-Атанасов 1984 — *Поп-Атанасов Ѓ.* Археографски бележки от неколку белградски ракописни збирки // *Спектар*. Бр. 4. Скопје, 1984. С. 15–26.

Поп-Атанасов и др. 1997 — *Поп-Атанасов Ѓ., Велев И., Јакимовска-Тошиќ М.* Скрипторски центри во средновековна Македонија. Скопје, 1997.

Попконстантинов, Константинова 1984 — *Попконстантинов К., Константинова В.* Към въпроса за черноризец Тудор и неговата приписка // *Старобългарска литература*. Кн. 15. София, 1984. С. 106–118.

Попова 1997 — *Попова О. С.* Образ Исаака Сирина в афонской миниатюре: Византийская аскеза и искусство XIV в. // *Древнерусское искусство. Исследования и атрибуции*. СПб., 1997. С. 96–111.

Попова 2003 — *Попова О. С.* Византийские и древнерусские миниатюры. М., 2003.

ПС XI–XIV — *Предварительный список славяно-русских рукописей XI–XIV вв., хранящихся в СССР* / Сост. Н. Б. Шеламанова // *Археографический ежегодник (далее — АЕ) за 1965 г. М., 1966*. С. 177–272.

ПС XV — *Предварительный список славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в СССР (для Сводного каталога рукописных книг, хранящихся в СССР)*. М., 1986.

ПС XVд — Дополнения к «Предварительному списку славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в СССР (М., 1986)». М., 1993.

Протасьева 1970–1973 — Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева) / Сост. Т. Н. Протасьева. Ч. 1–2. М., 1970–1973.

Прохоров 1987 — *Прохоров Г. М.* Памятники переводной и русской литературы XIV–XV вв. Л., 1987.

Райков 1992 — *Райков Б.* Приписките в системата на старата българска книжнина // *Palaeobulgarica*. 1992. N 2. С. 38–49.

Райков и др. 1986 — *Райков Б., Кодов Х., Христова Б.* Славянски ръкописи в Рилския манастир. Т. 1. София, 1986.

Райков и др. 1994 — *Райков Б., Кожухаров С., Миклас Х., Кодов Х.* Каталог на славянските ръкописи в библиотеката на Зографския манастир в Света Гора. София, 1994.

Розов 1981 — *Розов Н. Н.* О датировке и локализации Кирилло-Белозерского списка Изборника царя Симеона // *Русско-болгарские связи в области книжного дела*. М., 1981. С. 22–35.

Рукописи Погодина 1988 — Рукописные книги собрания М. П. Погодина / Каталог. Вып. 1. Л., 1988.

Рукописные собрания 1983 — Рукописные собрания Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина / Указатель. Т. 1. Вып. 1. М., 1983.

Рукописные собрания 1986 — Рукописные собрания Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Т. 1. Вып. 2. М., 1986.

Саввина книга 1999 — *Саввина книга: Древнеславянская рукопись XI, XI–XII и конца XIII в.* Ч. 1. М., 1999.

СК XI–XIII — Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв. М., 1984.

СК XIV — Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии. XIV в. Вып. 1. М., 2002.

Селищев 1934 — *Селищев А. М.* Завет Первой Юстинианы // *Македонски преглед*. Кн. 9. София, 1934. С. 9–16.

Сергеев 2003 — *Сергеев А. Г.* Рукописная традиция «Дионисиева Маргарита» // *Slavia Orthodoxa: Език и култура* / Сборник в чест на проф. д-р Р. Павлова. София, 2003. С. 351–357.

Симеонов сборник 1991 — *Симеонов сборник* (по Светославовия препис от 1073 г. Т. 1: (Исследования и текст). София, 1991.

Снегаров 1932/1995 — *Снегаров И.* История на Охридската архиепископия–патриаршия. Т. 2. София, 1932 (репринт — 1995).

Сперанский 1929 — *Сперанский М. Н.* Тайнопись в югославянских и русских памятниках письма. Л., 1929 (Энциклопедия славянской филологии. Вып. 4. 3).

Сперанский 1960 — *Сперанский М. Н.* К истории взаимоотношений русской и югославянских литератур (Русские памятники письменности на юге славянства) // *Сперанский М. Н.* Из истории русско-славянских литературных связей. М., 1960. С. 7–54 (Изд. 1.— Известия отделения русского языка и словесности Академии наук. Т. 26. Пг., 1921–1923. С. 143–206).

Среднеболгарский перевод 1988 — Среднеболгарский перевод Хроники Константина Манассии в славянских литературах. София, 1988.

Срезневский, Покровский 1910 — *Срезневский В. И., Покровский Ф. И.* Описание Рукописного отделения Библиотеки императорской Академии наук. Т. 1. СПб., 1910.

Станкович 2003 — *Станковић Р.* Рукописне књиге Музеја Српске Православне Цркве у Београду: Водени знаци и датирање. Београд, 2003.

Стасов 1887 — *Стасов В. В.* Славянский и восточный орнамент по рукописям древнего и нового времени. Вып. 1 (Полный альбом). СПб., 1887.

Столярова 2000 — *Столярова Л. В.* Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI–XIV вв. М., 2000.

Стоянов 1973 — *Стоянов М.* Украса на славянските ръкописи в България. София, 1973.

Стоянов, Кодов 1964 — *Стоянов М., Кодов Х.* Опис на славянските ръкописи в Софийската Народна библиотека. Т. 3. София, 1964.

Стоянович 1902–1926 — *Стојановић Љ.* Стари српски записи и натписи. Београд; Кн. 1–6. Сремски Карловци, 1902–1926 (репринт — Београд, 1982–1988).

Стоянович 1903 — *Стојановић Љ.* Каталог Народне библиотеке у Београду. IV. Рукописи и старе штампане књиге. Београд, 1903 (репринт — 1982).

Тарнанидис 1988 — *Tarnanidis I.* The Slavonic Manuscripts discovered in 1975 at St. Catherine's Monastery on Mount Sinai. Thessaloniki, 1988.

Тахиаос 1981 — *Tachiaos A.-E. N.* The Slavonic Manuscripts of Saint Panteleimon Monastery (Rossikon) on Mount Athos. Thessaloniki; Los Angeles, 1981.

Тахиаос 2001 — *Тахиаос А.-Е.* Отзвуци от българското Възраждане в славянските ръкописи на Руския манастир «Св. Пантелеймон» в Света Гора // В памет на Петър Динев: Традиция. Преемственост. Новаторство. София, 2001. С. 64–73.

Творогов 1987 — *Творогов О. В.* Кирилл, митрополит Киевский // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1 (XI — первая половина XIV в.). Л., 1987. С. 225–227.

Творогов 1990 — *Творогов О. В.* Древнерусские четьи сборники XII–XIV вв. (Статья вторая: Памятники агиографии) // ТОДРЛ. Т. 44. Л., 1990. С. 196–225.

Творогов 2008 — *Творогов О. В.* Переводные жития в русской книжности XI–XV вв.: Каталог. М.; СПб., 2008.

Темчин 2001 — *Темчин С. Ю.* Еще четыре листа из среднеболгарского Драгина Четвероевангелия // Языковая система и ее развитие во времени и пространстве: Сборник научных статей к 80-летию К. В. Горшковой. М., 2001. С. 95–98.

Тихомиров 1965 — *Тихомиров Н. Б.* Каталог русских и славянских рукописей XI–XII вв., хранящихся в ОР ГБЛ. Ч. 2 (XII в.) // Записки Отдела рукописей [ГБЛ]. Вып. 27. М., 1965. С. 93–148.

Тихомиров 1969 — *Тихомиров М. Н.* Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969.

Тодич, Чанак-Медич 2005 — *Тодић Б., Чанак-Медић М.* Манастир Дечани. Београд, 2005.

Трифуневич 1968 — *Трифуневич Ђ.* Словенски рукописи у манастиру Ивиرونу на Светој Гори // Библиотекар. 1968. Бр. 5. С. 425–431.

Трифуневич 1969 — *Trifunović Dj.* Les feuillets parchemin de l'évangélaire du monastère de Proussos // *Ἐπετηρίς Ἐταιρείας στερεοελλαδικῶν μελετῶν.* Αθήνα, 1969. Σ. 325–334.

Трифуневич 1980 — *Трифуневич Ђ.* Писац и преводилац инок Исаја. Крушевац, 1980.

Турилов 1992 — *Турилов А. А.* О времени и месте создания пергаменного Евангелия «Мемнона книгописца» (БАН, Доброхот. 26) // Информационный бюллетень Международной ассоциации исследования и распространения славянской культуры при ЮНЕСКО. Вып. 26. М., 1992. С. 15–46.

Турилов 2003 — *Турилов А. А.* Эпизод болгаро-сербско-русских связей середины XVII в. (гипотеза о происхождении Карловацкого списка «Сказания о письменах» Константина Костенецкого) // *Славяноведение.* 2003. № 2. С. 87–97.

Турилов 2004a — *Турилов А. А.* К истории библиотеки и скриптория Кирилло-Белозерского монастыря в первой трети XV в. (проблема Христофора) // *Древнерусское искусство: Искусство рукописной книги. Византия. Древняя Русь.* СПб., 2004. С. 373–390.

Турилов 2004b — *Турилов А. А.* Новые рукописи болгарских книгописцев XIV в. Лаврентия и Грубана // *Рукописная книга Древней Руси и славянских стран: от кодикологии к текстологии.* СПб., 2004. С. 145–165.

Турилов 2004–2005 — *Турилов А. А.* К отождествлению частей некоторых фрагментированных сербских рукописей XIV в. // *Археографски прилози.* Београд, 2004–2005 (в реальности — 2007). Бр. 26–27. С. 123–154.

Турилов 2005 — *Турилов А. А.* К истории тырновского «царского» скриптория XIV в. // *Филологически изследвания в чест на Климентина Иванова, за нейната 65-годишнина.* София, 2005 (Старобългарска литература. Кн. 33–34). С. 305–328.

Турилов 2008 — *Турилов А. А.* Еще один след глаголицы в месяцеслове Охридского Апостола (К объяснению чтения «Годъпещи») // *Slovo.* Вр. 56–57 (2006–2007). Zagreb, 2008. С. 571–577.

Турилов, Мошкова 1999 — *Славянские рукописи афонских обителей /* Сост. А. А. Турилов и Л. В. Мошкова под ред. А.-Э. Н. Тахиаоса. Фессалоники, 1999.

Флоря и др. 2000 — *Флоря Б. Н., Турилов А. А., Иванов С. А.* Судьбы кирилло-мефодиевской традиции после Кирилла и Мефодия. СПб., 2000.

Фонкич 1977 — *Фонкич Б. Л.* Греческо-русские культурные связи XV–XVII вв. (Греческие рукописи в России). М., 1977.

Харисиядис 1968 — *Харисијадис М.* Роскошни византијски стил у орнаментици јужнословенских рукописа из XIV и XV в. // *Моравска школа и њена доба.* Научни скуп у Ресави. Београд, 1968. С. 211–227.

Христианство 2002 — *Христианство в странах Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы на пороге второго тысячелетия /* Отв. ред. Б. Н. Флоря. М., 2000.

Христова 1994 — Христова Б. Ръкописите от XIV в. в библиотеката на Зографския манастир // Старобългарска литература. Кн. 28–29. София, 1994. С. 101–109.

Христова и др. 1982 — Христова Б., Караджова Д., Икономова А. Български ръкописи от XI до XVIII в., запазени в България: Своден каталог. Т. 1. София, 1982.

Христова и др. 1996 — Христова Б., Караджова Д., Вутова Н. Опис на славянските ръкописи в Софийската Народна библиотека. Т. 5. София, 1996.

Христова и др. 2000 — Христова Б., Джурова А., Велинова В. Опис на славянските ръкописи от Центъра за славяно-византийските проучвания «Проф. Иван Дуйчев» към Софийския университет «Св. Климент Охридски». XIV–XIX вв. София, 2000 (Series catalogorum. Vol. 1).

Цонев 1910 — Цонев Б. Опис на ръкописите и старопечатните книги на Народната библиотека в София. София, 1910.

Чорович 1936 — Чоровић В. Прилози за нашу стару књижевност и историју // Зборник за историју Јужне Србије и суседних области. Кн. 1. Скопље, 1936. С. 77–132.

Шевырев 1850 — Шевырев С. П. Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь в вакационные дни в 1847 г. Ч. 2. М., 1850.

Штавланин-Джорджевич 1982 — Штавланин-Ђорђевић Љ. Поговор // Стоянович 1903 (репринт). С. 1–23 второго счета.

Шапов 1976 — Шапов Я. Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. М., 1976.

Щепкина 1963 — Щепкина М. В. Болгарская миниатюра XIV в.: Исследование Псалтыри Томича. М., 1963.

Щепкина и др. 1966 — Щепкина М. В., Протасьева Т. Н., Костюхина Л. М., Гольштенко В. С. Описание пергаментных рукописей ГИМ. Ч. 2. Рукописи болгарские, сербские, молдавские // АЕ за 1965 г. М., 1966. С. 273–309.

Яцимирский 1898 — Яцимирский А. И. Рукописи, хранящиеся в Ново-Нямецком монастыре в Бессарабии // Яцимирский А. И. Славянские рукописи Нямецкого монастыря в Молдавии. М., 1898 (отд. оттиск из: Древности. Труды славянской комиссии Московского императорского археологического общества. Т. 2. Вып. 2). С. 81–105.

Яцимирский 1904 — Яцимирский А. И. Григорий Цамблак: Очерк его жизни, административной и книжной деятельности. СПб., 1904.

А. А. Турилов, кандидат исторических наук
(Институт славяноведения РАН)

Опарина Т. А. Иноземцы в России XVI–XVII веков*

К теме присутствия иностранцев в Московском государстве исследователи обращаются довольно часто. Интерес к ней связан как с актуальностью исследования проблемы взаимоотношений России и Западной Европы, так и со стремлением подойти к изучению русского общества через исследование его реакции на активно росшее в XVI–XVII столетиях присутствие «чужого» элемента. Объектами внимания историков становились, как правило, иноземцы из числа сподвижников Петра I: Ф. Лефорт, П. Гордон, Я. Брюс и др. Термин «иноземец» в русских документах XVI–XVII вв. означал не столько происхождение из иного государства, сколько принадлежность к иной, не русской Церкви (в том числе православной). Основанная на религиозно-культурном традиционализме политика светских и духовных властей Русского государства обусловила колоссальное значение конфессионального фактора в судьбах иностранцев в России. Данный фактор определял их подданство, социальный статус, материальное положение, круг общения, от него в ряде случаев могла зависеть свобода, а подчас и жизнь выходцев из других государств¹. Гарантию вхождения в русское общество давал лишь переход в православие «по русскому обряду» — важнейший инструмент иммиграционной политики московских властей. Книга Т. А. Опариной позволяет посмотреть на процесс адаптации иностранцев в России «с максимальной степенью приближения».

В книге описаны судьбы представителей различных вероисповеданий, в первую очередь христианских; этих людей объединяет пребывание в Российском государстве и происшедшее в связи с этим присоединение к Русской Церкви. Автор рассмотрела условия пребывания иноземцев в России через биографии. 7 глав книги представляют собой 7 капитальных биографических и генеалогических исследований, герои которых — фламандский врач Иоганн

* Опарина Т. А. Иноземцы в России XVI–XVII вв.: Очерки исторической биографии и генеалогии. М.: Прогресс-Традиция, 2007. 384 с.

Эйлоф и его потомки, английский дворянин и купец Джон Барнсли, француз барон Пьер де Ремон, еврей с Балкан Иван Селунский, грек из Трапезунда Юрий Иванов, шляхтич Станислав Вольский и украинский казак Микита Макушевский. Разнообразие описанных судеб ярко выявляет, с одной стороны, те условия, на которых русское правительство принимало выходцев из других государств, с другой стороны, намечает различия в отношении властей к разным группам иммигрантов.

В описанной исследовательницей на многообразном материале практике перекрещивания иностранцев ярко выявлено представление русских церковных и светских властей о Московском государстве как об оплоте «благочестия и истинной веры». Иван Селунский, крещенный Иерусалимским и Константинопольским патриархами, с риском для жизни доказавший свою приверженность православию, оказался по русским меркам «недостаточно православным», потребовались дополнительные процедуры для принятия его в Русскую Церковь. При этом Опарина показала, что религиозный эгоцентризм московских властей соседствовал с прагматизмом в привлечении иностранцев на службу. Для большинства иноземцев принятие православия являлось не результатом духовных исканий, но сделкой, от которой ожидали новых карьерных возможностей, получения поместий, покровительства властью имущих и т. д. Примером добросовестного исполнения сторонами заключенного таким образом договора является судьба «выезжего черкашенина» Микиты Маркушевского. Бывший интервент, грабивший русскую землю в Смутное время, был присоединен к Русской Церкви через миропомазание, а затем через повторное крещение, утвердился в Москве, был поверстан денежным и поместным окладами, вышел победителем из тяжбы с представителем могущественного дворянского рода. Маркушевский нес службу в Панском приказе и погиб в битве с поляками, верный московскому государю; его вдова и дети получали от властей пособие, сын, достигнув возраста службы, был записан в жильцы. Таким образом, стороны выполнили свои обязательства. Пример другого рода – судьба майора Даниила Ильфова, представителя прочно укоренившегося в России рода Эйлофов. Ильфов изменил крестоцелованию, сдал противнику город, который должен был оборонять, купив себе этим чин полковника в польском войске. Изменнику повезло избежать возмездия (переход на сторону противника был для иностранных военных одним из немногих способов покинуть Россию по собственной воле). Необходимо отметить, что русские власти всячески старались склонить на свою сторону служилых людей из враждебных государств, награждая ренегатов тем богаче, чем значительней были оказанные услуги². Особняком стоит случай перехода в православие выходца из Франции барона Пьера де Ремона, с успехом для себя воспользовавшегося в России преимуществами своего титула. «Шляхетство» вывело в московские дворяне плененного в годы Смоленской войны (1633–1634 гг.) и похолопленного польского дворянина Станислава Вольского.

Исследование Опариной позволяет также обратиться к проблеме адаптации индивида к чужой среде в эпоху позднего Средневековья. Что требовала

от иммигранта новая социальная среда в обмен на возможности карьеры и стабильности? Как проходил процесс адаптации? Что мигранты приносили с собой? Что представляли собой замкнутые мирки «иноземческих» общин в России? Исследователи отмечали массовые переkreщивания, вызванные изменениями во внутренней политике Русского государства в XVII столетии, из-за которых значительное число живших в России иностранцев приняло православие, руководствуясь в первую очередь желанием сохранить поместья³. Опарина тщательно проанализировала возможные мотивации при смене религии. Описанные исследовательницей биографии полны поистине удивительных метаморфоз. Кальвинист Вильям Барнсли, долгое время сохранявший верность своей религии, после пребывания в ссылке решился на перемену веры. Достигнув в результате принятия православия значительного положения в сибирской администрации, англичанин в жестокости и злоупотреблениях превзошел русских воевод, притесняя как русский «мир», так и «сибирских иноземцев» (в том числе насильно крестил в православие) и едва не стал жертвой мятежа. Борясь с недругами, бывший протестант использовал все доступные ему средства, вплоть до наведения на врагов порчи с помощью якутских шаманов. Примером выдающихся способностей социальной адаптации следует считать Юрия Трапезундского, который в зависимости от обстоятельств мог представляться турком-мусульманином, итальянцем-католиком или православным греком. География его передвижений поражает своей широтой: Малая Азия, Северная Африка, Западная и Центральная Европа, Россия, Сибирь, где, по всей видимости, Юрий Трапезундский и окончил свою жизнь. Однако Опарина описывает и случаи (исключительные), когда религиозные ценности оказывались важнее карьерных соображений. К таким случаям относится, с одной стороны, судьба иудея Ивана Селунского, по зову сердца перешедшего в православие и бежавшего в Россию от преследований бывших единоверцев, с другой — позиция ревностной кальвинистки Анны Барнсли, насильно крещенной в православие, но не отступившей от своих религиозных убеждений, несмотря на выпавшие на ее долю испытания. Исследовательница также рассказывает о возвращении из православия в протестантизм клана Эйлофов.

Источниковой базой книги Опариной служат материалы о переkreщивании иноземцев, ранее остававшиеся практически вне поля зрения историков. Важнейшей чертой этих документов является их автобиографическая составляющая. В том случае, если новокрещенный принадлежал не к первому поколению «выезжих иноземцев», рассказ включал и историю его рода в России. Исследовательница также использовала документы, относящиеся к службе иностранцев (из архивов Разрядного и Иноземного приказов), о земельных пожалованиях (из архива Поместного приказа), сведения о спорах и тяжбах, которые иммигранты вели друг с другом и с русскими людьми. Среди героев книги есть личности, чья судьба привлекала интерес иностранных авторов записок о России XVII в. или становилась предметом дипломатической переписки. Комплексный анализ различных групп источников, относящихся к судьбе иммигрантов в России, позволил автору воссоздать основные черты

их биографий, несмотря на неизбежные при подобных обстоятельствах лакуны и спорные эпизоды. Ориентироваться в хитросплетениях родственных связей многочисленных упомянутых в книге родов помогают генеалогические схемы.

Не вполне удачен, на мой взгляд, иллюстративный ряд издания. Большинство изображений представляют собой уменьшенные копии рукописных листов (столбцов) XVII в., трудночитаемые даже для специалистов. Вызывает сожаление отсутствие в конце книги резюме на английском языке, поскольку работа безусловно вызовет интерес не только российских читателей.

Хочется порекомендовать исследование Т. А. Опариной всем, кто интересуется проблематикой взаимоотношений России и Западной Европы, внутренней политикой светских и духовных властей Российского государства, миграционными процессами периода позднего Средневековья, исторической биографией и генеалогией. Без сомнения, книга способна привлечь внимание широкой читательской аудитории.

*С. П. Орленко, кандидат исторических наук
(Музеи Московского Кремля)*

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Орленко С. П. Выходцы из Западной Европы в России XVII века: (Правовой статус и реальное положение). М., 2004.
- ² В 1657 г. русские власти наградили поместьями иноземца Филипиуса Фангостерна «за его многую службу, что его радением Юрьева Ливонского городские сиделцы всяких чинов люди государю добились челом» (т. е. за то, что Фангостерн склонил горожан к капитуляции русским войскам) (РГАДА, ф. 233 (Печатный приказ), оп. 1, кн. 80, л. 84–84 об.).
- ³ Опарина Т. А. Воссоздание Немецкой слободы и проблема перекрещивания иностранцев-христиан в России // Патриарх Никон и его время. М., 2004.

Королевский К. Книга бытия моего*

Kniga bytija moego — латинская транскрипция хорошо знакомого всем интересующимся историей Церкви и христианского Востока заглавия дневниковых записей путешественника, паломника и неутомимого исследователя Востока Порфирия (Успенского), епископа Чигиринского. Жан Франсуа Жозеф Шарон, более известный под именем о. Кирилла Королевского (1878–1959 гг.), назвал свой автобиографический опус, повторив заглавие труда знаменитого предшественника. Королевский родился во Франции. Будучи еще совсем молодым, он увлекся историей восточного христианства. «Обращение» произошло с ним в Париже, в мельхитской церкви св. Юлиана, где служба совершалась по восточному обряду; юноша не только стал посещать этот приход, но вскоре сам отправился в Бейрут, начав там церковное служение и увлеченное изучение христианского Востока. В 1902 г. в мельхитском соборе в Дамаске он был рукоположен во иерея с именем Кирилл в память равноапостольного просветителя славян. В Иерусалиме молодой католический священник побывал в русском Троицком соборе, где ему так же неожиданно открылся «славянский мир» (Т. 1. Р. 384). Духовная эволюция привела его не только к самоощущению себя «восточным до мозга костей», но и «в сердце русским» (Т. 1. Р. XXIX–XXX; Т. 4. Дос. 606, 454). В дальнейшем из желания по-настоящему «стать» русским Кирилл Королевский создал несколько легенд о русских корнях своей семьи, значительно разнившихся и, вероятнее всего, не отвечавших действительности (Т. 1. Р. XL–XLI, 5–8). После обращения помыслы о. Кирилла сосредоточились на идее присоединения православного населения Российской империи к католической

* *Korolevskij Cyrille. Kniga bytija moego (Le livre de ma vie). Mémoires autobiographiques / Texte établi, édité et annoté par G. M. Croce. Cité du Vatican: Archives Secrètes Vaticanes, 2007. (Collectanea Archivi Vaticani, 45). Т. 1.— 1878–1908; Т. 2.— 1908–1919; Т. 3. Documents (1900–1926); Т. 4. Documents (1927–1964); Т. 5. Bibliographie, tables, index. Pp.: 546, 772, 1273–2305, 640, ill., cartes, facsim., dépl.*

Церкви при сохранении и очищении традиционного византийского обряда. Обсуждению возможности подобной унии Запада и Востока, католичества и православия, «латинства» римской Церкви и разнообразных по обрядам восточных Церквей (православных и католических) посвящены многочисленные его труды. Эта же тема была основной в его автобиографии и обширной переписке.

Королевскому не удалось закончить «Книгу бытия»: начав мемуары в 1920-х гг., он успел довести повествование до событий Первой мировой войны. Тем не менее подробнейший дневник, который Королевский мечтал составить наподобие сочинения владыки Порфирия (Успенского), все-таки был написан. Это стало возможным благодаря дополнению воспоминаний перепиской. Издание стало не только жизнеописанием (или материалами к жизнеописанию) автора, в течение многих лет выполнявшего обязанности «ассистента» Ватиканской библиотеки и консультанта Конгрегации по делам Восточной Церкви, но и историей «бытия» христианского Востока.

Автобиография (Т. 1–2) и письма с 1900 г. (Т. 3–4) снабжены комментариями, указателями и новейшей библиографией (Т. 5), а также картами, фотографиями, факсимиле и вводными статьями (предваряющими автобиографию: Т. 1. Р. XVII–LX; и переписку: Т. 3. Р. IX–XCII). Пять объемных томов публикации подготовлены сотрудником Секретного архива Ватикана монсье́ром Дж. М. Кроче. Исследователь уже не раз обращался к изданию документов и изучению вопросов, связанных с Церквями восточного обряда, отношениями Рима и православной Церкви и изучением унии¹. Он посвятил 2-томное исследование деятельности монашеской общины Гроттаферраты, где поддерживались греческие традиции в богослужении и где с конца XIX в. были основаны 2 периодических издания — «Bessarione» и «Roma e l'Oriente», в которых обсуждались пути осуществления церковного объединения². Дж. М. Кроче давно занимается и историей отношений Рима с Русской Православной Церковью³: помимо многочисленных статей ему принадлежит публикация уникального документа — письма Патриарха Московского Тихона Римскому папе Бенедикту XV от 1921 г.⁴ Некоторые из его работ переведены на русский язык⁵.

К. Королевский был знаком или состоял в переписке с крупными церковными деятелями своего времени: греко-католическим Галицким митрополитом Андреем Шептицким, кардиналом (и ученым-ориенталистом) Э. Тиссераном, основателем экуменизма в бенедиктинском монастыре Амэсюр-Мюз (позже переехавшем в Шеветонь) Ламбертом Бодуэном, историком Восточной Церкви архиепископом Афинским Хризостомом Пападопулосом и многими другими. Все это позволяет говорить о публикации как о важном историческом свидетельстве целой эпохи в отношениях Западной Церкви с христианским Востоком в прошедшем столетии.

Пожалуй, самое значительное влияние на жизнь К. Королевского оказал митрополит Андрей Шептицкий. Книга содержит интереснейшие сведения об этом человеке, деятельность которого продолжает вызывать противоречивые оценки: в издание вошла часть ранее не опубликованной переписки

митрополита Андрея с Королевским. Их знакомство состоялось во Львове в 1906 г. и положило начало долгому сотрудничеству (Т. 1. Спар. 10). Молодой священник даже перешел в юрисдикцию митрополита (был приписан к единственной сохранившейся на территории Российского государства греко-католической Каменецкой епархии) и вознамерился в соответствии с тайным проектом Андрея Шептицкого отправиться в Россию для проповеднической деятельности (Т. 1. Р. 403–409; Т. 2. Спар. 16–17). Тогда же Кирилл Шарон сменил фамилию, став Каралевским (позже Королевским).

К. Королевский, к тому времени неплохо узнавший христианский Восток (Т. 1. Спар. 5–10), считал неправомерным привнесение в восточную обрядность «латинства» и «смешанного» униатского обряда, предполагая необходимым распространение католичества при сохранении «чистоты» восточной традиции церковной службы (Т. 1. Спар. 12). Интерес к византийскому обряду и убежденность в неправильности пути преобразований ритуала и латинских нововведений, по которому пошло униатское духовенство (Т. 3. Р. XXX), подтолкнули Кирилла Королевского к серьезному изучению литургии и истории Восточной Церкви, вопросов, связанных с церковной унией и, наконец, к подготовке самого объемного из написанных им трудов — «Истории мельхитских патриархатов» (Т. 2. Р. 389–394).

«Россия» К. Королевского — страна, существовавшая в его воображении и церковных проектах, которые всегда имели определенную (хотя и безусловно утопическую) практическую направленность. Читатель будет удивлен весьма немногочисленными упоминаниями в его трудах о русском присутствии в Палестине, столь активном как в политическом, так и в научном отношении вплоть до революции 1917 г., или о Русском археологическом институте в Константинополе. Казалось бы, именно в этих представителях Русской Церкви и науки императорской России молодой исследователь христианского Востока мог бы встретить тех, кто разделял бы если не его взгляды на православие, то, во всяком случае, его научные интересы. Зато в Риме он оказался тесно связан с русскими эмигрантами, перешедшими в католичество: профессором В. Н. Забугиным, бывшим православным священником Сергием Веригиным, будущим греко-католическим экзархом Леонидом Федоровым, с которыми его объединяло участие в проектах организации несостоявшейся католической миссии в Россию и устройство первой русской католической церкви в Риме (Т. 2. Р. 439–478; Спар. 18). Проекты миссии (Т. 2. Спар. 17) и планы ведения проповеднической деятельности среди православных оказались несбыточными, хотя Кирилл Королевский на протяжении многих лет готовился к поездке в Россию, изучал русский язык, много путешествовал по Восточной и Западной Европе. Неудивительно, что приводимые в «Knige bytija» и в переписке сведения о духовенстве восточных католических и православных Церквей, а также о старообрядцах Белокриницкой иерархии, упоминания о многочисленных знакомствах с христианами восточного обряда как в Риме (прежде всего в Греческой коллегии св. Афанасия, где К. Королевский некоторое время преподавал, и в василианском монастыре Гроттаферрата), так и во время

путешествий на Ближний Восток и на Балканы, отличаются невероятным разнообразием.

Из-за невозможности отправиться с проповедью католицизма в Россию К. Королевский был вынужден до конца жизни оставаться в Риме, где он с увлечением посвятил себя изучению богатых архивных собраний (прежде всего документов Конгрегации пропаганды веры), участвуя в подготовке задуманной митрополитом Андреем Шептицким многотомной публикации источников об униатстве на польско-литовских землях. В собранных и опубликованных Дж. М. Кроче материалах (см.: Т. 2. Chap. 17: *La Mission historique ruthène*, а также многочисленные письма) содержатся сведения о процессе подготовки одного из важнейших изданий текстов по церковной истории не только Украины и Польши, но и всей Восточной Европы — «*Monumenta Ucrainae historica*» (Vol. 1–14), осуществленное монахами-василианами⁶ уже после смерти К. Королевского по собранным им для Андрея Шептицкого материалам. Начатые тогда исследования заложили основу серии «*Documenta ex archivis Romanis*».

Чрезвычайно широко представлена в новой публикации и история научной, преподавательской и публицистической деятельности К. Королевского (Т. 2. Chap. 16). Оставаясь в Риме, он задумал основать новое периодическое издание, в котором обсуждались бы вопросы, относящиеся к восточным Церквам и обрядам (посвященное в первую очередь изучению «тех Церквей, которые получили веру, литургический обряд и каноническую дисциплину из Византии»). Первоначальный проект Андрея Шептицкого, задумавшего «Журнал византийских Церквей», не был осуществлен, и в 1923 г. К. Королевский основал бюллетень «Студион», который должен был освещать различные аспекты жизни восточных христиан (Т. 3. Doc. 88, 99, 111, 133, 202, 236, 280 и др.). В этот период о. Кирилл помимо собственно ученых занятий посвящал значительную часть своего времени написанию отзывов на книги, информированию читателей «Студиона» о важнейших событиях церковной жизни. Пытаясь собрать деньги, чтобы приобрести в Риме участок земли, построить на нем церковь в подлинно византийском стиле и создать «восточный» центр, он с удвоенной силой брался за оплачиваемую гонорарами работу в «Словаре церковной истории и географии» (Т. 3. P. XL–XLI), обогатив это издание статьями, основанными порой на предварительных архивных изысканиях о восточных Церквах, монастырях Афона, церковном устройстве и литургии итало-албанцев, известных церковных деятелях, василианском ордена (Т. 5. P. 70–74). Работы Королевского выходили в научных и церковных периодических изданиях, а очерк об униатстве, опубликованный в 1927 г. в серии «Иреникон» (*Irenikon*, бенедиктинский монастырь Амэ-сюр-Мюз), до сих пор оценивается как программный, ставящий задачи по возрождению восточной литургической традиции внутри католической Церкви (см. письма: Т. 4. Doc. 407А и др., P. 1284, Not. 2696; Doc. 417)⁷.

Среди важных событий, отраженных в опубликованных документах и автобиографии, следует назвать основание в Риме коллегии Руссикум для подготовки проповедников католицизма, готовых отправиться в Россию,

деятельность папского Восточного института (Т. 2. Р. 479 и сл.) и папской комиссии Pro Russia. В издание вошла переписка Королевского с Мишелем д'Эрбиньи, первым президентом института, несколько раз побывавшим в Советской России для ведения переговоров с властями и рукоположения католических иерархов, в 1930-х гг. являвшимся председателем комиссии Pro Russia (к работе которой Королевский привлекался в качестве консультанта). В своих мемуарах К. Королевский подробно описал празднование в 1907 г. 1500-летия со времени упокоения свт. Иоанна Златоуста (Т. 2. Спар. 13). Оно еще больше усилило внимание и интерес к восточной традиции в католических кругах: византийская литургия тогда служилась в присутствии папы⁸. К. Королевский сообщает также о своем возмущении в связи с публикацией в журнале «Roma e l'Oriente» нашумевшей статьи-манифеста «Мысли по вопросу об унии Церквей» востоковеда и теолога принца-аббата Макса фон Саксена (Т. 2. Спар. 15), приведшей Королевского к разрыву с аббатством Гроттаферрата, и о том, как готовились богословские труды Аурелио Пальмиери, который с готовностью взялся за задуманное Андреем Шептицким «открытие для Запада русского богословия» (Т. 2. Спар. 19, особ. Р. 506–509).

Порой «Kniga bytija» превращается почти в приключенческий роман: в ней описываются подозрения в шпионаже, волновавшие общество (церковное и научное), скандалы, разнообразнейшие и порой весьма загадочные интриги, печальные события военного времени, когда и сам Кирилл Королевский — француз, состоящий в юрисдикции униатского митрополита из Австро-Венгрии, но призванный во французскую армию в чине капрала, оказался лицом подозрительным и был арестован. Впрочем, и с Андреем Шептицким, при всем пиетете по отношению к нему, К. Королевский расходился в политических взглядах: французский священник возмущается униатами и их «сепаратизмом» и в какой-то момент начинает надеяться на единение Галиции с «новой», по мнению Королевского, если еще не готовой к принятию католицизма, то уже и не враждебной ему Россией (Т. 2. Р. 627, см. Спар. 20, посвященную времени Первой мировой войны). Документы, опубликованные Дж. М. Кроче, станут, по всей видимости, одним из основных источников для серьезного изучения политической и церковной деятельности владыки греко-католической Церкви, его взглядов и методов их проведения в жизнь.

Благодаря К. Королевскому и предпринятому им вместе с кардиналом Э. Тиссераном путешествию по Юго-Восточной Европе, библиотеки Ватикана и папского Восточного института пополнились ценнейшими изданиями. Для Ватиканской библиотеки была приобретена важная коллекция документов собрания великого логофета Константинопольского патриархата Ставракиса Аристархиса — списки с документов по истории Константинопольского патриархата и небольшой фонд подлинников (см.: Т. 2. Р. 417–418 и письма).

Издание мемуаров и писем ученого-литургиста направлено на изучение и сохранение документов, свидетельств современников о целой эпохе в истории католической Церкви, наступившей после папской энциклики

«Orientalium dignitas» 1894 г., которой восточный обряд был официально признан равночестным латинскому (о роли этого документа Королевский пишет в главе «Ретроспективный взгляд на Восточные Церкви в Азии...» — Т. 1. Chap. 12). Опубликованные свидетельства позволяют представить, как в то сложное для Восточных Церквей время (и особенно тяжелое для Русской Православной Церкви, подвергавшейся вместе с другими конфессиями жестоким преследованиям со стороны советской власти) западный мир стремился не только к обращению православных в католицизм, но и искал иные пути сближения с ними.

Публикация поражает тщательностью обработки архивных материалов и широтой источниковой базы. Автобиография издана по рукописи, хранящейся в Ватиканской библиотеке, остальные материалы происходят из архивов папского Восточного института, Конгрегации по делам Восточных Церквей⁹ (так с 1967 г. называется бывшая Congregatio pro Ecclesia Orientali, где хранятся многочисленные доклады и записки, подготовленные К. Королевским), Греческой коллегии св. Афанасия, Руссикума, аббатств Гроттаферрата и Шевтонь, Ассоциации друзей кардинала Тиссерана (Монферрер) и многих других рукописных собраний разных стран (в изданные тома вошла не вся корреспонденция Кирилла Королевского, но в первую очередь та ее часть, которая важна для основной темы — истории отношения Запада к Восточным Церквам). К сожалению, Дж. М. Кроче были недоступны письма Королевского, оказавшиеся среди других документов в фонде Postulazione к беатификации Андрея Шептицкого в Украинской папской коллегии свт. Иосафата на Яникуле.

К. Королевский подчинил свою жизнь «работе ради идеи» (Т. 1. P. XXVII; Т. 4. Doc. 594), ради «дела Восточной Церкви», что в его понимании тогда было в первую очередь борьбой за признание восточного (византийского) обряда. Взгляды Королевского подчас не находили понимания у окружающих (в том числе и в Римской курии), но он не заботился ни о церковной, ни о научной карьере. Отмечу, что даже труд о мельхитах (оставшийся, как и воспоминания, неоконченным) Королевский вынужден был публиковать за свой счет (Т. 2. P. 462, 470). В конце жизни он оказался одинок, потеряв надежду увидеть реализованными идеи и планы, свои и митрополита Андрея Шептицкого, жизнеописание которого стало одной из последних написанных К. Королевским работ. Его автобиография и архив — это не только свидетельства «истории частной жизни» священника, консультанта курии, или хроника его научных занятий. В них, а также в обширной переписке отражены контакты Римской Церкви с христианским Востоком и с православием в конце XIX — середине XX в. и изменение всей «католической культуры»¹⁰: от опирающегося на политическую поддержку прозелитизма к признанию и изучению восточного обряда, к современному экуменическому движению и, наконец, к диалогу двух Церквей.

*В. Г. Ченцова, кандидат исторических наук
(Институт всеобщей истории РАН)*

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Croce G. M.* Alle origini della Congregazione Orientale e del Pontificio Istituto Orientale. Il contributo di mons. Louis Petit // *Orientalia Christiana Periodica*. 1987. Vol. 53. P. 257–333 (= *The Pontifical Oriental Institute: the First Seventy-Five Years, 1917–1992*. Rome, 1993. P. 147–207); *idem.* La Congregazione basiliana d'Italia nell'eta moderna e contemporanea // *Il monachesimo italiano dal Vaticano I al Vaticano II*. Atti del III Convegno di studi storici sull'Italia benedettina. Cava de' Tirreni, 3–5 settembre 1992. Césène, 1995. P. 195–269; *idem.* Les Églises Orientales // *Histoire du christianisme*. T. IX: L'âge de raison. Paris, 1997. P. 539–612; *idem.* Le Saint-Siège et la Conférence de la Paix (1919). Diplomatie d'Église et diplomaties d'état // *Mélanges de l'École Française de Rome. Italie et Méditerranée*. 1997. T. 109(2). P. 793–823; *idem.* Giuseppe Cozza-Luzi, monaco e abate di Santa Maria di Grottaferrata. Con appendice di documenti inediti // *L'abate Giuseppe Cozza-Luzi, archeologo, liturgista, filologo, tra Bolsena, Grottaferrata e Roma*. Atti della giornata di studio, Bolsena, 6 maggio 1995. Grottaferrata; Bolsena, 1998. P. 20–117; *idem.* Deux Romains de France au service de l'Orient chrétien: Cyrille Korolevskij et Eugène Tisserant // *Le Cardinal Eugène Tisserant (1884–1972)*. Une grande figure de l'Église, une grande figure française. Actes du colloque international. Toulouse, 2003. P. 25–31; *idem.* André Szeptyckyj et Aurelio Palmieri d'après leur correspondance inédite (1907–1914) // *Eukosmia*. Studi miscellanei per il 75° di Padre V. Poggi, S. J. Roma, 2003. P. 159–168; *idem.* De la Propaganda Fide a la Congrégation pour les Églises Orientales. Une période d'incompréhension romaine de l'Orient orthodoxe // *Catholiques et orthodoxes dans le sillage de Balamand*. Paris, 2004. P. 181–199; *idem.* Monde hellène et chrétienté romaine. L'union introuvable (1878–1903) // *Ricerche di storia sociale e religiosa*. 2004. Vol. 66. P. 29–61 (= *Le Pontificat de Léon XIII. Renaissances du Saint-Siège?* Rome, 2006 (Collection de l'École française de Rome, t. 368). P. 151–183).
- ² *Croce G. M.* La Badia greca di Grottaferrata e la rivista «Roma e l'Oriente». Cattolicesimo e ortodossia fra unionismo ed ecumenismo (1799–1923). Citta di Vaticano, 1990. T. 1–2. (LVII+364, 890 p.).
- ³ *Croce G. M.* Le Saint-Siège, l'Église Orthodoxe et la Russie Soviétique. Entre mission et diplomatie (1917–1922) // *Mélanges de l'École Française de Rome. Italie et Méditerranée*, 1993. T. 105. P. 267–295; *idem.* L'Orthodoxie en tant que frontière orientale de l'Europe // *Europe, Its Borders and the Others*. Napoli, 2000. P. 163–175; *idem.* Fonti archivistiche vaticane sulle relazioni tra Russia e Santa Sede (1878–1922) // *Santa Sede e Russia da Leone XIII a Pio XI*. Atti del Simposio organizzato dal Pontificio Comitato di Scienze Storiche e dall'Istituto di Storia Universale dell'Accademia delle Scienze di Mosca. Mosca, 23–25 giugno 1998. Citta del Vaticano, 2002. P. 21–32; *idem.* Santa Sede e Russia sovietica alla Conferenza di Genova // *Cristianesimo nella storia*. 2002. Vol. 23. P. 345–365.
- ⁴ Archivio Segreto Vaticano. Profilo storico e silloge documentaria. Firenze, 2000. P. 268–269.
- ⁵ *Кроче Дж. М.* Ватиканские архивные источники об отношениях между Россией и Святым Престолом (1878–1922) // *Россия и Ватикан в конце XII – первой трети XX века*. М., 2002. С. 25–38; *его же.* Святой Престол и Советская Россия на Генуэзской конференции // *Иоанн XXIII и современный мир: Христианское свидетельство, сосуществование и сотрудничество* / Отв. ред. А. А. Красиков, А. Меллони. М., 2002. С. 41–67.
- ⁶ См. предисловие преемника митрополита Андрея Шептицкого на Галицкой кафедре Иосифа Слипого к изданию «*Monumenta Ucrainae historica*». Roma, 1964.

Vol. 1. P. V–VIII. См. также: *Welykuj Ath. G. Preface // Epistolae Josephi Velamin Rut-skyj, Metropolitae Kioviensis catholici (1613–1637) / Colleg. R. P. Th. T. Haluščynskyj, P. Ath. G. Welykyj // Analecta Ordinis Sancti Basilii Magni. Series II. Sectio III. Romae, 1956. Vol. 1. P. VII–VIII.*

- ⁷ *Taft R. F. Eastern Catholic Theology. Slow Rebirth after a Long and Difficult Gestation // Eastern Churches Journal. 2001. Vol. 8(2). P. 58–59.* Отмечу, впрочем, что в некоторых современных публикациях, посвященных восприятию и изучению восточного обряда и православия в Италии, имя Шарона—Королевского оказалось несправедливо забытым. См.: *Cazzago A. Il cristianesimo orientale e noi: La cultura ortodossa in Italia dopo il 1945. Milano, 2008.*
- ⁸ Кирилл Королевский опубликовал свой отзыв об этом событии отдельной книгой: *Charon C. Le quinzième centenaire de s. Jean Chrysostome (407–1907) et ses conséquences pour l'Action catholique dans l'Orient Gréco-slave. Rome, 1909.* См. также автобиографию: Т. 2. P. 25–59.
- ⁹ Ныне *Congregatio pro Ecclesiis Orientalibus.*
- ¹⁰ Ср. оценку, данную работам Дж. М. Кроче, в рецензии: *Faggioli M. «Al servizio della causa orientale»: L'edizione della «Storia della mia vita» di Cyrille Korolevskij // Cristianesimo nella storia. 2008. Vol. 29/1. P. 205.*

Степченков Л. Л.
Смоленская епархия (1776–1917 гг.)*

Работа Л. Л. Степченкова стала большим вкладом в изучение истории Смоленской епархии. Во вступлении исследователь рассмотрел библиографические работы, в которых нашли отражение церковно-исторические публикации о Смоленщине, а также систематизировал данные об архивных фондах. Первая глава включает перечень публикаций о епархиальной жизни. В ней выделены следующие разделы: «Жития смоленских святых», «Журналы епархиальных съездов и совещаний», «История Смоленской епархии», «Нормативные документы», «Отчеты и сметы», «Персоналии», «Труды по вопросам православия, составленные уроженцами Смоленщины или лицами, служившими на ее территории». Кроме выходных сведений приводится информация о месте первой публикации, рецензиях, рекомендациях для библиотек и другие данные, характеризующие значимость включенных в каталог публикаций. Благодаря хорошему знанию Степченковым местных материалов в научный оборот были введены малоизвестные издания. Для некоторых книг были установлены авторы и тиражи изданий.

Во второй главе «Биографические сведения об авторах», составляющей около 70% общего объема, собраны биографические сведения о людях, внесших свой вклад в изучение истории Смоленской епархии. Хотелось бы отметить, что в издании «Смоленская область. Энциклопедия» (Т. 1. Персоналии. Смоленск, 2001) представлено лишь 14 из 88 авторов, выявленных Степченковым. Некоторые персоналии общеизвестны, о них Степченков приводит новые, не упоминавшиеся в литературе сведения. Например, мало кто знает о поездках в Смоленск обер-прокурора Святейшего Синода К. П. Победоносцева и опубликованных здесь его работах. Однако основное внимание в книге уделено менее известным авторам. Так, Степченкову удалось подробно осве-

* *Степченков Л. Л.* Смоленская епархия (1776–1917 гг.): Библиографический указатель. Смоленск: Коллекция, 2008. 324 с., ил.

тить биографию Н. В. Трофимовского, составившего в 1864 г. «Историко-статистическое описание Смоленской епархии». В процессе работы над книгой Степченков обнаружил новые сведения о жизни архиепископа Дамиана (Воскресенского), ректора Смоленской Духовной семинарии (1911–1918 гг.), который был включен в Собор новомучеников и исповедников Российских. Также были выявлены биографические сведения об авторах, репрессированных в 1920–1930-х гг.

Представляют интерес и 2 приложения, посвященные «Смоленским епархиальным ведомостям», которые выпускались в 1865–1918 гг. В первом приложении приведены сведения о редакторах и типографиях, во втором опубликован краткий отчет об издании «Ведомостей» в 1902–1911 гг. Впервые представлены данные по годовому объему издания, его тиражу, числу подписчиков, типографским расходам, величине авторских гонораров.

*В. Л. Герасимов, кандидат исторических наук
(Военно-энциклопедическое управление
Института военной истории
Министерства обороны Российской Федерации)*

Научная жизнь

Русские ученые на российско-греческом форуме «Российско-греческие государственные, церковные и культурные связи в мировой истории»

7–11 октября 2008 г. в Афинах прошел 1-й российско-греческий форум «Российско-греческие государственные, церковные и культурные связи в мировой истории», посвященный 180-летию установления дипломатических отношений между Россией и Грецией (1828–2008 гг.). Организаторами выступили компания Pommel Holdings Inc. во главе с профессором С. Н. Головиным, потомком древнего русского рода, ведущего свое начало от пришедших на Русь представителей греческих князей Феодоро, и Центр европейских исследований и наук «Иоаннис Каподистриас». Большое значение для организаторов форума имела поддержка посла России в Греции А. В. Вдовина.

Приветствие участникам форума от имени Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II огласил епископ Венский и Австрийский Иларион (Алфеев). Святейший Патриарх подчеркнул, что Русская Православная Церковь «всегда была и остается горячей сторонницей углубления сотрудничества между Россией и Грецией, поскольку видит в этом залог сохранения христианского основания европейской цивилизации и средство достижения согласия в нашем общеевропейском доме». Приветствие от имени Российской академии наук, подписанное и. о. Президента РАН академиком А. Д. Некипеловым, было представлено ученым секретарем Отделения историко-филологических наук РАН кандидатом исторических наук А. Е. Петровым. Он отметил, что «с Грецией неразрывно связано возникновение славянской письменности и Крещение Руси в X в. С именами греческих просветителей — распространение в России выдающихся книжных памятников богословия, философии, литературы». Ученые Российской академии наук убеждены, что «в современном мире именно наука и образование определяют облик цивилизации».

В форуме приняли участие 250 делегатов. Среди них депутаты парламентов двух стран, представители посольств, Министерств иностранных дел Российской Федерации и Греции, Министерств образования России и Греции, ученые из институтов РАН, профессора ведущих университетов России

и Греции, представители Русской и Элладской Церквей, руководители и специалисты ведущих российских и греческих компаний, крупных банков, общественных организаций. В рамках форума 8–9 октября в Центре Запшио проводилась Международная научная конференция «История российско-греческих отношений и перспективы их развития в XXI веке», посвященная истории развития политических, экономических, культурных и церковных связей России и Греции за последнее тысячелетие. Особенно заметный вклад в работу конференции внесли российские ученые — историки и филологи, которые представляли институты РАН.

Первая тематическая часть «Культурно-политические и дипломатические отношения России и Греции» включала доклады по истории русско-греческих отношений. В заседании «Межкультурные отношения — общая история» с российской стороны представили доклады доктор философских наук *В. В. Мильков* (Институт философии РАН) («Традиции греческой классической философии в Древней Руси»), кандидат исторических наук *П. В. Лукин* (Институт российской истории РАН, далее — ИРИ РАН) («Древнерусские политические институты в греческих и славянских источниках IX–XIII в.»), доктор филологических наук *К. А. Максимович* (Институт русского языка имени В. И. Виноградова РАН) («Греко-римское право в Древней Руси»), кандидат исторических наук *А. Е. Петров* («Русско-греческие связи в XIV в.: идеология и повседневность»), доктор исторических наук, член-корреспондент РАН *И. П. Медведев* (Санкт-Петербургский Институт истории РАН) («Жидкий огонь византийцев»), доктор исторических наук *М. В. Бибииков* (Институт всеобщей истории РАН, далее — ИВИ РАН) («Посольские и культурные русско-греческие связи X–XVII вв.»). А. Е. Петров подробно рассмотрел русскую рецепцию исихазма, отметив, что усвоение греческого наследия далеко не всегда оказывалось синхронным соответствующему явлению в греческой жизни. Доклад К. А. Максимовича был посвящен восприятию римско-византийского права в Древней Руси, соотношению русского обычного права («Русская правда») и юридической традиции Византии, в которой правовая система строилась с учетом церковных канонов и которая вплоть до XVII в. оказывала большое влияние на развитие российского судопроизводства. М. В. Бибииков проследил эволюцию восприятия образа Руси по византийским посольским, светским и церковным актам. От образа варварского племени, безбожного и жестокого, в IX–X вв. (Фотий, Продолжатель Феофана и др.) византийцы пришли к образу истинно христианского народа, оплота православия (Никита Хониат, Патриарх Герман). В поздневизантийских и поствизантийских текстах создавались своеобразные «каталоги» православных народов — ближайших союзников Византии, в число которых неизменно входили русские.

В следующем тематическом разделе «Православие и православное искусство в российско-греческих отношениях» прозвучал доклад доктора исторических наук *А. В. Назаренко* (ИВИ РАН) «Византийские иерархи на русских кафедрах в домонгольское время», где оспаривалось существующее мнение о том, что греческие иерархи на кафедрах Руси были неким чуждым

феноменом. С докладом «Отношения России с греческим православным миром в XVI в.» выступил доктор исторических наук, член-корреспондент РАН *С. М. Каптанов* (ИВИ РАН), который также представил книгу «Россия и греческий мир в XVI в.». Доктор исторических наук *Л. В. Столярова* (ИВИ РАН) рассказала об обмене дарами между русским правительством и Афоном в XVI в. Основная идея выступления доктора исторических наук *Н. Н. Лисового* (ИРИ РАН) состояла в сравнительном анализе двух конкурирующих моделей православного единства — моноэтнического греческого единства, при котором патриархаты представляют систему «сообщающихся сосудов» во главе с Константинопольским (Вселенским) Патриархом, и российскую систему церковного единства равноправных Поместных Церквей под эгидой Российской православной империи. В докладе доктора филологических наук *Е. Л. Конявской* «Греческая чудотворная икона на Руси» были проанализированы древнерусские письменные памятники, дающие представление о русской рецепции почитания греческих чудотворных икон. Кандидат экономических наук *Д. В. Зубов* (Императорское православное Палестинское общество) рассказал о собрании актов Афонского русского Свято-Пантелеймонова монастыря. Из докладов представителей Греции особенно запомнились выступления посла *Э. Мегалокономоса* «Патриарх Иерусалимский Досифей и Николай Спафарий в XVII в.» и *К. Папулидиса* «Участие греков в образовании русских: Вулгарис, Псаллидас и др.».

На второй день конференции докладчики обратились к истории русско-греческих отношений как фундаменту сегодняшнего сотрудничества. Так, *В. И. Якунин*, глава ОАО «Российские железные дороги» и попечительских советов Фонда Андрея Первозванного и Центра Национальной славы России, говорил об истории тесного взаимодействия народов двух стран, роли православия в истории греков и русских, создавшего между ними духовную связь. Вице-президент Фонда Андрея Первозванного и Центра Национальной славы России *М. И. Якушев* рассказал о роли России в деле создания греческой государственности в 1-й половине XIX в. Состоялась презентация книги *В. И. Якунина*, *Д. Капура* и *Н. Папаниколау* «Диалог цивилизаций в современную эпоху».

В рамках форума в Центре Зашио при поддержке Российского клуба православных меценатов проводилась выставка «Мерная икона: история и современность», на которой экспонировалось несколько мерных икон XVII–XIX вв., фотокопии древних икон и 11 работ современных иконописцев. В день форума, свободный от заседаний, после молебна в русском храме Афин российские ученые посетили церковь св. Иоанна Русского на острове Эвия. В завершении форума было принято решение проводить его ежегодно.

*Е. Л. Конявская, доктор филологических наук
(Журнал «Древняя Русь. Вопросы медиевистики»)*

Шестые Каптеревские чтения

27–28 октября 2008 г. в Институте всеобщей истории РАН (ИВИ РАН) состоялись 6-е ежегодные Каптеревские чтения, посвященные памяти выдающихся отечественных исследователей истории греческо-русских связей Н. Ф. Каптерева и С. А. Белокурова. Организатором чтений выступил Центр истории восточнохристианской культуры ИВИ РАН. На конференции, традиционно объединяющей специалистов по русско-греческим связям XVII столетия и других периодов, особое внимание уделяется истории религиозных контактов.

Доклад *Д. А. Морозова* (Москва) был посвящен проблеме датировки древнейшей арабской рукописи Евангелия, фрагмент которого хранится в Санкт-Петербурге, в Библиотеке Российской академии наук. Автор установил, что эта рукопись относится к 873 г., а не к 859 г., как считалось ранее. *Е. М. Беленькая* (Москва) проанализировала краткое Житие св. Феодоры, императрицы константинопольской, из собрания житий свт. Димитрия Ростовского. Памятник восходит к греческому оригиналу. При сопоставлении греческого и русского текстов было установлено, что в редакции из собрания житий Димитрия Ростовского многие детали были опущены. Краткое Житие св. Феодоры имеется и в Прологе (Пролог. Декабрь, январь, февраль. М., 1787. С. 796.), где содержатся те же сведения, что и в собрании житий свт. Димитрия.

С. Н. Кустерев (Москва) обратился к рукописной традиции послания Константинопольского Патриарха Луки Хрисоверга князю Андрею Боголюбскому. Текстологический и языковой анализ сохранившихся списков источника привел автора к выводу, что в XV или в начале XVI в. был изготовлен новый перевод послания с оригинальной греческой рукописи. Именно он нашел отражение во всей последующей рукописной традиции. В докладе *П. И. Гайдено* (Казань) был поднят вопрос о перспективах изучения древнейшего периода истории Русской Православной Церкви. Среди наиболее приоритетных для исследования проблем названы хронология истории

Русской Церкви в Киевской Руси, организация епархиального управления и приходской жизни, монастырское управление и хозяйство, связи русских обитателей XI–XII вв. с Западной Европой и Византией. Решение этих вопросов осложняется тем, что до настоящего времени не выработаны методические принципы изучения церковной истории. Она смешивается с культурологией и историей государства. Это приводит к тому, что современные работы и учебники по культурологии переполнены различными мифологемами.

Н. П. Чеснокова (Москва) представила обзор источников по вопросу о связях христианского Востока и России в середине XVII в. Доклад *В. Г. Ченцов* (Москва) был посвящен анализу почерков писцов Антиохийского патриарха Макария. Большая часть грамот патриарха Макария, отосланных им в Россию до и после его путешествия в Москву, а также грамоты, доставленные спутниками Макария, были подготовлены в метохах Святого Гроба писцами, связанными с Иерусалимским Патриархом Паисием. Это заключение подтверждается свидетельствами записок Павла Алеппского. В числе других каллиграфов, готовивших грамоты для патриарха Макария, особое внимание обращает на себя протосинкелл Антиохийского престола Даниил, написавший большую группу греческих документов.

Ю. Э. Шустова (Москва) подняла вопрос о распространении книг типографии Львовского ставропигийного братства на христианском Востоке во 2-й половине XVII в. В своем исследовании она использовала реестры продажи книг братства. Оказалось, что особо уважаемым церковным иерархам книги из братской типографии дарились. К примеру, по просьбе Иерусалимского Патриарха Нектария в Иерусалим было подарено 50 книг на сумму 362 злотых. Особое место среди получателей львовских книг занимали Афонские монастыри. *М. В. Дмитриев* (Москва) рассмотрел вопрос о влиянии текстов, приписываемых св. Дионисию Ареопагиту, на религиозные взгляды протопопа Аввакума. Исследователь пришел к выводу, что за агрессивными атаками Аввакума на внешнюю «эллинскую» мудрость, философию, образованность и рационализм стоит обращение к апофатической традиции богословия и упрощенное прочтение сочинений, приписываемых св. Дионисию Ареопагиту, а вовсе не апология невежества.

Выступление *С. К. Севастьяновой* (Рубцовск) было посвящено анализу риторических приемов, использованных Патриархом Никоном в переписке с современниками. *Л. А. Тимошина* (Москва) обратилась к проблеме перевода в Посольском приказе грамот греческих патриархов (1682 г.). Были проанализированы послания Константинопольского Патриарха Иакова, Александрийского Парфения и Иерусалимского Досифея царю Федору Алексеевичу (к тому моменту уже умершему) с поздравлениями по поводу утверждения турецким султаном Бахчисарайского перемирия. Послания переводил Константин Христофоров, занимавший второстепенное положение в иерархии переводчиков Посольского приказа. Подготовленные им черновики были трудны для чтения и понимания. При подготовке белого перевода сотрудники Посольского приказа стремились не столько точно воспроизвести написанное К. Христофоровым, сколько сделать перевод удобным для чтения, и поэтому

просто опускали непонятные выражения и целые строки, заменяя их понятными. Таким образом, отложившиеся в архиве Посольского приказа русские переводы греческих грамот не всегда передают адекватным образом содержание оригиналов. В докладе *И. А. Вознесенской* (Санкт-Петербург) по материалам фондов Синода в Российском государственном историческом архиве освещена история греко-латинских школ в России 20–30-х гг. XVIII в. Исследовательница пришла к выводу, что школы в России до середины 1730-х гг. были доступны практически для всех сословий, несмотря на предпринимавшиеся попытки создать систему узко сословных школ и исключить из образовательного процесса крестьян. Только в 1736 г. по указу императрицы Анны Иоанновны был «учинен разбор» епархиальных или архиерейских школ, и обучение в этих школах детей не духовного сословия было окончательно запрещено.

М. А. Маханько (Москва) выступила с сообщением «Образ св. Закхея и его место в росписях Успенского собора Богородицкого монастыря в Свяжске». Проанализировав традицию изображения сщмч. Закхея в русском религиозном искусстве, исследовательница предположила, что появление образа этого святого в росписях монастырского собора в Свяжске и сопоставление его с образами столпников и иноков связаны с византийскими традициями иллюстрирования литургических песнопений. Житийная иконография вмч. Никиты в древнерусском искусстве XVI–XVII вв. стала темой выступления *Е. М. Саенковой* (Москва), отметившей, что почитание св. Никиты было распространено уже в эпоху Киевской Руси. Древнерусская иконография святого следовала византийской традиции, воспроизводя популярный в XI–XII в. облик молодого воина с темными длинными волосами и небольшой густой бородой. С XVI в. в иконописи как отдельный самостоятельный сюжет распространилось изображение побиения вмч. Никитой беса. В тот же период происходило сложение житийной иконографии вмч. Никиты. Взлет интереса к образу святого связан со строгановской художественной школой. Вмч. Никита был небесным покровителем одного из Строгановых — Никиты Григорьевича. Широкое почитание св. Никиты повлияло на распространение в XVI–XVII вв. его житийных икон, иконографические программы которых ориентированы на различные версии Жития святого.

На конференции прозвучали 3 доклада, не связанные с церковной тематикой: *М. В. Бибикова* (Москва) «Византийская Каппадокия: Основные направления геополитического развития», *С. М. Шамина* (Москва) «Кандийская война в курантах 1660–1670 гг.» и *А. Д. Шаховой* (Москва) «Греческие палаты Большого Посольского двора в Москве». Материалы конференции опубликованы (Каптеревские чтения 6. Сб. статей. М., 2008).

С. М. Шамин, кандидат исторических наук
(Институт русского языка имени А. С. Пушкина)

Содержание

Памяти Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II 3

ПУБЛИКАЦИИ

Маштафаров А. В. Синодик Благовещенского собора Московского Кремля 11
Шамин И. Н. Преподобный Иннокентий Комельский и основанный им монастырь 26
Пигин А. В. (Петрозаводск). Литературные сочинения о преподобном Пахомии Кенском, Каргопольском чудотворце 100

ИССЛЕДОВАНИЯ

Флоря Б. Н. Митрополит Иосиф (Тукальский) и судьбы православия в Восточной Европе в XVII веке 123
Кузьминова Е. А., Николенкова Н. В. Грамматика церковнославянского языка Ивана Иконника: история создания 148
Саввин Д. В. (Санкт-Петербург). Епископ Селенгинский Софроний (Старков): архипастырь эпохи великих перемен и потрясений 173

ИЗ ИСТОРИИ ДУХОВНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

Мангилева А. В. (Екатеринбург). «Шесть лет в Крутогорской семинарии»: Воспоминания «Крутогорца» (Ивана Андреевича Ардашева) 205
Шкаровский М. В. (Санкт-Петербург). Санкт-Петербургские (Ленинградские) духовные школы во 2-й половине XX — начале XXI века (*окончание*) 259

КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ, НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Динеева О. В. Статьи по истории Русской Православной Церкви из неперiodических изданий, поступивших в Государственную публичную Историческую библиотеку России во 2-м полугодии 2006 года 269

НОВЫЕ КНИГИ

Новые книги по истории русского иконописания 319
Турилов А. А. Старые заблуждения и новые «блохи» 321
Орленко С. П.— *Опарина Т. А.* Иноземцы в России XVI—XVII веков 362
Ченцова В. Г.— *Королевский К.* Книга бытия моего 366
Герасимов В. Л.— *Степченков Л. Л.* Смоленская епархия (1776–1917 гг.) 374

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Коняевская Е. Л. Русские ученые на российско-греческом форуме «Российско-греческие государственные, церковные и культурные связи в мировой истории» 376
Шамин С. М. Шестые Каптеревские чтения 379

Contents

In Memory of His Holiness Alexii II, Patriarch of Moscow and All Russia

PUBLICATIONS

- Mashtafarov A. V.* The Sinodik (Obituary) of the Annunciation Cathedral, Moscow Kremlin
Shamina I. N. St. Innokentii of Komela and His Monastery
Pigin A. V. (Petrozavodsk) Literary Compositions about St. Pakhomii of Kena (Kargopol Region)

RESEARCH

- Florya B. N.* Metropolitan Iosif Tukalskii and the Fortunes of Orthodoxy in Eastern Europe
Kuzminova Ye. A., Nikolenkova N. V. The Grammar of Church Slavonic by Ivan the Icon-Painter: History of Creation
Savin D. V. (St. Petersburg) Sofronii Starkov, Bishop of Selenginsk: A Hierarch in the Time of Major Changes and Turnabouts

ON THE HISTORY OF ECCLESIASTICAL EDUCATION

- Mangileva A. V.* (Yekaterinburg) «Six Years in the Krutogorsk Seminary»: Memoirs of «Krutogorets» — Ivan Andreevich Ardashev
Shkarovskii M. V. (St. Petersburg) Ecclesiastical Schools of St. Petersburg (Leningrad) in the Second Half of the 20th — Beginning of the 21th Century (*Finishing*)

CRITICS, BIBLIOGRAPHY, SCHOLARLY LIFE

- Dineeva O. V.* Papers on the History of Russian Orthodox Church from the Non-Periodical Editions Received by the State Historical Public Library in the Second Half of the Year 2006

NEW BOOKS

- New Books on the History of Russian «Icon» Painting
Turilov A. A. Old Delusions and New Nits
Orlenko S. P.— Oparina T. A. Foreigners in Russia in the 16th and 17th Centuries
Chentsova V. G.— Korolevskii K. The Book of My Life
Gerasimov V. L.— Stepchenkov L. L. The Diocese of Smolensk, 1776–1917

SCHOLARLY LIFE

- Konyavskaya Ye. L.* Russian Scholars at the Russian-Greek Forum «Political, Ecclesiastical and Cultural Links between Russia and Greece in the Historical Context»
Shamin S. M. Sixth Kapterev Conference

Уважаемые читатели!
Журнал «Вестник церковной истории»
можно приобрести в магазине
ЦНЦ «Православная энциклопедия»
(Москва, ул. Нижняя Сыромятническая, д. 10а, строение 1;
м. «Курская», «Чкаловская») ежедневно с 10-00 до 18-00,
кроме субботы, воскресенья и великих церковных праздников

ВЕСТНИК ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ, 1–2(13–14)/2009
Научное издание, приложение к «Православной энциклопедии»

Научные рецензенты номера:
монахиня Елена (Хиловская), А. В. Маштафаров,
И. А. Маякова, А. А. Турилов

Редактор раздела «Критика, библиография, научная жизнь» *С. М. Шамин*

Художественный редактор *И. А. Захарова*
Корректоры *Н. В. Рубецкая, О. В. Хабарова*
Набор *Н. В. Кузнецова*
Верстка *И. В. Кузнецова, А. А. Сурина*

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия
ПИ № ФС77–23748 от 23 марта 2006 г.

ISSN 1818–6858
Подписано в печать 12.06.2009. Формат 70×100/16. Гарнитура Petersburg.
Тираж 500 экз. Заказ .
Адрес издателя и редакции: 105120, Москва, ул. Нижняя Сыромятническая, д. 10а, с. 1.